РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Редакторы:

А.К.САВИЦКІЙ - Ю.А.ТОПОРКОВЪ

ПАРИЖЪ

А 11972

РУССКІЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

№ I

Редакторы:
А.К. Савицкій - Ю.А. Топорковъ

Парижъ
1948

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Существованіе за рубежомъ нашей родины обширнѣйшихъ и богатѣйшихъ матеріаловъ по отечественной военной исторіи и старинѣ, требующихъ разработки и опубликованія, равно какъ и многочисленныхъ изслѣдователей и коллекціонеровъ, ищущихъ информаціи, вызываетъ настоятельную и спѣшную необходимость созданія спеціальнаго печатнаго органа.

Основной цѣлью изданія „РУССКАГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА" и является, какъ разъ, разработка и опубликованіе постепенно скопляющихся въ портфелѣ редакціи военно-историческихъ матеріаловъ, а также, по возможности, болѣе періодическое, чѣмъ это было до сихъ поръ, сообщеніе свѣдѣній по русской военно-исторической библіографіи, иконографіи, медалистикѣ и, вообще, - старинѣ, къ отечественной военной исторіи касательство имѣющей.

Редакція

С О Д Е Р Ж А Н І Е

Стр.

А.К. Савицкій. - Плевна, 1877-1947 ____ 3

Ю.А. Топорковъ. - Графъ де Сенъ-При (Гусаръ-каррикатуристъ) ____ 6

Списокъ Кавалерамъ Ордена Св. Александра Невскаго За Все Время Царствованія Императрицы Екатерины II-й ____ 8

Ю.Т. - Памятныя Даты, 1848-1948 ____ II

Нѣкоторыя Юбилейныя Даты на 1948-й Годъ ____ I5

Формы Русской Арміи по Оффиціальнымъ и не Оффиціальнымъ Даннымъ ____ I6

Библіографическій Отдѣлъ

I. Библіографія по Венгерскому походу походу 1849-го года ____ I8

2. Россика ____ 20

3. Новыя изданія ____ 2I

Художественный мотивъ на обложкѣ журнала инспирированъ старымъ русскимъ лубкомъ, очевидно заимствовавшимъ фигуру всадника съ одного изъ рисунковъ извѣстной древне-русской рукописи - „Житіе Св. Бориса и Глѣба".

П Л Е В Н А
(1877-1947)

Въ минувшемъ году исполнилась 70-я годовщина взятія Плевны: дата, строго говоря, - не юбилейная. Но первая историческая, т.е.50-я годовщина Плевны прошла какъ то малозамѣченной. Между тѣмъ, такія событія нашей военной исторіи, какъ битва на Невѣ (1240 года), Ледовое побоище (1242 года), Непрядва, Измаилъ, Бородино, Севастополь, Плевна хочется вспоминать почаще, не дожидаясь оффиціальныхъ юбилейныхъ датъ. Неравноцѣнность этихъ событій очевидна, но въ каждомъ изъ нихъ съ изумительной ясностью проявились величіе и мощь русскаго воинскаго духа. Измаилъ несравнимъ съ Плевной, ибо, если первый остается непревзойденнымъ образцомъ русскаго военнаго искусства, то вторая отнюдь не можетъ служить въ этомъ отношеніи блестящимъ примѣромъ. Наша стратегія и военная техника обнаружили подъ Плевной цѣлый рядъ крупнѣйшихъ недостатковъ, но и здѣсь русскіе офицеры и солдаты сумѣли покрыть родныя знамена неувядающими лаврами воинской доблести.

Припоминая основныя хронологическія даты Плевны, такъ же какъ и нѣкоторыя статистическія данныя соотношенія силъ противниковъ и ихъ потерь, мы лишній разъ убѣждаемся, что языкъ цифръ неумолимо-логиченъ и своеобразно-краснорѣчивъ, а правильно использованныя статистическіе материалы лучше всего позволяютъ сдѣлать вѣрные историческіе выводы. Хронологическія даты и статистическіе матеріалы Плевны съ достаточной ясностью указываютъ намъ теперь на крупнѣйшую стратегическую ошибку нашего главнаго командованія, заключавшуюся въ томъ, что дальнѣйшее наступленіе русской арміи къ намѣченнымъ цѣлямъ было поставлено въ прямую зависимость отъ взятія Плевны. Рутина стратегіи не позволяла оставить на флангѣ наступающей арміи укрѣпленную позицію, занятую значительными силами противника. Между тѣмъ, чтобы обезвредить Плевну не было надобности ни безрезультатно штурмовать ее, неся большія потери, ни осаждать ее 130.000-ой арміей и тѣмъ затягивать на неопредѣленное время главныя операціи. Чтобы парализовать армію Османа-паши, засѣвшую въ Плевнѣ, достаточно было бы расположить на укрѣпленныхъ позиціяхъ передъ Плевной сильный заслонъ въ 50 - 60 тысячъ человѣкъ и продолжать наступленіе главными силами къ основнымъ стратегическимъ цѣлямъ — Филиппополю и Адріанополю. Въ этомъ случаѣ Осману-пашѣ пришлось бы принять одно изъ трехъ слѣдующихъ рѣшеній : 1) самому атаковать укрѣпленныя позиціи, занятыя превосходными силами противника, 2) попытаться уйти изъ Плевны и въ этомъ случаѣ подвергнуться нападенію русскаго обсерваціоннаго корпуса въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ и 3) остаться въ Плевнѣ и тѣмъ самымъ перестать угрожать нашимъ сообщеніямъ.

Таково мнѣніе нѣкоторой части современной военной критики.

Въ эпоху русско-турецкой войны 1877-1878 гг. окончательно забыты были принципы суворовской стратегіи и тактики, да и не

было такого полководца, который сумѣлъ бы примѣнить ихъ къ совершенно новымъ условіямъ политической обстановки и техники военнаго искусства. Скобелевъ, несомнѣнно, былъ очень талантливъ, но не самобытно-геніаленъ, а нѣкоторыя личныя его особенности, скорѣе всего, помѣшали бы ему сыграть провиденціально-историческую роль второго Суворова.

О Плевнѣ мы слышали разсказы изъ устъ ея современниковъ и участниковъ. Для однихъ изъ насъ подъ Плевной сражались наши старшіе братья, для другихъ - отцы и дѣды. Для многихъ и многихъ Плевна - дорогое семейное воспоминаніе, связанное съ именами близкихъ людей.

Плевна принадлежитъ, конечно, большой исторіи, но во всякомъ, даже самомъ крупномъ историческомъ событіи есть мелочи, о которыхъ эта большая исторія умалчиваетъ. Мелочи эти легко забываются и вспомнить ихъ интересно.

М.А.Газенкампфъ, состоявшій въ свитѣ Великаго Князя Николая Николаевича, какъ разъ и сообщаетъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ такія „мелочи" о послѣднихъ часахъ Плевны.

Какъ извѣстно, раненый Османъ-паша выѣхалъ изъ Плевны въ коляскѣ.

„Великій Князь тотчасъ подъѣхалъ къ нему, подалъ руку и высказалъ ему по французски свое уваженіе къ его храбрости и славной оборонѣ Плевны; мы же всѣ въ одинъ голосъ, не сговорившись, закричали : „Браво, Османъ-паша!" Онъ былъ, видимо, очень взволнованъ такимъ пріемомъ и поручилъ своему доктору передать Великому Князю по французски (самъ онъ плохо понималъ этотъ языкъ и зналъ на немъ лишь нѣсколько словъ), что онъ тронутъ его вниманіемъ и очень благодаренъ. Послѣ Великаго Князя къ Осману подъѣзжали, называли себя, жали ему руку и говорили любезности: князь Карлъ, Непокойчицкій, Тотлебенъ и другіе старшіе генералы. Когда было названо имя Тотлебена, Османъ-паша встрепенулся, взглянулъ на него пристально, низко наклонилъ голову и съ особымъ чувствомъ отвѣтилъ на его рукопожатіе.

Затѣмъ, такъ какъ, по словамъ доктора, рана Османа-паши еще не была перевязана - Великій Князь разрѣшилъ ему ѣхать въ Плевну, на свою квартиру, и тамъ переночевать. Коляска Османа повернула обратно, а вслѣдъ за нею поѣхали шагомъ и мы. Тутъ я познакомился съ его начальникомъ штаба, Тевфикъ-пашей, котораго М.Д.Скобелевъ взялъ подъ свое покровительство и пригласилъ къ себѣ ночевать. Я сказалъ Тевфику нѣсколько комплиментовъ, но онъ былъ такъ огорченъ и разстроенъ, что отвѣчалъ полусловами, съ растерянной улыбкой.

Тутъ же мы увидѣли главную массу турецкихъ плѣнныхъ. Они стояли сплошной, безпорядочной, необозримой толпой къ югу отъ дороги. Большинство имѣло жалкій видъ и смотрѣло или мрачно или равнодушно. Но были между ними и довольныя, даже сіяющія лица. Люди, лошади, волы, повозки, пушки - все стояло въ перемѣшку. Тутъ же валялись массами брошенныя ружья, штыки,

обнаженныя шашки, сумки, мѣшки, патроны и т.п. На многихъ повозкахъ лежали раненые; около другихъ стояли толпы солдатъ, ѣвшихъ рисъ. Мы долго ѣхали среди густой толпы плѣнныхъ: они съ тупымъ равнодушіемъ, покорно разступались, давая намъ дорогу. Ни одного свирѣпаго или злобнаго взгляда ! Эти люди, которые выдержали столько мѣсяцевъ осады, которые еще сегодня утромъ съ самозабвеніемъ шли героями въ атаку, - теперь имѣли забитый, смиренный, жалкій видъ. Грустно было смотрѣть на эту подавленную несчастіемъ храбрую армію.

Вся румынская пѣхота, какая тутъ была, вразсыпную занималась грабежомъ. Тащили ружья, сумки, шашки, расхватывали турецкую рухлядь съ повозокъ, увозили на себѣ пушки. Великій Князь крикнулъ на грабителей - никакого вниманія. Два румынскихъ офицера свиты Великаго Князя оставались совершенно безучастны, пока онъ не крикнулъ имъ, чтобы немедленно уняли своихъ и потребовали къ нему старшаго начальника. Подъѣхалъ бригадный командиръ : Великій Князь жестоко распекъ его по французски и приказавъ тотчасъ же возстановить порядокъ, поѣхалъ дальше. Но, какъ я узналъ потомъ, - грабежъ не прекратился, а продолжался до поздняго вечера.

По пути къ мосту натолкнулись опять на безобразную сцену: румыны угоняли плѣнныхъ турокъ въ свой лагерь и увозили туда же брошенныя орудія. Они и подошли лишь тогда, когда все было кончено: всю тяжесть боя"[1] вынесли на себѣ 3-ья Гренадерская и часть 2-й Гренадерской дивизіи. Великій Князь подозвалъ къ себѣ румынскаго полкового командира (подполковника) и спросилъ, знаетъ ли онъ его. Получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ ему остановить своихъ и вернуть награбленныя орудія и плѣнныхъ. Румынъ, даже не приложивъ руку къ козырьку, отвѣчалъ: "C'est impossible, Monseigneur!" Великій Князь вспыхнулъ. "Quand je l'ordonne, c'est possible et que ce soit fait ! Votre nom ?"

Вскорѣ подъѣхалъ самъ князь Карлъ, которому Великій Князь и сообщилъ фамилію этого наглеца (я ее не разслышалъ). Взыскано ли съ него или нѣтъ - неизвѣстно.

Мнѣ показалось, что не только этотъ полковой командиръ, но и большинство румынскихъ офицеровъ и солдатъ были пьяны : вѣроятно, напились передъ боемъ для храбрости."

Какъ извѣстно, въ Плевнѣ въ день ея сдачи находилось 10 пашей. При раздѣлѣ военныхъ трофей и плѣнныхъ двое младшихъ пашей были уступлены румынамъ. Османъ-паша сказалъ, что этимъ двумъ пашамъ придется, по возвращеніи изъ плѣна, уйти въ отставку, какъ опозореннымъ.

„Турки вообще смотрятъ на румынъ съ величайшимъ презрѣніемъ, - пишетъ Газенкампфъ. - Румыны же, со своей стороны, очень обижены, что имъ дали только двухъ пашей, и то самыхъ

---

[1]) Имѣется въ виду послѣдній бой подъ Плевной 10-го декабря.

младшихъ: они убѣждены,наперекоръ очевидности, что намъ безъ ихъ содѣйствія, не удалось бы взять Плевну. Замѣчательное самомнѣніе !"

По оффиціальнымъ даннымъ штаба Османа-паши, сообщеннымъ русскому командованію послѣ сдачи Плевны, сдавшаяся турецкая армія состояла изъ 10 пашей, 128 штабъ-офицеровъ, 2.000 оберъ-офицеровъ, 40.000 людей пѣхоты и артиллеріи и 1.200 - конницы : всего - 43.338 человѣкъ. Эта цифра вѣрна для 9-го декабря, но въ послѣднемъ рѣшительномъ бою, 10-го декабря, пытаясь прорваться, турки потеряли еще около 6.000 человѣкъ убитыми и ранеными; кромѣ того, у нихъ было 3.600 больныхъ. Такимъ образомъ, количество плѣнныхъ, способныхъ носить оружіе, достигало 33.738 человѣкъ. Изъ 96 пушекъ, находившихся въ Плевнѣ, было сдано 77, остальныя турки успѣли закопать.

Въ бою 10-го декабря русскія войска потеряли убитыми 9 офицеровъ и 771 нижнихъ чиновъ; 1 генералъ, 48 офицеровъ и 1.226 нижнихъ чиновъ было ранено и 62 человѣка пропало безъ вѣсти. Эти потери пришлись, главнымъ образомъ, на 3-ю Гренадерскую дивизію, т.е. на полки 9-й Сибирской, 10-й Малороссійской, 11-й фанагорійской и 12-й Астраханской и на 3-ю Гренадерскую артиллерійскую бригаду. Въ значительно меньшей долѣ эти потери раздѣлила 2-я Гренадерская дивизія - полки 5-й Кіевскій, 6-й Таврическій, 7-й Самогитскій и 8-й Московскій. Во 2-й Гренадерской артиллерійской бригадѣ потерь не было.

Въ слѣдующемъ номерѣ „Вѣстника", въ отдѣльной статьѣ, мы дадимъ комментированную сводку основныхъ хронологическихъ датъ Плевны и краткія статистическія данныя соотношенія силъ противниковъ и ихъ потерь, что и позволитъ намъ сдѣлать соотвѣтствующіе выводы.

А.К. Савицкій.

ГРАФЪ ЭММАНУИЛЪ КАРЛОВИЧЪ ДЕ СЕНЪ-ПРИ
(гусаръ-карикатуристъ)

Графъ Эммануилъ Карловичъ де Сенъ - При былъ старшимъ сыномъ французскаго эмигранта, графа Армана-Эммануила-Карла де Сенъ - При (1782 - 1863), или, какъ называли его въ Россіи, - графа Карла Францовича Сенъ-Пріеста, человѣка образованнаго, уважаемаго и любимаго въ русскомъ обществѣ. Принадлежавшій въ Россіи къ административной школѣ извѣстнаго своей полезной дѣятельностью герцога Э.О. де Ришелье, графъ К.Ф.де Сенъ-При былъ одно время подольскимъ и волынскимъ губернаторомъ (въ 1812-мъ году),а затѣмъ новороссійскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ Херсонѣ. Онъ былъ женатъ на фрейлинѣ Высочайшаго Двора, княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ Голицыной (1777 - 1814). Отъ этого брака у него было два сына и дочь.

Старшій сынъ, графъ Эммануилъ Карловичъ, получилъ воспитаніе въ школѣ аббата Николя, въ Одессѣ (впослѣдствіи Ришельевскій лицей), пользовавшейся въ ту пору большой извѣстностью и куда многія русскія аристократическія семьи отдавали на воспитаніе своихъ дѣтей. Выйдя изъ этой школы, Эммануилъ Карловичъ поступилъ на военную службу, опредѣлившись юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ.

Въ этомъ полку, 16-го мая 1825-го года онъ былъ произведенъ изъ портупей-юнкеровъ въ корнеты и въ сентябрѣ того же года переведенъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, расположенный въ то время въ Кіевской губерніи, въ мѣстечкѣ Трояново. Истинная причина, почему корнетъ графъ де Сенъ-При былъ переведенъ изъ гвардіи въ армію, намъ не извѣстна; но можно съ увѣренностью сказать, что переводъ этотъ явился слѣдствіемъ не въ мѣру живого характера молодого графа.

Этотъ „веселый и затѣйливый проказникъ", какъ его называетъ князь П.А. Вяземскій, переведенный въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Александрійскій гусарскій полкъ, въ ноябрѣ пребывалъ еще въ Петербургѣ и находился за какія то проказы подъ арестомъ. Отбывая наказаніе на гауптвахтѣ при Новомъ Адмиралтействѣ, графъ, съ вѣдома караульнаго начальника, отлучился для "прогулки". *)

Этотъ ли проступокъ или какія нибудь новыя шалости, но что то дало поводъ къ появленію на страницахъ „Русскаго Инвалида" слѣдующаго Высочайшаго приказа отъ 9-го августа 1826-го года:

„По сентенціи военнаго суда, Александрійскаго гусарскаго полка корнетъ графъ Сенъ-При за неприличные поступки отставляется отъ службы съ тѣмъ, чтобы и впредь никуда не опредѣлялься".

Такъ безславно окончилась военная карьера молодого гусара графа Э.К. де Сенъ-При. Но въ петербургскомъ свѣтѣ имя его было очень извѣстно, и не однѣми лишь гусарскими проказами. Сенъ-При обладалъ незаурядным талантомъ каррикатуриста, и своими остроумнѣйшими рисунками пріобрѣлъ въ высшихъ столичныхъ кругахъ большую и заслуженную славу. Его карандашъ воспѣтъ Пушкинымъ, который дважды упоминаетъ имя графа Сенъ При въ своихъ произведеніяхъ **)

*) Караульный начальникъ, поручикъ л. гв. Егерскаго полка Пельскій, былъ подвергнутъ за это трехмѣсячному аресту на гауптвахтѣ.

**) Напр. „Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ, Въ службѣ, въ картахъ и чинахъ, Ты - Сенъ-При въ каррикатурахъ, Ты - Нелединскій въ стихахъ." Или, въ началѣ XXVI-й строфы VIII-й главы „Евгенія Онѣгина" - „Тутъ былъ Сабуровъ, заслуживши Извѣстность низостью души, во всѣхъ альбомахъ притупившій, Сенъ-При, твои карандаши."

Одинъ изъ альбомовъ каррикатуръ гр. Сенъ-При, принадлежащій нынѣ А.А. Попову, былъ показанъ на Пушкинской выставкѣ въ Парижѣ въ 1937-мъ году.

Талантъ къ живописи былъ у него, вѣроятно, фамильный: братъ его матери, князь Ю.А.Голицынъ, въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтія славился своими забавными и удачными карикатурами.

Принужденный выйти въ отставку, графъ Э.К.Сенъ-При уѣхалъ заграницу и въ 1828-мъ году жилъ въ Италіи. Мальчишеская отрасть къ проказамъ и тамъ не покидала его. Въ одномъ изъ городовъ Италіи, изъ-за какого то ночного безпорядка сдѣлано было распоряженіе, чтобы позднѣе извѣстнаго часа никто не выходилъ на улицу иначе, какъ съ зажженнымъ фонаремъ. Сенъ-При расписалъ свой фонарь смѣшными и, конечно, очень схожими изображеніями городскихъ эдиловъ. Само собою разумѣется, что со своимъ фонаремъ графъ прогуливался по всѣмъ наиболѣе людным улицамъ.

Дни свои Сенъ-При кончилъ трагически. Во Флоренціи онъ сватался за дочь графа Бутурлина и получилъ отказъ. Подавленный этой неудачей, онъ уѣхалъ въ Римъ, пришелъ въ соборъ Св. Петра въ самую обѣдню и ночью, подъ Свѣтлое Воскресеніе, тамъ застрѣлился. Это случилось весной 1828-го года.

Младшій братъ Эммануила Карловича, графъ Алексѣй Карловичъ (1805-1851), принадлежалъ болѣе Франціи нежели Россіи; онъ служилъ дипломатомъ, представляя Францію послѣдовательно въ Бразиліи, Португаліи и Даніи.

Ихъ сестра была замужемъ за княземъ В.А.Долгорукимъ и въ петербургскомъ обществѣ славилась своимъ умомъ и независимостью характера.

Родной дядя ихъ, генералъ-адъютантъ графъ Эммануилъ Францовичъ де Сенъ-При (1776-1814), состоялъ съ 1793-го года въ русской службѣ и былъ смертельно раненъ подъ Реймсомъ въ 1814-мъ году, во время похода русскихъ войскъ во Францію.

Ю.А. Топорковъ.

СПИСОКЪ КАВАЛЕРАМЪ ОРДЕНА СВ. АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО ЗА ВСЕ ВРЕМЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й.

Распознаніе „неизвѣстныхъ лицъ", изображенныхъ на старыхъ русскихъ портретахъ и миніатюрахъ очень часто затрудняетъ нашихъ коллекціонеровъ.

Въ большинствѣ случаевъ, когда дѣло касается русскихъ военныхъ портретовъ, обычно изображающихъ лицъ, высоко стоящихъ на военно-іерархической лѣстницѣ, огромную услугу по распознанію оказываетъ, во-первыхъ, наличіе изображенія на портретѣ тѣхъ высокихъ орденовъ, коими награждались исключительно особы высокопоставленныя, приближенныя къ престолу и

заслуженныя ; во-вторыхъ, - именныя списки самихъ кавалеровъ такихъ орденовъ. Награждено было извѣстное число лицъ, - этимъ самымъ, изображенный на портретѣ входитъ въ это число. Такимъ образомъ, польза отъ списковъ кавалеровъ орденовъ безспорна.

Публикуя ниже списокъ кавалерамъ Ордена Св. Александра Невскаго за все время царствованія Императрицы Екатерины II-й, мы надѣемся, что онъ окажется полезнымъ пособіемъ при рѣшеніи вопросовъ русской военно-исторической портретной иконографіи за указанный періодъ.

Въ нашемъ спискѣ перечислены лица исключительно военныя.

1762-й годъ, Іюня 28: МОРДВИНОВЪ, Семенъ Ивановичъ, адмиралъ. ИЗМАЙЛОВЪ, Михаилъ Львовичъ, генералъ-маіоръ. Сентября 22: ТОЛСТОЙ, Матвѣй Андреевичъ, графъ, генералъ-аншефъ. СОЛТЫКОВЪ, Иванъ Петровичъ, графъ, генералъ-порутчикъ. ВОЛКОНСКІЙ, Михаилъ Никитичъ, князь, генералъ-аншефъ. ПРОЗОРОВСКІЙ, Иванъ Андреевичъ, князь, генералъ-порутчикъ. КАРАУЛОВЪ, генералъ-порутчикъ. ПАЛМЕНБАХЪ, генералъ-порутчикъ. ПЛЕМЯННИКОВЪ, Петръ Григорьевичъ, генералъ-порутчикъ. ШТОФЕЛЬ, Христоферъ Федоровичъ, генералъ-порутчикъ. ФОНЪ-БЕРГЪ, Густавъ, генералъ порутчикъ. ЛОПУХИНЪ, Владиміръ Ивановичъ, генералъ-порутчикъ. ОРЛОВЪ, Алексѣй Григорьевичъ, графъ, генералъ-порутчикъ. ЕРОПКИНЪ, Петръ Дмитріевичъ, генералъ-порутчикъ. ДЕ-БОСКЕТЪ, генералъ-аншефъ. ВОЛКОНСКІЙ, Семенъ Федоровичъ, князь, генералъ аншефъ.

1763-й годъ, Марта 29: БЛЕКЕНЪ, голштынскій генералъ-отъ-инфантеріи. Іюня 4 : ОВЦЫНЪ, Ларіонъ Яковлевичъ, генералъ порутчикъ и камергеръ. ГАГАРИНЪ, Сергѣй Васильевичъ, князь, генералъ-порутчикъ, сенаторъ и камергеръ.

1764-й годъ, февраля 24: ВЕЙМАРНЪ, Иванъ Ивановичъ, генералъ-порутчикъ. Іюля 31: ДОМБСКІЙ, графъ, польскій генералъ. Сентября 22: СУЛКОВСКІЙ, Францискъ, князь, польскій генералъ-порутчикъ.

1765-й годъ, февраля 21 : ЛАЧИНОВЪ, Александръ Петровичъ, генералъ-порутчикъ и губернаторъ Воронежскій. Марта 13: БИБИКОВЪ, Илья Александровичъ, инженеръ-генералъ-порутчикъ. Августа 30: ЗИНОВЬЕВЪ, Николай Ивановичъ, генералъ-маіоръ. Сентября 23: ФОРШТЕНБЕРГЪ, баронъ, генералъ-порутчикъ.

1767-й годъ, Іюля 31 : ГРАБОВСКІЙ, польскій генералъ-маіоръ. Сентября 24 : ДИЦЪ, генералъ-порутчикъ. ШПРИНГЕРЪ, генералъ-порутчикъ. НУМЕРСЪ, генералъ-порутчикъ. МУРАВЬЕВЪ, генералъ-порутчикъ.

1768-й годъ, Января 17 : ОСТЕРМАНЪ, Федоръ Андреевичъ, графъ, генералъ-маіоръ (вторично получившій этотъ орденъ, первый получилъ въ 1740-мъ году). РЕПНИНЪ, Николай Васильевичъ, князь, генералъ-маіоръ, чрезвычайный и полномочный при королѣ польскомъ посолъ. ЧИЧЕРИНЪ, Николай Ивановичъ, генералъ-порутчикъ.

1769-й годъ, Мая 14: ПРОЗОРОВСКІЙ, Александръ Александровичъ, князь, генералъ-маіоръ. Іюня 19 : СПИРИДОВЪ, Григорій Андреевичъ, адмиралъ. БРЮСЪ, Яковъ Александровичъ, графъ, генералъ-порутчикъ, л.гв. Семеновскаго полка подполковникъ и генералъ-адъютантъ. Сентября 20 : СОЛТЫКОВЪ, Николай Ивановичъ, генералъ-порутчикъ.

1770-й годъ, (мѣсяцъ и число ?): СТУПИШИНЪ, Алексѣй Алексѣевичъ, генералъ-маіоръ. Августа 30: ВЯЗЕМСКІЙ, Александръ Александровичъ, князь, генералъ-порутчикъ. ГЕРБЕЛЬ, Родіонъ Николаевичъ, инженеръ-генералъ-маіоръ. Ноября 24: ДОЛГОРУКОВЪ, Юрій Владиміровичъ, князь, генералъ-маіоръ, л.гв. Преображенскаго полка маіоръ.

1771-й годъ. Августа 30: ВЕЙСМАНЪ, генералъ-маіоръ. ЭССЕНЪ, генералъ-порутчикъ. Декабря 20: СУВОРОВЪ, Александръ Васильевичъ, генералъ-маіоръ.

1772-й годъ, Марта 9 : СЕНЯВИНЪ, Алексѣй Наумовичъ, адмиралъ. УНГЕРНЪ, баронъ, генералъ-порутчикъ.

1773-й годъ, Декабря 25 : ПОТЕМКИНЪ, Григорій Александровичъ, генералъ-аншефъ. РЕЙНСДОРФЪ, Иванъ Андреевичъ, генералъ порутчикъ и Оренбургскій губернаторъ.

1775-й годъ, Февраля 17 : ГОЛИЦЫНЪ, Петръ Михайловичъ, князь, генералъ-маіоръ. Іюля 10: НАГАЕВЪ, Алексѣй Ивановичъ, адмиралъ. МИЛЛЕРЪ, Иванъ Ивановичъ, артиллеріи генералъ-порутчикъ. СИВЕРСЪ, Яковъ Ефимовичъ, генералъ-порутчикъ и губернаторъ Новгородскій. РОМАНІУСЪ, Аврамъ, генералъ-порутчикъ. ФОНЪ-МЕДЕМЪ, генералъ-порутчикъ. МУСИНЪ-ПУШКИНЪ, Валентинъ Платоновичъ, графъ, генералъ-порутчикъ. ЕЛМАНОВЪ, Андрей Власьевичъ, вице-адмиралъ. КАРАФА, графъ, неополитанскій генералъ порутчикъ. РУМЯНЦОВЪ, Михаилъ Петровичъ, графъ, генералъ-маіоръ. Августа 27 : ЛЮДОВИКЪ, наслѣдный принцъ Гессенъ-Дармштадскій, генералъ-порутчикъ. ЧИЧЕРИНЪ, Денисъ Ивановичъ, генералъ-порутчикъ и губернаторъ Тобольскій. КАМЕНСКІЙ, Михаилъ Федотовичъ, генералъ-порутчикъ.

1776-й годъ, Іюня 7 : ГРЕЙГЪ, Самуилъ Карловичъ, вице-адмиралъ.

1777-й годъ, Января 18 : ОЗЕРОВЪ, Семенъ Петровичъ, генералъ-лейтенантъ. Марта 13 : ПОНЯТОВСКІЙ, Станиславъ, князь, польской коронной службы генералъ-порутчикъ, братъ польскаго короля. Сентября 22: БАУЕРЪ, генералъ-порутчикъ. Декабря 20: АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ, Его Императорское Высочество, Великій Князь и сего Ордена Гросмейстеръ.

1778-й годъ, Іюня 28: ПОТЕМКИНЪ, Павелъ Сергѣевичъ, камергеръ, впослѣдствіи графъ и генералъ-аншефъ. Сентября 22: МИХЕЛЬСОНЪ, Иванъ Ивановичъ, генералъ-маіоръ.

1779-й годъ, Апрѣля 15: ДЕ СЕНТЪ-ПРІЕСТЪ, графъ, французской королевской службы генералъ-лейтенантъ. Мая 5: КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ, Е.И. Выс.Гос. Царевичъ и Великій Князь. Іюля 11: КРЕЧЕТНИКОВЪ, Михаилъ Никитичъ, генералъ-порутчикъ. ЯКОБИ, Иванъ Варѳоломеевичъ, генералъ-порутчикъ и губернаторъ Астраханскій.

/Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ/.

ПАМЯТНЫЯ ДАТЫ
1848-1948

I

Казалось бы, что лѣтопись русской арміи ничѣмъ не можетъ отмѣтить эту столѣтнюю дату. А между тѣмъ, это былъ годъ, когда на политическомъ горизонтѣ Европы незамѣтно собирались темныя тучи, и разразившаяся гроза заставила быть настороже русскую военную силу. Въ краткихъ словахъ напомнимъ о событіяхъ этого времени. Въ февралѣ 1848-го года въ Петербургѣ было получено неожиданное извѣстіе объ отреченіи французскаго короля Людовика-Филиппа въ пользу своего внука. Это было первое знаменіе конца королевской власти во Франціи и начала смутнаго времени въ остальной Европѣ. И дѣйствительно, революціонное броженіе, выразившееся вскорѣ въ „мартовскихъ дняхъ" въ Берлинѣ, смуты въ Австріи и въ Венгріи приняли угрожающій характеръ, когда въ своемъ движеніи эти волненія приблизились къ нашимъ границамъ.

Императоръ Николай Павловичъ, вѣрный принципамъ Вѣнскаго трактата, слѣдилъ за развивающимися событіями съ озабоченнымъ вниманіемъ. Въ связи съ этимъ, принявъ рѣшеніе усилить свою воинскую силу на западной границѣ, Государь въ особомъ торжественномъ актѣ высказалъ открыто чувства, его волновавшія.

Мы приводимъ здѣсь, на нашихъ страницахъ, сильныя слова извѣстнаго манифеста 14-го марта.

„Божіею милостію, Мы Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и пр., и пр., и пр., Объявляемъ всенародно:

Послѣ благословеній долголѣтняго мира, Западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи, и развиваясь повсемѣстно съ наглостію, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся, наконецъ, и союзныхъ намъ имперіи Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и нашей Богомъ намъ ввѣренной Россіи.

Но да не будетъ такъ !

По завѣтному примѣру Православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ въ помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали намъ, не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ съ Святою нашею Русью защищать честь имени Русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

Мы удостовѣрены, что всякій Русскій, всякій вѣрноподданный нашъ отвѣтитъ радостно на призывъ своего Государя, что древній нашъ возгласъ : За Вѣру, Царя и Отечество, и нынѣ предуказетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда, въ чувствахъ благо-

говѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святого на Него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ : Съ нами Богъ! Разумѣйте языци и покорѣйтесь, яко съ нами Богъ !

НИКОЛАЙ

·Дано въ С.-Петербургѣ, въ I4-й день Марта мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова I848-е, царствованія же нашего въ двадцать третіе."

Авторомъ этого историческаго документа былъ самъ Императоръ Николай Павловичъ. Вѣра въ Божественное Провидѣніе, во власть, исходящую отъ Бога, въ то полное единеніе, которое существуетъ между русскимъ Царемъ и многомилліонной Россіей и, наконецъ, несомнѣнное рѣшеніе всего русскаго народа стать до единаго на стражѣ исконныхъ его традицій, - все это съ полной опредѣленностью вылилось въ словахъ Государя.

Впечатлѣніе, произведенное манифестомъ этимъ въ Россіи, было огромно. Когда Цесаревичъ, Великій Князь Александръ Николаевичъ, прочелъ его собравшимся у него командирамъ и адъютантамъ отдѣльныхъ частей войскъ гвардіи, „то раздалось восторженное, несмолкаемое „ура"· Всѣ бросились цѣловать руки Цесаревича, и сцена достигла высшей степени умиленія." Въ церквахъ, вслѣдъ за чтеніемъ манифеста, пѣлся тропарь: „Спаси, Господи, люди Твоя." ·Подъемъ былъ огромный. Въ Петербургѣ въ это время слово „война" не сходило съ устъ, въ особенности въ военной средѣ.

·Въ Европѣ манифестъ произвелъ впечатлѣніе не менѣе сильное, чѣмъ въ Россіи, и тамъ онъ разсматривался, какъ предвареніе политической программы ·Русскаго Императора, которую можно было выразить словами : „не тронь меня - я никого не трону." Канцлеръ графъ Нессельродэ въ „Journal de St.Pétersbourg" въ этомъ смыслѣ и истолковалъ передъ Европой истинный смыслъ манифеста I4-го марта. - Россія не допуститъ, „чтобы чужеземные возмутители раздували въ ея предѣлахъ пламя мятежа." Внѣ этого „она будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ."

Всѣ эти событія отразились отчасти и въ организаціи русской арміи.Въ нѣкоторыхъ пѣхотныхъ гвардейскихъ и армейскихъ полкахъ было приступлено къ формированію 4-тыхъ баталіоновъ (до этого времени въ пѣхотныхъ полкахъ было три баталіона), причемъ четвертый баталіонъ былъ запаснымъ, и предназначался пополнять кадры первыхъ трехъ. Къ этому же времени относится организація пѣхотныхъ резервовъ. Въ кавалеріи же учреждены были резервные и запасные эскадроны.

Къ концу I848-го года Австрія была на краю гибели. Императоръ Фердинандъ отрекся, и на престолъ вступилъ I8-ти лѣтній эрцъ-герцогъ Францъ-Іосифъ, который въ письмахъ къ Николаю Павловичу выразилъ надежду, что Государь поддержитъ его и Австрію своею дружбой, а въ крайнемъ случаѣ и матеріальной помощью.

„Я отвѣчу на ихъ призывъ, и они во мнѣ не ошибутся", начерталъ Императоръ Николай I-й на депешѣ нашего посла въ Вѣнѣ. Не только чувство вѣрности данному слову и твердость политическихъ принциповъ имѣли въ этомъ случаѣ вліяніе на рѣшимость Государя оказать Австріи вооруженную помощь. Тѣсная связь, обнаруженная между венгерскимъ возстаніемъ и польской революціонной пропагандой въ сопредѣльной намъ Галиціи, придавали такому рѣшенію значеніе защиты собственныхъ государственныхъ интересовъ. Затушить по ту сторону нашихъ границъ пламя готовившагося возстанія было гораздо легче и безопаснѣе, чѣмъ бороться съ нимъ въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ. Поэтому, извѣстіе о приближеніи къ нашей границѣ изъ Буковины венгерскихъ повстанцевъ, вызвало со стороны нашего Государя распоряженіе: „не ожидать, чтобы они къ намъ приближались, но, перейдя границу, итти навстрѣчу" (Имп. Ник. I, 5 янв. 1849 г. - князю Варшавскому).

Начался Венгерскій походъ, но это уже событіе 1849-го г.

2

Въ 1848-мъ году, на другой окраинѣ Россійской Имперіи — на Кавказѣ, шли своимъ чередомъ военныя дѣйствія.

Сто лѣтъ тому назадъ, въ Дагестанѣ, велась жестокая война между Россіей и горцами, возглавляемыми Шамилемъ. Наиболѣе значительными событіями 1848-го года были: взятіе нами укрѣпленнаго селенія Гергебиля и геройская защита нашимъ малочисленнымъ гарнизономъ укрѣпленія Ахты.

Вкратцѣ напомнимъ объ этихъ выдающихся событіяхъ нашей военной исторіи.

Неудачный штурмъ аула Гергебиля (Дагестанъ) въ предъидущемъ году заставилъ Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, князя М.С. Воронцова, снарядить новую экспедицію, цѣлью которой было взять и разрушить этотъ укрѣпленный пунктъ Шамиля, откуда горцы постоянно дѣлали набѣги на наши владѣнія. Удержать въ своихъ рукахъ этотъ отдаленный пунктъ мы тогда еще не могли изъ-за малочисленности нашихъ войскъ и изъ-за трудности сообщенія съ нимъ въ горахъ. Въ концѣ мая 1848-го года русскій отрядъ подъ командою генерала-лейтенанта князя Аргутинскаго выступилъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры къ Гергебилю. Въ іюнѣ началась его осада. Защищалъ Гергебиль извѣстный наибъ Шамиля, Хаджи-Муратъ, сосредоточившій въ Гергебилѣ значительныя партіи горцевъ, имѣвшихъ три орудія. 6-го іюля аулъ былъ взятъ нами, и укрѣпленія его были разрушены. Обратный отходъ нашего отряда былъ сопряженъ съ большими трудностями и опасностями, такъ какъ горцы непрестанно дѣлали нападенія и наши войска вступали съ ними въ жестокія рукопашныя схватки.

Другое событіе этого года - защита укрѣпленія Ахты представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе блестящихъ эпизодовъ

Кавказской войны. Въ продолженіи IO-ти дней нашъ гарнизонъ (около 500 человѣкъ) съ мужествомъ и самоотверженностью отстаивалъ полуразрушенное укрѣпленіе, давъ единодушную клятву умереть, но не сдаваться. Многочисленные приступы горцевъ были неудачны. Находившіяся въ укрѣпленіи жены офицеровъ перевязывали раненыхъ, щипали корпію, а болѣе смѣлыя изъ нихъ носили на батареи артиллерійскіе заряды. Жена подпоручика Богуславскаго - совсѣмъ еще молодая женщина, перенеся на батарею заряды, осталась здѣсь и вскорѣ была ранена тремя пулями. Перенесенная въ свою квартиру, эта героиня Кавказской войны была вторично ранена слѣдующимъ образомъ. Вблизи ея дома находился пороховой погребъ, одно изъ непріятельскихъ ядеръ попало въ него, произошелъ взрывъ, отъ котораго были разрушены многія зданія и въ ихъ числѣ домъ, гдѣ лежала раненая Богуславская. На этотъ разъ она получила еще 24 легкихъ раненія отъ разбитыхъ стеколъ и расщепленныхъ бревенъ. Впослѣдствіи Марія Ивановна Богуславская была по повелѣнію Императора Александра II-го причислена ко второму классу Александровскаго комитета о раненыхъ.

На выручку осажденнаго Ахтынскаго укрѣпленія (его осаждалъ Шамиль съ 5.000 горцевъ) прибылъ нашъ отрядъ. У селенія Мискинджи, куда направилась часть осаждавшихъ подъ предводительствомъ Шамиля, горцы были разбиты и Ахты освобождены (22 сентября I848-го года). Душою этой геройской защиты былъ полковникъ Федоръ Филипповичъ Ротъ, произведенный за этотъ подвигъ въ генералъ-маіоры. Гарнизону было роздано 48 георгіевскихъ крестовъ, всѣ офицеры произведены въ слѣдующій чинъ, а весь гарнизонъ получилъ годовой окладъ жалованія.

Зная, что нѣкоторыя лица собираютъ біографическія свѣдѣнія о служившихъ въ различныхъ частяхъ русской арміи, для составленія списковъ личнаго состава, мы приводимъ здѣсь выписку изъ послужного списка Ахтынскаго героя, Ф.Ф. Рота.

Ротъ 3-й, Федоръ Филипповичъ, изъ дворянъ Лифляндской губерніи, воспитывался въ Дерптскомъ университетѣ, но не кончилъ курса. Началъ военную службу въ I8I2-мъ году юнкеромъ въ первомъ гусарскомъ полку Россійско-Германскаго легіона; въ томъ же году произведенъ въ корнеты; въ I8I3-мъ году, въ чинѣ поручика, переведенъ во второй гусарскій полкъ Россійско-Германскаго легіона; въ I8I4-мъ году прикомандированъ къ Иркутскому гусарскому полку, къ которому и причисленъ въ I8I5 году; въ I825-мъ году, въ чинѣ ротмистра, назначенъ адъютантомъ къ начальнику 2-й гусарской дивизіи, генералу Будбергу 2-му; въ I827-мъ году произведенъ въ маіоры, съ переводомъ въ гусарскій эрцъ-герцога фердинанда полкъ; въ I828-мъ году, по домашнимъ обстоятельствамъ, уволенъ отъ службы; въ I829-мъ году онова принятъ на службу въ тотъ же полкъ; въ I833-мъ году назначенъ состоять по кавалеріи, съ утвержденіемъ командиромъ Кубанскаго линейнаго казачьяго полка; въ I839-мъ году

произведенъ въ полковники; въ 1841-мъ году назначенъ и. д. Анапскаго коменданта, въ каковой должности въ томъ же году и утвержденъ; въ 1844-мъ году отчисленъ по запаснымъ войскамъ; въ 1845-мъ году назначенъ состоять при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ; въ томъ же году назначенъ начальникомъ Самурскаго округа и завѣдывающимъ ханствами Казикумухскимъ и Кюринскимъ; въ 1848-мъ году за отличіе произведенъ въ генералъ-маіоры; въ 1849-мъ году назначенъ состоять при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ и по кавалеріи; въ томъ же году назначенъ Тифлисскимъ комендантомъ; награжденъ орденомъ Св. Станислава 1-й степени въ 1850-мъ году; въ 1858-мъ году произведенъ въ ген.-лейтенанты; въ томъ же году назначенъ начальникомъ Управленія Сельскаго Хозяйства и иностранныхъ колоній на Кавказѣ и за Кавказомъ; въ 1860-мъ году отчисленъ отъ этой должности, съ оставленіемъ при Кавказской арміи и по армейской кавалеріи.

Въ походахъ находился : въ 1812-1815 гг. противъ французовъ; въ 1831-мъ г.- противъ польскихъ мятежниковъ; въ 1834, 1838, 1841, 1842, 1847 и 1848 гг. - противъ горцевъ.

Раненъ въ Польскую войну ружейною пулею въ голову, штыкомъ въ лѣвое бедро и пикомъ въ лѣвую лопатку и лѣвый високъ; въ 1848-мъ году, во время защиты укрѣпленія Ахты, раненъ ружейною пулею, прошедшею черезъ шею въ лѣвую лопатку.

(Въ части, касающейся эпизодовъ Кавказской войны, литературный источникъ: „Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссіею. Архивъ Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго, подъ редакціей предсѣдателя комиссіи А.Берже. Томъ X (1844-1854), Тифлисъ, 1885).

НѢКОТОРЫЯ ЮБИЛЕЙНЫЯ ДАТЫ НА 1948-Й ГОДЪ

Въ 1948-мъ году исполнится :

75-я годовщина	Хивинскаго похода
100-я	Событій, уже упомянутыхъ нами выше, въ особомъ очеркѣ.
125-я	Сформированія 3-го сапернаго баталіона (Литовскій піонерный баталіонъ сформированъ 21 февраля 1823-го года).
125-я	Дѣла съ горцами у села Эрпели, въ Дагестанѣ (30-го іюля). Поэтъ А. И. Полежаевъ описалъ это дѣло въ прекрасной стихотворной поэмѣ - „Эрпели".
150-я	Сформированія полковъ : 7-го драгунскаго Кинбурнскаго, 8-го драгунскаго Астраханскаго, 15-го драгунскаго Переяславскаго и 16-го драгунскаго Тверского (Всѣ четыре - 20-го августа 1798 г.).

150-я годовщина	Заключенія коалиціи противъ Бонапарта (Россія, Австрія, Англія, Турція и Неаполитанское королевство и въ связи съ этимъ отправка русскаго корпуса подъ командованіемъ ген.-лейт. Розенберга въ помощь Австріи. Этотъ корпусъ впослѣдствіи участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи подъ начальствомъ Суворова.
200-я	Похода русскаго вспомогательнаго корпуса подъ командованіемъ Репнина въ Богемію на помощь Австріи противъ Фридриха Великаго (2-я Силезская война 1748-го года). Участія въ военныхъ дѣйствіяхъ русскій корпусъ не принялъ и въ декабрѣ того же года вернулся въ Россію.
200-я	Сформированія 4-го гусарскаго Маріупольскаго полка (27-го октября).
225-я	Персидскаго похода. Взятіе Баку 28-го іюля 1723-го года („Идтить къ Бакѣ какъ наискорѣе тщится оный городъ съ помощью Божіей конечно достать, понеже ключъ нашему дѣлу оный". - Изъ приказа Петра Великаго генералу Матюшкину.)
250-я	Упраздненія стрѣлецкихъ полковъ.
300-я	Побѣды Богдана Хмѣльницкаго надъ поляками на рѣкѣ Желтыя Воды и подъ Корсунемъ, благодаря которой вся Украйна оказалась во власти Хмѣльницкаго.

ФОРМЫ РУССКОЙ АРМІИ ПО ОФФИЦІАЛЬНЫМЪ И НЕ ОФФИЦІАЛЬНЫМЪ ДАННЫМЪ

Мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей и, въ особенности, тѣхъ изъ нихъ, которые въ качествѣ любителей и коллекціонеровъ работаютъ по производству русскихъ славянныхъ солдатъ и всегда такъ щепетильно относятся къ изученію и точному воспроизведенію историческихъ формъ русской арміи, на цѣлый рядъ интересныхъ данныхъ, почерпнутыхъ нами изъ рѣдкихъ и малодоступныхъ литературныхъ источниковъ.

I.

Интересно свидѣтельство современника, относящееся къ 1807-1808 г.г., о наружномъ видѣ лейбъ-атаманцевъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Фаддей Булгаринъ пишетъ:

„Онъ (Платовъ) пронесся мимо насъ на рысяхъ, съ своимъ Атаманскимъ полкомъ. Матвѣй Ивановичъ Платовъ былъ сухощавый,

уже не молодой человѣкъ, и ѣхалъ согнувшись на небольшой лошади, размахивая нагайкой. За нимъ шелъ стройно, по три справа, его геройскій полкъ. Всѣ казаки Атаманскаго полка носили тогда бороды и не было бороды ниже пояса. Казаки одѣты были въ голубыя куртки и шаровары, на головѣ имѣли казачьи баранья шапки, подпоясаны были широкими изъ краснаго сафьяна поясами, въ которыхъ было по два пистолета, а спереди патроны. У каждаго казака за плечами висѣла длинная винтовка, а черезъ плечо на ремнѣ, нагайка, съ свинцовою пулею въ концѣ, сабля на боку и дротикъ въ рукѣ на перевѣсъ. Шпоръ не знали тогда казаки. Люди были подобранные, высокаго роста, плотные, красивые, почти всѣ черноволосые".

(Воспоминанія Фаддея Булгарина. Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. Часть III. Изданіе М.Д. Ольхина. С.-Петербургъ, 1847 г.).

2.

Во время Высочайшаго смотра 2-й гусарской дивизіи подъ г.Вязьмою, въ апрѣлѣ 1827-го года „состоялось распоряженіе, чтобы полки были по мастямъ, вмѣсто какъ прежде по эскадронно ; вслѣдствіе чего первый полкъ (Фердинандовъ), (т.е. — Изюмскій, носившій въ то время названіе гусарскаго эрцъ-герцога Фердинанда. Ред.) тутъ же, въ полѣ, сѣлъ на всѣхъ сѣрыхъ лошадей, имѣвшихся въ четырехъ полкахъ; нашъ, Павлоградскій, — на гнѣдыхъ; Елисаветградскій - на рыжихъ и бурыхъ, а Иркутскій - на карихъ и вороныхъ (трубачи остались по прежнему на сѣрыхъ)."

(Записки гр. М.Д. Бутурлина. „Русскій Архивъ", 1897 г.).

3.

Слѣдующія данныя мы находимъ въ приказѣ по 64-му пѣхотному Казанскому Е.И.В.Великаго Князя Михаила Николаевича полку за 1850-й годъ.

„I-й гренадерскій взводъ долженъ состоять изъ людей рослыхъ, не изъ самыхъ молодыхъ солдатъ, собою видныхъ и, ежели можно, такихъ, у коихъ растутъ усы и бакенбарды; 2-й гренадерскій взводъ - изъ людей не выше 8-ми вершковъ, широкоплечихъ, съ полными усами и бакенбардами; 3-й гренадерскій взводъ почти наровнѣ со вторымъ гренадерскимъ, но преимущественно изъ бѣлокурыхъ; 4-й гренадерскій взводъ изъ людей, не могущихъ быть въ первомъ гренадерскомъ взводѣ за молодостью лѣтъ, и съ небольшими усами. Стрѣлковъ молодыхъ, по службѣ расторопныхъ, въ I-мъ и 2-мъ баталіонахъ темныхъ волосомъ, а въ 3-мъ и 4-мъ бѣлокурыхъ. Въ 3-й, 6-й, 9-й и I2-й ротахъ изъ людей смугловатыхъ; во 2-й, 5-й, 8-й и II-й ротахъ изъ людей малаго роста; а четвертые взводы бѣлокурыхъ, а пятые брюнетовъ. Сортъ людей долженъ преимущественно состоять : въ I-мъ баталіонѣ болѣе рослыхъ, потомъ въ 4-мъ, за

ними во 2-мъ, и, наконецъ, въ 3-мъ баталіонѣ меньшаго роста, преимущественно въ среднихъ ротахъ 3-го баталіона."

(Исторія 64-го пѣхотнаго Казанскаго Е.И.В.Великаго Князя Михаила Николаевича полка. Составъ. В. Борисовъ и А. Сыцянко. С.П.Б., I883 г.).

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

I.

Библіографія по Венгерскому походу.

Въ I949-мъ году исполнится сотая годовщина Венгерскаго похода. Многіе пожелаютъ,конечно,ближе ознакомиться съ этимъ историческимъ событіемъ большой важности.

Давая ниже библіографію Венгерскаго похода, мы должны, однако,предупредить, что библіографія эта не является исчерпывающей. Многое не упомянуто въ ней. Кромѣ того, нѣкоторые источники не могутъ быть использованы изъ-за отсутствія ихъ въ заграничныхъ государственныхъ и частныхъ книгохранилищахъ.

И. ОРЕУСЪ. Описаніе Венгерской войны I849-го года.

А. ЗАІОНЧКОВСКІЙ. Записки Петра Кононовича Меньковa,СПБ., I898 г.

Кн. А.ЩЕРБАТОВЪ. Генералъ-фельдмаршалъ, князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. СПБ., Томъ, посвященный Венгерской кампаніи I849 г.

НЕПОКОЙЧИЦКІЙ. Описаніе войны въ Трансильваніи I849 года.

ДАРАГАНЪ. Записки о войнѣ въ Трансильваніи.

ОБЗОРЪ ВОЙНЪ РОССІИ отъ Петра Великаго до нашихъ дней, Часть III-я, Книга I.

ВОЕННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ. Изд. Т-ва И. Сытина. СПБ,, I9II, Т.V. Стр. 293-299.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ АВСТРІЙЦЕВЪ въ Трансильваніи въ I848 г., Военный Журналъ, I849 г., № 3.

ОСАДА ТЕМЕШВАРА. Военный Журналъ, I850 г., № 3.

ОЧЕРКЪ ВЕНГЕРСКОЙ ВОЙНЫ I848-I849 гг., Военный Журналъ, I850 г., № 2.

КИСЛОВСКІЙ. Эпизодъ изъ кампаніи I849 г. въ Трансильваніи. Военный Журналъ, I852 г., № 4.

ПИМОДАНЪ. Воспоминанія о Венгерской войнѣ, подъ начальствомъ князя Виндишгреца и бана Іелачича. Военный Журналъ, I852 г., № 6.

ДѢЙСТВІЯ ОТРЯДОВЪ, посланныхъ въ началѣ I849 года на помощь городамъ Германштадту и Кронштадту. Военный Сборникъ, I858 г., № I.

ГЕРГЕЙ, Ар. Краткій обзоръ военныхъ дѣйствій въ Верхней Венгріи, отъ времени вмѣшательства Россіи до сложенія оружія венгерскими войсками при Виллагошѣ.Военный Сборникъ,I859 г., № 3.

ЖИЗНЬ И ДѢЙСТВІЯ АРТУРА ГЕРГЕЯ, I848 - I849 гг. Военный Сборникъ I860 г., № 7.

Д. У. Походъ въ Венгрію въ I849 году. Военный Сборникъ, I860 г., № 7.

ДАВЫДОВЪ. Замѣтка. Военный Сборникъ, I860 г., № 8.

АВСТРІЙСКІЯ ОБЪЯСНЕНІЯ къ русскому описанію Венгерской войны. Военный Сборникъ, I864 г., № 4.

А.Л. Почему Гергей положилъ оружіе передъ русскими, а не передъ австрійцами. Военный Сборникъ, I869 г., № 7.

ДРОЗДОВЪ, И. Сдача венгерской арміи русскимъ войскамъ подъ Вилагошемъ I-го августа I849 г. Военный Сборникъ, I870 года, № 9.

П. МЕНЬКОВЪ. Матеріалы для исторіи Венгерской войны въ I849 году. Военный Сборникъ, I875 г., № 6.

И.П. Дѣйствія русской сводной дивизіи генералъ-адъютанта Панютина во время Венгерской войны I849 года. Военный Сборникъ, I876 г., № 9 и № I2.

И.ОРБУСЪ. Дѣйствія отряда генералъ-лейтенанта Гротенгельма въ Трансильваніи въ I849 году. Военный Сборникъ, I877 г., № 8.

АВТОБІОГРАФІЯ ДЮГАМЕЛЯ. Русскій Архивъ, I885 г., Кн. II, стр. 371.

Изъ дневника и записной книжки гр. П. Х. ГРАББЕ, I849 г. Русскій Архивъ, I889 г., Т. I.

Воспоминанія Г.Д. ЩЕРБАЧЕВА. Русскій Архивъ, I890 г., Кн. 2, стр. 226-230.

А. АЛЕКСѢЕНКО. Воспоминанія стараго служаки. Венгерская война. Русскій Архивъ, I890 г., Кн. 3, стр. I6I-I98.

ДНЕВНИКЪ БАРОНА НИКОЛАИ. Русская Старина, I877 г., Т.20.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ въ военныхъ распоряженіяхъ I848-I854 гг. Русская Старина, I886 г., Т. 49.

РУССКО-ВЕНГЕРСКАЯ ВОЙНА I849 года. Русская Старина, I888 г., Т. 58.

СТРЕНГА. Война противъ венгерцевъ I849 г. Русская Старина, I889 г., Т. 6I.

СОЛНЦЕВЪ. Изъ воспоминаній о Венгерской кампаніи. Девятнадцатый вѣкъ. Изданія П. Бартенева.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ВЕНГЕРСКОЙ КАМПАНІИ. Русская Старина, I898 г., Іюнь, стр. 49I-522.

Записки барона М.А. КОРФА. Русская Старина, I900 г., Кн. 3 и 4.

ЛИХУТИНЪ, М. Записки о походѣ въ Венгрію въ I849 г. Москва, I875.

На иностранныхъ языкахъ :

BALLEDIER, Alph. Histoire de la guerre de Hongrie en 1848-49, Paris, 1853.

RÜSTOW. Geschichte der ungarischen Insorructions Krieges 1848-1849

FELDZUG IN UNGARN und Sieben Bürgen im Sommer d.J. 1849.

DESPREZ, H. La fin de la guerre de Hongrie. Revue de Deux Mondes, 1849, N° 3.

BLAZE DE BURY, H. Guerguei et ses mémoires sur la guerre de Hongrie. Revue de Deux Mondes, 1852, N° 3.

MEMOIRES DE LA SOCIETE IMPERIALE d'Archéologie de St.Pétersbourg, Vol. V, N° 1, St.Pétersbourg, 1851, p.74(Note sur les médailles).

2

R O S S I C A

Quelques livres sur la Campagne de Russie de 1812 :

1812. Campagne de Russie, par Alfred ASSOLLANT. Illustré de 40 Gravures, par J.Worms, d'après des documents authentiques. Armand le Chevalier, Editeur, 61, Rue de Richelieu, s.d.
291 mm. x 201 mm., 116 pages.

EPOPEES CENTENAIRES. La Grande Armée. Récits de Césare de Laugier, officier de la Garde du prince Eugène, traduit pour la première fois de l'italien par M.Henry Lyonnet et illustrés d'après les documents du temps. Paris, Arthème Fayard, Editeur, s.d.
243 mm. x 169 mm., 192 pages.

HENRI DE ROOS, médecin-major à la Grande Armée. Avec Napoléon en Russie. Souvenirs de la campagne de 1812. Traduit de l'allemand par le lieutenant-colonel breveté Buat, d'après l'édition, complétée par une introduction et des notes, du professeur Paul Holzhausen, Paris, Librairie Chapelot, Marc Imhaus & René Chapelot, Editeurs, 1913.
230 mm. x 140 mm., 292 pages, 3 cartes.

ANDRE BOUVERY, licencié en droit, officier d'Académie, chevalier du Mérite Agricole, officier de l'ordre tunisien du Nichan Iftikar. 1812, Cent ans après. Rostopchin et Kutusof. Documents authentiques relatifs à l'histoire de la campagne de Russie depuis la Bataille de la Moskowa jusqu'au retour de Napoléon à Paris. Paris, Augustin Challamel, Editeur, 1912.
187 mm. x 120 mm., 252 pages.

LA CAMPAGNE DE RUSSIE ET LA RETRAITE DE MOSCOU. Etude stratégique et historique par un officier général, témoin oculaire, traduit de l'allemand par le capitaine Laplanche. Paris, Librairie de Monde Militaire. G. Kleiner, s.d.
221 mm. x 134 mm., 40 pages. Une carte pliée.

LA CAMPAGNE DE RUSSIE DE 1812, avec les appréciations des principaux écrivains militaires sur chaque épisode, par J.-P.

de Labeaudorière. Paris, Librairie du Monde Militaire, G. Kleiner, s.d.
226 mm. x 142 mm., 184 pages, 4 cartes hors texte.

Эти книги представляютъ собою особый интересъ, какъ выражающія иностранныя точки зрѣнія на важнѣйшія событія нашей военной исторіи.

Въ слѣдующемъ номерѣ нашего журнала мы дадимъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ любопытныхъ трудовъ.

А.К.С.

З

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Недавно вышелъ новый военный сборникъ въ изданіи „Родной Корпусъ" (2-й Кадетскій) - „Кадеты".

Въ виду того, что номеръ первый „Вѣстника" былъ уже полностью составленъ въ моментъ выхода этого изданія, мы дадимъ о немъ отзывъ въ слѣдующемъ номерѣ нашего журнала. Пока же мы можемъ только сказать, что такія начинанія слѣдуетъ всячески привѣтствовать, поддерживать и поощрять.

Вышедшій въ маѣ прошлаго года въ количествѣ 500 экземпляровъ Сборникъ „РУССКАЯ ВОЕННАЯ СТАРИНА" почти распроданъ. Оставшіеся экземпляры можно пріобрѣсти у Ю.А. Топоркова. Мы напоминаемъ,что Сборникъ изданъ въ оригинальной художественной обложкѣ, на плотной мѣловой бумагѣ и содержитъ 96 страницъ текста и 16 иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ.Стоимость одного экземпляра - 225 фр., для членовъ Кружка Любителей Русской Военной Старины - 160 франковъ.

„РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"
издается на правахъ рукописи. Всѣ права сохранены.

Pratic-Bureau, 58-bis, rue Sainte-Anne, Paris (2e). Téléphone : RIChelieu 15-68

Герои безсмертны подвигами
о дѣлахъ русскаго
о славѣ воинства
русскій
военно-
историческій
вѣстникъ
редакторы
А.К. Савицкій
Ю.А. Топорковъ
Парижъ.
а
с.

РУССКІЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

№ 2

Редакторы:
А.К. Савицкій - Ю.А. Топорковъ

Парижъ
1948

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Редакція „Русскаго Военно-Историческаго Вѣстника" получила отъ большинства своихъ подписчиковъ лестные отзывы по существу содержанія перваго номера журнала съ пожеланіями продолжать начатое изданіе „въ томъ же духѣ", какъ выразился одинъ изъ нашихъ читателей. Такимъ образомъ, редакція не ошиблась въ своихъ предположеніяхъ, что запросы зарубежныхъ русскихъ людей, интересующихся отечественной военной исторіей и стариной, значительны и серьезны и вызываютъ необходимость созданія спеціальнаго печатнаго органа, который своимъ содержаніемъ и минимальной стоимостью отвѣчалъ бы требованіямъ нашихъ подписчиковъ, въ большинствѣ своемъ не располагающихъ лишними средствами для пріобрѣтенія болѣе дорогихъ изданій.

Редакція.

Monsieur G. TOPORKOFF, 150, Rue Raymond-Losserand, PARIS 14°.
Monsieur A. SAVITZKY, 3, Rue Désiré Bertrand, EAUBONNE (S.& O.).

Редакція

СОДЕРЖАНІЕ

Стр.

Ю.А. Топорковъ. - Нѣсколько словъ о шефѣ Таврическаго гренадерскаго полка, Иринархѣ Ивановичѣ Завалишинѣ и о знаменахъ этого полка въ царствованіе Императора Павла I-го. ____ 3

Кн. Н.С. Трубецкой. - Дагестанскій конный полкъ ____ 9

В.Г. Ковалевскій. - По семейнымъ архивамъ. Къ исторіи Отечественной Войны 1812-го года ____ 13

Списокъ Кавалерамъ Ордена Св. Александра Невскаго За Все Время Царствованія Императрицы Екатерины II-й ____ 16

Полковыя Хроники ——— Высочайшіе подарки Л.Гв. Кираспрскому Его Величества полку ____ 18

Формы и внѣшность русской арміи по оффиціальнымъ и неоффиціальнымъ даннымъ. ____ 18

Военно-Историческіе Курьезы и Мелочи. Таитянская гвардія въ формѣ русскихъ Лейбъ-Гусаръ ____ 20

А.К. Савицкій. - Плевна (сопоставленія и выводы) ____ 21

Императоръ Александръ II-й подъ Плевной (великій примѣръ личнаго подвига) ____ 28

"РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"
издается на правахъ рукописи. Всѣ права сохранены.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ШЕФѢ ТАВРИЧЕСКАГО ГРЕНАДЕРСКАГО ПОЛКА, ИРИНАРХѢ ИВАНОВИЧѢ ЗАВАЛИШИНѢ, И ЗНАМЕНАХЪ ЭТОГО ПОЛКА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-ГО.

Имя Иринарха Ивановича Завалишина, любимца Суворова, человѣка весьма близкаго къ нему, служившаго въ его Фанагорійскомъ полку, было въ свое время извѣстно не только въ средѣ военной, но и въ кругахъ литературныхъ. Добрыя отношенія Суворова къ Завалишину были настолько извѣстны, что секретарь Россійской Академіи, Андрей Нартовъ, предложилъ въ оффиціальномъ письмѣ къ И.И.Завалишину, считавшемуся писателемъ и поэтомъ, сочинить „похвальное генералиссимусу князю Италійскому, графу Александру Васильевичу Суворову Рымникскому слово, въ которомъ витійственнымъ и славѣ сего героя приличнымъ слогомъ изображены были бы воинскіе подвиги и душевныя его качества".

Завалишинъ принялъ предложеніе, и въ „С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" среди объявленій, вскорѣ появилось извѣщеніе о продажѣ новой книги: „Суворояда, поэма героическая, твореніе Иринарха Завалишина, на побѣды Графа Суворова Рымникскаго. Въ бумагѣ, I р.20 коп." („СПБ. ВѢД.", № 75 отъ 20 сентября 1799 г.).

Ода, сочиненная Завалишинымъ, имѣла успѣхъ, несмотря на то, что до появленія ея въ свѣтъ, другая ода, написанная на ту же тему Ѳ.Корбелицкимъ, „Государю Императору поднесенная и Высочайшаго благоволенія удостоенная" - „Побѣды Суворова Рымникскаго въ Италіи", уже продавалась въ книжныхъ лавкахъ столицы (Объявленіе въ „СПБ. Вѣдомостяхъ" отъ 26 августа 1799 г., № 68).

Мы не будемъ здѣсь разсматривать литературныхъ достоинствъ или недостатковъ завалишинской Суворояды, замѣтимъ лишь, что къ поэзіи Завалишина очень снисходительно отнесся тогда такой высокоодаренный и образованный человѣкъ, какимъ былъ князь Павелъ Димитріевичъ Циціановъ, самъ писавшій стихи. Въ 1804-мъ году И.И. Завалишинъ посвятилъ князю оду на взятіе крѣпости Ганжи (Елизаветполя). „Восхищаясь оною, читавши, не могъ не отдать справедливость искусному генію поэзіи", отозвался Циціановъ объ этой одѣ, хотя, конечно, ни въ ней, ни въ „Сувороядѣ", написанной по предложенію Академіи, мы не найдемъ подлинной поэзіи въ современномъ намъ понятіи о ней (I).

Какъ писатель Завалишинъ былъ еще раньше извѣстенъ лично Императору Павлу Петровичу. Онъ переводилъ военныя сочи-

---

I) Въ началѣ царствованія Императора Александра I-го Завалишинъ служилъ на Кавказѣ, и въ день сдачи персами крѣпости Баку русскимъ войскамъ (6-го февраля 1806-го г.) былъ свидѣтелемъ вѣроломнаго убійства кн.П.Д.Циціанова.

ненія, которыя даже печатались на казенный счетъ. По этому поводу графъ Аракчеевъ писалъ ему такъ : "Его Императорское Величество соизволилъ переведенную вами тактическую книгу, по разсмотрѣніи мною оной, ежели окажется достойною, отдать въ печать и всѣ отпечатанные экземпляры вамъ доставить. Я исполнилъ Его Высочайшую волю, прочитавъ содержаніе оной и нашедъ во всѣхъ частяхъ весьма полезною, приказалъ нынѣ отпечатать,и одинъ бѣлый экземпляръ,для поднесенія отъ васъ Его Императорскому Величеству,скоро отъ меня присланъ будетъ вамъ, который получивъ, тогда же извольте за сіе Высочайшее къ трудамъ вашимъ благоволеніе, принести Его Императорскому Величеству вашу благодарность" (Письмо 5-го августа 1799-го года).

Благоволеніе къ Иринарху Ивановичу со стороны Государя на этомъ не кончилось,и черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ полковникъ Завалишинъ получилъ отъ генералъ-адъютанта графа Ливена сообщеніе о слѣдующемъ Высочайшемъ повелѣніи: "Государь Императоръ, произведя васъ сего числа въ генералъ-маіоры и назнача шефомъ гренадерскаго полка, что былъ Бенкендорфа (1) (Таврическаго гренадерскаго.Ю.Т.), указать соизволилъ,чтобы вы немедленно по полученіи сего пріѣхали къ Его Императорскому Величеству въ Гатчину. Въ Гатчинѣ, сентября 13-го, 1799-го года".

Повидимому, Государь лично пожелалъ дать Завалишину какое то важное порученіе. И, дѣйствительно, порученіе оказалось чрезвычайной важности для новопроизведеннаго генерала,которому не было тогда еще и тридцати лѣтъ отъ роду. Оно состояло въ томъ, „чтобы на предоставленной въ распоряженіе генералу эскадрѣ отвезти въ Голландію отрядъ войскъ на подкрѣпленіе разбитому генералу Герману и возстановить честь полка, котораго Завалишинъ назначенъ былъ шефомъ".(2)

Императоръ Павелъ,глубоко огорченный первыми дошедшими до него извѣстіями о неудачномъ сраженіи 8-го сентября у Бергена, выразилъ неудовольствіе всѣмъ войскамъ, участвовавшимъ въ немъ, что было по его приказанію „публиковано въ газетахъ". У полковъ были отняты „бои",„полкъ же Завалишина (что былъ Бенкердорфа), потерявъ знамя, оное ему не возвращается". (СПБ. Вѣд. № 86).

Прибывъ въ Голландію, генералъ Завалишинъ узналъ, что герцогъ Іоркскій, командовавшій соединеннымъ англо-русскимъ корпусомъ, заключилъ уже перемиріе съ французами, и наши войска, бывшія въ Голландіи, посажены уже на суда эскадры

---

(1) Ген.-отъ-инф. Христоферъ Ивановичъ Бенкендорфъ - отецъ графа Александра Христофоровича, ген. адъютанта и шефа жандармовъ. Иринархъ Ивановичъ Завалишинъ - отецъ декабриста Д.И. Завалишина, служившаго во флотѣ.

(2) „Древняя и Новая Россія", 1876 г., № 12.

вице-адмирала Чичагова для отправки ихъ въ Англію, а затѣмъ въ Россію. Черезъ нашего же посланника въ Лондонѣ, графа Воронцова, получилъ увѣдомленіе, что въ ожиданіи дальнѣйшаго повелѣнія Императора для войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ его, генерала Завалишина, назначены зимнія квартиры на Нормандскихъ островахъ - Гернсей и Джерсей. Въ то же время графъ Воронцовъ извѣщалъ генерала, что полкъ, котораго онъ назначенъ шефомъ, отличился въ послѣднихъ сраженіяхъ и отнялъ у непріятеля знамя; къ этому извѣстію нашъ посланникъ присоединялъ еще, что по разъясненіи всѣхъ обстоятельствъ, оказывается, что обвиненный въ потери знамени полкъ, вовсе не терялъ его въ томъ смыслѣ, чтобы оно досталось непріятелю, а что оно исчезло со смертію офицера, спрятавшаго его у себя на груди.

Расположивъ между тѣмъ, согласно данному указанію, свои войска на Гернсей и Джерсей, генералъ Завалишинъ вступилъ въ самыя дружескія отношенія и съ англійскимъ намѣстникомъ этихъ острововъ, лордомъ Дальримплемъ, и, вообще, со всѣми жителями этихъ острововъ. Въ теченіе цѣлаго года простояли ввѣренныя ему войска на этихъ островахъ, и за все это время ни разу со стороны жителей не было подано жалобы и не было выражено какого-нибудь неудовольствія, такъ что, когда начались приготовленія къ отъѣзду въ Россію, Завалишинъ получилъ много адресовъ и писемъ и отъ начальства и отъ жителей, изъявлявшихъ живѣйшее сожалѣніе, что русскіе оставляютъ острова.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ сообщить здѣсь текстъ этихъ любопытныхъ писемъ. Однако, мы должны упомянуть, что существуетъ французская гравюра эпохи, изображающая отбытіе русскихъ войскъ изъ Голландіи. На этой гравюрѣ обращаетъ на себя вниманіе лестное для русскаго имени выраженіе дружескихъ чувствъ жителей, провожающихъ наши войска. Самое существованіе такой гравюры доказываетъ, что сравнительно незначительное съ современной намъ точки зрѣнія событіе вызвало въ то время очень живой откликъ въ европейскомъ обществѣ (I).

Не оставлялъ генералъ Завалишинъ и дѣло о „потери знамени" своего полка. По этому поводу онъ велъ долгую переписку съ гр. Воронцовымъ, бывшимъ въ постоянномъ общеніи съ герцогомъ Іоркскимъ, который неоднократно въ личныхъ письмахъ къ Императору Павлу Петровичу съ большою похвалою отзывался о русскихъ войскахъ („Не могу достаточно нахвалиться подвигами русскихъ войскъ..." - письмо отъ 8/27 сент.). Ходатайствовалъ принцъ передъ Императоромъ Павломъ и за ген. Германа. Въ итогѣ этой переписки дѣло о потери знамени полка приняло

(I) Evacuation de Hollande le 27 Vendemiaire An 8 par les Anglo-Russe, en vertu de la convention d'Alcmaer dictée par le Général Brune et acceptée par le Général-Major Knox muni des pouvoirs de S.A.R-le le Duc d'York. Dessiné par Nodet-J.P. Direxite. Размѣръ изображенія 55 см. x 40 см.

благопріятный оборотъ, и 25 марта(7 апрѣля)1800 г., Завалишинъ получилъ отъ гр.Воронцова такое письмо:"На представленіе мое по письму герцога Іоркскаго, коимъ его Высочество отдавалъ справедливость полкамъ, бывшимъ во время сраженія съ непріятелемъ храбрыми, и въ порядкѣ и въ дисциплинѣ, я получилъ Высочайшій рескриптъ, коимъ сдѣланное наказаніе лишеніемъ боевъ (а по необстоятельному донесенію, и полкъ, поступившій послѣ того подъ ваше начальство, былъ въ числѣ) Всемилостивѣйше отъемлется, по представительству герцога Іоркскаго, и возвращается бой всѣмъ полкамъ и баталіонамъ,о коихъ Его Высочество прописывалъ,въ томъ числѣ и полку вашему,коему Всемилостивѣйше дадутся новыя знамена съ надписью, какъ ваше превосходительство увидите то изъ приложенной выписки изъ рескрипта Его Императорскаго Величества. Я копію онаго сообщаю графу де Віоменилю (послѣ ген.Германа главнокомандующимъ русскими войсками въ Англіи былъ назначенъ генералъ-отъ-инфантеріи М.И.Голенищевъ-Кутузовъ, а послѣ него графъ де Віоменилъ, французскій эмигрантъ,вступившій въ русскую службу.Ю.Т.) отъ коего получите о семъ приказъ, а симъ предварительно васъ извѣщаю, какъ о пріятномъ для васъ, въ чемъ болѣе удостовѣряетъ меня тотъ ревностный и благородный духъ,который руководитъ вами въ службѣ". Къ этому гр.Воронцовъ приложилъ выписку изъ его всеподданнѣйшаго донесенія Государю и выписку изъ Высочайшаго рескрипта, въ отвѣтъ на это донесеніе.

„Не могу пропустить еще при семъ случаѣ, доноситъ гр. Воронцовъ, чтобы не представить Вашему Императорскому Величеству,что полкъ нынѣ Завалишина,а тогда бывшій Бенкендорфа, въ сраженіи 8/19 сентября, замѣнилъ потерю знамени отнятіемъ другого у непріятеля,которое теперь хранится при ономъ полку. О потери же своего, могу, какъ по рапортамъ, такъ и приказамъ, отданнымъ въ то время, донести Вашему Императорскому Величеству,что полкъ сей въ сраженіи 8 сентября,бывши во всѣхъ опаснѣйшихъ мѣстахъ и претерпѣвъ несравненно болѣе другихъ, только тогда потерялъ свое знамя, когда подпрапорщикъ Щегловитовъ, при жестокомъ и отчаянномъ нападеніи непріятеля,видя,что не могъ спасти несомое имъ знамя, по приказанію бывшаго при знаменахъ прапорщика Багговута, отъ древка оторвавъ, обвилъ вокругъ себя и вмѣстѣ съ онымъ и помянутымъ прапорщикомъ погибъ (I). Остальныя же девять знаменъ въ полку всѣ изранены".

(I) Прапорщикъ Вильгельмъ Владиміровичъ Багговутъ былъ родной племянникъ извѣстнаго впослѣдствіи генерала-лейтенанта Карла Федоровича Багговута, командира 2-го пѣхотнаго корпуса, убитаго въ 1812-мъ году подъ Тарутинымъ. Прапорщика В.В. Багговута сначала исключили изъ списковъ, полагая въ числѣ убитыхъ. Въ дѣйствительности онъ остался живъ, и Императоръ Павелъ, узнавъ о его спасеніи

На это донесеніе Императоръ Павелъ Петровичъ отвѣтилъ такъ : "Получилъ я донесеніе ваше отъ 10/21 января. Уважая предстательства Его Высочества герцога Іоркскаго и ваше свидѣтельство въ мужествѣ и сохраненіи дисциплины въ Голландіи, во время сраженія съ французами, полковъ гренадерскаго Завалишина (Таврическаго.Д.Т.), мушкетерскихъ Ферзена(1) и Седморацкаго (Тобольскій и Бѣлозерскій.Д.Т.) баталіоновъ Эриксона, Пузыревскаго и Матюшина, уничтожаю незаслуженное имъ наказаніе,позволяя употребить всѣ бои,и оправданіе ихъ публиковано будетъ въ газетахъ. Гренадерскій же Завалишина полкъ, не только не потерпитъ ничего за потерю знамени, но, даже, въ уваженіе оказаннаго имъ отличія взятіемъ знамени у французовъ,награжденъ будетъ новыми,на которыхъ написанъ подвигъ, заслуживающій сіе отличіе, по заведенному мною обычаю давать сіе тѣмъ полкамъ, которые въ сраженіи отобьютъ напріятельское знамя".

Честь полка была возстановлена,и Таврическому гренадерскому полку были пожалованы новыя знамена.

„Милостивый государь мой, Иринархъ Ивановичъ," писалъ графъ Воронцовъ Завалишину (письмо отъ 2-го мая 1800-го года изъ Лондона). „Ваше превосходительство предварительно уже извѣстны,что Государь Императоръ,уважая храбрость полку имени вашего,отличавшагося въ Голландіи и отбившаго у непріятеля знамя, соблаговолилъ вознаградить потерянное симъ полкомъ знамя - новымъ,съ означеніемъ на него того случая, заслужившаго сіе императорское благоволеніе. Сіе знамя я получилъ съ недавно прибывшимъ курьеромъ,равно какъ и Высочайшій рескриптъ въ полкъ имени вашего превосходительства, которое отправилъ я съ гг. прапорщиками гренадерскаго Мамаева полку Крюковымъ и Родіоновымъ, и мушкетерскаго Ферзена полку Чуйковымъ, къ его сіятельству генералу отъ кавалеріи графу Віоменилю, отъ котораго вы оное и получите".

Зная, что среди нашихъ читателей есть лица, интересующіяся старыми знаменами нашей арміи, мы добавляемъ къ пред-

---

и подвигѣ, повелѣлъ зачислить его вновь на службу въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Умеръ В.В.Багговутъ въ 1805-мъ году и былъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

(1) Въ исторіи Тобольскаго пѣхотнаго полка (В.Ф. Станкевичъ, шт. кап. офицеръ полка. Краткая исторія 38 пѣхотнаго Тобольскаго Е.И.В.Великаго Кн.Сергѣя Александровича полка, для нижнихъ чиновъ. 1703-1895 гг. Варшава, 1895 г. 55-я стр.) шефомъ Тобольскаго полка при Императорѣ Павлѣ показанъ Иванъ Евстафьевичъ Ферзенъ, извѣстный сподвижникъ Суворова, взявшій въ плѣнъ Костюшку при Маціевицахъ въ 1794 г. Это показаніе невѣрно. Шефомъ Тобольскаго полка былъ другой Ферзенъ - однофамилецъ Ивана Евстафьевича , состоявшій въ Митавѣ при будущемъ королѣ Людовикѣ XVIII.

лагаемой статьѣ точное описаніе знаменъ гренадерскаго генералъ-отъ-инфантеріи Бенкендорфа, а потомъ генералъ-маіора Завалишина полка, извлеченное изъ описи знаменъ, хранившихся въ артиллерійскомъ историческомъ музеѣ въ Петербургѣ.

Знамена гренадерскаго генералъ-отъ-инфантеріи Бенкендорфа полка, образца 1789-го года, шелковыя: восемь экземпляровъ двуцвѣтные, изъ кофейной и желтой матеріи, съ бѣлыми угловыми вставками и одинъ - шефское знамя - наоборотъ - бѣлый, съ угловыми вставками, одна половина которыхъ кофейная, а другая желтая. Въ середину полотна вставленъ двойной овалъ изъ шелковой розовой матеріи, на которомъ съ обѣихъ сторонъ изображенъ въ вѣнкѣ изъ зеленыхъ лавровыхъ гирляндъ государственный гербъ (черный двуглавый орелъ съ поднятыми кверху крыльями, золотыми: державой и скипетромъ и тремя Императорскими коронами: на красномъ нагрудномъ щитѣ Георгій Побѣдоносецъ и кругомъ щита золотая Андреевская цѣпь). Ширина экземпляровъ 4 фута 6 дюймовъ - 4 фута 7 1/2 дюймовъ, длинна 4 фута 8 дюймовъ. Всѣ вылиняли и пять изъ нихъ нѣсколько порваны (были „изранены" въ сраженіи, какъ доносилъ гр.Воронцовъ). Древки желтыя, при нихъ копья мѣдныя съ вырѣзаннымъ Государственнымъ гербомъ и серебряныя кисти на серебряныхъ же съ двумя черно-желтыми полосками темлякахъ.

Новыя же знамена, образца 1800-го года (ихъ въ артиллерійскомъ историческомъ музеѣ по описи значится 3 экземпляра) шелковыя черныя, съ широкими красными угловыми вставками. Въ середину полотна вшитъ довольно большой кругъ изъ шелковой розовой матеріи, на которомъ съ обѣихъ сторонъ изображенъ черный съ золотыми клювами двуглавый орелъ, съ однимъ поднятымъ вверхъ и другимъ опущеннымъ внизъ крыльями, въ золотыхъ Императорскихъ коронахъ на головахъ и съ серебряными перунами въ когтяхъ. Надъ орломъ (на кругѣ же) на широкой голубой лентѣ начертаны серебряныя надписи: на одной сторонѣ знамени - „СЪ НАМИ БОГЪ", на другой - „БЛАГОДАТЬ"; ниже двуглаваго орла протянута голубая лента, на которой помѣщена писанная серебромъ надпись: „ЗА ВЗЯТІЕ У ФРАНЦУЗОВЪ ЗНАМЕНИ ВЪ ГОЛЛАНДІИ 1799 ГОДУ". Кругъ заключенъ въ серебряный пальмовый вѣнокъ, перевязанный внизу серебряною же сложенною двойнымъ бантомъ ленточкою; сверху на кругѣ между верхними концами вѣтвей вѣнка помѣщается большая золотая Императорская корона. Въ углахъ знамени (на вставкахъ) писаны серебромъ въ пальмовыхъ вѣнкахъ вензеля Императора Павла I (изъ буквъ „П" и цифры „I" (подъ Императорскою короною, которая писана золотомъ. Ширина экземпляровъ 4 фута 8 1/2 дюймовъ, длинна 4 фута 1 1/2 дюйма. Древки темно-коричневыя. Копья плоскія мѣдныя, вызолоченныя, съ вырѣзаннымъ вензелемъ Императора Павла I („П" и „I"), подъ двумя, одна надъ другой, коронами (Мальтійскою и Императорскою), при нихъ серебряныя кисти, на серебряныхъ съ тремя черно-желтыми полосками темлякахъ.

Литературные источники: Д. Милютинъ. Исторія войны 1799 года между Россіей и Франціей въ царствованіе Императора Павла I. Томъ 2-й. СПБ., 1857.
„Древняя и Новая Россія", 1877 г.
„Русская Старина", 1885 г.
„Описи знаменамъ, штандартамъ, прапорамъ, значкамъ, трубамъ за отличіе, грамотамъ, скобамъ и прочимъ войсковымъ регаліямъ, хранящимся въ артиллерійскомъ историческомъ музеѣ; съ указаніемъ принадлежности таковыхъ частямъ войскъ". СПБ., 1903 г.

Ю.А. Топорковъ.

ДАГЕСТАНСКІЙ КОННЫЙ ПОЛКЪ

Въ числѣ полковъ Россійской Императорской Арміи, Дагестанскій конный полкъ былъ единственной войсковою частью, представлявшей оригинальное явленіе - соединеніе „регулярства" съ милиціонными началами. Онъ возникъ при исключительной обстановкѣ, набирался изъ добровольцевъ, но стоялъ по линіи драгунскихъ полковъ. Мысль о сформированіи полковъ изъ туземцевъ Закавказскаго края принадлежитъ фельдмаршалу гр. Паскевичу-Эриванскому, который во время турецкой войны 1828-1829 г.г. сформировалъ четыре конно-мусульманскихъ полка, впослѣдствіи упраздненные.

Когда Шамиль сталъ водворять свой порядокъ въ горахъ Чечни и Дагестана, его жестокость, которую онъ проявлялъ къ тѣмъ, кто по его мнѣнію былъ преданъ русскимъ, заставила ихъ покинуть родную страну и спасаться въ Аварію, тогда намъ преданную. Уже въ 1841-мъ году до 50 семействъ изъ Караты, боясь угрозъ Шамиля, за давнишнюю преданность Россіи, бѣжали въ Аварію, едва успѣвъ захватить свое оружіе и бросивъ все имущество; нѣкоторые покинули и своихъ родныхъ, сдѣлавшихся жертвами мщенія Имама. Когда, вслѣдствіи несчастныхъ для насъ событій въ сентябрѣ 1843-го года, мы принуждены были оставить Аварію и съ ней весь нагорный Дагестанъ, многіе Гумбетовцы, Каратинцы, вмѣстѣ съ семьями, зная, что послѣ ухода русскихъ, ихъ постигнетъ самая злая участь, вышли вслѣдъ за отрядомъ Пассека. Слѣдуя за этимъ отрядомъ во время его замѣчательнаго отступленія отъ Хунзаха до Темиръ-Ханъ-Шуры, они принесли большую пользу своей авангардной и развѣдывательной службой. Эти выходцы, также и выходцы изъ аула Чохъ, по взятіи его Шамилемъ, вступили въ ряды такъ называемыхъ Дагестанскихъ всадниковъ, постоянной милиціи въ числѣ 200 человѣкъ. Генералъ-адъютантъ М.З.Аргутинскій-Долгорукій, командовавшій войсками, весьма цѣнившій уже испытанную храбрость и преданность этихъ выходцевъ, рѣшилъ создать изъ нихъ цѣлую самостоятельную боевую часть, которая могла бы замѣнить собой до извѣстной степени регулярную кавалерію. Въ началѣ Императоръ Николай Павловичъ разрѣшилъ сформировать двѣ сотни. Къ этимъ двумъ Аварскимъ сотнямъ князь Аргутинскій добавилъ еще двѣ сотни Дагестанскихъ всадниковъ и назначилъ начальникомъ ихъ

выходца изъ Хунзаха, штабсъ-капитана Али-Хана-Гусейнъ-Оглы, человѣка истинно-преданнаго русскимъ. 27-го апрѣля 1851-го года кн.Аргутинскій представилъ Намѣстнику кн.Воронцову подробное положеніе о сформированіи новаго Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. 16-го декабря того же года Высочайше былъ утвержденъ штабъ полка (дата старшинства полка), а 1-го мая 1852-го года полкъ былъ уже сформированъ и въ него назначены офицеры, всѣ изъ аварскихъ выходцевъ, дослужившихся до офицерскихъ чиновъ въ милиціи, кромѣ командира полка - маіора Нижегородскаго драгунскаго полка М.Г. Джемарджидзе, казначея штабсъ-капитана С.С. Корганова и адъютанта прапорщика П.Г. Прилуславскаго. Когда командиръ полка принялъ своихъ офицеровъ, изъ которыхъ почти никто по русски не зналъ, помощникъ командира полка, штабсъ-капитанъ Али-Ханъ, на привѣтствіе командира отвѣтилъ отъ имени офицеровъ по аварски: „Дуръ бстръ джахче (будь здоровъ, г-нъ начальникъ). Князю Аргутинскому очень хорошо извѣстно, какая бездна раздѣляетъ насъ съ Шамилемъ и его мюридами. Мало того, что они завладѣли всѣмъ нашимъ достояніемъ и разорили наши дома, Шамиль кровью облилъ наши сердца, у каждаго изъ насъ онъ убилъ или мать или отца, или брата, не заслужившихъ этого, а изъ ненависти къ намъ и изъ корысти. Можемъ ли мы все это ему простить. Мы только тогда вложимъ свои шашки въ ножны, когда Шамиль обезоруженнымъ будетъ въ рукахъ нашихъ; мы изъ мести и тогда отрубили бы ему голову, но знаемъ, что русскіе не любятъ такой мести, а для русскихъ мы всѣмъ готовы жертвовать. Не заслуживъ еще ничѣмъ, русскіе насъ приняли, какъ лучшихъ друзей. Мы вышли изъ горъ ни съ чѣмъ, семейства наши были въ однихъ лохмотьяхъ, и, не имѣя здѣсь ни одного аршина земли, мы всѣмъ обезпечены. Кому мы всѣмъ этимъ обязаны, какъ не русскимъ. Не долгъ ли нашъ всю жизнь служить имъ.. Ты будь увѣренъ, начальникъ, что для русскаго Царя мы никогда не пощадимъ своей головы, и дѣтямъ нашимъ завѣщаемъ, чтобы они вѣчно служили ему".

На вопросъ Джемарджидзе офицеры отвѣтили, что единственное ихъ желаніе : „Шамиль ольсунъ, Пача савольсунъ" (Смерть Шамилю, да здравствуетъ Государь !).

Командиръ полка долженъ былъ избираться изъ штабъ-офицеровъ регулярныхъ или иррегулярныхъ войскъ Кавказскаго корпуса, адъютантъ и казначей изъ регулярныхъ войскъ того же корпуса, прочіе офицеры или изъ того же корпуса или же изъ лицъ аварскаго племени, дослужившихся до офицерскихъ чиновъ въ милиціи и полку, отличавшихся усердіемъ, исполнительностью, преданностью правительству и личной храбростью въ военныхъ дѣйствіяхъ. Нижніе чины назначались преимущественно и почти исключительно изъ аварцевъ. Срокъ службы опредѣленъ не былъ: они могли быть уволены за преступленія, за ранами и т.п.. Жалованіе охотникамъ назначалось : урядникамъ по 10 рублей, всадникамъ по 5 рублей, сверхъ того выдавалась мука и мясо, а лошадямъ - фуражъ. Въ началѣ офицеры аварцы были совершенно чужды русской жизни, жили по обычаямъ предковъ и едва знали русскій языкъ. Относительно понятій о служебныхъ обязанностяхъ еще сотенные командиры удовлетворяли кое-какимъ сни-

сходительнымъ требованіямъ, зато субалтернъ-офицеры не имѣли почти никакихъ понятій о службѣ и дисциплинѣ. Между прочимъ, вначалѣ нѣкоторые изъ офицеровъ не оставляли прежней дружбы и куначества съ простыми всадниками. Положеніе первыхъ русскихъ офицеровъ было тяжелое. Такъ П.Г. Пржецлавскій въ своихъ запискахъ вспоминаетъ, что когда онъ прибылъ въ полкъ, то на другой день къ нему безъ зова явились въ его комнату однополчане, служившіе простыми рядовыми всадниками; желая познакомиться съ нимъ, они безъ церемоніи протягивали ему свои грязные руки и безъ приглашенія усаживались,кто на кровать, кто на сундукъ и подоконникъ, и такъ какъ онъ бѣгло объяснялся на ихъ языкѣ, они его разспрашивали о его жизни. Первое время послѣ сформированія полка нелегкій трудъ выпалъ также на его начальство пріучить,хоть нѣсколько людей,никогда не знавшихъ, что такое порядокъ строя и дисциплина,къ строевой службѣ. Первый командиръ полка, Джемарджидзе, положилъ начало строевому его образованію; онъ добился назначенія въ полкъ одного грузина и двухъ мусульманъ, служившихъ раньше урядниками въ Закавказскомъ конно-мусульманскомъ полку въ Варшавѣ и имъ поручено было въ разговорахъ съ всадниками внушать понятія долга и субординаціи.

Полкъ тотчасъ за сформированіемъ поступилъ въ составъ Дагестанскаго отряда на Кутишинскихъ высотахъ, куда I-го іюня 1852-го года прибылъ Джемарджидзе, чтобы начать скорѣе вводить исподволь въ сотняхъ дисциплину, и хоть нѣсколько пріучить ихъ къ фронту.Сотни начали ходить на службу не толпою, какъ прежде, а въ порядкѣ и въ строю. Въ штабъ-квартирѣ полка, въ селеніи Большой Дженгутай,Джемарджидзе завелъ конную команду, состоявшую изъ 60 всадниковъ при 6 урядникахъ, собранныхъ поровну изъ каждой сотни и служившую школою всему полку. Командиръ полка, почти каждый день выѣзжая на ученіе, самъ училъ команду,приглашая присутствовать при этомъ офицеровъ полка, для которыхъ эти занятія были новы, такъ же какъ и для всадниковъ. По прошествіи извѣстнаго времени, они распускались по сотнямъ, и составлялась другая изъ новыхъ людей; обученіе въ командѣ облегчало обученіе полка въ сотняхъ и въ цѣломъ. Наказанія за проступки налагались не по русскому уставу, а по особо выработанному положенію, примѣнительно къ дагестанскимъ обычаямъ. При составѣ полка сплошь изъ людей, не понимавшихъ по русски, конечно, командныя слова не могли быть произносимы по русски,и пришлось составить ихъ на аварскомъ языкѣ,причемъ прибѣгали къ парафразамъ и т.п.Вотъ одна изъ этихъ командъ : „строй фронтъ влѣво, равненіе направо ". переводилось такъ:„тотъ севаси тлявъ балахунъ, казана низамъ хаба". Аварскія слова команды удержались до 1875-го года, съ этихъ поръ они стали замѣняться постепенно русскими.

Составленный изъ людей, выросшихъ при одинаковыхъ условіяхъ жизни со врагомъ (горцами), знакомый въ совершенствѣ со всѣми обычаями и пріемами послѣднихъ,а также съ ихъ страной, полкъ очень скоро изъ охранительной своей роли перешелъ въ наступательную и рядомъ поисковъ на непріятельскія селе-

нія и твердыни доказалъ врагу,что онъ не имѣетъ безопасности и въ собственныхъ предѣлахъ.

Цѣлый рядъ лихихъ набѣговъ, участіе въ „историческомъ и безпримѣрномъ" переходѣ отряда князя Аргутинскаго черезъ Главный Кавказскій хребетъ въ I853-мъ году, переправа черезъ Согротль въ I859-мъ году,взятіе Гуниба 25-го августа I859-го года, походъ въ Хиву въ I873-мъ году поставили полкъ въ первые ряды Кавказской Арміи и доставили ему георгіевскіе трубы и знаки на папахи „ЗА ОТЛИЧІЕ", а вѣрный своему долгу и присягѣ во время возстанія въ Дагестанѣ въ I877-мъ году, полкъ награжденъ былъ георгіевскимъ знаменемъ. Съ I-го мая I852-го года до I-го мая I874 года всадники полка получили 348 знаковъ отличія военнаго ордена.Не такъ еще давно въ полку служили сверхсрочные юнкера милиціи, украшенные боевыми орденами. Какъ во время войны I877-го года, такъ и въ Японскую изъ тѣхъ же Дагестанцевъ были сформированы вторые Дагестанскіе конные полки, достойно сражавшіеся и поддерживавшіе славное имя Дагестанскаго конно-иррегулярнаго (съ I894 года - коннаго) полка. Во время Великой войны Дагестанскій конный полкъ входилъ въ составъ 3-й Кавказской казачьей дивизіи и сопменный ему Второй полкъ сражался на Австрійскомъ фронтѣ.

Кромѣ М.Г.Джемарджидзе изъ Нижегородскихъ драгунъ Дагестанцами командовали полковники: В.Бѣлюстинъ, кн.Э.Чавчавадзе, И.Кусовъ, В.Дебогорій-Мокріевичъ, А.Фурдуевъ и кн.Амплахвари. Цѣлый рядъ офицеровъ, служившихъ въ обоихъ полкахъ, связали ихъ въ крѣпкія узы кавказскаго боевого куначества.

Полкъ былъ замѣчательно красивъ въ строю, въ своихъ свѣтлыхъ черкескахъ и съ алыми башлыками. Только командиръ полка по традиціи башлыка не носилъ, и вотъ почему. Въ I888 году при путешествіи Императора Александра III-го съ Государыней Императрицей Маріей Федоровной по Кавказу, Дагестанскій конный полкъ конвоировалъ Ихъ по Кахетіи. Въ одинъ изъ дней вдругъ погода измѣнилась и пошелъ дождь.Командиръ полка князь А.Г. Чавчавадзе, сопровождавшій коляску Ея Величества; скинулъ съ себя свой башлыкъ и предложилъ его Императрицѣ, которая и накинула его на плечи.Съ тѣхъ поръ командиры полка башлыка въ строю не носятъ.

Литературный источникъ: "Дагестанскій конный полкъ" Изъ приготовленной къ печати "Исторіи Дагестанскаго коннаго полка". Е. Козубскій. "Русскій Архивъ", I909 г. Т. I.

Князь Н.С. Трубецкой.

Авторъ этой статьи кн. Никита Сергѣевичъ Трубецкой, — коренной офицеръ славнаго Нижегородскаго драгунскаго полка. Съ Кавказомъ его связываютъ тѣсныя узы родства: его матушка-урожденная княжна Багратіонъ-Мухранская. Съ давнихъ поръ кн. Никита Сергѣевичъ занимается собираніемъ и изученіемъ матеріаловъ по исторіи Кавказской Арміи и старается пополнить работы извѣстнаго историографа военнаго Кавказа покойнаго генерала В.А. Потто.

Редакція.

ПО СЕМЕЙНЫМЪ АРХИВАМЪ

КЪ ИСТОРІИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812-го ГОДА

В.Г.Ковалевскій передалъ намъ нижепубликуемую копію рукописи, хранившейся въ его семейномъ архивѣ и принадлежавшей перу его покойнаго дѣда генералъ-лейтенанта Александра Семеновича Ковалевскаго (1801-1877). Содержаніе этого интереснаго документа касается малоизвѣстныхъ подробностей возникновенія и участія въ войнѣ 1812-го года смоленскаго ополченія.

„Въ началѣ іюля 1812-го года, еще до воззванія Государя Императора Александра I къ дворянству о сформированіи ополченія, помѣщикъ Смоленской губерніи Духовщинскаго уѣзда, служившій въ С.Петербургскомъ Драгунскомъ полку, Петръ Дмитріевичъ Лесли, съ тремя братьями, такъ же какъ и онъ, служившими въ кавалеріи : Александромъ, Григоріемъ и Егоромъ, узнали о приближеніи непріятельскихъ войскъ къ границамъ Смоленской губерніи. Забилось сильно русское сердце у молодыхъ витязей, вздрогнуло оно, облилось кровью, какъ вздрагиваетъ, какъ рвется оно, когда видитъ въ страшной опасности любимое имъ существо.

Отчизнѣ грозила опасность и витязи Лесли, испросивъ у родителя своего благословенія, первые явились къ Смоленскому Губернскому Предводителю Дворянства, ихъ родственнику, Сергѣю Ивановичу Лесли, съ предложеніемъ составить по губерніи ополченіе, и просили располагать ихъ жизнью и состояніемъ на защиту родины.

Они привезли съ собою письмо отъ отца ихъ, генералъ — маіора Дмитрія Егоровича Лесли, въ которомъ маститый старикъ изъявлялъ готовность также вступить на службу, если этого потребуетъ надобность.

Губернскій Предводитель, одобривъ мысль эту, предложилъ ее на обсужденіе въ собраніи дворянъ, и затѣмъ отправилъ Государю Императору донесеніе о желаніи дворянства сформировать ополченіе. Высочайшее соизволеніе послѣдовало. Еще дворянство не съѣхалось въ Смоленскъ для сформированія ополченія, какъ генералъ-адъютантъ баронъ Винценгероде потребовалъ отъ Губернскаго Предводителя пригласить дворянъ, которые прежде служили въ кавалеріи, составить отрядъ, хотя бы изъ 20 человѣкъ, конныхъ, для отправленія къ генералу Оленину.

П.Д. Лесли и братья его тотчасъ отправились въ свои помѣстія и черезъ два дня явились къ генералу Винценгероде съ отрядомъ, состоявшемъ изъ 60 человѣкъ конницы и сформированнымъ изъ дворовыхъ людей и отборныхъ крестьянъ, съ лошадьми и полнымъ вооруженіемъ. Отрядъ этотъ Лесли обязались содержать на свой счетъ.

Баронъ Винценгероде отправилъ ихъ на границу Бѣлоруссіи, за городъ Красный, въ отрядъ генерала Оленина, въ которомъ не было конницы, необходимой для дѣйствія противу появившихся тамъ партій французовъ. Прибывъ къ мѣсту назначенія, Лесли,

со своими молодцами, несли аванпостную службу, дѣлали разъѣзды, исполняли разныя порученія и, открывъ непріятеля, приближавшагося въ большой массѣ, первые донесли объ этомъ генералу Оленину, а сами присоединились къ войску при г.Красномъ и были прикомандированы съ отрядомъ своимъ къ Харьковскому Драгунскому полку. Въ сраженіи при г. Красномъ они потеряли изъ своего отряда нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.Весь обозъ съ продовольствіемъ, фуражемъ, все имущество и 20 лошадей были захвачены непріятелемъ.

2-го августа, въ день сраженія при г.Красномъ, еще рано утромъ, генералъ Оленинъ вызвалъ охотниковъ открыть расположеніе непріятельскихъ войскъ за 20 верстъ отъ Краснаго, по правую сторону Днѣпра, и П.Д. Лесли вызвался охотникомъ. Получивъ отъ генерала въ командованіе взводъ Драгунъ Харьковскаго полка, и собравъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, онъ возвращался къ своему отряду,но сверхъ всякаго ожиданія, встрѣтилъ отрядъ непріятельскихъ гусаръ при деревнѣ Лучкахъ. Не видя другого средства проложить себѣ дорогу, какъ пойти въ атаку, онъ не задумался,пошелъ, разбилъ непріятеля и очистилъ путь. При этомъ взято имъ въ плѣнъ 9 человѣкъ съ лошадьми,но чтобы присоединиться къ своему войску, онъ долженъ былъ проходить деревни, занятыя французскими мародерами; увидѣвъ плѣнныхъ своихъ соотечественниковъ, Французы открыли стрѣльбу, къ счастью не причинившую никакого вреда, и въ продолженіи пути нѣсколько разъ непріятельскіе отряды гнались за нашими, желая отбить плѣнныхъ. Не доѣзжая 3-хъ верстъ до г.Краснаго, Лесли увидѣлъ себя отрѣзаннымъ и окруженнымъ непріятелемъ. Оставалось одно средства къ спасенію, броситься въ лѣсъ, и онъ скрылся тамъ съ плѣнными. Непріятель далѣе не смѣлъ его преслѣдовать. Въ лѣсу П.Д.Лесли нашелъ много жителей г.Краснаго, сообщившихъ ему, что ихъ городъ нѣсколько часовъ какъ взятъ Французами. Съ проводникомъ, окольными дорогами, Лесли возвратился къ нашимъ войскамъ. Генералъ Оленинъ удивился, увидя Лесли и взводъ Драгунъ цѣлыми и невредимыми. Онъ считалъ его погибшимъ, а между тѣмъ неустрашимый партизанъ привезъ ему всѣ нужныя свѣдѣнія и всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ 9 человѣкъ. Эти плѣнные, вѣроятно, были первые, отправленные въ Смоленскъ изъ сраженія подъ Краснымъ.

Того же 2-го августа П.Д.Лесли, полный отваги и храбрости, участвовалъ въ продолженіи дѣла подъ Краснымъ, а 5-го и 6-го числа былъ подъ Смоленскомъ. Когда войска наши, послѣ страшной рѣзни въ этомъ городѣ,отступили отъ него по Московской дорогѣ, Главнокомандующій 2-ю Западною Арміей, Князь Багратіонъ,увидѣвъ на походѣ Лесли,приказалъ явиться къ нему съ его отрядомъ и причислиться къ Главному Дежурству Арміи. Князь Багратіонъ оцѣнилъ такія чудныя заслуги партизанъ Лесли и сталъ возлагать на него, часто и лично, особенныя порученія.

П.Д. Лесли со своимъ отрядомъ былъ въ числѣ тѣхъ дѣйствователей, которые впередъ отдавъ свою жизнь за отчизну, дрались какъ львы, не думая и уже не боясь смерти. Но Провидѣніе хранило храбраго партизана, и за отличіе въ Бородин-

скомъ сраженіи онъ пожалованъ орденомъ Св.Анны 3-ей степени.

Звѣзда величайшаго и счастливѣйшаго полководца затмилась. Его надежду на себя, на свои могучія силы превозмогла надежда нашего Благословеннаго Монарха на Всемогущаго Бога и на преданный ему народъ. Несчастныя полчища Наполеона гибли и, уже безсильныя, думали только о спасеніи своемъ. Страшная гроза прошла, проливъ потоки крови. Тогда братья Лесли, испросивъ позволенія у Главнокомандующаго Милорадовича, возвратились въ свои помѣстья, разграбленныя и опустошенныя непріятелемъ. Партизаны Лесли, во все время службы, не получали жалованія ни для себя, ни для своего отряда.

Что сказать объ этомъ доблестномъ подвигѣ... Онъ самъ за себя говоритъ, ему можно только удивляться, вспоминать съ признательностью. О, дайте намъ побольше такихъ людей, дайте сыновъ, такъ любящихъ родину, разскажите намъ о ихъ подвигахъ, о ихъ самоотверженіи, о ихъ безкорыстіи, и мы поучимся, и намъ грѣшно и стыдно будетъ не быть достойными ихъ потомками.

Но и прежде сего почтенный П.Д. Лесли съ честью служилъ въ рядахъ нашихъ войскъ, состоя на службѣ въ С.Петербургскомъ Драгунскомъ полку. Такъ онъ участвовалъ въ походахъ 1805, 1806 и 1807 г.г. въ Австрію, Моравію и Пруссію противу французскихъ войскъ, и въ 1809-мъ году, въ Молдавію противу Турокъ, и за отличіе подъ г. Прейсишъ-Эйлау, гдѣ участвовалъ съ полкомъ 26-го января, при пораженіи двухъ непріятельскихъ колоннъ въ генеральномъ сраженіи, получилъ Золотой Крестъ съ надписью „ЗА ХРАБРОСТЬ". Сдѣлавшись же мирнымъ гражданиномъ, онъ служилъ по выборамъ дворянства, въ 1818-мъ году, казначеемъ для раздачи разореннымъ отъ непріятеля денегъ на продовольствіе и опосѣвъ полей, въ 1814-1817 гг. Смоленскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства исправлялъ должность Губернскаго Предводителя, Смоленскимъ совѣстнымъ судьею въ 1838-1844 гг., бывъ въ то же время предсѣдателемъ комиссіи для разбора дворянскихъ грамотъ, и, наконецъ, въ послѣднее время избранъ Предсѣдателемъ Палаты Уголовнаго Суда".

сообщилъ В.Г. Ковалевскій.

Редакція „Русскаго Военно-Историческаго Вѣстника", приводя безъ всякихъ измѣненій этотъ интересный и впервые публикуемый документъ, высказываетъ предположеніе, что онъ является выпиской, сдѣланной Александромъ Семеновичемъ Ковалевскимъ изъ „Смоленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" за 1857-й годъ, № 9 - источника малоизвѣстнаго и нынѣ труднонаходимаго. Свое предположеніе Редакція основываетъ на томъ, что въ извѣстномъ сочиненіи ген.-маіора М. Богдановича - „Исторія Отечественной Войны 1812 года". СПБ, 1859, Т.2, стр.49-50, авторъ, сообщая краткія свѣдѣнія о возникновеніи смоленскаго ополченія и упоминая имена дворянъ Лесли, дѣлаетъ ссылку на „Смоленскія Губернскія Вѣдомости", какъ на источникъ, откуда имъ почерпнуты эти свѣдѣнія.

Редакція.

СПИСОКЪ КАВАЛЕРАМЪ ОРДЕНА СВ. АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО ЗА ВСЕ ВРЕМЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й

(окончаніе)

1780-й годъ, января 29: ФРИДРИХЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ-КАРЛЪ, Виртембергъ-Штутгардскій Принцъ. Августа 30: ФРИДРИХЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ, Прусскій Наслѣдный Принцъ. Сентября 25: ФЕРДИНАНДЪ, Сицилійскій Король.

1781-й годъ, апрѣля 21: ГАННИБАЛЪ, Иванъ Абрамовичъ, генералъ-порутчикъ и генералъ цейхмейстеръ. МЕЩЕРСКІЙ, Платонъ Степановичъ, князь, генералъ-порутчикъ, казанскій и пензенскій генералъ-губернаторъ, впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи.

1782-й годъ, ноября 24: ПАССЕКЪ, Петръ Богдановичъ, генералъ-аншефъ и сенаторъ. ГЛѢБОВЪ, Федоръ Ивановичъ, генералъ-аншефъ и сенаторъ. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, Иванъ Логиновичъ, адмиралъ. ЧИЧАГОВЪ, Василій Яковлевичъ, адмиралъ. ОПУХТИНЪ, Акимъ Ивановичъ, генералъ-порутчикъ. ЧЕРТКОВЪ, Василій Алексѣевичъ, генералъ-порутчикъ. ДУРНОВО, Николай Дмитріевичъ, генералъ-кригсъ-комисаръ.

1783-й годъ, іюля 26 : ДЕ БАЛЬМЕНЪ, графъ, генералъ-порутчикъ.

1784-й годъ, января 1 : ИГЕЛЬСТРОМЪ, Осипъ Андреевичъ, баронъ, генералъ-порутчикъ. ГУДОВИЧЪ, Иванъ Васильевичъ, генералъ-порутчикъ. РЕБИНДЕРЪ, Иванъ Михайловичъ, генералъ-порутчикъ. Февраля 2 : БАРЯТИНСКІЙ, Иванъ Сергѣевичъ, князь, генералъ-лейтенантъ.

1785-й годъ, іюня 17: АРХАРОВЪ, Николай Петровичъ, генералъ-порутчикъ.

1786-й годъ, января 1 : КАХОВСКІЙ, Михаилъ Васильевичъ, генералъ-аншефъ. АНГАЛЬТЪ, графъ, генералъ-порутчикъ. Февраля 12 : ВОЛКОНСКІЙ, Григорій Семеновичъ, князь, генералъ-порутчикъ. ПОТЕМКИНЪ, Михаилъ Сергѣевичъ, генералъ-кригсъ-комисаръ. Августа 30 : ДМИТРІЕВЪ-МАМОНОВЪ, Матвѣй Васильевичъ, генералъ-порутчикъ и сенаторъ. Сентября 22: ЩЕРБАЧЕВЪ, Алексѣй Логиновичъ, генералъ-порутчикъ и сенаторъ. ВОРОНЦОВЪ, Семенъ Романовичъ, графъ, генералъ-порутчикъ и чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при королевскомъ англійскомъ дворѣ, впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи.

1787-й годъ, апрѣля 25 : КОМОРЖЕВСКІЙ, польской коронной арміи генералъ-порутчикъ и королевскій генералъ-адъютантъ. ПУЩИНЪ, Петръ Ивановичъ, вице-адмиралъ.

1788-й годъ, (мѣсяцъ и число неизв.): ДМИТРІЕВЪ-МАМОНОВЪ, Александръ Матвѣевичъ, графъ, арміи генералъ-порутчикъ и генералъ-адъютантъ. ФОНЪ-ДЕРЪ ФЕЛЬДЕНЪ, Вильгельмъ Христофоровичъ, генералъ.

1789-й годъ, апрѣля 21: МЕЛИСИНО, Петръ Ивановичъ,артиллеріи генералъ-порутчикъ. ТАЛЫЗИНЪ, Петръ Федоровичъ, генералъ-порутчикъ. ТУТОЛМИНЪ, Тимофей Ивановичъ, генералъ-порутчикъ и олонецкій генералъ-губернаторъ, впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи. НАССАУ-ЗИГЕНЪ, принцъ, вице-адмиралъ. Ноября 24 : САМОЙЛОВЪ, Александръ Николаевичъ, генералъ-порутчикъ.

1790-й годъ, мая 29 : КРУЗЪ, Александръ Ивановичъ, вице-адмиралъ. КАРЛЪ-ЛЮДВИГЪ ГОГЕНЛОЭ ЛУКСЕНБУРГСКІЙ, владѣтельный князь. Сентября 8 : БАРШЪ, Иванъ Яковлевичъ, адмиралъ и командиръ архангельскаго порта. ЛЕВАШЕВЪ, Василій Ивановичъ, генералъ-порутчикъ. НУМСЕНЪ, генералъ-порутчикъ. ЗУБОВЪ, Платонъ Александровичъ, генералъ-маіоръ и флигель-адъютантъ. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, Михаилъ Илларіоновичъ, генералъ-отъ-инфантеріи. АРМФЕЛЬДЪ, баронъ, шведской службы генералъ.

1792-й годъ, января (число неизв.): ЭНГЕЛЬГАРДЪ, Василій Васильевичъ, генералъ-порутчикъ, впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ. Февраля (число неизв.) : ПОПОВЪ, Василій Степановичъ, генералъ-маіоръ, впослѣдствіи дѣйств. тайный совѣтникъ. Марта 18: ГОЛИЦЫНЪ, Сергѣй Федоровичъ, князь, генералъ-порутчикъ. ДЕ РИБАСЪ, Осипъ Михайловичъ, контръ-адмиралъ Іюня 28 : МЕЛЛИНЪ, Борисъ Петровичъ, графъ, генералъ-порутчикъ КОСАКОВСКІЙ, графъ, генералъ-порутчикъ. ФЕРЗЕНЪ, Иванъ Евстафьевичъ, генералъ-порутчикъ, впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи и графъ. Октября 14: УШАКОВЪ, Федоръ Федоровичъ, вице-адмиралъ. Ноября 24 : МОРДВИНОВЪ, Николай Семеновичъ, вице-адмиралъ.

1793-й годъ,мая 6: АЛЕКСѢЙ-ФРИДРИХЪ-ХРИСТІАНЪ,Владѣтельный Князь Ангальтъ Бернбургскій.ФОН-ДЕРЪ ФЕЛЬДЕНЪ,Вильгельмъ Христофоровичъ, генералъ. ЛОБОВЕЦКІЙ, Степанъ, польскій генералъ-порутчикъ. Сентября 22 : МАНСУРОВЪ, Павелъ Дмитріевичъ, генералъ-порутчикъ и сенаторъ. ДУНИНЪ, Иванъ Петровичъ, генералъ-порутчикъ. ТАТИЩЕВЪ, Николай Алексѣевичъ, генералъ-порутчикъ,впослѣдствіи графъ и генералъ-отъ-инфантеріи. ЗУБОВЪ, Валеріанъ Александровичъ,генералъ-маіоръ и флигель-адъютантъ. ПРОТАСОВЪ, Александръ Яковлевичъ, генералъ-порутчикъ.

1794-й годъ, іюня 28 : ЗАГРЯЖСКІЙ, Иванъ Александровичъ, генералъ-порутчикъ. Ноября 9 : ДЕНИСОВЪ, Федоръ Петровичъ, генералъ-маіоръ.

1795-й годъ, января 1 : ВОЛЬФЪ, артиллеріи генералъ-порутчикъ. ШИРКОВЪ, генералъ-порутчикъ и кіевскій губернаторъ. МИЛОРАДОВИЧЪ, генералъ-порутчикъ и черниговскій губернаторъ. Февраля 17: СТУПИШИНЪ, Иванъ Васильевичъ,генералъ-лейтенантъ. Апрѣля 21: ФОНЪ-ДЕРЪ-ПАЛЕНЪ, Петръ Алексѣевичъ, баронъ, генералъ-порутчикъ и генералъ-губернаторъ Курляндскій, впослѣдствіи графъ. ХОРВАТЪ, Осипъ Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ.

1796-й годъ, іюня 28 : БЕКЛЕШОВЪ, Александръ Андреевичъ, курскій и орловскій генералъ-губернаторъ, впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи. ВОЛКОВЪ, Алексѣй Андреевичъ, генералъ-порутчикъ, пермскій и тобольскій генералъ-губернаторъ. ОСИПОВЪ, Григорій Михайловичъ, генералъ-порутчикъ, генералъ-губернаторъ смоленскій и псковскій. Іюля 6 : ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ. Августа 20: БУД-

БЕРГЪ, Андрей Яковлевичъ, баронъ, тайный совѣтникъ, впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи. Августа 28 : КАРЛЪ, Герцогъ ЗЮДЕРМАНЛАНДСКІЙ, шведскій принцъ.

ПОЛКОВЫЯ ХРОНИКИ.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПОДАРКИ

Л.Гв.КИРАСИРСКОМУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКУ

2I-го іюня I833-го года полку былъ подаренъ „кирасъ", носившійся Государемъ Императоромъ. Этому подарку сопутствовало собственноручное письмо Императора слѣдующаго содержанія :

„Кирасъ, мною носимый, хранить при полку въ знакъ особаго моего къ полку благоволенія за всегда вѣрную и отличную службу".

НИКОЛАЙ

Царское Село, 2I Іюня I833 г.

Кромѣ того, полку Всемилостивѣйше пожалованы: въ I855-мъ году, 8-го марта - мундиръ Императора Николая Павловича; въ I867-мъ году, 6-го декабря - портретъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Павловича, а также портретъ Государя Императора Александра Николаевича; въ I870-мъ году, 23-го апрѣля - мундиръ Л.Гв.Подольскаго Кирасирскаго полка, носившійся въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ I-мъ, и положенный на храненіе въ Софійскомъ соборѣ въ Царскомъ Селѣ.

Всѣ эти реликвіи Всемилостивѣйше жаловались полку во воздаяніе его вѣрной и отличной службы.

Литературный источникъ: „Исторія Л.Гв. Кирасирскаго Его Величества полка" I872 г. и „Приложеніе къ Исторіи Л. Гв. Кирасирскаго Его Величества полка I872 г. составилъ поручикъ того же полка А. Туганъ-Мирза Барановскій.

ФОРМЫ И ВНѢШНОСТЬ РУССКОЙ АРМІИ

ПО ОФФИЦІАЛЬНЫМЪ И НЕОФФИЦІАЛЬНЫМЪ ДАННЫМЪ

(продолженіе)

4.

Въ предыдущемъ номерѣ нашего журнала было приведено нѣсколько примѣровъ неоффиціальныхъ свидѣтельствъ современниковъ о внѣшности русскихъ войскъ. Укажемъ кстати на генералъ-маіора Ивана Матвѣевича Эриксона, шефа гренадерскаго баталіона при Императорѣ Павлѣ I-мъ, а при Императорѣ Александрѣ I-мъ - шефа 26-го Егерскаго полка. По свидѣтельству современника, И.Липранди, костюмъ генерала Эриксона въ Финляндскій походъ I808-го года была „оригиналенъ : онъ (генералъ)

носилъ огромный серебряный знакъ на груди, который былъ въ 1790-мъ году прострѣленъ и оставленъ ему Императрицею Екатериной II-й, какъ памятникъ мужества его при Бардакоски; при Павлѣ и Александрѣ онъ продолжалъ носить этотъ знакъ, несмотря на то, что возвышенъ былъ въ чинахъ. Кромѣ того, ему еще пришла мысль, вмѣсто кивера носить обыкновенную статскую круглую шляпу съ георгіевской лентой (онъ имѣлъ 3-ю степень). Это терпѣлось всѣми начальниками и самимъ Государемъ. Такіе оригиналы встрѣчались тогда".

5

По свидѣтельству графа Ланжерона, французскаго эмигранта, вступившаго въ русскую службу въ 1789-мъ году, и впослѣдствіи дослужившагося до чина генерала-отъ-инфантеріи, въ Екатерининской арміи высшіе начальники могли безконтрольно распоряжаться своими частями и потому въ обученіи и нерѣдко въ обмундированіи каждый руководствовался своимъ личнымъ капризомъ и своею выгодою. Офицеры часто не только сами одѣвались, какъ кому нравилось, но и для нижнихъ чиновъ придумывали фантастическое обмундированіе. Въ 1795 г. командиръ Козловскаго пѣхотнаго полка, Иванъ Бибиковъ, далъ своему полку узкія шаровары, полусапожки со шнурками, короткія куртки, вышитыя жабо и галстухи съ чернобѣлыми бантами, а на киверахъ своихъ гренадеръ приказалъ помѣстить свой гербъ, вмѣсто вензельнаго изображенія имени Императрицы, которое должно было быть на нихъ. Командиръ Малороссійскаго гренадерскаго полка, гр. Левъ Разумовскій, далъ своему полку кивера изъ медвѣжьяго мѣха французскаго образца. Такихъ примѣровъ, говоритъ Ланжеронъ въ своихъ запискахъ, можно привести сотню.

6

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за 1899-й годъ (іюнь) мы черпаемъ слѣдующія любопытныя данныя.

"Въ іюньской книжкѣ „Deutsche Revue", помѣщены отрывки изъ дневника молодого человѣка, въ 1855 году поступившаго въ Петербургскій университетъ. Какъ сообщаетъ редакція журнала, дневникъ этотъ остался послѣ „недавно умершаго въ С.-Петербургѣ высшаго сановника". Догадаться объ авторѣ пока трудно: изъ содержанія дневника вытекаетъ лишь, что авторъ - „русскій нѣмецъ" и лютеранинъ. Приводимъ нѣкоторыя выдержки:

14/2/ іюля... Вечеромъ цыганскій концертъ въ Вилла Боргезе у Ивана Ивановича Мелера на островахъ. Очень интересно: великолѣпная свѣтлая лѣтняя ночь - много военныхъ, въ томъ числѣ многочисленные офицеры въ кавказскихъ мѣховыхъ шапкахъ, которыя довольно курьезны при теплой погодѣ. Мнѣ разсказали, что служащіе на Кавказѣ офицеры смотрятъ на ношеніе этихъ шапокъ, какъ на личную привиллегію: они отстояли ее противъ высшихъ сановниковъ и послѣ борьбы, которая въ свое время

раздѣлила все высшее общество на двѣ партіи.Прочимъ офицерамъ строго воспрещено появляться въ столицѣ иначѣ какъ въ каскахъ".

Въ вышеупомянутомъ нѣмецкомъ журналѣ отрывки изъ дневника„недавно умершаго высшаго сановника" или подъ заглавіемъ "St.-Petersburg zur Zeit des Krim Krieges".

Добавимъ къ этому, что въ воспоминаніяхъ М.Н. Лонгинова („Русская Старина", 1873 г.) есть подобное же упоминаніе, но о фуражкахъ, которыя носили офицеры, пріѣхавшіе съ Кавказа въ Петербургъ.

„Въ послѣдній пріѣздъ свой въ Петербургъ, въ концѣ 1846 года,- пишетъ Лонгиновъ,- Глѣбовъ (Михаилъ Павловичъ Глѣбовъ -секундантъ Мартынова,Ред.) былъ едва двадцати семи лѣтъ отъ роду,полковникъ конной гвардіи и весь увѣшанъ крестами. Помню,что съ нимъ пріѣхалъ другой адъютантъ князя Воронцова,молодой полковникъ лейбъ-гусарскаго полка и также отличный офицеръ,Михаилъ Дмитріевичъ Масловъ. Тогда только что даны были войску каски, вмѣсто кивеpовъ и офицерскихъ трехъ-угольныхъ шляпъ.Но Кавказская армія носила фуражки,въ которыхъ явились въ Петербургъ Глѣбовъ и Масловъ,при своихъ гвардейскихъ адъютантскихъ мундирахъ. Это произвело большую „сенсацію"въ салонахъ и на улицахъ,гдѣ военный въ фуражкѣ былъ тогда чудомъ для всѣхъ.Начальство гвардейскаго корпуса заявило,что пріѣзжіе, числясь въ гвардіи, должны слѣдовать формѣ гвардейской, а не кавказской; князь Воронцовъ выразилъ противное мнѣніе и, наконецъ, побѣда осталась за фуражками, къ великому соблазну служакъ-формалистовъ".

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЕ КУРЬЕЗЫ И МЕЛОЧИ

ТАИТЯНСКАЯ ГВАРДІЯ ВЪ ФОРМѢ РУССКИХЪ ЛЕЙБЪ-ГУСАРЪ

Въ 1820-мъ году адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, состоя въ экспедиціи Беллинсгаузена,посѣтилъ островъ Таити и подружился съ тамошнимъ королемъ Помаре II-мъ,который въ бесѣдахъ не разъ высказывалъ желаніе, чтобы его гвардія (человѣкъ 20) была одѣта въ европейскіе военные мундиры. Черезъ два года, при отправленіи во второе кругосвѣтное путешествіе на фрегатѣ „Крейсеръ" адмиралъ Лазаревъ вспомнилъ о желаніи Помаре.Зная пристрастіе дикихъ къ яркимъ краскамъ,онъ,однако,не зналъ,что придумать.Случай вывелъ его изъ затрудненія.Зайдя однажды къ своему пріятелю моряку,онъ засталъ тамъ знакомаго лейбъ-гусарскаго офицера.Когда разговоръ зашелъ о томъ,какъ устроить дѣло съ обмундированіемъ таитянской гвардіи, гусаръ предложилъ прислать вахмистра своего эскадрона, который найдетъ сколько угодно выслужившихъ срокъ мундировъ. Такъ и было сдѣлано. Мундиры обошлись не дорого - одни доломаны и рейтузы, безъ ментиковъ.

Подарокъ Лазарева пришелся дикарямъ по вкусу. Одѣтые въ

новую форму, таитянскіе гвардейцы уже не разставались съ доломанами и, несмотря на жару, спали въ нихъ. Объ этомъ разсказываетъ одинъ морской офицеръ, бывшій въ плаваніи съ Лазаревымъ и оставившій свои записки. Только, увы, самому вдохновителю этой затѣи, королю Помаре II-му, не пришлось дожить до осуществленія своей мечты: бѣдняга скончался незадолго до того отъ излишествъ культа Бахуса.

Отмѣтимъ кстати, что среди офицеровъ „Крейсера" находился и Павелъ Степановичъ Нахимовъ, будущій герой обороны Севастополя.

Комментируя этотъ историческій курьезъ, мы должны отмѣтить, что еще въ первой половинѣ XIX-го столѣтія, не говоря о временахъ болѣе отдаленныхъ, путешественники по экзотическимъ странамъ довольно часто встрѣчали туземцевъ, щеголявшихъ въ военныхъ мундирахъ различныхъ европейскихъ армій. Мы хотимъ этимъ подчеркнуть, что приведенный случай не носилъ характера спорадическаго явленія и, слѣдовательно, могъ имѣть подъ собою какія то логическія основанія. Какія же ?

Повидимому, съ одной стороны, общественные взгляды первой половины XIX-го вѣка были нѣсколько проще, наивнѣе, а съ другой стороны, въ ту эпоху, эпоху всеобщей международной европейской экспансіи въ заокеанскія страны, любое заискиваніе передъ дикарями-туземцами, какъ бы далеко оно ни заходило, могло оправдываться высшими соображеніями государственной политики, какъ извѣстно, никогда не считавшейся съ принципами этики, мало пригодными для международнаго обращенія.

Однако, въ отношеніи разсказаннаго нами случая, мы не знаемъ, было ли освѣдомлено высшее начальство объ этой, столь же курьезной, сколь рискованной, съ современной намъ точки зрѣнія, предпріимчивости нашихъ офицеровъ.

П Л Е В Н А

(сопоставленія и выводы)

I

Осада Плевны была, какъ извѣстно, важнѣйшимъ и рѣшающимъ событіемъ русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Въ объективной военно-исторической оцѣнкѣ „Плевна" представляется намъ теперь ошибкой русскаго командованія, ошибкой, тѣмъ болѣе прискорбной, что она причинила въ то время ущербъ военному и политическому престижу Россіи и едва не привела къ проигрышу всей кампаніи. Между тѣмъ, ошибки этой могло бы, въ сущности, и не произойти, во-первыхъ, если бы былъ осуществленъ планъ болѣе рѣшительнаго наступленія главными силами за Балканы, предложенный Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, но не одобренный Государемъ Императоромъ, какъ слишкомъ рискованный, и, во-вторыхъ, если бы наша стратегическая развѣдка (агентурная и кавалерійская) оказалась на должной высотѣ (въ дѣйствительности она почти отсутствовала) и своевременно обнаружила бы движеніе Османа-паши, спѣшившаго создать занятіемъ Плевны угрозу нашему пра-

вому флангу. Такимъ образомъ, ничтожное само по себѣ стратегическое значеніе Плевны неожиданно возросло въ силу отнюдь не роковой случайности, но вслѣдствіе нерѣшительности нашего командованія, отсутствія у насъ глубокой развѣдки, и, какъ мы увидимъ далѣе, по необъяснимой небрежности нашей службы связи.

Въ очень обстоятельномъ трудѣ - „ Оборона Плевны ", составленномъ Музафферъ-пашей и Таалатъ-беемъ, послѣдній опредѣленно утверждаетъ, что „Плевна до прихода арміи Османа-паши, не имѣла значенія ни со стратегической точки зрѣнія, ни въ торговомъ отношеніи; въ этомъ городѣ не было также никакого склада военныхъ матеріаловъ, ни продовольствія для войскъ, равно какъ и для самихъ жителей".

Со своей стороны мы напомнимъ, что Плевна не только не была крѣпостью, но до прихода корпуса Османа-паши вокругъ города не существовало и сколько нибудь значительныхъ искусственно-укрѣпленныхъ позицій, и, что, именно, энергичный Османъ-паша при нѣкоторомъ содѣйствіи своихъ европейскихъ друзей превратилъ Плевну въ ту первоклассную крѣпость, которую мы трижды безуспѣшно штурмовали и взяли только голодомъ послѣ длительной и затянувшей войну осады.

Чтобы составить себѣ представленіе о создавшемся положеніи къ моменту перваго штурма Плевны 20-го іюля (первая Плевна), намъ необходимо прослѣдить ходъ предшествовавшихъ событій и отдать себѣ отчетъ въ соотношеніи силъ противниковъ.

24-го апрѣля 1877-го года Государь Императоръ объявилъ Турціи войну. Въ этотъ же день русская армія вступила въ Румынію. Весеннее половодіе препятствовало немедленной переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай, а, кромѣ того, эта сложная и опасная операція требовала значительной предварительной подготовки на мѣстѣ. Въ ночь на 22-е іюня отрядъ ген. Жукова переправился черезъ Дунай у Галаца и занялъ Буджакскія высоты. Вслѣдъ затѣмъ переправился и весь XIУ-й корпусъ ген. Циммермана. Но эта операція носила чисто демонстративный характеръ. Переправа же нашихъ главныхъ силъ началась въ ночь на 27-е іюня у Зимницы, противъ Систова, и была проведена благополучно и безъ значительныхъ потерь.

Къ этому времени численный составъ дѣйствующей русской арміи съ подходившими резервами выражался въ слѣдующихъ цифрахъ : I88.II5 человѣкъ пѣхоты, 32.837 - кавалеріи, 29.298 - артиллеріи и 6.970 - саперъ. Всего, слѣдовательно, 257.215 человѣкъ, включая и 7.I25 человѣкъ болгарскаго ополченія. Въ Калафатѣ, на лѣвомъ берегу Дуная, находились 50.000 румынъ князя Карла.

Въ смыслѣ качества вооруженія наша армія оставляла желать много лучшаго. Линейная пѣхота была вооружена очень несовершенными ружьями системы Крынка, калибра I5 мм.002, а стрѣлковые баталіоны имѣли берданки малаго калибра I8 мм. 7, но не послѣдняго усовершенствованнаго образца, а образца № I, впрочемъ съ металлическими патронами центральнаго боя. Въ артиллеріи имѣлись, преимущественно, уже устарѣвшія 4-хъ и 9-ти фунтовыя мѣдныя орудія съ начальной скоростью полета снаряда, не превышавшей I.000 футовъ въ секунду.

Румынская регулярная пѣхота имѣла прекрасныя ружья Пибоди, а ополченцы были вооружены ружьями Дрейсъ и Крынка. Румынская артиллерія обладала превосходными стальными круповскими орудіями. Однако, эти высокія качества вооруженія румынской арміи умалялись отсутствіемъ нѣкоторыхъ другихъ очень важныхъ элементовъ военной мощи.

Въ это же самое время численность турецкой арміи, расположенной въ различныхъ пунктахъ на пространствѣ между Дунаемъ и Балканскими горами и Чернымъ моремъ и Сербской границей, не превышала 135.000 человѣкъ. Изъ нихъ 8.000 находились въ Добруджѣ, 80.000 - въ раіонѣ крѣпостей - Силистрія - Рущукъ - Шумла - Варна, 4.000 - въ Вардинѣ и Систовѣ, 3.000 - въ Тырновѣ, 10.000 - въ Никополѣ, 5.000 - въ Радовѣ, 2.000 - въ Ломъ-Паланкѣ и 23.000 въ Виддинѣ (корпусъ Османа-паши). Кромѣ того, къ югу отъ Балканъ находилось еще около 25.000.

Какъ мы видимъ, на нашей сторонѣ былъ значительный численный перевѣсъ. При этомъ необходимо отмѣтить, что только меньшая часть турецкихъ войскъ состояла изъ низама (первоочередныхъ), большую же часть образовывали редифъ и мустафизъ (запасъ и ополченіе).

Преимущество регулярной турецкой арміи заключалось въ ея вооруженіи. Пѣхота имѣла превосходныя скорострѣльныя ружья системы Мартини-Генри, калибра 11 мм. 43, производства американскаго оружейнаго завода Пибоди, а также - Энфильдъ-Снидерсъ, калибра 14 мм. 74, при неограниченномъ - это можно сказать безъ преувеличенія - количествѣ патроновъ. Турецкая артиллерія располагала стальными круповскими орудіями, дававшими начальную скорость полета снаряда въ 1.500 футовъ въ секунду, скорость, считавшуюся тогда предѣльной.

Переправившись черезъ Дунай, русская армія повела наступленіе по тремъ направленіямъ : передовой отрядъ генерала Гурко (10.000) двигался на югъ, имѣя въ виду занять Тырновъ и Сельви, пройти затѣмъ черезъ Ханнкіойскій проходъ за Балканы, взять Ханнкіой и Казанлыкъ и, обойдя, такимъ образомъ, съ юго-востока Шипкинскій перевалъ, занятый турками, атаковать этотъ чрезвычайно важный стратегическій пунктъ; отрядъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича (75.000) двигался на востокъ съ цѣлью, буде окажется возможнымъ, занять Рущукъ - угрозу нашему лѣвому флангу; IX-й корпусъ генерала Криденера (35.000) шелъ на западъ для овладѣнія Никополемъ; наконецъ, XIУ-й корпусъ генерала Циммермана (35.000) ранѣе образовалъ нижне-дунайскую группу на линіи Черноводы-Кюстенджи. Въ распоряженіи Великаго Князя-Главнокомандующаго оставалось еще вмѣстѣ съ подходившими резервами около 100.000 человѣкъ.

7-го іюля отрядъ ген. Гурко взялъ съ боя Велико-Тырновъ - древнюю столицу Болгаріи, что имѣло большое моральное значеніе.

Къ этому моменту относятся два чрезвычайно важныхъ документа : письмо Великаго Князя-Главнокомандующаго Государю Императору отъ 9-го іюля и отвѣтное письмо Государя отъ 10-го іюля. Главнокомандующій писалъ, что смѣлое и неожиданное взятіе Тырнова даетъ ему возможность принять болѣе рѣшительный

планъ дѣйствій, ранѣе имъ не предвидѣнный. Планъ Великаго Князя заключался въ слѣдующемъ: отказаться отъ осады Рущука, ограничившись сохраненіемъ на восточномъ направленіи сильнаго обсерваціоннаго отряда въ составѣ XII-го и XIII-го корпуса, которому надлежало занять укрѣпленную позицію по рѣкѣ Янтрѣ съ одновременной цѣлью прикрывать нашъ лѣвый флангъ; для обезпеченія нашего праваго фланга выдвинуть въ сторону Плевны и Ловчи IX-й корпусъ; и направить VIII-й корпусъ непосредственно за передовымъ отрядомъ ген. Гурко въ Тырновъ, дождаться тамъ подхода XI-го корпуса, удерживая въ то же время горные проходы передовыми отрядами, и, сосредоточивъ такимъ образомъ свои силы, быстро идти за Балканы. Дѣйствуя такъ Великій Князь Николай Николаевичъ разсчитывалъ „сберечь время, деньги и людей", а также, вынудить турокъ бросить линію Рущукъ-Шумла-Варна и уйти за Балканы для прикрытія Константинополя. Возможное же наступленіе турокъ со стороны рѣки Янтры должно было встрѣтить сопротивленіе XII-го и XIII-го корпуса, которые Главнокомандующій хотѣлъ въ ближайшемъ будущемъ еще усилить. Въ своемъ письмѣ отъ 10-го іюля Царь писалъ, что онъ не можетъ скрыть своихъ опасеній по поводу проэктируемаго Великимъ Княземъ столь поспѣшнаго движенія за Балканы. Это движеніе представлялось Императору слишкомъ рискованнымъ, до тѣхъ поръ, пока значительныя силы противника, расположенныя въ Рущукѣ и Шумлѣ, не покинутъ этихъ своихъ сильныхъ позицій, откуда они всегда могутъ угрожать нашему лѣвому флангу. Государь опасался также и за нашъ правый флангъ, гдѣ былъ одинъ только IX-й корпусъ и гдѣ Никополь и Плевна находились еще въ рукахъ противника. Императоръ указывалъ далѣе, что послѣ переправы черезъ Дунай 3-ей бригады XI-го корпуса, съ которой онъ самъ намѣревался слѣдовать впередъ, какъ это было условлено, на лѣвомъ берегу Дуная не осталось бы никакихъ резервовъ до прихода IV-го корпуса, находившагося еще въ пути. Наконецъ, Государь Императоръ писалъ брату, что нельзя слишкомъ разсчитывать на однихъ румынъ, и если бы турки рѣшили идти изъ Виддина въ Румынію, они могли бы угрожать нашимъ сообщеніямъ.

Получивъ письмо Царя, Великій Князь отказался отъ своего якобы рискованнаго плана рѣшительныхъ дѣйствій и согласился на осторожный и выжидательный. Выжидать пришлось, впрочемъ, не такъ долго, ибо турки отнюдь не дремали. Но за это выжиданіе русская армія заплатила „Плевной".

У насъ нѣтъ пока, къ сожалѣніе, никакихъ документальныхъ исторически-достовѣрныхъ данныхъ, которыя позволили бы намъ установить подлинную причину столь неожиданнаго вмѣшательства Государя Императора въ стратегическіе планы Главнокомандующаго, какъ и причину непонятной уступчивости Великаго Князя колеблющейся волѣ Царя, уже надломленной и длительнымъ физическимъ утомленіемъ и недугомъ (мѣстная лихорадка), такъ же какъ и бременемъ нравственныхъ переживаній и тревогъ. Мы догадываемся, что одно только благородное чувство великой отвѣтственности за десятки тысячъ русскихъ жизней сковывало волю Государя, а Великаго Князя побудило отказаться отъ соб-

ственнаго плана дѣйствій. Царь прислушивался къ совѣтамъ своего либеральнаго военнаго министра, графа Д.А.Милютина, это все, что мы можемъ знать и утверждать. Въ остальномъ неясномъ и темномъ для удовлетворенія нашего естественнаго любопытства остаются только догадки и соображенія, основанныя, повторяю, не на достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, а на недостовѣрной и часто суетной молвѣ, соображенія и догадки, быть можетъ исторически правдоподобныя, логически обоснованныя, но все же нежелательныя для опубликованія на страницахъ русскаго военно-историческаго журнала.

Переправа русской арміи черезъ Дунай и наши дѣйствія въ придунайской Болгаріи въ теченіе первой недѣли іюля не должны были бы, въ сущности, безпокоить турецкое командованіе, заранѣе предвидѣвшее невозможность серьезнаго сопротивленія на этомъ передовомъ театрѣ войны. Самый характеръ сосредоточенія турецкихъ силъ по укрѣпленнымъ флангамъ дунайской оборонительной линіи (крѣпости Виддинъ и Рущукъ) указывалъ на намѣреніе османовъ болѣе защищаться, нежели нападать. Эта именно тенденція и была очень опредѣленно выражена въ рескриптѣ самого султана еще отъ 11-го іюня, инспирированнаго несомнѣнно донесеніями стараго генералиссимуса Абдула-Керима-паши. Однако, въ этомъ же рескриптѣ говорилось и о необходимости создать резервъ для оказанія рѣшительнаго сопротивленія дальнѣйшему продвиженію главныхъ силъ противника вглубь страны и для угрозы вражескимъ сообщеніямъ. Резервную армію предполагалось успѣть сформировать въ южной Болгаріи, очевидно, до вступленія туда русской арміи. Этотъ планъ, какъ мы видимъ, тоже очень осторожный, не понравился сравнительно еще молодому, способному и имѣвшему уже боевой стажъ турецкому корпусному командиру (ему было тогда 40 лѣтъ), Осману-пашѣ, находившемуся съ ввѣренными ему войсками въ Виддинѣ.

Сразу же послѣ переправы русской арміи черезъ Дунай Османъ-паша, правильно оцѣнившій создавшуюся обстановку, предложилъ турецкому командованію свой планъ дѣйствій, который онъ и обязывался привести въ исполненіе на свою отвѣтственность. Молодой паша проэктировалъ сосредоточить большую часть своего корпуса и всѣ войска изъ Никополя и Шумлы въ Тырновѣ, тогда еще не занятомъ русскими, и повести оттуда контръ-наступленіе на Систово съ цѣлью сбросить въ Дунай уже переправившіяся части русской арміи. Въ случаѣ же, если бы такая концентрація силъ въ Тырновѣ не удалась и контръ-наступленіе не смогло бы состояться, Османъ-паша предлагалъ занять Ловчу, представлявшую по его мнѣнію очень важный коммуникаціонный узелъ (пути на Софію и Филиппополь).

Этотъ планъ Османа-паши не былъ принятъ въ Стамбулѣ. Вѣроятно его также сочли слишкомъ рискованнымъ.

Между тѣмъ русская армія продолжала оперировать по тремъ вышеупомянутымъ направленіямъ, имѣя въ виду расширить свою базу. Былъ взятъ Тырновъ, откуда передовой отрядъ ген.Гурко двинулся къ Балканамъ. IX-й корпусъ ген.Криденера приближался къ Никополю. XII-й и XIII-й корпусъ готовились къ осадѣ Рущука. Наконецъ, 9-го и 10-го іюля произошелъ, уже упомяну-

тый нами, знаменательный обмѣнъ письмами между Великимъ Княземъ-Главнокомандующимъ и Государемъ Императоромъ.

Несмотря на то, что турецкое командованіе предвидѣло возможность первыхъ успѣховъ русскаго оружія въ придунайской Болгаріи, въ Константинополѣ заволновались. Въ этотъ то чрезвычайно трагическій для турокъ моментъ у насъ и произошла фактическая „смѣна главнокомандующихъ"(de jure она, конечно, никогда не состоялась), ибо только такъ можно теперь толковать тотъ фактъ, что планъ Великаго Князя, не встрѣтивъ высочайшаго одобренія, былъ въ корнѣ видоизмѣненъ согласно директивамъ самого Государя, ставшаго, такимъ образомъ, какъ бы „верховнымъ главнокомандующимъ".

Въ этотъ же день, 10-го іюля, Османъ-паша получилъ предписаніе выступить изъ Виддина къ Плевнѣ, чтобы занятіемъ этого города создать непосредственную угрозу правому флангу наступавшей русской арміи. Такъ с т р а т е г и ч е с к и возникла „Плевна". Стратегически мы проиграли ее семью днями позже.

Итакъ, Османъ-паша могъ считать себя отчасти удовлетвореннымъ : его планъ былъ принятъ, но - въ какомъ искаженномъ видѣ, но - сколько времени было уже потеряно, но - какъ измѣнилась вся обстановка !

13-го іюля передовой отрядъ ген.Гурко перешелъ Балканы. Поскольку отклоненъ былъ Государемъ планъ быстраго наступленія главными силами, постольку маршъ ген.Гурко терялъ широкое стратегическое значеніе, превращаясь въ лихой партизанскій набѣгъ и какъ бы повисая въ воздухѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ вызвалъ въ Стамбулѣ сильнѣйшее безпокойство, подтвердивъ, такимъ образомъ, правильность психологическаго разсчета, сдѣланнаго нашимъ Главнокомандующимъ.

Въ тотъ день, когда ген.Гурко перешелъ Балканы, **Османъ-паша**, во-исполненіе полученнаго предписанія, выступилъ рано утромъ изъ Виддина съ 19-ю баталіонами пѣхоты 5-ю эскадронами регулярной кавалеріи и 9-ю батареями. Вечеромъ 18-го іюля турки пришли въ Акчарь, гдѣ и заночевали. 14-го утромъ они вышли изъ Акчара и въ 4 часа по-полудни пришли въ Криводолъ. Здѣсь Османа-пашу ждали двѣ телеграммы изъ Стамбула. Ихъ содержаніе настолько характерно, что мы считаемъ необходимымъ привести его полностью и дословно.

1-я телеграмма.- „Его Величество приказываетъ вамъ какъ можно скорѣе достичь цѣли вашихъ операцій. Врагъ, раздѣленный на двѣ колонны, атаковалъ Эни-Загры и Казанлыкъ. Гдѣ вы находитесь ? Каковъ точно численный составъ вашихъ войскъ? Отвѣчайте немедленно".

2-я телеграмма. - „Какъ это было вамъ сообщено въ предыдущей депешѣ, страна находится между жизнью и смертью. Наступило время проявить самую пламенную ревность и высшій патріотизмъ. Его Величество приказываетъ вамъ двигаться какъ можно скорѣе".

Мы видимъ, что безпокойство въ Стамбулѣ достигло крайнихъ предѣловъ, разъ требовались „пламенная ревность и высшій патріотизмъ". Теперь у насъ есть неопровержимыя тому доказательства, но тогда нашъ военный министръ, **графъ Милютинъ**,

почему то утверждалъ, что рѣшительными дѣйствіями за Балканами мы не сможемъ вызвать паники ни въ турецкой арміи, ни въ турецкомъ народѣ. Теперь мы видимъ, что военный министръ добросовѣстно ошибался, а Главнокомандующій былъ правъ, но тогда все это должно было, конечно, казаться спорнымъ и проблематичнымъ, такъ какъ паническія телеграммы изъ Стамбула намъ не были, къ сожалѣнію, извѣстны. Еще одинъ разъ мы можемъ пожалѣть объ отсутствіи у насъ въ то время тайной агентурной развѣдки.

Однако, отчего же у нашего военнаго министра, ген.графа Милютина, создалась такая увѣренность въ правильности своихъ выводовъ, оказавшихся ошибочными и роковымъ образомъ измѣнившихъ весь планъ кампаніи ? Не былъ ли военный министръ введенъ въ заблужденіе какой нибудь ложной информаціей,исходившей изъ недобросовѣстнаго источника ? Но здѣсь мы опять вторгаемся въ деликатную область лишь болѣе или менѣе обоснованныхъ предположеній,отъ оглашенія которыхъ воздержимся.

Османъ-паша сдѣлалъ большую оплошность, выступивъ изъ Виддина утромъ въ ясную погоду, обычную тамъ въ это время года. Движеніе его отряда на пути изъ Виддина въ Акчаръ (первый этапъ) было обнаружено съ противоположнаго берега Дуная румынскими аванпостами и русскимъ артиллерійскимъ офицеромъ, капитаномъ Ивановымъ, находившимся въ качествѣ инструктора-наблюдателя при румынской артиллеріи. Но эта очень важная оплошность Османа-паши, къ сожалѣнію, осталась для него безнаказанной. 14-го іюля князь Карлъ Румынскій отправилъ Великому Князю Николаю Николаевичу слѣдующую телеграмму : „Аванпосты въ Калафатѣ сообщаютъ мнѣ о сильной вражеской колоннѣ, 25 баталіоновъ съ кавалеріей, быстро направляющейся къ Ломъ-Паланкѣ". Эта телеграмма была въ тотъ же день получена въ Тырновѣ, въ штабѣ русской арміи, но по причинѣ, которую мы упомянемъ ниже, ей не было придано должнаго значенія. Мало того,она не была даже немедленно передана въ нашъ правофланговый IX-й корпусъ, готовившійся уже къ штурму Никополя и, слѣдовательно, болѣе всего въ ней заинтересованный.

15-го іюля Никополь былъ взятъ послѣ довольно ожесточеннаго боя, и 16-го утромъ ген. Криденеръ донесъ объ этомъ Великому Князю.

Тѣмъ временемъ отрядъ Османа-паши двигался впередъ и 16-го вечеромъ подошелъ къ Альтемиру,сдѣлавъ за 3 1/2 сутокъ около 120 верстъ, т.е., примѣрно, 2/3 своего пути. Учитывая всѣ условія обстановки, мы должны признать, что турки двигались чрезвычайно быстро. Но до Плевны имъ оставалось еще около 60-ти верстъ и, конечно, самыхъ трудныхъ и опасныхъ. Османъ-паша выслалъ развѣдку, но развѣдка обнаруживала всюду подозрительную пустоту. Приближаясь къ цѣли своего пути турецкій генералъ не безъ тревоги ждалъ встрѣчи съ русскими,но русскіе не появлялись, и это ихъ непонятное бездѣйствіе еще больше безпокоило его,заставляя думать о готовящейся ему гдѣ нибудь ловушкѣ. Но и ловушки нигдѣ не оказалось.

/Продолженіе слѣдуетъ/ А.К. Савицкій.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II-Й ПОДЪ ПЛЕВНОЙ

(Великій примѣръ личнаго подвига)

Значеніе пребыванія Императора Александра II-го въ дѣйствующей арміи въ русско-турецкую войну 1877-1878 гг. лучше всего можетъ быть понято изъ словъ самого Государя, сказавшаго буквально слѣдующее: „Я ѣду братомъ милосердія".

Присутствіе Императора безмѣрно поднимало духъ нашей арміи и не позволяло ей до конца терять вѣру въ себя даже послѣ трехъ жестокихъ неудачъ подъ Плевной.

Одинъ изъ современниковъ писалъ: „Кто не знаетъ фотографическаго изображенія покойнаго Императора Александра II, снятаго съ него во время русско-турецкой войны за освобожденіе Болгаріи. На этомъ портретѣ покойный Государь изображенъ въ пальто и фуражкѣ сидящимъ на походномъ складномъ креслѣ. Но какое страдальческое лицо, какая худоба и какое выраженіе скрытой тоски въ этихъ глубоко впавшихъ глазахъ ! "

Жизнь Императора въ дѣйствующей арміи нельзя назвать иначе какъ подвигомъ христіанскаго милосердія и самоотверженности, добровольно на себя возложеннымъ. Морально царь несъ тотъ тяжкій крестъ, который неизбѣжно приходится нести духовно развитому человѣку, чувствующему свою отвѣтственность за страданія безропотно повинующихся ему людей. Но и физически Государь страдалъ едва ли меньше. Пароксизмы жесточайшей мѣстной маляріи, которой онъ заболѣлъ одинъ изъ первыхъ, изнурили его до крайности. Однако, Царь, несмотря на свои 59 лѣтъ, продолдалъ работать не жалѣя себя.

Жилищныя условія были плохи : убогая болгарская мазанка, грязь, удушающая жара сначала, потомъ холодъ, сырость.

Состояніе здоровья Государя безпокоило близко стоящихъ къ нему людей, въ особенности - врача, который настаивалъ на болѣе длительномъ ночномъ снѣ и сокращеніи часовъ работы. Царь вставалъ въ 8 ч. утра. „Я не могу вставать позже, говорилъ онъ врачу, потому что не успѣю иначе всего сдѣлать". Работалъ до поздней ночи. Иногда отдыхалъ днемъ, но приказывалъ будить себя немедленно по полученіи наиболѣе важныхъ депешъ изъ Петербурга и ставки Главнокомандующаго. Въ лѣтніе мѣсяцы приходилось работать при жарѣ, доходившей до 32 градусовъ въ тѣни. Чтобы быть еще ближе къ арміи, Царь переѣхалъ изъ грязнаго Горнаго Студня въ еще болѣе грязный Порадимъ. Осень наступила рано. Стало холодно, вѣтрено. Въ мазанкѣ пахло сырой землей и мужицкимъ жильемъ. Современникъ пишетъ: „Въ этомъ Порадимѣ ему (т.е. Государю. Ред.) было до того холодно и неудобно въ отведенной ему хаткѣ, что онъ наконецъ рѣшился обратиться къ саперамъ своего конвоя съ просьбой.

- Очень ужъ мнѣ холодно въ мазанкѣ, не сложите ли мнѣ, голубчики, небольшую печь. -

А въ это время онъ уже сильно страдалъ постоянными пароксизмами лихорадки! Конечно, саперы на другой же день соорудили большую печку, а какой то купецъ, имя котораго осталось не извѣстнымъ, обилъ всю комнатку солдатскимъ сукномъ. Государь остался очень доволенъ такимъ улучшеніемъ своей комнатки и

постоянно говорилъ, что нигдѣ онъ еще не пользовался такимъ удобствомъ, какъ въ Порадимѣ".

Въ своей слишкомъ широкой шинели, еще больше подчеркивавшей болѣзненную худобу, Императоръ въ любую погоду обходилъ полевые лазареты, участливо бесѣдовалъ съ ранеными и больными, давалъ имъ папиросы. Современникъ разсказываетъ, что однажды „Его Величество подошелъ къ раненому армейскому пѣхотному офицеру, въ то время, когда послѣднему дѣлали перевязку.

- Тебя, можетъ быть, мы безпокоимъ ? - ласково обратился къ нему Государь.

- Останьтесь,ради Бога, Ваше Императорское Величество, - жалобнымъ голосомъ взмолился офицеръ : - не уходите; я васъ вижу въ первый разъ... -

- А ты бы закурилъ папиросу, я полагаю, тебѣ легче бы было, - замѣтилъ Государь.

- Такъ точно, Ваше Величество, - слабымъ голосомъ отвѣтилъ больной.

Императоръ вынулъ свой портъ-сигаръ, досталъ папиросу и, самъ закуривъ ее, подалъ офицеру.

Конечно, какъ только Государь отошелъ, офицеръ поспѣшно сбросилъ огонь и спряталъ эту папиросу подъ подушку".

Не разъ, конечно, думалъ этотъ великій русскій монархъ-христіанинъ, что несравненно легче владѣть собою, претерпѣвая собственныя страданія, чѣмъ видѣть муки любимыхъ тобою, любящихъ тебя и преданныхъ тебѣ людей. Прекрасные глаза Государя часто были полны слезъ; слезы текли по исхудалымъ щекамъ, дѣлая ихъ худобу еще болѣе мученической и благородной.

Еще разсказъ современника и очевидца: „Во время посѣщенія Государемъ Императоромъ въ Боготѣ раненыхъ подъ Телишемъ и Горнымъ Дубнякомъ гвардейцевъ, одинъ раненый офицеръ л.гв. Егерскаго полка окликнулъ Государя.

- Ваше Величество ! -

- Что, другъ мой, что такое? - спросилъ вполголоса Государь, ожидая какой либо просьбы и желая дать возможность просителю объясниться безъ участія постороннихъ.

- Что егеря?.. Что, должны они были взять Телишъ? Или... или это было только ... -

Государь угадалъ смыслъ и чувства волновавшагося офицера и сказалъ громко:

- Да, да ! егеря свое дѣло сдѣлали. Это была только демонстрація. -

При этихъ словахъ лицо офицера просіяло.Онъ перекрестился лѣвою рукою (правая была ранена) и сказалъ: - слава Богу ! а то я ужасно боялся за полкъ ! - "

„Я ѣду братомъ милосердія", сказалъ Государь. Но былъ ли онъ только братомъ? Не былъ ли подлиннымъ апостоломъ милосердія и не былъ ли живымъ и великимъ укоромъ той части русскаго общества (такая часть, увы, существовала, что я докажу въ слѣдующій разъ), которая въ это же самое время протягивала руку врагамъ,интригуя въ Петербургѣ и противъ режима и противъ Царя и противъ своего отечества.

На этомъ мы пока и кончимъ. Sapienti sat.

А.К. С-кій.

РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

№ 4-5

КЪ 150-Й ГОДОВЩИНѢ ПОДВИГОВЪ СУВОРОВА
ВЪ ИТАЛІИ И ВЪ ШВЕЙЦАРІИ (1799—1949)

РЕДАКТОРЫ:
А. К. Савицкій и **Ю. А. Топорковъ**

ИЗДАНІЕ
КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ
ПАРИЖЪ — 1949

РУССКІЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

№ 4-5-й

Редакторы:

А.К.САВИЦКІЙ - Ю.А.ТОПОРКОВЪ

Парижъ

1949

СОДЕРЖАНІЕ

Стр.

А. ХОЛЕВО - Беатриче Гранди, шпіонка Суворова 2

А.К. САВИЦКІЙ. - Суворовъ въ 1799-мъ году 8
Основная библіографія по Суворовѣдѣнію 28

В.Г. фонъ РИХТЕРЪ. - Замѣтки по русской медалистикѣ:
1. Курьезная медаль 30
2. Вопросъ участникамъ усмиренія Боксерскаго возстанія 31
3. Къ исторіи одной экзотической медали 32

В.В. ВЕРЕЩАГИНЪ. - Малолѣтній корпусъ (воспоминанія) 32

Ю.Т. - Нѣсколько памятныхъ датъ къ 1949 г. 39

А.К. С-кій. - О гренадерскихъ шапкахъ л.гв. Павловскаго полка 39

Н.И. ПАНОВЪ (Сообщ.) Гусарскія шалости 40

Х. - „Кадеты" (замѣтка) 40

А.С. - Какъ Семеновцы спасли Вандомскую колонну 41

„РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"
издается на правахъ рукописи. Всѣ права сохранены.

Въ этомъ номерѣ 41 страница

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Идя на встрѣчу не разъ высказанному желанію значительной части читателей РУССКАГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА, редакція рѣшила, сохраняя въ неприкосновенности о с н о в н ы я научно-историческія страницы, расширить содержаніе журнала въ сторону военно-исторической беллетристики.

Редакція

БЕАТРИЧЕ ГРАНДИ, ШПІОНКА СУВОРОВА

ВСТУПЛЕНІЕ

Путешествуя по югу Франціи, я заѣхалъ однажды въ городокъ В., гдѣ рѣшилъ остановиться на нѣсколько дней, чтобы привести въ порядокъ мои путевыя замѣтки и одновременно отдохнуть. Осматривая живописный и уютный провинціальный уголокъ, всегда залитый лучами южнаго солнца, я забрелъ и на городское кладбище. Одна могила надолго задержала мое вниманіе, скажу даже больше - нарушила мой душевный покой. На большой могильной плитѣ, выточенной изъ цѣлаго камня, прочелъ я слѣдующую надпись: „Здѣсь покоится прахъ БЕАТРИЧЕ ТАВРАКОВОЙ, въ дѣвичествѣ БЕАТРИЧЕ ГРАНДИ, родившейся въ 1779-мъ году и разстрѣлянной по приговору французскаго военнаго трибунала въ ноябрѣ 1799-го года. Міръ праху незабвенной супруги моей."

Конечно, я кинулся прежде всего къ единственному въ городкѣ кюрэ, оказавшемуся чрезвычайно обязательнымъ и культурнымъ человѣкомъ. Узнавъ, что я русскій, кюрэ тотчасъ же догадался о цѣли моего визита.

- Вы хотите, конечно, знать, кто такая была Беатриче Тавракова, или Беатриче Гранди, и почему она была разстрѣляна французами въ 1799-мъ году ? -

Я выразилъ лестное для кюрэ удивленіе по поводу его проницательности. Онъ продолжалъ.

- Къ сожалѣнію, я не могу вамъ дать никакихъ свѣдѣній. Я ничего не знаю ни о происхожденіи, ни о судьбѣ этой русской дамы. Очевидно, что по рожденію она была итальянкой. Наши старики слышали отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, что въ 1814-мъ году въ В. пріѣхалъ однажды молодой русскій генералъ, пробылъ здѣсь нѣсколько дней, заказалъ вотъ эту самую могильную плиту, которая привлекла сегодня ваше вниманіе, и, возложивъ ее на могилу Беатриче Гранди, тотчасъ же уѣхалъ. -

Почтенный кюрэ ничего больше не зналъ. Онъ посовѣтовалъ и любезно разрѣшилъ мнѣ порыться въ городскомъ и церковномъ архивѣ.

- Кто знаетъ, не найдете ли тамъ отвѣтовъ на ваши вопросы ? „Ищите и обрящете !"

И я отважился отряхнувъ вѣковую пыль съ полуистлѣвшихъ, проѣденныхъ мышами и червями хартій, но не нашелъ ничего, что могло бы пролить хотя бы слабый лучъ свѣта на загадочную эпитафію. Я уѣхалъ изъ В. разочарованный, но странно влюбленный въ Беатриче Гранди, неизвѣстную мнѣ героиню, трагическій об-

разъ которой сталъ постепенно и какъ то непроизвольно складываться въ моемъ воображеніи. Прошло нѣсколько тяжелыхъ лѣтъ моей жизни, а я все еще не терялъ надежды найти разгадку таинственной судьбы Беатриче Гранди. Любопытство историка, не получившее въ свое время удовлетворенія, продолжало грызть меня. Почему то я былъ твердо увѣренъ въ томъ, что судьба еще разъ подведетъ меня къ позабытой всѣми могилѣ. Я терпѣливо ждалъ. Ожиданія не обманули меня. Разбирая богатѣйшій польско-русскій архивъ графовъ К., я обнаружилъ рукопись, оказавшуюся для меня настоящимъ откровеніемъ и послужившую основнымъ источникомъ исторіи о Беатриче Гранди, шіонкѣ фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго.

ОДНАЖДЫ, ВЪ КОНЦѢ МАРТА 1799-го ГОДА...

Прошло уже нѣсколько дней съ тѣхъ поръ, какъ Суворовъ пріѣхалъ въ Вѣну. Торжественные пріемы наконецъ кончились. Въ Вѣнскомъ обществѣ оживленно засудачили о суворовскихъ чудачествахъ. Выдумывали больше, чѣмъ знали, а знать всѣмъ хотѣлось, какъ можно больше.

Гофкригсратъ попытался навязать русскому полководцу свой до трусости осторожный планъ военныхъ дѣйствій.

- Привычка быть битымъ, - сказалъ Суворовъ, ознакомившись съ этимъ планомъ, и рѣшительно перечеркнулъ его большимъ чернильнымъ крестомъ. Отношенія съ гофкригсратомъ, конечно, сразу же затянулись облаками. Убѣдившись, что фельдмаршалъ не намѣренъ слѣпо исполнять ихъ волю, вѣнскіе стратеги, затаивъ злобу, временно оставили его въ покоѣ. Суворовъ облегченно вздохнулъ и сталъ готовиться къ отъѣзду въ армію. Неожиданное событіе обрадовало его.

Въ Вѣнѣ пришла къ нему странная посѣтительница. Она назвалась Беатриче Гранди, дочерью архитектора изъ Вероны. Это была молодая дѣвушка лѣтъ двадцати, средняго роста, стройная, очень миловидная, скромная и просто одѣтая. Ее спросили, по какому дѣлу она хочетъ видѣть русскаго фельдмаршала.

- Мнѣ необходимо попросить у него добраго совѣта, - отвѣтила дѣвушка. - Только онъ одинъ можетъ помочь мнѣ. -

- Но по какому дѣлу, въ чемъ, именно, вамъ можетъ помочь фельдмаршалъ? - настаивалъ почтеннѣйшій секретарь, Егоръ Борисовичъ Фуксъ. Дѣвушка не отвѣчала. Ее не пустили, сказавъ, что фельдмаршалъ очень занятъ и принимаетъ только оффиціальныхъ лицъ по особо-важнымъ служебнымъ дѣламъ. Беатриче Гранди ушла огорченная, съ поникшей головой. Суворову не доложили о ея посѣщеніи. Старый Прохоръ, „главный камердинеръ", проводилъ ее до дверей, сочувственно похлопалъ по плечу и что-то проворчалъ. Она подняла на него большіе черные глаза, полные слезъ, улыбнулась и вышла на улицу. Прохоръ смотрѣлъ ей вслѣдъ. Она шла медленно, легкой походкой двадцатилѣтней дѣвушки и черезъ минуту скрылась за поворотомъ.

На слѣдующій день Беатриче Гранди вдругъ очутилась передъ дверями фельдмаршальскаго кабинета. Прохоръ, мирно дремавшій на стулѣ, увидѣвъ ее, вскочилъ и сталъ передъ ней.

- Не велѣно пущать васъ, сударыня ! -

Она ничего не поняла и улыбнулась. Дверь кабинета въ это время неожиданно-быстро отворилась, и дѣвушка увидѣла передъ собою маленькаго старичка въ военномъ мундирѣ. Она узнала Суворова.

- Кто вы и что вы здѣсь дѣлаете ? - удивленно спросилъ фельдмаршалъ по нѣмецки.

- Я Беатриче Гранди, дочь архитектора Франческо Гранди изъ Вероны, - немного смутившись, отвѣтила дѣвушка также по нѣмецки. - Я прошу васъ меня выслушать. -

Суворовъ привѣтливо заулыбался.

- А! Какая храбрая, какая красивая дѣвушка! - воскликнулъ онъ уже по русски, и, подмигнувъ Прохору, прибавилъ:

- Смотри-ка, Проненька, какая красавица, жаль что не русская ! -

Суворовъ опять сталъ очень серьезенъ и пристально посмотрѣлъ на смутившуюся дѣвушку. Не правильно произнося итальянскія слова, фельдмаршалъ заговорилъ по итальянски. Онъ любилъ щеголять знаніемъ языковъ. Онъ спросилъ, итальянка ли она, сколько ей лѣтъ, живы ли ея родители ?

- Я итальянка, мнѣ двадцать лѣтъ, мать умерла три года тому назадъ, а отецъ работаетъ въ Веронѣ, - отвѣчала Беатриче по итальянски, но, слыша, съ какимъ трудомъ старый фельдмаршалъ говоритъ на ея родномъ языкѣ, она продолжала уже по французски:

- Если угодно фельдмаршалу, я могу говорить съ нимъ по французски. Въ Веронѣ всѣ русскіе офицеры хорошо говорятъ по французски. -

- Умная дѣвушка, - задумчиво и какъ бы про себя замѣтилъ Суворовъ, переходя на французскій, которымъ владѣлъ въ совершенствѣ. - Но что же вы отъ меня хотите ? -

Она точно не разслышала или сдѣлала видъ, что не разслышала его вопроса. Тогда онъ протянулъ ей руку. Она подала свою. Суворовъ попросилъ ее войти въ кабинетъ. Кабинетъ фельдмаршала оказался огромной, свѣтлой, жарко натопленной комнатой; посрединѣ стоялъ большой столъ, весь заваленный картами и планами; въ углу комнаты, за другимъ столомъ, значительно меньшихъ размѣровъ, сидѣлъ дежурный адъютантъ, быстро писавшій какую-то бумагу.

- Вотъ, полюбуйтесь, сударь, - проговорилъ Суворовъ по русски, обращаясь къ дежурному адъютанту и кивкомъ головы показывая на Беатриче, - Какая умная итальянская дѣвушка! По нѣмецки говоритъ, по французски говоритъ... Да какая красавица ! Помилуй Богъ, славная дѣвушка ! Не худо бы научить ее говорить и по русски. -

Онъ живо обернулся къ ней и спросилъ:

- А ты не говоришь по русски ? -

- Я говорю немного, - отвѣтила Беатриче, и щеки ея вдругъ залились густымъ румянцемъ.

- А! - многозначительно произнесъ фельдмаршалъ. - Чему же научили тебя въ Веронѣ русскіе офицеры ? -

Она молчала.

- Что же ты не отвѣчаешь ? -

Суворовъ смотрѣлъ на нее, строго сдвинувъ брови. Но въ его голубыхъ глазахъ свѣтилась такая отеческая ласка, такая доброта, что Беатриче не испугалась его нарочито строгаго вида.

- Я люблю тебя, - сказала она, довольно правильно произнося русскія слова.

- Очень хорошо, очень хорошо ! Ну, а еще что ? -

- Фельдмаршалъ графъ Суворовъ освободитъ Италію отъ французовъ и австрійцевъ. Русскіе побѣдятъ французовъ. -

Тутъ ужъ она смутилась. Равнодушный къ женщинамъ Суворовъ, однако, невольно залюбовался своей юной собесѣдницей.

- Хорошо, куда какъ хорошо научили тебя говорить по русски русскіе офицеры, - лукаво улыбаясь сказалъ графъ Александръ Васильевичъ. - Вижу теперь, что даромъ время они не теряютъ. Ну, а кто же изъ нихъ паче всѣхъ другихъ оказался твоимъ ментором ?

Неправильно понявъ его простодушно-шутливую русскую рѣчь, дѣвушка вдругъ поблѣднѣла отъ мнимой обиды. Она заговорила порывисто и торопливо, порою путая итальянскія слова съ французскими, точно боялась не быть понятой и не успѣть высказать всего, что за послѣднее время наболѣло въ ея еще чуткой къ обидамъ душѣ. Суворовъ взялъ ее за руку и поспѣшно отвелъ подальше къ окну. Дежурный адъютантъ дѣлалъ видъ, что особенно занятъ писаніемъ важной бумаги и глухъ ко всему. Но его слухъ невольно уловилъ произнесенную ею фамилію русскаго офицера изъ корпуса генерала Розенберга. При всемъ своемъ добромъ желаніи ничего не видѣть и не слышать, дежурный адъютантъ, увидѣлъ, какъ вся въ слезахъ дѣвушка опустилась передъ фельдмаршаломъ на колѣни и стала его о чемъ то горячо просить. Суворовъ не безъ труда поднялъ ее, досталъ платокъ и вытеръ ей слезы. Она всхлипывала, какъ плачущій ребенокъ. Вдругъ, оставивъ ее у окна, фельдмаршалъ подбѣжалъ къ дежурному адъютанту и заговорилъ съ нимъ. Молодой офицеръ былъ высокъ ростомъ, и Суворовъ смотрѣлъ на него снизу вверхъ.

- Что вы скажете, сударь? А? Какъ хорошо, что за восторгъ! Позволимъ ему жениться, хоть и на походѣ. Честь дѣвушки всего дороже. Вѣдь она намъ и помогать еще собралась. Какая храбрая дѣвушка ! Что вы думаете, сударь ? А ? -

- Точно такъ, ваше сіятельство: пусть себѣ женится! Худого въ этомъ ничего нѣтъ, - охотно согласился молодой офицеръ. - Изволили также вѣрно замѣтить: честь дѣвушки всего дороже. -

Слегка поднявшись на носкахъ, Суворовъ таинственно зашепталъ въ самое ухо дежурнаго адъютанта :

- Молодо - зелено... Поторопились... Ну, да на комъ грѣха нѣтъ! А отецъ строгъ - грозитъ изъ дома выгнать. Того хуже, веронскія кумушки-сплетницы только и ждутъ, чтобы бѣдную дѣвушку дурной молвой опорочить. Мірская молва, что морская волна... -

Онъ опять быстро подошелъ къ Беатриче. Она перестала всхлипывать. Слезы больше не текли изъ глазъ. Фельдмаршалъ взялъ ее за руку, какъ ребенка, и подвелъ къ большому столу. Она стала внимательно и съ любопытствомъ разсматривать разложенные на столѣ планы и карты. Оба молчали. Опершись обѣими руками на столъ, Суворовъ что-то обдумывалъ. Выраженіе его обычно живого лица

сдѣлалось безстрастно-сосредоточеннымъ, почти строгимъ. Въ кабинетѣ было тихо. Изъ угла доносилось легкое поскрипываніе пера дежурнаго адъютанта, продолжавшаго писать важную бумагу. Сдѣлавъ рѣзкое движеніе рукой, точно желая оборвать нить мыслей, Суворовъ испытующе посмотрѣлъ на дѣвушку.

- Но почему ты такъ внимательно смотришь на планы?- спросилъ фельдмаршалъ подозрительно. - Развѣ ты понимаешь что нибудь въ нихъ ? -

- Вотъ здѣсь много республиканскихъ войскъ, - показывая пальцемъ на картѣ и какъ бы отвѣчая на вопросъ Суворова, сказала дочь архитектора изъ Вероны. - Намъ сосѣдъ, виноторговецъ Доменико, на десяти мулахъ отвозитъ каждую недѣлю двадцать бочекъ вина французскимъ войскамъ. Онъ говорилъ, что ихъ тамъ очень, очень много. -

- Но зачѣмъ ты разсказываешь мнѣ объ этомъ? - Развѣ ты не знаешь, что за такіе разговоры тебѣ не сдобровать, коли попадешься въ руки французамъ ? -

- Знаю. Они убьютъ меня, какъ уже убили мою мать. -

- Зачѣмъ же ты это дѣлаешь ? Или ты не боишься смерти ? -

Глаза дѣвушки вспыхнули недобрымъ огнемъ.

- Я ихъ ненавижу,- сказала она глухимъ отъ волненія голосомъ. - Они все лгутъ, когда говорятъ,что принесли намъ свободу, равенство и братство. Они насиловали и грабили насъ, такъ же какъ австрійцы. Они хвастались тѣмъ, что убили своего короля. А развѣ они лучше его? Воры и убійцы не могутъ дѣлать добро. -

- Ты такъ думаешь ? - разсѣянно спросилъ фельдмаршалъ.

Она не отвѣтила,не въ силахъ справиться со своимъ гнѣвомъ. Губы ея дрожали, глаза потемнѣли... Суворовъ глубоко задумался. Онъ сѣлъ въ кресло, положилъ руку на столъ и забарабанилъ двумя пальцами какой-то воображаемый, а;можетъ быть,и слышанный гдѣ-нибудь маршъ. Тамъ, та-та-тамъ, та-ра-рамъ. Тамъ, та-та-тамъ, та-ра-рамъ, - четко отстукивали темпъ тонкіе и сухіе пальцы фельдмаршала. Онъ сталъ пристально смотрѣть на стоявшую передъ нимъ дѣвушку. Что онъ при этомъ думалъ - неизвѣстно. Можетъ быть онъ хотѣлъ отослать ее къ строгому отцу и посовѣтовать не заниматься такимъ опаснымъ дѣломъ ? А можетъ быть,рѣшилъ, что лучше не терять ее изъ вида и во время позаботиться о ней ?

- Э хмъ!- недовольно произнесъ фельдмаршалъ, точно отвѣчая на свои безпокойныя мысли. Онъ всталъ съ кресла и нѣсколько разъ быстро прошелся по кабинету. Остановившись передъ Беатриче, онъ заговорилъ, не глядя на нее, опять какъ бы про себя:

- Такъ ты берешься узнать расположеніе и численность французскихъ войскъ ? Вѣрно ли я тебя понялъ ? Но какъ же ты сама можешь это сдѣлать ? -

Голосъ фельдмаршала вывелъ дѣвушку изъ задумчивости.

- Однако, я вижу ты устала стоять. Садись! - проговорилъ графъ Александръ Васильевичъ, пододвигая ей кресло. - Ты слышала, что я тебя спросилъ ? -

Она сѣла и только теперь почувствовала, что устала.

- Да, я слышала. Доменико, Чезаре и Андреа узнаютъ все, что нужно, если я ихъ попрошу,- сказала она и опустила голову.

- Такъ... - неопредѣленно обронилъ Суворовъ и отвернулся.

Точно угадывая всѣ его сомнѣнія, она заговорила, оправдываясь и объясняя:

- Я ничего имъ не обѣщала. Но я не могу помѣшать имъ оказывать мнѣ услуги. Они сами хотятъ, они сами идутъ на все... Они возятъ туда вино, мясо, овощи... Чезаре говоритъ, что у каждаго французскаго баталіона свой флажокъ. Стоитъ только сосчитать... -

Фельдмаршалу очень картинно представилось, что именно можетъ случиться съ этими неизвѣстными ему Доменико, Чезаре и Андреа послѣ такого подсчета флажковъ. „Вѣдь и ее не пощадятъ, коли попадется имъ въ руки" - подумалъ онъ. По старой привычкѣ Суворовъ закрылъ на нѣсколько мгновеній глаза. Старческое, аскетическое лицо, изборожденное мелкими морщинками, казалось безжизненнымъ. Но сухіе длинные пальцы быстро барабанили по столу. Голубые глаза уже открылись и горѣли живымъ огнемъ. Наконецъ фельдмаршалъ заговорилъ ласково, но повелительно. Беатриче вся обратилась въ слухъ.

- Вернешься въ Верону, къ батюшкѣ своему. А господину порутчику Тавракову скажешь отъ меня, что Суворовъ позволяетъ ему на тебѣ жениться и выборъ, де, его одобряетъ. Такъ и скажи: выборъ одобряетъ. Ты поняла ? -

Онъ взялъ листокъ голубоватой бумаги и быстро написалъ: „Порутчику Дмитрію Тавракову позволяю сочетаться законнымъ бракомъ съ дѣвицею Беатриче Гранди, дочерью господина Гранди, строителя изъ города Вероны, о чемъ оному порутчику немедля рапортовать по начальству. СУВОРОВЪ."

- Вотъ, передай твоему жениху сей мой приказъ, - сказалъ фельдмаршалъ. - Я и самъ скоро буду въ Веронѣ, тамъ увидимся. Ну, а теперь съ Богомъ ! Отправляйся въ обратный путь. -

Она встала, понявъ, что фельдмаршалъ хочетъ съ ней проститься.

- Нѣтъ, постой ! -

Онъ взялъ со стола кошелекъ, туго набитый золотыми, и неловко сунулъ ей въ руку.

- Вотъ тебѣ пока на дорогу. -

Она положила кошелекъ на столъ.

- У меня есть деньги, мнѣ не нужно. -

- Пожалуй, не обижай старика, возьми ! -

Она не соглашалась.

- Помилуй Богъ, какая ты гордая дѣвушка ! - воскликнулъ фельдмаршалъ. - Добрую же жену нашелъ себѣ Дмитрій Севастьяновичъ. Вотъ какую хорошую ! -

Она совсѣмъ хорошо понимала его простую русскую рѣчь. Графъ Александръ Васильевичъ весело засмѣялся. Морщинки на его щекахъ такъ и заиграли. Искренняя веселость фельдмаршала передалась Беатриче. Она смѣялась звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, показывая ряды ровныхъ бѣлыхъ зубовъ. Она теперь знала, что всѣ невзгоды остались позади. Лишенія, перенесенныя въ пути и здѣсь, въ Вѣнѣ, показались ей совсѣмъ ничтожными по сравненію съ этимъ счастіемъ, которое еще нѣсколько минутъ тому назадъ было мечтой и вдругъ пришло. Она почувствовала такой неудер-

жимый приливъ любви и благодарности къ этому доброму старику, смотрѣвшему на нее своими ласковыми голубыми глазами, что схватила его тонкую руку и прижалась къ ней горячими губами. Дѣвочкой-подросткомъ съ такой же любвеобильной нѣжностью цѣловала она большую сильную руку отца. Но теперь отецъ сталъ чужимъ. Она его боялась...

Графъ Александръ Васильевичъ осторожно гладилъ ея вьющіеся волосы. Онъ разволновался до слезъ ; къ старости сталъ чувствителенъ и легко плакалъ...

- Ну,попрощаемся ! -

Онъ обнялъ и расцѣловалъ ее. Беатриче неторопливо ушла счастливая и улыбающаяся. Фельдмаршалъ остался у стола. Онъ долго и внимательно разсматривалъ чертежи какихъ то крѣпостныхъ бастіоновъ. Это его успокоило. Изъ глубины кабинета доносилось равномѣрное поскрипываніе пера дежурнаго адъютанта. Въ высокія окна падали съ весенняго неба яркіе лучи солнца.

А. ХОЛЕВО.

СУВОРОВЪ ВЪ 1799-мъ ГОДУ

Настоящая статья представляетъ собою выдержки изъ доклада, приготовленнаго авторомъ для прочтенія въ ознаменованіе 150-й годовщины славнѣйшихъ для русскаго оружія событій. Въ апрѣлѣ-августѣ 1799-го года Суворовъ изумилъ міръ своими побѣдами въ Италіи, а въ сентябрѣ и октябрѣ - героическимъ Швейцарскимъ походомъ.

По недостатку мѣста весь докладъ не можетъ быть помѣщенъ на страницахъ нашего журнала.

25-го марта 1799-го года фельдмаршалъ графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій торжественно прибылъ въ Вѣну. Въ значительной мѣрѣ торжество это было искреннимъ: австрійцы дѣйствительно обрадовались появленію знаменитаго русскаго полководца, точно предвидѣли все - и его блестящія побѣды и свою черную измѣну. Но вѣрнѣе всего, что настроеніе праздничной торжественности муссировали по причинамъ политическимъ россійскій посолъ при вѣнскомъ Дворѣ графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій и самъ Императоръ Австрійскій Францъ. Обоимъ очень хотѣлось произвести ошеломляющее впечатлѣніе въ Парижѣ: пусть тамъ испугаются !

Одинъ малоизвѣстный, но вполнѣ достовѣрный „свидѣтель исторіи" записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Суворовъ былъ недоволенъ:

„Помилуй Богъ, смотрины ! Смотрины - невѣстъ показывать, а я не невѣста, я - солдатъ ! Мнѣ въ арміи должно."

Однако, поворчавъ, уступилъ. Онъ ѣздилъ на пріемы и самъ принималъ. Особы австрійской императорской фамиліи, князья, графы, бароны посыпались какъ изъ рога изобилія : ихъ оказалось куда какъ больше, чѣмъ своихъ въ Санктъ-Петербургѣ.

Оффиціальную политику великій полководецъ презиралъ, на-

зывалъ ее „тухлымъ яйцомъ". У него была своя политика - политика честнаго благороднаго солдата ; съ ней онъ вездѣ приходился не ко двору. Душу человѣка познавалъ на поляхъ сраженій, а не за круглыми столами дипломатическихъ конференцій.

Но, уступивъ требованіямъ этикета, старый фельдмаршалъ ни въ чемъ не измѣнилъ своихъ странныхъ привычекъ и обращенія съ людьми. Ему во всемъ потакали и все, какъ будто,прощали... до поры, до времени, конечно. Какъ всегда, въ отведенныхъ Суворову комнатахъ были завѣшаны зеркала и убраны раздражавшіе его предметы роскоши. Въ спальнѣ, вмѣсто постели, оказалась большая охапка сѣна, которую „старшій камердинеръ" Прохоръ Ивановичъ, или попросту - Прошка, покрылъ грубой домотканной простыней - издѣліемъ русскихъ крестьянокъ. Одѣяломъ,по обыкновенію, служилъ старый, такъ называемый „родительскій" плащъ. Какъ жаль, что онъ не сохранился въ назиданіе потомству! Любопытно было бы посмотрѣть...

Оставаясь самимъ собою и даже подчеркивая разныя свои чудачества, Суворовъ давалъ понять кому слѣдуетъ, что и въ самомъ главномъ, то-есть въ веденіи военныхъ операцій, онъ,въ особенности, сохранитъ обычную свою независимость. Здѣсь, въ Вѣнѣ, онъ проявилъ вдругъ мало свойственное ему высокомѣріе. Привѣтствуемый толпой, восторженно кричавшей: „Виватъ Императоръ Паулусъ! Виватъ Суворовъ!"- графъ Александръ Васильевичъ, ѣхавшій въ колескѣ, любезно раскланивался на обѣ стороны, но, къ немалому смущенію сидѣвшаго рядомъ Разумовскаго, то и дѣло восклицалъ- „Виватъ Іозефъ !", вмѣсто - „Виватъ Францъ !" На почтительное замѣчаніе посла, что императоръ Іосифъ давно скончался, а нынѣшняго императора зовутъ Францъ, Суворовъ отвѣтилъ только: „Помилуй Богъ, не упомню, не упомню !" и продолжалъ восклицать - „Виватъ Іозефъ !" Конечно, онъ прекрасно помнилъ, память у него была хорошая. Но пусть вся эта ѣдущая позади придворная челядь съ лукавымъ Тугутомъ во главѣ, да и самъ Императоръ Францъ, знаетъ, что русскому фельдмаршалу, посланному русскимъ Царемъ въ Европу спасать царей и царства, позволительно и позабыть такую мелочь, какъ имя австрійскаго императора.

Вѣна, напуганная быстрыми успѣхами французовъ, встрѣтила Суворова, какъ избавителя. Въ сущности, онъ и пріѣхалъ сюда затѣмъ,чтобы спасти австрійскую столицу отъ неминуемаго вторженія революціонныхъ французскихъ баталіоновъ, о которыхъ все еще выдумывали Богъ знаетъ какіе небылицы и ужасы.

Извѣстіе о томъ, что Суворовъ прибылъ въ Вѣну, дѣйствительно, произвело въ Парижѣ, если не ошеломляющее, то все же очень сильное впечатлѣніе. Кое-кто во французской столицѣ не разъ пожалѣлъ объ отсутствіи генерала Бонапарта, не то сосланнаго, не то бѣжавшаго въ Египетъ. Жалѣлъ объ этомъ и самъ Суворовъ, уже давно желавшій помѣриться силами съ молодымъ французскимъ полководцемъ.

„Далеко шагаетъ, мальчикъ ! Пора унять"...

Какъ-то сгоряча онъ назвалъ его „молокососомъ" и „мальчишкой". Но очень скоро Суворовъ, внимательно слѣдившій за успѣхами возможнаго своего противника, понялъ и оцѣнилъ его геній. Справедливый и менѣе завистливый къ чужой славѣ, чѣмъ

другіе, старый русскій фельдмаршалъ, думая теперь о Бонапартѣ, невольно сравнивалъ его съ Цезаремъ и Ганнибаломъ. Отъ былой непочтительности не осталось и слѣда, она смѣнилась уваженіемъ равнаго къ равному.

„Я почитаю Божескимъ наказаніемъ", сказалъ какъ то Суворовъ, „что до сей поры мнѣ ни разу не пришлось встрѣтиться съ Бонапартомъ."

И вотъ теперь Бонапартъ, этотъ юный Цезарь, уплылъ въ Египетъ. Какая досада !... Въ Италіи остались „младшіе боги" войны - Моро и Макдональдъ. Къ нимъ-то и неслись теперь изъ Парижа предостерегающіе приказы: „Тираны подняли мечи ! Свобода въ опасности! Необходимо усилить революціонный пылъ войскъ!" Революціонная фразеологія во всѣ времена была болѣе или менѣе одинакова, но не она, сама по себѣ, воодушевляла солдатъ на подвиги, а нѣчто совсѣмъ другое, о чемъ знали Суворовъ, Бонапартъ, Моро, Макдональдъ, Жуберъ...

Въ самомъ Парижѣ крайнія теченія быстро шли на убыль. Лозунгъ - „Свобода, Равенство и Братство" въ годы Директоріи звучалъ донельзя фальшиво. Но во внѣшней политикѣ вся эта революціонная идеологія продолжала еще служить международнымъ пугаломъ. Какъ международное пугало она и перешла въ арсеналъ возрождавшагося изъ пепла революціи французскаго имперіализма.

4-го апрѣля Суворовъ отбылъ изъ Вѣны въ армію. Путь былъ долгій. Фельдмаршалъ торопился. Онъ ѣхалъ день и ночь, не обращая вниманіе на дурную погоду, отвратительныя дороги и темныя ночи. Разъ ночью дормезъ Суворова, по небрежности задремавшаго кучера, упалъ въ рѣку. Фельдмаршалъ, конечно, ушибся.

„Ничего, " сказалъ онъ, кинувшимся къ нему на помощь людямъ, „жаль только, что церковныя ноты мои подмокли, - боюсь, что не по чему будетъ пѣть „Тебѣ Бога хвалимъ !"

Въ Виченцѣ Суворова встрѣтилъ генералъ-квартирмейстеръ, маркизъ Шателеръ. Онъ попытался было изложить фельдмаршалу планъ операцій, выработанный гофкригсратомъ, но Суворовъ, зажмуривъ глаза, твердилъ только: „штыки, штыки, штыки !"

I4-го апрѣля фельдмаршалъ прибылъ въ Верону. Здѣсь представлялись ему старшіе начальники и командиры полковъ. Суворовъ стоялъ на вытяжку съ зажмуренными глазами, и когда ему называли незнакомыя фамиліи, онъ открывалъ глаза и съ поклономъ говорилъ:

„Не слыхалъ. Помилуй Богъ, не слыхалъ ! Познакомимся."

Знакомыхъ встрѣчалъ, какъ родныхъ. Особенно обласкалъ Милорадовича и Багратіона.

„Генералъ-маіоръ Милорадовичъ", представилъ Милорадовича Розенбергъ.

„А, это Миша ! Михайло !" воскликнулъ Суворовъ.

„Я, ваше сіятельство !"

„Я зналъ васъ такимъ (фельдмаршалъ показалъ рукой на аршинъ отъ пола) и ѣдалъ у вашего батюшки Андрея пироги. О, да какіе было сладкіе! Какъ теперь помню. Помню и васъ, Михайло

Андреевичъ! Вы хорошо тогда ѣздили верхомъ на палочкѣ. О, да какъ же вы тогда рубили деревяннюю саблею! Поцѣлуемся, Михайло Андреевичъ ! Ты будешь герой. Ура !"

„Генералъ-маіоръ князь Багратіонъ !"

„Князь Петръ ! Это ты Петръ ? " воскликнулъ растроганный Суворовъ, „Помнишь ли ты подъ Очаковымъ... съ турками! Въ Польшѣ!" Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и горячо обнялъ Багратіона. Великій ясновидѣцъ и сердцевѣдъ, Суворовъ угадывалъ въ своихъ молодыхъ генералахъ будущихъ героевъ 12-го года.

Представленіе генералитета кончилось. Наступила тишина. Всѣ ждали,что скажетъ фельдмаршалъ. Онъ заговорилъ отрывисто, точно бросая отдѣльныя слова. Это была одна изъ тѣхъ необыкновенныхъ суворовскихъ рѣчей, что,разъ услышанная,запоминается на всю жизнь. Суворовъ повторялъ принципы своего ученія.

„Субординація! Экзерциція! Военный шагъ - аршинъ! Въ захожденіи - полтора ! Голова хвоста не ждетъ ! Внезапно, какъ снѣгъ на голову! Пуля бьетъ въ полчеловѣка. Стрѣляй рѣдко, да мѣтко ! Пуля обмишулится, штыкъ не обмишулится ! Штыкомъ коли крѣпко ! Мы пришли бить безбожныхъ вѣтреныхъ французишковъ. Они воюютъ колоннами, и мы ихъ бить будемъ колоннами. Жителей не обижай ! Просящаго пощады не губи !"

Онъ замолчалъ и подумавъ немного обратился къ генералу Розенбергу:

„Ваше высокопревосходительство! Пожалуйте мнѣ два полчка пѣхоты, да два полчка казачковъ !"

„Въ волѣ вашего сіятельства все войско", отвѣтилъ не понявшій фельдмаршала Розенбергъ. „Которыхъ прикажете ?"

Отвѣтъ былъ явно не-суворовскій. Фельдмаршалъ сталъ нервничать и, отрывисто заговорилъ:

„Намека, догадка, лживка, лукавка, краткомолвка, краснословка, немогузнайка !"

Розенбергъ ничего не понялъ. Разсерженный Суворовъ быстро ушелъ. На слѣдующій день эта тягостная сцена повторилась. Положеніе спасъ Багратіонъ.

„Мой полкъ готовъ, ваше сіятельство!" сказалъ князь.

„Такъ ты понялъ меня, князь Петръ ? Понялъ !" оживился Суворовъ. „Иди !... Приготовь и приготовься... Помни! Голова хвоста не ждетъ ! Внезапно, какъ снѣгъ на голову !"

15-го апрѣля, прибывъ въ Валеджіо, фельдмаршалъ устроилъ смотръ войскамъ. Онъ остался ими доволенъ.

„Шагъ хорошъ - побѣда !"

Суворовъ приказалъ наступать. Итальянская кампанія началась. Вскорѣ была взята крѣпость Брешіа и осаждена одна изъ сильнѣйшихъ европейскихъ крѣпостей - Мантуа. Въ Петербургѣ по повелѣнію Императора былъ отслуженъ молебенъ и провозглашено „многолѣтіе господину генералъ-фельдмаршалу россійскихъ войскъ, побѣдоносцу Суворову-Рымникскому". Съ верковъ Петропавловской крѣпости грянули пушечные выстрѣлы въ честь фельдмаршала. Императоръ послалъ Суворову чрезвычайно милостивый рескриптъ. Съ этого момента съ двухъ концовъ Европы ведется необыкновенный діалогъ: Суворовъ доноситъ Императору о своихъ побѣдахъ, а Павелъ Петровичъ шлетъ милостивые рескрипты и не знаетъ, какъ лучше наградить своего фельдмаршала. Дѣйствительно, это

была не легкая задача. Суворовъ уже имѣлъ всѣ высшія россійскія орденскія награды до Св. Андрея Первозваннаго и Св.Георгія перваго класса включительно. А побѣды слѣдовали одна за другою. Лучшей наградой для фельдмаршала было бы освобожденіе его отъ невыносимой и ненавистной опеки гофкригсрата. Но, какъ разъ, эту награду русскій Императоръ былъ не въ силахъ дать своему полководцу. Между тѣмъ, отношенія Суворова съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ барономъ Тугутомъ, предсѣдательствовавшемъ въ гофкригсратѣ, портились не по днямъ, а по часамъ. Австрійскіе генералы, въ большинствѣ своемъ, ненавидѣли великаго русскаго полководца той лютой ненавистью, какой зачастую претенціозныя посредственности ненавидятъ все, выше себя стоящее. Суворовъ презиралъ „жалкихъ академиковъ" изъ гофкригсрата.Они издѣвались надъ его геніальными инструкціями, считая ихъ „бредомъ сумасшедшаго". Одинъ только генералъ-квартирмейстеръ Суворова, маркизъ Шателеръ, понималъ все величіе замысловъ русскаго полководца.

26-го апрѣля Суворовъ разбилъ французовъ на рѣкѣ Аддѣ. Самъ онъ не очень гордился этой побѣдой, потому что у союзниковъ былъ значительный перевѣсъ въ силахъ. Онъ привыкъ побѣждать меньшимъ числомъ.Въ началѣ сраженія французскими войсками командовалъ бездарный генералъ Шереръ, сразу же надѣлавшій много оплошностей. Его смѣнилъ талантливый Моро - одинъ изъ лучшихъ французскихъ генераловъ. Узнавъ объ этомъ, Суворовъ съ удовлетвореніемъ воскликнулъ:

„ Мало славы было бы разбить шарлатана. Лавры, которые мы похитимъ у Моро, будутъ лучше цвѣсти и зеленѣть."

Императоръ Павелъ Петровичъ пожаловалъ фельдмаршалу брилліантовый перстень при милостивомъ рескриптѣ.

„ Дай Богъ вамъ здоровья!" писалъ Государь, „О многолѣтіи вашемъ опять вчера молились въ церкви, причемъ были и всѣ иностранные министры.Сына вашего взялъ я къ себѣ въ генералъ-адъютанты со старшинствомъ и съ оставленіемъ при васъ; мнѣ показалось, что сыну вашему и ученику неприлично быть въ придворной службѣ."

Иначе отнесся къ побѣдѣ Суворова баронъ Тугутъ.

„Намъ всегда могутъ поставить въ вину", писалъ онъ, „что до прибытія Суворова мы терпѣли лишь пораженія, а съ нимъ имѣемъ только успѣхъ."

Хорошо освѣдомленный объ интригахъ и зависти гофкригсрата,причинявшихъ столько огорченій Суворову, Императоръ Павелъ Петровичъ дѣлаетъ все возможное, чтобы морально поддержать своего фельдмаршала. Онъ оказываетъ ему совершенно исключительное довѣріе - посылаетъ въ дѣйствующую армію своего второго сына, двадцатилѣтняго Константина, чтобы тотъ „учился побѣждать враговъ". Произведя Аркадія Суворова въ генералъ-адъютанты, Царь и его отправляетъ въ армію къ отцу.

„Учись у него", сказалъ Государь, напутствуя молодого Суворова, „лучшаго примѣра тебѣ дать и въ лучшія руки отдать не могу !"

Наши историки обращали мало вниманія на нравственную сторону этихъ подлинно-рыцарскихъ поступковъ монарха.

29-го апрѣля, въ первый день Пасхи, Суворовъ прибылъ въ

Миланъ. Праздничная, нарядная толпа привѣтствовала фельдмаршала криками и рукоплесканіями. Въ соборѣ, при огромномъ стеченіи молящихся, архіепископъ отслужилъ большую мессу...

Наступленіе союзныхъ войскъ продолжалось ; оно было трудно - жара изнуряла людей, но все же это было какое-то тріумфальное шествіе: Тортона, Кастель-Ново ди Скривіо,Кресчетино, Каза Малонето, наконецъ - Туринъ.

Разбивъ Моро на р.Аддѣ и занявъ по настоянію австрійцевъ, но вопреки своимъ намѣреніямъ,Туринъ, Суворовъ рѣшилъ во что бы то ни стало не допустить соединенія отступившаго къ линіи Валенца - Алессандрія Моро съ находившимся въ Тосканѣ Макдональдомъ. Послѣ неудачнаго для насъ сраженія при Бассиніано I2-го мая и послѣдовавшаго затѣмъ пораженія французовъ подъ Маренго, вынудившаго Моро отступить къ Генуэзской Ривьерѣ, Суворовъ устремился на Макдональда. Въ Туринѣ фельдмаршалъ окончательно убѣдился въ узко-эгоистическихъ намѣреніяхъ австрійскаго правительства,преслѣдовавшаго единственную цѣль - присоединеніе къ Австріи всѣхъ Итальянскихъ провинцій. Австрійцы обнаглѣли до крайнихъ предѣловъ; повсюду они держали себя полновластными хозяевами и вводили ненавистные итальянцамъ старые австрійскіе порядки. Суворовъ неизмѣнно отстранялся отъ управленія отвоеванными имъ у французовъ провинціями. Онъ былъ возмущенъ, негодовалъ, жаловался.

„Во мнѣ здѣсь нужды нѣтъ", писалъ онъ въ Вѣну Разумовскому, „и я нынѣ же желаю домой !"

Онъ восклицаетъ въ отчаяніи: „Спасителя ради - не мѣшайте мнѣ !" Но все было тщетно. Разумовскій окончательно подпалъ подъ вліяніе барона Тугута.

Суворовъ бросился на Макдональда въ надеждѣ новыми рѣшительными побѣдами надъ французами развязать себѣ руки и заставить гофкригсратъ прекратить свои двуличныя козни.Оба полководца форсированными маршами шли навстрѣчу другъ другу.Но въ то время, какъ Суворовъ жаждалъ этой встрѣчи, Макдональдъ стремился отъ ней уклониться. Пользуясь своимъ центральнымъ положеніемъ, фельдмаршалъ дѣйствовалъ по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ.Онъ рѣшилъ нанести пораженіе сначала Макдональду, какъ болѣе сильному изъ противниковъ, потомъ - Моро. Макдональду необходимо было соединиться съ Моро до встрѣчи съ Суворовымъ. Его могла спасти только быстрота движенія.Только быстротою движенія Суворовъ обезпечивалъ всѣ преимущества своего стратегическаго положенія. Оба противника стремительно приближались другъ къ другу. Предстоящее сраженіе неизбѣжно должно было выявить всѣ свойства встрѣчнаго боя.Утромъ I7-го іюня Макдональдъ обрушился на авангардный отрядъ генерала Отта. Узнавъ объ этомъ, Суворовъ, находившійся съ главными силами въ Страделлѣ, буквально кинулся впередъ. Его солдаты уже не шли, а бѣжали. Одна мысль владѣла имъ: „не выпустить Макдональда !"

„Впередъ! Впередъ!" командовалъ онъ,появляясь то здѣсь, то тамъ. Такъ началось знаменитое сраженіе при рѣкѣ Треббіи. Здѣсь въ 2I8-мъ году до Р.Х.Ганнибалъ разбилъ римскіе легіоны консула Семпроніуса. Здѣсь Суворовъ разбилъ Макдональда. Трехдневное сраженіе при Треббіи кончилось вечеромъ 20 іюня.

Побѣда была полной, рѣшительной; въ 12 часовъ ночи, пользуясь темнотой, Макдональдъ сталъ поспѣшно отступать. Это отступленіе очень походило на бѣгство; французскія войска были совершенно разстроены. Суворовъ могъ гордиться этой побѣдой : противъ 34.000 французовъ дралось только 22.000 союзниковъ.

„C'est le sublime de l'art militaire", выразился Моро о дѣйствіяхъ Суворова при Треббіи. Высокаго мнѣнія о своемъ противникѣ былъ и самъ Макдональдъ. Эта неудача, какъ извѣстно, только потому не повредила его карьерѣ, что побѣдителемъ его оказался самъ Суворовъ.

30-го іюня фельдмаршалъ послалъ Императору Павлу Петровичу пространное донесеніе о военныхъ дѣйствіяхъ съ 15-го по 20-е іюня. Царь пожаловалъ Суворову свой портретъ, оправленный въ бриллианты, при милостивомъ рескриптѣ.

„Поздравляю васъ вашими же словами", писалъ Государь, „Слава Богу, слава вамъ... Портретъ Мой на груди вашей да изъявитъ всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго, - имъ же прославляется царствованіе Наше."

Трудно было прибавить что-либо еще къ славѣ великаго русскаго полководца. Но одни ли лавры вѣнчали суворовскую славу? Намъ вспоминаются невольно слова Лермонтова, сказанныя о другомъ русскомъ геніи - „они вѣнецъ терновый, увитый лаврами надѣли на него, но иглы тайныя сурово язвили славное чело..." Въ суворовскихъ лаврахъ было не мало терній тайныхъ и явныхъ. Послѣ Треббіи гофкригсратъ съ удвоенной энергіей повелъ свои интриги противъ фельдмаршала. Австрійцамъ уже казалось, что Суворовъ имъ больше не нуженъ въ Италіи. Они уже мечтали отъ него избавиться. „Мавръ сдѣлалъ свое дѣло" - мавръ долженъ былъ уйти. Злобная зависть снѣдала бездарныхъ австрійскихъ генераловъ, разсчитывавшихъ окончить кампанію безъ Суворова и присвоить себѣ его побѣды. Поразительно, что даже Императоръ Францъ уступилъ этому низкому чувству и, чтобы уколоть русскаго фельдмаршала, довольно прозрачно далъ ему понять своимъ рескриптомъ, что усматриваетъ причину его побѣдъ въ „столь часто испытанномъ имъ счастіи". Суворовъ вышелъ изъ себя. По-видимому, онъ терялъ остатки терпѣнія.

„Одинъ разъ счастье, другой разъ счастье ! Помилуй Богъ, когда-нибудь да и умѣніе !" пишетъ онъ въ Вѣну Разумовскому. „Счастье ! говоритъ Императоръ Римскій... Ослиная въ арміи голова тоже говоритъ мнѣ - слѣпое счастье !"

Исторія умалчиваетъ коснулись ли эти слова слуха Императора Римскаго...

Послѣ побѣды на Треббіи Суворовъ сталъ искать Моро, но французскій генералъ явно избѣгалъ встрѣчи съ фельдмаршаломъ, за что и получилъ отъ него прозвище „генерала славныхъ ретирадъ". Моро, дѣйствительно, очень искусно ускользалъ отъ своего опаснаго противника. Тогда у Суворова окончательно созрѣло рѣшеніи идти черезъ Генуэзскую Ривьеру и Ниццу вглубь Франціи. Парижъ становился конечной цѣлью этого похода. Но завоеваніе Франціи отнюдь не входило въ политическіе разсчеты Австріи, и Тугутъ спуталъ грандіозные планы русскаго полководца. Вмѣсто того, чтобы позволить Суворову немедленно же использовать по-

бѣду при Треббіи для уничтоженія живой силы противника, Австрійскій Императоръ окончательно лишилъ его свободы дѣйствій и потребовалъ „безъ дальнѣйшихъ отлагательствъ предпринять и закончить осаду Мантуи".

28-го іюля Мантуа пала. Суворовъ не придавалъ большого значенія самому событію - вѣдь Мантуа ни въ какомъ смыслѣ не была ни Измаиломъ, ни Варшавой - оно важно было для него только потому, что освобождало наконецъ тридцатитысячный корпусъ генерала барона Края, осаждавшій Мантую, и развязывалъ руки для дальнѣйшихъ болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Но въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ этотъ успѣхъ вызвалъ необычайный восторгъ - преувеличенныя надежды. Императоръ Павелъ Петровичъ возвелъ Суворова въ княжеское достоинство съ именемъ Италійскаго.

„Примите воздаяніе за славные подвиги ваши", писалъ Государь: „да пребудетъ память ихъ въ потомкахъ вашихъ къ чести и славѣ Россіи".

Въ Вѣнѣ паденіе Мантуи разсматривалось, какъ блестящее окончаніе войны за возвращеніе итальянскихъ провинцій коронѣ Габсбурговъ. Это была совершенно ошибочная точка зрѣнія, но это была точка зрѣнія барона Тугута. Очень скоро событія показали, что правъ былъ Суворовъ, а не австрійцы. Дѣйствительно, мѣсячное бездѣйствіе союзниковъ позволило Макдональду придти въ себя и подтянуться къ Генуѣ на соединеніе съ Моро. Въ то же самое время изъ Франціи стали прибывать "конскрипты". 30-го преріаля, т.е. 18-го іюля въ Парижѣ перемѣнился составъ Директоріи и министерства. Пришедшіе къ власти директора и министры, недовольные неудачами Макдональда и Моро, убрали ихъ съ командныхъ постовъ и назначили главнокомандующимъ молодого генерала Жубера, пользовавшагося исключительной любовью солдатъ и довѣріемъ самого Бонапарта. Прибывъ къ арміи, Жуберъ немедленно же сталъ готовиться къ наступленію. Даже для гофкригсрата стало очевидно, что война въ Италіи далеко еще не кончена. Суворовъ опять сталъ нуженъ, ему развязали руки.

Во всемъ превосходя своего противника, увѣренный въ побѣдѣ, русскій фельдмаршалъ занялъ очень демонстративную позицію на равнинѣ, у сѣверныхъ склоновъ Апеннинъ, передъ городкомъ Нови, открывавшимъ союзникамъ путь на Генуэзскую Ривьеру.

15-го августа произошло сраженіе при Нови, окончившееся полнымъ разгромомъ французской арміи. Генералъ Жуберъ былъ убитъ ружейной пулей въ самомъ началѣ боя. Командованіе принялъ находившійся еще при арміи генералъ Моро. Ему такъ и не удалось уклониться отъ встрѣчи съ Суворовымъ. Въ сраженіи при Нови генералъ Моро показалъ себя достойнѣйшимъ противникомъ, и Суворовъ отозвался о немъ: „Моро понимаетъ меня, старика, и я радуюсь, что имѣю дѣло съ умнымъ военачальникомъ."

Моро всю жизнь гордился своими боевыми встрѣчами съ Суворовымъ, о которомъ высказалъ чрезвычайно своеобразное сужденіе: „Что же можно сказать о генералѣ, который обладаетъ стойкостью выше человѣческой, который погибнетъ самъ и уложитъ свою армію до послѣдняго солдата, прежде чѣмъ отступитъ на одинъ шагъ ?"

Подробныя донесенія о сраженіи и пораженіи французовъ подъ Нови пришли въ Парижъ черезъ нѣсколько дней. Вотъ когда

холодный паническій ужасъ овладѣлъ робкими душами директоровъ! Директорія объявила награду въ 2 милліона ливровъ за голову Суворова. Разсказываютъ, что узнавъ объ этомъ, фельдмаршалъ приказалъ привести къ нему плѣннаго француза и, отпуская его на свободу, сказалъ: „Желаю тебѣ счастливаго пути домой, но прежде всего объяви отъ меня Директоріи: сумма, за голову мою назначенная, велика; да у васъ и денегъ столько нѣтъ. Скажи еще Директоріи: я постараюсь самъ принести къ ней голову мою вмѣстѣ съ руками."

Въ дѣйствительности, въ Италіи было совершено два покушенія на жизнь Суворова; по чьей иниціативѣ - неизвѣстно...

За побѣду при Нови Императоръ Павелъ наградилъ фельдмаршала небывалой наградой. Въ приказѣ по арміи объявлялось:

„ Въ благодарность подвиговъ князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, гвардіи и всѣмъ Россійскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи Государя, отдавать ему всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ особѣ Его Императорскаго Величества."

Желая во что бы то ни стало удалить Суворова изъ Италіи, Тугутъ предлагалъ направить русскія войска въ Швейцарію на смѣну австрійской арміи эрцгерцога Карла, находившейся подъ Цюрихомъ. Суворовъ долженъ былъ вытѣснить французовъ изъ Швейцаріи и весною 1800-го года вторгнуться во Францію черезъ Франшъ-Контэ. Въ основномъ австрійскій планъ мало чѣмъ отличался отъ ранѣе принятаго англійскаго. Императоръ Павелъ Петровичъ его одобрилъ и утвердилъ, не предвидя, конечно, на какія тягчайшія испытанія и жертвы обрекалъ онъ этимъ героевъ Треббіи и Нови.

Суворову не нравился новый планъ войны.

„ Выдавя изъ меня сокъ, нужный для Италіи, бросаютъ меня за Альпы", писалъ онъ Растопчину. „Уже съ недѣлю я въ горячкѣ, больше отъ яду Вѣнской политики".

Онъ чувствовалъ, что австрійцы замышляютъ недоброе, хотя и не видѣлъ еще откуда появится опасность, болѣе страшная, чѣмъ вражескіе пули и штыки. Какъ не презиралъ фельдмаршалъ Тугута, но военной измѣны и предательства онъ отъ него все же не ожидалъ. Получивъ формальное повелѣніе Императора Павла идти въ Швейцарію, Суворовъ немедленно сталъ готовиться къ походу. Сразу же обнаружилось полнѣйшее нежеланіе гофкригсрата содѣйствовать снаряженію русскихъ войскъ къ предстоящей кампаніи. Интендантство отказывалось снабдить Суворова необходимымъ количествомъ горныхъ орудій, понтоновъ, амуниціи, куловъ. Австрійцы, повидимому, не отдавали себѣ отчета въ томъ, что подрываютъ и обнажаютъ корни того самаго дуба, благодатной тѣнью котораго пользовались уже столько времени.

Томимый дурными предчувствіями, измученный происками гофкригсрата, больной, переутомленный до крайности, но сильный духомъ, какъ никогда еще, великій старецъ тревожился теперь за двадцатитысячный корпусъ генерала Римскаго-Корсакова, идущій изъ Баваріи въ Сѣверную Швейцарію на соединеніе съ австрійской

арміей эрцгерцога Карла. Тревога не обманула фельдмаршала. Въ то время, какъ онъ находился съ главными силами въ Асти, Корсаковъ 17-го августа прибылъ въ Швейцарію и съ удивленіемъ узналъ, что эрцгерцогъ Карлъ намѣренъ немедленно же со всѣми австрійскими войсками идти въ Германію. Понимая, въ какомъ ужасномъ положеніи окажутся покинутыя австрійцами русскія войска передъ вчетверо превосходившимъ ихъ противникомъ, Корсаковъ убѣждалъ эрцгерцога повременить съ исполненіемъ своего намѣренія, нарушавшаго ранѣе состоявшееся между союзниками соглашеніе, въ силу котораго австрійскія войска могли покинуть Швейцарію только по прибытіи всѣхъ русскихъ войскъ изъ Италіи. Однако, ссылаясь на повелѣніе своего Императора, эрцгерцогъ оставался непреклоненъ. Итакъ, 20.000 русскихъ очутились передъ лицомъ 80.000 французовъ, которыми командовалъ талантливый и рѣшительный Массена.

Узнавъ о пагубныхъ замыслахъ гофкригсрата, но не подозрѣвая, что они уже приводятся въ исполненіе, Суворовъ тотчасъ же написалъ эрцгерцогу Карлу слѣдующее : „ Я увѣренъ, что Ваше Высочество, по Вашей ревности къ общему благу, не поспѣшите исполненіемъ того пагубнаго повелѣнія, которое противно высокой цѣли союзниковъ. Полагаясь вполнѣ на Вашу прозорливость и благонамѣренность, остаюсь спокоенъ относительно выступленія Вашего изъ Швейцаріи; надѣюсь даже получить вскорѣ пріятное извѣстіе, что страна эта обязана своимъ освобожденіемъ новымъ знаменитымъ побѣдамъ Вашего Высочества."

Фельдмаршалъ, конечно, не получилъ этого „пріятнаго извѣстія". Напротивъ, Австрійцы цинично ему заявили: „Поторопитесь ! Эрцгерцогъ Карлъ уже началъ выводить свои войска изъ Швейцаріи."

Спорить было уже безполезно.

„Сія сова не сума-ли сошла, или того никогда не имѣла", отозвался о Тугутѣ взбѣшенный Суворовъ.

Предательски нарушалось формально заключенное между союзниками соглашеніе о постепенной смѣнѣ австрійскихъ войскъ русскими. Грубо попирался одинъ изъ важнѣйшихъ принциповъ суворовской боевой тактики, принципъ взаимной поддержки: „товарища выручай!" Австрійцы попросту бросали занятыя позиціи, дезертировали на глазахъ у непріятеля. Суворовъ прекрасно понималъ, что ему уже не поспѣть на помощь Корсакову. Массена не станетъ ждать, обрушится на слабѣйшаго противника и раздавитъ его своею численностью. Кажется, первый разъ за всю свою долгую боевую жизнь русскій фельдмаршалъ испытывалъ чувство отчаянія. Швейцарія представлялась ему теперь западней, въ которую его умышленно завлекали недобросовѣстные союзники. Не оставалось и тѣни сомнѣнія въ томъ, что Тугутъ былъ не только злостнымъ интриганомъ, но и предателемъ.

Суворовъ покидалъ Италію съ тягостнымъ сознаніемъ безполезности принесенныхъ русскими войсками жертвъ. Онъ былъ увѣренъ, что реакціонная австрійская политика въ завоеванной русскими штыками странѣ очень скоро вызоветъ открытое возмущеніе итальянцевъ. Съ другой стороны, онъ не безъ основанія опасался, что съ его уходомъ страна опять будетъ занята французами.

„Я убѣжденъ, что для завоеванія Швейцаріи не слѣдуетъ терять Италіи", писалъ онъ Императору Францу, „а потому можно тогда только отдѣлить въ пользу первой страны часть силъ, дѣйствующихъ нынѣ въ Италіи, когда онѣ не будутъ уже нужны для сей послѣдней, или,по крайней мѣрѣ, когда съ удаленіемъ ихъ оттуда не будетъ уже представляться никакой опасности".

Не переставалъ Суворовъ жаловаться и на недостаточность снабженія русскихъ войскъ необходимымъ для горной войны снаряженіемъ.

„Весьма прискорбно будетъ", писалъ фельдмаршалъ, „если недостатокъ означенныхъ средствъ, при всемъ усердіи моемъ, преградитъ мнѣ путь къ достиженію предположенной высокой цѣли".

Наконецъ, Суворовъ считалъ осторожнымъ начинать трудную кампанію на осень глядя. Люди, приходившіе съ горъ, говорили, что тамъ уже выпалъ снѣгъ. Ледяной вѣтеръ падалъ съ вершинъ, все смѣтая на своемъ пути. А у солдатъ не было теплой одежды. Кажется только полковникъ Вейротеръ и маіоръ Эккартъ, офицеры австрійскаго генеральнаго штаба, прикомандированные въ качествѣ знатоковъ горъ къ русскомъ фельдмаршалу, раздѣляли его опасенія. Но подобныя „мелочи" не волновали дипломатовъ, дѣлавшихъ большую европейскую политику. Судьба русскаго солдата ихъ не интересовала. Да и едва ли не съ древнѣйшихъ временъ ни Европа твердо увѣрилась въ томъ, что русскій человѣкъ совершенно не чувствителенъ къ холоду. За примѣромъ не надо было далеко ходить : самъ фельдмаршалъ Суворовъ прямо изъ „раскаленной" русской бани голый выбѣгалъ на морозъ и бросался въ снѣгъ; по утрамъ обливался съ ногъ до головы ледяной водой, а зимой носилъ легкій плащъ, называвшійся почему то „roditelski". Если таковъ былъ самъ фельдмаршалъ, то каковы же были его солдаты !

Извѣстно, что въ минуты душевной депрессіи, доведенный почти до отчаянія происками Тугута, Суворовъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Императоръ Павелъ Петровичъ убѣждалъ фельдмаршала взять это прошеніе назадъ. Онъ неоднократно выражалъ ему свое довѣріе и благосклонность и вмѣстѣ съ нимъ негодовалъ на интриги Тугута. Растроганный Высочайшею милостью, Суворовъ взялъ назадъ свое прошеніе объ увольненіи со службы.

„Простите мнѣ всемилостивѣйшее", писалъ онъ Императору, „что въ скорби сердца своего дерзнулъ я просить объ увольненіи меня отсюда въ благословенное отечество мое. Я пріобыкъ переносить съ презрѣніемъ обиды, лично мнѣ наносимыя; но когда наглостію и дерзновенностію сознаго, облагодѣтельствованнаго Кабинета, оскорблялись нѣкоторымъ образомъ слава и достоинство Монарха моего и побѣдоноснаго, мнѣ ввѣреннаго Его оружья, - тогда долгомъ поставилъ я уклониться въ мирное жилище. Нынѣ же повсюду, гдѣ угодно будетъ Всевышнему пресѣчь жизнь мою, посвящаю ее достославному служенію Вашему Императорскому Величеству.... Ощущая всю цѣну величія Монаршихъ милостей, поведу я теперь храброе Вашего Императорскаго Величества воинство въ Швейцарію, куда Высочайшая Ваша воля путь мнѣ указуетъ,и тамо, на новомъ полѣ сраженія, пораженіе врага, или умру со славою за отечество и Государя !..."

Суворовъ понималъ, что благополучный исходъ всей кампаніи зависитъ теперь исключительно отъ быстроты его движенія на

соединеніе съ корпусомъ Римскаго-Корсакова. Русскія войска шли форсированными маршами : Валенца - Мортара - Новара - Тюрбиго - Варезэ - Лугано - Таверно. Эти 160 верстъ были пройдены въ шесть дней, вмѣсто положенныхъ восьми. Это усиліе оказалось напраснымъ. Прибывъ въ Таверно 15-го сентября, Суворовъ не нашелъ здѣсь обѣщанныхъ ему и совершенно необходимыхъ для дальнѣйшаго слѣдованія по горнымъ дорогамъ муловъ. Злой умыселъ или халатность ? Фельдмаршалъ терялся въ догадкахъ и негодовалъ, подозрѣвая худшее. Онъ все время болѣзненно чувствовалъ тлѣтворное вмѣшательство европейскихъ политиковъ въ его стратегическіе планы. Патріотъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, гражданинъ-солдатъ, берегущій честь и славу русскаго оружія, - старый фельдмаршалъ прекрасно понималъ, что страхъ, завистъ, ненависть и корыстный разсчетъ неизмѣнно руководили отношеніемъ европейскихъ дипломатовъ къ его великому отечеству.

„Политика есть тухлое яйцо", - сказалъ однажды Суворовъ. Передъ вступленіемъ въ Швейцарію онъ, конечно, больше чѣмъ когда-либо, чувствовалъ вонь этого тухлаго европейскаго яйца. Изъ Беллинцоны фельдмаршалъ отправилъ письмо Ростопчину; нѣкоторыя строки этого письма иначе и нельзя назвать, какъ воплемъ отчаянія: „Нѣтъ лошаковъ, нѣтъ лошадей, а есть Тугутъ и горы и пропасти... Тугутъ вездѣ, Гоцъ (австрійскій генералъ, А.С.) нигдѣ... А подъ Цюрихомъ дурно и Лаватера ранили...Готовъ носить Марію Терезію (австрійскій военный орденъ, А.С.), у меня и такъ на плечахъ много сидитъ... Караулъ! ... Ура!... Я русскій, вы русскіе..."

Можетъ быть и не легко разобраться въ этомъ бурномъ потокѣ словъ, выражающемъ неудержимый порывъ раздраженныхъ чувствъ, но одно совершенно ясно: Суворовъ, дѣйствительно, оказался на краю пропасти, - и это не только въ буквальномъ, но и въ иносказательномъ смыслѣ слова, ибо на швейцарскую карту была поставлена вся его незапятнанная никакими пораженіями полководческая слава.

Все складывалось плохо. У солдатъ не было теплой одежды и спеціальной горной обуви. Запасы патроновъ, продовольствія и фуража для казачьихъ и артиллерійскихъ лошадей оказались ничтожны, но если бы даже они были достаточны, для нихъ все равно не хватило бы муловъ. Горныя орудія такъ и не прибыли. Погонщики муловъ не желали идти дальше Беллинцоны. Наконецъ, незнакомство съ новымъ театромъ военныхъ дѣйствій могло въ значительной мѣрѣ затруднить примѣненіе русскими войсками классическихъ принциповъ суворовской тактики. При столь неблагопріятныхъ общихъ условіяхъ, создавшихся отнюдь не случайно, Швейцарскій походъ не представлялся Суворову подвигомъ воинской чести. Старому фельдмаршалу казалось, что его заставляютъ совершать какой то не совсѣмъ понятный и заранѣе обреченный на неудачу поступокъ, и если бы не формальное повелѣніе Русскаго Императора, онъ, конечно, отказался бы повиноваться директивамъ вѣнскаго гофкригсрата. Суворовъ сталъ подозрѣвать, и подозрѣнія его все болѣе и болѣе переходили въ увѣренность, что австрійцы завлекаютъ его въ ловушку съ цѣлью уничтожить. Онъ не ошибался. На глазахъ всего культурнаго міра, при благосклонномъ попустительствѣ „союзныхъ" монарховъ, изъ-за излишней

податливости русскихъ дипломатовъ, всегда колопски расшаркивавшихся передъ своими западно-европейскими коллегами, совершалось величайшее историческое преступленіе, жертвами которого должны были стать семидесятилѣтній русскій полководецъ и 16.000 русскихъ солдатъ, только что спасшихъ царей и царства отъ революціонной бури.

Въ Таверно по совѣту Вел. Князя Константина Павловича Суворовъ спѣшилъ 1500 казаковъ и ихъ маленькія коренастыя лошадки пошли, вмѣсто муловъ, съ поклажей. Находчивость, какъ всегда у русскихъ, замѣняла недостатокъ матеріальныхъ средствъ.

21-го сентября русскія войска двумя колоннами выступили изъ Таверно и Беллинцоны къ Сенъ-Готарду. Было холодное и дождливое утро. Съ горъ дулъ пронизывающій вѣтеръ. Суворовъ ѣхалъ на казачьей лошади, плотно надвинувъ на свои жиденькіе сѣдые волосы широкополую круглую шляпу, завернувшись въ ветхій, тонкій и полинялый отъ дождей и солнца плащъ, уже давно прозванный солдатами „родительскимъ". Въ этомъ странномъ одѣяніи, русскій фельдмаршалъ походилъ гораздо больше на провинціальнаго католическаго священника, чѣмъ на знаменитаго полководца, одно имя котораго приводило въ смущеніе враговъ. Рядомъ съ Суворовымъ, на такой же низкорослой казачьей лошадкѣ ѣхалъ Антоніо Гамма, старый итальянецъ, въ домѣ котораго, въ Таверно, фельдмаршалъ прожилъ пять дней. Гамма сразу же такъ привязался къ Суворову, что позабывъ все на свѣтѣ, рѣшилъ слѣдовать за нимъ повсюду. Знатокъ горныхъ дорогъ и тропинокъ, Антоніо Гамма неотлучно находился при Суворовѣ во все время Швейцарскаго похода и оказалъ русскимъ войскамъ незамѣнимыя услуги.

Суворовъ прошелъ Швейцарскія Альпы съ юга на сѣверъ, отъ Сенъ-Готарда до Гларуса почти непрерывно сражаясь съ сильнымъ, храбрымъ и гораздо лучше подготовленнымъ къ горной войнѣ противникомъ. 24-го сентября русскія войска стали подниматься на С.-Готардъ и встрѣтили рѣшительное сопротивленіе французовъ. Фельдмаршалъ приказалъ немедленно атаковать. Три фронтальныя атаки были отбиты. Французы упорно сопротивлялись. Наши потери простирались до двухъ тысячъ. На сторонѣ оборонявшихся были всѣ преимущества пересѣченной мѣстности: прячась за утесами и камнями, французскіе стрѣлки били русскихъ на выборъ. Но обойденные съ лѣваго фланга, испытывая непрерывный фронтальный натискъ, французы стали, наконецъ, медленно отступать. Въ 4 часа пополудни русскія войска заняли Сенъ-Готардъ. Суворовъ убѣдился, что и здѣсь, въ Швейцаріи, имѣетъ передъ собой незауряднаго противника. Французскіе солдаты дрались прекрасно и командовалъ ими талантливый генералъ Лекурбъ.

Занятіе Сенъ-Готарда послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя было первой побѣдой русскихъ войскъ въ Швейцаріи, побѣдой, показавшей, что и въ совершенно новой для нихъ боевой обстановкѣ русскіе солдаты проявляютъ свойственныя имъ выносливость и мужество.

Съ боемъ были заняты деревни Госпиталь и Урзернъ (Андерматъ). 25-го, рано утромъ русскія войска прорвались черезъ Урнерскую дыру (Урнеръ лохъ),- узкій тунель длиною въ 80 мет-

ровъ. Впереди, въ четырехстахъ шагахъ отъ выхода изъ этого тунеля, висѣлъ Чортовъ мостъ - единственная переправа черезъ пропасть, на днѣ которой бѣшенно шумѣла стремительно несущаяся на югъ рѣка Рейса. Французы, увѣренные въ томъ, что русскимъ не удастся пройти черезъ Урнерскую дыру, совершенно не подготовились къ защитѣ переправы; ихъ войска, находившіяся на другой сторонѣ пропасти, стали наспѣхъ разбирать каменную кладку моста, отрѣзая такимъ образомъ отступленіе своимъ же передовымъ частямъ, еще оказывавшимъ сопротивленіе русскимъ. Въ концѣ концовъ, этотъ французскій авангардъ былъ сброшенъ въ пропасть.

„Угрожаемые обходомъ", пишетъ Милютинъ, „французы начали отступать отъ моста: наши бросились впередъ, притащили нѣсколько бревенъ, выхваченныхъ изъ случившагося поблизости сарая; офицеры, постоянно бывшіе впереди, перевязали бревна своими шарфами и начали перебираться по этой зыбкой перекладинѣ".

„Чертовъ мостъ"- дѣло необычайной доблести съ обѣихъ сторонъ. Но это - одна изъ самыхъ трагическихъ страницъ русской военной исторіи. Пока Суворовъ овладѣвалъ переправой черезъ Рейсу, Римскій-Корсаковъ терпѣлъ страшное пораженіе отъ Массены подъ Цюрихомъ и отходилъ за Рейнъ. Суворовъ, еще ничего не знавшій объ этой катастрофѣ, продолжалъ спѣшить на соединеніе съ уже разбитымъ и далеко отброшеннымъ Корсаковымъ. Фактически Швейцарскій походъ терялъ всякій смыслъ, отнынѣ какъ бы уподобляясь выстрѣлу, направленному въ пустое пространство.

Швейцарская западня, такъ искусно поставленная Тугутомъ, неминуемо должна была захлопнуться. Когда-нибудь историки отвѣтятъ на вопросъ: кто отвѣтственъ за Швейцарскій походъ - Вильямъ Питтъ младшій, Императоръ Австрійскій Францъ, баронъ Іоганъ-Амедей-Францъ де Паула Тугутъ - сынъ простого паромщика на Дунаѣ, кто еще ?

Итакъ, не зная ничего о цюрихской катастрофѣ, Суворовъ быстро шелъ туда, гдѣ думалъ найти Корсакова. 26-го сентября въ Альторфѣ фельдмаршалъ къ немалому своему удивленію убѣдился въ томъ, что австрійскіе офицеры, „знатоки горъ", завели его въ тупикъ. Дорога упиралась въ Люцернское озеро, по которому крейсировала непріятельская флотилія. Никакого сообщенія со Швицемъ, сборнымъ пунктомъ, указаннымъ Корсакову и Готце, не было и въ поминѣ. Суворовъ уже не сомнѣвался, что австрійцы его предали. Тугутъ велъ двойную игру и переговаривался съ французами. Это выяснилось слишкомъ поздно. Малочисленная, изголодавшаяся, полунагая и полубосая русская армія оказалась въ тупикѣ. Однако, героическій выходъ былъ найденъ. Изъ Альторфа Суворовъ двинулъ русскія войска по самой трудной, но кратчайшей горной тропинкѣ черезъ снѣговой хребетъ Росштокъ въ Мутенскую долину, ведущую къ Швицу. Во что бы то ни стало, слѣдовало наверстать потерянное время. Но 28-го сентября фельдмаршалъ узналъ страшную новость: Римскій-Корсаковъ и Готце разбиты, французы въ Швицѣ и Гларисѣ, слѣдовательно, всѣ пути изъ Мутенской долины преграждены превосходными силами противника. На этотъ разъ катастрофа казалась уже неизбѣжной. Массена не сомнѣвался, что Суворовъ вынужденъ будетъ положить оружіе. Самодовольно потирая руки, французскій генералъ объявилъ плѣннымъ русскимъ офицерамъ, что намѣренъ привести къ нимъ черезъ нѣсколько дней Су-

ворова и Великаго Князя Константина. Это заявленіе отнюдь не было пустымъ бахвальствомъ. Положеніе русскихъ въ Мутенской долинѣ полностью оправдывало оптимизмъ Массены. Не слѣдуетъ забывать, что самъ фельдмаршалъ считалъ себя на краю гибели !

29-го сентября Суворовъ созвалъ военный совѣтъ. Онъ принялъ уже твердое и мудрое рѣшеніе идти по пути наименьшаго риска и сопротивленія, т.е. на Гларисъ, но ему хотѣлось лишній разъ убѣдиться въ нравственной стойкости старшихъ начальниковъ, внушить имъ свою волю къ сопротивленію, вѣру въ самихъ себя и свои войска. Драматическія обстоятельства требовали драматическихъ средствъ воздѣйствій. Психологическій пріемъ, къ которому прибѣгнулъ фельдмаршалъ, вполнѣ ему удался.

Первымъ пришелъ на военный совѣтъ князь Багратіонъ. Онъ увидѣлъ Суворова въ полномъ фельдмаршальскомъ мундирѣ и при всѣхъ орденахъ. Старикъ, уже нѣсколько дней страдавшій жесточайшими приступами лихорадки, взволнованно ходилъ по комнатѣ и, какъ бы никого не замѣчая, точно въ бреду, отрывисто говорилъ самъ съ собою: „Парады, разводы, большое къ себѣ уваженіе... Обернется - шляпы долой! Помилуй Господи, да и это нужно, да - во время. А нужнѣе то, знать вести войну, знать мѣстность, умѣть разсчесть, не дать себя въ обманъ, умѣть бить... А битому быть не мудрено! Погубить столько тысячъ!.. И какихъ! Въ одинъ день! Помилуй Господи!"

„Это онъ про Александра Михайловича Корсакова", подумалъ Багратіонъ, тихонько выходя изъ комнаты и закрывая за собою дверь.

Вскорѣ прибыли приглашенные на совѣтъ генералы и нѣкоторые штабъ-офицеры. Всѣ собравшіеся, во главѣ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, вошли къ фельдмаршалу. Суворовъ поклонился, закрылъ на нѣсколько мгновеній глаза, какъ бы собираясь съ мыслями, затѣмъ бросилъ на всѣхъ молніеносный, горящій взглядъ и взволнованно заговорилъ:

„Корсаковъ разбитъ и прогнанъ за Рейнъ ! Готце пропалъ безъ вѣсти и корпусъ его разсѣянъ... Итакъ, весь оперативный планъ нашъ для изгнанія французовъ изъ Швейцаріи разстроенъ". Тутъ фельдмаршалъ точно пересталъ владѣть собою. Таившееся въ глубинѣ его души и причинявшее ему нестерпимую боль чувство справедливаго гнѣва и оскорбленнаго самолюбія вдругъ вырвалось наружу. Съ нескрываемымъ негодованіемъ и презрѣніемъ говорилъ онъ о зависти и происках гофкригсрата, о подлости вѣроломствѣ Тугута, о томъ, что русскихъ выгнали изъ Италіи, чтобы они не мѣшали австрійцамъ насильничать въ захваченной странѣ,и послали въ Швейцарію, чтобы здѣсь предать въ руки враговъ. Справедливое негодованіе любимаго вождя въ одно мгновеніе передалось всѣмъ собравшимся.

„Никогда еще, со времени Прутскаго похода, русскія войска не находились въ столь безвыходномъ положеніи", сказалъ Суворовъ. „Мы среди горъ, окружены непріятелемъ превосходнымъ въ силахъ. Что предпринять намъ ? Идти назадъ - постыдно; никогда еще не отступалъ я. Идти впередъ къ Швицу - невозможно: у Массены свыше шестидесяти тысячъ, у насъ же нѣтъ и двадцати. Къ тому же мы безъ провіанта, безъ патроновъ, безъ артиллеріи. Помощи намъ ждать не отъ кого. Мы на краю гибели !... Теперь

одна остается надежда на всемогущаго Бога, да на храбрость и самоотверженіе войскъ, мною предводимыхъ! Мы русскіе ! Съ нами Богъ ! Спасите честь Россіи и Государя! Спасите сына нашего Императора!"

Отъ избытка нахлынувшихъ чувствъ Суворовъ не въ силахъ была болѣе говорить. Онъ заплакалъ и упалъ на колѣни передъ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ. Въ смущеніи, самъ едва сдерживая рыданія, юный сынъ Русскаго Императора сталъ поднимать колѣнопреклоненнаго стараго фельдмаршала. Онъ обнялъ его и горячо расцѣловалъ, но отъ волненія не могъ произнести ни слова. Наступило торжественное молчаніе. Всѣ переживали какой-то радостный и необыкновенный душевный подъемъ. Наконецъ, генералъ Дерфельденъ, какъ старѣйшій и уважаемый военачальникъ, произнесъ отъ лица собравшихся трогательную рѣчь, въ которой выразилъ общее чувство безграничной любви и преданности къ фельдмаршалу, непоколебимую рѣшимость не останавливаться ни передъ какими препятствіями и твердую увѣренность въ томъ, что русскіе воины скорѣе погибнутъ,чѣмъ посрамятъ честь своего славнаго шефа. Едва только Дерфельденъ умолкъ, какъ всѣ въ одинъ голосъ поклялись исполнить свой воинскій долгъ передъ Царемъ и Родиной. Этотъ многоустый, но какъ бы изъ одной души вырвавшійся возгласъ, совершенно преобразилъ фельдмаршала. Его глаза засіяли. Онъ живо вскинулъ голову и взволнованно произнесъ:

„Надѣюсь!... Радъ!... Помилуй Богъ, мы русскіе! Съ помощью Божіей мы все одолѣемъ!"

Начался обмѣнъ мнѣній по вопросу - куда двигаться: къ Швицу, чтобы сразиться съ вчетверо превосходившей русскія войска арміей Массены или къ Гларису и далѣе, на соединеніе съ уцѣлѣвшими послѣ цюрихскаго разгрома русскими частями Корсакова ? Движеніе къ Гларису казалось русскимъ генераламъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Австрійцы, не приглашенные на военный совѣтъ, уже ранѣе высказались за наступленіе къ Швицу. Это явно-пагубное для русскихъ предложеніе австрійцевъ было рѣшительно отвергнуто Великимъ Княземъ. Давъ всѣмъ свободно высказаться, Суворовъ приказалъ двигаться на Гларисъ.

Во всемірной исторіи не часто совершались событія, по своему психологическому напряженію подобныя военному совѣту въ Мутенской долинѣ, но всякій разъ, когда они совершались, ихъ участники какъ бы внутренне перерождались, и для нихъ уже не оставалось и тѣни сомнѣній въ безпредѣльности силъ человѣческаго духа.

Весь ранѣе составленный планъ Швейцарской кампаніи требовалъ коренной переработки, ибо Суворовъ окончательно убѣдился въ невозможности военнаго сотрудничества съ австрійцами. Онъ это предвидѣлъ. Россія поставила на крапленую австрійскую карту свой военный и политическій престижъ. Суворовъ его спасъ.Теперь слѣдовало какъ можно скорѣе уйти, чтобы на оказаться замѣшаннымъ въ еще болѣе нечестную игру, въ которой ставками были жизни русскихъ солдатъ.

Военнымъ совѣтомъ въ Мутенской долинѣ психологически завершился Швейцарскій походъ. 29-го сентября Суворовъ началъ отходить изъ Мутенской долины черезъ горный хребетъ Брагель

въ долину Кленталь, ведшую къ Гларису. По всему этому пути французы энергично нападали на русскихъ. Только I-го октября къ вечеру русскія войска заняли Гларисъ. Въ то время, какъ Суворовъ, непрерывно сражаясь, переходилъ Брагельскій хребетъ и двигался по Клентальской долинѣ, арьергардъ Розенберга сдерживалъ со стороны Швица ожесточенный натискъ французовъ, стремившихся прорваться въ тылъ отступающей русской арміи. 4-го октября всѣ русскія войска уже собрались къ Гларису. Эти люди были оборваны и босы, изнурены голодомъ, непрерывнымъ походомъ, измучены безсонными ночами, проведенными въ непогоду подъ открытымъ небомъ, наконецъ, нравственно подавлены сознаніемъ постигшей ихъ неудачи. Это скопище людей должно было бы разбрестись въ разныя стороны въ поискахъ крова и пищи, если бы его не сковывала желѣзная дисциплина, нѣкоторое сознаніе долга, преданность любимому вождю и столь свойственное русскому человѣку, вообще, а русскому солдату, въ особенности, - чувство простого здраваго смысла. Однако, о продолженіи кампаніи нечего было и думать. Суворовъ рѣшилъ, какъ можно скорѣе вывести войска изъ Швейцаріи и дать имъ длительный и вполнѣ заслуженный ими отдыхъ.

„Въ ночь на 24-е сентября (5-е октября, А.С.) мы двинулись изъ Глариса на югъ, черезъ Шванденъ и Энги къ Эльму", - пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ графъ Матвѣй Комаровскій, участникъ Итальянской кампаніи и Швейцарскаго похода. „Арьергардъ князя Багратіона, сдерживая непрерывный натискъ противника, прикрывалъ отступленіе нашихъ главныхъ силъ. 24-го (5-го) мы подошли къ Эльму, гдѣ и заночевали. Впереди угрюмо высился, преграждая намъ дорогу, крутой снѣговой хребетъ Рингенъ-Копфъ. 25-го (6-го) погода стала замѣтно портиться, повалилъ снѣгъ, ледяной вѣтеръ пронизывалъ до костей. Мы стали подниматься по еле замѣтной тропинкѣ, которая вскорѣ совсѣмъ исчезла подъ покровомъ свѣже-выпавшаго снѣга. Этотъ ужасный день я никогда не забуду. Казалось, что сама природа рѣшила насъ погубить. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ сильнѣй становился вѣтеръ и холодъ. Мы взбирались по отвѣснымъ скаламъ, помогая другъ другу. Покрытые снѣгомъ камни осыпались подъ нашими ногами, мы скользили и падали, судорожно хватаясь за что попало, лишь бы не сорваться въ пропасть. Мимо меня пронесся падающій въ бездну солдатъ. На одно мгновеніе я увидѣлъ его искаженное смертельнымъ страхомъ лицо. Меня самого сковалъ ужасъ... Вѣтеръ крѣпчалъ, поднималась настоящая буря. Подъ нами, въ черныхъ облакахъ, скрывавшихъ скалы, грохотали раскаты грома. Съ визгомъ и лязгомъ понеслись въ пропасть наши послѣднія пушки: ихъ нельзя было втащить въ гору. Я чувствовалъ, что силы мои подходили къ концу. Въ эту минуту я увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ надъ собою князя Александра Васильевича. Онъ сидѣлъ на низкорослой казачьей лошадкѣ, плотно закутавшись въ плащъ; рядомъ съ нимъ шелъ его проводникъ Антоніо Гамма и три казака. У меня на сердцѣ, почему то, сразу полегчало, точно тяжесть какую скинули. Вдругъ порывъ вѣтра рванулъ меня съ такой силой, что я зашатался и чуть было не упалъ. Кто то схватилъ меня за руку и удержалъ. Облака

сгустились до того, что стало темно, какъ ночью. Мы потеряли счетъ времени и не знали, гдѣ находимся."

Если подъемъ на Рингенъ-Копфъ былъ сопряженъ съ неимовѣрными трудностями и опасностями, и стоилъ жизни многихъ десятковъ людей, то спускъ оказался не легче и потребовалъ новыхъ жертвъ.

„Ну, ничего!... Ничего!" Подбодрялъ фельдмаршалъ обезсилившихъ и пришедшихъ въ отчаяніе людей. „Русакъ - не трусакъ. Пройдемъ !"

И, дѣйствительно, проходили. Но силы были явно на исходѣ. Всѣ тропинки замело снѣгомъ. Крутыя и гладкія скалы обледенѣли. Люди бросались и скатывались внизъ,что называется - очертя голову, на авось. Многіе ломали себѣ руки и ноги. Разбивались и на смерть. Но внизу всѣмъ чудился отдыхъ подъ кровлей. горящіе костры, сухая одежда, горячая пища, спокойный сонъ. Русскіе солдаты, продѣлавшіе легендарный Швейцарскій походъ, заслужили сторицей всѣ эти скромныя блага жизни.

7-го октября снѣговой хребетъ Рингенъ-Копфъ былъ перейденъ. Всѣ русскія войска собрались къ его южнымъ склонамъ, близъ деревни Паниксъ, и въ тотъ же день, вечеромъ, подошли къ Иланцу.

„Орлы русскіе облетѣли орловъ римскихъ!" воскликнулъ Суворовъ.

Первая спокойная ночь прошла у бивачныхъ костровъ. Швейцарскій походъ былъ оконченъ. Еще одна героическая страница русской военной исторіи перевернулась...

Въ итогѣ Швейцарскаго похода русскіе потеряли I.600 человѣкъ убитыми, сорвавшимися въ пропасти, замерзшими и пропавшими безъ вѣсти; 3.500 человѣкъ выбыло изъ строя по раненіямъ и увѣчіямъ. Принимая во вниманіе, что за I6 дней похода русскія войска выдержали нѣсколько сраженій и перевалили черезъ такіе снѣговые хребты, какъ Сенъ-Готардъ, Росштокъ, Брагель и Рингенъ-Копфъ, остается только удивляться сравнительной незначительности этихъ потерь.

Жалуя Суворову званіе генералиссимуса россійскихъ войскъ, Императоръ Павелъ Петровичъ писалъ ему: „Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, недоставало вамъ одного рода славы - преодолѣть и самую природу. Но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ; поразивъ еще злодѣевъ вѣры, попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ ихъ, злобою и завистью противъ васъ вооруженныхъ.Награждая васъ по мѣрѣ признательности Моей и ставя на высшій степень, чести и геройству предоставленный, увѣренъ, что возвожу на оный знаменитѣйшаго полководца сего и другихъ вѣковъ".

Графъ Ростопчинъ писалъ Суворову: „Ваше послѣднее чудесное дѣло удостаиваетъ въ Вѣнѣ названіемъ: „une belle retraite! Если бы они умѣли такъ ретироваться, то давно бы завоевали всю вселенную".

Въ минуту похвальной откровенности Массена признался,что

„отдалъ бы всѣ свои 48 кампаній за одинъ Швейцарскій походъ Суворова."

Въ 1807-мъ году на пріемѣ въ Тюильери Макдональдъ говорилъ русскому послу: „Не видать бы всей этой челяди Тюильерійскаго дворца, если бы у васъ нашелся другой Суворовъ." Тотъ же Макдональдъ сказалъ: „Хотя Императоръ Наполеонъ не дозволяетъ себѣ порицать кампанію Суворова въ Италіи, но онъ не любитъ говорить о ней. Я былъ очень молодъ во время сраженія при Треббіи. Эта неудача могла бы имѣть пагубное вліяніе на мою карьеру, меня спасло лишь то, что побѣдителемъ моимъ былъ Суворовъ."

„Неужели Державинъ промолчитъ о нашихъ дѣлахъ" ? — обезпокоился самъ фельдмаршалъ. Но Гавріилъ Романовичъ, какъ извѣстно боготворившій Суворова, не промолчалъ. Онъ написалъ оду „На переходъ Альпійскихъ горъ". По мнѣнію извѣстнаго Державиниста, Владислава Ходасевича, ода эта „одна изъ самыхъ мощныхъ въ мощной историографической лирикѣ Державина".

Австрійскій Императоръ наградилъ Суворова орденомъ Маріи Терезіи I-го класса. Императоръ Павелъ Петровичъ, лично сообщая объ этомъ фельдмаршалу, милостиво подутилъ: „предупреждаю, зная, что неожиданная радость бываетъ опасна".

Но несмотря на Марію-Терезію I-го класса, Суворовъ окончательно рвалъ съ австрійцами. На военномъ совѣтѣ 18-го октября было рѣшено, что „кромѣ предательства, ни на какую помощь отъ Цесарцевъ нѣтъ надежды; чего ради наступательную операцію не производить; но для необходимаго поправленія войскъ, остановиться на правомъ берегу Рейна".

Не видя возможности продолжать войну, Суворовъ мечталъ вернуться какъ можно скорѣе домой, въ просторъ родныхъ полей. Въ Европѣ ему стало и тѣсно и душно.

„Мнѣ здѣсь дышать больше нечѣмъ", - жаловался онъ, вздыхая по стариковски, точно и впрямь ему трудно было дышать...

„Какъ скоро войска вступятъ въ отечественныя границы", писалъ генералиссимусъ Императору: „то первѣйшимъ счастіемъ и долгомъ поставлю пасть къ священнѣйшимъ стопамъ великаго моего Монарха".

О личномъ, человѣческомъ подвигѣ Суворова Швейцарскій походъ даетъ, несомнѣнно, болѣе полное представленіе, чѣмъ всѣ предыдущія кампаніи. Суворовъ - полководецъ-герой знакомъ намъ по первой и второй Турецкой войнѣ, по двумъ Польскимъ кампаніямъ, наконецъ, по Италіи. Суворовъ - подвижникъ, воинъ Христовъ, не переставшій быть героемъ, встаетъ передъ нами только въ эти страшные 16 дней швейцарской „Голгоѳы". Только здѣсь, на Альпійскихъ высотахъ, героизмъ Суворова претворяется въ подлинно-христіанскій подвигъ. Въ свои 70 лѣтъ старый фельдмаршалъ съ изумительнымъ терпѣніемъ переносилъ выпавшіе на его долю нравственныя и физическія испытанія. Какъ ни великъ онъ былъ духомъ, но все же онъ былъ только человѣкомъ. Въ теченіи всей Швейцарской кампаніи онъ страдалъ сильнѣйшими приступами маларіи, той самой, что едва не погубила его въ первую Турецкую войну. Эта болѣзнь осложнилась теперь глубокимъ бронхитомъ. Уже истощенный до крайности

непосильными трудами Итальянскбй кампаніи; Суворовъ преодолѣвалъ физическую немощь и болѣзни непреоборимой силой своего духа. На него были обращены съ упованіемъ взоры двадцати тысячъ преданныхъ ему душъ и тѣломъ людей. Онъ дѣлилъ съ ними всѣ опасности и лишенія. Это давало ему извѣстное нравственное удовлетвореніе, но не уменьшало сознанія огромной отвѣтственности и отеческой тревоги за ихъ жизни. Онъ неизмѣнно подавалъ всѣмъ примѣръ храбрости и спартанской простоты въ одеждѣ и пищѣ. Онъ мокъ подъ проливнымъ дождемъ и дрогъ отъ стужи такъ же, какъ и его солдаты, съ тою только разницей, что они были на 20, на 30, на 40 лѣтъ моложе его ! Просто поразительно, что этотъ хилый старикъ не умеръ отъ болѣзней и истощенія !

Однажды въ кругу своихъ приближенныхъ, терзаемый приступами лихорадки, онъ воскликнулъ : „Не дамъ костей своихъ врагамъ! Умру здѣсь и пусть на могилѣ моей будетъ надпись: Суворовъ жертва измѣны, но не трусости".

Все время онъ былъ полонъ отеческой любви и заботливаго вниманія ко всѣмъ безъ исключенія. Онъ не требовалъ отъ начальниковъ строгостей и трафаретныхъ дисциплинарныхъ взысканій, неумѣстныхъ и даже вредныхъ въ столь сложной боевой обстановкѣ. Самъ онъ широко и умѣло пользуется, какъ средствомъ нравственнаго воздѣйствія, простоватой насмѣшкой надъ солдатскимъ малодушіемъ. Однажды въ присутствіи фельдмаршала люди стали ворчать: „Старикъ нашъ выжилъ изъ ума! Богъ знаетъ куда завелъ насъ!"

Не трудно себѣ представить, какъ отнесся бы къ подобнымъ бунтарскимъ возгласамъ всякій другой военачальникъ:въ лучшемъ случаѣ, онъ сдѣлалъ бы видъ, что ихъ не слышитъ. Но Суворовъ тотчасъ же подхватилъ брошенный ему упрекъ. Онъ обратился къ чинамъ своей свиты и сказалъ нарочито громко, чтобы солдаты его слышали: „Какъ они хвалятъ меня! Помилуй Богъ, такъ точно они хвалили въ Туречинѣ и въ Польшѣ!"Ропотъ немедленно смолкъ Солдаты были явно смущены.

Самъ будучи доведенъ почти до отчаянія плохимъ оборотомъ дѣлъ, фельдмаршалъ находилъ слова бодрости и утѣшенія для слабыхъ и малодушныхъ. Однажды,замѣтивъ унылый и понурый видъ идущихъ мимо него людей,Суворовъ громко затянулъ своимъ старческимъ баскомъ: „Что дѣвушкѣ сдѣлалось? Что красной случилося ?" Солдаты разомъ весело загоготали, унынie какъ рукой сняло. А самъ задыхался отъ кашля и дрожалъ въ лихорадкѣ !

„Мы молча сидѣли у костра, говорить не хотѣлось", пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ графъ Матвѣй Комаровскій.„Вдругъ изъ сумрака появился князь Александръ Васильевичъ. Всѣ сразу оживились. Я поспѣшно всталъ и уступилъ фельдмаршалу свое мѣсто у костра. Другіе также поднялись и оправили на себѣ одежду.

„Садись, садись, Комаровскій ! Садитесь, грѣйтесь ребятушки !" приказалъ намъ князь. Тутъ величественнымъ жестомъ онъ поднялъ руку къ небу и торжественно проговорилъ : „Чады Павловы ! Господь всѣхъ насъ видитъ. Кто за вѣру христіанскую сражается, то Ему и батюшкѣ Царю служитъ !" Князь перекрестился, и всѣ мы послѣдовали его примѣру. Потомъ онъ сталъ шутить съ нами, говорилъ, что „русскій холодъ не чета

здѣшнему, - какъ тятька за уши деретъ". Солдаты смѣялись, тоже шутили, вспоминали свои родныя деревни. Заспорили, „у кого холодъ шибче - у француза или у итальянца ?" Вспомнивъ Италію, сразу всѣ опять повеселѣли, словно солнце выглянуло и обогрѣло. Погрѣвшись у нашего костра, князь Александръ Васильевичъ попрощался съ нами и ушелъ. Я тутъ же подумалъ, что онъ должно быть очень добръ, если у него хватаетъ столько отеческой любви на всѣхъ насъ".

Это свидѣтельство особенно цѣнно потому, что исходитъ отъ молодого польскаго аристократа, которому естественно было бы питать совершенно иныя чувства къ недавнему побѣдителю поляковъ подъ Варшавой. Всѣ современники въ одинъ голосъ утверждаютъ, что русскіе офицеры и солдаты боготворили своего великаго вождя. Но постепенно увеличивается списокъ и людей не русскихъ, на которыхъ распространялось личное обаяніе Суворова. Списокъ этотъ нельзя не назвать блестящимъ, въ немъ - принцъ Кобургскій, адмиралъ Поль Джонсъ, графъ Прованскій (будущій король Людовикъ XVIII-й), принцъ Кондэ, маркизъ Шателеръ, старикъ итальянецъ Антоніо Гамма, добровольно пошедшій за Суворовымъ въ Швейцарскій походъ, молодой польскій аристократъ графъ Комаровскій, поступившій волонтеромъ въ русскія войска только потому, что ихъ велъ Суворовъ...

Полководческое искусство Суворова достигло въ Швейцарскую кампанію своей вершины. Выше подняться было уже некуда. 57 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ тринадцатилѣтній отрокъ Саша Суворовъ мечталъ о славѣ Ганнибала. Эта слава пришла. Она досталась дорогою цѣною, но развѣ бываетъ иначе ! Строкъ сталъ убѣленнымъ сѣдинами старцемъ, семеновскій капралъ - фельдмаршаломъ. Ему суждено было еще разъ почувствовать суетность и непрочность этой славы. Новая царская немилость, новыя униженія...

„Долго я гонялся за славой... Все мечта ! Покой души у престола Всевышняго", - произнесъ этотъ великій старецъ, покидая суетный міръ.

А.К. САВИЦКІЙ

ОСНОВНАЯ БИБЛІОГРАФІЯ ПО СУВОРОВѢДѢНІЮ

I. АНТИНГЪ, "Жизнь и военныя дѣянія генералиссимуса гр.Суворова-Рымникскаго". 4 части, СПБ., 1799-1801. 2. ВУЛЬПІУСЪ, "Суворовъ и казаки въ Италіи, съ присовокупленіемъ краткаго описанія его жизни, дѣяній, характеристики и анекдотовъ". М., 1802. 3. С.В., "Духъ великаго Суворова или анекдоты подлинные о гр. А.В.Суворовѣ-Рымникскомъ". М., 1808. 4. "Военные анекдоты о Суворовѣ". "Русскій Вѣстникъ", 1809, ч.У и УІІ. 5. "Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни А.В. Суворова" М., 1814. 6. "Изреченія и мысли А.В. Суворова изъ собственноручныхъ его писемъ, съ присовокупленіемъ замѣчаній и анекдотовъ" "Русскій Вѣстникъ", 1810, № I. 7. "Воспоминанія о Суворовѣ". А. БУЛАТОВА. "Русскій Вѣстникъ", 1811, ч. XIII. 8. Е.ФУКСЪ, "Исторія генералиссимуса кн. Италійскаго гр. Суворова-Рымникскаго". 2 ч., М., 1811. 9. "Духъ Журналовъ" за 1816 и 1817 г.г., гдѣ собрано нѣсколько анекдотовъ и изреченій Суворова.

10. "Собраніе разныхъ сочиненій" Е.ФУКСА, СПБ., 1827. 11. "Анекдоты" о Суворовѣ. Е.ФУКСА, СПБ. 1827. 12. Гр.ХВОСТОВЪ, "Два обстоятельства изъ жизни Суворова". Библіотека для Чтенія, 1834. 13. "Обѣдъ Суворова съ пріоромъ Капу инскаго монастыря". "Журналъ Военно-Учебныхъ Заведеній", 1836, т. I. 14. "Москвитянинъ", за 1841, 1842, 1843, 1844, 1845 и 1846 г.г., гдѣ помѣщено не мало разсказовъ и анекдотовъ о Суворовѣ. 15. "Разсказы стараго воина о Суворовѣ". Въ трехъ книгахъ. Изданіе Москвитянина. М., 1847. (Старковъ, Столыпинъ, Вейнертъ). 16. "Журналъ военно-учебныхъ заведеній" за 1836 и слѣд. годы. Много разсказовъ о Суворовѣ въ разные періоды его жизни. 17. В.Ф.ПОТАПОВЪ, "Новые анекдоты великаго Суворова". М., 1846. 18. "Воспоминанія". Ив.СЕРГѢЕВА, Маякъ, 1842. 19. А.У - цъ, "Воспоминанія крымскаго ветерана о Суворовѣ". "Отечественныя Записки", 1847, т.52.

20. А.Ф. фонъ-ЭТТИНГЕРЪ, "Неизвѣстные анекдоты о Суворовѣ", "Сынъ Отечества", 1848, кн. 10 и 11 и 1849, кн. 3, 4 и 6. 21. "Мелочи". Два анекдота о Суворовѣ". "Москвитянинъ", 1852, ч. IУ. 22. В.НЕГРЕСКУЛЪ, "О пребываніи гр. Суворова-Рымникскаго въ Херсонесѣ", "Одесскій Вѣстникъ", 1855, № 125. 23. "Неизданныя письма Потемкина и анекдоты о Суворовѣ", "Русскій Инвалидъ", 1857, № 38. 24. "Изъ записокъ гр.Толля", "Военный Журналъ", 1859, т. ХУ. 25. "Калейдоскопъ", за 1860 г. (нѣсколько анекдотовъ о Суворовѣ). 26. А.МИЛЮТИНЪ, "Суворовъ на балу въ Фридригсгамѣ", "Чтеніе для солдатъ", 1860, кн. У. 27. Изъ "Записокъ" Кононова, "Русская Бесѣда", 1860, № I и 19. 28. Кн. М.ГОЛИЦЫНЪ, "Послѣдній Суворовскій отголосокъ,"Современная Лѣтопись", 1861, № 14. 29. И.ЗЕЙДЕЛЬ, "Анекдоты князя Италійскаго А.В.Суворова-Рымникскаго," СПБ., 1865.

30. "Записки" ЭНГЕЛЬГАРДА, М., 1867. 31. "Нѣсколько случаевъ изъ жизни Суворова", "Семейные Вечера", 1867, № 2. 32. "Суворовъ въ Финляндіи", "Мірской Вѣстникъ", 1869, № 7. 33. "Записки" Н.И. ГРЕЧА, "Русскій Архивъ", 1873, № 3 и 5. 34. А.БѢЛЫЙ, "Историческіе разсказы и анекдоты, записанные со словъ разныхъ лицъ", "Русская Старина", 1873, т. УII. 35. ЧИЖОВЪ И ЛЮБЕЦКІЙ, "Черты изъ жизни А.В.Суворова", "Чтеніе для солдатъ", 1872, № 3-6, 1873, № I-14. 36. "Анекдоты о Суворовѣ въ бытность его въ Астрахани", "Русскій Архивъ", 1873, № 2. 37. "Записки донского атамана Денисова", "Русская Старина", 1874, № 5, 11, 12 и 1875, № I-3. 38. ВИСКОВАТОВЪ, "Князь А.В.Суворовъ. Свиданіе его съ Римскимъ-Корсаковымъ. Разсказъ Трефурта", "Русская Старина", 1876, т. ХУ. 39. ЧУМИКОВЪ, "Фельдмаршалъ Суворовъ въ Прагѣ, Разсказъ графа Делагарди", "Русская Старина", 1876, т. ХУII.

40. "Записки гр. А.И. Рибопьера", "Русскій Архивъ", 1877, т.I. 41. "Встрѣча съ Суворовымъ въ 1799 г.", "Русская Старина", 1893, т.77. 42. Д.А.МИЛЮТИНЪ, "Исторія Войны 1799 года между Россіей и Франціей", 3 тома, 1857. СПБ. 43. Н.А.ПОЛЕВОЙ, "Исторія князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго",

СПБ., 1858. 44. Ф.СМИТЪ, "Суворовъ и паденіе Польши". СПБ., 1866. 45. ЩЕРБИНИНЪ, "Характеристика А.В.Суворова, имъ самимъ сдѣланная", "Русская Старина", 1875, № 5. 46. А.Ф. ПЕТРУШЕВСКІЙ, "Генералиссимусъ князь Суворовъ", СПБ., 1884, 3 тома; тоже въ одномъ томѣ - СПБ., 1900. 47. П.К.МАРТЬЯНОВЪ, "Нахожденіе Суворова въ ссылкѣ", "Историческій Вѣстникъ", 1884, № 10. 48. И.П. МОЖАЙСКІЙ, "Пребываніе Суворова въ с. Кончанскомъ", "Историческій Вѣстникъ", 1886, № 11. 49. П.О. БОБРОВСКІЙ, "Суворовъ на Кубани въ 1778 г. и за Кубанью въ 1783 году", "Военный Сборникъ", 1900, № 1 и слѣд.

50. "Воспоминанія" МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО, "Русская Старина", 1897, № 7. 51. В.Е.РУДАКОВЪ, "Генералиссимусъ Кн. А.В.Суворовъ въ анекдотахъ и разсказахъ современниковъ", СПБ., 1900. 52. К.ОСИПОВЪ, "Суворов", ОГИЗ, Государственное Издательство Политической Литературы, 1947. 53. "Генералиссимус Суворов, Сборник документов и материалов", ОГИЗ, Государственное Издательство Политической Литературы, 1947. 54. Гр. МАТВѢЙ КОМАРОВСКІЙ, "Воспоминанія о замѣчательныхъ событіяхъ и людяхъ моего времени", (рукопись подготовленная къ печати А.К. Савицкимъ и хранящаяся въ частномъ семейномъ архивѣ), 1947. 55. А.К.САВИЦКІЙ, "Юношескій автографъ Суворова", "Русскій Военно-Историческій Вѣстникъ", № 3, 1948.

ЗАМѢТКИ ПО РУССКОЙ МЕДАЛИСТИКѢ

I. КУРЬЕЗНАЯ МЕДАЛЬ

Въ серьезномъ польскомъ изданіи - „Wiadomosci Numismatyczno - Archéologiczne", въ № 112 (Январь - Февраль 1892 г.) на стр. 324 напечатано слѣдующее (перевожу): „Неизвѣстная медаль. - Во всѣхъ странахъ Европы, за потравы полей, происшедшія вслѣдствіе смотровъ или маневровъ, обыкновенно послѣ ихъ окончанія, военныя власти высылаютъ на мѣста спеціалистовъ и согласно ихъ оцѣнкѣ вознаграждаютъ за убытки. И вотъ, русская газета „День" сообщаетъ, что въ царствованіе Императора Николая I имѣло мѣсто слѣдующее происшествіе. Подъ Ельцомъ (уѣздный городъ Орловской губерніи) маневрировавшія войска уничтожили огородъ одного помѣщика, засаженный капустой. Помѣщикъ, запрошенный присланнымъ флигель-адъютантомъ: какое возмѣщеніе требуетъ онъ за учиненый ему вредъ ? заявилъ, что денежнаго вознагражденія онъ не требуетъ, но былъ бы счастливъ, если бы его наградили орденомъ. Освѣдомленный объ этомъ Императоръ, приказалъ отлить изъ желѣза 5-ти фунтовую медаль съ надписью: „За капусту" и вручить ее потерпѣвшему, дабы онъ ее носилъ на цѣпи, согласно постановленій. Какъ кажется, приказъ этотъ долженъ былъ быть исполненнымъ, но приходится пожалѣть, что этотъ нумизматическій уникатъ не вошелъ ни въ одинъ каталогъ!

Отвѣтственность за правдивость этого сообщенія лежитъ

всецѣло на обоихъ вышеупомянутыхъ (польскомъ и русскомъ) источникахъ. Отъ себя прибавлю, что I) если такая медаль была в ы л и т а (а не чеканена) - это могло быть сдѣлано въ томъ же Ельцѣ, или въ Орлѣ, мѣстными фабрикантами, и потому, какъ форма, такъ и сама медаль потонули въ морѣ провинціальной жизни огромной Россіи, а не попали ни въ одно частное или государственное собраніе и не были закаталогированы; 2) подозрительны двѣ фразы: флигель-адъютантъ - экспертъ по огородничеству ? (могъ быть, конечно, помѣщикомъ и онъ); и - „согласно постановленій", какихъ - ношенія медалей? Разумѣется, каждая медаль, Высочайше утвержденная, имѣла свое мѣсто и носилась согласно Высочайше утвержденныхъ уставовъ,... но столь „сатирическая" ? !

II. ВОПРОСЪ УЧАСТНИКАМЪ УСМИРЕНІЯ БОКСЕРСКАГО ВОЗСТАНІЯ

(или „Похода въ Китай" въ 1900-1901 г.г.)

Приказомъ по Военному Вѣдомству за № 140 отъ 6-го мая 1901-го года Государемъ Императоромъ была установлена „особая медаль въ память подвиговъ, оказанныхъ войсками нашими во время походовъ въ предѣлы Китая и перенесенныхъ трудовъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи въ 1900-1901 годахъ"... Итакъ, этимъ приказомъ установлены только два вида этой медали: I) въ серебрѣ - „участвовавшимъ непосредственно въ боевыхъ дѣйствіяхъ во время походовъ въ предѣлы Китая, Забайкальскомъ раіонѣ и въ защитѣ г. Благовѣщенска" и 2) въ свѣтлой бронзѣ - „не принимавшимъ участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ".

Въ „Спискѣ наградныхъ медалей", въ „Описаніи Русскихъ Медалей" (составленномъ В.П.Смирновымъ, въ 1908 г. по порученію Н-ка С.- Петербургскаго Монетнаго Двора) указаны подъ № 1214, д в а вида медали за „Походъ въ Китай" : въ серебрѣ и въ свѣтлой бронзѣ.

Въ неопубликованномъ трудѣ Кап. I-го ранга М.Ю. Гаршина: „Русскіе знаки отличія за храбрость, войны и походы", на стр. 91-й читаемъ: „Для участниковъ усмиренія боксерскаго возстанія... медаль установлена изъ серебра для участниковъ взятія Таку, Тянь-Цзиня и Пекина; для остальныхъ - изъ свѣтлой бронзы, а для лицъ не принимавшихъ непосредственнаго участія въ бояхъ - изъ темной бронзы".

Слѣдовательно, обнаруживаются разногласія между первыми двумя (оффиціальными) источниками и третьимъ, написаннымъ современникомъ событій. Отсюда возникаютъ вопросы: а) кто именно награждался серебряной медалью? б) не была ли дополнительно установлена медаль въ темной бронзѣ (третій видъ)? Что таковая существуетъ - это доказывается ея присутствіемъ въ моемъ собраніи и въ нѣкоторыхъ другихъ.

На эти вопросы должны отвѣтить участники похода въ Китай, изученіе котораго черезъ годъ станетъ предметомъ историческимъ. Достойно быть отмѣченнымъ, что уже теперь возникаютъ сомнѣнія, выше высказанныя. Немудрено, что наша медалистика, существующая уже 250 лѣтъ, все еще пестритъ загадками.

III. КЪ ИСТОРІИ ОДНОЙ ЭКЗОТИЧЕСКОЙ МЕДАЛИ

Описывая въ предыдущемъ „ВѢСТНИКѢ" серебряную для ношенія медаль царствованія Императора Александра I-го „Для старшинъ Сѣверо-Американскихъ дикихъ племенъ" (см. Каталогъ Смирнова № 349, между 1805-1806 г.г.), я закончилъ словами, что въ исторической литературѣ не встрѣчалось упоминанія объ этой медали. На-дняхъ же, прочитавъ интересную книгу на англійскомъ языкѣ венгерца Emil Langyel подъ заглавіемъ „Secret Siberia", я наткнулся на стр.70-71 на слѣдующую справку, которая по всей вѣроятности указываетъ именно на вышеупомянутую медаль. Цитирую эту справку въ переводѣ: ... „Онъ имѣлъ еще время выслать фрегатъ „Юнону" на западъ съ заданіемъ очистить отъ японцевъ цѣпь Курильскихъ острововъ и Сахалинъ. Задача была выполнена быстро и точно. Командиръ фрегата созвалъ старшинъ рыбачьихъ поселковъ, в ы д а л ъ и м ъ п о м е д а л и и документу, въ которомъ значилось, на русскомъ языкѣ (туземцамъ незнакомомъ), что ихъ острова впредь включаются въ составъ державныхъ территорій Царя" и т.д. Поясненія ради добавлю, что „Юнона" была выслана однимъ изъ директоровъ Сѣверо-Американской Торговой Компаніи, Рѣзановымъ, изъ Ново-Архангельска (Ситха, - Аляска), послѣ его возвращенія изъ Санъ-Франциско въ концѣ 1806-го года.

В. фонъ РИХТЕРЪ

МАЛОЛѢТНІЙ КОРПУСЪ

- воспоминанія -

Мы печатаемъ воспоминанія В.В. Верещагина о годахъ его пребыванія въ малолѣтнемъ корпусѣ по оригинальной рукописи, еще никогда не появлявшейся въ печати.

А. С.

Мнѣ минуло восемь лѣтъ, когда папаша получилъ извѣстіе о томъ, что меня приняли въ Александровскій малолѣтній корпусъ въ Царскомъ Селѣ. Не помню, какъ подошло время отъѣзда, и даже теперь, по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, мнѣ досадно на себя за то, что эта страшная разлука со всѣми милыми и дорогими моему сердцу людьми, а главное, - съ моей старой, неоцѣненной няней, вызвала во мнѣ такъ мало горя и сожалѣнія.

Причиной того была, конечно, отчасти дѣтская безпечность и любопытство увидѣть мѣста, о которыхъ наслышался, а также какое то смутное неосмысленное желаніе отличиться, воротиться ученымъ, извѣстнымъ, храбрымъ офицеромъ, можетъ быть и генераломъ.

Зато няня моя понимала, что готовится: увезутъ ея любимца, ея „дите", увезутъ на обученіе, муштровку, а привезутъ ли его назадъ, пока она жива, - неизвѣстно ? Задолго до отъѣзда она начала ежедневно потихоньку всплакивать : смотрѣла мнѣ въ глаза, поглаживала волосы своими костлявыми пальцами, а слезы такъ и текли, такъ и текли изъ ея добрыхъ глазъ. Даже непріятно вспомнить, что я былъ очень доволенъ новою курточкою и жилетомъ изъ атласа съ маленькими цвѣточками - костюмомъ, въ

которомъ я долженъ былъ предстать въ корпусъ. Помню, мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы такое богатое произведеніе портняжнаго искусства нашего Павла должно было потомъ оставить въ корпусѣ прислугѣ, какъ говорили по опыту со старшимъ братомъ.

„Такъ всегда дѣлаютъ", объяснили мнѣ. „А зачѣмъ это такъ всегда дѣлаютъ ?" - думалось мнѣ.

Какъ-то смутно прошли приготовленія къ отъѣзду; отслужили молебенъ, присѣли, простились съ дворней и няней - охъ! тяжело было прощаться съ няней! Должно быть интересъ новыхъ мѣстъ былъ силенъ, такъ какъ я началъ скоро развлекаться, заниматься новыми, отличными отъ нашихъ, мѣстами и порядками. Мы ѣхали въ возкѣ, за нами слѣдовали сани, стогомъ наполненныя провизіею и всякою всячиною, на которыхъ сидѣла горничная Варвара. Пріѣдемъ на станцію, отрубятъ кусокъ замороженныхъ щей и разогрѣютъ - густыя, вкусныя щи. Изъ дома же - замороженныя сливки, варенья и прочее.

На одной станціи, уже не далеко отъ Петербурга, въ комнатѣ постоялаго двора висѣлъ портретъ какого-то напудреннаго, курносаго человѣка. Я спросилъ, кто это? И когда мнѣ отвѣтили: „Императоръ Павелъ", замѣтилъ : „ахъ, какой онъ былъ некрасивый!" Папаша съ мамашей засмѣялись и укорительно сказали мнѣ: „смотри братъ, будетъ тебѣ, если скажешь это въ Петербургѣ !" Это замѣчаніе осталось у меня въ памяти, и я не мало разсуждалъ о немъ самъ съ собою. „За что же", думалось, „достанется, что я такое сказалъ ?"

Около Петербурга мы поѣхали на колесахъ, которыя у насъ были въ запасѣ, на возу, и передъ самымъ городомъ папаша съ мамашей и горничной уѣхали впередъ, а меня оставили ѣхать съ вещами, съ высоты которыхъ я и воспринялъ первыя городскія впечатлѣнія. Прежде всего мнѣ показалось, что городъ населенъ сумасшедшими - до того стремительно всѣ въ немъ лѣтали во всѣ стороны въ экипажахъ. И сколько этихъ дрожекъ, колясокъ, каретъ, сколько домовъ, церквей, да какіе все большіе !

Мы остановились на квартирѣ, нанятой для насъ въ домѣ Иванова, въ Колокольной улицѣ. Съ нашимъ помѣщеніемъ я скоро освоился, такъ какъ все-таки было много своихъ знакомыхъ деревенскихъ лицъ, но къ будочнику, стоявшему на углу улицы при будкѣ, не могъ привыкнуть: его высокая фигура въ широкой шапкѣ, съ алебардой внушала мнѣ положительный страхъ, такъ что обыкновенно, обойдя будку по другой сторонѣ улицы, я утекалъ потомъ безъ оглядки; такъ и казалось, что страшный будочникъ догонитъ, схватитъ меня въ свою будку !

Былъ конецъ декабря 1850-го года, кажется 20-е или 21-е; мы поѣхали съ папашей на Царскосельскую желѣзную дорогу. Я зналъ, что еще не останусь сейчасъ же въ корпусѣ, но все-таки было жутко и тоскливо. Какъ холодно, непріятно, какъ чуждо показалось мнѣ все - и дорога, и переѣздъ до корпуса...

Въ корпусѣ входимъ въ громадный зеленый залъ съ полукруглыми окнами подъ потолкомъ; вдоль всѣхъ стѣнъ стоятъ въ два ряда кадеты, а впереди ихъ дамы надзирательницы. По рядамъ ходитъ толстый генералъ въ лентѣ и звѣздахъ, - Шлиппенбахъ, какъ я узналъ послѣ, а за нимъ другой, сѣдой, съ большими усами - директоръ корпуса Иванъ Ильичъ Хатовъ, и еще нѣсколько

офицеровъ разныхъ чиновъ и возрастовъ. Вся эта церемонія представляла собою годовой инспекторскій смотръ. По окончаніи смотра кадетъ,на выходѣ изъ залы, меня представили генераламъ и я былъ оффиціально принятъ. Папаша зашелъ со мной къ моей будущей классной дамѣ мадамъ Медвѣдевой, у которой, по приказу папаши, я поцѣловалъ руку. Напились тамъ чаю и уѣхали въ Петербургъ. Я такъ былъ доволенъ возвращеніемъ домой,что какъ будто забылъ о томъ, что мнѣ готовилось...

Раннимъ утромъ - всѣ впечатлѣнія этого утра убійственно свѣжи въ моей памяти - поднялись мы съ папашей. Было еще темно, когда мамаша благословила меня, много, много разъ крестила, и еще большее число разъ цѣловала, наказала хорошо учиться и вести себя. Только смутно помню, какъ тою же противною дорогой отвезли меня въ корпусъ и оставили тамъ, и какъ мама еще разъ пріѣхала потомъ навѣстить и привезла такъ много леденцовъ, что возбудило мое подозрѣніе : уже не послѣдній ли разъ она ко мнѣ пріѣхала? Когда я дѣйствительно понялъ изъ ея словъ при уходѣ, что не увижу ее болѣе, - такъ какъ она сказала: „ну прощай Вася, мы съ папашей уѣдемъ теперь въ деревню" - сердце мое надорвалось. До швейцарской я еще дошелъ за нею послушно, но тамъ всѣми силенками вцѣпился въ нее, схватился за ея руки, за платье... Не отпущу, не отпущу! Насилу отняли меня, оттащили. О, какое это было преступленіе оставить меня тамъ, - бросить ! Чему хотите, сколько хотите сталъ бы учиться, но не въ казармѣ, а дома, близъ милыхъ, дорогихъ существъ. Занятіе тогда было бы мнѣ сладко, весело, а не противно ! Ахъ, почему нельзя воротить этого !

Меня свели въ комнату классной дамы, гдѣ я горько, неутѣшно плакалъ до самаго вечера. Со слѣдующаго дня началась корпусная жизнь, съ которой я примирился,не примиряясь. Тогда чутьемъ, безъ пониманія дѣла, я сознавалъ уже,что безчеловѣчно лишать ребенка безъ крайней нужды родительскаго вліянія; - теперь, по прошествіи почти полувѣка, называю это и безчеловѣчнымъ и безразсуднымъ.

Выплакавъ свое горе, я очутился въ томъ самомъ большомъ залѣ, въ которомъ былъ смотръ мадамъ въ день первого моего пріѣзда съ папашей. Залъ очень большой, выкрашенный зеленою масляною краской, съ окнами подъ потолкомъ, какъ у насъ въ конюшнѣ, наводилъ тоску : ничего кромѣ кусочковъ неба не было видно - тюрьма сравнительно съ нашимъ деревенскимъ домомъ, свѣтлымъ,открытымъ на всѣ стороны... А нашъ балконъ,наволокъ! Рѣка съ барками и лѣсъ съ грибами... Ахъ, какая разница,какая невознаградимая потеря! Какъ могъ я передъ отъѣздомъ изъ этого рая мечтать такъ хладнокровно о будущемъ житьѣ въ корпусѣ: лазить на козлы возка, ходить смотрѣть, какъ готовили лошадей, вмѣсто того, чтобы ласкать няню и прощаться со всѣми, со всѣми !

Кадеты жужжали точно пчелы въ ульѣ, возились какъ муравьи, и все чужіе, чужіе - хоть бы одно знакомое, милое лицо. Съ непривычки я пошелъ бродить по всему залу и забрелъ въ чужую роту, откуда меня по этапу доставили обратно въ нашу 4-ю.

„Ты новичекъ?" спрашивали кругомъ. „Какъ твоя фамилія ?

Зачѣмъ ты не въ свою роту ходилъ?" Одинъ рыжій, прерыжій кадетъ нашей роты, съ выпученными глазами, Пыхачевъ, какъ я потомъ узналъ, - спросивъ мою фамилію, сейчасъ же скомандовалъ: „садись, разсказывай сказку" ! „Какую сказку ?" „Какую хочешь, ты умѣешь"... „Я не умѣю", отвѣтилъ я, больше отъ обиды безцеремонностью приказа и изъ упрямства, хотя и зналъ не мало сказокъ. „Неправда, ты знаешь! Твой братъ умѣлъ разсказывать и ты долженъ умѣть "!...

Старшій братъ мой, Николай, недавно только переведенъ былъ изъ этого корпуса въ Морской, и для меня было новостью его признанный талантъ разсказывать сказки. На силу удалось отдѣлаться отъ назойливаго Пыхачева, стращавшаго меня даже тѣмъ, что коли я не буду разсказывать, то онъ пожалуется мадамъ, т.е. дежурной дамѣ.

Въ смертельной тоскѣ я подходилъ то къ одной, то къ другой группѣ кадетъ, но пріемъ вездѣ былъ недружелюбный: „какъ твоя фамилія? что тебѣ надобно? ступай прочь, что ты лѣзешь!"

Послѣ уже я узналъ, что вмѣшиваться въ чужія игры считалось навязчивостью. Воспитанники сходились, дружили по двое, по трое, чтобы „играть вмѣстѣ", а иногда и „дѣлиться всѣмъ" и втираться непрошенному было не прилично, непринято, исключая тѣхъ случаевъ, когда открыто сознавались „желающіе играть съ такимъ-то"; этотъ такой-то былъ обыкновенно одинъ изъ старыхъ, уважаемыхъ кадетъ.

Въ Александровскомъ корпусѣ только старшее начальство было мужское, главный же надзоръ лежалъ на „дамахъ".

Всего было 4 роты: три изъ нихъ приготовляли воспитанниковъ къ поступленію въ петербургскіе сухопутные корпуса, а 4-я - къ Морскому.

Прямо при входѣ въ залъ была I-я рота, приготовительная къ I-му корпусу. Противъ нее, направо, мы, моряки, т.е. IУ-я рота. Далѣе, налѣво, II-я рота съ будущими кадетами II-го корпуса и противъ нея, направо, III-я рота, приготовительная къ Павловскому корпусу.

Вспоминаю и перечисляю по порядку все наше начальство: директоръ - старый почтенный генералъ-лейтенантъ Иванъ Ильичъ Хатовъ, каждый день постукивал клюшкой, обходившій по утрамъ въ большомъ залѣ, въ строю, всѣ роты; сѣдой, какъ лунь, съ живыми блестящими глазами, большими припачканными нюхательнымъ табакомъ усами и розовымъ, цвѣта новорожденнаго младенца, лицомъ, имѣвшимъ суровое выраженіе - въ сущности же рѣдкой доброты человѣкъ, и доброта эта сказывалась тотчасъ, какъ только онъ переходилъ отъ начальническаго тона къ разговору, причемъ всегда гладилъ мальчика по головѣ,приговаривая:„учись, учись, учись" !

Инспекторъ Мецъ, высокій съ угрюмымъ, никогда при насъ не улыбающимся лицомъ, да рѣдко намъ и показывавшійся,вѣроятно поэтому мало нами любимый. Помощникъ инспектора былъ популярнѣе - французъ фамиліею и характеромъ - Делонгъ,небольшого роста, лысый ; усы и бакенбарды съ сильной просѣдью. Этотъ былъ пребойкій, разговорчивый, не прочь пошутить и, какъ я послѣ узналъ,очень галантный съ классными дамами. Онъ же былъ и баталіоннымъ командиромъ - завѣдывалъ нашею военною выправ-

кой и муштровалъ насъ, не то чтобы очень строго, но и не совсѣмъ мягко. Мнѣ пришлось разъ испытать его горячность въ послѣдній годъ моего пребыванія въ корпусѣ, когда я ходилъ уже на правомъ флангѣ своей роты. Однажды Делонгъ крикнулъ на ученіи, на весь баталіонъ - „правофланговый четвертой роты отстаетъ - баба "! Это я то - „баба", я,который истинно старался и считалъ себя сильнѣе всѣхъ и въ маршировкѣ и въ ружейныхъ пріемахъ ! Не знаю, какъ я пережилъ этотъ „афронтъ" — видно,не всегда другіе, особенно начальство, бываетъ объ насъ того же мнѣнія, что мы сами. Корпуснымъ хозяйствомъ изъ рукъ вонъ плохо завѣдывалъ толстый и добрый подполковникъ Дихеусъ, популярность котораго была очень велика, несмотря на то, что онъ преподавалъ арифметику, - науку многимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, не особенно дававшуюся. Экономъ мало былъ въ соприкосновеніи съ нами: какою-то крысою показывался онъ ненадолго во время стола и снова утекалъ къ себѣ, туда, на кухню, гдѣ фабриковалъ наше плохое кушанье: „жеваная" говядина въ пирогахъ и жилистое, въ неизбѣжномъ больничномъ,коричневомъ соусѣ жаркое, дрянное масло въ кашѣ, дрянная патока въ чаѣ и разныя другія неапетитности, если и наростили эконому три подбородка, то во всякомъ случаѣ не дали ему права на нашу любовь и почтеніе. Впрочемъ, онъ ихъ и не добивался: не шутилъ,не разговаривалъ съ нами - знай себѣ загонялъ экономію. Было и еще кое-какое „мужчинское начальство", но ужъ очень мало соприкасавшееся съ нами. Затѣмъ слѣдовали классныя дамы. Въ каждой ротѣ было три отдѣленія - по 30 мальчиковъ съ дамою во главѣ. Я былъ въ III-мъ отдѣленіи IУ-й морской роты. Нами завѣдывала Клементина Ивановна Медвѣдева,особа лѣтъ сорока, болѣзненная, рѣдко горячившаяся, всегда съ черной сѣткой на рукахъ, что позволяло намъ безъ непріятнаго чувства цѣловать ея руку, покрытую прыщиками. Рядомъ,во II-мъ отдѣленіи -мадамъ Будбергъ: ухъ ! какая толстая, грузная, раздражительная - не то нѣмка, не то шведка, вдовица, всегда ворчавшая, но въ сущности не злая. У нея была молоденькая миловидная дочка,Ольга, предметъ ухаживаній и вздыханій старшихъ воспитанниковъ не одного ея отдѣленія. Въ I-мъ отдѣленіи мадамъ Богуславская - типъ славной русской женщины, когда-то, вѣроятно, красивой - полная, веселая, ровнаго характера - эту нельзя было не любить. Богуславская была старшая въ нашей ротѣ, и мы всѣ ее немножко побаивались. Я, лично, несмотря на то, что очень былъ привязанъ къ своей Медвѣдевой, всегда съ удовольствіемъ расшаркивался передъ Богуславской и она ко мнѣ, скромному, прилежному мальчику, благоволила - за вихры меня не драла, какъ имѣла обыкновеніе поступать съ другими. Впрочемъ, одинъ разъ выдрала, и пребольно, какъ-то совсѣмъ приподняла кверху, такъ что я приподнялся на цыпочки и пискнулъ ! Приключился этотъ единственный случай ничтожнаго наказанія меня въ этомъ корпусѣ по одному обстоятельству, о которомъ я помолчу.

Самою старшею изъ всѣхъ классныхъ дамъ была мадамъ Воронцова, I-й роты, служившая въ корпусѣ со времени его основанія и возрастившая цѣлое поколѣніе будущихъ офицеровъ. Это была очень пожилая особа,вертлявая,точно на пружинахъ, и, кажется, порядочно подкрашивавшаяся. Даже я, не возволявшій себѣ тогда

разбирать достоинства и недостатки своего начальства - чему однако потомъ научился скоро - не могъ не замѣтить, какъ эта почтенная личность кривлялась передъ молодыми людьми, приходившими навѣщать воспитанниковъ, особенно, если то были офицеры. Послѣ я узналъ ближе классную даму III-й роты, Розенъ, красненькую, маленькую, толстенькую. Дочь ея кончила курсъ въ Екатериненскомъ институтѣ вмѣстѣ съ невѣстою моего двоюроднаго брата и поэтому она ласкала иногда меня.

Наконецъ, изъ старшихъ, старшая дама, - „начальница", Голубцова, скромная милая привѣтливая старушка, ежедневно обходившая по утрамъ всѣ спальныя комнаты передъ нашимъ выходомъ въ залъ, на смотръ директора.

За дамами слѣдовали полу-начальство - полуприслуга: дядьки, старые заслуженные унтеръ-офицеры, по двое въ каждой ротѣ, поденно дежурившіе и надзиравшіе за нами. При множествѣ женской прислуги, даже ламповщикъ Лякишъ, котораго мы называли „Лякишъ-мякишъ", потому что онъ былъ претолстый, держалъ себя съ достоинствомъ и не на шутку смотрѣлъ полу-начальствомъ. Дядьки наблюдали за порядкомъ во время игръ и занятій въ залѣ и на гуляньѣ; они же учили военному дѣлу, маршировкѣ, ружейнымъ пріемамъ. Наказывать они не имѣли права, а только водили, представляли провинившихся къ „мадамъ", и та рѣшала ставить-ли на штрафъ, оставлять ли безъ обѣда, безъ чая, безъ ужина.

Мы иногда подбивали дядекъ на бесѣду о быломъ; въ особенности старшій изъ нихъ, Рынковичъ, разсказывалъ, когда не сердился и не ворчалъ, преинтересные случаи изъ своего боевого прошлаго, очень почтеннаго, какъ свидѣтельствовали два Георгіевскихъ и Кульмскій кресты, со множествомъ медалей и цѣлыхъ восемь нашивокъ. Надобно думать, что и привиралъ онъ малую толику, но это дѣла не портило, потому что гдѣ же было намъ, мелюзгѣ, разобраться въ этихъ разсказахъ, передававшихся хриплымъ голосомъ и сопровождавшихся постояннымъ покачиваніемъ головы, - мы все принимали за чистую монету.

Другой дядька, Матвѣевъ, былъ меньше ворчливъ и много покладистѣе. Онъ никогда не позволялъ себѣ говорить въ сердцахъ, какъ Рынкевичъ : „а дуй тя горой !" или „ахъ, разорви тебя совсѣмъ!"- но зато у него было только три нашивки и, по части знаковъ отличій, только одна „Аннушка" за безпорочную службу, что много умаляло его престижъ въ нашихъ глазахъ. Матвѣевъ былъ много моложе Рынкевича и страшно франтовалъ: закручивалъ и фабрилъ усы и такъ какъ былъ лысъ, то съ великимъ тщаніемъ помадилъ и зачесывалъ, оставшіяся на затылкѣ пряди волосъ черезъ всю голову, до лба и висковъ - работа деликатная, трудная, кропотливая, требовавшая постоянной провѣрки, для которой и держалась у него всегда въ заднемъ карманѣ маленькая щеточка съ зеркальцемъ - нѣтъ, нѣтъ, онъ вынетъ ее, заглянетъ туда, оправитъ непокорную или натерпѣливую прядь, снова посмотритъ и быстро спрячетъ сокровище въ карманъ. Соболѣзнуя ему въ этой неустанной заботѣ о пристойномъ видѣ лысины, мы кажется усердствовали не въ мѣру, потому что всѣ кто могли просили своихъ родственниковъ купить складную щеточку съ зеркальцемъ, для подарка дядькѣ. Надо думать, что онъ потомъ торговалъ ими

т.е. сдавалъ въ лавки. Окруженный женщинами, постоянно пѣтушившійся, нашъ младшій дядька, конечно, принужденъ былъ заниматься собою, такъ что въ чужѣ жалко было видѣть, какъ волновался онъ, когда оказывалось, что часть лысины его была на виду; какъ иногда, съ середины залы, стремительно бросался къ углу и тамъ смотрѣлся въ зеркальце - причесывался, смотрѣлся, причесывался безъ конца ! Пользуясь случаемъ, чего только въ эти минуты не выкидывали кадетики, даже стоявшіе на штрафѣ — одинъ Богъ безъ слабостей !

Съ Матвѣевнымъ тоже велись бесѣды, но болѣе мирнаго свойства, и вообще онъ, какъ менѣе вспыльчивый, ласковый, былъ любимъ больше своего собрата; зато, надобно сказать правду, гордиться имъ передъ другими ротами было вовсе не чѣмъ, тогда какъ Рынкевичемъ мы очень гордились - на-ко, дескать, какой заслуженный, - и у насъ, а не у васъ ! Въ третьей ротѣ былъ очень заслуженный дядька Малафѣевъ, тожу со множествомъ нашивокъ, да къ тому же еще высокій, черный, красивый, державшій голову всегда прямо, а не на подобіе черепахи, какъ нашъ Рынкевичъ, и командовавшій густымъ басомъ, а не разбитымъ старческимъ лаемъ послѣдняго. Всѣ эти видимыя преимущества чужого дядьки смущали насъ при оцѣнки нашего, но мы утѣшались тѣмъ, что у того былъ только одинъ Георгіевскій крестъ, а Кульмскаго не было, нашивокъ же было всего 6, а не 8.

Во II-й ротѣ старшій дядька была тоже высокій, красивый гвардейскій унтеръ-офицеръ Козловъ, съ какимъ-то скрипливымъ, прямо козлинымъ голосомъ и съ не важными знаками отличія; какой онъ былъ „ндравомъ" - не знаю, кажется, тоже скрипунъ.

Въ I-й ротѣ, статный Прокофьевъ, пребѣдовый, съ закрученными въ колечко усами(надобно сказать, что, вѣроятно, для дамскаго пола всѣ безъ исключенія дядьки тщательно закручивали усы въ болѣе или менѣе правильныя колечки), Прокофьевъ, говорю я, забивалъ всѣхъ дядекъ умѣньемъ командовать коротко, отрывисто, съ какимъ-то вывертомъ, шикомъ. Какъ мы не спорили при случаѣ съ кадетами I-й роты, увѣрявшими, что другого такого мастера командовать не только въ нашемъ корпусѣ, но и въ другихъ корпусахъ нѣтъ, - внутренно мы сознавали, что его рѣзкія, отрывистыя выкрикиванія: на пе-во ! ша-амъ пр! (т.е. на право ! шагомъ маршъ !) удобнѣе выполнять ротѣ или баталіону,чѣмъ протяжныя рычанія Рынкевича. Смущало насъ и то,что Делонгъ поручалъ всегда Прокофьеву командовать при батальонномъ ученіи, когда не дѣлалъ этого самъ, а нашимъ дядькамъ никогда не поручалъ - горько это было, очень горько...

Нельзя было не замѣтить, что воспитанники I-й роты принадлежали къ болѣе зажиточному и болѣе чиновному классу общества.Во II-й ротѣ кадеты были тоже еще „бѣлой кости", но уже въ III-й,приготовленной къ Павловскому корпусу,побѣднѣе,менѣе развиты и даже, какъ будто, менѣе красивые. Наша морская рота была „средняя" - и не аристократическая и не плебейская, такъ какъ въ ней встрѣчались имена и состоянія разныхъ классовъ дворянъ. Но во всѣхъ ротахъ были только дѣти дворянъ...

В.В. ВЕРЕЩАГИНЪ.

НѢСКОЛЬКО ПАМЯТНЫХЪ ДАТЪ КЪ 1949-МУ ГОДУ

Въ этомъ году исполняется: 300 лѣтъ со дня побѣды Богдана Хмѣльницкаго надъ поляками подъ Зборовымъ (5 - 6 авг.) и Зборовскаго договора 8 авг. 1649 г., по которому польскія войска не могли быть вводимы въ Малороссію; 250 лѣтъ со дня учрежденія Императоромъ Петромъ I ордена Святого Апостола Андрея Первозваннаго - 10-го марта; 225 лѣтъ со дня основанія 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго Императрицы Екатерины Великой полка и 84-го пѣхотнаго Ширванскаго Его Величества полка (9 іюня); 175 лѣтъ со дня подписанія Кучукъ-Кайнарджикскаго мира (10 іюня) - окончаніе войны съ Турціей; 150 лѣтъ Итальянской кампаніи и Швейцарскаго похода Суворова; Голландской экспедиціи генерала Германа; взятія крѣпости Корфу адмираломъ Ушаковымъ; 125 лѣтъ возстанія въ Чечнѣ подъ предводительствомъ Бейбулата, - гибель нашего гарнизона въ Ахиръ-аджи-юртовскомъ укрѣпленіи (150 человѣкъ); 100 лѣтъ Венгерскаго похода; экспедиціи ген. ад. Аргутинскаго къ укрѣпленію Чохъ въ Дагестанѣ (лѣто); 75 лѣтъ со дня основанія пѣхотныхъ полковъ: 161-го Александропольскаго, 162-го Ахалцыхскаго, 163-го Ленкоранско-Нашебургскаго и 164-го Закатальскаго (старшинство съ 1 авг. 1874 г.).

Особо отмѣчаемъ столѣтіе со дня кончины Великаго Князя Михаила Павловича, послѣдовавшей 28-го августа 1849-го года.

Ю.Т.

О ГРЕНАДЕРСКАИХЪ ШАПКАХЪ Л.ГВ. ПАВЛОВСКАГО ПОЛКА

„Лейбъ-Гвардіи Павловскому полку въ память отличныхъ подвиговъ, оказанныхъ имъ въ теченіи войны 1806 и 1807 годовъ противу французовъ, сохраняются навсегда бывшія тогда у сего полка шапки съ тѣмъ, чтобы на нихъ вычекананы были на прострѣленныхъ шапкахъ, имена тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые вынесли ихъ съ собою съ поля сраженія, какъ для сохраненія навсегда памяти сихъ заслуженныхъ воиновъ, такъ и для того, чтобы по выбытіи ихъ изъ полку, не относилась честь сія къ новымъ солдатамъ, которымъ шапки достанутся."

1808 янв. 20; 1809 Нояб.13, Выс. ук.

(Сводъ Военныхъ Постановленій. Часть Вторая. Уставъ о Службѣ По Военному Вѣдомству Вообще. Санктпетербургъ. 1836.)

Приведенныя нами документальныя данныя опровергаютъ довольно распространенный разсказъ о томъ, что гренадерскія шапки были навсегда присвоены Л. Гв. Павловскому полку, якобы, лишь въ 1814-мъ году, во время пребыванія русской арміи въ Парижѣ, и послѣ того, какъ уже было отдано Императоромъ Александромъ I-мъ повелѣніе о замѣнѣ этихъ шапокъ, остававшихся лишь въ Павловскомъ полку, общегвардейскими пѣхотными киверами. Это Высочайшее повелѣніе, коего номеръ, точная дата и содержаніе намъ не извѣстны и не приводятся разсказчиками

этого эпизода, будто-бы, до того обидѣло старыхъ солдатъ-павловцевъ (почему именно солдатъ, а не офицеровъ, не командира полка ?), что одинъ изъ нихъ, старшій унтеръ-офицеръ Лаврентій Тропининъ, высказалъ эту обиду самому Императору, который, отнюдь не желая огорчать доблестныхъ служакъ, отмѣнилъ свой приказъ (sic !)

А.К. С-кій

ГУСАРСКІЯ ШАЛОСТИ

1801 г.

Ордеръ господину генералъ-маіору Ахтырскаго гусарскаго полка шефу и кавалеру Борчугову, № 199. Жительствующій въ городѣ Калугѣ, гвардіи прапорщикъ Петръ Демидовъ, въ письмѣ ко мнѣ отъ 8-го сего мѣсяца прописываетъ оскорбительный для него поступокъ вашего превосходительства, причинившій страхъ всѣмъ въ его домѣ, а двумъ его дочерямъ и опасную болѣзнь отъ испуга произшедшую, когда ваше превосходительство 6-го числа нынѣш-няго мѣсяца, въ третьемъ часу ночи, обще съ господиномъ гражданскимъ губернаторомъ и кавалеромъ Лопухинымъ, со многими ввѣренного вамъ полку офицерами, пѣсенниками и гусарами, всего болѣе ста человѣкъ, пришедъ къ окнамъ его дома, всѣ вдругъ съ барабаннымъ боемъ, ложками и трещетками произвели необыкновенный и нечаянный на то время шумъ, упоминая притомъ, что таковыя ночныя гулянья безпокоющія обывателей и прежде сего нерѣдко чинились, и проситъ имянно : „о таковомъ вашего превосходительства поступкѣ изслѣдовать и дерзновенность сію удержать, а тѣмъ совершенно облагодѣтельствовать не только его, но и всю тамошнюю обиженную вами публику". Я не упоминая нынѣ о всей публикѣ, въ разсужденіи, что жалоба сія приносится однимъ, предписываю вамъ : во-первыхъ увеселеніями своими ни въ какое время не причинять безпокойствія другимъ, воздерживая отъ сего, по долгу вашему, всегда и подчиненныхъ вамъ, за коихъ вы, какъ за себя, отвѣтствуете; а за симъ имѣете мнѣ точное и обстоятельное, противу выше писаннаго, прислать объясненіе.

Гр. Салтыковъ

Апрѣля 11 дня, 1801 г. Москва.

Сообщ. Н.И. ПАНОВЪ („Русская Старина", 1872, т. У.)

„ К А Д Е Т Ы "

Изданія, выходящія въ свѣтъ на правахъ рукописи, не подлежатъ критикѣ въ прессѣ. Если мы позволяемъ себѣ сказать нѣсколько дружескихъ словъ о журналѣ „КАДЕТЫ" на страницахъ „РУССКАГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА", то только потому, что ужъ очень намъ хочется похвалить милый журналъ, а кромѣ того и нашъ „ВѢСТНИКЪ" издается на правахъ рукописи и носитъ совершенно частный характеръ, далекій отъ понятія общественной прессы.

Объединеніе бывшихъ воспитанниковъ II-го Московскаго Ка-

детскаго Корпуса выпустило только что очередной номеръ журнала „ КАДЕТЫ", отличающійся такой же содержательностью, какъ и всѣ предыдущіе. Журналъ полонъ воспоминаній бывшихъ кадетъ о далекомъ и миломъ кадетскомъ прошломъ. Въ этомъ его прелесть и значеніе: вспомнить милое, далекое кадетское прошлое.

Помните у Пушкина:

Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдетъ,
Что пройдетъ, то будетъ мило.

Даже и то, что было не совсѣмъ мило, вдругъ становится милымъ. Таковъ законъ нашей памяти. Но, по совѣсти говоря, очень многое изъ того, что разсказано на страницахъ журнала, было не такъ ужъ мило, какъ это намъ теперь кажется. Однако - „что пройдетъ, то будетъ мило".

Дай Богъ „КАДЕТАМЪ" здоровья и успѣха.

Х.

КАКЪ СЕМЕНОВЦЫ СПАСЛИ ВАНДОМСКУЮ КОЛОННУ

Произошло это въ 1814-мъ году. Союзныя войска только что вступили въ Парижъ. Политическія страсти кипѣли. Никто не зналъ еще, какой образъ правленія дастъ Франціи Императоръ Александръ. Пылкій роялистъ де ла Рошфуко рѣшилъ продемонстрировать антибонапартистскія настроенія парижской черни. Онъ явился на Вандомскую площадь, собралъ вокругъ себя большую толпу и указывая на статую Наполеона, возвышавшуюся на колоннѣ посрединѣ площади, крикнулъ: „Долой Наполеона !" Парижане, еще недавно встрѣчавшіе на этой же площади Бонапарта возгласами - „Да здравствуетъ Императоръ!" - теперь принялись свергать статую своего бывшаго кумира. Притащили веревки. Какой-то негодяй забрался на самый верхъ и билъ бронзоваго Императора по щекамъ. Статуя уже шаталась. Еще немного и она валялась бы на землѣ, придавивъ собою, вѣроятно, нѣсколькихъ зѣвакъ, стоявшихъ у подножія колонны. Толпа ревѣла отъ восторга, какъ стадо скотовъ. Въ этотъ моментъ, тяжко отбивая шагъ, вышелъ на площадь взводъ Л.Гв.Семеновскаго полка. Увидѣвъ русскихъ гвардейцевъ, толпа шарахнулась въ разныя стороны. Въ одну минуту семеновцы очистили площадь отъ безчинствовавшей черни. Появленіе взвода Семеновскаго полка произошло, конечно, по волѣ Императора Александра, который, во время увѣдомленный о чинимыхъ толпой безпорядкахъ, приказалъ немедленно ихъ прекратить и выставить около колонны часовыхъ.

Въ „МОНИТОРѢ" отъ 7-го апрѣля 1814-го года префектура полиціи объявила: „Le monument élevé sur la place Vendôme est sous la sauvegarde de la magnanimité de l'Empereur Alexandre et de ses alliés. (Préfecture de Police. „MONITEUR", le 7 avril.)

А.С.

A. SAVITZKY
3, Rue Désiré Bertrand
EAUBONNE (S.-et-O.)

Русскій Военно-Историческій Вѣстникъ

№ 6

РЕДАКТОРЫ:

А. К. Савицкій и Ю. А. Топорковъ

ИЗДАНІЕ
КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ
ПАРИЖЪ — 1950

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

Страница:	Строка:	Напечатано:	Надо:
4	11 снизу	голобому	голубому
	"	облочко	облачко
6	"	мня	мнѣ
	"	приколала	приколола
7	сверху	платка	палатка
8	11 "	Поду	Подъ
	"	узналм	узнали
9	снизу	отсыда	отсюда
	сверху	Нижегордскихъ	Нижегородскихъ
	снизу	какъ замеръ	какъ бы замеръ
	"	первоклассуную	первоклассную
10	снизу	стороны	сторонѣ
11	7 сверху	оособенно	особенно
14	снизу	дѣ.ствавшими	дѣйствовавшими
15	сверху	крупнымъ	крупнымъ
	снизу	флаговаго	флангового
17	сверху	отпредѣлены	опредѣлены
	"	панегеричны	панегиричны
	снизу	указнымъ	указаннымъ
	"	искусствѣ	искусствѣ
	"	продольствіемъ	продовольствіемъ
	"	но	не
18	14 сверху	симъ	силъ
	16 "	отъѣтственности	отвѣтственности
19	7 снизу	Впослѣдствіе	Впослѣдствіи
	снизу	истрической	исторической
	16 "	двизія	дивизія
21	1 сверху	помятомъ	помянутомъ
	16 "	среденіѣ	срединѣ
	7 снизу	удольствіемъ	удовольствіемъ
	4 "	Еватерины	Екатерины
	14 сверху	Александа	Александра
	14 снизу	Александа	Александра
	13 "	зоеннаго	военнаго
26	9 снизу	вовсѣ	вовсе
	16 "	ЗНАЧАНІЕ	ЗНАЧЕНІЕ
27	4 сверху	дипломптическими	дипломатическими
29	7 снизу	порядоъ	порядокъ
	13 "	государственымъ	государственнымъ
30	13 сверху	разорявшивъ	разорявшихъ
31	15 сверху	окася	оказался
32	15 снизу	первоклассынхъ	первоклассныхъ
33	25 сверху	завоеванноей	завоеванной
34	2 сверху	слѣдетъ	слѣдуетъ
37	3 снизу	Копенгаганъ	Копенгагенъ
39	8 сверху	жетра	Петра
	6 снизу	измѣніяхъ	измѣненіяхъ
45	"	магнаты	магната
48	28 "	легкомыслiе	легкомыслiи
	26 "	желенія	желанія
50	1 "	бранятъ	насъ бранятъ

РУССКІЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

№ 6

Редакторы:

А.К.САВИЦКІЙ - Ю.А.ТОПОРКОВЪ

Парижъ

1950

СОДЕРЖАНІЕ

		Стр.
П.Е.СУШИЛЬНИКОВЪ. -	Изъ Воспоминаній Астраханскаго Гренадера. 1914-й годъ	2
КН.Н.С.ТРУБЕЦКОЙ. -	Осада Аула Чохъ.....	9
Ю.А.ТОПОРКОВЪ. -	Фельдмаршалъ Князь Паскевичъ въ Венгерскую Кампанію 1849-го г.....	13
В.Г.ФОНЪ РИХТЕРЪ. -	Особыя отличія за Очаковъ, Измаилъ, Прагу, Прейсишъ-Эйлау и Базарджикъ.....	19
А.К.САВИЦКІЙ. -	Международное Значеніе Полтавской Битвы.....	26
А.С. -	Отданіе чести.....	40
ИЗЪ ВОЕННОЙ ПОЭЗІИ XIX-ГО ВѢКА		41
А.К.С-КІЙ. -	Мемуары Графини де Шуазель-Гуффіе..	43
РЕДАКЦІЯ. -	250 лѣтъ учрежденія Лейбъ Гвардіи 28 августа 1700 г.....	47
ИСТОРИЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ.-	Два письма	47

"РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

издается на правахъ рукописи. Всѣ права сохранены.

Въ этомъ номерѣ 52 страницы.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Редакція " РУССКАГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА " покор - нѣйше проситъ господъ авторовъ не безпокоиться присылкой статей политическаго содержанія. Такія статьи не могутъ быть напечатаны въ нашемъ журналѣ, посвященномъ и с к л ю ч и т е л ь н о вопро-самъ русской исторіи и старины.

Р е д а к ц і я

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

АСТРАХАНСКАГО ГРЕНАДЕРА

1914-й ГОДЪ

Вѣйся знамя полковое!
За святынею сѣдой
Лихо движется стѣною
Славный полкъ нашъ боевой.
/Полковая пѣсня/.

ХОЛМЪ

Черныя, казеннаго образца, буквы надъ перрономъ сказали о концѣ нашего пути: " Холмъ ". Безъ суеты выгружался эшелонъ. Сегодня вечеромъ 3-й батальонъ долженъ стать на ночлегъ въ полу-переходѣ къ югу отъ Холма и выставить сторожевое охраненіе.

Роты выстроились на станціонномъ дворѣ и ждали приказанія двигаться. Полковой адъютантъ передалъ приказаніе моей 12-й ротѣ ждать на станціи прибытія Штаба дивизіи и слѣдовать съ нимъ въ качествѣ прикрытія.

Рота заняла залъ III-го класса и нѣкоторыя станціонныя по-стройки. Я со своимъ младшимъ офицеромъ расположился въ бесѣдкѣ въ станціонномъ садикѣ. У всѣхъ входовъ станціи стали часовые-гре-надеры. Дежурная часть /взводъ/ находилась около занятой мною бе-сѣдки. Половина людей въ боевой готовности. Дозоры обходили бли-жайшіе кварталы.

- Скажите, капитанъ, это, вѣроятно, военные иностранные кор-респонденты или какіе нибудь аташе? - обратился ко мнѣ какой - то штабъ-офицеръ, указывая на группу офицеровъ въ синихъ курточкахъ, галифэ и обмоткахъ, съ бархатными " пирожками " на головахъ. -

- Что вы, господинъ полковникъ! - это наши летчики. -

- Летчики! Вотъ странно! Выдумали же имъ форму! -

Это была молодежь, но молодежь выдержанная, серьезная. Стар-шій изъ нихъ, штабсъ-капитанъ, былъ украшенъ "мирнымъ" Владими-ромъ. Это указывало, что передъ нами Нестеровъ, прославившійся на весь міръ, какъ первый сдѣлавшій " мертвую петлю ".

- У меня къ вамъ просьба, - обратился тотъ-же штабъ-офицеръ къ Нестерову: - позвольте васъ показать моему батальону. Это тутъ

близко. Мы стоимъ бивакомъ. У меня автомобиль. Хочу, чтобы солдаты ознакомились съ вашей формой и не принимали бы за иностранныхъ и, Боже спаси! за непріятельскихъ офицеровъ. -

Нестеровъ, слегка улыбнувшись, приложилъ руку къ "пирожку".

- Къ вашимъ услугамъ, полковникъ, если только не долго задержите. -

- Нѣтъ, нѣтъ всего какихъ нибудь полчаса, - заторопился полковникъ, ведя летчиковъ къ выходу.

Черезъ нѣсколько минутъ на полѣ гремѣло " ура ". То батальонъ качалъ летчиковъ.

Темная ночь окутала тихую Холмщину, черезъ нѣсколько дней ставшую ареной небывалыхъ въ исторіи кровопролитныхъ боевъ.

Звенѣли буфера, свистѣли паровозы, тарахтѣли повозки, звякали штыки уходящихъ во тьму ротъ.

Къ приходу ешелона штаба 3-й Гренадерской дивизіи на перронѣ построилась свободная отъ нарядовъ полу-рота. Начальникъ дивизіи, генералъ Добрышинъ, былъ встрѣченъ мною съ воинскими почестями. Пропустивъ роту церемоніальнымъ маршемъ, начальникъ дивизіи благодарилъ людей за бравый, молодецкій видъ и пожелалъ намъ успѣха на ратномъ полѣ. Штабъ дивизіи расположился въ ближайшемъ отъ Холма селѣ Покровскомъ. Полевой значекъ начальника дивизіи былъ водруженъ на крыльцѣ школы, на южной оконечности села. Цѣпь моихъ постовъ была выдвинута на двѣ версты. Ночью секреты лежали въ перелѣскѣ.

- Ты что это, самоваръ раздуваешь сапогомъ. - накинулся хозяйственный адъютантъ на своего денщика.

- Да, Ваше Высокоблагородіе, труба въ торопяхъ въ Москвѣ осталась. Я уже съ утра наказывалъ Петрову въ Холмѣ пошукать. Да гдѣ тутъ. Всѣ лавки обѣгалъ, такъ и не нашелъ. Что они чая здѣсь не пьютъ, что ли? А земля-то Россійской короны! А сапогомъ оно ничего, Ваше Высокоблагородіе, - очень даже способствуетъ. -

Штабъ собрался къ послѣобѣденному чаю подъ широкой липой. Начальникъ дивизіи углубился въ бумаги, дѣлая отмѣтки краснымъ карандашемъ.

На крыльцѣ школы хозяйственный адъютантъ. Наклонясь къ его уху писарь что-то докладываетъ, указывая рукой на перелѣсокъ. Волненіе писаря передается адъютанту. Онъ быстро переводитъ взглядъ съ указующей руки на меня и опять на перелѣсокъ...

- Ей Богу! кавалерія, Ваше Высокоблагородіе, - слышу я прерывающійся голосъ писаря. Дѣйствительно, на фонѣ перелѣска маячила конная группа. И въ то же время изъ окопчика сторожевого поста въ нашу сторону побѣжала фигурка.

- Хорошенькое дѣло! - мелькнула у меня мысль: - Если венгерская кавалерія захватитъ штабъ дивизіи за чайнымъ столомъ. -

Взволнованный адъютантъ теребитъ меня за рукавъ. Начальникъ дивизіи смотритъ вопросительно поверхъ очковъ.

Разсыпать въ цѣпь взводъ сторожевого резерва было минутнымъ дѣломъ. Конная группа, пройдя между постами, шла на насъ. Съ постовъ стрѣльбы не было. Въ бинокль прыгали сѣрыя фигурки на раз -

номастныхъ лошадяхъ. Блеснули двѣ пики...

– Ваше Высокоблагородіе, старшій второго поста послалъ меня съ донесеніемъ: изъ-за лѣса показалась, никакъ, непріятельская кавалерія, – докладываетъ мнѣ запыхавшійся гренадеръ.

Группа изъ шести всадниковъ подходитъ къ лѣвому флангу моей цѣпи, и мы ловимъ "непріятеля" : казаки-донцы ѣдутъ въ Холмъ по хозяйственнымъ дѣламъ...

Дня черезъ два я съ ротой вернулся къ полку.

13-Е АВГУСТА

Три полка дивизіи, въ порядкѣ номеровъ, тянулись по пыльной дорогѣ. Вдругъ въ головѣ колонны вспыхнула дробь частой стрѣльбы и какъ по Бикфордову шнуру побѣжала въ глубину колонны. Инстинктивно я вывелъ роту съ дороги на сжатое поле, готовясь разсыпать въ цѣпь. Рота безъ команды уже держала винтовки " на изготовку ". Стрѣльба ширилась и уже захватила нашъ полкъ. Надъ колонной, на высотѣ не болѣе 300 метровъ летѣлъ аэропланъ.Простымъ глазомъ видны были красно-бѣлые круги на крыльяхъ. Австріякъ..... По старой привычкѣ пулеметчика я скомандовалъ ротѣ " огонь ". Аэропланъ, не забирая высоты, плавно полетѣлъ на Раколупы. На протяженіи двухъ верстъ мы шли по ковру мѣдныхъ гильзъ.

Вотъ и Замостье,именемъ котораго названа колыбель моей офицерской карьеры / 60-й пѣх. Замосцкій полкъ /.

Въ молодости рисовался мнѣ въ воображеніи огромный сѣрый замокъ съ вѣковыми стѣнами, тяжелыми башнями, подъемными мостами черезъ каменные рвы, по которымъ пропущена рѣка. Грязное "място" разрушило мой воздушный замокъ. Готическій соборъ,густой старинный паркъ, мшистыя стѣны, скрывающія усыпальницу и "палацъ" родовитыхъ графовъ Замойскихъ. Для насъ имя это не изгладится и не померкнетъ до исхца дней, ибо ни кровавый Кунерсдорфъ, гдѣ гренадеры ходили "въ крови по колѣна", ни жертвенный Бородинскій бой, ни героическая Плевна, ни даже заря славы полка, Полтавская баталія, – не унесли столько молодыхъ гренадерскихъ жизней,какъ двухдневный бой подъ Замостьемъ.

Астраханскіе гренадеры вытянулись изъ Замостья на Цебершинъ , слѣдуя въ колоннѣ главныхъ силъ дивизіи, и остановились около села Плоское. Авангардъ уже столкнулся съ противникомъ. Сильный ружейный огонь разгорался и ширился. Бухали пушки. Надъ дальнимъ лѣсомъ по голубому небу стайками плыли облочка разрывовъ. Гренадеры, сойдя съ дороги, сидѣли и лежали въ придорожныхъ канавахъ.Лазаретныя линейки, патронныя двуколки и походныя кухни вытянулись длинной лентой, и, не скрытыя складками мѣстности, представляли заманчивую цѣль. На сидѣнія высокихъ лазаретныхъ фуръ становились во весь ростъ врачи, фельдшера, стараясь увидать, что творится впереди.

По полевой дорогѣ съ юга къ намъ быстро приближается облачко пыли. Верстахъ въ двухъ облачко остановилось. Блеснули солнечные " зайчики "; ясно было, что это непріятельскій развѣдчикъ на мотоциклеткѣ. Черезъ двѣ минуты облачко снова поднялось, стало умень –

шаться и скрылось въ лѣскѣ. Развѣдчикъ погналъ съ докладомъ о нашемъ движеніи. Но уже были приняты мѣры: обозы угнали къ Замостью, лазаретныя фуры и патронныя двуколки попрятались за домами и въ складкахъ мѣстности. Полкъ перестраивался въ боевой порядокъ и расходился по позиціямъ. Моя 12-я рота составляла резервъ батальона. Уже подъ вечеръ, мѣняя свое мѣсто, передвигаясь по ложбинѣ между Плоскимъ и Мокрымъ, мы наткнулись на партію плѣнныхъ. Среди пестрой толпы красивыхъ смуглыхъ венгровъ, свѣтлыхъ чеховъ, русинъ и галичанъ наше вниманіе обратилъ на себя мальчикъ. Это былъ кадетъ лѣтъ 17 въ неголевато пригнанной сѣро-голубой формѣ. Его круглое, нѣжное, дѣвичье лицо врѣзалось мнѣ въ память, и даже теперь, болѣе чѣмъ черезъ 25 лѣтъ, я вижу его какъ живого. Онъ вытягивался передъ нами, щелкалъ каблуками, усердно козырялъ, величая насъ " герръ оберстъ ". Дѣтская улыбка освѣщала его хорошенькое личико. Въ штабѣ дивизіи онъ безутѣшно плакалъ по утраченному офицерскому чину.

Часовъ въ 9 вечера мимо моей роты, лежащей въ осушительной канавѣ, прошла рота Фанагорійцевъ съ пулеметными передками. Шагахъ въ 100 отъ моего лѣваго фланга они попали въ канаву съ водой. Передки завязли и, вытягивая ихъ, Фанагоры подняли шумъ, крикъ, ругань.

- Братцы, спасай пулеметы! -
- Вытягивай, вытягивай... А ну, - разомъ! -
- Ой, рѣчка глубокая! -

Лошади бились, фыркали. Изъ ближайшаго фольварка на этотъ гамъ былъ открытъ ружейный огонь силой не больше полу - взвода. Шумъ и ругань моментально прекратились, и рота съ пулеметами скрылась изъ поля моего слуха.

- Вотъ вамъ примѣръ, какъ не надо передвигаться на войнѣ ночью, - обратился я къ ротѣ, тихо лежащей въ канавѣ. Изъ фольварка еще раздавались выстрѣлы. Пули посвистывали надъ нами...

- Николай Яковлевичъ, я открою огонь по этому фольварку. Можно? Это, вѣроятно, развѣдчики пробрались туда. -

- Ну, что же, открывайте, - отвѣтилъ капитанъ Полунинъ, по мобилизаціи получившій батальонъ, а до того образцовый командиръ роты Его Величества. - Какое нахальство! Надо ихъ проучить. -

- Въ направленіи непріятельской стрѣльбы. Пять патроновъ. Часто. Огонь! -

Когда въ нашей канавѣ погасла огненная лента боевого крещенія роты, и снова наступила тишина, - стрѣльбы изъ фольварка больше не было.

Отъ канавы и болота тянуло сыростью. Легкой дымкой поднимался туманъ. Я былъ въ лѣтнемъ кителѣ и меня пробирала дрожь.

- Ваше Высокоблагородіе, извольте одѣться, а то зазябнете вовсе, - зашепталъ голосъ въ темнотѣ, и услужливыя руки набросили мнѣ на плечи тяжелую солдатскую шинель.

- Спасибо, Максимовъ, - узналъ я браваго унтера.

Во дни мобилизаціи, при разбивкѣ, я замѣтилъ въ партіи кавалера двухъ Георгіевскихъ крестовъ. Изъ разспросовъ выяснилось, что онъ мой " сосѣдъ по имѣнію ". Въ японскую войну я принадлежалъ къ гарнизону Путиловской сопки, онъ же заработалъ кресты на прилегающей Новгородской сопкѣ. Максимовъ попросился въ мою роту. Въ

Холмѣ я назначилъ его отдѣленнымъ, а передъ Замостьемъ онъ былъ уже взводнымъ. И вотъ, лежа въ канавѣ, прижавшись другъ къ другу, мы вспоминаемъ " дѣла давно минувшихъ дней ".

- А вотъ, Ваше Высокоблагородіе, чудно вспомнить, какъ я получилъ крестъ четвертой степени. Во снѣ. -

- Какъ же это такъ? -

- Такъ точно, во снѣ. Только что насъ выгрузили изъ вагоновъ, - и сразу въ бой. Разсыпались цѣпями. А японецъ насъ такъ и кроетъ изъ антиллеріи. Не успѣли мы и версты пройти, какъ меня будто палкой по плечу огрѣло. Вижу - кровь на гимнастеркѣ. А тутъ скомандовали перебѣжки. Моему отдѣленію начинать. Я винтовку въ лѣвую руку, подалъ команду своему отдѣленію и бѣгомъ. Только добѣжали до канавы, - залегли; чувствую, силъ нѣту - ослабѣлъ, вотъ-вотъ сомлѣю. Ну, однако, началъ вторую перебѣжку и на полъ-дорогѣ упалъ на полѣ. Слышу взводный кричитъ ротному: " Ваше Благородіе, отдѣленный Максимовъ убитъ ". А я лежу ничкомъ, знаю, что еще живой, а ни подать голоса, ни пошевелиться не могу. Мимо меня бѣгутъ роты нашего полка. Потомъ кто-то меня перевернулъ. Надо мной какой то вольный въ очкахъ. Повязка на рукавѣ. " Живъ, говоритъ, только крови видно много потерялъ ". Посадилъ меня. Другой фляжку мнѣ суетъ. Хлебнулъ. Крѣпко здорово! Подняли, бережно положили меня на носилки на колесахъ. Какъ тряхнуло меня раза два - три на гавальяновыхъ грядкахъ, такъ памятъ и отшибло...Очнулся въ большой палаткѣ. Сестрица надо мной стоитъ, чаемъ поитъ. Мнѣ уже, значитъ, операцію сдѣлали: пулю шрапнельную изъ лопатки вынули. И угодила она мнѣ прямо въ погонъ. Черезъ короткое время погрузили насъ въ санитарный поѣздъ. Ну и поѣздъ! Весь бѣлый. Кровати мягкія, на сѣткахъ. Положили меня на верхнюю койку. Солдаты и офицеры вмѣстѣ. Какъ поѣздъ пошелъ, я вскорости заснулъ. Просыпаюсь, смотрю; всѣ раненые въ нашемъ вагонѣ " земляки " съ крестами. Что такое? Оказывается, разсказываютъ, что въ Ляоянѣ посѣтилъ насъ самъ Куропаткинъ. Всѣхъ раненыхъ унтеръ-офицеровъ наградилъ крестами. Одинъ я не награжденъ. Проспалъ!... И такъ это мнѣ стало досадно. Отъ слабости опять заснулъ. И во снѣ слышу голосъ: " Я послалъ о тебѣ телеграмму, и вотъ отвѣтъ: Главнокомандующій награждаетъ тебя Георгіевскимъ крестомъ за такимъ то номеромъ. А пока носи этотъ крестъ безъ номера отъ поѣзда Ея Величества.Поздравляю тебя, кавалеръ! " Стоитъ около меня молодой, ладный полковникъ и протягиваетъ мнѣ крестъ на лентѣ. А сестра мнѣ этотъ крестъ булавкой на мою повязку приколала. И хоть отвѣтилъ, какъ полагается : " Покорно благодарю, Ваше Высокоблагородіе. " - а все мня кажется, что это во снѣ. И только на утро, когда проснулся какъ слѣдуетъ, то убѣдился, что я, дѣйствительно, кавалеръ...А все спасибо молодому офицеру, Сибирскому стрѣлку, что рядомъ со мной помѣщался . Это онъ, какъ ушелъ генералъ Куропаткинъ, обратился къ коменданту поѣзда и объяснилъ ему, что одинъ раненый остался безъ награды. Комендантъ справился обо мнѣ по бумагамъ и далъ телеграмму. Дай Богъ здоровья и имъ, и молодому офицеру. -

- Максимовъ, а ты этого молодого офицера не знаешь? -

- Никакъ нѣтъ, Ваше Высокоблагородіе, фамилію ихъ я такъ и не зналъ. Знаю только, что и они были награждены Главнокомандующимъ. Къ подушкѣ ихъ койки сестрица приладила красивый крестъ съ бан-

томъ. -

- А вѣдь этотъ офицеръ недалеко. -

- Какъ, Ваше Высокоблагородіе, они тоже нашего полка? -

- Да, и даже лежитъ рядомъ съ тобой... Вотъ Максимовъ, на все судьба, - отвѣтилъ я на его радостное изумленіе : 10 лѣтъ тому назадъ мы оба переживали душевное волненіе въ поѣздѣ Государыни, а теперь опять лежимъ рядомъ, но только въ канавѣ и наканунѣ боя. -

- Ну, а третью степень за что получилъ. - спросилъ Максимова Н.Я.Полунинъ, лежавшій рядомъ со мной въ той же канавѣ.

- За ночную атаку, Ваше Высокоблагородіе. Я былъ въ пѣшей охотничьей командѣ. Шли мы въ первой линіи полка. Вмѣстѣ со своимъ начальникомъ команды ворвались въ японскій окопъ. Я тутъ ихъ троихъ закололъ, а четвертый угодилъ мнѣ штыкомъ пониже лѣвой ключицы. Да, спасибо, у меня черезъ плечо была платка скатанная, ножъ то его и не прошелъ глубоко. Ну, я его успѣлъ садануть прикладомъ по скулѣ... Выбили ихъ изъ окопа. Слѣва и справа гремитъ "ура". По всей линіи идетъ атака. Нашъ поручикъ кричитъ " Впередъ. На батарею! " Стоятъ опершись на шашку, ранетъ въ ногу, идти не можетъ. Сорвалъ ножны отъ шашки, переломилъ пополамъ, а мы изъ нихъ помогли ему сдѣлать повязку - шину. Фельдшеръ подбѣжалъ, бинтами замоталъ. Поручикъ попробовалъ идти - не можетъ. " Ведите меня подъ руки. " Подхватили мы его, повели. А тѣмъ временемъ уже и весь полкъ навалился , да Сибирскіе стрѣлки... Видимъ, что свою команду не догнать ; повернули вести поручика на перевязку. Страсть, какъ ругался! Все впередъ хотѣлъ.

- А поручикъ живъ остался? -

- Такъ точно. Мѣсяца черезъ два вернулся въ полкъ. -

- А получилъ онъ Георгія за свой подвигъ? - спросилъ его Полунинъ.

- Никакъ нѣтъ, Георгія не получили. Съ Владиміромъ команда ихъ поздравляла.

- А какъ фамилія твоего начальника команды? -

- Поручикъ Кутеповъ. Не знаете ли ихъ, Ваше Высокоблагородіе. -

- Не знакомъ съ нимъ, но знаю, что онъ теперь въ Преображенскомъ полку. Передъ войной былъ начальникомъ учебной команды, на войну пошелъ, вѣроятно, ротнымъ командиромъ. -

- А я теперь вспомнилъ, добавилъ Полунинъ. - На парадѣ при открытіи памятника двумъ неизвѣстнымъ матросамъ миноносца "Стерегущій" это онъ командовалъ взводомъ отъ какого то полка не Петербургскаго гарнизона. -

- Отъ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго, Короля Прусскаго, Императора Германскаго Вильгельма II-го полка, Ваше Высокоблагородіе. -

- Да, да совершенно вѣрно. -

- Ну, тогда они это и есть. Можетъ еще Господь и приведетъ съ ними повидаться. Геройскій былъ офицеръ. -

---

Тихая была эта ночь. Ни выстрѣла, ни звука. И эти кроткія звѣзды одинаково мерцали по обѣ стороны этого обширнаго фронта. Для многихъ - въ послѣдній разъ. Темной лентой вытянулся лѣсъ, прятавшій въ себѣ тысячи такихъ же здоровыхъ, молодыхъ существъ, какими наполнена моя канава. Съ разсвѣтомъ лѣсъ оживетъ, наполнится движеніемъ и, мирно спящіе сейчасъ, завтра превратятся въ озвѣрѣвшихъ убійцъ, истребляющихъ себѣ подобныхъ всѣми способами, которыми снабдила ихъ цивилизація и прогрессъ...

- Николай Яковлевичъ. - тронулъ я за плечо Полунина: - приказаніе отъ командира полка. -

Поду шинелью блеснулъ лучъ фонарика.

- Выводите тихонько роту. Приказано роту резерва оттянуть къ Плоскому, - отдалъ приказаніе Полунинъ.

- А какія новости? - спросилъ онъ коннаго ординарца, возвращая ему конвертъ.

- Такъ что слыхать, Ваше Высокоблагородіе, что почитай весь Сибирскій полкъ пропалъ, да и нашихъ бонацько ранетыхъ и побитыхъ. Командиръ 5-й роты, капитанъ Кочкинъ, ранеты, но не шибко.-

Моя рота перебралась на другую квартиру, оказавшуюся болѣе комфортабельной: шоссейная канава у села Плоское была совершенно сухая и шире покинутой нами осушительной канавы. Черезъ пять минутъ надъ канавой висѣлъ густой храпъ...

Установивъ связь съ командиромъ полка, я направился къ облюбованному мною стогу сѣна, но шумъ на дорогѣ привлекъ мое вниманіе. Шла пѣхотная колонна. Мы узнали полковника Воронцова - Вельяминова, ѣдущаго во главѣ своего 184-го пѣхотнаго Варшавскаго полка. Незадолго до войны полковникъ командовалъ въ нашемъ полку батальономъ для ценза, какъ штабъ - офицеръ Алексѣевскаго военнаго училища. Отъ него мы узнали, что распоряженіемъ штаба корпуса его полкъ снятъ съ позиціи и идетъ въ корпусной резервъ въ село Ситанецъ, верстахъ въ 12 отсыда. Это вызвало средиъ насъ тревогу, такъ какъ съ уходомъ этого полка обнажался нашъ правый флангъ.

Полунинъ и Згурскій пошли довладывать объ этомъ командиру полка. Командиръ полка имѣлъ по этому поводу разговоръ съ начальникомъ штаба дивизіи, но тотъ отказался будить начальника дивизіи, " переутомившагося за тревожный день ". Даже рѣзкая фраза, вырвавшаяся у нашего командира - " Да, вѣдь, мы же не на маневрахъ. Это война. Такими вещами не шутятъ "! - не сломила упрямства не въ мѣру деликатнаго " момента ".

По поводу передвиженія Варшавскаго полка ходило много слуховъ, вплоть до того, что приказаніе Воронцову-Вельяминову привезъ, будто бы, переодѣтый австрійскій офицеръ. Но болѣе вѣроятная версія та, что изъ Замосцкаго почтово - телеграфнаго отдѣленія была послана австрійской развѣдкой телеграмма, такъ какъ имѣлись данныя о существованіи телефонной связи шпіоновъ въ Замостьѣ съ австрійскимъ командованіемъ. Копіи же этого приказа въ штабѣ корпуса не оказалось...

Я вернулся къ своему стогу. Связники сдѣлали въ немъ пещеру и забросали меня охапками сѣна. Черезъ двѣ минуты для меня не

существовали ни война, ни завтрашній бой, ни обнаженный флангъ.

П.Б.СУЩИЛЬНИКОВЪ.

ОСАДА АУЛА ЧОХЪ.

Въ исполненіе предначертаній императора Николая Павловича, въ 1849-мъ году, предстояло овладѣть сильнымъ укрѣпленнымъ аулomъ Чохъ, считавшимся издавна средоточіемъ боевой силы и всѣхъ воинственныхъ начинаній Андалала / части Дагестана /, всегда столь интереснаго для имама Шамиля. Задачи въ Чечнѣ были въ этотъ годъ отодвинуты на второй планъ, зато Дагестанъ вписалъ въ исторію Кавказской войны кровавыя страницы осады аула Чоха, гдѣ энергія командующаго войсками Прикаспійскаго края, генералъ - адъютанта кн. М. З. Аргутинскаго-Долгорукаго и средства Главнокомандующаго гр. М. С. Воронцова разбились объ упорство и искусство Шамиля.

Для дѣйствій противъ Чоха былъ составленъ отрядъ силою до 14-ти батальоновъ / по три батальона Апшеронскаго, Самурскаго, Ширванскаго полковъ, два батальона Мингрельскаго, по батальону Кубанскаго и Дагестанскаго полковъ, по двѣ роты Кавказскихъ Стрѣлковаго и Сапернаго батальоновъ /, дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ, шесть легкихъ и двѣнадцать горныхъ орудій отъ Кавказской гренадерской, 20 - й и 21 - й артиллерійскихъ бригадъ, двадцать осадныхъ орудій, и до двадцати сотенъ разной милиціи.

8-го іюня войска сосредоточились у села Оглы. Одновременно съ этимъ особая колонна и вся милиція была направлена изъ за Самура на Турчидагъ, чтобы обезпечить тамъ позицію до прибытія главныхъ силъ и осадной артиллеріи. Турчидагъ въ стратегическомъ отношеніи былъ важенъ, какъ серединный пунктъ между сѣвернымъ и южнымъ Дагестаномъ. Съ него вели пути къ такъ называемому Чохскому спуску и затѣмъ къ самому ауду. Зная о нашихъ намѣреніяхъ, Шамиль принималъ для защиты аула Чохъ всѣ зависящія отъ него мѣры и въ короткое время превратилъ аулъ въ первоклассную крѣпость, не даромъ у него были турецкіе инженеры.

" Прибытіе нашихъ войскъ на Турчидагъ произвело въ Чохъ чрезвычайную суматоху : всѣ семейства и имущество тотчасъ же были вывезены за рѣку Кара-Койсу, и на другой день Чохъ совсѣмъ опустѣлъ и какъ замеръ. Съ обширнаго плато Турчидага, занятаго войсками, Чохъ, лежавшій внизу, на одной изъ предгорныхъ террасъ, подъ самыми ногами отряда, представлялся намъ, какъ на блюдечкѣ. Мы видѣли, какъ подходили къ нему подкрѣпленія, какъ пріѣзжалъ Шамиль, окруженный многочисленнымъ конвоемъ, и какъ послѣ его отъѣзда горцы бросились укрѣплять нѣкоторыя высоты, на которыя прежде не обращали вниманія. Въ нѣсколько дней на нашихъ глазахъ возникло нѣсколько новыхъ Чоховъ, изъ которыхъ каждый могъ выдержать упорную и продолжительную осаду ".

Войска все это время стояли въ бездѣйствіи, поджидая осадную артиллерію, которую съ большимъ трудомъ переправляли черезъ горы. Осмотръ Чоха на дальній орудійный выстрѣлъ показалъ только его внѣшнюю оборону; аулъ былъ ограниченъ съ трехъ сторонъ

обрывистыми скатами и только въ тылу соединялся узкимъ пере - шейкомъ съ лагеремъ горцевъ, собравшихся, по свѣдѣніямъ, въ чи- слѣ десяти тысячъ со всѣхъ концовъ Дагестана. Стѣны укрѣпленій были воздвигнуты на скалѣ изъ бревенъ, а также изъ плитъ, булыж- наго камня и кирпича на извести; замѣтно было, что съ внутренней стороны онѣ были блиндированы. Къ угламъ передняго фаса были при- строены круглыя башни, доставлявшія фланговую и перекрестную оборону. Укрѣпленіе имѣло два ряда бойницъ, барбеты и амбразуры; въ центрѣ его возвышался редуитъ, замѣнявшій цитадель.

Дождавшись прибытія осадной артиллеріи, кн. Аргутинскій рѣ- шилъ приступить къ осадѣ Чоха. 5-го іюля онъ спустилъ съ Турчи- дага шесть баталіоновъ пѣхоты / I, 2 и 4-й баталіоны Ширванска- го, 2, 3 и 4-й бат-ны Самурскаго полковъ / роту стрѣлковъ, двѣ роты саперъ, 8 орудій и часть милиціи, а второй баталіонъ Апше- ронцевъ пришелъ на Турчидагъ. Горцы, засѣвшіе въ завалахъ на раз- стояніи не много менѣе версты, встрѣтили колонну сильнымъ ору - жейнымъ огнемъ; изъ укрѣпленія открыли орудійную пальбу. Кавказ- скіе стрѣлки первые начали огонь по заваламъ и затѣмъ заговори- ли наши орудія. Минутъ черезъ пять завязалась жаркая канонада. Подоспѣвшіе Самурцы подъ сильнымъ огнемъ бросились къ завалу, и, ударивъ въ штыки, отбросили непріятеля, который поспѣшилъ за- нять слѣдующій завалъ, откуда снова открылъ огонь. Въ занятомъ нами завалѣ немедленно было приступлено къ приведенію его въ обо- ронительное положеніе. Горцы нѣсколько разъ порывались въ ата- ку, чтобы вернуть свою потерю, но грозные и стройные ряды стрѣл- ковыхъ Штуцеровъ держали ихъ въ приличномъ отдаленіе; саперы же и Самурцы успѣли живо укрѣпить первый занятый нами пунктъ, отку- да предполагалось уже вести постепенную атаку аула. Наши потери въ этотъ день состояли въ двухъ офицерахъ и 52 нижнихъ чиновъ у- битыми, ранеными и контуженными. Въ ночь на 10-е іюля выдвинута была впередъ одна изъ траншей; она шла зигзагами по крутымъ тер- расамъ горъ. Несмотря на лившій, какъ изъ ведра, дождь и на нѣ- сколько попытокъ горцевъ помѣшать рабочимъ, траншея была дове - дена до конца.

Съ разсвѣтомъ шесть ротъ Самурцевъ перешли черезъ оврагъ, находившійся вправо отъ нашихъ траншейныхъ работъ, и заняли все пространство отъ хуторовъ, расположенныхъ внизу у спуска; на пра- вой стороны оврага войска приступили къ постройкѣ редута и двухъ башень. Къ вечеру редутъ и башни выведены были на столько, что могли совершенно прикрыть работавшихъ.

12-го іюля изъ верхняго лагеря прибылъ на позицію второй ба- таліонъ Апшеронцевъ и расположился на правомъ флангѣ. Работы по устройству брешь-батарей и траншей продолжались безостановочно, причемъ каждый день мы теряли по нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными.

16-го іюля мы заняли завалы, устроенные горцами между наши- ми редутами и Чохомъ. Горцы оказали отчаянное сопротивленіе и за- валы нѣсколько разъ переходили изъ въ руки, пока окончательно не остались за нами; на мѣстѣ заваловъ былъ заложенъ редутъ. Уже вторая параллель была заложена, но горцы не только не уступали осаждающимъ въ неутомимости и энергіи, а, напротивъ, даже пере - шеголяли ихъ. Они построили вправо и влѣво отъ осады, завалы,

откуда сильно препятствовали нашимъ работамъ, и усердно дѣйствовали артиллерійскимъ огнемъ по всему лагерю. Чтобы обезпечить нашу позицію, былипостроены на флангахъ редуты, изъ которыхъ наша артиллерія дѣйствовала весьма удачно; но это не унимало непріятеля, и избавиться отъ него можно было только взятіемъ его крѣпкихъ заваловъ.

Для атаки лѣваго завала кн. Аргутинскій составилъ колонну изъ 4 - хъ баталіоновъ Мингрельскаго и Самурскаго полковъ, 2-хъ горныхъ орудій и командъ отъ стрѣлковъ и саперъ. Запасшись турами, фашинами и земляными мѣшками, колонна подъ начальствомъ полковника Броневскаго, выступила передъ разсвѣтомъ 16-го іюля. Она шла съ такой осторожностью, что горцы, погруженные въ сонъ, были какъ громомъ поражены, когда неожиданно увидали ее почти надъ самымъ заваломъ. Стрѣлки дали штуцерный залпъ, раздалось наше " ура ", и баталіонъ опрометью кинулись на него. Непріятель былъ недалеко и зналъ о происходившемъ, онъ крѣпко надѣялся на мужество и силу Чохскаго гарнизона и не особенно спѣшилъ къ нему, но послѣ рокового 16-го іюля онъ сообразилъ,что нельзя допустить кн. Аргутинскаго хозяйничать безнаказанно, и немедленно явился въ лагерь горцевъ для личныхъ распоряженій. Кн. Аргутинскій тотчасъ узналъ объ этомъ но не отказался отъ своего намѣренія покончить съ правымъ заваломъ и для овладѣнія имъ назначилъ колонну изъ 2-хъ баталіоновъ Апшеронцевъ, по баталіону отъ Мингрельскаго и Кубанскаго полковъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ, ракетной команды и сотни Ахтынской милиціи, ввѣривъ ее командиру Апшеронскаго полка ген. - маіору кн. Г. Д. Орбеліани. Въ полночь съ 17 - го на 18 - е колонна двинулась на ближайшіе къ Чоху сильно укрѣпленные хутора. Замѣтивъ движеніе нашихъ войскъ и встревоженные внезапнымъ ихъ появленіемъ, горцы сдѣлали залпъ, но Апшеронцы, шедшіе во главѣ колонны подъ начальствомъ подполковника Берхмана, не отвѣчали на выстрѣлы, бросились на завалы и послѣ кратковременнаго, но весьма жаркаго боя выбили непріятеля штыками, опрокинули его и заставили бѣжать. Впереди всѣхъ шла 6-я мушкетерская рота подъ командой храбраго капитана Дьяконова. Немедленно, по выбитіи горцевъ изъ заваловъ, приступлено было къ постройкѣ редута на двѣ роты и четыре орудія, которые и были окончены къ вечеру 18-го іюля.

Съ приближеніемъ нашихъ траншей къ укрѣпленію, горцы учащали вылазки, производя ихъ почти каждый день. Въ ночь на 27-е іюля непріятель сдѣлалъ большую вылазку противъ рабочихъ и прикрытія, но былъ отбитъ, хотя и съ значительными для нашего отряда потерями; за этотъ день у насъ убито 1 штабъ-офицеръ и 26 нижнихъ чина, ранено и контужено 4 оберъ-офицера и 95 рядовыхъ; по свѣдѣніямъ лазутчиковъ сами горцы потеряли до 300 человѣкъ убитыми и ранеными. Это было послѣднее усиліе осажденныхъ, больше вылазокъ они не производили и ограничились перестрѣлками.

Наконецъ, къ 10-му августа всѣ осадныя работы были закончены и послѣднія выстроенныя батареи вооружены 22-мя орудіями разныхъ калибровъ. Въ 5 часовъ утра 11-го августа ген. - адъютантъ кн. Аргутинскій приказалъ открыть огонь съ обѣихъ брешь-батарей. Между тѣмъ какъ демонтиръ и мортирныя батареи бросали гранаты и бомбы во внутренность укрѣпленія и на окрестныя горы, укрѣплен-

ными горцами. Несмотря на усиленный огонь, мы успѣли въ теченіе дня разбить только правый уголъ и часть лѣваго угла укрѣпленія, что служило доказательствомъ необыкновенной крѣпости стѣнъ. Непріятель все - таки успѣвалъ исправлять поврежденія. На другой день мы обрушили половину передняго фаса и треть его снесли до основанія. Бомбардировка, ни на минуту не останавливаясь, велась до 22-го августа и въ теченіе этого времени Чоховское укрѣпленіе обратилось въ груду камней. Оставалось занять мѣсто бывшаго укрѣпленія, скорѣе - его развалины; но эти развалины смотрѣли такъ грозно, что кн. Аргутинскій не рѣшился ихъ атаковать, понимая, что для насъ, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, могли получиться только огромныя потери безъ всякой пользы для дѣла. " Мы могли взять мѣсто, гдѣ стоялъ Чохъ,- писалъ онъ гр. Воронцову: - но удержать его за собою нечего было и думать ". Къ тому же цѣль, которая поставлена была передъ отрядомъ - уничтожить укрѣпленный аулъ, была достигнута, и большаго онъ добиваться не хотѣлъ. Онъ приказалъ снять осаду. Въ ночь на 23-е августа отправлены были на Турчидагъ осадныя и 9 батарейныхъ пушекъ.

На разсвѣтѣ началось обратное слѣдованіе отряда. Сперва движеніе артиллеріи и сопровождавшихъ ее баталіоновъ горцы не замѣтили; но, какъ только разсвѣло, горцы, увидѣвъ отступленіе нашихъ войскъ, бросились ихъ преслѣдовать. Въ аріергардѣ шли второй и третій баталіоны Апшеронскаго полка подъ командой своихъ храбрыхъ командировъ: полковниковъ Берхмана и Вунша. Они принуждены были останавливать свои части и переходить въ штыки, чтобы отбиться отъ непріятеля.

Наши потери за осаду выразились въ 4 офицерахъ убитыхъ / Апшеронскаго полка полк. Левицкій, Ширванскаго пор. Базинъ, Мингрельскаго подпор. кн. Палавандовъ и Кавказскаго сапернаго бат. кап. Магаловъ / и 120 нижнихъ чиновъ; раненыхъ офицеровъ 34, нижнихъ чиновъ 547. По свѣдѣніямъ лазутчиковъ потери горцевъ простирались до 3000 человѣкъ.

Оборона Чоха была ужаснѣе и упорнѣе достославной обороны ауловъ Гергебиля и Саловъ въ 1847 г. " Дикій горецъ "еще разъ показалъ себя искуснымъ фортификаторомъ и отличнымъ солдатомъ. Чохъ былъ разрушенъ, но не взятъ и еще разъ указалъ намъ на тотъ путь, по которому надлежало слѣдовать на Кавказѣ, а именно: постепенно проникать въ горы съ переселеніемъ населенія на плоскость.

КН. Н. С. ТРУБЕЦКОЙ

Составлено изъ исторій полковъ - Апшеронскаго и Куринскаго пѣхотныхъ, Нижегородскаго драгунскаго и 1-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ КНЯЗЬ ПАСКЕВИЧЪ
ВЪ ВЕНГЕРСКУЮ КАМПАНІЮ 1849 ГОДА

" Молю Бога, чтобы сохранилъ тебя для блага и славы Россіи и прошу продлить мнѣ 30-лѣтнюю вѣрную дружбу, которую цѣню отъ глубины благодарнаго сердца. Мы болѣе другихъ обязаны Бога благодарить за то, что спасъ насъ отъ гибели, постигшей другихъ, и помогъ стать стѣной противъ. Ты зодчій сей стѣны, ты ея блюститель. Какъ же мнѣ послѣ Бога не благодарить тебя, что далъ намъ за твоей защитой прожить спокойно еще годъ. Что дальше - въ рукахъ Божьихъ. Дай Богъ, чтобы духъ въ Россіи и въ особенности въ войскахъ остался тотъ же, лучшаго желать нельзя " , - такъ писалъ императоръ Николай Павловичъ фельдмаршалу Паскевичу, поздравляя его съ новымъ 1849 - мъ годомъ. Это письмо, написанное за нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ русскія войска выступили въ походъ въ Венгрію - одинъ изъ многочисленныхъ документовъ, поясняющихъ взаимоотношенія императора съ фельдмаршаломъ и показывающихъ, какимъ неограниченнымъ довѣріемъ пользовался у государя знаменитый "отецъ-командиръ", " зодчій стѣны " , " слава и исторія царствованія Николая".

Напряженное политическое состояніе, въ которомъ пребывала Европа въ то время, разрѣшилась войной. 26 - го апрѣля 1849-го г. государь обнародовалъ манифестъ о войнѣ противъ мятежныхъ венгровъ. Во главѣ дѣйствующей арміи былъ поставленъ Паскевичъ. " Надо, чтобы ты самъ велъ свои арміи на новую славу , на великодушную помощь; да поможетъ намъ Богъ, и ты будешь его орудіемъ", писалъ императоръ.

Непоколебимо вѣря въ полководческіе таланты " отца-командира ", " героя Эривани и Варшавы ", императоръ Николай Павловичъ былъ твердо убѣжденъ, что армія, предводимая кн.Паскевичемъ, быстрымъ и рѣшительнымъ ударомъ покончитъ съ мятежными войсками венгерскаго патріота Гергея. По этому поводу онъ неоднократно дѣлится мыслями съ главнокомандующимъ. " Мы должны явиться съ достаточными силами, чтобы преломить дѣло и покончить ... " " Наше вмѣшательство должно быть рѣшительное, все ниспровергающее, а не частное. Ничего не должно быть упущено притомъ, чтобы успѣхъ былъ обезпеченъ и скорѣе болѣе, чѣмъ мало, на то употребить способовъ, они же подъ рукой..." " Надо, чтобъ съ перваго удара нашего, дѣло было переломлено въ пользу праваго дѣла. Надо, чтобы какъ громомъ грянуло, и все было кончено ". Все это мы читаемъ въ письмахъ государя къ фельдмаршалу.

Государь прибываетъ въ Варшаву, чтобы находиться ближе къ театру военныхъ дѣйствій. Отсюда онъ продолжаетъ поддерживать самую оживленную переписку съ главнокомандующимъ. Эти письма, въ которыхъ сквозитъ чуство неограченнаго довѣрія къ Паскевичу, интересны, кстати сказать, и въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуютъ о незаурядномъ талантѣ самого императора, какъ стратега.

Существуютъ различныя сужденія о томъ, что представлялъ собою фельдмаршалъ князь Паскевичъ въ эту кампанію, какъ главнокомандующій. Несомнѣнно одно - ходъ военныхъ дѣйствій, всецѣло зависѣвшій отъ его иниціативы, воли и дарованій, совершался не такъ гладко, какъ этому должна была соотвѣтствовать блестящая военная репутація фельдмаршала.

Цѣль настоящей замѣтки попытаться разгадать, каковы были причины того, что два мѣсяца кампаніи кончились, обнаруживъ несоотвѣтствіе полководческихъ качествъ князя Паскевича съ тѣмъ преувеличеннымъ ореоломъ славы, который его окружалъ. Первый періодъ кампаніи временно поколебалъ престижъ фельдмаршала даже въ глазахъ императора Николая Павловича.

Планъ военнаго похода въ Венгрію былъ выработанъ въ соотвѣтствіи со взглядами, какъ самого государя, такъ и главнокомандующаго. Онъ былъ не плохъ, плохимъ оказалось его исполненіе. Планъ этотъ состоялъ въ рѣшительномъ и быстромъ движеніи нашей арміи черезъ Галицію и Карпаты въ Венгрію, на Будапештъ, въ тылъ венгерской арміи Гергея, дѣйствовавшей противъ австрійцевъ въ вѣнскомъ направленіи. Было предположено, что Гергей со своею арміей, узнавъ о движеніи русскихъ къ Будапешту, попытается прикрыть венгерскую столицу и выйдетъ русскимъ навстрѣчу. Фельдмаршалъ Паскевичъ, сосредоточивъ тогда свои силы, атакуетъ Гергея.

Разсчетъ этотъ, однако, не оправдался. Лишь только русскія войска вошли въ соприкосновеніе съ венграми, нашъ авангардъ, слишкомъ настойчиво завязавшій дѣло съ авангардомъ противника, далъ понять Гергею, что передъ нимъ вся русская армія. Здѣсь, у Вайцена, произошло то, чего Паскевичъ предугадать не сумѣлъ. Гергей не пошелъ на югъ, къ Будапешту, а принялъ иное, очень смѣлое рѣшеніе: уклонившись отъ рѣшительнаго сраженія у Вайцена, Гергей вмѣсто того, чтобы идти на югъ, двинулся на сѣверо-западъ. " Венгерцы вошли въ горы, то есть пошли туда, гдѣ менѣе всего ихъ ожидать должно было и гдѣ они могли наиболѣе намъ причинить вреда и продлить кампанію ", - отмѣтилъ впослѣдствіи по этому поводу самъ фельдмаршалъ. Этимъ, чрезвычайно смѣлымъ маневромъ Гергей обходилъ русскую армію кругомъ, съ сѣвера, угрожая русскимъ сообщеніямъ и одновременно создавая себѣ возможность, идя по огромной дугѣ, прорваться на югъ и войти въ южную Венгрію, гдѣ онъ могъ соединиться съ частями венгерской арміи, дѣйствовавшими въ Трансильваніи.

Будетъ несправедливымъ видѣть недостатокъ военнаго дарованія у главнокомандующаго лишь въ томъ, что онъ не сумѣлъ предугадать намѣреній своего противника. Такимъ даромъ безошибочной прозорливости не обладалъ ни одинъ военный геній. Но признакъ военнаго таланта полководца несомнѣнно заключается въ томъ, чтобы своевременно принять рѣшеніе, отвѣчающее вновь создавшейся обстановкѣ и сохранить за собою иниціативу дѣйствій. Вотъ этой способности быстраго рѣшенія, послѣ " отрыва " Гергея отъ русскихъ главныхъ силъ, Паскевичъ и не обнаружилъ. Онъ остался стоять у Вайцена, а вслѣдъ за Гергеемъ послалъ небольшой отрядъ, съ приказаніемъ не отрываться отъ главныхъ силъ, и

лишь черезъ два дня двинулъ всю армію параллельно войскамъ Гергея. Если дѣйствія Гергея отмѣчены, въ данномъ случаѣ, искусствомъ маневра, то Паскевичъ, наоборотъ, обнаруживаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ нерѣшительность и неподвижность. Здѣсь интересно, между прочимъ, отмѣтить, что императоръ Николай Павловичъ въ одномъ изъ писемъ къ фельдмаршалу, еще задолго до дѣла у Вайцена, 4-го іюля, высказалъ мысль, что Гергей, чтобы избѣжать встрѣчи съ русскими, изберетъ тотъ путь, какой онъ и избралъ въ дѣйствительности послѣ Вайцена, и крупнымъ путемъ попытается уйти въ южную Венгрію. "Выждавъ твоего прихода подъ Пештъ, они / т.е. венгры, Ю.Т. / могутъ и еще ждать куда ты дальше пойдешь " - " обогнувъ уголъ Дуная, могутъ итти на Тисса-Фюредъ или Токай, однимъ словомъ, на Тейсу, избѣгая тебя и присоединивъ всѣ свои отдѣльныя силы. Тогда придется обратно переправляться и бѣжать за ними, ежели будетъ продовольствіе, не говоря уже о потери нашихъ сообщеній и госпиталей и проч.... Извини твоего стараго бригаднаго, что по присылкѣ тебѣ откровенно цѣлостью своего мнѣнія, можетъ быть и ошибочнаго, ты разсудишь, и рѣшишь, какъ заблагоразсудится " / Письмо отъ 27-го іюня 1849 г./.

Паскевичъ продолжалъ движеніе параллельно маршу венгерской арміи, разсчитывая у Дебречина перерѣзать ей путь. Движеніе русской арміи замедлялось громадными обозами и госпитальными транспортами. Имѣть большіе продольственные запасы для войскъ было однимъ изъ главныхъ правилъ фельдмаршала. Опасаясь встрѣчи съ главными силами русскихъ, Гергей продолжалъ двигаться на югъ / восточнѣе Дебречина / и, зная, что русскіе идутъ ему на перерѣзъ, онъ защитился небольшимъ заслономъ въ видѣ отдѣльнаго флаговаго отряда. 31-го іюля Паскевичъ вошелъ въ соприкосновеніе съ венграми. Предполагая, что передъ нимъ вся армія Гергея, фельдмаршалъ рѣшилъ атаковать ее. Въ то время, по замѣчанію одного изъ участниковъ этой кампаніи, "мы въ Венгріи воевали съ большими удобствами. Не ограничивались выгодами, предоставляемыми мѣстностію, а строили " подмостки ", на которыхъ предположено было пребывать главнокомандующему для наблюденія за ходомъ сраженія. Такія " подмостки " были сдѣланы для князя Паскевича у Дебречина въ предвидѣніи генеральнаго сраженія, но они не пригодились. Сопротивленіе венгерскаго заслона было упорно, но не долго. " Генеральнаго " сраженія не произошло, и главныя силы Гергея ускользнули отъ Паскевича еще разъ.

"Гергей знаетъ войну, и его можно только уничтожить маневрируя, а не сражаясь. Я его запру въ кольцо, хотя мнѣ и трудно маневрировать, имѣя за собой четыре тысячи повозокъ", - писалъ фельдмаршалъ государю по поводу дѣла у Дебречина. И въ письмѣ государя, написанномъ князю послѣ полученія отъ него донесенія о результатахъ дѣла у Дебречина, проглядываетъ уже чувство неудовольствія дѣйствіями фельдмаршала. " Жалѣю очень, что Гергей съ арміей своей ушелъ, и пойму только совершенно тогда, когда ты мнѣ лично объяснишь то, что здѣсь рѣдко понять можно... " , " нужно кончать кампанію С Л А В Н О , въ чемъ я не сомнѣваюсь ". Эта нотка неудовольствія, звучащая въ письмѣ

государя къ фельдмаршалу, тѣмъ болѣе понятна, что еще до сраженія у Дебречина императоръ Николай Павловичъ писалъ князю Паскевичу: " дай Богъ, чтобы удалось тебѣ настигнуть Гергея подъ Дебречинымъ и одержать рѣшительную побѣду; того требуетъ честь оружія нашего, и душевно этого желаю, дабы мой отецъ-командиръ приплелъ новые лавры къ прежнимъ ". " Не могу свыкнуться съ мыслью, чтобы Гергей, мимо прежде праваго, потомъ лѣваго фланга нашей арміи, могъ очертить столь огромный кругъ невозбранно и очутиться на югѣ, гдѣ соединиться съ прочими ихъ силами! Не дай Богъ такого результата противъ 120 тысячъ нашихъ храбрыхъ и несравненныхъ войскъ, тобою предводимыхъ ".

Итакъ, венгерская армія Гергея продолжала свое движеніе на югъ, ускользая отъ войскъ, предводимыхъ княземъ Паскевичемъ. Въ Варшавѣ, при дворѣ, ожиданія кампаніи достигли предѣла нервной напряженности. До слуха государя доходили разговоры о томъ, что князю Паскевичу едва ли удастся захватить Гергея и его армію. Но именно только такъ можно было с л а в н о закончить кампанію.

Счастливая звѣзда и на этотъ разъ сопутствовала прославленному фельдмаршалу. Входя въ южные предѣлы Венгріи, Гергей разсчитывалъ соединиться съ отрядомъ Бема. Но отрядъ этотъ былъ разбитъ незадолго передъ тѣмъ корпусомъ генерала Лидерса, дѣйствовавшимъ въ Трансильваніи отдѣльно отъ нашихъ главныхъ силъ. Утомительные большіе переходы, неудача ген. Бема въ Трансильваніи, да и цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ начали разлагать венгерскую армію. Части ея, мало по малу, стали расходиться по домамъ. Гергей рѣшилъ, что дальнѣйшую борьбу онъ вести уже не въ силахъ. 1-го августа 1849-го года въ окрестностяхъ Вилагоша 30-ти тысячная армія венгерскихъ повстанцевъ при 144 орудіяхъ сдалась окружившему ее корпусу генерала графа Ридигера. Венгерскимъ генераламъ и офицерамъ оставили ихъ оружіе. Гергей былъ отправленъ къ князю Паскевичу въ Гросъ-Вардейнъ, гдѣ въ главномъ штабѣ фельдмаршала плѣнникъ пользовался широкимъ и радушнымъ гостепріимствомъ.

Въ то время въ Варшавѣ неудовольствіе и безпокойство достигли крайнихъ предѣловъ, и, какъ видно изъ писемъ государя къ фельдмаршалу, составлялись новые планы и предположенія для славнаго окончанія войны. Неожиданной сдачи Гергея безъ боя никто въ Варшавѣ не предвидѣлъ. Тѣмъ большее впечатлѣніе она произвела. Всѣ придворныя интриги противъ Паскевича сразу прекратились, и уже никто изъ окружающихъ государя не осмѣливался повторять то, что говорилось открыто еще нѣсколько дней тому назадъ. Тогда же главнокомандующій послалъ своего сына, флигель-адъютанта князя Ф.И.Паскевича, съ первымъ извѣстіемъ о сдачѣ Гергея. Фельдмаршалъ писалъ: " Имѣю счастіе поздравить Ваше Императорское Величество съ окончаніемъ войны съ Венгріей. Гергей положилъ оружіе передъ Вашими войсками. Если смѣю дать мнѣніе, то пусть онъ у насъ живетъ, какъ трофей, означая, что передъ Вашими войсками положилъ оружіе и что единовременно, зная Ваше великодушіе, онъ рѣшился прекратить борьбу ".

Государь, получивъ это извѣстіе, отвѣчалъ князю: " Слава

и благодареніе тебѣ, мой любезный отецъ-командиръ. Ты достигъ вознагражденія за твою твердость, за твое терпѣніе. Что же мнѣ сказать тебѣ про то чувство, которое мною овладѣло при полученіи твоего радостнаго извѣстія? Я палъ на колѣни и благодарилъ Бога за то, что Онъ любитъ православную Россію, и благодарю тебя, Его орудіе, того, котораго вторично волѣ Его призвала на попраніе мятежа, и на сей разъ, къ счастью, безъ дальняго пролитія нашей драгоцѣнной русской крови ". - " Въ знакъ моей признательности и благодарности передъ Россіей и той арміей, которую ты велъ на новую славу, я приказалъ тебѣ отдавать вездѣ и въ моемъ присутствіи всѣ тѣ почести военныя, которыя уставомъ отпредѣлены моему лицу... "

Такимъ образомъ, окончаніе Венгерской кампаніи возвеличило князя Паскевича до царскихъ почестей. Въ русской арміи подобной награды удостоился нѣкогда лишь, дѣйствительно, великій Суворовъ. Вновь положеніе фельдмаршала упрочилось. Его военная репутація вновь пріобрѣла громкую славу, и отъ невыгоднаго впечатлѣнія, произведеннаго на современниковъ неудачами перваго періода кампаніи, не осталось и слѣда.

Трудно судить о личности князя Паскевича вообще и, въ частности, о его дѣятельности, какъ полководца, по тѣмъ оффиціальнымъ военно-историческимъ литературнымъ источникамъ, которые писались преимущественно при жизни князя, - слишкомъ уже они панегеричны. Болѣе объективной представляется намъ мемуарная литература, оставленная современниками. Изслѣдованіе этой литературы позволяетъ намъ сдѣлать нѣкоторые выводы.

Ко времени Венгерскаго похода въ 1849-мъ году князю Паскевичу было 67 лѣтъ. Уже въ теченіе двадцати съ лишнимъ лѣтъ онъ стоялъ во главѣ большей части нашихъ полевыхъ войскъ, или такъ называемой дѣйствующей арміи. Очень способный генералъ, онъ имѣлъ счастіе въ молодыхъ сравнительно годахъ, въ первые пять лѣтъ царствованія императора Николая I-го, достигнуть большой славы. Однако, при разсмотрѣніи его дальнѣйшей военной дѣятельности сѣнка ея приводитъ насъ къ убѣжденію, что Паскевичъ не обладалъ тѣмъ широкимъ военнымъ кругозоромъ, который является несомнѣннымъ признакомъ полководца " Божіей милостью". Въ войну съ венгерскими мятежниками мы застаемъ прославленнаго фельдмаршала коснѣющимъ въ принципахъ военнаго искусства, использованныхъ имъ еще 30 лѣтъ тому назадъ, въ Персидскую и Турецкую кампаніи, кампаніи, веденныя въ особыхъ условіяхъ, не говоря уже о томъ, что въ распоряженіи будущаго побѣдителя поляковъ и венгровъ находились закаленныя въ непрерывныхъ стычкахъ съ противникомъ и преисполненныя лучшихъ воинскихъ традицій войска кавказской арміи. Стратегическія принципы Паскевича сводились, въ сущности, къ двумъ неизмѣннымъ правиламъ - держаніи войскъ въ кулакѣ и организаціи интендантской части для обезпеченія этихъ войскъ продольствіемъ. И то и другое, конечно, весьма важно въ военномъ искусствѣ, но не только въ этомъ заключается вся суть стратегіи. Педантичное слѣдованіе Паскевичемъ указаннымъ двумъ принципамъ и создало тотъ " тормазъ ", который сдѣлалъ Венгерскій походъ не "ударомъ грома",

какъ того хотѣлъ императоръ, а превратилъ его въ медлительные переходы огромной арміи / 120 тысячъ /, снабженной многочисленными транспортами, мало способной къ маневрированію и не разъ упускавшей случай разбить Гергея. Правда, одно обстоятельство сильно связывало дѣйствія фельдмаршала: началась эпидемія холеры, отъ которой сильно страдала наша армія / отъ этой эпидеміи умерло за весь походъ до 10.000 человѣкъ /, но это не играло рѣшающей роли. Причины были глубже и ихъ слѣдуетъ искать въ самой личности 67-милѣтняго фельдмаршала.

Огромное самолюбіе, недовѣріе къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ и постоянное опасеніе потерпѣть неудачу, которая неблагопріятно отразилась бы на его военной репутаціи, постоянно держали Паскевича въ напряженномъ состояніи. Отсюда происходила, съ одной стороны, переоцѣнка имъ силъ непріятеля, съ другой, - недооцѣнка собственныхъ силъ. Всегдашнее желаніе князя держать въ кулакѣ побольше войскъ именно тамъ, гдѣ онъ командовалъ, и объясняется какъ разъ его боязнью риска и отвѣтственности. Въ запискахъ П.К.Менькова, капитана генеральнаго штаба, завѣдывавшаго военно-походной канцеляріей фельдмаршала Паскевича во время Венгерской войны, авторъ ихъ отмѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующій случай, поясняющій какъ разъ психологію такихъ слишкомъ амбиціонныхъ начальниковъ, Какъ то Какъ то капитану Менькову было поручено начальствованіе надъ небольшимъ конныхъ отрядомъ, выдвинутымъ впередъ къ Карпатамъ. Графъ Ридигеръ, командиръ 5-го корпуса, которому былъ подчиненъ тогда Меньковъ, опасаясь за цѣлость этого отряда, приказалъ ему вернуться, дабы не подвергать этотъ отрядъ опасности. Меньковъ съ отрядомъ вернулся и доложилъ графу, что противъ нихъ была небольшая партія венгровъ и что реальной опасности этотъ " ничтожный сбродъ " не представляетъ, Меньковъ проситъ разрѣшенія графа дать ему вновь двѣ сотни казаковъ, чтобы уничтожить непріятельскую партію. " Графъ на мои доводы, " - пишетъ Меньковъ, - " отвѣчалъ слѣдующими памятными мнѣ словами. - " Капитанъ, вы молоды, предложеніе ваше дѣлаетъ вамъ честь; но вамъ т е р я т ь н е ч е г о - въ случаѣ удачи хорошо, а не удастся, пропадете вы и сотни, - вся отвѣтственность падетъ на меня. Я, капитанъ, сорокъ пять лѣтъ служу государю моему, я графъ Русской Имперіи и мнѣ не приходиться рисковать быть разбитымъ какой-нибудь рухавкой, быть побѣжденнымъ какимъ-нибудь не окончившимъ курса студентомъ"./I/

Вотъ эти слова графа Ридигера, такъ откровенно выразившія чувство карьернаго эгоизма, могутъ объяснить и " психологію " князя Паскевича въ 1849-мъ году. Этимъ объясняется медлительность и нерѣшительность его дѣйствій противъ Гергея:

/I/ Генералъ-лейтенантъ П.К.Меньковъ /1814-1875/, окончилъ академію генеральнаго штаба, участникъ Венгерской кампаніи 1849 г. и Восточной войны 1853 - 1856 гг.. Впослѣдствіе былъ главнымъ редакторомъ " Военнаго Сборника " и Русскаго Инвалида. Имъ написаны " Записки Петра Кононовича Менькова, СПБ, 1898.

желаніе застраховать себя отъ риска возможной, хотя бы частичной, неудачи. Этимъ можно объяснить и то обстоятельство, что большое количество конницы , находившееся въ его распоряже - ніи, не было использовано въ полной мѣрѣ. Развѣдка конницей была поставлена очень слабо, и наши главныя силы дѣйствовали какъ бы въ слѣпую. Преслѣдованіе Гергея нашей кавадеріей послѣ дѣла у Вайцена было совершено не достаточно широко и энергично. Во всемъ этомъ былъ рискъ, а его и избѣгалъ фельдмаршалъ. Эта черта проглядываетъ въ фельдмаршалѣ уже въ Польскую кампанію 1831 года: его тогдашній начальникъ штаба, генералъ-адъютантъ графъ Толь отмѣтилъ: " фельдмаршалъ во всякой позиціи принимаетъ оборонительныя мѣры". Черта эта становится замѣтнѣе въ кампанію Венгерскую и особенно ясно обнаруживается позже, на склонѣ лѣтъ фельдмаршала, въ Восточную войну, когда послѣ нерѣшительныхъ дѣйствій подъ Силистріей, по его настоянію нами были оставлены Придунайскія княжества.

Аналогичнымъ примѣромъ " самосохраненія " своей военной репутаціи можетъ служить поведеніе князя Потемкина при осадѣ Очакова въ 1787 - 1788 гг. Избалованный счастіемъ, вознесшимъ его до небывалой высоты, князь морально сильно страдалъ, "впадая въ ипохондрію" и долго не рѣшаясь штурмовать эту крѣпость, отъ взятія которой зависѣло, въ извѣстной степени, его положеніе при дворѣ, дальнѣйшее довѣріе къ нему императрицы, награды и почести.

Если на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, въ Венгріи, событія развивались медленно и нерѣшительно, то походъ У-го пѣхотнаго корпуса генерала Лидерса въ Трансильванію представляетъ собою блестящій эпизодъ кампаніи. Прекрасно показала себя и сводная пѣхотная дивизія генерала Панютина, посланная княземъ Паскевичемъ, вопреки намѣреніямъ государя, въ распоряженіе австрійскаго главнокомандующаго Гайнау для спасенія Вѣны. Интересно отмѣтить, что посылка этой дивизіи изъ Кракова къ Вѣнѣ была совершена по желѣзной дорогѣ : то былъ первый опытъ переброски русскихъ войскъ по желѣзной дорогѣ.

Ю.А.ТОПОРКОВЪ.

ОСОБЫЯ ОТЛИЧІЯ ЗА ОЧАКОВЪ,

ИЗМАИЛЪ, ПРАГУ, ПРЕЙСИШЪ-ЭЙЛАУ И БАЗАРДЖИКЪ.

Приступая къ описанію этихъ рѣдкихъ отличій, считаю долгомъ выразить благодарность неутомимому Ю. А. ТОПОРКОВУ, отыскавшему и и снабдившему меня всей истрической документаціей. Прежде всего обращаю вниманіе читателей на спеціальное назначеніе описываемыхъ пяти офицерскихъ золотыхъ крестовъ: награждались ими офицеры, не заслужившіе за эти сраженія ордена Св. Георгія или ордена Св. Владиміра. Слѣдовательно, эти отличія, впослѣдствіи уже никогда не утверждавшіяся, могутъ быть на - званы " утѣшительными ".

Исключительная рѣдкость этихъ знаковъ отличій объясняется сравнительной малочисленностью войскъ, принимавшихъ участіе въ этихъ дѣлахъ. Съ отношеніи крестовъ можно съ увѣренностью сказать, что количество ихъ наврядъ ли превышало нѣсколько десятковъ за каждое сраженіе. Какъ выше было указано, наиболѣе отличившіеся получили ордена / ими же награждались и тѣ, кто пользовался особой протекціей /. Несомнѣнно, что крестами награждалась наиболѣе "сѣрая", бѣдная часть офицерства, которая, въ случаѣ нужды, продавала на сломъ золото, замѣняя золотые кресты бронзовыми позолоченными.

Относительно же солдатскихъ серебряныхъ медалей возникаютъ тѣ же предположенія: или онѣ продавались серебряныхъ дѣлъ мастерамъ, или, съ отпиленными ушками, шли въ обѣгъ, какъ рубли или полтинники, что я часто наблюдалъ въ Польшѣ передъ послѣдней войной. А развѣ мало встрѣчается въ коллекціяхъ орденовъ серебряныхъ, но позолоченныхъ. Слѣдовательно, даже въ наше время, необезпеченные матеріально, шли на такой компромиссъ. Кстати, познакомившись съ изображеніями нашихъ боевыхъ отличій въ "Собраніи Русскихъ Медалей", опубликованными Археографической Комиссіей, болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, мы убѣдимся, что очень немногіе суть оригиналы, т.е. съ ушками; иначе говоря, они были настолько рѣдки уже тогда, что замѣнялись новодѣлами / безъ ушковъ / въ нашихъ лучшихъ государственныхъ и частныхъ собраніяхъ.

I. Золотой знакъ и серебряная медаль за Очаковъ

6-го Декабря 1788 г.

Именной рескриптъ 14-го Апрѣля 1789 г., данный князю Потемкину-Таврическому.

Усердію къ службѣ, радѣнію въ должностяхъ и отличной храбрости Нашихъ генераловъ и другихъ чиновъ, подъ начальствомъ Вашимъ въ теченіе прошедшаго года, наипаче же при атакѣ и взятіѣ Очакова подвизавшихся, воздали Мы особливымъ Нашимъ Монаршимъ благоволеніемъ... Всѣмъ бывшимъ на штурмѣ очаковскомъ Офицерамъ, которые тутъ не получили орденовъ Нашихъ военнаго Святого Георгія и Святого Владиміра, пожаловали Мы знаки золотые для ношенія въ петлицѣ на лентѣ съ черными и желтыми полосами съ тѣмъ, что въ пользу награждаемаго таковымъ знакомъ убавляется три года изъ числа лѣтъ, положенныхъ для заслуженія ордена военнаго; и по прошествіи сего, долженъ онъ получить тотъ орденъ, яко за подвигъ. Равнымъ образомъ сію убавку въ срокѣ на полученіе военнаго ордена простираемъ и на тѣхъ, кои за выслуги ихъ при штурмѣ Очаковскомъ пожалованы Кавалерами ордена Святого Владиміра, соизволяя при томъ, чтобъ получающіе знаки 4-й степени сего ордена, за воинскіе подвиги, носили оные въ петлицѣ съ бантомъ, по образцу при семъ прилагаемому. Доставляемъ сверхъ того вамъ шесть крестовъ ордена Святого Георгія и восемь Святого Владиміра 4-й степени, на случай, если бы оказался кто-либо изъ Офицеровъ, въ росписи невнесенныхъ, но въ дѣлѣ

помятомъ отличившихся... Нижнимъ чинамъ и рядовымъ, на штурмѣ Очаковскомъ бывшимъ, за храбрость ихъ, Всемилостивѣйше жалуемъ серебряныя медали;... Наградивъ такимъ образомъ подвизавшихся подъ Вашимъ руководствомъ, обращаемся къ вамъ, повторяя Наше особливое благопризнаніе.... почтили Мы васъ знакомъ I-й степени военнаго Нашего ордена.... жалуемъ вамъ фельдмаршальскій повелительный жезлъ, алмазами и лаврами украшенный.. и въ память онымъ сдѣлать медаль ". / Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. Томъ XXIII, Іо.756. - Ю.Т. /.

Оба эти отличія описаны въ каталогѣ Смирнова подъ №№ 310 и 311. Въ " Собр. Русск. Мед. ", Іо40 г. - описаны подъ №№ 208 и 210, но оба изображены безъ ушковъ. Лента, на которой носилась солдатская медаль, въ рескриптѣ не указана; разные источники приписываютъ медали разныя ленты: и георгіевскую, и андреевскую, и александровскую.

Описаніе по Смирнову № 310: Въ память взятія Очакова /въ выноскѣ: Офицерскій крестъ, концы креста закругленные, выбивался изъ золота /. Лицев. стор.: Надпись по срединѣ креста, въ овальной рамкѣ: " За службу / и / храбрость ". Оборотная сторона : Надпись по срединѣ креста въ овальной рамкѣ: " Очаковъ / взятъ . 6 . / декабря / 1788." Длина и ширина I 13/16 дюйма.

№ 311: На то же событіе / въ выноскѣ: наградная медаль для нижнихъ чиновъ. Медаль овальная, заостренная, выбивалась изъ серебра /. Лицев. стор. Вензель императрицы Екатерины II, снизу украшенный лавровой и пальмовой вѣтвями. Оборотная стор.: Надпись: " За / храбрость / оказанную / при / взятьѣ / Очакова / декабря / 6. дня / 1788 . " Длина I 5/6 ширина I 1/8 дюйма.

II. Золотой знакъ и серебряная медаль за Измаилъ

II Декабря 1790 г.

Именной указъ, данный Кавалерской Думѣ орд. Святого Георгія 26 Ноября 1791 г.

Въ рескриптѣ Нашемъ, данномъ 25 Марта сего года покойному Генералъ-Фельдмаршалу князю Потемкину-Таврическому при пожалованіи различныхъ знаковъ милости Нашей Генераламъ и прочимъ чинамъ, оказавшимъ мужественные подвиги при взятьи приступомъ города и крѣпости Измаила съ истребленіемъ арміи Турецкой, тамъ находившейся, между прочимъ изображено такъ: " изъ отличившихся при взятьи Измаила Штабъ и Оберъ Офицеровъ, такимъ, коихъ произвожденіе зависитъ отъ власти Нами вамъ данной, Мы предоставляемъ вамъ слѣдующіе чины объявить съ одобрительнымъ листомъ, каждому означающимъ службу его , убавляя срокъ, къ полученію военнаго ордена Святого Георгія положенный, сходно съ рескриптомъ Нашимъ отъ I4-го Апрѣля 1789 г. и съ дачею каждому же золотого знака по образцу, На-

ми утвержденному ". Распространяя сію убавку лѣтъ, въ сходство помянутаго рескрипта и на тѣхъ, которые отъ Насъ орденъ Святого Владиміра получаютъ, о чемъ Кавалерской Думѣ военнаго Нашего ордена для надлежащаго исполненія симъ знать даемъ". / Полное Собр. Закон. Россійской Имп., Т., XXIII, 16.999, въ приложеніи, Ю.Т. /

Упоминаемаго въ вышеприведенномъ указѣ именного рескрипта кн.Потемкину-Таврическому отъ 25-го марта 1791 г.,къ сожалѣнію въ Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. нѣтъ. Какъ я понимаю, въ силу указа, награжденіе золотымъ знакомъ влекло за собою производство въ слѣдующій чинъ. Въ трудѣ М. Ю. Гаршина указано, что крестъ и медаль за взятіе Измаила установлены указомъ отъ 31-го марта 1792 г. / ? /. Оба эти отличія описаны въ каталогѣ Смирнова подъ №№ 318 и 319. Въ " Собр. Рус. Мед. ", 1840 г.- описаны подъ №№ 213 и 214, но оба изображены безъ ушковъ. Ленты - георгіевскія.

Описаніе по Смирнову: № 318: Въ память взятія Измаила / въ выноскѣ: Офицерскій крестъ, концы закругленные; выбивался изъ золота /. Лицевая сторона: По срединѣ креста, въ овальной рамкѣ - надпись: " за / отмѣнную / храбрость ". Оборотная сторона: по срединѣ креста, въ овальной рамкѣ надпись: " Измаилъ / взятъ / декабря II /1790 . " Длина и ширина I 7/8 .

На то же событіе / въ выноскѣ: наградная медаль для нижнихъ чиновъ; медаль овальная, выбивалась изъ серебра /.№ 319: Лицевая сторона: Вензель Императрицы Екатерины II. Оборотная стор.: Надпись: " За / отмѣнную / храбрость / при / Взятье / Измаила / декабря II . / 1790 . " Длина I 3/8, ширина I 3/16 дюйма.

III. Золотой знакъ за Прагу и серебряная медаль за Прагу и Польскую войну 1794 г. Прага взята 24 октября 1794г.

До сихъ поръ, во всѣхъ источникахъ, указывалось, что описываемые здѣсь, какъ крестъ, такъ и солдатская серебряная медаль, были установлены только для участниковъ штурма Праги. Благодаря опубликованію нижеприводимаго рескрипта въ нашу отечественную медалистику вводится существенная поправка: солдатская медаль выдавалась не только участникамъ взятія Праги, но и всѣмъ прочимъ, " кои въ теченіи дѣйствіи оружія Нашего на укрощеніе мятежа въ Польшѣ произведенныхъ, находились въ разныхъ сраженіяхъ " и т.д.

Именной рескриптъ, данный 1-го Января 1795 г., Генералу-Фельдмаршалу Графу Румянцеву-Задунайскому.

Предварительно Мы вамъ сообщили, съ какимъ удольствіемъ приняли извѣстіе о взятіи укрѣпленій Прагскихъ и вслѣдъ затѣмъ о покореніи самой Столицы Польской, Варшавы, оружію нашему. Получивъ нынѣ подробные донесенія о сихъ знаменитыхъ происшествіяхъ, а вмѣстѣ съ совершеннымъ уничтоженіемъ силъ мятежническихъ, въ руки Наши отдавшихся, усматриваемъ тутъ и паче слѣдствія добрыхъ и искусныхъ распоряже -

ніи Главнаго Начальства, усердіе и храбрость всѣхъ отъ мала до велика, намъ служащихъ, при помощи Божьей столь славными успѣхами увѣнчанныя, - Мы воздаемъ онымъ Нашею особливою Монаршею милостію и благопризнаніемъ, какъ то въ росписи у сего приложенной означено, предоставляя вамъ учинить надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе о тѣхъ чинахъ, коихъ произвожденіе зависитъ отъ власти, Нами вамъ данной, и коихъ гласные подвиги достойны особаго уваженія. Всѣмъ бывшимъ дѣйствительно на штурмѣ Прагскомъ Штабъ и Оберъ-Офицерамъ, которые тутъ не получили орденовъ военнаго Святого Георгія и Святого Владиміра, жалуемъ золотые знаки для ношенія въ петлицѣ на лентѣ съ черными и желтыми полосами, съ тѣмъ, что въ пользу награждаемаго таковымъ знакомъ убавляется три года...../ объ орд. Св. Георгія и Св. Владиміра /... Что касается до нижнихъ чиновъ и рядовыхъ, какъ въ семъ штурмѣ мужественно подвизавшихся, такъ и прочихъ, кои въ теченіе дѣйствій оружія Нашего на укрощеніе мятежа въ Польшѣ произведенныхъ, находилися въ разныхъ сраженіяхъ, Всемилостивѣйше уважая ихъ усердіе и храбрость воинству Россійскому сродную и многіе труды ими подъятые, жалуемъ всѣмъ таковымъ, разумѣя и тѣхъ, которые въ войскахъ подъ начальствомъ Генерала Князя Рѣпнина въ различныхъ противу непріятеля сраженіяхъ дѣйствительно находилися, серебряныя медали съ надписью: " За труды и храбрость " для ношенія въ петлицѣ на красной лентѣ, которая по сдѣланіи и собраніи вѣдомостей, велѣно отъ Насъ доставить немедленно....." / Полн. Собр. Закон. Рос.Имп. Гл. XXIII, 17.287 - Ю.Т. /

Оба эти отличія описаны въ каталогѣ Смирнова подъ №№ 326 и 327/а. Въ " Собр. Русск. Мед. " 1840 г. - Офицерскій крестъ НЕ описанъ, а медаль описана подъ № 324; слѣдовательно - крестъ НЕ изображенъ, а медаль изображена, но съ ушкомъ -параллельнымъ, а на моей медали - ушко перпендикулярное и большое.

Описаніе по Смирнову: № 326: За взятіе Праги / въ выноскѣ: офицерскій крестъ, выбивался изъ золота, углы концовъ креста слегка закруглены /. Лицев. сторона: По срединѣ креста въ овальной рамкѣ - надпись: " За / труды / И / храбрость. " Оборотн. стор.: По срединѣ креста въ овальной рамкѣ - надпись: " Прага взята / октября 24 / 1794. " Длина и ширина I 13/16 д.

На то же событіе / въ выноскѣ: наградная медаль для нижнихъ чиновъ, выбивалась изъ серебра. Медаль квадратная съ округленными углами /. Лицев. стор.: Вензель Императрицы Екатерины II. Оборотн. стор.: Надпись: " за / труды / и / храбрость / при взятье Праги / октября 24 / 1794 г. "

Длина и ширина I 3/8 д.

IУ. Золотой знакъ за Прейсишъ-Эйлау. 27 Января 1807 г.

Объ установленіи этого чрезвычайно рѣдкаго отличія ни у кого сомнѣній не было, но лишь благодаря кропотливымъ изысканіямъ Ю.А.Топоркова теперь, съ несомнѣнностью установлено, что крестъ этотъ и выдавался, и носился, что и подтверждается: I/ документомъ, за подписью гр. Беннигсена, отъ 30-го Ноября 1807 г. / См. "Русск. Архивъ" 1873 г. стр. 858-9; 2/ См."Двѣнадцатый годъ. Историч. документа собственн. канцеляріи Главкоманд. 3-ю Западн. Арм. Генер.-отъ-Кавал. А.П.Тормасова" СПБ. 1912, стр. 699; 3/ См. "Русск. Архивъ" 1873 г. стр.133, "Изъ воспоминаній Н.А.Дивова", и т.д. А еще такъ, сравнительно,недавно, въ столь оффиціозномъ источникѣ, какъ каталогъ Смирнова, при описаніи этого креста / въ выноскѣ / авторитетно заявляется: "По повелѣнію Императора Александа I, розданъ не былъ, предназначался для награжденія офицеровъ .. /

Именной указъ, данный 31 - го Августа 1807 года Кавалерской Думѣ Военнаго Ордена Святого Георгія.

Въ ознаменованіе отличнаго мужества и храбрости; оказанныхъ въ сраженіи 27 Генваря сего года при Прейсишъ -Эйлау, офицерамъ арміи Нашей, всѣмъ тѣмъ, кои не получили орденовъ Военнаго Святого Георгія и Святого Владиміра, по представленію Главнокомандующаго, къ полученію знака отличія - жалуемъ золотые знаки, для ношенія въ петлицѣ на лентѣ съ черными и желтыми полосами, съ тѣмъ, что въ пользу награждаемаго таковымъ знакомъ, убавляется три года службы, какъ полученію Военнаго Ордена, такъ и пенсіона".

/ Полн. Собр. Закон. Росс. Имп., Т. ХХIУ, 22.606. Ю.Т.

Этотъ знакъ описанъ въ каталогѣ Смирнова подъ № 354. Въ "Собр. Русс. Мед." 1840 г. описанъ и изображенъ подъ № 276. Описаніе по Смирнову: № 354: Крестъ за побѣду при Прейсишъ - Эйлау / въ выноскѣ: по формѣ крестъ подобенъ № 351 /т.е.-Знаку отличія военнаго ордена. ВР./, но большаго размѣра. По повелѣнію Императора Александа I розданъ не былъ, предназначался для награжденія офицеровъ ./ Лицев. сторона: на срединѣ креста съ уширенными концами въ кругѣ - надпись: "За / труды / и / храбрость". Оборотн. стор.: по срединѣ креста въ кругѣ - надпись: "Побѣда / при Прейш - / Эйлау. / 27 ген:/ 1807 г."

Длина и ширина I 1/2 д.

У. Золотой знакъ и серебряная медаль за Базарджикъ.

22 мая 1810 г.

Высочайшій приказъ 13-го іюня 1810 г.- Его Императорское Величество, за отличную храбрость и усердіе оказанные при штурмѣ Базарджика корпусомъ войскъ подъ начальствомъ Генералъ - Лейтенанта Графа Каменскаго I-го Всемилостивѣйше жалуетъ Штабъ и Оберъ-Офицерамъ, неполучающимъ кавалерскихъ орденовъ

золотые знаки отличія, кои прибавляютъ каждому три года службы къ полученію военнаго Ордена и пенсіона, а всѣмъ нижнимъ чинамъ серебряныя медали для ношенія въ пелицѣ на Георгіевской лентѣ.

/ Полн.Собр.Закон.Росс.Имп., Т. XXXI, 24.258. Ю.Т. /

Сба эти отличія описаны въ каталогѣ Смирнова подъ №№ 363/б и 363/а. Въ " Собр. Русск. Мед. " 1840 г. крестъ - не описанъ, а медаль - описана и изображена съ ушкомъ подъ № 285.

Описаніе по Смирнову: № 363/б. За взятіе Базарджика /въ выноскѣ: офицерскій крестъ/. Лицев. стор.: Крестъ съ уширенными раздвоенными концами. На срединѣ креста, въ кругѣ - надпись: " За / отличную / храбрость ". Оборот.стор.: Надпись въ кругѣ: " При / взятіи / приступомъ / Базарджика / 22 маія / 1810 г. " Длина и ширина I 11/16 д.

На то же событіе / въ выноскѣ: для нижнихъ чиновъ /. Лиц. стор.: Погрудное изображеніе Императора вправо. - Надпись " Александръ I. Имп. Всеросс. " Внизу: C.Lebrecht, f " Обор. стор.: Надпись:"За / отличіе / при взятіи / приступомъ / Базарджика / 22 маія / 1810 г. " / по окружности бусы / / въ выноскѣ: медаль приготовлялась изъ серебра /.

VI. Серебряная наградная медаль " За вѣрность ".

Надѣюсь, что редакція не откажетъ въ просьбѣ помѣстить описаніе этой рѣдкой, загадочной медали, несомнѣнно выбитой въ " потемкинскій " періодъ золотого вѣка Екатерины.

Въ каталогѣ Смирнова она не упомянута, слѣдовательно, Штемпеля не существуютъ. Въ " Собр. Русск. Мед. " - она описана и изображена, подъ № 198, - съ ушкомъ, съ припиской, на которую обращаю вниманіе читателей: " медаль выбита для ношенія въ петлицѣ и роздана п о т о м у ж е с л у ч а ю. " Хронологически она помѣщена между медалями 1783 года.

Описаніе: Лицев. стор.Вензель Императрицы Екатерины II подъ Императорской короной. Оборотн. стор.: Надпись: " За / вѣрно / сть ".

Медаль овальная, по овалу - линіи, высота I 13/32 д. ширина I 5/32 д.

Назначеніе этой медали было неясно. Но еще въ концѣ 1945 г. нашъ военно-морской историкъ, С.В.Гладкій - писалъ мнѣ: " Между прочимъ у Гаршина пропущена одна медаль за боевыя дѣйствія, а именно овальная медаль для нижнихъ чиновъ на Андреевской лентѣ за экспедицію къ крѣпости Анапа 1790 г. У меня есть изображеніе. Надпись " За вѣрность ". Изъ этого я заключилъ, что эта медаль относится, по словамъ С.В.Гладкаго, къ экспедиціи гр. Гудовича, взявшаго кр. Анапу 21 Іюня 1791 г., хотя... надпись " За вѣрность " какъ то странно звучала и казалась несовсѣмъ подходящей. Черезъ три года другой ярый собиратель, П.В.Пашковъ, шлетъ мнѣ о медали " За вѣрность " - выписку изъ книги А.Н.Фатѣева " Потемкинъ-Таврическій " изд. Русск. Учен. Комиссіи. Прага. 1945 г. стр. 122: " ... обык-

новенно за солдатъ получаетъ награду начальникъ, кромѣ выдающихся солдатскихъ подвиговъ. Но бываетъ иногда такъ, что въ дурныхъ распоряженіяхъ виновенъ начальникъ. Они явились причиной неуспѣха, а не солдаты. Иногда несчастная случайность. Такъ, напримѣръ, было при первой диверсіи къ Анапѣ. Чтобы поддержать духъ солдатъ, сказавшихся на высотѣ боевыхъ качествъ, Потемкинъ приказываетъ выбить медаль съ надписью " За вѣрность " и раздать ее участникамъ неудачной бибиковской экспедиціи. -

Въ этомъ случаѣ медаль должна была быть выбита не въ 1790 г., а въ 1789 г. Но ... надпись-то? И посмѣлъ ли бы, даже самъ Потемкинъ, " приказывать " выбить медаль - это было только во власти Императрицы.

Мнѣ кажется, что эта медаль была выбита гораздо раньше и съ совершенно иной цѣлью, Въ Энциклопедич. Словарѣ изд. Брокгаузъ-Эфронъ, томъ XVIII-а, на стр. 856-8 въ статьѣ о медаляхъ - напечатано: " .... при Екатеринѣ II установлена была медаль для награжденія нижнихъ чиновъ л е г к о й конницы, прослужившихъ болѣе 3-хъ лѣтъ сверхуказаннаго, для этого войска, 15-ти лѣтняго срока".

Потемкинская реформа кавалеріи имѣла мѣсто именно въ 1783 г. / см. хронологическое помѣщеніе этой медали въ " Собр. Русск. Мед." - указанное выше / и потому, по моему мнѣнію, медаль " За Вѣрность " и есть та, о которой говорится въ Энцикл. Словарѣ, да и надпись / " За Вѣрность " и " За вѣрную службу" и т. п. / болѣе близка - къ ея назначенію. Всѣ описанныя въ этой статьѣ отличія - находятся въ моемъ собраніи. -

Владиміръ фонъ Рихтеръ.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧАНІЕ

ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

Въ русской исторіи можно отмѣтить характерное явленіе: каждый разъ, когда въ военномъ спорѣ со своими врагами Россія одерживала рѣшительную побѣду, на международной сценѣ немедленно появлялась западно-европейская дипломатія, стремившаяся смягчить, а то и вовсе устранить тяжкія, но, какъ будто бы, совершенно неизбѣжныя для враговъ Россіи послѣдствія русской побѣды. Въ большинствѣ случаевъ эта вредная для Рос-

---

х / По сообщенію Ю.А.Топоркова с медали " за вѣрность", выданной участникамъ похода Бибикова къ Анапѣ въ 1790 году, упоминаетъ Богдановичъ въ своемъ трудѣ: " Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турціи". СПБ. 1852. Упомянуто о ней и въ біографич. очеркѣ о Юр.Богд.Бибиковѣ, напечатанномъ въ III томѣ Русск. Біогр. Словаря.

сіи дѣятельность европейской дипломатіи увѣнчивалась успѣхомъ. Прискорбно, но несомнѣнно, что русская дипломатія не умѣла отстаивать и закрѣплять достиженія русской стратегіи. Наши военныя побѣды сплошь да рядомъ завершались дипломптическими пораженіями и русская кровь оказывалась пролитой хотя и во славу русскаго оружія, но не на пользу отечества.

Наблюдается еще и другое не менѣе показательное явленіе : недобросовѣстные западно-европейскіе историки стараются, какъ только могутъ, развѣнчать славныя побѣды русскаго оружія и объяснить ихъ какими - то превходящими случайными обстоятельствами, якобы благопріятствовавшими русскимъ и неблагопріятствовавшими ихъ врагамъ. Очевидно, "гордый взоръ иноплеменный" оскорбляютъ эти наши русскія побѣды. " Какъ это такъ! " - думаетъ европеецъ: " Эти русскіе варвары, полу-дикари, оказываются вдругъ побѣдителями культурныхъ, цивилизованныхъ европейскихъ народовъ! Не можетъ этого быть! " - Въ итогѣ такой псевдо-научной предпосылки славнѣйшія событія нашей военной исторіи умышленно замалчиваются, а то и попросту искажаются до неузнаваемости и абсурдности. Такъ напримѣръ, мы уже привыкли слышать, что Суворовъ былъ разбитъ Массеной подъ Цюрихомъ. Хотя въ дѣйствительности, какъ намъ извѣстно, въ сраженіи подъ Цюрихомъ 25-го и 26-го сентября 1799-го года Массена разбилъ Римскаго-Корсакова, а вовсѣ не Суворова, что, конечно, не одно и то же для нашего русскаго самолюбія. Въ одномъ энциклопедическомъ словарѣ сраженіе подъ Прейсишъ-Эйлау между русскими и французами 8-го февраля 1807-го года названо побѣдой Наполена, хотя хорошо извѣстно, что послѣ этой наполеоновской " побѣды " на парижской биржѣ произошла настоящая паника. Мы знаемъ, что, въ дѣйствительности, Беннигсенъ, понеся значительныя потери, не спѣша отступилъ съ поля сраженія, въ то время, какъ Наполеонъ, не смѣя его преслѣдовать, простоялъ на мѣстѣ девять сутокъ /./, въ первый разъ, можетъ быть, испытывая разочарованіе и въ самомъ себѣ и въ своихъ солдатахъ. Когда вечеромъ, послѣ сраженія императоръ объѣзжалъ сильно порѣдѣвшіе ряды своихъ войскъ, то въ одной изъ лучшихъ частей дивизіи Сентъ - Илера вмѣсто установленнаго привѣтствія - " да здравствуетъ императоръ. " - ему крикнули - " да здравствуетъ миръ! "

Подъ словомъ " Бородино " въ томъ же энциклопедическомъ словарѣ значится:" русская деревня между Москвой и Смоленскомъ, гдѣ была дана, 7-го сентября 1812-го года, кровопролитная битва, такъ называемая " московская " / дит де ла Москова / ". Здѣсь хоть нѣтъ лжи. Но зато не сказано всей правды, и очень важной правды. Во первыхъ, не указано, что это сраженіе произошло между Великой Арміей Наполеона и русскими. Во-вторыхъ, умолчено, что въ немъ, по существу, не оказалось ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. Самъ Наполеонъ считалъ Бородинское сраженіе безрезультатнымъ: русская армія, встрѣчи съ которой такъ искалъ императоръ, не была имъ разбита. Однако,ложь о Бородинѣ мы найдемъ вѣдругомъ мѣстѣ, если полюбопытствуемъ

узнать, кто такой былъ Кутузовъ, противникъ Наполеона. " Кутузовъ / Мишель /", - читаемъ мы, - " русскій генералъ, родившійся въ Силезіи, побѣжденъ подъ Москвой ". И это послѣ того, какъ самъ Наполеонъ писалъ въ своихъ мемуарахъ: " Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвой. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми ".

Было бы ошибочно думать, что въ какихъ либо другихъ иностранныхъ энциклопедическихъ словаряхъ событія русской военной исторіи освѣщены съ большею правдивостью и объективностью. Коль скоро рѣчь заходитъ о Россіи, вся Европа становится нарочито и сугубо лжеязычной. Сказывается въ этомъ лжеязычіи основанная на страхѣ, корысти и зависти непріязнь, которую Западная Европа съ незапамятныхъ временъ питала къ Восточнымъ Славянамъ. Непріязнь эта имѣетъ историческую традицію: она завѣщана Западной Европѣ рыцарями Тевтонскаго ордена, рыцарями ордена Меченосцевъ и Шведами - этими лютыми ненавистниками Древней Руси. Съ тѣхъ поръ, какъ русскіе славяне создали самостоятельное государство, русская экспансія къ берегамъ Балтійскаго моря неизмѣнно встрѣчала самое рѣшительное противодѣйствіе со стороны всѣхъ Европейскихъ державъ, не желавшихъ усиленія морской акціи Россіи. Сильная Россія, Россія - морская держава, не со вчерашняго дня стала какимъ-то обще-европейскимъ кошмаромъ. И кошмаръ этотъ, постепенно, изъ полу-призрачныхъ видѣній Древней Московіи, превратился въ явь, облеченную въ плоть съ очень горячей кровью. когда на престолѣ московскихъ Царей появился младшій сынъ Царя Алексѣя Михаиловича, - Царь Петръ. Ставъ вполнѣ самостоятельнымъ и свободнымъ въ своихъ рѣшеніяхъ послѣ кончины царицы - матери, Наталіи Кирилловны, молодой царь нѣсколькими смѣлыми ударами разрушилъ затхлый и прогнившій бытъ Древней Московіи и на его развалинахъ началъ строить цивилизованное европейское государство. Задача была дерзка, грандіозна, но, какъ мы знаемъ, она оказалась по плечу царю Петру - этому подлинному дерзновенцу и генію. Давъ своему государству европейское обличіе, Петръ пожелалъ ввести его полноправнымъ членомъ въ семью Европейскихъ державъ. Молодой царь былъ еще очень далекъ отъ мысли создать изъ Московскаго царства великую Россійскую Имперію, но, тѣмъ не менѣе, его всецѣло поглотила идея свободныхъ выходовъ къ морю. Попытка упрочиться на берегахъ Чернаго моря окончилась неудачей не столько потому, что Турція, поддержанная могущественной Франціей, оказала сильное сопротивленіе, но потому, главнымъ образомъ, что Черное море было далеко и держать съ нимъ постоянную связь Петръ не могъ, какъ ни хотѣлъ. Забывъ на время о благодатномъ югѣ, царь устремилъ свой взоръ на Балтійское побережіе, туда, куда съ такимъ же вожделѣніемъ смотрѣлъ уже царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Петръ и началъ войну со Швеціей сознательно продолжая эту исторически - русскую политику Грознаго. Сѣверная война началась въ 1700 - мъ году Нарвскимъ разгромомъ - самой крупной военной неудачей Петра, а закончилась въ 1721-мъ году Ништадтскимъ миромъ - его самой боль-

ной дипломатической побѣдой. Война эта, длившаяся 21 годъ, захватила лучшіе творческіе годы жизни Петра и ее можно считать дѣломъ всей его жизни, его подвигомъ, дѣломъ огромнаго положительнаго значенія для всей послѣдующей великодержавной политики Россіи. Но центральнымъ и рѣшающимъ событіемъ Сѣверной войны была, конечно, славная Полтавская " викторія ", окончательно надорвавшая силы Швеціи, а Россіи позволившая занять видное мѣсто въ концертѣ великихъ Европейскихъ державъ.

Полтавское сраженіе, какъ событіе огромнаго военно-политическаго значенія, невозможно освѣтить внѣ его связи съ военными и политическими событіями, ему предшествовавшими и за нимъ послѣдовавшими. Во-первыхъ, Полтавское сраженіе - блестящій итогъ всей преобразовательной дѣятельности царя Петра и, въ особенности, - его военныхъ реформъ. Во-вторыхъ, это -козырная карта его международной политической игры, его дипломатіи. Положительныя послѣдствія Полтавской побѣды оказались для Россіи столь многочисленные, что превысили даже надежды самого царя Петра.

Петръ началъ Сѣверную войну въ ссюзѣ съ польскимъ королемъ и курфюрстомъ саксонскимъ Августомъ II-мъ и датскимъ королемъ Христіаномъ У-мъ. Это были плохіе союзники, но на худой конецъ и сни годились. Между тѣмъ, король шведскій,Карлъ XII-й, несмотря на свою молодость и нѣкоторое юношеское легкомысліе, оказался талантливымъ полководцемъ. Въ 1700-мъ году онъ молніеноснымъ ударомъ разгромилъ подъ Копенгагеномъ датскія войска и, освободившись, такимъ образомъ, отъ одного изъ противниковъ, направился къ Нарвѣ, осажденной русскими. Въ томъ же году, 19-го ноября / по новому стилю 30-го / сорокатысячная русская армія потерпѣла подъ Нарвой жестокое пораженіе отъ восьмитысячнаго шведскаго корпуса. Удовлетворенный столь легкой побѣдой, король Карлъ счелъ царя Петра вышедшимъ изъ войны. Онъ даже не преслѣдовалъ русскихъ и не намѣревался идти въ предѣлы Россіи. Собравъ свою армію, шведскій король бросилъ ее теперь противъ третьяго своего врага - Августа II-го. Съ точки зрѣнія военнаго искусства, военной науки, Карлъ поступилъ, пожалуй, правильно; но онъ не зналъ, да и не могъ знать, самаго главнаго, что въ лицѣ московскаго царя-варвара онъ встрѣтился на свое несчастіе съ геніальнымъ полководцемъ и геніальнымъ государственымъ дѣятелемъ.

Неудачи только увеличивали и безъ того кипучую энергію Петра. Нарвскій разгромъ не былъ для него неожиданностью. Царь хорошо видѣлъ всѣ недостатки своей военной системы и принялся ихъ теперь исправлять. Все надо было передѣлывать заново. И пока Карлъ воевалъ съ Августомъ, легкомысленно повернувшись спиной къ русскимъ, Петръ успѣлъ привести въ порядокъ свою армію. Ей не хватало еще боевого опыта, но она вскорѣ пріобрѣла его въ малыхъ бояхъ. Царь Петръ разсудилъ правильно: пусть пока побѣждаетъ шведовъ большимъ числомъ, потомъ научатся побѣждать одинъ на одинъ.

Послѣ пораженія подъ Нарвой русскія войска подъ водительствомъ самого царя, Меншикова и Шереметева одержали цѣлый рядъ

побѣдъ. Это подняло духъ солдатъ. Въ 1701-мъ году, 29-го декабря, Шереметевъ разбилъ шведовъ при Эрестферѣ. Въ 1702-мъ году онъ удачно дѣйствовалъ въ Ливоніи противъ западнаго корпуса Шлиппенбаха, въ то время, какъ самъ царь съ главными силами находился въ Ингріи. Въ томъ же году русскіе взяли крѣпости Нотебургъ и Ніеншанцъ, а 1 - го іюля Шереметевъ одержалъ блестящую побѣду надъ Шлиппенбахомъ при Гумельсгофѣ. Въ іюнѣ и іюлѣ 1704-го года были взяты крѣпости Дерптъ и Нарва. Въ 1705-мъ году, лѣтомъ, русскія войска вступили въ Курляндію и нанесли пораженіе корпусу Левенгаупта. 18-го октября 1706-го года Меншиковъ одержалъ побѣду надъ Марденфельдомъ подъ Калишемъ.

Изъ этой краткой хронологической сводки нетрудно заключить, что послѣ Нарвы Сѣверная война приняла для русскихъ вполнѣ благопріятный оборотъ.

Къ сожалѣнію, совершенно иначе складывались обстоятельства внутри страны. Война истощала всѣ отрасли государственнаго хозяйства, налоги росли, народъ бѣднѣлъ и даже нищалъ и, конечно, волновался. На окраинахъ государства эти волненія принимали, порою, очень серьезный характеръ, и царю Петру приходилось подавлять ихъ самыми рѣшительными и жестокими мѣрами. Въ 1704-мъ году возстали башкиры, къ которымъ вскорѣ присоединились татары, черемисы, вотяки и чуваши. Это возстаніе прикамскихъ инородцевъ было подавлено военной силой только весною 1708- го года. Революціонное броженіе началось и въ Астрахани и было направлено противъ чрезмѣрныхъ налоговъ, разорявшихъ всѣ классы населенія. Возстаніе охватило нѣсколько городовъ по Яику, Тереку и Волгѣ и было усмирено Шереметевымъ въ мартѣ 1706-го г. Въ 1707 - мъ году вспыхнулъ на Дону бунтъ атамана Кондратія Булавина, подавленный съ чрезмѣрной жестокостью въ 1708-мъ году.

Въ 1706-мъ году Карлъ XII-й выгналъ Августа II-го изъ Польши и принудилъ его заключить миръ. Окончивъ войну съ Польшей и Саксоніей, шведскій король сталъ готовиться къ единоборству съ Петромъ. Карлъ, повидимому, все еще не отдавалъ себѣ отчета, какого страшнаго противника имѣетъ въ лицѣ царя Петра.

Между тѣмъ, сознаніе нависшей надъ Россіей опасностью удвоило энергію русскаго царя. Весь 1707-й годъ прошелъ въ подготовкѣ къ рѣшительной встрѣчи съ Карломъ. Въ концѣ 1707-го года шведскій король двинулъ свою армію на Россію. Онъ настолько былъ увѣренъ въ легкой побѣдѣ, что даже не создалъ какого-либо плана кампаніи. Онъ хотѣлъ разбить русскихъ на границѣ, но русскіе отступили, не принявъ боя. Карлъ направился было на Сѣверъ, но неожиданно повернулъ на Смоленскъ, - кратчайшій путь на Москву. Если у Карла XII-го не было опредѣленнаго стратегическаго плана войны съ Россіей, то у него оказался прелюбопытный планъ политическій, который во многомъ напоминаетъ намъ нѣчто весьма современное. Карлъ дѣлалъ ставку на центробѣжные элементы Русскаго государства, главнымъ

образомъ, - на бунтующій Донъ / Булавинъ / и Малороссію / Мазепа /. Шведскій король задумалъ не только оторвать русскія окраины, но и расчленить саму Россію, предварительно свергнувъ съ московскаго престола царя Петра, которому долженъ былъ наслѣдовать, готовый на всякія уступки, царевичъ Алексѣй. Конечно, Швеція должна была превратиться въ величайшую свѣтско-европейскую державу. Какъ мы видимъ, Карлъ XII-й, будучи талантливымъ полководцемъ, оказался плохимъ политикомъ. Однако, кое-кто въ Европѣ вѣрилъ этимъ сумасброднымъ фантазіямъ, а кое-кто и мечталъ о ихъ осуществленіи. Во всякомъ случаѣ всѣ были убѣждены, что единоборство Карла съ Петромъ окончится пораженіемъ Петра. Самъ Петръ готовился къ худшему...

Однако, кратчайшій путь на Москву черезъ Смоленскъ оказался чрезвычайно труденъ. Война съ русскими совершенно не походила на молніеносно оконченную только что войну съ поляками. Карлъ положительно не узнавалъ своихъ старыхъ знакомыхъ - " нарвскихъ мужиковъ ". Русскіе отступали въ порядкѣ, сжигая на своемъ пути деревни и села, уничтожая тѣ продовольственные запасы, которые не могли забрать съ собою. Дымъ пожаровъ стоялъ на пути отступленія русской арміи. Разсчетъ Карла на мѣстные продовольственные рессурсы оказался ошибочнымъ. Солдатамъ сократили раціонъ. 3-го іюля 1708-го года подъ Головчинымъ Карлъ разбилъ корпусъ Рѣпнина. Но у шведовъ ощущался уже недостатокъ боевыхъ припасовъ. Изъ Лифляндіи на соединеніе съ королемъ шелъ Левенгауптъ, ведя за собой обозъ съ обильными продовольственными и боевыми припасами. Карлъ нетерпѣливо шелъ впередъ, не дожидаясь Левенгаупта. 29-го августа у мѣстечка Добраго русскіе разбили шведскій авангардъ. Карлъ остановился. Эта неудача заставила его, наконецъ, задуматься. Армія терпѣла нужду во всемъ. Но опять не дождавшись Левенгаупта, Карлъ повернулъ на югъ, окончательно оставивъ мысль идти прямо на Москву. Повидимому, молодой шведскій король терялъ самообладаніе. Обстоятельства складывались совсѣмъ не такъ, какъ онъ разсчитывалъ и желалъ. Выдержки и терпѣнія Карлу, очевидно, не хватало. И на этого то лихого кавалерійскаго начальника, смѣлаго тактика, обладавшаго не плохимъ глазомѣромъ корпуснаго командира, но посредственнаго стратега, вся Европа смотрѣла, какъ на скораго побѣдителя царя Петра!

Узнавъ, что Карлъ ушелъ на югъ, такъ и не дождавшись Левенгаупта, Петръ съ двѣнадцатитысячнымъ " корволантомъ ", составленнымъ изъ отборныхъ частей арміи, бросился на встрѣчу Левенгаупту. 28-го сентября 1708-го года у деревни Лѣсной, что на рѣкѣ Сожѣ, произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ Левенгауптъ былъ наголову разбитъ царемъ Петромъ. Излишняя торопливость шведскаго короля обошлась ему очень дорого: онъ лишился девяти тысячъ солдатъ и огромнаго обоза съ припасами для своихъ войскъ. Остатки корпуса Левенгаупта присоединились къ главнымъ силамъ шведской арміи. Карлъ продолжалъ идти на югъ, терпя страшныя лишенія. Петръ слѣдовалъ за

нимъ по параллельнымъ путямъ, нѣсколько отступя на востокъ. Дальнѣйшія попытки Карла прорваться сначала къ Калугѣ, а потомъ къ Бѣлгороду не увѣнчались успѣхомъ: Петръ повсюду преграждалъ шведамъ дорогу на Москву. Тогда Карлъ направился къ Полтавѣ. Здѣсь онъ желалъ накормить свою армію, дать ей необходимый отдыхъ, пополнить истощенные запасы свинца и пороха. Онъ разсчитывалъ соединиться съ войсками гетмана и вмѣстѣ съ ними двинуться черезъ Полтаву и Брянскъ на Москву. Шведскій король опять обманулся въ своихъ надеждахъ и разсчетахъ. Суровую зиму 1708-1709 года шведская армія провела въ постоянныхъ стычкахъ съ партизанами подъ Ромнами, Гадячемъ, Вѣприкомъ и Полтавой.

"Мы не ожидали, что вынуждены будемъ непрерывно воевать съ населеніемъ этого края, куда мы вошли", - пишетъ въ своей "Исторіи жизни и Войнъ Карла XII-го" генералъ шведской службы Адлерфельдъ. - "Болѣе всего вредила шведамъ враждебность жителей, прятавшихся за деревьями и кустами и подстрѣливавшихъ солдатъ".

Весной 1709-го года осторожный Петръ предложилъ Карлу XII-му заключить миръ на чрезвычайно выгодныхъ для Швеціи условіяхъ, но, зазнавшійся и избалованный легкими побѣдами надъ датчанами и поляками, шведскій король обусловилъ заключеніе мира такими оскорбительными для чести Россіи требованіями, что царь понялъ тщетность своихъ примирительныхъ попытокъ. Итакъ, нужно было готовиться къ рѣшительному сраженію, отъ исхода котораго зависѣла теперь судьба Россіи. Русскіе шли на выручку къ осажденной Карломъ Полтавѣ. Здѣсь, подъ Полтавой, царь предполагалъ дать генеральное сраженіе шведскому королю. Оно и произошло 27-го іюня 1709-го года и окончилось разгромомъ шведовъ.

Въ блескѣ Полтавской битвы какъ-то меркнетъ незначительное само по себѣ событіе - осада шведами наспѣхъ сооруженной Полтавской крѣпости. Между тѣмъ, эта осада являетъ собою примѣръ исключительной доблести и величія русскаго воинскаго духа. Въ самомъ дѣлѣ, пятитысячная захолустная полтавская "гарниза" подъ командой энергичнаго и браваго полковника Келина выдержала двухмѣсячную осаду и нѣсколько ожесточенныхъ приступовъ со стороны первоклассныхъ войскъ, во главѣ которыхъ находился прославленный полководецъ Европы. Вступивъ въ освобожденную послѣ Полтавскаго сраженія Полтаву, царь снялъ шляпу передъ Келинымъ, горячо обнялъ его и щедро наградилъ.

Въ русской военно-исторической литературѣ описанія Полтавскаго сраженія дѣлались неоднократно самыми компетентными авторами. Описанія эти, изобилующія сухими академическими и техническими терминами и деталями, интересны еще, быть можетъ, для военныхъ спеціалистовъ, изучающихъ военное искусство начала XVIII-го вѣка, но не заслуживаютъ вниманія военнаго историка, ищущаго въ историческомъ военномъ прошломъ живыхъ образовъ, красивыхъ традицій, человѣческихъ страстей, а не мертвыхъ буквъ и отжившихъ доктринъ. Исторія не схоластическая наука, она требуетъ движенія впередъ, иска-

нія, или хотя бы только постановки новыхъ оригинальныхъ во - просовъ, высказыванія новыхъ гипотезъ.

Отъ Нарвской " бѣды " до Полтавской " викторіи " прошло 9 страшныхъ лѣтъ. Эти 9 лѣтъ легли рѣзкой разграничительной чертой между старой Московской Русью и новой Петербургской Россіей Петра. Самъ Петръ, сравнивая Нарву съ Полтавой, сказалъ:

" Правда, сія побѣда / т.е. побѣда шведовъ подъ Нарвой / въ то время зѣло печальна была и чувствительна и за великій гнѣвъ Божій почитаемая. Но когда о томъ подумать - то, воистину, не гнѣвъ Божій, но милость Божію должны мы исповѣдывать. Ежели бы намъ тогда надъ шведами викторія досталась, бывшимъ въ такомъ неискусствѣ во всѣхъ дѣлахъ, какъ воинскихъ, такъ и политическихъ, то въ какую бѣду послѣ оное счастіе насъ низринуть могло такъ же, какъ шведовъ, уже давно во всемъ обученныхъ и славныхъ въ Европѣ /которыхъ французы бичемъ нѣмецкимъ называли /, подъ Полтавою столь жестоко низринуло, что всю ихъ максиму низомъ кверху обратило. Но когда мы сіе несчастіе / или, лучше сказать, великое счастіе / подъ Нарвою получили, то неволя лѣность отогнала и къ трудолюбію и искусству день и ночь прилежать принудила и войну вести уже съ опасеніемъ и искусствомъ велѣла ".

А черезъ 120 лѣтъ Пушкинъ скажетъ о Полтавѣ: " Успѣхъ народнаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы, и европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы ".

" Международное Значеніе Полтавской Битвы " - такъ озаглавилъ я мою статью. Выбралъ я эту тему, твердо убѣжденный въ томъ, что для всякаго государства, какъ бы велико оно ни было, международный критеріумъ его политическаго положенія представляется единственно существеннымъ. Именно поэтому и значеніе военныхъ событій оцѣнивается результатами, достигнутыми стратегіей въ области международной политики. И именно поэтому въ итогѣ каждой войны происходятъ какія-то, то болѣе, то менѣе замѣтныя, но всегда неизбѣжныя измѣненія международной политической конъюнктуры.

Такое рѣшающее событіе Сѣверной войны, какимъ было Полтавское сраженіе, не могло, конечно, не возымѣть и рѣшающихъ международно-политическихъ послѣдствій. Европейское общественное мнѣніе очень живо откликнулось на это событіе. Лейбницъ, который еще недавно сулилъ Карлу XII-му побѣду и желалъ ему даже завоевать Россію до рѣки Амура, теперь указывалъ на замѣчательныя достоинства новой русской арміи, созданной Петромъ, и на органическую связь между всѣми гражданскими и чисто военными реформами русскаго царя. Впослѣдствіи Вольтеръ выскажетъ мысль, что Полтавское сраженіе, въ отличіе отъ другихъ, носило не разрушительный, а созидательный характеръ, такъ какъ въ его итогѣ къ европейской культурѣ пріобщился многочисленный народъ.

Въ политическихъ кругахъ Западной Европы впечатлѣніе отъ

побѣды русскаго царя надъ шведскимъ королемъ было огромно. Не слѣдетъ забывать, что въ то время Швеція была первоклассной и могущественной европейской державой, значительно превосходившей Россію количествомъ народонаселенія.

" Эта побѣда, вѣроятно, измѣнитъ положеніе дѣлъ на всемъ сѣверѣ ", - писалъ въ Лондонъ черезъ нѣсколько дней послѣ Полтавы англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ, Чарльзъ Витвортъ.

Англіи, конечно, совершенно не нравилось появленіе Россіи на берегахъ Балтійскаго моря и превращеніе ея въ сильную морскую державу. Въ сущности, именно съ этого момента англійская акція противъ Россіи принимаетъ систематическій характеръ.

Крайне раздраженъ былъ побѣдой Петра и спѣсивый старикъ Людовикъ XIУ-й. Вѣдь московскій царь не былъ даже внесенъ въ списокъ европейскихъ владѣтельныхъ особъ, напечатанный въ Парижѣ! И этотъ полу-азіатскій царь-варваръ вдругъ оказался побѣдителемъ, да еще какимъ. Шведскаго короля Карла XII-го, котораго христіаннѣйшій король французскій считалъ своимъ самымъ сильнымъ союзникомъ въ конфликтахъ съ Австріей и Англіей. Кромѣ того, Людовикъ XIУ-й не безъ основанія ожидалъ, что разбивъ шведовъ, царь опять начнетъ войну съ Турціей, этой ссюзницей Франціи чуть ли не со временъ Франциска I-го. Чувствуя за собою поддержку Франціи, Турція заняла въ отношеніи Россіи очень вызывающую позицію: она отказалась удовлетворить требованіе царя о высылкѣ изъ Бендеръ короля Карла, интриговавшаго противъ Россіи, и о выдачѣ гетмана Мазепы, какъ государственнаго преступника.

Усиленіе Россіи не нравилось и Австріи, опасавшейся вмѣшательства царя Петра въ дѣла сѣверныхъ германскихъ государствъ, находившихся подъ покровительствомъ австрійскихъ Габсбурговъ.

Изъ всего вышеизложеннаго у насъ можетъ создаться впечатлѣніе, что непосредственные результаты Полтавской побѣды оказались скорѣе отрицательными, обострившими враждебныя отношенія Западной Европы къ Россіи. Въ дѣйствительности же дѣло обстояло совершенно иначе. Правда, очевидное усиленіе Россіи за счетъ Швеціи сильно напугало Европу и заставило ее насторожиться, а кое гдѣ и ощетиниться, но проявленная царемъ категоричность, за которой чувствовалась увѣренность въ собственныхъ силахъ и своей правотѣ, импонировала даже недоброжелателямъ Россіи, или лучше сказать, пугала ихъ. Западныя державы - Англія, Франція и Австрія, а на Востокѣ - Турція, поняли, что въ лицѣ Россіи на аренѣ международной политики выступила новая сила и, что не считаться съ нею въ дѣлахъ Европы и ближняго Востока болѣе невозможно.

Полтавское сраженіе подняло военный престижъ Россіи, считавшейся до того отсталымъ во всѣхъ отношеніяхъ государствомъ, на небывалую высоту. Умѣло пользуясь этимъ, царь Петръ развилъ обширную дипломатическую дѣятельность. Конечно, онъ самъ

направлялъ внѣшнюю политику Россіи, никому не довѣряя столь отвѣтственнаго дѣла. Между тѣмъ, у него были прекрасные дипломаты: старики Украинцевъ и Возницынъ - члены "Великаго посольства" и послы царя къ турецкому султану; Петръ Толстой, бывшій сторонникъ царевны Софіи, перешедшій къ царю и получившій за это отъ современниковъ прозвище "Іуды" Толстого, тотъ самый Толстой, которому царь сказалъ какъ-то: "Голова, голова, не была бы такъ умна, срубить бы тебя надо было бы"; затѣмъ слѣдовали Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ - посолъ царя въ Лондонѣ; Борисъ Ивановичъ Куракинъ - культурнѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, воякъ царя и его первый историіографъ; Петръ Павловичъ Шафировъ - управляющій Посольскимъ приказомъ, вице-канцлеръ и сенаторъ; Андрей Ивановичъ Остерманъ, Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, кое-кто еще изъ менѣе замѣтныхъ. Все это были, повторяю, выдающіеся дипломаты, не всегда впрочемъ, понимавшіе величіе замысловъ царя Петра. Можетъ быть, именно поэтому царь, такъ сказать, въ одиночку обдумывалъ и своими руками проводилъ въ жизнь свою международную политику. Въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ будетъ потомъ императоръ Александръ Павловичъ, Петръ самъ былъ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Послѣ Полтавскаго сраженія царь, прекрасно отдавая себѣ отчетъ въ измѣнившейся въ его пользу обстановкѣ, ѣздилъ по Европѣ и договаривался съ иностранными государями и ихъ министрами. Результаты этой дѣятельности незамедлили сказаться. И не удивительно: Петръ подавлялъ всѣхъ своимъ царственнымъ авторитетомъ, убѣждалъ логичностью и неоспоримостью своихъ доводовъ, восхищалъ необыкновенной свѣжестью и широтой своихъ проэктовъ, всегда далекихъ отъ неосуществимыхъ фантазій. Онъ былъ миролюбивъ, но твердъ. Конечно и онъ терпѣлъ неудачи, но умѣлъ ихъ не замѣчать и шелъ дальше, проявляя рѣшительность, но и осторожность, - соединеніе качествъ, рѣдкое въ одномъ человѣкѣ.

Король польскій и курфюрстъ саксонскій Августъ II-й, до Полтавы малодушно вилявшій между царемъ Петромъ и королемъ Карломъ, вновь заявилъ о своей "неизмѣнной" преданности царю и готовности помогать ему. Поддержанный русскими, Августъ двинулся изъ своей родной Саксоніи въ Польшу. Король Станиславъ Лещинскій, ставленникъ Франціи на польскомъ престолѣ, бѣжалъ изъ Варшавы, а шведскія войска покинули Польшу.

Датскій король, Фридрихъ IУ-й, который еще недавно требовалъ съ Петра за свое дальнѣйшее участіе въ войнѣ со Швеціей 50.000 золотыхъ рублей и корпусъ русскихъ войскъ, теперь соглашался дѣйствовать, не требуя ни денегъ, ни солдатъ.

Возвращенію старыхъ союзниковъ - Саксоніи, Польши и Даніи, сопутствовало присоединеніе новаго герцогства Ганноверскаго, чуть было не ввязавшагося наканунѣ Полтавы въ союзъ съ Карломъ противъ Россіи. Присоединеніе Ганновера было тѣмъ болѣе важно для царя Петра, что герцогъ ганноверскій, Георгъ I-й, изъ Люнебургъ-Брауншвейгской династіи, сталъ въ 1714-мъ

году англійскимъ королемъ, послѣ смерти Анны Стюартъ. Слѣдствіемъ Полтавскаго сраженія явилось и нѣкоторое смягченіе политики Франціи въ отношеніи Россіи. Христіаннѣйшій король Людовикъ XIУ-й, конечно, въ своихъ интересахъ, совпадавшихъ въ данномъ случаѣ съ интересами царя Петра, самъ предложилъ очистить Балтійское море отъ голландскихъ и англійскихъ пиратовъ, очень стѣснявшихъ дѣйствія русскаго флота. Въ то же время Франція продолжала натравлять Турцію противъ Россіи, желая ослабить позицію этой послѣдней на Ближнемъ Востокѣ, а сама Турція боялась усиленія вліянія въ православныхъ странахъ Балканскаго полуострова и Кавказа. Боязнь эта была вполнѣ основательной, такъ какъ Полтавская битва вызвала горячій патріотическій подъемъ у сербовъ, болгаръ, хорватовъ, грековъ, черногорцевъ, молдаванъ, валаховъ, армянъ и грузинъ, страдавшихъ отъ турецкаго владычества. Всѣ наши единовѣрцы просили теперь Петра освободить ихъ отъ невыносимой турецкой неволи. Вполнѣ сочувствуя угнетеннымъ православнымъ народамъ и, въ особенности, хорошо понимая, какъ важно Россіи упрочить свои позиціи на Балканскомъ полуостровѣ, царь, не закончивъ Сѣверной войны, предпринялъ Прутскій походъ, кончившійся полной неудачей. Но эта неудача носила чисто эпизодическій характеръ и не могла умалить ни политическаго, ни военнаго престижа Россіи, сіявшаго еще во всемъ блескѣ Полтавской побѣды. Во всякомъ случаѣ, Полтава имѣла огромное положительное вліяніе на ближне-восточную и балканскую политику царя Петра и дала всѣмъ нашимъ единовѣрцамъ, томившимся подъ турецкимъ игомъ, реальную надежду на лучшее будущее.

Послѣ Полтавскаго сраженія Сѣверная война продолжалась особенно успѣшно. Англія, Австрія и Голландія, обезпокоенныя возможностью вторженія русскихъ войскъ въ шведскія владѣнія на сѣверѣ Германіи - именно въ Померанію, Шлезвигъ, Бременъ, Верденъ и на островъ Рюгенъ, настаивали на сохраненіи этими германскими провинціями Швеціи строжайшаго нейтралитета въ войнѣ Россіи со Швеціей. Гарантіи и обязательства этого нейтралитета были оформлены дипломатическимъ соглашеніемъ Англіи, Австріи и Голландіи, но безъ участія Швеціи и Россіи, въ Гаагѣ въ 1710-мъ году. Конечно, ни Россія, ни Швеція не желали и не могли считаться съ этимъ соглашеніемъ, и военныя дѣйствія были вскорѣ перенесены именно въ эти нейтральныя провинціи. Шведы всюду терпѣли пораженія отъ русскихъ. Меншиковъ вступилъ въ Померанію, Петръ - въ Гольштинію. Весной 1713-го года русскіе заняли главный городъ Помераніи Штетинъ. Петръ разбилъ шведскаго генерала Стенбока. Несмотря на то, что Карлъ XII-й, вернувшись изъ Турціи, вступилъ въ командованіе своими войсками, шведы продолжали терпѣть пораженія. Казалось, что счастливая звѣзда болѣе не сопутствовала судьбѣ шведскаго короля. Русскіе заняли Фридрихштадтъ въ Курляндіи, Штральзундъ въ Помераніи и утвердились на островѣ Рюгенѣ.

Своему союзнику, курфюрсту Ганноверскому, ставшему въ 1714-мъ году англійскимъ королемъ, Петръ совѣтовалъ требовать

отъ Швеціи Бременъ и Верденъ и обѣщалъ свою поддержку.

Самъ царь строилъ грандіозные планы. Онъ хотѣлъ соединить каналомъ Балтійское и Сѣверное море, чтобы создать между ними кратчайшій торговый путь, и велъ по этому поводу переговоры съ герцогомъ Мекленбургскимъ. Помогая герцогу занять Висмаръ, Петръ предполагалъ устроить въ этомъ городѣ, обладавшемъ хорошей гаванью, базу для русскаго флота. Гольштинскій портъ Киль долженъ былъ стать складочнымъ пунктомъ для русскихъ товаровъ, направляемыхъ на западные рынки. Осуществленіе этого плана ограждало русскую внѣшнюю торговлю на сѣверо-западѣ отъ угрозъ со стороны Швеціи и Даніи. Но ни союзникамъ Россіи, ни тѣмъ болѣе ея антагонистамъ - Англіи, Австріи, Франціи и Голландіи, не представлялась желательной возможность такого утвержденія Россіи на южномъ побережіи Балтійскаго моря и ея свободнаго выхода въ море Сѣверное. Планъ царя встрѣтилъ рѣшительное и единодушное несогласіе всей западной Европы. Какъ вѣрно отмѣтилъ въ своей " Иллюстраціонной Исторіи Петра Великаго " Брикнеръ - " Въ одно и то же время на западѣ боялись Россіи, ненавидѣли ее и искали союза съ ней".

1716-й годъ оказался особенно напряженнымъ въ дипломатической и военной дѣятельности царя Петра. Въ Данцигѣ и Шверинѣ царь велъ переговоры съ герцогомъ Мекленбургскимъ о заключеніи болѣе прочнаго союза, который, въ сущности, превращался въ протекторатъ Россіи надъ Мекленбургомъ. Въ маѣ этого же года царь встрѣтился въ Штеттинѣ съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I-мъ, такъ называемымъ " королемъ-сержантомъ " / 1713-1740 /, а въ Альтонѣ - съ Фридрихомъ IV-мъ датскимъ. Въ итогѣ всѣхъ этихъ встрѣчъ и переговоровъ царь со своимъ флотомъ прибылъ 6-го іюля изъ Ростока, гдѣ была стоянка русскаго флота, въ Копенгаганъ. Здѣсь царь сталъ во главѣ соединенныхъ морскихъ силъ Россіи, Англіи, Голландіи и Даніи. Онъ хотѣлъ идти съ этой эскадрой къ шведскимъ берегамъ и высадить русскія войска въ непосредственной близости отъ Стокгольма. Самый фактъ командованія русскимъ царемъ соединеннымъ флотомъ такихъ морскихъ державъ, какъ Англія и Голландія/случай не бывалый и не повторявшійся въ исторіи /, выдвигалъ и Россію въ ряды первоклассныхъ морскихъ державъ Европы. Въ память этого знаменательнаго событія Петръ приказалъ выбить медаль.

Но морскія дѣйствія замедлялись по нарочитому нерадѣнію союзниковъ, ведшихъ, какъ всегда, двойную игру. Между тѣмъ, попытка высадить русскія войска, подъ защитою однихъ только русскихъ судовъ, не удалась. Мало того, что англичане не пожелали участвовать въ десантной операціи, но король Георгъ отдалъ приказъ адмиралу Норрису атаковать русскіе корабли и арестовать самого царя. Это совершенно нелѣпое приказаніе было во время отмѣнено, но, будучи, все же, доведено до свѣдѣнія русскаго царя, возымѣло позже самое дурное вліяніе на взаимоотношенія обоихъ монарховъ.

Размолвка съ Англіей заставила царя искать сближенія съ Франціей и, въ значительной мѣрѣ, предопредѣлила его будущее

путешествіе въ Парижъ.

Въ Шверинѣ черезъ посредничество нейтральнаго дипломата Карлъ XII-й предложилъ Петру начать мирные переговоры. Они завязались, но теперь царь былъ неуступчивъ. Онъ вспомнилъ свою неудавшуюся попытку къ примиренію передъ Полтавскимъ сраженіемъ и оскорбительныя для чести Россіи требованія шведскаго короля. Роли, дѣйствительно, совершенно перемѣнились. Но Петръ не былъ ни мстителенъ, ни узко-эгоистиченъ; разсчетъ, умѣренность и осторожность и на этотъ разъ руководили Петромъ. Онъ отказывался отъ Финляндіи / время еще не приспѣло владѣть ею /, но оставлялъ за собою Выборгъ и всю Прибалтику. Карлъ желалъ получить назадъ устье Невы и Лифляндію. Конечно, царь не могъ согласиться на эти условія: вѣдь въ устьѣ Невы стоялъ его " Парадизъ ", взлелѣянный имъ Санктъ-Петербургъ.

Снова встрѣтился царь съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ I-мъ на этотъ разъ въ Гавельбергѣ, гдѣ и былъ подтвержденъ прежній договоръ Россіи съ Пруссіей. Затѣмъ,послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Голландіи, царь Петръ въ началѣ апрѣля 1717-го года выѣхалъ во Францію и 26-го прибылъ въ Парижъ. Существуетъ множество описаній пребыванія русскаго царя въ столицѣ Франціи, мы ихъ хорошо знаемъ, и я не собираюсь прибавлять къ нимъ ничего больше. Но намъ необходимо отмѣтить, что въ то время, какъ до Полтавской побѣды посѣщеніе Парижа русскимъ царемъ показалось не желательнымъ христіаннѣйшему французскому королю,теперь этого же самаго русскаго царя принимали въ Парижѣ съ величайшимъ вниманіемъ и почетомъ, принимали, какъ суверена великой Европейской державы, какъ великаго государственнаго мужа, какъ великаго полководца, внушавшаго и уваженіе, и страхъ, и естественное любопытство. Отмѣтимъ кстати, что Французская Академія избрала царя Петра своимъ членомъ " онорисъ кауза ", а Парижскій монетный дворъ выбилъ въ честь царя двѣ медали, которыя и по сію пору являются доказательствомъ того, какъ высоко вознесла Россію Полтавская побѣда.

Поѣздка во Францію не была,конечно, для царя просто развлеченіемъ. Царь пріѣхалъ искать союза съ Франціей, онъ зондировалъ почву для будущихъ переговоровъ, создавалъ для нихъ благопріятный климатъ. Въ августѣ 1717-го года русскіе дипломаты, Шафировъ, Головкинъ и Куракинъ заключили въ Амстердамѣ договоръ съ Франціей. Хотя этотъ договоръ нисколько не нарушалъ дружественныхъ въ то время отношеній Франціи съ Англіей и, вообще, не былъ направленъ ни противъ какой европейской державы, болѣе всего имѣя значеніе чисто моральнаго фактора европейскаго мира, однако, русскіе успѣхи въ Балтійскомъ морѣ окончательно отбросили Англію въ лагерь враговъ Россіи. Съ этого времени Англія всячески будетъ препятствовать усиленію Россіи, какъ морской державы и станетъ помогать Швеціи.

Между тѣмъ, судостроительная программа Петра была огромна и очень послѣдовательно проводилась въ жизнь. Къ вящему неудовольствію Англіи, Россія, дѣйствительно, становилась великой морской державой. Сильный русскій флотъ подъ командой

опытныхъ флотоводцевъ наносилъ шведамъ одно пораженіе за другимъ. Англичане нѣсколько разъ пытались очень демонстративными дѣйствіями противъ русскаго флота оказывать поддержку шведамъ, но, конечно, не могли принимать открытаго и прямого участія въ боевыхъ морскихъ операціяхъ.

27-го іюля 1720-го года русскій флотъ одержалъ блестящую побѣду надъ шведскимъ у Гренгама, что на Аландскихъ островахъ. Англичане были свидѣтелями этого морского пораженія шведовъ и царь Петръ писалъ по этому поводу Меншикову слѣдующее: " Правда, немалая викторія можетъ причесться, а наипаче, что при очахъ англійскихъ ".

Теперь " подкупательныя " англійскія золотыя гинеи полились въ широко раскрытые карманы союзниковъ Россіи. Въ итогѣ: Саксонія, Польша и Данія заключили со Швеціей сепаратный миръ. Въ отвѣтъ на происки Англіи и вѣроломство союзниковъ русскія войска, ранѣе высадившіяся въ Швеціи, повели рѣшительное наступленіе. Но, въ сущности, Россія болѣе не нуждалась въ союзникахъ. Швеція была поставлена на колѣни и просила почетнаго мира. Она получила его изъ рукъ русскаго царя. Ништадтскій миръ былъ завершеніемъ блестящей внѣшней политики петра и, конечно, прямымъ слѣдствіемъ побѣды подъ Полтавой. Россія стала могущественнѣйшей державой въ Европѣ. Она стала Имперіей. Она имѣла сильный военный флотъ и первоклассную и многочисленную армію, внушавшую всѣмъ страхъ и уваженіе. У насъ создается впечатлѣніе, что послѣ Полтавскаго сраженія царь Петръ оказался однимъ изъ самыхъ могущественныхъ монарховъ въ Европѣ, отъ одного слова котораго зависѣли судьбы государей и государствъ. Не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать, но, тѣмъ не менѣе, черезъ 12 лѣтъ послѣ Полтавскаго сраженія французскій посолъ въ Россіи, Кампредонъ, въ слѣдующемъ видѣ представлялъ своему правительству могущество царя Петра: " У него многочисленный флотъ, онъ ежедневно увеличиваетъ число своихъ галеръ и внушаетъ страхъ всѣмъ своимъ сосѣдямъ... При малѣйшей демонстраціи его флота, при первомъ же передвиженіи его войскъ ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмѣливаются ни произвести враждебнаго ему движенія, ни тронуть съ мѣста своихъ войскъ ".

Во время своихъ разъѣздовъ по Западной Европѣ въ годы, слѣдовавшіе за Полтавскимъ сраженіемъ, царь не только велъ дипломатическіе переговоры, но и создалъ тайную политическую полицію, назначеніе которой было бороться самыми рѣшительными мѣрами съ анти - русской пропагандой нашихъ враговъ. Тайные эмиссары царя разъѣзжали по всей Европѣ. Въ большихъ центрахъ, куда съѣзжались дипломатическіе агенты всѣхъ государствъ, у Петра были особые резиденты, доносившіе ему о малѣйшихъ измѣненіяхъ политическихъ курсовъ. Эта развѣдка царя была поставлена на очень широкую ногу, и дѣло дошло до того, что въ 1716-мъ году въ Гамбургѣ самъ царь принималъ, повидимому, какое то участіе въ организаціи похищенія и увоза въ Россію неугоднаго ему человѣка, злѣйшаго врага Россіи - графа Войнаровскаго,

племянника покойнаго гетмана-измѣнника, Мазепы. Можно предполагать, что въ 1716-мъ году царь жилъ нѣкоторое время въ Гамбургѣ и тамъ неизбѣжно долженъ былъ встрѣтиться съ знаменитой Авророй Кенигсмаркъ, женщиной хотя уже и не первой молодости, но все еще изумительной красоты, ума и очарованія. Невозможно еще говорить съ увѣренностью, пытались ли враги царя Петра уловить его въ сѣти этой женщины или, наоборотъ, самъ царь искалъ съ ней сближенія, чтобы воспользоваться ея услугами для достиженія какихъ то своихъ политическихъ цѣлей. - Но, одно несомнѣнно, - въ дѣлѣ похищенія и увоза Войнаровскаго въ Россію Аврора Кенигсмаркъ сыграла весьма двусмысленную роль.

/ Продолженіе слѣдуетъ /.

А.К.САВИЦКІЙ

ОТДАНІЕ ЧЕСТИ

Изъ " Записной книжки " П.К.Мартьянова.

3 - го декабря 1868 года, помощникъ начальника главнаго штаба, генералъ-маіоръ К. подалъ по командѣ рапортъ слѣдующаго содержанія: " Сегодня, въ 8 3/4 часа утра, идя по Невскому проспекту въ пальто, я встрѣтилъ оберъ - офицера, который не отдалъ мнѣ установленной чести. Спросивъ этого офицера, на основаніи § 19 дисциплинарнаго устава, о причинѣ, по которой онъ не отдаетъ чести генераламъ, я получилъ отвѣтъ отъ шедшаго возлѣ него штабъ-офицера, что я имѣлъ честь обратиться съ вопросомъ къ его высочеству. Считаю долгомъ донести объ этомъ вашему сіятельству ".

Когда доведено было объ этомъ до свѣдѣнія государя, императоръ Александръ II отозвался: " По уставу онъ долженъ былъ сдѣлать замѣчаніе офицеру, не отдавшему чести, но я не понимаю, какъ это - генералъ, служитъ въ Петербургѣ и не знаетъ моихъ дѣтей ".

- Ваше величество, онъ близорукъ.

- А, тогда дѣло другого рода, - засмѣялся государь:- тогда я не вправѣ на него сердиться, дисциплину поддерживать нужно.

Еще болѣе любопытный случай произошелъ годъ спустя также на Невскомъ проспектѣ. Былъ холодный зимній день. Очень юный корнетъ, князь О. шелъ по проспекту, плотно закутавшись въ новенькую "николаевскую " шинель. Одиночныя санки князя ѣхали поодаль. Около Гостинаго Двора молодой офицеръ " нарвался" на всѣмъ извѣстнаго своей придирчивостью генералъ-отъ-инфантеріи Т. Разсѣянно глядя въ витрины гостинодворскихъ магазиновъ, корнетъ не замѣтилъ суроваго генерала и не взялъ подъ козырекъ. Генералъ вспыхнулъ и рѣзко остановился передъ юнымъ

офицеромъ.

- Подпоручикъ, потрудитесь отдать мнѣ честь. -

Князь О. былъ крайне самолюбивъ, какъ всѣ корнеты, и въ то же время очень находчивъ. Что оставалось ему дѣлать.?

- Извините, ваше высокопревосходительство, - сказалъ онъ спокойно, - но вы изволили ошибиться: я не подпоручикъ. -

Генералъ Т. нѣсколько опѣшилъ отъ такого отвѣта, но тотчасъ же нашелся.

- Прекрасно, поручикъ. - воскликнулъ онъ раздраженно. - Но вамъ также слѣдуетъ отдавать честь старшимъ въ чинѣ. -

- Но вы опять ошибаетесь, ваше высокопревосходительство: я не поручикъ. -

- Въ такомъ случаѣ, штабсъ-капитанъ.. - нѣсколько вопросительно проговорилъ генералъ, не безъ удивленія вглядываясь въ слишкомъ уже юное для штабсъ-капитана лицо князя О.

И тутъ, какъ нарочно, вспомнился старику прошлогодній случай съ помощникомъ начальника главнаго штаба генераломъ К. Вообразивъ почему то, что и передъ нимъ кто либо изъ неузнанныхъ имъ молодыхъ великихъ князей, бѣдный Т. сталъ растерянно извиняться передъ "его высочествомъ" и, неловко откланявшись, поспѣшилъ по своимъ дѣламъ. Рапорта по командѣ онъ, конечно, не подалъ, но отъ молодыхъ офицеровъ въ николаевскихъ шинеляхъ съ тѣхъ поръ угрюмо отворачивался.

О. не замедлилъ, конечно, разсказать своимъ полковымъ друзьямъ съ какой находчивостью онъ " разыгралъ " старика Т. и какъ тотъ титуловалъ его "ваше высочество ".

А.К.С.

ИЗЪ ВОЕННОЙ ПОЭЗІИ XIX-ГО ВѢКА.

П Ѣ С Н Я.

Молода еще дѣвица я была,
Наша армія въ походъ куда-то шла.
Вечерѣло. Я стояла у воротъ,
А по улицѣ все конница идетъ.
Къ воротамъ подъѣхалъ баринъ молодой,
Мнѣ сказалъ: "Напой красавица водой."
Онъ напился, крѣпко руку мнѣ пожалъ,
Наклонился и меня поцѣловалъ...
Онъ уѣхалъ... Долго я смотрѣла вслѣдъ:
Жарко стало мнѣ, въ очахъ мутился свѣтъ.
Цѣлу ноченьку мнѣ спать было невмочь, -
Раскрасавецъ-баринъ снился мнѣ всю ночь.
.....
Вотъ недавно - я вдовой уже была,
Четырехъ ужъ дочекъ замужъ отдала -
Къ намъ заѣхалъ на квартиру генералъ...

Весь прострѣленный, такъ жалобно стоналъ...
Я взлянула - встрепенулася душой:
Это снъ, красавецъ баринъ молодой!
Тотъ же голосъ, тотъ огонь въ его глазахъ,
Только много сѣдины въ его кудряхъ.
И опять я цѣлу ночку не спала,
Цѣлу ночку молодой опять была...

Е.П.ГРЕБЕНКА / 1812-1845 /

МЕМУАРЫ ГРАФИНИ

ДЕ ШУАЗЕЛЬ-ГУФФІЕ

Въ ноябрѣ 1949 - го года я пріобрѣлъ для библіотеки русскаго отдѣла Частнаго Военно-Историческаго Музея цѣнную книгу воспоминаній графини де Шуазель-Гуффіе. Книга эта / " Историческія воспоминанія объ императорѣ Александрѣ и русскомъ дворѣ, опубликованныя графиней де Шуазель-Гуффіе, рожденной графиней Физенхаузъ, бывшей фрейлины двора ихъ императорскихъ величествъ. - Парижъ, 1829 ". /, написанная по французски и давно уже ставшая библіографической рѣдкостью, представляетъ по своему содержанію большой историческій интересъ для насъ, русскихъ, такъ какъ говоритъ о событіяхъ царствованія императора Александра I-го.

Графиня де Шуазель-Гуффіе, рожденная графиня Тизенгаузенъ / Физенхаузъ - по транскрипціи заглавнаго листа/, писала свои воспоминанія, будучи еще молодой женщиной, и, несомнѣнно, именно это обстоятельство придаетъ имъ очарованіе наивной искренности, простоты и правдивости. Судя по всему, графиня была зоркимъ " свидѣтелемъ исторіи " и, несмотря на свою молодость и впечатлительность, умѣла анализировать слышанное и видѣнное.

События, связанныя съ восшествіемъ на престолъ императора Александра Павловича, такъ же какъ и событія первыхъ лѣтъ его царствованія, являются для молодой женщины, пишущей мемуары, воспоминаніями ея дѣтства и ранней юности.

Графиня Софія Ивановна Тизенгаузенъ принадлежала къ польско-литовской линіи этого стариннаго дворянскаго рода, давшаго Россіи, послѣ присоединенія къ ней Польши, немало вѣрныхъ слугъ. Незадолго до начала войны 1812-го года Софія Ивановна была пожалована фрейлиной высочайшаго двора. Въ 1817-мъ году она вышла замужъ за графа Октавія де Шуазель-Гуффіе и уѣхала съ нимъ во Францію.

Въ издательскомъ предисловіи говорится, между прочимъ, слѣдующее: " Воспоминанія графини де Шуазель-Гуффіе написаны на нашемъ языкѣ / французскомъ, А.С./, польской рукой...

Восхищеніе, не должны мы были бы сказать - нѣжность, которую авторъ нашихъ " Воспоминаній " питаетъ къ императору Александру, возносится до культа: можно думать, что госпожа де Шуазель, чтобы изобразить русскаго монарха, черпала восторженное чувство изъ того же источника, откуда господинъ де Ласъ-Казъ бралъ краски для панегирика Наполеону. Есть, несомнѣнно, доля преувеличенія въ подобномъ восхваленіи людей, хотя бы и коронованныхъ; но въ книгѣ, которую мы предлагаемъ читателю, истина выступаетъ повсюду сквозь убѣдительное и пылкое восхваленіе. Императоръ Александръ, очень часто выводимый на сцену, и раскрывающійся въ своихъ собственныхъ рѣчахъ, самъ рисуетъ свой портретъ въ " Воспоминаніяхъ ", гдѣ онъ герой. Прочтя ихъ, читатель сохранитъ, конечно, вѣрное представленіе о характерѣ этого монарха, котораго неукротимая дерзость Наполеона призвала изъ далека, очень изъ далека, замѣстить его въ первомъ ряду современныхъ знаменитостей.

Книга графини де Шуазель-Гуффіе будетъ прочитана съ жадностью въ гостинныхъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія, гдѣ питаются старыми аристократическими воспоминаніями. Однако, и молодая Франція будетъ удовлетворена тѣми уступками, которыя авторъ дѣлаетъ новымъ идеямъ, и, въ особенности, романтическимъ оттѣнкомъ, къ счастью, присущимъ его стилю.

Въ итогѣ, серьезная исторія можетъ собрать въ публикуемыхъ нами " Воспоминаніяхъ " большое количество неизвѣстныхъ ей и достойныхъ ее фактовъ. Въ частности " Воспоминанія " заключаютъ въ себѣ новыя подробности объ убійствѣ императора Павла I-го; о поведеніи Александра во время и послѣ заговора, приведшаго его къ власти; о томъ, что происходило въ Россіи во время кампаніи 1812-го года, столь гибельной для французскаго оружія; о поведеніи Вѣнскаго конгресса, когда ему стало извѣстно о возвращеніи во Францію Наполеона, бѣжавшаго съ острова Эльбы въ мартѣ 1815-го года; наконецъ, о неожиданно - быстрой смерти Александра, катастрофѣ, которую авторъ оставляетъ прикрытой только очень прозрачной завѣсой."

Намъ остается прибавить къ этому предисловію французскаго издателя лишь нѣсколько словъ. Графиня де Шуазель-Гуффіе, удѣляя немало вниманія событіямъ, ставшимъ нынѣ " большой " исторіей, то и дѣло вводитъ въ свое повѣствованіе бытовыя черты, т.е. пишетъ ту " малую " исторію, которая такъ оживляетъ прошлое, превращаетъ его изъ сухого объекта исторической науки въ подлинную поэзію.

Сильное и искреннее чувство къ императору Александру, чувство, большее, конечно, чѣмъ простая симпатія, украшаетъ страницы " Воспоминаній ", но иногда мѣшаетъ молодой женщинѣ быть вполнѣ объективной въ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ фактовъ. Императоръ явно выдѣляетъ юную дочь виднаго литовскаго магната изъ среды другихъ молодыхъ дѣвушекъ ея круга. Частыя встрѣчи и долгія бесѣды государя съ графиней Тизенгаузенъ нѣсколько выходятъ, какъ намъ кажется, изъ предѣловъ обыденныхъ придворныхъ и свѣтскихъ отношеній. Въ 1817-мъ году, какъ уже было упомянуто,

графиня Тизенгаузенъ вышла замужъ за графа де Шуазель-Гуффіе и вмѣстѣ съ мужемъ уѣхала во Францію. Въ 1824-мъ году супруги пріѣхали въ Петербургъ и прожили нѣкоторое время въ Царскомъ Селѣ, какъ гости государя. Это была послѣдняя встрѣча графини де Шуазель-Гуффіе съ императоромъ Александромъ I-мъ.

Я хотѣлъ бы попытаться въ рядѣ небольшихъ отрывковъ дать вѣрное представленіе о содержаніи и обаяніи тонѣ этой красиво и интересно написанной книги.

Вотъ какъ разсказываетъ графиня Софія Ивановна о дняхъ пребыванія государя въ Вильнѣ наканунѣ грозныхъ событій 1812-го года.

" Однажды, когда мой отецъ обѣдалъ при дворѣ, министръ двора сказалъ ему: " Разсчитываетъ ли ваша дочь провести сегодняшній вечеръ дома.. Его величество предполагаетъ повидать ее и даже написалъ объ этомъ императрицѣ. Очень возможно, - прибавилъ графъ Толстой, смѣясь, - что императоръ рѣшилъ не дожидаться приглашенія? "

Тогда мой отецъ, чтобы предупредить меня, написалъ мнѣ карандашемъ записку, которую отправилъ съ придворнымъ курьеромъ. Императоръ пріѣхалъ въ семь часовъ вечера въ дрожкахъ. Отецъ встрѣтилъ императора внизу лѣстницы, а я встрѣтила его въ дверяхъ передней, гдѣ немногими словами я выразила ему, какъ я счастлива, что его величество самъ соблаговолилъ пріѣхать прежде всѣхъ моихъ почтительнѣйшихъ благодарностей / за пожалованіе званія фрейлины, - А.С. /. Императоръ полагалъ, что мнѣ не за что его благодарить и, что, напротивъ, это ему слѣдуетъ поблагодарить меня за всѣ любезности, которыя я сказала ему въ Товьянахъ; и, наконецъ, что онъ пришелъ принести мнѣ свое скромное почтеніе.

Я привожу эти слова только для того, чтобы дать представленіе о естественномъ рыцарскомъ тонѣ этого государя. Войдя въ гостинную, его величество настоялъ, чтобы я заняла мѣсто на диванѣ, затѣмъ онъ сѣлъ на стулъ и положилъ шляпу на полъ.

Такъ какъ мой отецъ остался стоять, несмотря на сдѣланное ему его величествомъ приглашеніе сѣсть, императоръ быстро поднялся, говоря: " Хорошо, графъ, если вы не сядете, я также останусь стоять ". Мой отецъ повиновался.

Императоръ говорилъ о Товьянахъ, и, смѣясь, разсказалъ моему отцу о томъ, какъ я обвинила его въ томъ, что онъ принялъ меня за деревенскую жительницу. Затѣмъ, тономъ просьбы, хотя онъ могъ приказывать, онъ спросилъ меня, пріѣду ли я въ Петербургъ? Такъ какъ я опустила глаза, ничего не отвѣтивъ на это предложеніе, отъ котораго я почувствовала себя немного смущенной, императоръ прибавилъ съ плѣнительной мягкостью: " Развѣ это такъ невозможно. " " Государь, - отвѣтила я ему наконецъ, - я сдѣлаю себѣ изъ этого праздникъ! " " Сейчасъ не время ѣхать въ Петербургъ, - продолжалъ императоръ: - но, я надѣюсь, что вы пріѣдете туда позже, и мы постараемся васъ

принять, какъ можно лучше и предоставить вамъ всевозможныя развлеченія. " Его величество очень хвалилъ окрестности Вильны; а такъ какъ я говорила о прекрасныхъ загородныхъ домахъ, окружающихъ Петербургъ и о красотѣ Невы, то государь сказалъ мнѣ: " Да, искусство сдѣлало у насъ все, чтобы побѣдить природу ; вѣдь Петербургъ расположенъ по серединѣ дикихъ болотъ; мы покажемъ вамъ все это, когда вы пріѣдете. Нашъ климатъ ужасенъ, - прибавилъ онъ: когда у насъ пятнадцать хорошихъ дней въ сезонѣ, мы говоримъ, что лѣто было прекрасно". Императоръ сообщилъ мнѣ, что онъ только что купилъ Закретъ, деревню генерала Беннигсена, въ полу-льe отъ города; что онъ теперь гражданинъ Вильны и получилъ право носить соотвѣтствующую форму. Я выразила сожалѣніе, что его величество не отдалъ предпочтенія Веркамъ, старинной и красивой резиденціи вильненскаго архіепископа, князя Масальскаго, въ которой обширный замокъ прекрасной итальянской архитектуры, расположенъ на лѣсистой горѣ, откуда можно любоваться очень далекимъ видомъ на окрестныя деревни, на Вильну, находящуюся оттуда въ разстояніи мили и на Вилію, протекающую у подножія горы. Императоръ отвѣтилъ мнѣ, что это было бы дорого стоящей для него фантазіей; и въ добавленіе къ шуткѣ сказалъ, что это мой отецъ долженъ былъ бы сдѣлать такое пріобрѣтеніе. Графъ замѣтилъ, что онъ отецъ семейства. " Отлично, - продолжало его величество: - однимъ поводомъ больше: вы его отдадите вашей дочери, которая станетъ въ немъ хозяйкой, и это будетъ очаровательно! "

Мои друзья изъ Ловьянъ также пріѣхали въ Вильну, чтобы поблагодарить императора, сдѣлавшаго имъ визитъ, на которомъ я присутствовала...

Въ это время въ Вильнѣ готовились къ празднику, который устраивался въ Закретѣ Дюрокомъ. Гроза готова была уже обрушиться на наши головы, а между тѣмъ, всѣ съ полной безпечностью мечтали только объ удовольствіяхъ, думали о счастіи видѣть Александра въ Вильнѣ. Мы не только не предвидѣли его отъѣзда и не догадывались о томъ, что войска Наполеона появились уже близъ Нѣмана, но не знали даже, что французы прошли Германію. Никакія новости не допускались въ Литву. Никогда еще политика не была закутана въ столь непроницаемую вуаль...

Между тѣмъ, праздникъ въ Закретѣ состоялся. Я никогда не видѣла такого красиваго; и никогда еще разставанія не были такими веселыми, потому что никто, кромѣ лицъ посвященныхъ въ секретъ, не могъ еще предвидѣть, что этотъ балъ будетъ сигналомъ къ отъѣзду императора и отступленію русскихъ.

Съѣхались къ восьми часамъ вечера въ Закретскій паркъ. Вечеръ былъ прекрасный , небо немного затянуто, какъ будто только для того, чтобы предохранить насъ отъ солнечнаго жара. Дамы въ нарядныхъ платьяхъ, украшенныя цвѣтами, расположились вокругъ большого паркетнаго квадрата, положеннаго на лугу и обставленнаго цвѣтущими апельсиновыми деревьями, наполнявшими воздухъ благоуханіемъ.

Толпа народа, которую любопытство и въ особенности желаніе увидѣть своего государя привлекло сюда изъ города, образовала вокругъ отдѣльныя группы. Въ разныя части парка, со всѣхъ сторонъ, доносились гармоничные звуки духовыхъ инструментовъ музыкантовъ императорской гвардіи, исполнявшихъ избранныя музыкальныя произведенія. Видъ этого блестящаго общества нарядныхъ женщинъ, военныхъ въ парадныхъ мундирахъ и въ орденахъ, усыпанныхъ алмазами; видъ этой толпы народа, разбросанной по зеленому лугу и выдѣляющейся разнообразіемъ и красочнымъ блескомъ своихъ одеждъ; эти старыя деревья, образующія густыя купы листвы; Вилія, отражающая въ своемъ извилистомъ теченіи и синь небесъ и розоватыя краски заката; эти горы, исчезающія своими поросшими лѣсомъ вершинами въ дымкѣ испареній; - все это представляло восхитительное зрѣлище. Но, появился императоръ... всѣ взоры устремились только на него.

Въ этотъ день его величество былъ въ мундирѣ л.гв.Семеновскаго полка съ синими лацканами, очень ему шедшемъ. Обойдя всѣхъ дамъ, которыхъ онъ просилъ оставаться сидѣть въ его присутствіи, даже когда онъ къ нимъ обращался, императоръ поговорилъ со многими мужчинами собравшагося общества. Дамы были приглашены отвѣдать прохладительныхъ напитковъ. Затѣмъ императору предложили начать балъ на паркетѣ, разложенномъ на лугу, чтобы дать возможность собравшемуся народу полюбоваться этимъ зрѣлищемъ. Онъ согласился съ обычной своей добротой, пригласилъ на " Полонезъ " госпожу Беннигсенъ, какъ хозяйку вечера, протанцевалъ затѣмъ съ госпожей Барклай де Толли, потомъ со мной. И подъ звуки музыки мы поднялись въ настоящую бальную залу дворца, очень обширную и прекрасно освѣщенную.

Я не буду повторять здѣсь тѣхъ лестныхъ словъ, съ которыми его величество соблаговолилъ обратиться ко мнѣ, такъ же какъ и къ другимъ дамамъ, - это было бы слишкомъ длинно, такъ какъ любезность императора не знала предѣловъ. Никто никогда не владѣлъ съ такимъ совершенствомъ, какъ этотъ государь, искусствомъ говорить пріятно о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ и - столь рѣдкимъ даромъ говорить умѣстно, - качествами, присутствіе которыхъ можно было объяснить въ немъ не только свойственной ему находчивостью, но и большой сердечной добротой. Желая знать: предполагаю ли я вернуться въ Товьяны или остаться съ моимъ отцомъ, его величество сказалъ: " На мѣстѣ графа я никогда бы васъ не покинулъ. "

Его величество отбылъ во время ужина, который былъ поданъ безъ этикета на маленькихъ столикахъ, на открытомъ воздухѣ. Погода была такая тихая, что огни не гасли, и блескъ иллюминаціи, водопада, рѣки и ея острововъ, казалось, соперничалъ съ сіяніемъ звѣздъ и нѣжнымъ свѣтомъ луны, которую императоръ очень не поэтично, по моему, назвалъ фонаремъ, сказавъ мнѣ, что это лучшая часть иллюминаціи. Кто бы могъ думать, видя любезность и веселость, которыя императоръ расточалъ въ этотъ вечеръ, что именно на этомъ балу онъ узналъ о переходѣ Фран-

цузовъ черезъ Нѣманъ, и что ихъ передовые отряды находились только въ десяти миляхъ отъ Вильны!... Шесть мѣсяцевъ спустя, я слышала, какъ Александръ говорилъ, что онъ очень страдалъ отъ необходимости скрывать подъ маской веселья свои истинныя переживанія. Какъ онъ умѣлъ владѣть собою.

Черезъ три дня послѣ праздника въ Закретѣ императоръ покинулъ Вильну, чтобы вернуться въ свою главную квартиру въ Свенцянахъ."

/ Историческія воспоминанія объ императорѣ Александрѣ и т.д.... публикуемыя графиней де Шуазель-Гуффіе, рожденной графиней Физенхаузъ, бывшей фрейлиной двора. Парижъ, 1829. /

А.К.С-КІЙ.

250 ЛѢТЪ
УЧРЕЖДЕНІЯ ЛЕЙБЪ ГВАРДІИ
/ 22 Авг.1700 г./

Въ 1700-мъ году, 22-го Августа, царь Петръ Алексѣевичъ повелѣлъ полкамъ Преображенскому и Семеновскому и Бомбардирамъ именоваться лейбъ-гвардіей. Слѣдовательно, въ текущемъ 1950-мъ году, 22-го Августа по старому стилю исполнится 250 лѣтъ со дня учрежденія у насъ лейбъ-гвардіи. Въ слѣдующемъ номерѣ РУССКАГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА, который, мы надѣемся, выйдетъ въ концѣ года, будетъ помѣщена статья, посвященная созданію царемъ Петромъ первыхъ частей русской гвардіи.

РЕДАКЦІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ.

ДВА ПИСЬМА.

I

ПИСЬМО А.Н.СЕСЛАВИНА КЪ КНЯЗЮ П.М.ВОЛКОНСКОМУ.

Знаменитый партизанъ 1812-го года, Александръ Никитичъ Сеславинъ / 1780-1858 /, былъ однимъ изъ немногихъ русскихъ военныхъ своего времени, считавшихъ не только возможнымъ, но и желательнымъ походъ русскихъ войскъ въ Индію. Гвардеецъ, флигель-адъютантъ, полковникъ и командиръ Сумскихъ гусаръ въ 1812-мъ году, а въ 1813-мъ уже молодой генералъ-маі-

оръ, этотъ незаурядный русскій человѣкъ, слишкомъ, быть можетъ, независимый въ своихъ поступкахъ и сужденіяхъ, самолюбивый до крайности, считалъ, что его несомнѣнныя заслуги передъ престоломъ и отечествомъ не достаточно оцѣнены. Разстроенное девятью тяжкими ранениями здоровье, неудовлетворенность служебнымъ положеніемъ и матеріальныя затрудненія постепенно превратили Сеславина въ нелюдима и мизантропа. По окончаніи кампаніи 1814-го года, получивъ отпускъ для поправленія здоровья и оставшись не у дѣлъ, онъ много путешествовалъ по Западной Европѣ. Парижъ, Марсель, островъ Минорка, Барселона, Лондонъ - вотъ основные этапы странствій Сеславина. Въ 1819-мъ году мы застаемъ его въ Паламосѣ, въ Каталоніи, еще полнымъ чисто партизанской энергіи. Отсюда, 1-го декабря, онъ пишетъ письмо начальнику штаба генералъ-адъютанту князю Петру Михайловичу Волконскому, въ которомъ вторично излагаетъ свои мысли по поводу " предпріятія на Остъ-Индію " и вторично проситъ разрѣшенія произвести въ этомъ направленіи военную развѣдку.

Вотъ это любопытное во всѣхъ отношеніяхъ письмо:

" Близъ полугода, какъ я просилъ васъ поручить мнѣ должность, ежели Его Императорскому Величеству не угодно, чтобы я, скрывъ мое званіе, сдѣлалъ путешествіе отъ Калькутты въ Остъ-Индію чрезъ Делли, Кагоръ въ Кабулъ, осмотрѣвъ берега рѣки Гангеса и Инда, оттуда чрезъ Бухарію и степи въ Оренбургъ или Салочкевскую крѣпость, пункты, откуда должно начать наше движеніе, ежели бы рѣшено было когда-нибудь предпріятіе на остъиндскія англійскія владѣнія. Извѣстно, что вѣтры отъ мыса Доброй Надежды дуютъ постоянно полгода въ одну сторону и полгода въ другую; чтобы прибыть заблаговременно на мысъ и избѣжать противныхъ вѣтровъ, отправляются обыкновенно изъ Европы въ октябрѣ или ноябрѣ; пропустивъ сіе время, должно ожидать случая цѣлый годъ. Одно мѣсто въ кораблѣ, который отправился на Калькутту изъ Дюнкирхена, удержано было для меня до ноября мѣсяца. Но, не бывъ удостоенъ вашихъ отвѣтовъ, столь долгое время, я потерялъ прекрасный случай оказать величайшую услугу отечеству, презирая бѣдствія и опасности, которымъ я могъ подвергнуться.

Предполагая, что служба моя и пламенное усердіе къ престолу содѣлались не нужными, я прошу покорно ваше сіятельство исходатайствовать мнѣ позволеніе остаться въ Италіи; вы избавите меня отъ издержекъ, которыя могли бы меня разстроить совершенно, возвращаясь въ Россію, ибо арендаторъ не платитъ денегъ, отзываясь неурожаемъ, а при томъ теплый климатъ способствуетъ много къ остановленію кровохарканія и къ излѣченію груди, которую я разбилъ при паденіи въ ровъ съ вала, будучи раненъ насквозь при штурмѣ Рущука /I/, гдѣ я, приведя колонну Уварова на назначенный пунктъ, первый вошелъ на крѣпостной валъ; генералъ-лейтенантъ Уваровъ тому свидѣтель. Ежели бы вы

/I/ Въ 1810 году.

почли сіе невозможнымъ, увольте меня отъ службы; я вполнѣ отдаюсь на волю вашу; я не хочу занимать мѣсто другаго, который имѣетъ,можетъ быть, болѣе способностей, нежели я, не смотря на безпрерывныя занятія мои, которыя заставляли меня желать быть употребленнымъ единственно для того, чтобы принесть плоды оныхъ на пользу службы. Ваше сіятельство всегда были ко мнѣ милостивы, но гробъ того не забуду; скажите мнѣ откровенно, потерялъ ли я милость и благосклонность государя, - это было бы для меня громовымъ ударомъ, или не находитъ во мнѣ способностей, свойственныхъ званію генерала; ибо болѣе ничего нельзя сказать про меня: въ преданности моей къ Государю я буду спорить со всякимъ; я еще молодъ, могу употребить себя на другое, я буду полезенъ самому себѣ, ежели я столь несчастливъ, что не могу быть полезнымъ отечеству; тогда мнѣ ничего не нужно; я обходился и обойдусь безъ большаго, несмотря на то, что ограбленъ родною сестрою въ то время, когда я, защищая земли моихъ прародителей, проливалъ кровь. Тверской губернаторъ по сіе время не сдѣлалъ ничего по сему дѣлу; могли бы въ другомъ ослабить уваженіе и довѣренность къ законамъ, но не во мнѣ. Дай Богъ, чтобъ я ошибся въ моихъ предположеніяхъ, ибо ничего не желаю, какъ только быть полезнымъ службѣ и содѣлаться достойнымъ той благосклонности монарха, которую я пользовался въ продолженіе 23 лѣтъ офицерской моей службы. Ежели я ошибся въ моихъ предположеніяхъ, простите меня великодушно: сіе происходитъ отъ нетерпѣливаго желенія служить,,а время проходитъ.

Не думайте, ваше сіятельство, чтобъ предпріятіе мое основано было на легкомысліе ; съ 1807 года, когда я принужденъ былъ оставить службу по неудовольствіи, я рѣшился предпринять путешествіе въ Остъ-Индію, собравъ напередъ нужныя свѣдѣнія о странахъ, которыя я долженъ былъ проходить. Разсуждая часто объ Англіи и о причинахъ возвышенія ея, утвердился въ той мысли, что не въ Европѣ должно искать средство ослабить вліяніе Англіи на твердую землю, но въ Остъ-Индіи. Россія къ ней ближе всѣхъ; одна Россія въ состояніи разрушить владычество англичанъ въ Индіи и овладѣть всѣми источниками ея богатства и могущества. Вотъ что побудило меня предпринять путешествіе въ Остъ-Индію не черезъ Персію, ибо на коварныхъ персіанъ полагаться нельзя,но черезъ Бухарію и Кабулъ должно будетъ проходить; будущая внутренняя война въ Персіи за наслѣдство и неминуемая война англичанъ съ Сѣверною Америкою, удвоивъ долгъ Англіи до двухъ тысячъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, подадутъ новые способы исполнить наше предпріятіе. Три года тому назадъ, какъ наши купцы изъ Сибири встрѣтились съ англичанами, переодѣтыми въ молебщиковъ, у источниковъ Гангеса, которая выходитъ изъ ледяныхъ горъ Гималаия въ Багхирати или Делли. Отъ сего я заключаю, что ежели изъ Сибири и изъ Оренбургской линіи, изъ разныхъ пунктовъ, посланы будутъ надежные люди въ направленіи на Тибетъ, Багхирати, Кагоръ и Делли, мы будемъ имѣть подробное свѣдѣніе о путяхъ, самыхъ трудныхъ для про-

хожденія войскъ и неизвѣстныхъ по сіе время. Отъ Делли, первой англійской колоніи, останется 1.000 верстъ до Калькутты, земли населенныя и изобильныя, слѣдовательно, удобныя для прохожденія войскъ.

Я не прежде оставилъ Петербургъ, какъ посовѣтовавшись съ Петромъ Петровичемъ Коновницынымъ, которому я открылъ мое предпріятіе. Я просилъ г. Вязьмитинова исходатайствовать мнѣ паспортъ, какъ простому дворянину; посовѣтовавшись съ вами, объявилъ мнѣ, что государь отказалъ въ моей просьбѣ, что было для меня большимъ препятствіемъ, и я рѣшился чрезъ нѣкоторое время открыть вамъ мое намѣреніе. Въ 1813 году, когда я сдѣлалъ предложеніе идти съ отрядомъ отъ Страсбурга въ Испанію, на соединеніе съ Веллингтономъ, предпріятіе, успѣхъ котораго зависѣлъ отъ тайны, было извѣстно всей арміи прежде моего отправленія. Этотъ случай заставилъ меня быть осторожнѣе во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ.

Армія, употребленная въ послѣдней войнѣ въ Индіи, подъ командою генерала Гастингса, состояла изъ 90.000 человѣкъ, изъ коихъ 10.000 единственно европейскихъ войскъ; прочіе же изъ индійскихъ дисциплинированныхъ солдатъ / cipayes /, подъ командою европейскихъ офицеровъ. Нынѣшняя оборонительная линія англійской земли въ Индіи - 2.500 англійскихъ миль. Всего же народа считается въ Индіи около 100 милліоновъ на пространствѣ одного милліона квадратныхъ миль. Три пятыхъ сего многочисленнаго народа повинуется нынѣ Великобританіи. Армія ея коснулась горъ Тибета и открыла источники Гангеса / Gange / и Инда / Indus /. Въ 1819 г. подробная опись регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ, содержимыхъ въ восточной Индіи: европейской инфантеріи - 20.978, кавалеріи - 4.692; артиллеріи - 4.563, всего 30.233 чел.; индійской инфантеріи - 152.815 чел., кавалеріи - 11.011, артиллеристовъ - 8.759; всего регулярныхъ индійскихъ войскъ / cipayes/ въ службѣ компаніи 152.585 чел.; всего -на-всего регулярныхъ войскъ 182.856 ч.. Сверхъ того находится 24 или 25 тысячъ иррегулярныхъ и 5.000 инвалидовъ.

Ожидая отвѣта отъ вашего сіятельства, я отправился на островъ Минорку, чтобы осмотрѣть важнѣйшій изъ портовъ Средиземнаго моря и крѣпость онаго Магонъ, куда англичане, послѣ экспедиціи на Алжиръ, вошли со всѣмъ флотомъ, для починки онаго. Если Соединенные Штаты Сѣверной Америки посредствомъ переговоровъ съ Испаніею пріобрѣтутъ Флориду, англичане по сему острову Кубу, почему бы намъ не исходатайствовать полуостровъ Калифорнію, который граничитъ съ нашими владѣніями въ Сѣверной Америкѣ, и островъ Минорку съ портомъ Магонъ; первый послужитъ намъ къ распространенію торговли и доставитъ намъ великія выгоды, послѣдній нуженъ намъ для укрытія нашихъ флотовъ въ Средиземномъ морѣ и для будущихъ предпріятій, заставляя болѣе и болѣе уважать нашъ флагъ. Мы имѣемъ право, кажется, всего отъ Испаніи, ибо мы были столь добры къ нимъ, что уступили часть нашего флота; между нами сказать, какъ же они бранятъ за сію драгоцѣнную уступку, утверждая, что флотъ сей

вовсе негодный.

Пишу вашему сіятельству изъ Паламоса въ Испаніи, близъ Барцелоны, куда буря заставила насъ укрыться; купеческіе корабли, которые не послѣдовали намъ, погибли на нашихъ глазахъ. Исправя снасти, отправляюсь въ Магонъ и оттуда въ Гибралтаръ.

Тоска по отечеству начинаетъ съѣдать меня. Простите меня, что наскучилъ вамъ политическими моими идеями; обѣщаю вамъ не писать болѣе о нихъ. Прошу васъ удостоить меня двумя строками своеручно, я почту сіе новымъ доказательствомъ вашего расположенія ко мнѣ.

I-го декабря 1819 г.,

Паламосъ, въ Каталоніи.

II

ИЗЪ ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА

КЪ ЛЬВУ СЕРГѢЕВИЧУ ПУШКИНУ

Кишиневъ. 2-е сент. 1820. - Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ съ подробными разсказами. Начинаю съ яицъ Леды. Пріѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку, по моему обыкновенію. Генералъ Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его / ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя /, сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ: лекарь, который съ ними ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь - я легъ въ коляску больной; черезъ недѣлю вылечился. Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впрочемъ, купался въ теплыхъ кисло-сѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи - любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои - излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная страна, до сихъ поръ не при-

несшая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ - и можетъ быть сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы - любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынѣче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большого выкупа они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого нибудь чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ черноморскихъ и донскихъ казакахъ - теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова.

КЪ КОНЧИНѢ
БОРИСА ДМИТРІЕВИЧА ПРИХОДКИНА.

Скончался полковникъ Борисъ Дмитріевичъ Приходкинъ. Для всѣхъ, знавшихъ покойнаго, это, конечно, большая и незамѣнимая личная утрата. Не стало милаго и такого всегда дѣятельнаго человѣка. Ушелъ отъ насъ еще одинъ изъ тѣхъ доблестныхъ военныхъ служакъ, которыми держалась и могла гордиться старая русская армія. Я пишу эти строки подъ впечатлѣніемъ чувства утраты. У меня нѣтъ подъ рукой необходимаго матеріала, чтобы дать хотя бы краткій, но точный отчетъ о прохожденіи службы полковника Б.Д.Приходкина. Да и нуженъ ли этотъ писарской послужной списокъ съ его неизбѣжными - " произведенъ тогда то", " служилъ тамъ то", " награжденъ такими то орденами"? Мы и такъ хорошо знаемъ, что Борисъ Дмитріевичъ былъ выдающимся боевымъ и строевымъ офицеромъ нашей славной артиллеріи.

Здѣсь, за рубежомъ, имя покойнаго останется навсегда связано доброю памятью съ музеемъ "Родной Корпусъ" и, въ особенности, съ журналомъ "КАДЕТЫ", которому Борисъ Дмитріевичъ посвятилъ, и какъ редакторъ-издатель, и какъ историкъ и бытописатель, столько своего труда и таланта. Этому прекрасному журналу покойный отдавалъ въ послѣдніе годы своей жизни весь свой краткій трудовой эмигрантскій досугъ. И мы въ правѣ сказать, что журналъ "КАДЕТЫ" останется надъ могилою Бориса Дмитріевича тѣмъ "нерукотворнымъ памятникомъ", который покойный воздвигъ себѣ еще при жизни.

Хотѣлось бы ошибиться, но боюсь, что со смертью полковника Б.Д.Приходкина отъ журнала "КАДЕТЫ" отлетитъ живая, вдохновенная творческая душа. Въ такомъ случаѣ, мы понесемъ двойную потерю.

Миръ праху твоему, дорогой Борисъ Дмитріевичъ, вѣчная память твоему прекрасному творчеству!

А.К.САВИЦКІЙ.

Русскій Военно-Историческій Вѣстникъ

№ 7

РЕДАКТОРЫ:

А. К. Савицкій и Ю. А. Топорковъ

ИЗДАНІЕ
КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ
ПАРИЖЪ—1950

8 июня 1952 г.

РУССКІЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

№ 7

Редакторы:
А.К. САВИЦКІЙ - Ю.А. ТОПОРКОВЪ

ПАРИЖЪ
1950

Стр.

Ю.А.ТОПОРКОВЪ. Къ вопросу о точной датѣ учрежденія россійской лейбъ-гвардіи I

А.К.САВИЦКІЙ. Международное значеніе Полтавской битвы 9

† Б.Д.ПРИХОДКИНЪ. Фельдфебель Балабинъ 20

А. МЮНСТЕРЪ. Генералъ-отъ-Инфантеріи, графъ М.А. Милорадовичъ 25

А.И.МИХАЙЛОВСКІЙ-ДАНИЛЕВСКІЙ. Воспоминанія о графѣ М.А. Милорадовичѣ 29

П.Б.СУШИЛЬНИКОВЪ. Изъ воспоминаній Астраханскаго Гренадера (1914). 14 августа 1914 г. 36

А.К.САВИЦКІЙ. Русскій воинъ въ созданіи отечественной культуры 42

"РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"
издается на правахъ рукописи. Всѣ права сохранены.
Въ этомъ номерѣ 50 стр. (48 + II)

Мы сердечно поздравляемъ нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ и читателей съ праздникомъ Рождества Христова и Новымъ Годомъ, просимъ принять ихъ наши лучшія пожеланія и выражаемъ твердую увѣренность въ томъ, что и въ новомъ, 1951-мъ году, они проявятъ то же высокое чувство любви къ родной военной старинѣ, какое воодушевляло ихъ и въ предыдущіе годы. Только въ этой увѣренности мы продолжаемъ нашъ нелегкій трудъ, и продолжаемъ его съ легкимъ сердцемъ и съ новыми силами.

А.Х.САВИЦКІЙ К.А.ТОПОРКОВЪ

ИЗДАНІЯ КРУЖКА
ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ

На складѣ остались въ ограниченномъ количествѣ слѣдующія изданія Кружка:

РУССКАЯ ВОЕННАЯ СТАРИНА, СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ ..... 200 фр.
ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ СУВОРОВА ..... 25 фр.
РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ № 4-5 ..... 125 фр.
РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ № 6 ..... 125 фр.
Пересылка за счетъ подписчиковъ.

№ 8-й РУССКАГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА предположено выпустить въ апрѣлѣ.

Требованія на всѣ изданія Кружка покорнѣйшая просьба направлять по адресу Почетнаго Члена Кружка Владиміра Григорьевича Ковалевскаго - Mr.W.Kovalevsky, 23, Rue de la Pépinière, Paris (8°) или - казначея Кружка Александра Александровича Стаховича - Mr. A. Stakhovitch, 8, rue de Nanterre, Asnières, (Seine).

Весь литературный матеріалъ надлежитъ направлять только по адресу редактора журнала, Андрея Казиміровича Савицкаго, Mr. A.Savitsky, 3, rue Désiré - Bertrand, EAUBONNE (S.et O.) FRANCE.

КЪ ВОПРОСУ О ТОЧНОЙ ДАТѢ УЧРЕЖДЕНІЯ РОССІЙСКОЙ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ

Если вопросъ о точной датѣ учрежденія царемъ Петромъ I-мъ двухъ полковъ - Преображенскаго и Семеновскаго, положившихъ впослѣдствіи основаніе Россійской гвардіи, вызвалъ въ свое время въ русской военно-исторической литературѣ споры и установилъ различные взгляды на этотъ предметъ, то не меньшую трудность для изслѣдователя представляетъ также вопросъ: съ какого же точно времени эти два полка стали именоваться лейбъ-гвардіей ? И въ первомъ и во второмъ случаѣ этотъ пробѣлъ въ нашей военно-исторической литературѣ является слѣдствіемъ неразработанности архивовъ Петровскаго времени, хранящихъ, возможно, документы, касающіеся данныхъ вопросовъ и могущіе ихъ окончательно разрѣшить. Литература о Петрѣ Великомъ и его времени, начиная съ мемуаровъ его современниковъ и кончая спеціальными монографіями, довольно значительна, но до сихъ поръ огромное число документовъ, относящихся къ интересующей насъ эпохѣ, еще не опубликовано и лежитъ въ фондахъ архивовъ неизслѣдованнымъ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что *исторіи* императора Петра I-го мы до сихъ поръ не имѣемъ, какъ не имѣемъ и *научно* опубликованныхъ всѣхъ историческихъ матеріаловъ эпохи Петра. Это положеніе вещей и объясняетъ наличіе того пробѣла въ нашей военно-исторической литературѣ, въ силу котораго всѣ попытки ряда изслѣдователей разрѣшить вопросъ - какова же точная дата учрежденія гвардейскихъ полковъ въ русской арміи ? - оставались безуспѣшными.

Если, какъ было сказано выше, вопросъ о точной датѣ учрежденія полковъ Преображенскаго и Семеновскаго породилъ въ свое время спеціальную литературу, то, къ сожалѣнію, второй вопросъ - о точной датѣ, когда эти полки стали называться *лейбъ-гвардіей*, не привлекалъ должнаго вниманія изслѣдователей, а если и привлекалъ, то поверхностно, и затрагивался, такъ сказать, косвенно, въ связи съ изслѣдованіями другихъ спеціальныхъ вопросовъ.

Эта краткая статья не ставитъ себѣ цѣлью сказать что-либо *новое* о точной датѣ учрежденія Россійской лейбъ-гвардіи. Въ эмигрантскихъ условіяхъ изслѣдователь въ данномъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ находится въ безпомощномъ положеніи, такъ какъ не имѣетъ ни доступа къ русскимъ архивамъ, ни зачастую возможности найти въ заграничныхъ книгохранилищахъ нужныхъ ему печатныхъ изданій. Цѣль этой статьи - показать, что въ существующей русской военно-исторической литературѣ вопросъ о точной датѣ учрежденія Россійской лейбъ-гвардіи остается до сего времени неразрѣшеннымъ. Всѣ печатные матеріалы, относящіеся къ военной исторіи эпохи императора Петра I-го, какъ мы увидимъ ниже, показываютъ лишь *приблизительную* дату, начиная съ которой полки Петровской бригады получили наименованіе лейбъ-гвардіи.

Если обратиться къ „Полному Собранію Законовъ Россійской Имперіи", изданному въ 1830 г., этому замѣчательному и наиболѣе полному памятнику законодательныхъ документовъ, то въ части, относящейся къ эпохѣ Петра Великаго (отъ тома III-го до половины VII-го) - никакихъ слѣдовъ объ учрежденіи лейбъ-гвардіи не находится. Никакого указа, распоряженія, приказа, иначе говоря, рѣшительно никакого законодательнаго акта „Полное Собраніе Законовъ" по интересующему насъ вопросу не содержитъ.

Что говорятъ по тому же вопросу наши „Энциклопедическіе" словари, и, въ первую очередь, словари спеціально военные ?

Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, составленная подъ редакціей генерала-лейтенанта Леера, говоритъ о Гвардіи такъ: „Гвардія Россійская учреждена въ началѣ царствованія Петра I-го изъ полковъ Преображенскаго и Семеновскаго. К о г д а и м е н н о п о л к и э т и н а з в а н ы Г в а р д і е й - в ъ т о ч н о с т и н е и з в ѣ с т н о (курсивъ мой, Ю.Т.), но въ архивѣ Семеновскаго полка есть свѣдѣнія, что онъ уже въ 1698 году назывался Лейбъ-Гвардіей". (Томъ II, СПБ., 1885, стр. 401).

Болѣе позднее изданіе другой „Военной Энциклопедіи" (Изданіе Т-ва И.Д. Сытина, СПБ., 1912), повторяя почти буквально сказанное въ словарѣ Леера, добавляетъ новыя данныя: „Россійская гвардія учреждена въ началѣ царствованія Петра I-го изъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Когда именно эти полки названы гвардіей, въ точности неизвѣстно. Въ перечнѣ войскъ, выступившихъ въ походъ на Азовъ въ 1696 году Преображенскій и Семеновскій полки гвардіей не названы. Въ 1700 году въ собственноручномъ дневникѣ Петра въ описаніи сраженія подъ Нарвой находимъ, что Петръ объяснялъ неудачу подъ Нарвой молодостью полковъ, изъ которыхъ лишь „два полка гвардіи были на атакахъ у Азова". Изъ этого слѣдуетъ, продолжаетъ „Энциклопедія", что учрежденіе гвардіи произошло между 1696 и 1700 годами. Въ архивѣ Л. Гв. Семеновскаго полка есть свѣдѣнія, что онъ уже въ 1698 году назывался Семеновской Лейбъ-Гвардіей" (Томъ VII, стр. 201).

„Энциклопедическій словарь" Ф. Брокгауза и И.Эфрона (Томъ VIII, стр. 196) повторяетъ свѣдѣнія изъ „Энциклопедіи" Леера и ссылается также на документы 1698 года, находившійся въ архивѣ Л.Гв. Семеновскаго полка.

„Энциклопедическій лексиконъ", изданный Плюшаромъ (СПБ., 1837, т. XIII, стр. 365), вовсе не уточняетъ вопроса и ограничивается лишь указаніемъ, что Россійская гвардія была учреждена императоромъ Петромъ I-мъ.

Документъ, хранившійся въ архивѣ Л.Гк.Семеновскаго полка, на который ссылаются вышеназванные словари, по всей вѣроятности, есть ни что иное, какъ документъ, упоминаемый П.П. Карцовымъ въ его трудѣ: „Исторія Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка. 1683 - 1854. (СПБ., 1852, часть I-ая, стр. 44), а именно - „Послужной списокъ по ротно офицеровъ Семеновской Лейбъ-Гвардіи" 1698 года. Однако, самъ Карцовъ не утверждаетъ рѣшительно, что на основаніи этого списка, 1698-й годъ должно считать годомъ основанія лейбъ-гвардіи. Онъ пишетъ: „19 августа 1700-го

года обнародовано объявленіе войны съ Швеціей... День этотъ замѣчателенъ въ исторіи Семеновскаго полка. Его считаютъ днемъ переименованія полка въ лейбъ-гвардію, на томъ основаніи, что во всѣхъ спеціальныхъ архивахъ государства, въ бумагахъ, писанныхъ отъ 22-го августа, въ первый разъ упоминается о Семеновскомъ полку, какъ о гвардейскомъ. Что же касается до полкового архива, то въ немъ есть документъ, заставляющій предполагать, что наименованіе Семеновскаго полка гвардіею произошло двумя годами ранѣе. Послужной списокъ 1698 года начинается словами: „Списокъ по ротно офицеровъ Семеновской лейбъ-гвардіи". (Стр. 42-43).

Къ сожалѣнію Карцовъ, одинъ изъ лучшихъ „полковыхъ исторіографовъ" своего времени, не подошелъ къ указанному имъ „Списку" со строгой научно-исторической критикой и не описалъ подробно этого документа. Не привелъ онъ также ни одной офиціальной „бумаги", писанной отъ 22-го августа 1700-го года, въ которой Семеновскій полкъ упоминался бы, какъ гвардейскій.

Двадцать съ лишкомъ лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ первой части „Исторіи Л.Гв.Семеновскаго полка" П.П.Кардова, извѣстный историкъ М.П.Погодинъ, съ кропотливой точностью изслѣдовавшій доступные ему архивные документы, посвятилъ нѣсколько своихъ трудовъ спорному вопросу о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Въ одномъ изъ этихъ трудовъ - „Происхожденіе Преображенскаго полка и съ нимъ гвардіи", онъ, подведя итогъ своимъ розыскамъ, пишетъ такъ: „Въ 1694-мъ году Преображенскій и Семеновскій полки въ офиціальной перепискѣ называются уже безъ прилагательнаго „потѣшные". А когда употреблено въ первый разъ имя гвардія, я сказать, по извѣстнымъ мнѣ теперь документамъ, не могу". („Русскій Вѣстникъ", 1875 г., кн. за февраль, стр.437).

Въ 1883 году, по случаю празднованія двухсотлѣтней годовщины основанія полковъ Преображенскаго и Семеновскаго, годовщины, установленной въ офиціальномъ порядкѣ, была напечатана въ журналѣ „Русская Старина" статья историка М.И. Семевскаго подъ заглавіемъ - „Петровская бригада". Семевскій хорошо зналъ исторіографію полковъ русской арміи (его перу принадлежитъ, между прочимъ, очень обстоятельное изслѣдованіе - „Полковая исторіографія въ ея постепенномъ развитіи"), поэтому здѣсь будетъ умѣстнымъ упомянуть о его мнѣніи насчетъ спорнаго вопроса, когда же была учреждена Россійская лейбъ-гвардія ? Упоминая о пораженіи мятежныхъ стрѣльцовъ у Воскресенскаго монастыря, гдѣ Преображенцы и Семеновцы играли главную роль, Семевскій пишетъ: „Царь прибылъ въ Преображенское 24-го іюня 1698-го года, ночью, и на другой же день произвелъ смотръ обоимъ названнымъ полкамъ, при чемъ, за вѣрную службу наградилъ ихъ значительными денежными суммами. Съ этого времени, впрочемъ, потѣшные получили наименованіе лейбъ-гвардіи". („Русская Старина"; 1883 г. кн. за май, стр. 255).

Какъ мы видимъ, и этотъ изслѣдователь рѣшаетъ вопросъ о точной датѣ учрежденія лейбъ-гвардіи лишь предположительно.

Въ 1900 году появился въ свѣтъ первый томъ исторіи Л. Гв. Преображенскаго полка, составленный опытнымъ полковымъ исторіо графомъ генераломъ-отъ-инфантеріи П.О. Бобровскимъ. До того существовало двѣ печатныхъ исторіи этого полка - шт.-кап.Азанчевскаго, изданная въ 1859 году и исторія, составленная капитаномъ Чичеринымъ, первый томъ которой былъ изданъ въ 1882-мъ году (1).

Обратимся къ исторіи Л.Гв. Преображенскаго полка, составленной въ 1900 году Бобровскимъ, т.е. самой послѣдней по времени изданія. Къ сожалѣнію, и въ этомъ трудѣ вопросъ о томъ, когда Преображенскій полкъ сталъ именоваться гвардейскимъ, ничего не сказано. Очевидно авторъ умышленно обошелъ этотъ вопросъ, не имѣя безспорныхъ доказательствъ о точномъ времени учрежденія лейбъ-гвардіи. Въ описаніи сраженія при Нарвѣ, имѣвшемъ исшедшемъ 19-го ноября 1700 года, Бобровскій говоритъ: „Полки Преображенскій въ составѣ 2204 и Семеновскій въ составѣ 1589 человѣкъ заняли позицію на самомъ правомъ флангѣ (стр.8). На страницѣ же 12-й, продолжая описаніе сраженія при Нарвѣ, онъ впервые пишетъ слово г в а р д і я: „Осадный паркъ расположенъ былъ на крайнемъ правомъ флангѣ, противъ моста, подъ охраной г в а р д і и..." Заканчивая описаніе того же сраженія, онъ, на страницѣ 16-й, говоритъ: „... до конца оставались вѣрными своему долгу: на лѣвомъ флангѣ - генералъ Вейде со старымъ Лефортовымъ и другими ближайшими полками, на правомъ флангѣ - п о л к и г в а р д і и Преображенскій и Семеновскій ...", „ ... оба г в а р д е й с к і е п о л к а стояли непоколебимо... " Приведенныя выписки, какъ мы видимъ, не только не разрѣшаютъ вопроса, но, наоборотъ, запутываютъ его, создавая впечатлѣніе, что названные полки получили наименованіе гвардіи чуть ли не во время сраженія при Нарвѣ, что нигдѣ и ни въ какихъ документахъ подтверждено быть не можетъ. Къ своей исторіи Преображенскаго полка Бобровскій приложилъ рядъ копій очень интересныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ различныхъ архивовъ. Однако, среди этихъ бумагъ, только изъ документа, помѣченнаго 1705-мъ годомъ, видно, что Преображенскій полкъ носилъ названіе гвардейскаго полка. „Лейбъ-гвардіи Преображенскому полку урядникомъ и солдатомъ и другихъ чиновъ людямъ въ роты и заротнымъ давалось дать новаго мундиру 3111 человѣкамъ". (Письмо кн. Н. Рѣпнина изъ Ковны 2-го октября 1705 года. Приложеніе къ II-му тому, СПБ., 1904, стр. 28.). Ни въ одномъ другомъ офиціальномъ документѣ, приведенномъ Бобровскимъ, слово гвардія не находится. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что гвардія была основана не ранѣе 1705-го года, но видно, что и послѣдняя по времени изданія исторія Преображенскаго полка оставила вопросъ о точной датѣ учрежденія гвардіи открытымъ.

Интересно отмѣтить, что анонимный авторъ статьи - „Нарва", напечатанной въ упомянутомъ выше Сытинскомъ изданіи „Военной Энциклопедіи" (СПБ., 1912), излагая подробности сраженія 19-го

---

(1) Въ 70-хъ годахъ появилась краткая Исторія Л.Гв.Преображенскаго полка. 1683-1872", безъ обозначенія автора, мѣста печати и года изданія.

ноября 1700-го года, пишетъ: „На правомъ флангѣ успѣхъ противника остановило мужество и стойкость д в о р я н с к и х ъ полковъ - Преображенскаго и Семеновскаго" (Слово - „Нарва", Т. XVIII, стр. 544). Не вдаваясь въ оцѣнку правильности или неправильности прилагательнаго „дворянскій", примѣненнаго въ данномъ случаѣ, интересно отмѣтить, что авторъ статьи хотѣлъ подчеркнуть особое, какъ бы привилегированное положеніе этихъ полковъ, въ отличіе отъ прочихъ регулярныхъ полковъ, но назвать г в а р д е й с к и м и не рѣшился, ибо ему и въ 1912-мъ году ничего положительнаго о точной датѣ учрежденія гвардіи извѣстно не было.

Упоминаніе въ „Военной Энциклопедіи" изданія Сытина 1912 года о томъ, что въ 1700 году въ собственноручномъ дневникѣ царя Петра въ описаніи сраженія подъ Нарвой Петръ объяснялъ неудачу молодостью полковъ, изъ которыхъ лишь „два полка гвардіи были въ атакахъ у Азова", не разрѣшаетъ вопроса о точномъ времени учрежденія лейбъ-гвардіи. Намъ не приходилось видѣть походныхъ и путевыхъ журналовъ, въ частности „Юрнала 1700-го года" царя Петра. Изданные въ 1853 году по повелѣнію императора Николая Павловича въ количествѣ лишь 102-хъ экземпляровъ, они раздавались или разсылались за границу членамъ Императорской фамиліи, и очень немногіе дарились самымъ приближеннымъ къ императору особамъ. Но по описанію этихъ „Юрналовъ", сдѣланному С. Соболевскимъ въ 1867 году видно, что „Юрналъ" 1700 года заключаетъ въ себѣ десять страницъ въ „осьмушку" текста и что велся онъ съ 18-го февраля по 8-е декабря („Юрналы и камеръ-фурьерскіе журналы 1695-1774 годовъ", Москва, 1867, стр.5). Слѣдовательно запись была сдѣлана Петромъ I-мъ между 19-го ноября (день сраженія у Нарвы) и 8 декабря, изъ чего можно заключить, что гвардіей Петръ I-й называлъ Преображенскій и Семеновскій полки н е п о з ж е 8-го декабря 1700-го года. Ту же выписку изъ поденной записи царя Петра послѣ сраженія подъ Нарвой приводитъ и Чичеринъ въ своей исторіи Л.Гв.Преображенскаго полка, изданной въ 1883 году, но даетъ ее не изъ оригинальнаго изданія, а изъ сочиненія Ласковскаго - „Матеріалы для исторіи инженернаго дѣла въ Россіи".

Для полноты обзора печатныхъ источниковъ, въ которыхъ авторы высказывали свой взглядъ по вопросу о времени учрежденія лейбъ-гвардіи, разсмотримъ и исторію Л.Гв.Преображенскаго полка Чичерина.

Какъ и Карцовъ, въ исторіи Л.Гв. Семеновскаго полка, Чичеринъ датируетъ учрежденіе лейбъ-гвардіи 22-мъ августа 1700-го года, т. е. днемъ выступленія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ изъ Москвы въ походъ подъ Нарву. Онъ пишетъ: „Этотъ день, какъ для Преображенцевъ, такъ и для Семеновцевъ, знаменателенъ еще тѣмъ, что они п о р а с п о р я ж е н і ю Петра Великаго, этого числа 1700 года получили наименованіе лейбъ-гвардіи (Томъ I, стр. 140). Однако, Чичеринъ не приводитъ документа, который могъ бы подтвердить это р а с п о р я ж е н і е царя Петра, а ссылается на позднѣйшій приказъ по гвардейскому и гренадерскому корпусамъ отъ 24-го августа 1850 года,

когда по волѣ императора Николая Павловича, эта дата учрежденія Россійской лейбъ-гвардіи стала офиціальной и, по существу, совершенно условной. Если бы существовалъ архивный первоисточникъ, подтверждающій безспорно эту дату, то на него, конечно, указали бы позднѣйшіе изслѣдователи, и вопросъ былъ бы давно разрѣшенъ. А изъ всего вышеизложеннаго видно, что всѣ изслѣдователи не пришли къ опредѣленному и безспорному выводу, но устанавливаютъ интересующую насъ дату лишь приблизительно, путемъ сопоставленія различныхъ документовъ, ограничиваясь лишь условными выводами и предположеніями.

Какъ вспомогательнымъ средствомъ для разрѣшенія даннаго вопроса, казалось бы, можно было воспользоваться послужными списками отдѣльныхъ лицъ, служившихъ въ Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ въ то самое время, когда произошло учрежденіе лейбъ-гвардіи. Къ сожалѣнію, такихъ списковъ въ архивахъ сохранилось мало, а къ тѣмъ, которые сохранились и извѣстны, надо отнестись съ большой осторожностью. Слѣдуетъ имѣть ввиду, что такіе списки или формуляры составлялись въ позднѣйшее время. Для примѣра укажемъ на списокъ о прохожденіи службы Ив.Ив. Бутурлина, служившаго въ полкахъ новаго устройства. Въ этой справкѣ, составленной въ 1721-мъ году, говорится: „Иванъ Бутурлинъ пожалованъ въ гвардію - въ штабъ-офицеры въ 195 году (1687 г.), а тому нынѣ 34-й годъ" (1). По справкѣ этой можно заключить, что гвардія существовала уже въ 1687 году. Здѣсь явное недоразумѣніе. Авторъ справки, составлявшій ее въ 1721 году, не потрудился задуматься надъ вопросомъ: было ли когда-нибудь время, когда полки Преображенскій и Семеновскій не носили еще названія гвардіи. Это, такъ сказать, чисто „канцелярскій" недочетъ, допущенный составителемъ справки. На основаніи послужного списка, составленнаго въ позднѣйшее время, біографъ князя А.Д.Меншикова - Д.Бантышъ-Каменскій - пишетъ: „Александръ Даниловичъ Меншиковъ пожалованъ сержантомъ гвардіи Преображенскаго полка въ 1698 году". (Біографіи Россійскихъ Генералиссимусовъ и Генералъ-Фельдмаршаловъ. Часть I, СПБ., 1840, стр.74). Повторяемъ, что въ подобныхъ послужныхъ спискахъ, составленныхъ въ позднѣйшее время, имѣется много недочетовъ и ошибокъ (2).

Съ подобной же осторожностью надо подходить и къ реляціямъ, напечатаннымъ въ позднѣйшее время. Для примѣра назовемъ такой печатный источникъ, какъ „Книга Марсова", изданная при жизни царя Петра въ 1713-мъ году. Въ ней напечатаны реляціи „воин -

---

(1) М. Погодинъ. Упомян. источн. Ю.Т.

(2) Это относится не только къ формулярнымъ спискамъ XVIII-го вѣка, но и къ началу XIX-го. А.Т.Борисевичъ, военный историкъ, въ своемъ историко-біографическомъ очеркѣ о ген.-отъ-кавалеріи Н.Н. Раевскомъ, замѣчаетъ, между прочимъ „ ..... только формулярные списки сержанта Н.Н. Раевскаго за 1779 и 1781 гг. можно считать правильными, а въ остальныхъ формулярныхъ спискахъ, не исключая и послѣдняго - за 1823 г. - накопилась такая масса недочетовъ, что потребовалось цѣлое архивное изслѣдованіе для того, чтобы въ нихъ разобраться" Ген.-отъ-кав. Н.Н.Раевскій, СПБ., 1912, стр. X-я.

скихъ дѣлъ, отъ войскъ Царскаго Величества Россійскихъ во взятіи преславныхъ фортификацій и на разныхъ мѣстахъ храбрыхъ баталій учиненныхъ надъ войсками Его Королевскаго Величества Короля Свейскаго". Такъ въ реляціи, „что въ мимошедшую осаду подъ крѣпостью Нотебургомъ чинилось", т. е. въ 1702-мъ году, мы читаемъ: „... въ 1-й день октября, о 4-хъ часахъ поутру, тысяча человѣкъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ въ суда посажены и на другую сторону Невы посланы .". Здѣсь упоминанія о гвардіи нѣтъ. А въ реляціи „о взятіи крѣпости Новыхъ Канецъ" (Ніенштанцъ, Ю.Т.) за 1703-й годъ говорится о гвардіи: (Апрѣля) „въ 28-й день къ вечеру господинъ капитанъ бомбардиръ (Петръ I-й, Ю.Т.), взявъ отъ г в а р д і и 7 ротъ, Преображенскаго 4, Семеновскаго 3 и управясь въ путь, поѣхали во штидесяти лоткахъ мимо города для осматриванія Невскаго на взморьѣ устья..;" но въ томъ же году (Май) - „... въ 2 день ... въ то время разставлены были по городовому валу Преображенскій и Семеновскій полки..." (Цитировано по сборнику - „Из боевого прошлого Русской Армии", М.1947, стр. 7, 10 и 11). Эти реляціи, своего рода офиціальные документы, какъ мы видимъ, не придерживаются точнаго наименованія полковъ, и въ одномъ случаѣ называютъ полки Преображенскій и Семеновскій гвардейскими, въ другомъ - безъ этого прилагательнаго.

Не упомянуто названіе „гвардія" и въ „Объявленіи съ Россійской стороны о баталіи съ Шведами при Нарвѣ", 19-го ноября 1700 года, извлеченномъ Бобровскимъ изъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. (Дѣла Шведскія. Дѣло № 16) и приведенномъ имъ въ его исторіи Л.Гв. Преображенскаго полка (См. приложеніе къ II-му тому, СПБ., 1904, стр. 19-20).

Интересно отмѣтить, что умершій въ 1699 году, дѣятельный сотрудникъ царя Петра по организаціи русскаго регулярнаго войска, Патрикъ Гордонъ, въ своемъ дневникѣ, написанномъ на англійскомъ языкѣ, называетъ „потѣшныхъ" - "The Guards" - т.е. гвардія. Такъ, во всякомъ случаѣ, переводитъ это слово Устряловъ въ своей „Исторіи царствованія Петра Великаго" (СПБ, 1858, Т.II, стр. 342). Однако, Труворовъ въ статьѣ „О времени учрежденія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ", напечатанной въ 1883 году въ „Историческомъ Вѣстникѣ", оспариваетъ этотъ переводъ и переводитъ слово „The Guards" просто „охрана", иначе — „тѣлохранители", т.е. тѣ стольники и стряпчіе, которые послѣдовали за Петромъ въ августѣ 1689 года, когда онъ былъ вынужденъ укрыться въ Троице-Сергіевской лаврѣ, боясь покушенія на него сторонниковъ царевны Софіи. („Историч. Вѣст.", 1883, кн. за октябрь, стр. 155). Во всякомъ случаѣ, слово „„The Guards" въ дневникѣ Гордона не соотвѣтствуетъ тому значенію слова гвардія, которое впослѣдствіи было присвоено полкамъ Преображенскому и Семеновскому. Еще въ средніе вѣка при европейскихъ дворахъ содержались стражи тѣлохранителей. Французы тоже называли ихъ „La garde". Однако ихъ не должно смѣшивать съ войсками, которыя впослѣдствіи получили наименованіе гвардіи. Только по учрежденіи постоянной арміи, тѣлохранители начали сводиться въ правильные полки, устроенные по образцу регулярныхъ полковъ этой арміи. (См. „Энциклопедическій лексиконъ", изд. Плюшара, т. XIII, стр. 196 и др.).

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, передъ празднованіемъ 200-лѣтняго юбилея основанія Петровской бригады, вопросъ о точной датѣ о с н о в а н і я породилъ горячіе споры. Мы знаемъ, „что тогда вполнѣ точнаго и безспорнаго,съ точки зрѣнія исторической истины, разрѣшенія вопроса не было достигнуто, а былъ онъ разрѣшенъ путемъ Высочайшаго повелѣнія, основаннаго на заключеніи особой Комиссіи, спеціально для сего назначенной, подъ предсѣдательствомъ Генерала Скугаревскаго, при участіи представителей отъ полковъ. Императоръ Александръ III повелѣлъ признать днемъ основанія Петровской бригады - 23 мая" (1683 г. Ю.Т.) - (См. „Преображенцы, Семеновцы, Бомбардиры. 1683-1933 ". Парижъ, 1933, стр. 5).

Официальной же датой учрежденія царской лейбъ-гвардіи императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ въ 1850-мъ году считать - 22-е августа 1700-го года. Послѣ 1721-го года гвардія стала именоваться не царской, а императорской. Объ эти официальныя даты надо считать условными. Замѣтимъ, что датой основанія Преображенскаго полка считалось (мнѣніе Погодина) - 30-е ноября 1683 г., на томъ основаніи, что такая дата находится въ надписи на извѣстной гравюрѣ М. Махаева, на которой изображенъ „Первый Россійскій солдатъ, Сергѣй Леонтьевъ,сынъ Бухвостовъ. Изъ придворныхъ служителей, 1683 году ноября 30 дня при началѣ военно-потѣшной службы первѣйшимъ въ оную самохотно предсталъ." Однако, день 30-го ноября, какъ день основанія полка, былъ измѣненъ на 23-ое мая. Но въ томъ же 1883-мъ году явилась мысль перенести дату основанія полковъ Преображенскаго и Семеновскаго на 30е мая, дабы соединить 200-лѣтній юбилей учрежденія потѣшныхъ полковъ съ годовщиной рожденія ихъ Великаго создателя (царь родился 30-го мая). - (См.„Русская Старина", 1883 г., май, стр.272). Всѣ эти перемѣщенія даты, не показываютъ ли они отсутствіе полной увѣренности въ безусловной ея точности ?

Подведя итогъ всему вышесказанному, можно вывести заключеніе, что въ вопросѣ объ установленіи точной даты учрежденія Россійской лейбъ-гвардіи мнѣнія цѣлаго ряда изслѣдователей расходятся. Что же касается до о ф и ц і а л ь н о установленныхъ датъ, то даты эти слѣдуетъ признать чисто условными.

Разрѣшить же безспорно этотъ вопросъ можно будетъ только тогда, когда будетъ научно изданъ и доступенъ для изслѣдователей в е с ь огромный архивъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ Петровской эпохѣ, и въ значительной своей части лежащій еще и понынѣ подъ спудомъ.

Въ началѣ этой замѣтки было сказано, что однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ печатныхъ историческихъ матеріаловъ Петровской эпохи является трудъ М.М. Сперанскаго - „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи" и что никакихъ слѣдовъ объ учрежденіи Россійской лейбъ-гвардіи тамъ не находится. Предпринимая свой огромный трудъ и имѣя доступъ ко всѣмъ государственнымъ архивамъ, М. М. Сперанскій не преслѣдовалъ научной цѣли. Его задача была не „ученой", а, такъ сказать, чисто практической — подготовка кодификаціи русскаго законодательства. Поэтому къ его труду мы не должны предъявлять требованія „полноты"и дѣлать ему упрекъ въ „пробѣлахъ". Нельзя смотрѣть на „Полное Собраніе Законовъ", которымъ пользовались и пользуются до сихъ

поръ ученые, какъ на археографическое изданіе и считать его т о ч н ы м ъ воспроизведеніемъ источниковъ для научно-историческихъ изысканій. Не смотря на наличіе подлинныхъ документовъ, Сперанскій не всегда пользовался ими; не прибѣгалъ онъ и ко множеству проэктовъ, черновиковъ, собственныхъ писемъ, резолюцій и помѣтъ царя Петра, относящихся къ этимъ документамъ. Между тѣмъ, среди множества подобнаго рода бумагъ, очень возможно, имѣются такія, которыя содержатъ недостающія данныя для выясненія вопроса о точной датѣ учрежденія Россійской лейбъ-гвардіи. Только научное обслѣдованіе всѣхъ этихъ документовъ можетъ разрѣшить вопросъ и заполнить досадный пробѣлъ въ нашей военно-исторической наукѣ.

Ю.А. ТОПОРКОВЪ.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ(I)

Послѣ Полтавскаго разгрома наиболѣе дѣятельные сотрудники Мазепы бѣжали за границу. Вмѣстѣ съ королемъ шведскимъ и малороссійскимъ гетманомъ перешелъ русско-турецкую границу и любимый племянникъ Мазепы, графъ Андрей Войнаровскій. Бѣглецы остановились въ селѣ Варницѣ, близъ Бендеръ; дальше турки ихъ не пустили. Остатки шведской арміи положили оружіе. Постепенно, группами и въ одиночку, шведы стали возвращаться на родину. 18-го марта 1710-го года умеръ Мазепа. Карлъ XII-й присутствовалъ на отпѣваніи и торжественномъ погребеніи своего стараго союзника. Тѣло гетмана было предано землѣ въ монастырѣ св. Георгія, близъ Галаца, на берегу Дуная. Въ свое время Костомаровъ сообщалъ, что „обломки надгробнаго камня, положеннаго на его (Мазепы, А.С.) могилѣ, съ надписью и изображеніемъ одноглаваго орла, сохранились до сихъ поръ въ музеѣ Михаила Гики, брата бывшаго валахскаго господаря". Сохранились ли эти остатки надгробной плиты до нашихъ дней, намъ не извѣстно.

Послѣ смерти Мазепы, проживавшіе въ окрестностяхъ Бендеръ украинцы выбрали новымъ гетманомъ генеральнаго писаря Орлика. Войнаровскій унаслѣдовалъ отъ своего дяди огромное по тому времени состояніе въ 160.000 червонцевъ. Такъ какъ личныя средства Мазепы оказалось почему то трудно отдѣлить отъ войсковой казны, то между Войнаровскимъ и Орликомъ возникли недоразумѣнія. Однако, Орликъ продолжалъ пользоваться услугами Войнаровскаго и нѣсколько разъ посылалъ его съ какими-то дипломатическими порученіями въ Константинополь.

Время шло, и разбрелись по всему свѣту Бендерскіе эмигранты. Послѣ смѣлой вооруженной ссоры съ турками, Карлъ лѣтомъ 1714-го года, переодѣтый и никѣмъ неузнанный, бѣжалъ изъ Турціи въ Швецію. Въ 1715-мъ году Войнаровскій уѣхалъ въ Вѣну, ставшую съ нѣкоторыхъ поръ и очень надолго убѣжищемъ для мятежныхъ украинскихъ самостійниковъ. Но въ Вѣнѣ Войнаровскій не задержался. Онъ жилъ широко, ему нужны были средства. Нѣкогда Мазепа и Вой-

(I) Начало статьи см. въ № 6-мъ журнала.

наровскій ссудили шведскому королю 240.000 талеровъ. Теперь Войнаровскій полагалъ, что настало время получить этотъ долгъ. Въ началѣ 1716-го года племянникъ Мазепы отправился въ Стокгольмъ. По пути онъ заѣхалъ повидать жившихъ въ плезвигскомъ Врацлавѣ жену и малолѣтнихъ сына и дочь. Повидимому, поѣздка въ Швецію увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ вскорѣ затѣмъ Войнаровскій составилъ завѣщаніе въ пользу своей семьи, а двѣ тысячи талеровъ отдавалъ монастырю св. Георгія подъ Галацемъ, гдѣ находилась могила Мазепы и гдѣ самъ Войнаровскій просилъ похоронить его „грѣшное тѣло". Этотъ столь дѣятельный, жаждущій жизни и наслажденій человѣкъ, недостигшій еще и сорока лѣтъ, точно предчувствовалъ недоброе, думалъ уже о смерти. Онъ прожилъ еще 24 года, но то были годы страданій, заточенія и ссылки. 1716-й годъ оказался роковымъ въ его жизни.

Изъ Швеціи Войнаровскій не вернулся въ Вѣну. Онъ поѣхалъ въ Гамбургъ. Намъ не извѣстны причины, побудившія его выбрать именно этотъ оживленный и многолюдный торговый городъ полемъ для своей дальнѣйшей дѣятельности: объ этихъ причинахъ мы можемъ только догадываться. Въ эпоху Великой Сѣверной войны Гамбургъ былъ едва ли не единственнымъ центромъ, гдѣ сходились нити всѣхъ политическихъ интригъ, какъ всегда дѣлившихъ Европу на нѣсколько враждебныхъ сторонъ. Средневѣковый обычай вольнаго города, предоставлять почти неограниченное право убѣжища пришельцамъ всякаго рода и племени, почему либо не поладившимъ съ законами своихъ странъ, превращалъ Гамбургъ въ средоточіе международнаго авантюризма. Городъ кишѣлъ агентами развѣдки и контръ-развѣдки. Всѣ державы имѣли здѣсь своихъ представителей или резидентовъ. Войнаровскій все это прекрасно зналъ, направляясь въ Гамбургъ. Зналъ онъ также, что встрѣтитъ тамъ женщину, которую онъ горячо любилъ въ незабвенные годы своей студенческой жизни въ Дрезденѣ. Можетъ быть, онъ продолжалъ ее любить и теперь. Съ тѣхъ поръ, когда красивый юноша, племянникъ малороссійскаго гетмана, дѣлилъ свои дни и ночи между строгими аудиторіями Дрезденскаго университета и бальными залами дворца курфюрста саксонскаго Фридриха-Августа, ставшаго вскорѣ польскимъ королемъ Августомъ II-мъ, прошло двадцать лѣтъ. Молоденькая и красивая графиня Марія-Аврора Кенигсмаркъ, увлекшая не на шутку самого курфюрста и подарившая ему замѣчательнаго сына, будущаго знаменитаго полководца Морица Саксонскаго, конечно, не помолодѣла за эти годы. Однако, друзья писали Войнаровскому изъ Гамбурга, что графиня на рѣдкость моложава и еще очень хороша собой, но, что самое главное, не забыла его и готова возобновить прежнюю дружбу.

Въ августѣ 1716-го года Войнаровскій прибылъ въ Гамбургъ. Красивая графиня Кенигсмаркъ, повидимому, очень нѣжно приняла своего давняго друга, который съ годами пріобрѣлъ мужественную привлекательность, умудреннаго опытомъ и уже пожившаго человѣка. Войнаровскій сталъ частымъ и желаннымъ посѣтителемъ свѣтскаго и политическаго салона своей подруги. Пользуясь ея прежними чувствами, отдавшись развлеченіямъ свѣтской жизни, онъ не забывалъ въ то же время и своей политической роли „врага Россіи и Петра"! Въ домѣ графини Кенигсмаркъ Войнаровскій часто видѣлся и подолгу говорилъ съ англійскимъ дипломатомъ Матесономъ. Неожиданно-

быстрый ростъ военно-морского могущества Россіи на Балтійскомъ морѣ очень пугалъ англичанъ, и въ Лондонѣ только и искали возможности поддержать враговъ Россіи, гдѣ бы они ни оказались. Въ разговорахъ съ Матесономъ Войнаровскій преувеличенно-рѣзкими чертами изображалъ бѣдственное положеніе Украины, якобы стонущей подъ русскимъ игомъ. Въ письмѣ отъ 18-го сентября 1716-го года Матесонъ доносилъ въ Лондонъ: „Вчера я имѣлъ продолжительную бесѣду съ Войнаровскимъ, племянникомъ Мазепы. Онъ нарисовалъ мнѣ картину положенія въ Сѣверной Европѣ и указалъ на угрозу со стороны русскаго царя интересамъ его величества (короля англійскаго, А.С.). Ставъ владыкой Ливоніи, царь безпрепятственно можетъ установить контроль надъ всей Сѣверной Европой, гдѣ равновѣсіе будетъ навсегда нарушено. Войнаровскій полагаетъ, что однимъ изъ способовъ ослабленія царскаго могущества является поддержка казачьяго народа, теперь лишеннаго своихъ правъ и вольностей. Англія, - говорилъ мнѣ Войнаровскій, - знаетъ, какая пытка для цѣлаго народа быть въ неволѣ, тѣмъ болѣе, что казачій народъ - народъ свободолюбивый".

Въ томъ же духѣ велись разговоры и въ Стокгольмѣ между англійскимъ посломъ лордомъ Картерстомъ и находившимся тамъ Орликомъ.

Вопросъ о появленіи Россіи на Балтійскомъ побережіи волновалъ европейскіе политическіе круги и, въ особенности, очень оживленно обсуждался въ Палатѣ Общинъ. Лондонскій кабинетъ выпустилъ даже особую брошюру, въ которой, между прочимъ, говорилось: „Русскіе заняли въ Балтикѣ мѣсто всѣхъ нашихъ европейскихъ народовъ. Торговля, прежде бывшая свободной по всему морю, стонетъ теперь подъ самовластіемъ московскаго царя и зоветъ всю Европу на помощь".

Такъ какъ законность „самовластія" московскаго царя въ ту пору ни въ комъ не вызывала ни малѣйшаго сомнѣнія, то это заявленіе Лондонскаго кабинета слѣдовало понимать, какъ недружелюбный актъ, направленный къ умаленію достоинства и интересовъ Россіи. Агенты царя старались по возможности обезвредить антирусскую пропаганду англичанъ.

Появленіе Войнаровскаго въ Гамбургѣ, его частыя свиданія съ англійскимъ резидентомъ Матесономъ не могли, конечно, не обратить на себя вниманіе русской развѣдки. Русскій резидентъ въ Гамбургѣ, Фридрихъ Беттигеръ, по договору съ царемъ обязавшійся принимать необходимыя мѣры противъ „вредныхъ и безчестныхъ для Россіи пасквилей", доносилъ царю, что „извѣстный его царскому величеству мятежникъ Андрей Войнаровскій, племянникъ Мазепы, открыто поноситъ его царское величество и ведетъ тайные переговоры съ англійскимъ резидентомъ".

Царь находился въ это время близъ Гамбурга, въ Мекленбургѣ, занятомъ русскими войсками. Его раздражало не столько, можетъ быть, вызывающее поведеніе Войнаровскаго, сколько снисходительное попустительство гамбургскаго магистрата, угождавшаго въ пику Россіи шведамъ и англичанамъ. И царь рѣшилъ, не считаясь ни съ чѣмъ, достать и наказать своего мятежнаго подданнаго. На совѣщаніи, созванномъ царемъ, князь Василій Долгорукій, графъ Толстой (русскій посолъ въ Даніи) и вице-канцлеръ Шафи-

ровъ одобрили мудрое рѣшеніе своего монарха. Исполненіе отвѣтственнаго и деликатнаго порученія было возложено на русскаго резидента въ Гамбургѣ, Фридриха Беттигера, котораго, въ случаѣ удачи, царь награждалъ крупной пожизненной пенсіей. Близость русскихъ войскъ (они стояли въ 40, 50 километрахъ отъ Гамбурга) въ значительной мѣрѣ обезпечивала успѣшность предпріятія. Царь отправилъ въ Гамбургъ на помощь Беттигеру и въ его распоряженіе нѣсколько офицеровъ во главѣ съ А.И. Румянцевымъ, тѣмъ самымъ Румянцевымъ, которому впослѣдствіи было поручено еще болѣе отвѣтственное и трудное дѣло - похищеніе изъ Неаполя бѣжавшаго туда и скрывавшагося тамъ отъ отцовскаго гнѣва царевича Алексѣя Петровича.

Съ чисто нѣмецкой аккуратностью и на нѣмецкомъ языкѣ записывалъ Беттигеръ всѣ издержки по похищенію Войнаровскаго. Счета эти сохранились. Какой то русскій чиновникъ подвелъ имъ слѣдующій краткій, но весьма краснорѣчивый итогъ: „Дано шпіонамъ разнымъ, за квартиру господина капитана Матюшина съ лошадьми, за сѣно, овесъ и солому лошадямъ его, города Гамбурга драгунамъ, городовому карауулу, за квартиру, дрова, свѣчи и прочее, по взятіи Войнаровскаго, кормовыхъ драгунамъ капитана Матюшина драгунамъ на дорогу и господину Годену, котораго Беттигеръ у Войнаровскаго въ игрѣ употребилъ, всего 889,I2 червонныхъ дукатовъ".

Интересенъ этотъ „безсмертный" Годенъ, вѣроятно, весельчакъ и симпатяга. Будучи агентомъ Беттигера, онъ поступилъ къ Войнаровскому на службу въ качествѣ секретаря. Пользуясь слабостью графа къ карточной игрѣ, онъ ловко его обыгрывалъ. Вскорѣ Годенъ свелъ Войнаровскаго съ другими агентами русской развѣдки и даже съ самимъ Румянцевымъ, жившимъ въ Гамбургѣ подъ чужимъ именемъ. Крапленыя русскія карты нѣсколько разъ заставляли Войнаровскаго требовать отъ его вѣнскаго банкира спѣшной присылки денегъ.

Часто бываетъ, что всѣ видятъ угрожающую человѣку опасность, одинъ онъ ее не замѣчаетъ. Такъ было и съ Войнаровскимъ. Окруженный русскими шпіонами, онъ посѣщалъ подозрительные почные кабачки, знакомился тамъ съ подозрительными людьми, не стѣсняясь высказывалъ свои политическія убѣжденія. Конечно, онъ продолжалъ бывать у своей возлюбленной, чисто по мужски вѣря въ преданность къ нему этой женщины, съ одинаковой легкостью измѣнявшей и королямъ, и простымъ смертнымъ. Друзья совѣтовали ему беречься: въ Гамбургѣ много русскихъ шпіоновъ и переодѣтыхъ царскихъ офицеровъ; неровенъ часъ - случится бѣда.

„Москали до меня не доберутся", - смѣясь говорилъ друзьямъ Войнаровскій. Почему онъ былъ такъ въ этомъ увѣренъ совершенно не понятно ? Добраться до Войнаровскаго „москалямъ" оказалось вовсе ужъ не такъ трудно. И вотъ какъ это случилось. Прежде всего Беттигеръ предъявилъ гамбургскому магистрату требованіе русскаго царя о задержаніи Войнаровскаго, какъ русскаго подданнаго, уклоняющагося отъ уплаты долга царской казнѣ. Русскія войска стояли въ разстояніи одного перехода отъ Гамбурга; возможность увидѣть ихъ на гамбургскихъ улицахъ отнюдь не соблазняла миролюбиво-настроенныхъ городскихъ совѣтниковъ и они

рѣшили удовлетворить требованіе царя Петра, тѣмъ болѣе, что въ этомъ требованіи ни слова не говорилось о выдачѣ Войнаровскаго русскимъ. Племяннику Мазепы грозилъ арестъ и заключеніе на гамбургской гауптвахтѣ подъ охраной гамбургскихъ властей до выясненія справедливости и законности предъявленныхъ ему обвиненій. Дальнѣйшія событія пошли совершенно инымъ путемъ.

Получивъ отъ гамбургскихъ властей копію приказа о задержаніи Войнаровскаго, Беттигеръ, не теряя времени, началъ дѣйствовать самостоятельно. Въ сопровожденіи отряда конныхъ гамбургскихъ полицейскихъ русскій резидентъ, вмѣстѣ со своимъ сыномъ, дѣлившимъ, повидимому, съ отцомъ всѣ опасности его ремесла, напалъ ночью на Войнаровскаго, возвращавшагося въ каретѣ отъ своей возлюбленной, и предъявилъ ему приказъ объ арестѣ. У Войнаровскаго, несмотря на его протесты и сопротивленіе, отняли шпагу и пистолеты; ему связали руки. Плѣнника отвезли по приказанію Беттигера не на гамбургскую гауптвахту, а въ экстерриторіальный особнякъ московскаго резидента. Войнаровскій очутился на русской землѣ, во власти царя Петра. Произошло это 13-го октября 1716-го года. Перепуганный магистратъ тотчасъ же распорядился выставить къ дому Беттигера стражу, чтобы помѣшать русскимъ увезти Войнаровскаго изъ Гамбурга. Всѣ подробности ночной драмы 13-го октября на другой же день и, конечно, въ сильно искаженномъ видѣ стали достояніемъ широкой публики, какъ всегда падкой до скандальныхъ сенсацій. Въ офиціальномъ гамбургскомъ „Курьерѣ" появилось слѣдующее краткое сообщеніе: „Въ нашемъ городѣ произошло недоразумѣніе. Графа Войнаровскаго, племянника гетмана Мазепы, задержалъ московскій резидентъ. Это прискорбное событіе можетъ вызвать серьезныя послѣдствія". Другія газеты энергично выступали на защиту попраннаго права убѣжища и открыто обвиняли власти въ непозволительной слабости по отношенію къ „деспотическому московскому сосѣду".

Шведы потребовали отъ магистрата немедленнаго освобожденія Войнаровскаго, „какъ лица, состоящаго подъ покровительствомъ шведскаго короля и полковника королевской гвардіи". Магистратъ отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, не можетъ удовлетворить это требованіе, такъ какъ Войнаровскій находится въ домѣ московскаго резидента, то-есть на русской территоріи. На защиту Войнаровскаго выступили также французскій посолъ Пуссенъ и представитель австрійскаго императора, верховнаго владѣтеля Гамбурга. Магистратъ высказалъ свои сожалѣнія по поводу случившагося и обѣщалъ принять всѣ мѣры къ недопущенію увоза Войнаровскаго изъ Гамбурга.

Иностранное вмѣшательство еще больше раздражило царя и онъ потребовалъ, чтобы Войнаровскій, „бунтарь, командовавшій на Украинѣ тремя полками и бѣжавшій", былъ немедленно выданъ. Рѣшительный тонъ этого требованія не оставлялъ сомнѣній въ томъ, что въ случаѣ отказа царь не постѣснится примѣнить силу. Съ другой стороны, шведскій посолъ предупреждалъ магистратъ, что удовлетвореніе царскаго требованія повлечетъ за собою враждебную демонстрацію шведскаго флота противъ гамбургскихъ судовъ. 28-го октября Гамбургъ отказался исполнить требованіе царя. Это было не столько смѣлое, сколько выгодное рѣшеніе. Ссора съ

русскимъ царемъ пугала гамбургскій магистратъ гораздо меньше, чѣмъ потеря торговыхъ интересовъ въ Западной Европѣ. Однако, въ теченіе всего ноября Войнаровскій оставался плѣнникомъ московскаго резидента Беттигера. 2-го декабря гамбургскій магистратъ получилъ изъ Вѣны увѣдомленіе, что царю Петру предложено перенести его тяжбу съ Войнаровскимъ въ имперскій судъ. Такой, вполнѣ легальный оборотъ дѣла, казалось, исключалъ (временно, по крайней мѣрѣ) возможность насилій со стороны русскихъ. Но тутъ произошло то, чего никто не предполагалъ. Совершенно измѣнивъ тактику, Петръ показалъ Европѣ, что онъ можетъ оказаться побѣдителемъ не только на полѣ воинской чести, но и за кулисами дипломатическаго безчестія.

Три женщины, повидимому, инспирированныя царемъ, рѣшили судьбу несчастнаго Войнаровскаго.

Царица Екатерина Алексѣевна, ожидавшая рожденія ребенка, находилась въ то время со своимъ дворомъ въ Альтонѣ, близъ Гамбурга. Царь изрѣдка наѣзжалъ туда. Они совѣщались, принимали рѣшенія. Послѣ одного изъ такихъ свиданій, 4-го декабря, т.е. наканунѣ дня св. Екатерины, пріѣхала изъ Альтоны въ Гамбургъ нѣкая гофмейстерина царицы. Эта придворная русская дама, имя которой, къ сожалѣнію, исторія намъ не сохранила, была послана самой царицей въ Гамбургъ со спеціальной цѣлью обсудить вмѣстѣ съ графиней Кенигсмаркъ дальнѣйшую судьбу Войнаровскаго.

Въ тотъ же день, послѣ свиданія съ русской дамой, графиня Кенигсмаркъ писала французскому послу Пуссену слѣдующее: „У меня была сегодня гофмейстерина царицы и сказала, что здоровье царицы плохо и что съ часу на часъ можно ждать рожденія ребенка. Ей необходимо переѣхать въ Гамбургъ, но царь не желаетъ объ этомъ и слышать, покуда не будетъ рѣшенъ вопросъ о Войнаровскомъ. Царица убѣждена, что если бы Войнаровскій добровольно, по своей иниціативѣ, явился къ царю, то не только не былъ бы наказанъ, но получилъ бы возможность жить свободно и гдѣ хочетъ въ Европѣ. Что до его родныхъ, теперь сосланныхъ въ Сибирь, то ихъ вернутъ на Украину, гдѣ они получатъ обратно отнятыя у нихъ имѣнія. Царь хочетъ только обсудить съ Войнаровскимъ казачьи дѣла. Гофмейстерина добавила, что завтра именины царицы, и царь былъ бы особенно благосклоненъ къ Войнаровскому въ этотъ день милостей для придворной среды. Послѣ всего этого я жду благополучнаго конца дѣла, всѣхъ насъ измучившаго".

Кажется страннымъ, что эта уже немолодая и столь опытная женщина такъ легко повѣрила въ возможность благополучнаго конца дѣла. Знала ли она больше того, о чемъ писала французскому послу, догадывалась ли о томъ, какая участь ожидаетъ любимаго ею человѣка, да наконецъ, любила ли она его? Какъ бы то ни было, но Аврора Кенигсмаркъ сумѣла убѣдить всѣхъ и въ томъ числѣ самого Войнаровскаго въ искренности милостивыхъ царскихъ обѣщаній, переданныхъ, кстати сказать, черезъ третье лицо.

Какъ позже писалъ французскій посолъ Пуссенъ, его коллеги — послы шведскій и датскій въ свою очередь, и тоже отъ царскаго имени, пообѣщали Войнаровскому свободу. Тѣшившемуся въ заключеніи плѣннику, конечно, очень хотѣлось вѣрить этимъ радужнымъ посуламъ, исходившимъ изъ устъ любимой женщины и евро-

пейскихъ дипломатовъ. И онъ повѣрилъ. Въ день св. Екатерины, 5-го декабря, гамбургскій магистратъ получилъ отъ Войнаровскаго слѣдующее прошеніе: „ Въ виду того, что сегодня празднуется день ангела ея царскаго величества, прошу высокомилостивый сенатъ и магистратъ доставить меня сегодня къ царю, у котораго я хочу просить свиданія, и, надѣюсь, что по случаю столь большого праздника, я получу милость отъ его царскаго величества".

Гамбургскія власти, конечно,очень охотно исполнили просьбу Войнаровскаго. Гора свалилась у нихъ съ плечъ.

Изъ дома московскаго резидента, въ закрытой каретѣ, подъ эскортомъ конныхъ гамбургскихъ полицейскихъ Войнаровскій былъ отвезенъ въ Альтону. Если царь дѣйствительно обѣщалъ Войнаровскому свободу, то слово свое онъ нарушилъ. Но мы не знаемъ, было ли, въ дѣйствительности, дано царемъ именно это,а не другое обѣщаніе. Изъ Альтоны Войнаровскаго увезли въ Петербургъ. Его допрашивали по обычаю того времени „съ пристрастіемъ". Судъ приговорилъ мятежника къ пожизненному одиночному заключенію въ Петропавловской крѣпости. Однако, въ 1723-мъ году, т.е. черезъ семь лѣтъ, участь Войнаровскаго была смягчена: его сослали на поселеніе въ Якутскъ. Онъ умеръ тамъ въ 1740-мъ году въ глубокой бѣдности, всѣми забытый. (1)

Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что царскій судъ, вообще очень суровый въ то время, не приговорилъ мятежнаго украинскаго полковника, племянника Мазепы, къ смертной казни, неизбѣжной, казалось бы,для столь виднаго государственнаго измѣнника. Рубили головы и за меньшія преступленія. Но рѣшеніе царскаго суда не могло быть, конечно, вынесено ни безъ вѣдома самого царя, ни, тѣмъ болѣе, вопреки его воли. Слѣдовательно, въ замѣнѣ смертной казни одиночнымъ заключеніемъ, а затѣмъ пожизненной ссылкой въ Сибирь, должно видѣть проявленіе той именно обѣщанной царемъ милости, которую Войнаровскій, по существу своего преступленія, отнюдь не заслужилъ.

Петръ Великій не былъ тѣмъ выдержаннымъ,послѣдовательнымъ человѣкомъ, который во всѣхъ своихъ поступкахъ и при любыхъ обстоятельствахъ обнаруживаетъ однѣ и тѣ же характерныя черты. Въ его необычайно сложной геніальной натурѣ умѣщались крайности и противорѣчія самыя, подчасъ неожиданныя. Онъ высоко цѣнилъ и уважалъ принципы обыденной этики и чести и поощрялъ проявленія ихъ въ своихъ подданныхъ, но самъ слѣдовать имъ не всегда могъ.

Послѣ Полтавской побѣды, въ сознаніи своего могущества, царь вмѣшивался не только въ политическія дѣла Европы, но и въ ея династическія интриги. А ихъ было не мало въ то время.

Будучи крайне раздраженъ не только двуличной политикой лондонскаго кабинета, но и персоной англійскаго короля Георга I-го, Петръ усиленно поддерживалъ кандидатуру Стюартовъ на англійскій престолъ. Въ то же время, на престолѣ шведскихъ ко-

---

(1) О Войнаровскомъ см. прекрасный трудъ: Ілько Ворщак. Войнаровський. „Хортиця". Львів. 1939.

ролей, освободившійся послѣ смерти Карла XII-го, царь прочилъ гольштинскаго герцога Карла-Фридриха, будущаго супруга своей старшей дочери Анны.

Говоря о международномъ значеніи Полтавской битвы, невозможно обойти молчаніемъ и семейно-династическую политику царя Петра, т.е., именно, его настойчивое стремленіе ввести свою семью въ семью другихъ европейскихъ монарховъ, чтобы связать Россію съ Европой не только узами политическихъ, но и семейныхъ отношеній.

Вспомнимъ, чѣмъ было въ представленіи европейцевъ Московское государство до Полтавскаго сраженія и чѣмъ стало оно въ ихъ же представленіи послѣ него. Мы не ошибемся, если скажемъ, что до Полтавы Россія (Московія) казалась европейцамъ страной дикарей, не желавшихъ и не умѣвшихъ общаться съ внѣшнимъ міромъ, чуждавшихся и боявшихся людей другихъ обычаевъ, языковъ и религій. Русскій человѣкъ не смѣлъ переступить предѣловъ своего отечества, не рискуя быть обвиненнымъ въ государственной измѣнѣ, да и самъ онъ очень неохотно пускалъ къ себѣ иностранцевъ. Весь бытъ древней дореформенной Руси исключалъ какую-бы то ни было возможность сближенія Руси съ Западомъ. Вотъ почему мысль царя Ивана Васильевича Грознаго сочетаться бракомъ (восьмымъ по счету) съ женщиной европейской культуры, англичанкой Мэри Гастингсъ, вызываетъ всеобщее недоумѣніе. Даже такой европеизированный царь, какимъ былъ Алексѣй Михайловичъ, съ трудомъ представляется намъ супругомъ какой-нибудь иностранной принцессы. Московскому быту были чужды свободные нравы Западной Европы.

Послѣ Полтавскаго сраженія все это рѣзко измѣнилось. Россія вдругъ далеко шагнула въ Европу, и европейцы увидѣли, что передъ ними новое европейское государство, зачатіе, рожденіе и быстрый ростъ котораго они какъ-то проглядѣли. Русскіе люди оказались теперь одѣтыми въ европейское платье, что было очень важно, такъ какъ на западѣ всегда обращали большое вниманіе на внѣшность. Появившись въ Европѣ, русскіе свободно заговорили на европейскихъ языкахъ и вполнѣ усвоили европейскіе обычаи и внѣшнія правила поведенія. Но самое, конечно, главное было то, что они научились воевать. И это послѣднее обстоятельство вызывало въ Европѣ удивленіе и страхъ.

Не случайно, что именно послѣ Полтавы царь Петръ очень рѣшительно порвалъ съ московской, царской (отнюдь не кіевской, великокняжеской) традиціей, въ силу которой московскіе цари, какъ правило, избѣгали иностранныхъ браковъ для членовъ своей семьи. Въ эпоху, когда государственные и династическіе интересы въ значительной мѣрѣ отождествлялись, царь Петръ не могъ не желать войти равноправнымъ членомъ въ семью европейскихъ монарховъ. Равноправность эту могли ему дать только близкія родственныя связи. Полтавская побѣда, поставившая Россію на уровень первоклассной европейской державы, и создала какъ разъ необходимыя условія для осуществленія матримоніальныхъ проэктовъ царя Петра.

Прежде всего Петръ поспѣшилъ выдать замужъ свою вторую племянницу Анну Іоанновну за молодого курляндскаго герцога

Фридриха-Вильгельма. Бракосочетаніе состоялось 31-го октября 1710-го года. Фридрихъ-Вильгельмъ вскорѣ умеръ, и Курляндія, ставъ на нѣкоторое время предметомъ династическихъ споровъ Польши, Россіи и Швеціи, фактически отошла къ Россіи. Это былъ первый положительный итогъ семейно-династической политики царя Петра.

Незадолго до Полтавской битвы Петръ просилъ у герцога Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго руку его дочери Шарлотты-Христины-Софіи для своего сына Алексѣя, но получилъ очень уклончивый отвѣтъ, болѣе похожій на отказъ, чѣмъ на согласіе. Теперь, послѣ побѣды Петра надъ Карломъ XII-мъ, герцогъ Вольфенбюттельскій самъ предложилъ свою дочь въ супруги царевича Алексѣю. Петръ согласился. Свадьба царевича Алексѣя Петровича и принцессы Шарлотты Вольфенбюттельской состоялась 14-го октября 1717-го года въ Торгау въ присутствіи самого царя. Благодаря этому браку царь Петръ и царевичъ Алексѣй становились свойственниками не только Вольфенбюттелей, но и австрійскихъ Габсбурговъ, такъ какъ старшая сестра принцессы Шарлотты-Христины-Софіи годомъ раньше стала австрійской императрицей, супругой благополучно тогда царствовавшаго Цезаря Римскаго и Императора Австрійскаго Карла VI-го. Такимъ образомъ, русскій Императоръ Петръ II-й, сынъ царевича Алексѣя Петровича и принцессы Шарлотты-Христины-Софіи, былъ роднымъ племянникомъ австрійской Императрицы и двоюроднымъ братомъ наслѣдницы австрійскаго престола эрцгерцогини Маріи-Терезіи, вступившей на престолъ Габсбурговъ въ 1740-мъ году. Какъ мы видимъ, послѣдствія брака царевича Алексѣя Петровича съ Шарлоттой Вольфенбюттельской могли бы получить очень большое значеніе, если бы Императоръ Петръ II-й не скончался четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и продолжилъ бы династію своего великаго дѣда.

19-го апрѣля 1716-го года въ Данцигѣ въ присутствіи царя и короля польскаго Августа II-го состоялось бракосочетаніе Екатерины Іоанновны, старшей племянницы царя, съ герцогомъ мекленбургскимъ, Леопольдомъ. Конечно, этотъ бракъ далъ царю Петру законный поводъ интересоваться судьбой Мекленбурга.

Къ счастію или несчастію для Россіи (можно только гадать) не осуществилась завѣтная мечта царя — обручить свою малолѣтнюю дочь Елизавету (родивш. въ 1709-мъ году) съ малолѣтнимъ же французскимъ королемъ Людовикомъ XV-мъ (род. въ 1710-мъ году). Но возможность такого брака не исключалась обѣими заинтересованными державами и окончательно отпала только въ 1723-мъ году, когда Людовика XV-го женили на Маріи Лещинской, дочери короля польскаго Станислава.

Наконецъ, незадолго до своей кончины царь Петръ обручилъ свою старшую дочь Анну съ герцогомъ гольштитинскимъ Карломъ Фридрихомъ, племянникомъ шведскаго короля Карла XII-го и претендентомъ на шведскій престолъ. Обрученіе это состоялось 24-го ноября 1724-го года.

Какъ мы знаемъ, послѣдствія всей этой матримоніальной политики Петра были весьма значительны, хотя отнюдь не всегда благотворны для Россіи. Предвидѣть это царь, конечно, не могъ.

Но,какъ бы то ни было, Россія оказалась отнынѣ тѣсно связанной съ Западной Европой не только политическими, но и семейно-династическими интересами.

Петръ Великій не для того преобразовалъ Россію, чтобы поставить ее гдѣ то на задворкахъ Европы.Предвидя исключительное будущее своего народа, царь предвидѣлъ также, что этому народу придется не разъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свое первенствующее мѣсто въ концертѣ великихъ европейскихъ державъ. Искушенный и мудрый политикъ, едва ли когда-либо вѣрившій въ возможность искренняго, безкорыстнаго содружества этихъ державъ, Петръ желалъ, можетъ-быть, не столько ввести Россію въ Европу, сколько п р о т и в о п о с т а в и т ь ее ей, хотѣлъ заставить не только признать ее, но и бояться. Изъ своего огромнаго политическаго опыта царь Петръ сдѣлалъ одинъ совершенно неоспоримый выводъ: великая и сильная Россія никогда не пріобрѣтетъ себѣ расположенія европейскихъ народовъ, конкурирующихъ съ ней въ политическомъ и экономическомъ отношеніи.

Полтавское сраженіе представляется намъ какъ бы первымъ національнымъ испытаніемъ Россіи на званіе великой державы. И мы видимъ, что Россія это испытаніе блестяще выдержала.

Заключеніемъ къ настоящему историческому этюду лучше всего могутъ служить слова старинной русской поговорки — „Погибъ, какъ шведъ подъ Полтавой !"

Въ сугубой насмѣшливой восклицательности этихъ пяти словъ содержится особый и не малый смыслъ. Этими словами, ставшими нѣкимъ иносказательнымъ обобщеніемъ, русскій народъ пожелалъ выразить свою пророческую увѣренность въ то, что, какъ шведъ погибъ подъ Полтавой, такъ погибнутъ и всѣ прочіе враги Россіи. Въ перспективѣ исторіи пророчество это исполнялось не разъ. О будущемъ говорить преждевременно.

Если побѣду подъ Лѣсной царь Петръ назвалъ „матерью Полтавской побѣды", то сама Полтавская побѣда еще съ большимъ правомъ можетъ быть названа матерью всѣхъ другихъ славнѣйшихъ русскихъ побѣдъ въ XVIII-мъ и XIX-мъ столѣтіи,ибо она легла въ основаніи подлинно-національной русской военной доктрины и въ теченіе двухъ вѣковъ вдохновляла лучшія боевыя традиціи нашей арміи.

Духъ Полтавы рѣялъ надъ затуманенными пороховымъ дымомъ холмами Кунесдорфа, когда столь самонадѣянный „скоропостижный" король прусскій Фридрихъ Великій, этотъ геній изъ геніевъ, терпѣлъ страшное пораженіе отъ русскихъ войскъ стараго фельдмаршала Салтыкова.Въ безпорядкѣ бѣжали съ береговъ Одера муштрованные полки всѣми признаннаго великаго полководца Европы.

Въ какомъ то оцѣпенѣніи смотрѣлъ Фридрихъ на разгромъ и бѣгство своей арміи. Въ раздраженіи онъ вонзилъ передъ собою въ землю свой кирасирскій палашъ. Голова его упала на грудь. Все было кончено. Въ его сознаніи мелькнула мысль о самоубійствѣ. Склянка съ ядомъ лежала въ карманѣ его мундира.

Въ эту трагическую минуту къ королю подскакалъ гусарскій ротмистръ баронъ фонъ-Притвицъ.

-·Ваше Величество, казаки близко! - крикнулъ онъ, показывая саблей въ сторону русскихъ. Громъ выстрѣловъ заглушилъ его слова. Сквозь разорванныя вѣтромъ клочья дыма было видно, какъ изъ-за ближайшихъ возвышенностей быстро приближался отрядъ казаковъ. Фридрихъ, блѣдный, съ выпученными отъ растерянности и отчаянія глазами, пытался что-то прокричать въ самое ухо Притвица. Голосъ совершенно не повиновался королю, нижняя челюсть дрожала. Его слова потонули во все усиливавшемся грохотѣ пушекъ, свистѣ ядеръ и пуль, топотѣ ногъ и дикомъ воѣ бѣгущихъ безъ оглядки солдатъ. Но и безъ словъ все было понятно. Взглянувъ на короля, Притвицъ невольно подумалъ:

- Muth verloren - alles verloren ! -

Фридриху быстро подвели его вороного жеребца. Нельзя было терять ни одной секунды. Забывъ свой палашъ, воткнутый въ землю, путая дрожащей рукой поводья, плохо попадая ногой въ стрѣмя, король сѣлъ въ сѣдло. Онъ скакалъ карьеромъ, неуклюже размахивая локтями, плохо держась въ сѣдлѣ. Любя конницу больше другихъ родовъ войскъ, король былъ, по странной насмѣшкѣ судьбы, отвратительнымъ кавалеристомъ. Рядомъ съ королемъ, не отставая ни на шагъ, скакалъ фонъ-Гецъ. Вдругъ Фридрихъ, замедливъ аллюръ, поднесъ къ губамъ склянку съ ядомъ. Рѣзкимъ движеніемъ Гецъ выбилъ ее изъ руки короля. Они понеслись дальше, обгоняя толпы солдатъ, посылавшихъ вслѣдъ королю и его спутникамъ площадную брань...

Западно-европейскіе историки, страдающіе въ большинствѣ своемъ болѣзненно-обостреннымъ національнымъ самолюбіемъ, желаютъ во что бы то ни стало оправдать или хотя бы только какъ-то пріемлемо объяснить (не признать невозможно) пораженія своихъ „Александровъ Македонскихъ". Оправданія и объясненія выискиваются какія то странныя, или явно второстепеннаго значенія или стихійно-космическія, такъ сказать, неизбѣжно-роковыя. Всѣми этими выдумками несправедливо умаляется историческое значеніе и несравненная красота нашихъ русскихъ побѣдъ. Надо называть вещи ихъ собственными именами. Нѣтъ, не пресловутый „насморкъ" Наполеона и не суровая русская зима, одинаково тягостная для насъ и для нашихъ враговъ, были причиной пораженія французовъ въ Россіи. Въ основѣ этого пораженія лежали, съ одной стороны, - непонятная политическая близорукость Наполеона, быть можетъ, увлекшагося въ тотъ историческій моментъ своимъ геніемъ и своимъ могуществомъ; ошибочный общій стратегическій разсчетъ (матеріалъ, время, пространство) и отсутствіе внутренней спайки и патріотическаго подъема въ огромной разноязычной „великой" арміи; съ другой стороны, - и это прежде всего и главнымъ образомъ, - изумительныя боевыя качества русской арміи и высокій жертвенный патріотизмъ всего русскаго народа, выразившійся въ тѣсномъ единеніи всѣхъ классовъ общества, ради достиженія побѣды.

Не подлежитъ сомнѣнію, что существуетъ глубокое внутреннее сродство и традиціонная преемственность между такими событіями нашей военной исторіи, какъ Полтава (1709 г.), Кунерс-

дорфъ (1759 г.), Итальянская кампанія Суворова (1799 г.), Отечественная война 1812-го года. За эти 103 года лучшіе полководцы Европы - Карлъ XII-й, Фридрихъ II-й, Макдональдъ и Моро, наконецъ, самъ великій Наполеонъ, терпѣли рѣшительныя пораженія отъ русскихъ армій. За эти 103 года не угасалъ свѣточъ русской военной славы, онъ бережно передавался изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ дѣдовъ и отцовъ - сыновьямъ и внукамъ.

Пушкинъ своимъ всеобъемлющимъ русскимъ геніемъ первый изъ нашихъ историковъ понялъ значеніе Полтавской битвы. Имѣя въ виду именно это дѣяніе Петра Великаго, онъ сказалъ: „Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и громѣ пушекъ", съ тою только разницей, добавлю, что этотъ громъ пушекъ отнюдь не былъ мирнымъ громомъ привѣтственныхъ холостыхъ салютовъ, обычныхъ при спускѣ кораблей, а убійственнымъ для враговъ Россіи огнемъ созданной Петромъ русской артиллеріи.

Длительность вліянія историческихъ событій, конечно, не безпредѣльна. Но есть такія историческія событія, которымъ не страшна „вѣковъ завистливая даль". Полтавская битва принадлежитъ, именно, къ числу такихъ событій. Воспоминаніе о Полтавѣ навсегда останется для насъ, русскихъ, не только какимъ-то отвлеченнымъ символомъ, но и вполнѣ конкретнымъ, всегда жизненнымъ, творческимъ возбудителемъ національно-русскаго военнаго могущества. Не будемъ, однако, вдаваться въ область сомнительныхъ историческихъ предсказаній и удовлетворимся тѣмъ, что сказано.

О томъ, чему мы сами были недавними свидѣтелями, о томъ, что намъ предстоитъ еще увидѣть, выскажутся съ большей объективностью будущіе русскіе историки. Возможно, что они смогутъ прибавить еще нѣчто существенно-новое къ тѣмъ историческимъ сопоставленіямъ и выводамъ, которые я только-что сдѣлалъ. Ибо, каковы бы ни были временныя, случайныя, а, порою, и неизбѣжныя превратности и противорѣчія историческихъ судебъ нашей родины, она, какъ мнѣ кажется, достойна того великодержавнаго положенія, которое было ей когда-то предопредѣлено побѣднымъ исходомъ Полтавской битвы.

А.К. САВИЦКІЙ

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ БАЛАБИНЪ

Съ Японской войны я возвратился въ 5-ую Артиллерійскую Бригаду, знакомую мнѣ по началу моей офицерской службы.

Въ это время тамъ обсуждался вопросъ: кого назначить вторымъ старшимъ офицеромъ въ 8-ую батарею ? Требовалось дать туда офицера, во-первыхъ, непьющаго и, во-вторыхъ, - строгаго по службѣ. Необходимость этихъ требованій вытекала изъ характера командира 8-ой батареи, милѣйшаго Владиміра Александровича Воронкевича; любилъ онъ выпить и временами запивалъ дней на десять. На это время нуженъ былъ надежный замѣститель, такъ какъ первый старшій офицеръ, капитанъ Медвѣдовскій, находился въ командировкѣ въ Артиллерійской школѣ. Второе требованіе слѣдо-

вало изъ чрезмѣрной доброты Воронкевича, которой пользовались худшіе солдаты батареи. Чувствовалась слабость власти. Необходимо было дать противовѣсъ. Выборъ остановился на мнѣ.

Явившись въ батарею, я засталъ тамъ полную чашу въ хозяйственномъ отношеніи и непорядки - въ строевомъ. Нижніе чины обращались къ командиру помимо своихъ прямыхъ начальниковъ. Авторитетъ фейерверкеровъ стоялъ очень не высоко. Сплошь да рядомъ по добротѣ командира батареи нарушалась отпускная очередь. Встрѣчаю, напримѣръ, солдата моей полубатареи, одѣтаго въ новое обмундированіе, съ чемоданомъ въ рукахъ. Спрашиваю: „Куда ты собрался ?" Получаю веселый отвѣтъ: „Въ отпускъ, Ваше Благородіе, командиръ отпустилъ !" - „А кто же тебѣ разрѣшилъ обратиться къ командиру ? " - „Я, Ваше Благородіе, третьяго дня носилъ командиру на квартиру газету, такъ и попросился" - „Но вѣдь у насъ установлена очередь отпусковъ. Ты значитъ у кого-то укралъ очередь ? " - „Не могу знать, Ваше Благородіе, а только командиръ разрѣшилъ, и я ѣду".

Въ канцеляріи батареи я поднялъ этотъ вопросъ. „Дядя", такъ обычно звали Владиміра Александровича офицеры, увѣрялъ меня, что онъ отпустилъ его, такъ какъ онъ очень хорошій солдатъ и очень слезно просился въ отпускъ. По справкамъ же оказалось, что солдатъ этотъ штрафованный и находится въ батареѣ „подъ надзоромъ".

Когда уговоры мои на „дядю" не подѣйствовали и такіе отпуска повторялись, я рѣшилъ дѣйствовать по закону, о чемъ и предупредилъ командира. Случай вскорѣ представился: встрѣчаю опять одного съ чемоданомъ - та же исторія. Тогда я за обращеніе къ командиру не по командѣ наложилъ на него взысканіе въ видѣ воспрещенія отлучки со двора на 30 сутокъ.

„Раздѣвайся, сдай каптенармусу второсрочную одежду и доложи своему взводному."

Какъ командиръ меня ни упрашивалъ простить, я настоялъ на своемъ: „Дорогой Владиміръ Александровичъ, вѣдь изъ-за него страдаютъ другіе. Зачѣмъ же было тогда устанавливать очередь отпусковъ. Отмѣнить наказаніе никто не можетъ, такъ какъ оно наложено справедливо, и я не вышелъ изъ предѣловъ предоставленной мнѣ власти."

Результатъ такого оборота оказался неожиданный. Когда какой нибудь солдатъ просился у Воронкевича въ отпускъ, тотъ дружелюбно хлопалъ его по плечу и говорилъ: „Ничего не могу подѣлать, иди къ штабсъ-капитану Приходкину, можетъ быть онъ разрѣшитъ..." Солдаты стали обращаться ко мнѣ, но тутъ ужъ я быстро покончилъ съ этимъ безпорядкомъ: какъ безъ разрѣшенія взводнаго обратился ко мнѣ, такъ четыре наряда и получай, а взводному - два наряда, за безпорядокъ во взводѣ. Но все это было какъ-то по хорошему, никто не сердился, никто не обижался, солдаты были прекрасные и скоро пріучились обращаться по командѣ.

Сталъ я присматриваться къ фельдфебелю, въ началѣ предполагая въ немъ причину разболтанности. На видъ - нестроевой, неказистый, съ небольшой бородой, никогда на солдатъ не кричитъ, но слушаютъ его безпрекословно. Было въ немъ что-то такое,

что доставляло ему уваженіе и солдатъ и офицеровъ. Скромный, даже немного, какъ-будто, застѣнчивый, онъ всегда всякіе вопросы рѣшалъ просто и быстро. Въ грамотѣ былъ не силенъ. Природный умъ помогалъ ему сразу опредѣлять выгодна ли для батареи та или иная комбинація. Чувствовался въ немъ большой хозяинъ, и убѣдился я въ этомъ черезъ два мѣсяца послѣ прибытія моего въ батарею.

Перваго октября батарейный праздникъ - Покровъ Пресвятой Богородицы. Послѣ обычнаго въ батареѣ молебна, на который пришли всѣ офицеры и фельдфебеля бригады, командиръ пригласилъ ихъ раздѣлить съ батареей трапезу. На батарейномъ дворѣ были поставлены столы для солдатъ и отдѣльно для офицеровъ. Особыхъ блюдъ гостямъ не давали: что солдатамъ, то и гостямъ. Тутъ я впервые оцѣнилъ нашего фельдфебеля. Все меню обѣда составлялъ онъ; ни командиръ, ни завѣдующій хозяйствомъ въ это дѣло не вмѣшивались. Меня это удивило, но офицеры успокоили: „Лучше Федора Васильевича никто не устроитъ!" И, дѣйствительно, лучше такого солдатскаго обѣда я не видѣлъ никогда. Борщъ изъ свинины съ пирогами; на второе - по четверти гуся съ яблоками; на третье - компотъ изъ фруктовъ и по бутылкѣ пива, а хлѣбъ къ обѣду - бѣлый.

Поразило меня то, что никто изъ гостей не удивился такому пиршеству. Командиръ бригады, генералъ Владиміръ Гавриловичъ Ивановскій, замѣтилъ мое недоумѣніе: „Удивляетесь ? ... А мы привыкли. У Федора Васильевича всегда такъ." Не сказалъ - „У Воронкевича", а именно - „у Федора Васильевича".

Ужинъ былъ въ томъ же родѣ: борщъ изъ свинины, на второе - бигосъ и на третье - рисовый пловъ со сливами и вновь по бутылкѣ пива и бѣлый хлѣбъ. Я поинтересовался у завѣдующаго хозяйствомъ, изъ какихъ суммъ они думаютъ покрыть громадную передержку. Тотъ только усмѣхнулся: „Какая тамъ передержка, еще и экономія будетъ". - „Откуда " ? - „Спросите у Федора Васильевича."

Федоръ Васильевичъ въ это время угощалъ бригадныхъ фельдфебелей у себя на квартирѣ. Для этой цѣли ему предоставлялись широкія полномочія въ смыслѣ расхода на угощеніе. Рѣшилъ спросить на другой день, а пока пошелъ въ казарму, поглядѣть въ какомъ состояніи люди и какъ они себя ведутъ по случаю праздника. Изъ казармы слышалась пѣсня: „Въ нашей батареѣ все народъ хорошій" ... При моемъ появленіи, какъ только подалась команда „смирно", все стихло. Лежавшіе на койкахъ сразу поднялись, нѣкоторые, правда, едва-едва. Въ такой день всегда бываютъ пьяные и всѣ потомъ утверждаютъ, что охмѣлѣли отъ пива: „какое то здорово хмѣльное было !"

Въ дальнемъ углу, куда команда очевидно не долетѣла, два друга обнявшись пѣли батарейный тропарь: „Днесь благовѣрніи людіе свѣтло празднуемъ". Пѣли не въ ладъ, но съ настроеніемъ, вѣроятно тоже отъ пива. Сильно выпившимъ оказался только одинъ, тотъ, котораго я оставилъ безъ отпуска. Его удерживали на койкѣ два товарища, чтобъ не удралъ изъ батареи. Увидя меня, онъ вырвался отъ нихъ, хотѣлъ, видимо, стать смирно, но „пиво" подвело - сталъ только на четвереньки и крикнулъ: „Ваше Благоро-

діе, Ваше Благородіе.." Хотя съ пьяными уставъ рекомендуетъ не разговаривать, но я все-таки остановился: „Что ты хочешь сказать"? - „Желаю вамъ сказать... Ваше Благородіе.." Онъ, вѣроятно, забылъ, что хотѣлъ сказать, но потомъ вспомнилъ: „Желаю вамъ сказать, Ваше Благородіе... Ура !"

Когда я выходилъ изъ казармы, ко мнѣ подошелъ мой взводный: „Такъ что, Ваше Благородіе, разрѣшите доложить, къ вамъ желаетъ обратиться бомбардиръ-наводчикъ Лебеда". На всякій случай я спросилъ, не пьянъ ли онъ. „Никакъ нѣтъ, онъ не пьющій". - „Зови !" Подбѣгаетъ и вытягивается: „Честь имѣю явиться, Ваше Благородіе". - „Что ты хочешь сказать ?" - „Ваше Благородіе, разрѣшите по случаю праздника васъ покачать ?" И не дожидаясь моего согласія крикнулъ: „Ребята, на ура нашего штап-капитана!" Меня подхватили, покачали и на рукахъ вынесли на дворъ. - Когда опустили на землю и я ихъ поблагодарилъ, Лебеда поклонился мнѣ въ поясъ: „И вамъ спасибо ото всѣхъ насъ за отпускную очередь."

На другой день я узналъ, откуда въ батареѣ берутся деньги на такое пиршество. Весной Федоръ Васильевичъ скупаетъ по деревнямъ малыхъ гусятъ. Цѣлое лѣто, до Покрова, пасетъ ихъ въ батарейномъ саду „негодящій для службы" канониръ. Свой фруктовый садъ въ пять десятинъ, съ озеркомъ по серединѣ, батарея имѣетъ за гроши тоже благодаря находчивости Федора Васильевича. До Покрова гусята дѣлались уже большими гусями и часть ихъ рѣзали на праздникъ, а часть продавали. Продавался также и пухъ съ зарѣзанныхъ гусей. Выручка оказывалась настолько большой,что покрывала всѣ передержки.

Кромѣ гусей батарея имѣла всегда нѣсколько свиней и барановъ. И все это заботами Федора Васильевича. Сталъ я приглядываться къ нему и, надо признаться, - учиться. Что меня сразу удивило - у него не было коровы. Фельдфебель безъ коровы - явленіе рѣдкое. Честность его была такова, что когда батареѣ надо было достать денегъ до полученія ассигновки и подрядчикъ предлагалъ ихъ взаймы, то векселя онъ не требовалъ, говоря: „Запачему минѣ онъ, нехай только Федоръ Васильевичъ скажутъ, когда придти за деньгами, такъ съ мине этово вже довольно будетъ".

Такая была и его семья, жена и двѣ дочери, Паня - старшая, а младшую, забылъ какъ звали. Жена никогда не выряжалась и никто изъ солдатъ не называлъ ее „барыней - фельдфебельшей", звали по имени и отчеству; и въ батарею она никогда не совалась. Дочки - милыя дѣвушки, старшая окончила гимназію, обѣ вышли замужъ за бригадныхъ подпрапорщиковъ. И въ нихъ,и въ ихъ матери былъ какой-то женскій шармъ, какая-то обаятельность. На Пасху всѣ офицеры батареи во главѣ съ Воронкевичемъ всегда ходили къ Федору Васильевичу,чтобы поздравить его и его семью со Свѣтлымъ Праздникомъ.

Заботами Федора Васильевича въ батареѣ хлѣбъ мѣсили особой „крутилкой-мѣсилкой", сдѣланной въ батареѣ же. И лучшій хлѣбъ бывалъ всегда въ 8-ой батареѣ. Появилось въ газетахъ объявленіе о продажѣ овощей „огневой сушки". Федоръ Васильевичъ просилъ командира дознаться, что это за „огневая сушка", и когда Воронкевичъ „дознался", то въ батареѣ появилась и „Огневая сушка",

благодаря которой батарея имѣла всегда запасъ сухихъ овощей со своего огорода, о которомъ скажу ниже.

Но чѣмъ Федоръ Васильевичъ прославился, такъ это изобрѣтеніемъ походной кухни. Прежде на маневрахъ за войсками возили котлы; и вотъ, придетъ какая-нибудь часть вечеромъ на бивакъ, тутъ бы и хватить борща съ кашей, но... пока вкопаютъ котлы, да разведутъ огонь, такъ и аппетитъ пройдетъ. Сигналъ къ обѣду подаютъ, иной разъ, въ два часа ночи. Молитва - „И Ты даеши намъ пищу во благовременіи..." звучала злой ироніей.

Въ батарейныхъ кухняхъ печи занимали почти половину кухни и дровъ на нихъ расходовалось сверхъ нормы. Федоръ Васильевичъ придумалъ сдѣлать для котла, вмѣсто громадныхъ кирпичныхъ печей, желѣзный кожухъ, кстати и заводъ подходящій былъ недалеко въ Бердичевѣ, заводъ Плохецкаго. Сразу стало свободно въ кухнѣ и дровъ шло меньше. Додумался Федоръ Васильевичъ привинтить этотъ кожухъ на повозку, чтобы на ходу варить. Повозиться пришлось только съ герметической крышкой, больше четырехъ мѣсяцевъ ее дѣлали, но за то вышла на славу, даже свистокъ къ предохранительному клапану придѣлали, какъ засвиститъ кухня, - солдаты ужъ знаютъ - борщъ закипѣлъ.

Дошла эта выдумка до Командующаго Войсками Округа генерала М.А.Драгомірова. Пріѣхалъ онъ въ Житомиръ, въ 8-ую батарею. Въ то время не вся бригада стояла въ Житомирѣ, 3-я и 4-я батареи и Управленіе бригады - въ Бердичевѣ.

„Покажите-ка мнѣ вашу кухню". Показали, доложили, что изобрѣлъ ее фельдфебель батареи Балабинъ. Драгомировъ приказалъ запречь батарею и выѣхать въ поле съ кухней. Проманежилъ батарею походомъ верстъ пятнадцать, прогонялъ ее по пахотѣ, остановилъ и потребовалъ пробную порцію. Попробовалъ и говоритъ: „Эхъ, къ такому борщу да чарку водки !" А у командира въ кобурахъ маневренный запасъ былъ. „Разрѣшите, Ваше Высокопревосходительство !" Поднесли ему „капитанскую" (большую чарку). Расхвалилъ кухню, пожалъ руку Федору Васильевичу, приказалъ выдать ему наградныя, а потомъ въ приказѣ по Округу объявилъ о желательности завести въ войскахъ такія кухни. Маленькая подробность, характеризующая Федора Васильевича. Пріѣзжавшій съ Драгомировымъ французскій военный агентъ предложилъ Федору Васильевичу продать Франціи патентъ за 5000 франковъ. Тотъ скромно отказался: „Въ Россіи придумано, пущай въ Россіи и остается, а во франкахъ я ничего не понимаю". Отъ пяти тысячъ франковъ отказался. За чертежъ этой кухни каждая часть платила ему потомъ 5 рублей.

Достойно вниманія, какъ опять таки благодаря ему батарея получила за гроши шесть десятинъ поля, прилегавшаго къ батарейному саду. Пригородная земля отдавалась помѣщиками въ аренду по 40 рублей десятина, платить такія деньги батарея конечно не могла, а получить эту землю было заманчиво. Что же придумалъ Федоръ Васильевичъ ? Земля эта принадлежала богатому помѣщику поляку, отставному лейбъ-улану Арценевскому, у котораго была единственная наслѣдница, прехорошенькая племянница. А въ батареѣ былъ, тоже не уродъ, офицеръ Дорошевскій, и тоже полякъ. Мысль о томъ, что „не мѣшало бы", подалъ Воронкевичу Федоръ

Васильевичъ. Арценевскій былъ приглашенъ съ племянницей на бригадный балъ. Когда они появились въ собраніи, оркестръ заигралъ полковой маршъ лейбъ-уланъ. Однимъ словомъ, встрѣтили его съ такимъ вниманіемъ, что отставной лейбъ-уланъ растаялъ, сталъ бывать на бригадныхъ вечерахъ и принимать у себя нашихъ офицеровъ. До свадьбы дѣло не дошло, но отказать Воронкевичу сдать батареѣ прилегавшія къ ея саду шесть десятинъ земли, не могъ. Брать такъ, какъ платили ему мѣстные арендаторы, 40 рублей за десятину, тоже не хотѣлъ и отдалъ по шести рублей.

Пришелъ Федору Васильевичу „предѣльный возрастъ". Пришлось кончать службу, прощаться съ батареей, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь, отдалъ всю свою душу. Проводы были торжественныя.

Зная его безупречную честность и хозяйственныя способности, капитанъ П.А.Крюковъ уволилъ управляющаго своимъ маленькимъ имѣніемъ и взялъ на его мѣсто Федора Васильевича. Вмѣсто прежняго убытка, имѣніе стало давать каждый годъ тысячи двѣ дохода.

Вотъ каковъ былъ Федоръ Васильевичъ Балабинъ.

† Б.Д. ПРИХОДКИНЪ

ГЕНЕРАЛЪ-ОТЪ-ИНФАНТЕРІИ, ГРАФЪ М.А.МИЛОРАДОВИЧЪ

(къ 125-й годовщинѣ со дня смерти)

125 лѣтъ тому назадъ, 14-го декабря 1825-го года, Петръ Каховскій, предводительствовавшій на Сенатской площади взбунтовавшимися солдатами, смертельно ранилъ пистолетнымъ выстрѣломъ Санктпетербургскаго военнаго генералъ-губернатора, генералъ-отъ-инфантеріи графа Михаила Андреевича Милорадовича. Въ память этой трагической даты мы помѣщаемъ краткое жизнеописаніе героя Итальянской кампаніи, Швейцарскаго похода и Отечественной войны.

Редакція

„Милорадовичъ, графъ Михаилъ Андреевичъ, генералъ-отъ-инфантеріи и Санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ. Потомокъ благородной сербской фамиліи, поселившейся въ Россіи при Петрѣ I-мъ, сынъ генералъ-поручика, дружнаго съ Суворовымъ и Кутузовымъ, онъ родился въ 1770 году, десяти лѣтъ былъ записанъ л.-гв. въ Измайловскій полкъ подпрапорщикомъ, въ 1783-мъ году произведенъ въ сержанты и вскорѣ затѣмъ отправленъ въ чужіе края, для образованія себя науками. Начавъ учиться въ Кенигсбергскомъ университетѣ, подъ руководствомъ знаменитаго философа Канта, Милорадовичъ пробылъ два года въ Геттингенѣ, откуда посланъ родителями въ Страсбургъ и Мецъ, славившіеся тогда своими военными школами; по окончаніи курса въ Мецѣ ѣздилъ въ Парижъ, тамъ представлялся Людовику XVI и былъ отличенъ королевою Маріею-Антоанетою, а въ 1787 году, уже просвѣщеннымъ европейцемъ, возвратился въ Россію. Тогда же пожалованный прапорщи-

комъ и, въ 1788 году, подпоручикомъ. Милорадовичъ дѣлалъ кампанію 1790 года поручикомъ, при воцареніи Павла, въ 1796 году, получилъ чинъ капитана; въ 1797 году, „за знаніе службы и усердіе къ оной", произведенъ въ полковники, а 27 іюля 1798 года - въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, который вскорѣ пошелъ въ Италію, гдѣ, въ апрѣлѣ 1799 года, поступилъ подъ начальство Суворова. Боевая служба Милорадовича началась блистательно: обративъ на себя вниманіе Суворова, мужественной атакою, 14-го апрѣля, непріятельскаго поста Лекко, Милорадовичъ, за отличіе въ дѣлѣ, 15 апрѣля, при Кассано, награжденъ орденомъ св. Анны 1-го класса; за побѣду, 1 мая, при Бассано, орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго; за дѣятельное участіе въ трехдневномъ бою, 6, 8 и 9 іюня, на р. Требіи, получилъ алмазные знаки къ ордену св. Анны 1-го класса, а за новые подвиги мужества въ бою, 4-го августа, при Нови, — бриллiантовыя украшенія къ ордену св. Іоанна Іерусалимскаго и сардинскій орденъ св. Маврикія и Лазаря. Въ эпоху безсмертнаго Суворовскаго похода въ Швейцарію, Милорадовичъ, командуя авангардомъ одной изъ половинъ арміи Суворова, 15 сентября поразилъ французовъ при Урзернѣ, близъ Чортова моста, гдѣ для примѣра нижнимъ чинамъ, лично скатился на спинѣ съ уступа въ лощину, а 19-го сентября одержалъ верхъ надъ непріятелемъ въ долинѣ Муттенталь, за что, въ чинѣ генералъ-маіора, получилъ орденъ св. Александра Невскаго. По возвращеніи изъ Швейцаріи въ Россію, Милорадовичъ сталъ съ Апшеронскимъ полкомъ на Волыни, гдѣ провелъ и первые годы царствованія Александра I, но, при открытіи кампаніи 1805 года, поступилъ въ армію Кутузова и тутъ, командуя резервомъ князя Багратіона, отличился въ дѣлахъ: 24 октября, у Амштетена и, 29 октября, подъ Кремсомъ, за что получилъ орденъ св. Георгія 3-го класса, а 20 ноября, подъ Аустерлицомъ, примѣрно дѣйствовалъ на глазахъ Императора Александра, который, награждая подвиги отличившихся въ 1805 году, произвелъ Милорадовича въ генералъ-лейтенанты. - Въ 1806 году Милорадовичъ быстро привелъ ввѣренный ему корпусъ съ Днѣстра въ Валахію; 11 декабря поразилъ турокъ при Гладіанѣ; 13 декабря повторилъ тоже близъ Бухареста; 6 и 19 марта 1807 года опрокидывалъ значительныя вылазки турокъ изъ Журжи, за что награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст. большого креста, а 2 іюня, въ день неудачи русскихъ подъ Фридландомъ, совершенно разбилъ великаго визиря при Обилешти, чѣмъ самымъ выручилъ Бухарестъ изъ угрожавшей ему бѣды - и получилъ золотую, алмазами украшенную, медаль съ надписью: „за спасеніе Бухареста". - Весь 1808 годъ провелъ въ переговорахъ съ турками, а въ 1809 году, Милорадовичъ, испытавъ, 24 марта, неудачу на приступѣ къ Журжѣ, отличился въ бою, 3 сентября, при Рассеватѣ, за который былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, потомъ получилъ назначеніе командовать арміей, сбиравшейся въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, но вскорѣ не опредѣленъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ, гдѣ и оставался до самаго начала отечественной войны. - Весною 1812 года Императоръ Александръ поручилъ Милорадовичу формировать запасныя войска въ Калугѣ, гдѣ Милорадовичъ жестоко заболѣлъ глазами, но съ полученіемъ письменныхъ просьбъ Барклая-де-Толли и Ермолова спѣшилъ съ резервами къ арміи, разомъ выздоровѣлъ - и, уходя

по 200 верстъ въ полторы сутки, черезъ шесть дней привелъ свои резервы изъ Калуги въ Гжатскъ. Это было передъ самымъ Бородинскимъ сраженіемъ, въ которомъ Милорадовичъ, командуя сначала правымъ крыломъ, потомъ центромъ арміи, всюду являлся однимъ изъ первыхъ пособниковъ Кутузова, за что, вмѣсто обѣщаннаго ему Кутузовымъ ордена св.Георгія 2-го класса, получилъ бриллiантовые знаки къ ордену св.Александра Невскаго, - вслѣдствіе чего, съ жаромъ разсказывая иногда о Бородинской битвѣ, не оставлялъ прибавлять: „Какъ градъ сыпались на насъ ядра, картечи, пули, бриллiанты". - Черезъ день послѣ Бородинскаго боя, Кутузовъ поручилъ Милорадовичу главный арріергардъ - и Милорадовичъ, съ 28 августа 1812 по 12 мая 1813 года оставался безсмѣннымъ стражемъ арміи, причемъ, угрозивъ Мюрату погребсти себя подъ развалинами оставленной Кутузовымъ Москвы, если французы не пріостановятъ наступленія, способствовалъ безпрепятственному вывозу изъ столицы множества казеннаго и частнаго имущества, а потомъ прикрывалъ движеніе русской арміи до вступленія ея въ Тарутинскій лагерь; командовалъ центромъ въ бою подъ Тарутинымъ, откуда съ Суворовскою быстротою поспѣлъ на битву къ Малоярославцу, заставивъ восхищеннаго Кутузова сказать: „ты ходишь скорѣе, чѣмъ ангелы летаютъ". При началѣ рѣшительнаго отступленія французовъ по Смоленской дорогѣ, Милорадовичъ получилъ въ свое командованіе почти половину арміи и, слѣдуя параллельно непріятелю, разбилъ 22 октября, подъ Вязьмою, соединенные корпуса вице-короля Евгенія, князя Понятовскаго, Нея и Даву, на плечахъ которыхъ ворвался въ Дорогобужъ; 4, 5 и 6 ноября принималъ великое участіе въ бояхъ подъ г. Краснымъ; потомъ съ невѣроятною скоростью, пришелъ по бездонной грязи, на берега Березины, откуда неутомимо гналъ французовъ до самой Вильны. Награжденный за всѣ эти подвиги орденами св.Владиміра I класса и св.Георгія 2 класса, Милорадовичъ, по выступленіи арміи за р. Нѣманъ, двинулся съ двумя корпусами къ Варшавѣ, которую, 20 января 1813 года, принудилъ къ сдачѣ, за что получилъ право носить на эполетахъ вензелевое имя Императора Александра I-го. При дальнѣйшемъ заграничномъ походѣ арміи, Милорадовичъ обложилъ крѣпость Глогау; въ апрѣлѣ вступилъ въ Дрезденъ; весь день Люценскаго сраженія, 20 апрѣля, невольно простоялъ у Цейца, говоря со слезами: „въ первый разъ въ жизни моей бездѣйствую, слыша пушечную пальбу ! "; но съ 23 апрѣля, когда сорзники отступили отъ Люцена, сражался ежедневно до самаго Бауцена, гдѣ, въ двухдневномъ бою 8 и 9 мая, онъ командовалъ лѣвымъ крыломъ арміи и, передъ глазами Императора Александра, отразилъ всѣ нападенія непріятеля, а 16 мая поразилъ французовъ при Рейхенбахѣ, гдѣ, между прочимъ, погибъ и фаворитъ Наполеона, генералъ Дюрокъ. Наградою этихъ подвиговъ было возведеніе Милорадовича въ графское Россійской имперіи достоинство, съ правомъ носить на войнѣ серебряный знакъ военнаго ордена, жалуемый нижнимъ чинамъ: „носи солдатскій крестъ, сказалъ тогда Государь Милорадовичу; ты - другъ солдатъ". Назначенный, послѣ краткаго Пойшвицкаго перемирія, начальникомъ резерва главной арміи, состоявшаго въ вѣдѣніи Цесаревича Константина Павловича, Милорадовичъ, вмѣстѣ съ Его Высочествомъ, участвовалъ въ бояхъ 14 и 15 августа подъ Дрезденомъ, а 17 ав-

густа, подъ Кульмомъ, принялъ послѣ раненаго графа Остермана начальство надъ войсками, и, 18 августа, былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ совершеннаго пораженія корпуса Вандаммова, за что получилъ золотую шпагу съ алмазами и лаврами, подарокъ въ 50 тысячъ рублей и австрійскій орденъ Леопольда I-й ст. Въ Лейпцигскомъ бою, 4, 6 и 7 октября, Милорадовичъ командовалъ русско-прусской гвардіей и награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а въ день взятія Парижа, 18 марта 1814 года, начальствовалъ всѣми резервами союзныхъ войскъ, за что получилъ командорственный крестъ австрійскаго ордена Маріи Терезіи и прусскій орденъ Чернаго Орла. - По возвращеніи русской арміи въ предѣлы отечества, графъ Милорадовичъ назначенъ командиромъ гвардейскаго корпуса, съ которымъ онъ, въ 1815 году, выступилъ изъ Петербурга въ Вильно, чтобы идти далѣе за границу, но вслѣдствіе результатовъ Ватерлооской битвы, пришелъ назадъ въ Петербургъ. Въ 1818 году графъ Милорадовичъ сопровождалъ Императора Александра въ путешествіи по Крыму, отличаясь неистощимою веселостью своею, остроуміемъ и разсказами, а вскорѣ затѣмъ онъ былъ назначенъ с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и оставался въ этой должности по день 14 декабря 1825 года, когда пуля убійцы пресѣкла славную жизнь Милорадовича, не только пощаженнаго судьбою, но даже ни разу не раненаго въ столькихъ сраженіяхъ. - Тѣло графа Милорадовича погребено въ Благовѣщенской церкви Александроневской Лавры. - Наполнивъ подвигами своими цѣлое тридцатилѣтіе русской военной исторіи, графъ Милорадовичъ сдѣлался лицомъ популярнымъ, о которомъ и въ арміи и въ народѣ ходило много разсказовъ. Всѣ знали, что графъ М.А. Милорадовичъ, слывшій храбрымъ изъ храбрыхъ и русскимъ баярдомъ, любилъ болѣе всего славу, потомъ солдатъ, и, подобно Суворову, скучалъ безъ войны, хотя при своемъ веселомъ характерѣ, былъ наклоненъ къ удовольствіямъ, не бѣгалъ пировъ, и, щедрый до расточительности, не понималъ, какъ можно жить безъ долговъ. - „Милорадовичъ, говоритъ соратникъ его принцъ Евгеній Виртембергскій - былъ явленіе рѣдкое, во всемъ значеніи слова - рыцарь. Никто не могъ равняться съ нимъ въ храбрости. Его равнодушіе въ опасностяхъ превосходило всякое вѣроятіе. Въ самомъ жаркомъ огнѣ не истощалось его остроуміе; онъ смѣшилъ насъ въ тѣ минуты, когда мы обрекали себя на вѣрную смерть. Гнѣвъ и неудовольствіе на подчиненныхъ изъявлялъ онъ только ѣдкою насмѣшкою". Добавимъ, что графъ Милорадовичъ благоговѣлъ къ памяти Суворова, не любилъ Кутузова и враждовалъ съ княземъ Багратіономъ, но узнавъ о смерти послѣдняго, прослезился и весь день былъ въ мрачномъ настроеніи духа."

А. МЮНСТЕРЪ

(ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ. ИЗД. А.МЮНСТЕРА, САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865).

ВСПОМИНАНІЯ О ГРАФѢ М.А. МИЛОРАДОВИЧѢ

Въ великій постъ не принято у насъ обыкновенія танцовать, не взирая на то, госпожа Свистунова, извѣстная богомолка, дала вечеринку, о которой полиція немедленно извѣстила генералъ-губернатора графа Милорадовича. Мнѣ случилось быть у него въ этотъ день, и онъ велѣлъ написать письмо къ госпожѣ Свистуновой слѣдующаго содержанія: „Вы знаете, что великимъ постомъ у насъ не бываетъ баловъ; полиція же мнѣ донесла, что у васъ вчера танцевали; я сему не вѣрю и почитаю сіе клеветою, но, не менѣе того, покорно прошу васъ меня увѣдомить, что могло подать поводъ къ подобной клеветѣ".

Около сего времени произошелъ споръ между графомъ Аракчеевымъ и графомъ Милорадовичемъ, который потому болѣе обращалъ на себя общее вниманіе, что первый изъ нихъ былъ тогда въ такой силѣ, что никто не смѣлъ ему противорѣчить, что министры и царедворцы ему потакали и всѣ готовы были исполнять каждое изъ его приказаній. Строеніе Исаакіевской церкви производилось подъ начальствомъ графа Головина, послѣ смерти коего назначенъ на его мѣсто графъ Милорадовичъ. Нѣкто подалъ доносъ, что во время управленія графа Головина происходили различныя злоупотребленія по суммамъ, отпускаемымъ на строеніе храма. Государь приказалъ препроводить дѣло на разсмотрѣніе комитета министровъ, а сей потребовалъ свѣдѣній отъ коммиссіи, учрежденной для сооруженія Исаакіевской церкви. Графъ Милорадовичъ, какъ предсѣдатель оной, подалъ вмѣстѣ съ членами объясненіе, но графъ Аракчеевъ, не находя онаго удовлетворительнымъ, предложилъ въ комитетѣ министровъ, чтобы нарядить особеннаго чиновника для подробнѣйшаго разсмотрѣнія дѣла. Графъ Милорадовичъ оскорбился симъ и возразилъ ему, что онъ сего не позволитъ, ибо, сказалъ онъ, „я пріобрѣлъ службою чинъ и вѣсъ, которые буду умѣть поддерживать, равно я долженъ вступиться за честь одного генералъ-лейтенанта и одного сенатора, засѣдающихъ со мною вмѣстѣ въ коммиссіи". Графу Аракчееву, привыкшему къ безпрекословному повиновенію отъ всѣхъ чиновниковъ въ государствѣ, было сіе возраженіе неожиданнымъ, но онъ умѣлъ скрыть свою досаду и сказалъ только графу Милорадовичу, что „ему удивительно, что они въ семъ случаѣ разнствуютъ въ мысляхъ, ибо прежде бывали во всемъ согласны". О семъ обстоятельствѣ доведено было до свѣдѣнія государя, и онъ сказалъ на другой день графу Милорадовичу, который мнѣ передалъ тогда же собственныя слова императора немедленно по выходѣ своемъ изъ кабинета его величества:

– Я слышалъ о непристойности поступка комитета министровъ и самъ разберу сіе дѣло.

Любопытство знать окончаніе сего спора возбуждаемо было болѣе отъ того, что за недѣлю передъ тѣмъ происходило также неудовольствіе между сими двумя генералами по слѣдующему поводу. Управляющій театральными зрѣлищами камергеръ Майковъ былъ представленъ графомъ Милорадовичемъ къ чину и къ десяти тысячамъ ежегоднаго жалованья. Государь, получа сію бумагу, велѣлъ графу Аракчееву предварительно переговорить съ Майковымъ и сказать ему, что его величество только въ такомъ случаѣ согласенъ

утвердить вышеупомянутое представленіе, когда Майковъ приметъ на себя обязанность выплатить театральные долги изъ экономическихъ суммъ, въ чемъ Майковъ отказалъ. „Въ такомъ случаѣ,- сказалъ графъ Аракчеевъ, - вамъ не будетъ ни чина, ни жалованья". Когда о семъ узналъ графъ Милорадовичъ, особенно расположенный къ Майкову, то пошелъ къ государю и доложилъ ему, „что въ его волѣ состоитъ не давать чина, но что навѣрное его величество не захочетъ Майкова, обремененнаго большимъ семействомъ и не имѣющаго никакого состоянія, оставить безъ пропитанія". Вслѣдствіи чего государь велѣлъ Майкову производить по десяти тысячъ жалованья...

Говоря о графѣ Михаилѣ Андреевичѣ, могу ли не вспомнить, что я въ семъ году проводилъ съ нимъ почти ежедневно нѣсколько часовъ, что герой сей ни съ кѣмъ въ Петербургѣ не былъ такъ друженъ, такъ откровененъ, какъ со мною,что довѣріе его ко мнѣ простиралось до такой степени, что каждый разъ,когда онъ выходилъ изъ кабинета государева, то прямо шелъ ко мнѣ и пересказывалъ мнѣ, что тамъ происходило, что почти ежедневно увозилъ онъ меня изъ дворца къ себѣ домой, гдѣ мы съ нимъ вдвоемъ курили табаки, и въ дружескихъ сихъ бесѣдахъ я узналъ душу и свойства сего необыкновеннаго, безпримѣрнаго человѣка. Думалъ ли я, что такъ скоро настанетъ время, когда я долженъ буду оплакивать потерю его ?

Когда я узналъ о его смерти, то тотчасъ отнесся къ его родственникамъ и просилъ ихъ о сообщеніи мнѣ бумагъ, оставшихся послѣ него, чтобы написать его исторію. Усиленныя просьбы мои были тщетны;одинъ изъ близкихъ къ нему людей отвѣчалъ мнѣ, какъ вандалъ,что графъ столь извѣстенъ, что не стоитъ издавать его жизнеописаніе. Жаль,ежели дѣянія его и характеръ не будутъ переданы потомству; онъ имѣлъ столько отличительныхъ свойствъ и такъ мало походилъ на другихъ людей, что ежели кто не зналъ его коротко, тотъ и съ самыми лучшими матеріалами никогда не представитъ вѣрнаго изображенія. По моему мнѣнію, только одинъ Федоръ Глинка, который долгое время былъ его адъютантомъ и пользовался его довѣренностью, могъ бы сдѣлаться его біографомъ, но, къ сожалѣнію, Глинка, со времени заточенія своего въ Петрозаводскѣ,занялся какими-то мистическими и аллегорическими стихотвореніями и, кажется, не думаетъ о славѣ героя, который нѣжно его любилъ. Я писалъ къ Глинкѣ, спрашивая его, намѣренъ ли онъ сочинить исторію Милорадовича, а буде нѣтъ, то чтобы сообщилъ мнѣ воспоминанія свои о немъ; но письмо мое осталось безъ отвѣта, и я не знаю, получилъ ли онъ его,ибо оно пришло въ Петербургъ, когда его судили за участіе въ государственномъ заговорѣ...

Не было въ арміи нашей генерала, коего военное поприще ознаменовано было болѣе блистательнѣйшими подвигами ; слава Милорадовича возростала безпрерывно, начиная отъ Италійскаго похода, содѣлавшаго его любимцемъ арміи и народа, которые безпредѣльно привержены къ тѣмъ, коихъ отличалъ Суворовъ. Можно сказать, что описывать черты удивительной храбрости и хладнокровія его въ огнѣ значило бы безъ всякаго преувеличенія приводить всѣ тѣ сраженія, въ которыхъ онъ находился. Кто изъ насъ

не видалъ его въ каждомъ дѣлѣ, разъѣзжавшаго въ стрѣлкахъ и отдававшаго приказанія съ такимъ спокойствіемъ, какъ бы онъ находился въ комнатѣ. Сколько разъ окружавшіе его убѣждали его отъѣхать назадъ, видя, что непріятели въ него цѣлили, ибо онъ въ сраженіяхъ бывалъ всегда въ мундирѣ, въ орденахъ и въ шляпѣ съ султаномъ. Въ Италіи онъ переправлялся на паромѣ въ виду непріятеля и, замѣтя, что французы на него особенно наводили ружья, нарочно надѣлъ орденскую ленту черезъ плечо. Одинъ турокъ, выскочивъ изъ рядовъ, мѣтилъ въ Милорадовича, который, стоя впереди колонны, обернулся къ казакамъ, находившимся въ его конвоѣ, и сказалъ, чтобы они продали ему лошадь сего турка. Въ Бородинскомъ сраженіи, видя стоявшаго въ весьма опасномъ мѣстѣ генерала Барклая-де-Толли, который, какъ извѣстно, искалъ смерти, онъ сказалъ: „Барклай хочетъ меня удивить", - и поѣхалъ между нашихъ и французскихъ батарей и довольно долго стоялъ подъ ужасными перекрестными ихъ выстрѣлами...

Онъ имѣлъ особенный даръ говорить съ солдатами и воспламенять ихъ. Ежели бы тысячи изреченій его, въ пылу сраженій произнесенныхъ, были сохранены, то ихъ, конечно, приводили бы во всѣхъ сочиненіяхъ о военномъ краснорѣчіи. Какъ было солдатамъ не любить его, ибо онъ не довольствовался называть себя другомъ ихъ: это было любимое его слово, - но пекся о нихъ съ величайшимъ стараніемъ, дѣлилъ съ ними всѣ труды, непогоды и опасности; они видали его всегда впереди, а съ офицерами онъ обращался самымъ ласковымъ и привѣтливымъ образомъ. Я никогда не забуду наставленій его при отъѣздѣ моемъ въ армію насчетъ поведенія моего съ солдатами. „Не заставляйте ихъ, - говорилъ онъ мнѣ, никогда васъ дожидать, ни на учебномъ мѣстѣ, ни въ походѣ, будьте всегда на лошади, чтобы васъ солдатъ ежеминутно могъ видѣть, старайтесь о продовольствіи ихъ и спокойствіи во время войны, не изнуряя пустыми тревогами, будьте щеголемъ во фронтѣ и первымъ въ огнѣ". Въ Бауценскомъ сраженіи онъ повелѣ баталіонъ на штыки и сказалъ: „помните, что государь на васъ смотритъ". Въ семъ же дѣлѣ непріятельскія ядра начали долетать до той горы, гдѣ стоялъ императоръ, и Милорадовичъ, обратясь къ солдатамъ, сказалъ: „неужели вы потерпите, чтобы французскіе выстрѣлы доходили до государя", и батарея была прогнана. Въ Красномъ онъ проѣзжалъ мимо войскъ, которыя поздравляли его съ имянинами его. „Благодарю васъ, - сказалъ онъ, - и дарю вамъ сіи непріятельскія колонны", которыя и были мгновенно истреблены. 6-го октября, при Лейпцигѣ, императоръ рано пріѣхалъ къ войскамъ, когда ихъ ставили въ боевой порядокъ, дѣло еще не начиналось, какъ вдругъ послышался первый непріятельскій выстрѣлъ. „L'ennemi salue l'arrivée de Votre Majesté", - сказалъ Милорадовичъ государю. Однажды, по обыкновенію, здоровался онъ съ однимъ полкомъ, находившимся долгое время въ авангардѣ. „У насъ нѣтъ хлѣба", - закричали солдаты. „Чѣмъ меньше хлѣба, тѣмъ больше славы", - отвѣчалъ Милорадовичъ, и громкое „ура!" раздалось въ рядахъ.

Онъ имѣлъ обширную память и изящнѣйшій вкусъ, былъ страстный охотникъ до картинъ и статуй. Умъ его былъ быстръ и проницателенъ, онъ имѣлъ особенный даръ съ перваго взгляда обнимать

вещи, а иногда по цѣлымъ днямъ занимался суцими бездѣлицами. Онъ любилъ крайности и въ мысляхъ,и въ дѣяніяхъ: на войнѣ всякаго рода трудности дѣлали его веселѣе, въ проливные дожди и бури, когда всѣ кутались, мы видѣли его въ мундирѣ, какъ, напримѣръ въ сраженіи при Дрезденѣ; ни холодъ, ни зной,ни стужа, не имѣли на него вліянія; но въ другое время онъ иногда роскошествовалъ, какъ сибаритъ.

Честолюбіе было господствующей его страстію; онъ пламенѣлъ къ славѣ,какъ молодой человѣкъ къ первому предмету своихъ восторговъ; онъ видѣлъ въ ней идеалъ, къ которому стремился путями чести; онъ былъ врагъ такъ называемыхъ угожденій и никогда не знавалъ переднихъ своихъ начальниковъ, а когда достигъ до высшихъ чиновъ,то ненавидѣлъ подлость и униженіе въ тѣхъ, которые имѣли къ нему дѣла,или принуждены были обращаться къ нему съ просьбами. „Могъ ли быть Багратіонъ моимъ другомъ", - сказалъ онъ мнѣ однажды, - „когда я видалъ его нерѣдко, жавшаго руку камердинера Суворова, Пропки ? " „Подлецъ не будетъ никогда героемъ", - говорилъ онъ часто. Можетъ быть, онъ не любилъ Багратіона и за то,что сей былъ его соперникомъ, а соперниковъ онъ не могъ терпѣть.Вражда между ними, извѣстная всей арміи, началась въ Италійскомъ походѣ благороднымъ поступкомъ Милорадовича, который, узнавъ, что непріятель сильно тѣснилъ князя Багратіона при Лекко, посадилъ отрядъ свой на повозки, прилетѣлъ къ нему на помощь, разбилъ французовъ и не присвоилъ себѣ побѣды,имѣя на то полное право, какъ старшій въ чинѣ, но уступилъ ее князю Багратіону, какъ вступившему прежде него въ дѣло. Князь Багратіонъ не почувствовалъ благородства такого поведенія,и они навсегда остались врагами. Смерть князя Багратіона произвела, однако же, на него сильное впечатлѣніе; онъ узналъ о ней во время аріергарднаго дѣла, въ коемъ онъ командовалъ, и, не дождавшись конца онаго, уѣхалъ съ поля сраженія.

Будучи еще гвардіи офицеромъ, онъ узналъ, что одного изъ его товарищей называли лучшимъ танцоромъ;онъ немедленно нанялъ балетмейстера, заперся на нѣсколько недѣль въ своей комнатѣ и не прежде оставилъ оную, пока не превзошелъ въ танцахъ своего соперника.

Онъ былъ великій охотникъ до праздниковъ и баловъ;не взирая на разстроенное свое состояніе, давалъ великолѣпные пиры и былъ обремененъ долгами. „Я не могу постигнуть,какъ можно жить безъ долговъ", - говорилъ онъ часто. Послѣ Кульмскаго сраженія государь пожаловалъ ему пятьдесятъ тысячъ рублей. „Эти деньги, - сказалъ онъ императору, - будутъ худо употреблены, потому что я завтра на нихъ дамъ балъ". „Чего стоятъ сіи антики ?" - спросилъ онъ въ Италіи у одного купца, который, объявивъ цѣну, сказалъ, что они, вѣроятно, слишкомъ дороги для русскаго генерала. „Я за нихъ заплачу вдвое", - отвѣчалъ Милорадовичъ и отдалъ ему деньги. Находясь въ Бухарестѣ, онъ купилъ за 600 червонцевъ двѣ шали, подарилъ одну изъ нихъ одной дамѣ, обѣщая отдать другую той особѣ, которая ему на другой день встрѣтится съ пріятнымъ лицомъ, и, дѣйствительно,встрѣтя назавтра на улицѣ прекрасную молдаванку, вовсе ему незнакомую, онъ остановилъ

ее и сказалъ ей, что долженъ сдержать слово, данное самому себѣ,и просилъ ее принять отъ него шаль. „Я послалъ къ ней шаль, - сказалъ онъ, - и болѣе никогда сей женщины не видалъ".

„Для чего сія роскошь ? " - спросилъ я его, увидя у него янтарную трубку, украшенную алмазами,въ то время какъ я зналъ, что у него не было въ домѣ рубля, чтобы купить лекарство, ибо онъ былъ тогда нездоровъ. „Это послѣдняя мода въ Царьградѣ", - отвѣчалъ онъ. Однажды онъ приказывалъ къ вечеру приготовить великолѣпный балъ, на что казначей его сказалъ, что не только нѣтъ денегъ для бала, но что даже не на что купить въ домѣ хлѣба. „Я не о деньгахъ говорю, - отвѣчалъ графъ, - но о балѣ, который я сегодня даю и на который я уже пригласилъ весь городъ". Греки, которымъ онъ былъ долженъ, приступили къ нему, прося объ уплатѣ долга. „Я вамъ отдамъ, - сказалъ онъ, - когда возьму Константинополь". Въ Парижѣ въ 1814 году онъ крайне нуждался въ деньгахъ и, не зная, какимъ образомъ ихъ достать, испросилъ у государя повелѣніе, чтобы ему выдали за три года впередъ жалованье его и столовыя деньги...

„Какое различіе полагаете вы между Суворовымъ и Кутузовымъ ? " - спросилъ я его. „Вотъ оно, - сказалъ мнѣ графъ съ обыкновенною своею живостью. - Когда меня отрядили съ половиною арміи отъ Малаго Ярославца для преслѣдованія непріятеля, то я, видя возможность пресѣчь ему отступленіе близъ Вязьмы, отважился на сіе движеніе, хотя не имѣлъ предписанія отъ Кутузова; я донесъ ему, что иду на Вязьму,и объяснилъ всѣ причины, меня къ тому побудившія; но, зная его нерѣшительный характеръ, я заключилъ донесеніе сими словами: „могу увѣрить вашу свѣтлость, что отъ сего движенія не предстоитъ никакой опасности". Если бы Суворовъ былъ на мѣстѣ Кутузова, то я не сказалъ бы ему ни слова объ опасности, а написалъ бы просто: „я иду на Вязьму !" , а онъ бы мнѣ отвѣчалъ: „благословляю !".

Вотъ разница, найденная Милорадовичемъ между россійскою арміею въ Италійскомъ походѣ и въ 1812 году. „Первая,- сказалъ онъ мнѣ,- была отмѣнно храбра, но дисциплиною подобна туркамъ, а вторая, имѣя ту же храбрость, была армія, устроенная совершенно на образецъ европейской"...

Во время сраженія при Феръ-Шампенуазѣ графъ Милорадовичъ, замѣтя, что нѣсколько французскихъ колоннъ отступили въ безпорядкѣ, и что легко можно было бы ихъ разбить, подъѣхалъ къ цесаревичу, съ которымъ онъ съ Италійскаго похода былъ отмѣнно друженъ, и сказалъ ему: „Ваше высочество, можете сдѣлать отличный подвигъ, ударьте съ конницею на сихъ отступающихъ непріятелей,вы ихъ навѣрное разобьете". Цесаревичъ послушалъ его совѣта и истребилъ непріятеля, а графъ отъѣхалъ въ сторону во время атаки,чтобы успѣха не приписали ему. Великій князь столь былъ тронутъ симъ благороднымъ поступкомъ, что разсказалъ оный всѣмъ, присовокупя: „Родной братъ не могъ сдѣлать для меня болѣе".

Въ походѣ 1813-го года назначено было по расписанію войскъ цесаревичу находиться подъ начальствомъ Милорадовича, который, извѣстясь о семъ, тотчасъ поѣхалъ къ государю сказать, что онъ

на сіе никакъ не согласится, и просилъ, чтобы его подчинили цесаревичу. Императоръ исполнилъ его желаніе, и Милорадовичъ немедленно явился съ рапортомъ къ великому князю, который бросясь къ нему на шею, сказалъ ему: „Vous m'avez ennobli".

„Зачѣмъ не были вы на маневрахъ?" - спросилъ великій князь Николай Павловичъ у графа Милорадовича. - „Я не привыкъ, -отвѣчалъ онъ, - видя войска, быть зрителемъ; ибо всегда былъ дѣйствующимъ лицомъ".

За столомъ у вдовствующей императрицы зашелъ разговоръ о теперешней военной службѣ и военномъ уставѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ чрезвычайно выхваливалъ оные, а графъ Милорадовичъ былъ противнаго мнѣнія и привелъ примѣры, что многія новыя учрежденія безполезны и даже вредны. Великій князь сильно его опровергалъ, изъ чего произошелъ довольно жаркій споръ. Находившаяся тутъ же великая княгиня Марія Павловна, желая оный прекратить, сдѣлала сіе слѣдующимъ образомъ: она спросила графа, во многихъ ли походахъ онъ бывалъ. Онъ отвѣчалъ ей, что въ генеральскомъ чинѣ былъ во всѣхъ войнахъ начиная съ италіянской. - „А ты, - продолжала она, обратясь къ великому князю, - во скольких походахъ бывалъ ты?" Разумѣется, великій князь замолчалъ, понявъ ея вопросъ, что его высочеству, не бывшему еще на войнѣ, неприлично спорить о военномъ ремеслѣ съ столь опытнымъ генераломъ, каковъ графъ Милорадовичъ.

Во время Люценскаго сраженія онъ находился въ двадцати верстахъ отъ мѣста битвы при городѣ Цейцѣ, гдѣ его оставили подъ предлогомъ наблюдать за непріятелемъ, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы не получить ему графа Витгенштейна, младшаго его въ чинѣ и командовавшаго въ Люценѣ. На другой день послѣ сраженія меня послали къ нему съ повелѣніемъ государя принять начальство надъ аріергардомъ и прикрывать отступленіе арміи. Я засталъ его въ совершенномъ разстройствѣ; оставшись наединѣ со мной, онъ сказалъ: „я вчера плакалъ, какъ ребенокъ, потому что я въ первый разъ въ жизни слышалъ пушечные выстрѣлы и не участвовалъ въ дѣлѣ. Доложите государю, - продолжалъ онъ, - что я буду служить, подъ чьею командою онъ прикажетъ: ежели не ввѣряютъ мнѣ арміи, то пусть мнѣ дадутъ баталіонъ или роту, мнѣ все равно".

Извѣстно, съ какимъ искусствомъ онъ прикрывалъ отступленіе арміи до Бауцена, во время котораго Наполеонъ, не довольный своими маршалами, противъ него находившимися, самъ взялъ команду авангарда и не могъ получить никакого успѣха. Графъ Витгенштейнъ, какъ главнокомандующій, присылалъ ему въ это время приказанія одно съ другимъ несообразныя, и Милорадовичъ сказалъ его адъютанту: „Объявите графу, что когда онъ бывалъ у меня подъ начальствомъ, то я не давалъ ему противорѣчащихъ повелѣній", - и, обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ въ полголоса: „voila toute ma vengence".

Я провелъ однажды весь вечеръ съ графомъ Милорадовичемъ вдвоемъ; мы курили табаки и разговаривали отъ 9-ти часовъ до полуночи. Странный непонятный человѣкъ! „Васъ ласкаютъ при дворѣ, - сказалъ я ему, - государь, императрицы и великіе князья

обходятся съ вами какъ нельзя лучше, публика васъ боготворитъ, армія имѣетъ къ вамъ неограниченное довѣріе, иностранцы васъ уважаютъ, - чего же вамъ надобно болѣе ?" - „Я не могу, однако же, - отвѣчалъ онъ, - перенести того, что мнѣ предпочтили въ начальствѣ арміи Витгенштейна и Сакена, c'est une mortification que j'emporterai au tombeau. Вы знаете, - продолжалъ онъ, - что по окончаніи путешествія по полуденной Россіи съ государемъ въ 1818 году я уѣхалъ изъ Воронежа въ малороссійскую деревню, потому что обѣ арміи отдали въ команду генераловъ, младшихъ меня; а что меня чрезмѣрно ласкали во время крымскаго путешествія,то это происходило отъ того, что хотѣли позолотить пилюлю. Ко мнѣ въ деревню прислали фельдъегеря, и я отправился въ Петербургъ.Здѣсь я имѣлъ продолжительный разговоръ съ императоромъ; я сперва не соглашался на принятіе мѣста с-перебургскаго генералъ-губернатора, что государю до того было непріятно, что онъ ходилъ въ сердцахъ взадъ и впередъ по комнатѣ и, наконецъ, сказалъ по французски: „Развѣ ты хочешь меня испугать? знай, что если бы ты былъ и самъ великій Моголъ, то я бы тебя не испугался". Но когда мнѣ императоръ сказалъ, что отъ мѣста с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора можетъ иногда зависѣть и самая жизнь императорской фамиліи, чему были примѣры, тогда я принялъ сіе званіе съ тѣмъ, однако же, чтобы, исправляя оное не болѣе года, доказать, что я и сіе мѣсто могу занимать съ честью, aussi je ne dors ni la nuit, ni le jour. Я другъ всѣхъ несчастныхъ и притѣсненныхъ, всякій имѣетъ ко мнѣ свободный доступъ,я бываю въ тюрьмахъ, предупреждаю ссоры, оберегаю честь фамилій, словомъ, я такъ поступалъ въ теченіе года, что преемнику моему, по человѣчеству судя, невозможно будетъ замѣнить меня, cela lui sera humainement impossible; теперь же я скоро оставлю сіе мѣсто и удалюсь въ деревню. А что я могу быть счастливъ безъ двора, то докажу вамъ тѣмъ, что меня всякая бездѣлица занимаетъ".

При сихъ словахъ онъ повелъ меня по всѣмъ своимъ комнатамъ, которыя похожи были на магазинъ мебели или изящныхъ художествъ, по великому множеству разбросанныхъ предметовъ и вещей,въ нихъ находившихся; я не видалъ нигдѣ подобнаго убранства: это былъ совершенный безпорядокъ,соединенный съ утонченнѣйшимъ вкусомъ, напримѣръ, тутъ стояли картины Тиціана, Вернета, Сальватора Розы, Гвидо Рени, а подлѣ нихъ книги, планы, птицы, трубки, янтарные мундштуки и два фортепіана, на которыхъ графъ очень порядочно игралъ. Почти каждая горница имѣла свое собственное освѣщеніе, въ одной свѣтъ происходилъ отъ восковыхъ свѣчей,въ другой отъ алебастровыхъ лампъ, въ третьей свѣчи были приспособлены такимъ образомъ, что ихъ было не видно, и онѣ освѣщали только однѣ картины. Одна комната была вся зеркальная, не только стѣны, но и потолокъ состоялъ изъ зеркаловъ; другая комната убрана была диванами на турецкій манеръ, и въ ней повѣшены были самыя сладострастныя картины. Посреди библіотеки былъ птичникъ; прекрасныя мраморныя статуи находились повсюду. „Гдѣ же ваша спальня?"- спросилъ я его. -„У меня нѣтъ спальной комнаты, - отвѣчалъ онъ, - я провожу ночь, гдѣ мнѣ вздумается". Въ одной залѣ, гдѣ находились прекрасныя кар-

тины и статуи, я увидѣлъ черную мраморную вазу, возлѣ которой стоялъ горшекъ съ увядшимъ кипарисомъ, и на вопросъ мой, что сіе значитъ, хозяинъ отвѣчалъ мнѣ: „что это памятникъ его потеряннаго счастія". Въ сей горницѣ лежалъ на диванѣ сюртукъ, о которомъ онъ мнѣ сказалъ, что купилъ оный для того, чтобы гулять въ немъ въ своей деревнѣ, когда будетъ жить въ отставкѣ. Его пріятнѣйшее занятіе и любимая мечта была думать объ украшеніи Воронковъ, села, находящагося въ Полтавской губерніи; множество плановъ, дѣланныхъ лучшими архитекторами Италіи, Франціи и Нѣмецкой земли, заказаны имъ были для дома и для бесѣдокъ его имѣнія. Я не полагалъ тогда, что судьба приведетъ меня столь скоро увидать Воронки и услышать о ранней кончинѣ героя, которому они принадлежали. Я думаю, что онъ былъ одинъ въ свѣтѣ царедворецъ, который, пользуясь отличными милостями или лучше уваженіемъ и пріязнію государя и царской фамиліи, говорилъ имъ въ глаза, что ему скучно въ Петербургѣ, и что онъ тогда только будетъ счастливъ, когда будетъ жить въ Воронкахъ.

Такимъ образомъ за обѣдомъ государя зашла рѣчь о видахъ честолюбія и о томъ, что каждый человѣкъ болѣе или менѣе имѣетъ, что либо въ предметѣ. При семъ случаѣ графъ Милорадовичъ сказалъ: „Знаете ли, ваше величество, чѣмъ я ограничиваю теперь мои желанія? - тѣмъ, чтобы въ деревнѣ дышать чистымъ воздухомъ".

А.И. МИХАЙЛОВСКІЙ-ДАНИЛЕВСКІЙ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ АСТРАХАНСКАГО ГРЕНАДЕРА (I)
(1914)

14 АВГУСТА 1914 г.

Съ веранды полкового собранія открывается видъ на широкую Уссури, на камыши китайскаго берега, на свѣтлую полосу Имана, перехваченнаго браслетомъ желѣзнаго моста.

Изъ за сѣрой скалы показался черный паровозъ, за нимъ, красная чешуя товарныхъ вагоновъ. Шумъ поѣзда ширится, наростаетъ. Паровозъ уже грохочетъ по мосту и вдругъ съ ужасающимъ трескомъ валится въ рѣку, въ обломкахъ желѣзныхъ балокъ и скрѣпъ, въ огнѣ и въ дыму. Я не успѣлъ разсмотрѣть, какъ лѣзли одинъ на другой вагоны, какъ они падали вслѣдъ за паровозомъ, какъ сыпались подъ откосъ люди.

Къ счастью все это сонъ... Быстрымъ движеніемъ сбросивъ съ себя копну сѣна, я сразу очутился среди яркаго, свѣжаго августовскаго дня, накрытаго куполомъ чистаго бирюзоваго неба. То, что во снѣ мнѣ показалось шумомъ поѣзда, - была частая ружейная стрѣльба, все разраставшаяся. На фонѣ звука орудійнаго выстрѣла возникла картина желѣзнодорожной катастрофы.

(I) Начало „ВОСПОМИНАНІЙ" см. въ № 6-мъ журнала.

Наша батарея стояла около самаго шоссе, въ канавѣ котораго копошилась моя рота. Батарея уже перешла на бѣглый огонь. Надъ лѣсомъ плыли бѣло-розовыя облачка австрійскихъ шрапнелей. День тяжелаго, неравнаго, кроваваго боя начался. Командиръ нашего полка, высокій, бравый полковникъ генеральнаго штаба Пестржецкій, разспрашивалъ раненаго Сибирскаго гренадера:

„Сила ихъ большая, Ваше Высокоблагородіе, полонъ лѣсъ ими набитъ. Мы вчерась три раза въ атаку ходили"!

„И до штыковъ дѣло доходило ? "

„Такъ точно, да только онъ штыковъ не принимаетъ. Сейчасъ назадъ, и изъ пулеметовъ кроетъ. Наложилъ нашихъ - страсть ! Почесть весь баталіонъ пропалъ."

Ровно десять лѣтъ тому назадъ, такимъ же разсвѣтнымъ утромъ начался бой за обладаніе Мяо-Линскимъ переваломъ, первый для меня бой, если не считать стычекъ въ Китайскомъ походѣ въ 1900-мъ году. Такой порывъ и неописуемый восторгъ, охватившій меня въ томъ бою, переживаешь только разъ въ жизни. Два ранения не отрезвили меня отъ подъема, граничащаго съ экстазомъ. По дорогѣ на перевязочный пунктъ я доложилъ начальнику отряда обстановку и ходъ боя, былъ счастливъ, что выполнилъ задачу, и радостно было выслушать благодарность „Юрія Гордаго", какъ прозвали еще въ Японскую войну князя Ю.И. Трубецкого. Да и было мнѣ тогда всего 24 года... Сохранитъ ли меня судьба сегодня ?

И вотъ, вспомнился мнѣ маленькій эпизодъ изъ маневровъ подъ Москвой. Я съ ротой находился въ полковомъ резервѣ со знаменемъ и хоромъ музыки. Въ моментъ общей атаки я приказалъ играть полковой маршъ. Какой нагоняй я получилъ за это отъ командующаго полкомъ, чего я только не наслушался !

„Вы боевой офицеръ ! Съ Владиміромъ ! И не знаете такой простой вещи, что нельзя атаковать знаменной ротой, да еще съ музыкой! Да отъ васъ мокро останется. Артиллерія всю вашу музыку смететъ. Какой примѣръ для молодежи ! Я долженъ буду доложить объ этомъ командиру полка" ...

„Господинъ полковникъ, да ту же Путиловскую сопку мы атаковали съ развернутымъ знаменемъ, оно даже было прострѣлено въ нѣсколькихъ мѣстахъ. А на разсвѣтѣ, подъ водруженнымъ на вершинѣ сопки знаменемъ, былъ возложенъ на генерала Путилова присланный ген. Куропаткинымъ Георгіевскій крестъ, и полкъ пѣлъ гимнъ. И на полковой праздникъ, 8-го ноября, подъ Путиловской сопкой былъ парадъ съ музыкой, несмотря на то, что вся наша позиція была досягаема даже для ружейнаго огня, а надъ церковнымъ навѣсомъ и надъ шатромъ собранія, гдѣ чествовали только что награжденныхъ кавалеровъ, пролетали шимозы".

Но доводы эти не подѣйствовали на разошедшагося полковника. Заткнувъ уши, раздосадованный онъ отошелъ отъ меня. Видимо гдѣ-то въ подсознаніи было заложено у него небезосновательное опасеніе артиллерійскаго огня. И предчувствіе не обмануло его. Второочередная дивизія, въ которой этотъ полковникъ получилъ полкъ, наступая въ густомъ туманѣ, шла походной колонной. Внезапно вѣтеръ унесъ завѣсу тумана. Дивизія оказалась въ непосредственной близости отъ нѣмцевъ. Прежде чѣмъ успѣли что-либо предпринять, шесть германскихъ батарей обрушились ураганнымъ

огнемъ на беззащитную колонну и разметали ее.Авангардный полкъ нашего полковника былъ буквально сметенъ, а самъ полковникъ, смертельно раненый, скончался въ Москвѣ... Этотъ бой стоилъ жизни 13 кадровымъ офицерамъ-Астраханцамъ, выдѣленнымъ при мобилизаціи на сформированіе полковъ второочередной дивизіи.

„Но ты же не на поляхъ подъ Москвой и не на сопкахъ Манжуріи", - отогналъ я свои воспоминанія.

Глядя на синѣющій лѣсъ впереди Плоскаго, весь охваченный лихорадочнымъ жаромъ ружейнаго огня, я думалъ,что если сейчасъ со свѣжимъ баталіономъ броситься на этотъ лѣсъ,то у противника начнется паника, и мы его прорвемъ и опрокинемъ. Я хотѣлъ обратиться съ этимъ предложеніемъ къ командиру полка и только дожидался конца его распоряженій о подвозѣ патроновъ, отдаваемыхъ завѣдующему оружіемъ. Командиръ стоялъ на открытомъ мѣстѣ и отдавалъ приказанія ровнымъ, спокойнымъ голосомъ. Его высокая фигура производила впечатлѣніе на гренадеровъ. „Высокій, да бравый, - подъ стать нашему полку", - говорили гренадеры на пріемѣ имъ полка на Ходынкѣ, года за три до войны. Все дальнѣйшее его поведеніе подъ огнемъ нашло должную оцѣнку нашей молодежи: „Въ бою, подъ огнемъ держитъ себя отлично". - Для командира полка, имѣющаго право не лѣзть подъ пули, въ самыя цѣпи, - оцѣнка очень высокая и, скажу, - справедливая.

Я уже обдумалъ форму, въ какую облечь мое предложеніе,но въ это время къ командиру подошелъ Полунинъ.

„Ну, Николай Яковлевичъ,- сказалъ Пестржецкій, - поторапливайтесь ! Фанагорійцамъ туго приходится. Отправляйте имъ на помощь вашу резервную роту".

Эта первая тревожная ночь уже отразилась на самочувствіи офицеровъ, но среди усталыхъ осунувшихся лицъ, невольно обращалъ на себя вниманіе красавецъ, командиръ 9-й роты, капитанъ Владиміръ ИвановичъНоговиковъ. Блѣдный, до восковой прозрачности, съ запавшими въ коричневые круги глазами, со взглядомъ неизмѣримой тоски, согнувшійся, онъ казался старикомъ въ свои 33 года. Въ отвѣтъ на пожатіе моей руки я ощутилъ холодъ его цѣпкихъ пальцевъ.

„Что такое съ Владиміромъ Ивановичемъ ?" - тихо обратился ко мнѣ Языковъ, - „его узнать нельзя".

„Это печать смерти", - отвѣтилъ я ему.

„А что вы такъ пристально смотрите на меня ? Тоже видите печать смерти и на моемъ лицѣ ?"

„Нѣтъ, мой милый Аркадій Михайловичъ, вижу я на карманѣ вашего кителя бѣлый крестъ. А ранены вы будете легко"...

Загорѣлое и обвѣтренное за походъ, но, несмотря на это, миловидное лицо Языкова освѣтилось радостной улыбкой.

Моя рота уже какими-то путями узнала о назначеніи въ бой. Взводные провѣряли патроны, одергивали и поправляли амуницію.

„Да замѣстителей назначай не по одному, а трехъ, а не то и четверыхъ, - наставлялъ взводныхъ фельдфебель. - Да знайте, что ротный назначилъ замѣстителемъ по себѣ: подпоручика Языкова, потомъ меня,подпрапорщика Пугаченко и взводнаго Максимова. Слышите какая жареха идетъ".

А взводный Максимовъ поучалъ: „Да какъ ранятъ тебя,не ори

почемъ зря. Чтобы гаю не было ! А по чести докладай. Можешь - самъ перевяжись. Свово сусѣда отъ стрѣльбы не отвлекай. Жди сенаторовъ."

Я подалъ команду для перестроенія въ боевой порядокъ („рота по взводно стройся !"), и рота разошлась квадратами - расчленилась на линейки.

Солнце уже вышло изъ-за колокольни собора (Замостье), ея длинная тѣнь протянулась черезъ все поле и пересѣкла нашъ путь. Я сбросилъ съ плечъ на землю солдатскую шинель съ погонами Сибирскихъ гренадеръ. Передъ тѣмъ я замѣтилъ, что лѣвая пола шинели была сильно изорвана и вся въ темныхъ сгусткахъ крови. Хозяинъ ея, поплатился, вѣроятно, ногой, если не жизнью.

Полунинъ шелъ недалеко отъ меня, подсчитывалъ ногу, размахивая въ тактъ рукой, хотя по уставу, съ момента перестроенія въ боевой порядокъ, идти въ ногу не требуется.

Видя, въ какомъ порядкѣ наступаетъ рота, я подумалъ: „Только не достаетъ пѣсни. А что если запѣть ? Но какую именно ?"

Откашливаясь, я старался вызвать подходящій мотивъ. И вдругъ слова быстрой чередой пробѣжали въ сознаніи.

Слава Русскому Царю !
Слава и солдату !
Двухголовому Орлу,
Гренадеру хвату !

Оставалось только взять вѣрный тонъ и громко передать его ротѣ. Поднявъ обѣ руки, какъ знакъ вниманія, я повернулся лицомъ къ ротѣ и встрѣтился со взглядомъ Полунина. - Онъ показывалъ перемѣну направленія, и, вмѣсто пѣсни, мнѣ пришлось скомандовать „Полъ оборота налѣво !"

Время было разсыпаться въ цѣпь.

Вся мѣстность, гдѣ пришлось мнѣ въ этомъ бою подъ Замостьемъ маневрировать, представляла изъ себя низину, частью заболоченную, чему свидѣтельствомъ служили названія: „Плоское" и „Мокрое". По словамъ крестьянъ, засушливое лѣто сдѣлало въ этомъ году болота во многихъ мѣстахъ проходимыми. На наше счастіе? Врядъ ли... Такъ какъ, если бы они были, какъ въ прошлые годы, труднопроходимыми, то мы, вѣроятно, не сунулись въ нихъ маневрировать.

Наступая отъ Плоскаго, мы шли по неглубокой котловинѣ, выходящей крутымъ подъемомъ на плоскость со смѣшаннымъ лѣсомъ Завады.

Сегодня, раннимъ утромъ, дежурный по ротѣ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что ему придется дѣлать въ бою.

„Будешь помогать фельдшеру Бѣлякову считать и записывать раненыхъ".

Вотъ уже котловина, - мертвое пространство, - пройдена, начинается подъемъ.

„Ваше Высокоблагородіе, пули летятъ", - докладываетъ мнѣ тотъ же дежурный. Былъ онъ унтеръ - офицеромъ изъ запасныхъ, а потому пока несъ службу рядового гренадера.

„Такъ и должно быть. На то и война. Не галушкамъ же здѣсь летать".

Нѣсколько гренадеръ загоготало. На дежурнаго посыпались шутки.

„Она-те чмокнетъ, эта галушка !"
„Ужотко поужинаешь !"
„Ваше Высокоблагородіе, я раненъ".
Дежурный сидитъ на землѣ скрючившись.
„Вотъ такъ дежурный !"
„Вотъ те и галушка. Поздоровкалась !"
„Чмокнула !"
Я спрашиваю: „Куда ты раненъ, Симковъ ?"
„Въ ногу, Ваше Высокоблагородіе, знать не шибко".
„Ну, поздравляю тебя съ крестомъ, Симковъ !"
Я заявилъ ротѣ, что перваго раненаго представлю къ Георгіевскому кресту.

На плоскости мы сразу попали въ рой пуль. Рота залегла въ интервалы рѣдкой цѣпи фанагорійцевъ.

„Ну, слава Богу, пришла помога ! Астраханцы выручай !"

Взводные бѣгали вдоль цѣпи, отдѣляя людей подъ свою команду. Противъ моего участка оказался выдающійся уголъ лѣса, опушка котораго и была занята противникомъ. Я приказалъ первой полуротѣ вести огонь правѣе угла, а второй - лѣвѣе угла лѣса. При разсыпаніи въ цѣпь я остался за правымъ флангомъ роты, и теперь подъ огнемъ очутился въ 20 шагахъ за серединой перваго взвода. Вниманіе мое привлекъ Максимовъ. Дѣйствіями его я невольно залюбовался. Стоя во весь ростъ, онъ громко подавалъ команды и покрикивалъ на свой взводъ:

„Чего кланяешься, Землячку увидѣлъ? Ты лучше бы себѣ упоръ пристроилъ, ну хоша бы изъ скатки... Да ты не тыкайся мордой въ землю. Да за спускъ не дергай. А цѣлься мнѣ по лѣсу, а не въ бѣлый свѣтъ !"

Вспомнилась пѣсня Туркестанскихъ стрѣлковъ временъ Черняева:

Пулямъ кланялися низко
Молодые рекрута.
Волосатый кулакъ близко
Къ носу совался тогда.

Шагахъ во ста лѣвѣе меня, на фонѣ кустовъ, я видѣлъ фуражку Язикова. Доносилась его команда низкимъ, чуть хриповатымъ голосомъ. И мой фельдфебель Талимановъ проявлялъ боевую дѣятельность, взявши на себя командованіе взводомъ вмѣсто выбывшаго взводнаго - фанагорійца.

Санитары выносили раненыхъ. Мнѣ видно, какъ мелькаютъ бинты въ рукахъ фельдшера Бѣлякова, развернувшаго перевязочный пунктъ шагахъ въ 40 за цѣпью, въ складкѣ мѣстности. За доблестное поведеніе въ послѣдующихъ бояхъ Бѣляковъ получилъ всѣ четыре степени Георгіевской медали и Крестъ и самъ былъ два раза раненъ.

Все въ порядкѣ. Только первый бой, а какъ четко выявленъ боевой обликъ полка съ сѣдой славой.

Сибирскіе стрѣлки вышли на Японскую войну въ полномъ кадровомъ составѣ и пополненія получили на поляхъ Манджуріи прекраснымъ матеріаломъ - сибиряками таежниками, звѣровщиками, которые сами могли показать примѣръ кадру и кое чему его научить.

Московскій гарнизонъ, будучи въ періодѣ мобилизаціи раз-

жизнь командировками во второочередные и запасные полки и на иныя формированія, получилъ пополненія изъ фабрично-заводскихъ раіоновъ,людьми въ достаточной степени вкусившими отъ горькихъ и пьяныхъ плодовъ пригородной жизни. Та безпорядочная, шумная толпа мастеровщины, которая запрудила при разбивкѣ казарменный дворъ, теперь, подъ вліяніемъ кадровъ, полностью воспріяла боевую обстановку.

„Ваше Высокоблагородіе,я раненъ въ руку и въ бокъ", слышу я докладъ изъ цѣпи - „желаю остаться въ строю".

„Спасибо, молодецъ !"

„Радъ стараться, Ваше Высокоблагородіе !"

„По статуту поздравляю тебя Георгіевскимъ крестомъ".

„Покорно благодаримъ, Ваше Высокоблагородіе".

Черезъ минуту онъ былъ раненъ третьей пулей въ пахъ.

„Ну, теперь я не позволю тебѣ оставаться въ строю - сказалъ я. - Вынести его на ружьяхъ !"

Два гренадера понесли его сидящимъ на ружьяхъ. Когда его проносили въ трехъ шагахъ отъ меня, я видѣлъ его веснущатое лицо съ рыжими усами. Фуражка его была сдвинута козырькомъ назадъ, но правой рукой онъ отдавалъ мнѣ честь. Вся лѣвая сторона его тѣла была залита кровью.

„Какъ фамилія, молодецъ ?"

„Житковъ, Ваше Высокоблагородіе".

„Поправляйся, вернешься уже съ крестомъ".

„Какъ воля Божія, Ваше Высокоблагородіе !"

Такой примѣръ блестящей доблести подалъ запасный изъ фабричныхъ.

„Ваше Высокоблагородіе, а я чуть одну не поймалъ" - показываетъ мнѣ Максимовъ свой прострѣленный жестяной портсигаръ.

„Ваше Высокоблагородіе, а мы въ атаку пойдемъ ?"

„Подожди, пойдемъ въ свое время".

„Ужъ больно охота. Мы бы имъ всыпали, Ваше Высокоблагородіе !"

Около меня лежитъ сигналистъ Шпигель, дрожитъ мелкой дрожью, слышно, какъ стучатъ зубы.

„Шпигель ?"

„Чего изволите, Ваше Высокоблагородіе ?".

„Страшно ?"

„Такъ точно, страшно, Ваше Высокоблагородіе".

„А ты взялъ бы лопатку да и поковырялъ бы и себѣ и мнѣ укрытіе".

„Слушаю, Ваше Высокоблагородіе".

И Шпигель, ставши на колѣни, роетъ мягкій грунтъ. Страхъ его прошелъ, онъ углубился въ работу, приговаривая:

„Убьютъ, такъ убьютъ - все равно. А можетъ около ротнаго и не убьютъ."

Десятка полтора пуль легли въ трехъ, въ двухъ шагахъ впереди насъ: хорошіе стрѣлки собираются насъ подбить, привлеченные работой Шпигеля. Максимовъ уже начинаетъ „форсить" и рисуясь подаетъ команду:

„Первое отдѣленіе стоя !"

Десятка полтора рослыхъ фигуръ вырисовываются на зеленомъ фонѣ лѣса.

„Съ колѣна !"
Тѣ же фигуры стали похожи на копны сѣна.
„Лежа !"
И снова я вижу рыжія пятна сапогъ, сбившіяся фуражки, частое движеніе рукъ, изъ которыхъ, кажется, непосредственно вырываются струйки огня и сыпятся сухіе звуки, похожіе на удары пастушьяго бича.

Видимо, маневры Максимова отвлекли отъ меня и Шпигеля вниманіе стрѣлковъ ради болѣе заманчивой цѣли, но я, все-таки, рѣшилъ перемѣнить резиденцію и перебѣжалъ въ самую цѣпь. Ложась на землю, попалъ въ липкую слизь. Ладонь стала буро краснаго цвѣта. Лужа крови...

„Извольте, оботрите. Ваше Высокоблагородіе". - и мой сосѣдъ ефрейторъ-фанагорієцъ протянулъ мнѣ листъ лопуха. - „Это сейчасъ унесли отсюда земляка, котораго вы крестомъ поздравили".

Справа отъ моего участка часто тявкали пулеметы, и до того ясное небо теперь покрылось барашками шрапнельныхъ разрывовъ. На моемъ участкѣ была жестокая трескотня. Лѣвѣе же меня - „зона молчанія". Могъ ли я предположить, что моимъ ближайшимъ сосѣдомъ слѣва, послѣ двухъ-трехъ ротъ Фанагорійцевъ, - были части 19-го корпуса у Томашева, и почти отъ меня начинался разрывъ въ 20 верстъ.

Съ воемъ пронесся первый снарядъ на моемъ участкѣ. Перелетъ. Клевокъ въ мягкой почвѣ. Фонтаномъ бурой земли шагахъ въ 30 впереди меня взметнулся съ пламенемъ и трескомъ разрывъ гранаты. Завыли осколки, посыпались сверху комья земли, съ легкимъ шелестомъ осыпало пескомъ меня и ближайшихъ гренадеръ. Дыханіе слѣдующаго снаряда было такъ жарко и порывисто, что овѣяло зноемъ лицо и сорвало съ меня фуражку. Шпигель откатился отъ меня, но черезъ минуту подползъ на четверинкахъ, держа мою фуражку въ зубахъ и нахлобучивая свою...

„Огонь, огонь. Пачками !" - кричалъ я, видя, что первое знакомство съ артиллеріей водворило тишину. И снова поднялась трескотня. Попали мы въ вилку и въ очень узкую. Для окончательной пристрѣлки будетъ, вѣроятно, еще нѣсколько гранатъ, хотя онѣ въ мягкомъ грунтѣ не всѣ рвутся, а затѣмъ батарея перейдетъ на пораженіе шрапнелью. Надо мѣнять позицію, а такъ какъ до лѣса - рукой подать, то надо идти прямо въ атаку, иначе зря потеряю людей.

П.Б. СУШИЛЬНИКОВЪ

РУССКІЙ ВОИНЪ ВЪ СОЗДАНІИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

(по поводу одной проэктируемой выставки)

Назначеніе этой моей статьи прежде всего дать читателю представленіе о томъ обширномъ и цѣнномъ иконографическомъ матеріалѣ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ большимъ трудомъ, не меньшей любовью и исключительнымъ знаніемъ предмета собралъ извѣстный русскій художникъ, старый русскій офицеръ,

Николай Васильевичъ Зарѣцкій (I), для давно задуманной имъ выставки на тему о широкомъ участіи русскаго воина въ созданіи отечественной культуры.

Пріѣхавъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ изъ Праги въ Парижъ, Н.В. Зарѣцкій разсчитывалъ, что его мысль объ устройствѣ выставки встрѣтитъ сочувственное къ себѣ отношеніе въ авторитетныхъ кругахъ любителей русской военной старины. Къ сожалѣнію такъ не случилось. Повидимому, всякая идея, даже не очень новая и достаточно очевидная, нуждается въ пропагандѣ.

Н.В. Зарѣцкій, чуткій цѣнитель и знатокъ русской старины вообще и, въ частности, - русской военной старины, будучи глубоко убѣжденъ въ правильности руководящей имъ мысли, не подготовился возражать на тѣ критическія замѣчанія, которыя были высказаны по существу самой темы его выставки, и я считаю своимъ правомъ и даже своей обязанностью сказать нѣсколько словъ въ ея защиту.

Не подлежитъ сомнѣнію, что ни у одного европейскаго народа высшее военное сословіе, воздѣ возникавшее и существовавшее при болѣе или менѣе тождественныхъ историческихъ условіяхъ феодально-классового, привилегированно-дворянскаго происхожденія, не выдвинуло столько большихъ культурныхъ дѣятелей, какъ это случилось въ старой Россіи. Уже простой списокъ именъ, которыми гордится наше отечество, доказываетъ, что явленіе это отнюдь не досужая наша выдумка, и что полемика можетъ возникнуть развѣ только по вопросу о причинахъ его возникновенія и развитія.

Причинъ же, какъ я полагаю, было нѣсколько. Во-первыхъ, въ старой Россіи, вплоть до середины XIX-го вѣка, на военную службу шли наиболѣе способные представители правящаго дворянскаго класса, воспитаннаго со временъ Петра Великаго на томъ принципѣ, что военное званіе и военная служба почетны и освящены лучшими патріотическими традиціями; во-вторыхъ, русская военная школа съ момента своего возникновенія (Навигацкая Школа, Шляхетскій Кадетскій Корпусъ), благодаря чрезвычайно широко разработанной программѣ, выходила за предѣлы средняго образованія и, по понятіямъ того времени, приближалась къ уровню

(I) Ученикъ Ціонъ-Глинскаго и Кардовскаго. Н.В.Зарѣцкій дебютировалъ въ 1906 г.на выставкѣ Союза Русскихъ Художниковъ въ Петербургской Академіи Художествъ. Съ 1907 г. Н.В. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Новаго Общества Художниковъ и до 1915 года выставлялъ свои работы на выставкахъ этого Общества. Въ эмиграціи Н. З. безсмѣнный предсѣдатель Русскаго Общества Живописцевъ, Ваятелей и Зодчихъ въ Берлинѣ. Многочисленныя работы художника были опубликованы въ различныхъ Берлинскихъ изданіяхъ. Переѣхавъ въ 1931 году въ Прагу, Н.В. сотрудничаетъ въ Пражскомъ Народномъ театрѣ, какъ декораторъ въ балетныхъ постановкахъ. Прекрасный иллюстраторъ-стилистъ, знатокъ русскаго ампира, Н.В.отдаетъ предпочтеніе изображенію своеобразнаго быта и красочныхъ одеждъ старой русской арміи. Въ этомъ направленіи художникъ работаетъ и понынѣ.

высшей школы; въ третьихъ, вопреки предъявляемымъ ей нерѣдко обвиненіямъ, русская военная среда не только не страдала узкокастовой замкнутостью и реакціонно-консервативной отсталостью, но, напротивъ, давала полную свободу развитія и широкаго выхода накоплявшимся въ ея нѣдрахъ творческимъ силамъ; въ четвертыхъ, русская армія, не разъ ходившая въ заграничные походы, пріобщалась не только въ лицѣ своего командного офицерскаго состава, но и простыхъ солдатъ, къ богатствамъ чужихъ культуръ и, возвращаясь на родину, насаждала сѣмена европейской образованности, цивилизаціи и свободомыслія; въ пятыхъ, наконецъ, съ петровскихъ временъ повелось, что русскій воинъ, по примѣру самого Петра, долженъ былъ быть, что называется - „и швецъ и жнецъ и на дудѣ игрецъ", т.е. „мастеромъ на всѣ руки."

Царь сказалъ: „Ограда отечество безопасностью отъ врага, надлежитъ находить славу государству въ наукахъ и искусствахъ". И эти повелительныя слова опредѣлили на полтора столѣтія дальнѣйшее направленіе культурно-творческой дѣятельности русскаго военнаго сословія. Такъ было только въ Россіи.

Юный увлекающійся Пушкинъ написалъ къ извѣстному „гусарскому" портрету своего старшаго друга Чаадаева слѣдующее четверостишіе:

Онъ вышней волею небесъ
Рожденъ въ оковахъ службы царской.
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ,
въ Аѳинахъ - Периклесъ
А здѣсь онъ - офицеръ гусарской.

Пушкинъ и не подозрѣвалъ, какой нечаянный комплиментъ сдѣлалъ ненавистнымъ ему „оковамъ службы царской". Да, русскій гусаръ Чаадаевъ, этотъ щеголь, священнодѣйствовавшій передъ зеркалами и носившій, какъ никто, съ одинаковымъ искусствомъ и военный мундиръ и фракъ, этотъ умнѣйшій русскій человѣкъ, оригинальнѣйшій философъ, оказавшій огромное вліяніе на всѣхъ своихъ современниковъ, не превратился почему то „въ оковахъ службы царской" въ искательнаго карьериста. Да не были ли, въ дѣйствительности, эти „оковы" младенческими пеленками русской культуры, а эта „царская служба" - ея золотой теплицей ?

Нужно ли говорить, что, къ счастію, далеко не всѣ представители русской арміи были созданы по образу и подобію пресловутаго Скалозуба. Конечно, и не всѣ воплощали собою горделивую увѣренность Ломоносова въ томъ, что „можетъ собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумовъ Ньютоновъ Россійская земля рождать". Но, несомнѣнно, что именно наше военное сословіе дало Россіи блестящую плеяду творцовъ искусства - поэтовъ, писателей, живописцевъ, скульпторовъ, музыкантовъ; а въ области государственнаго управленія и внѣшне-политическихъ отношеній - талантливыхъ администраторовъ и дипломатовъ.

Кто же были и кѣмъ были эти замѣчательные русскіе люди, отъ юности опоясанные мечемъ и взявшіеся за перо, кисть и кифару, чтобы прославить свое отечество ?

На этотъ вопросъ и отвѣчаютъ, какъ разъ, собранные Н.В. Зарѣцкимъ матеріалы.

Эта моя статья отнюдь не будетъ исчерпывающимъ изслѣдованіемъ на данную тему; ея размѣры не позволяютъ мнѣ даже привести полнаго перечня славныхъ именъ; но трудно умолчать о томъ, что военными людьми были - Фонвизинъ, Державинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, Толстой, Достоевскій.

Любопытно отмѣтить, что не всѣ почему-то соглашаются признать въ Толстомъ коренного военнаго. То-ли кажутся несовмѣстимыми съ военной профессіей позднѣйшіе религіозно-этическія ученія великаго русскаго писателя и мыслителя, то-ли всматриваясь въ современные намъ портреты Льва Николаевича, мы не можемъ себѣ представить, что это тотъ же человѣкъ, который былъ молодымъ артиллерійскимъ поручикомъ, участникомъ Кавказской войны и Севастопольской обороны.

Толстой оставилъ военную службу не безъ колебаній и съ психикой военнаго человѣка разстался не сразу. Вѣдь отнюдь не случайно,что лучшее созданіе его художественнаго генія, „Война и Миръ", въ высшей степени батально, вопреки разсудочно-пацифистскому подходу къ темѣ и всѣмъ позднѣйшимъ тенденціознымъ толкованіямъ.

Собранные Н.В. Зарѣцкимъ матеріалы представлены въ репродукціяхъ портретовъ русскихъ воиновъ - творцовъ русской культуры. Сто двадцать портретовъ. Тутъ же краткія біографическія данныя. Нѣсколькими характерными строчками, выбранными изъ мемуаровъ современниковъ, или небольшими цитатами изъ русскихъ поэтовъ, Н.В. Зарѣцкій умѣло оживляетъ свои экспонаты, какъ бы обрамляетъ ихъ литературнымъ содержаніемъ. Матеріалы тщательно систематизируются и, мы надѣемся,что эта большая работу будетъ скоро закончена. Тогда на очередь встанетъ вопросъ объ изысканіи возможностей устроить эту во многихъ отношеніяхъ интересную выставку.

Н.В. Зарѣцкій предполагаетъ сопроводить свою выставку литературными и музыкальными артистическими выступленіями.Будутъ исполняться произведенія авторовъ, чьи портреты мы увидимъ на выставкѣ. Намѣчается рядъ докладовъ.

Хочется еще упомянуть, что Николая Васильевича пріютилъ подъ своей кровлей его добрый другъ, старый товарищъ по Тверскому кавалерійскому училищу,В.Г.Ковалевскій. Самъ потѣснился, а товарищу помогъ: „его примѣръ другимъ наука", особенно въ нашъ окаянный вѣкъ ! Къ счастію, въ нашей военной средѣ товарищество еще крѣпко. И въ этомъ тоже есть нѣчто отъ старыхъ воинскихъ традицій Петра Великаго и Суворова.

Я часто захожу къ Николаю Васильевичу. Въ его маленькой комнатѣ тѣсно: кровать, столъ,два стула и много разныхъ папокъ и книгъ, въ особенности - книгъ, этихъ нашихъ неизмѣнныхъ друзей-утѣшителей. На каминѣ нѣсколько фарфоровыхъ вещицъ - Поповъ,Гарднеръ, Императорскій заводъ,но все это, увы ! постепенно уходитъ къ болѣе счастливымъ обладателямъ лишнихъ франковъ. На стѣнѣ любимый портретъ любимаго Пушкина кисти Кипренскаго. Это - репродукція того самого портрета, про который отецъ Александра Сергѣевича, Сергѣй Львовичъ, сказалъ, что

„Лучшій портретъ сына моего есть тотъ,который написанъ Кипренскимъ и гравированъ Уткинымъ".

Напомню, что въ 1932-мъ году Н.В. Зарѣцкій устроилъ въ Прагѣ „Пушкинскую выставку", пользовавшуюся совершенно исключительнымъ успѣхомъ.

Интересный разсказчикъ,Николай Васильевичъ особенно оживляется, когда мы говоримъ о русской старинѣ. Развѣ не для многихъ и многихъ изъ насъ въ этой старинѣ едва ли не единственный теперь смыслъ нашего существованія и, во всякомъ случаѣ, тихое пристанище отъ повседневной суеты ? Мой собесѣдникъ уводитъ меня въ это чудесное русское прошлое и мы переживаемъ его, какъ свои самыя свѣтлыя и дорогія воспоминанія. Вѣдь это все наше, родное, близкое, безконечно любимое ! Вотъ наше россійское величіе, наша военная слава! Именно в о е н н а я слава Петровской, Императорской, Санктъ-Петербургской Россіи, Россіи „потѣшныхъ марсовыхъ полей".

Люблю, военная Столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ.

.....

Красуйся, Градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія.

(Пушкинъ)

Въ который разъ я съ неослабѣвающимъ интересомъ просматриваю выставочный матеріалъ Николая Васильевича...

Денисъ Давыдовъ! Портретовъ прославленнаго перваго партизана 12-го года извѣстно не много. Въ матеріалахъ Н.В.портретъ Давыдова, кисти Карла Гампельна, данъ въ прекрасной печатной репродукціи,позволяющей судить о внѣшнемъ обликѣ героя и поэта. Какъ это ни странно, ничего воинственнаго, ничего вызывающаго нѣтъ въ чертахъ некрасиваго, но умнаго и удивительно привлекательнаго лица Дениса Васильевича. А какая красочная жизнь !

Давыдовъ, пламенный боецъ !
Онъ вихремъ въ бой кровавый !
Онъ въ мирѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы !

(Жуковскій)

Кстати, на извѣстномъ „гусарскомъ" портретѣ, кисти Кипренскаго, изображенъ вовсе не Денисъ Давыдовъ, а его братъ - Евдокимъ. Это - новость въ русской военной иконографіи.

Пушкинъ считалъ Дениса Давыдова своимъ учителемъ въ искусствѣ выправлять стихъ,писать „круче", „быть оригинальнымъ".

Посылая Давыдому, одному изъ первыхъ, экземпляръ только что вышедшей изъ печати „Исторіи Пугачевскаго Бунта", Пушкинъ написалъ на ней слѣдующее посвященіе :

Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою !
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ
Скакать на бѣшенномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго Пегаса.
Носилъ я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ;
Но и на этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наѣздникъ чудный,
Ты мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ - при первомъ взглядѣ
Онъ видно - плутъ, казакъ прямой !
Въ передовомъ твоемъ отрядѣ
Урядникъ былъ-бы онъ лихой.

Въ 1830-мъ году въ письмѣ къ кн. П.А.Вяземскому Давыдовъ писалъ: „знаешь ли, что этотъ чертъ (Пушкинъ), можетъ быть не думая, сказалъ прошедшее лѣто за столомъ у Киселева одно слово, которое необыкновенно польстило моему самолюбію? Онъ, можетъ быть, о томъ забылъ,а я помню и весьма помню! Онъ, хваля стихи мои, сказалъ, что въ молодости своей отъ стиховъ моихъ сталъ писать свои круче и принаравливался къ оборотамъ моимъ, что потомъ вошло ему въ привычку. Это комплиментъ и почти насмѣшка, но, ты знаешь, я не цѣховой стихотворецъ и не весьма цѣню успѣхи мои,но при всемъ томъ слова эти отозвались во мнѣ и по сіе время меня радуютъ".

Любопытная подробность въ біографіи Дениса Васильевича. Вальтеръ Скоттъ, не будучи лично знакомъ съ нашимъ героемъ 12-го года, очень интересовался имъ. Портретъ Давыдова висѣлъ въ кабинетѣ знаменитаго англійскаго романиста-историка. Давыдовъ обмѣнялся съ Вальтеромъ Скоттомъ нѣсколькими любезными письмами и, зная, что тотъ собираетъ оружіе, подарилъ ему Курстанскій дротикъ, Черкесскій лукъ со стрѣлами и кинжалъ. Вальтеръ Скоттъ прислалъ Денису Васильевичу свой портретъ съ краткой, но выразительной надписью: „Вальтеръ Скоттъ - Денису Давыдову".

Графъ Федоръ Петровичъ Толстой.... Этотъ замѣчательный русскій человѣкъ, профессіональный морякъ,кончившій службу въ чинѣ лейтенанта, талантливѣйшій живописецъ, скульпторъ, рисовальщикъ-иллюстраторъ, но,прежде всего - несравненный медальеръ, внѣшне знакомъ намъ по тремъ автопортретамъ,по портрету, исполненному Сѣряковымъ въ деревянной гравюрѣ, наконецъ, по литографированному портрету Бореля въ изданіи Мюнстера. Вся жизнь Федора Толстого неразрывно связана съ его художественнымъ творчествомъ.И жизнь и творчество преисполнены подлиннаго благородства. Красивый, талантливый, умный, былъ онъ арис-

тократомъ не только по рожденію, но и по всему своему духовному „складу", какъ сказали бы въ старину. Отмѣтимъ, что военныя темы наиболѣе привлекаютъ художника-медальера, и лучшія его медали инспирированы событіями русской военной исторіи.

Графъ Ѳедоръ Петровичъ прожилъ долгую жизнь: родился въ I783-мъ году и умеръ въ I873-мъ. Онъ видѣлъ Екатерину Великую (императрица скончалась, когда Толстому шелъ тринадцатый годъ) и четырехъ императоровъ: Павла Петровича, Александра Павловича, Николая Павловича и Александра Николаевича. Свидѣтель I2-го года, I4-го декабря, Севастопольской обороны, Освобожденія крестьянъ, онъ былъ современникомъ Суворова и Наполеона и лично зналъ Державина, Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, молодого Льва Толстого, если называть только великія событія и великія имена.

Какъ мастеръ медальерскаго искусства, Ѳедоръ Толстой пользовался общеевропейской извѣстностью. Императоръ Николай Павловичъ разослалъ медали Толстого, выбитыя на событія Персидской и Турецкой войны, во всѣ европейскія Академіи Художествъ. Толстой получилъ отъ князя Меттерниха, куратора Вѣнской Академіи Художествъ, письмо, въ которомъ знаменитый дипломатъ и меценатъ писалъ между прочимъ: „Медали графа будутъ лучшимъ украшеніемъ въ этой Академіи по части медальернаго искусства и врядъ ли есть другое государство, которое можетъ представить что-либо подобное въ этомъ родѣ; отнынѣ молодымъ художникамъ есть съ чего учиться медальерному искусству".

Развѣ мы не въ правѣ сказать, что русскому искусству, просвѣщенію, общественному и государственному служенію Русская армія отдавала едва-ли не лучшихъ своихъ сыновей. Собранные художникомъ Н.В.Зарѣцкимъ матеріалы доказываютъ, что это утвержденіе не голословно. Было бы желательно чтобы въ этомъ убѣдились широкіе круги русскаго зарубежнаго общества. Достигнуть этого можно только устроивъ эту подлинно-патріотическую выставку.

А.К. САВИЦКІЙ

РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

№ 8

РЕДАКТОРЫ:

А. К. Савицкій и **Ю. А. Топорковъ**

ИЗДАНІЕ
КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ
ПАРИЖЪ — 1951

VITIAZ
SERVICE SOCIAL

РУССКІЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

№ 8

Редакторы:
А.К. САВИЦКІЙ — Ю.А. ТОПОРКОВЪ

ПАРИЖЪ
1951

Въ этомъ году, 11-го марта ст. стиля исполнилось 150 лѣтъ со дня мученической кончины злодѣйски убіеннаго ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

"РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"
издается на правахъ рукописи. Всѣ права сохранены.
Въ этомъ номерѣ 50 стр. (48 + II)

Мы благодаримъ дорогихъ читателей за поздравленія, присланныя намъ къ Свѣтлому Празднику Пасхи. Воистину Воскресе!

А.К. САВИЦКІЙ Ю.А.ТОПОРКОВЪ

Содержаніе Стр.

А. МЮНСТЕРЪ. Адмиралъ М.П. Лазаревъ. I

А.Л. МАРКОВЪ. Фельдъегерскій Корпусъ 3

ДОКУМЕНТЫ: I. Письмо А.П. Ермолова 4
II. Письмо графа А.Х. Бенкендорфа 5

Б.Ф. ПЕТРОВЪ. Отъ Ханскаго Поста до Зивина. 9

Изъ Дневника Н.Д. ХАНЕНКИ за 1722-й годъ 15

А.К. САВИЦКІЙ. Суворовъ и Бонапартъ. (Матеріалы для сравнительной характеристики) 18

В.В. ВЕРЕЩАГИНЪ. Малолѣтній корпусъ. (Воспоминанія) 42

Изъ военной поэзіи XIX-го вѣка 45

Х.Х.Х. Военныя награды въ Допетровскую Эпоху. (Историческая справка) 46

ИЗДАНІЕ КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ

На складѣ остались въ очень ограниченномъ количествѣ слѣдующія изданія Кружка:

РУССКАЯ ВОЕННАЯ СТАРИНА, СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ 200 фр.
ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ СУВОРОВА 25 фр.
РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ № 4-5 125 фр.
РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ № 6 125 фр.
РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ № 7 150 фр.

Требованія на всѣ изданія Кружка покорнѣйшая просьба направлять на имя казначея Кружка Александра Александровича Стаховича - Mr A. Stakhovitch, 3 rue de Nanterre, ASNIERES (Seine)

Весь литературный матеріалъ надлежитъ направлять только по адресу редактора журнала Андрея Казиміровича Савицкаго, Mr A. Savitzky, 3 rue Désiré-Bertrand, EAUBONNE (S. & O.).

Не принятыя рукописи не возвращаются и ни въ какія объясненія по этому поводу редакція не вступаетъ.

Въ слѣдующемъ номерѣ журнала будетъ напечатана статья Ю.А. Топоркова о слободскихъ полкахъ.

Къ столѣтію со дня кончины адмирала М.П.Лазарева.

АДМИРАЛЪ М.Д.ЛАЗАРЕВЪ.

Михаилъ Петровичъ Лазаревъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, родился 3-го ноября 1788 года, во Владимірской губерніи, и воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Произведенный, 23-го мая 1808 года, въ гардемарины, онъ, четыре дня спустя, вмѣстѣ съ 30-ю другими товарищами, былъ отправленъ въ Англію, тамъ служилъ волонтеромъ на разныхъ судахъ, оттуда плавалъ въ Атлантическій океанъ и Западную Индію, 27 декабря 1805 года получилъ чинъ мичмана и 27 мая 1808 года возвратился въ Россію. Тогда Россія воевала съ Англіей - и Лазаревъ, опредѣленный на эскадру адмирала Ханыкова, въ томъ же 1808 году находился въ числѣ охотниковъ, посланныхъ на помощь кораблю „Всеволодъ", атакованному англичанами у острова Роге, былъ при этомъ захваченъ въ плѣнъ, но скоро освобожденъ. Прокрейсировавъ 1809 и 1810 гг. въ балтійскихъ водахъ, Лазаревъ въ 1811 году, былъ произведенъ въ лейтенанты; въ 1812-омъ году ходилъ съ дессантомъ въ Данцигъ, а 1-го сентября 1813-го года принялъ въ свою команду россійско-американскій компанейскій корабль „Суворовъ" на которомъ совершилъ плаваніе въ русскія американскія колоніи, но, вслѣдствіе недоразумѣній съ тогдашнимъ начальникомъ колоній, извѣстнымъ Барановымъ, въ одну ночь снарядилъ свой корабль и, безъ медика даже суперкарга, пустился изъ Ситхи въ Кронштадтъ, куда благополучно прибылъ 1 сентября 1816 года, оправданный правленіемъ компаніи, которое тогда же смѣнило Баранова. Въ 1817 году Лазаревъ получилъ орденъ св. Георгія 4 класса, за выслугу 18-ти морскихъ шести-мѣсячныхъ кампаній; въ 1819 - 1821 года командовалъ шлюпомъ „Мирный" въ кругосвѣтномъ плаваніи эскадры Беллинсгаузена, гдѣ сдѣлалъ драгоцѣнное собраніе моделей всѣхъ видѣнныхъ имъ судовъ, употребляемыхъ дикими, и, по возвращеніи въ Кронштадтъ, произведенъ, черезъ чинъ, въ капитаны 2 ранга, съ ежегоднымъ добавленіемъ къ получаемому имъ жалованью оклада по чину лейтенанта, въ которомъ онъ совершилъ плаваніе. - 21 іюля 1822 года Лазаревъ былъ назначенъ командиромъ фрегата „Крейсеръ", на которомъ, ровно мѣсяцъ спустя, отправился въ новое кругосвѣтное путешествіе, принесшее много пользы морскому образованію русскаго флота, за что Лазаревъ, 1 сентября 1825 года, получилъ чинъ капитана 1 ранга, орденъ св. Владиміра 3 класса и ежегодное добавленіе къ получаемому имъ содержанію оклада по чину капитана 2 ранга, въ которомъ совершено это плаваніе. Въ 1826 году Лазаревъ сдѣланъ командиромъ 1-го флотскаго экипажа и строившагося въ Архангельскѣ корабля „Азовъ", имъ же вскорѣ приведеннаго въ Кронштадтъ, а 8 октября 1827 года, онъ, въ качествѣ начальника штаба эскадры адмирала Гейдена, участвовалъ въ знаменитомъ морскомъ бою съ турками при Наваринѣ, за который произведенъ въ контръ-адмиралы и получилъ иностранные ордена: англійскій Бани, французскій

св.Людовика и греческій Спасителя. - Въ теченіе 1828 и 1829 гг. Лазаревъ оставался начальникомъ штаба русской эскадры въ Средиземномъ морѣ, откуда, 12 мая 1830 года, съ 10-ю судами этой эскадры, возвратился въ Кронштадтъ; лѣтомъ 1831 года крейсировалъ въ Ботническомъ заливѣ; потомъ командовалъ 1-ю бригадою 2-й флотской дивизіи, а 17 февраля 1832 года назначенъ начальникомъ штаба Черноморскаго флота и портовъ, причемъ ему, за труды по пересмотру штатовъ и вооруженія судовъ, пожалована 12-ти лѣтняя аренда въ 1000 рублей. Опредѣленный, въ томъ же году, начальникомъ эскадры черноморскаго флота, для вспомоществованія союзному Россіи турецкому султану противъ египетскаго паши, Лазаревъ, въ январѣ 1833 года, вытянулся на севастопольскій рейдъ, 2 февраля вышелъ въ море, 8 февраля прибылъ въ Босфоръ; тамъ, произведенный, 2 апрѣля, въ вице-адмиралы, получилъ отъ султана золотую, осыпанную алмазами, медаль, для ношенія въ петлицѣ; по возвращеніи изъ Константинополя, назначенъ, 1 іюля, генералъ-адъютантомъ и, 2 августа, исправляющимъ должность главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ. Исправляя эту должность, Лазаревъ, 24 апрѣля 1834 года, получилъ орденъ св.Владиміра 2-го класса; потомъ, 31 декабря того же года, утвержденъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ; въ 1835 году награжденъ прибавленіемъ къ прежде пожалованной ему арендѣ еще 1000 рублей, и, въ 1837 году, орденомъ св.Александра Невскаго, а въ 1838, 1839 и 1840 гг. онъ лично распоряжался высадкою войскъ на кавказскіе берега, въ воспоминаніе чего, кромѣ увеличенія прежней аренды Лазарева еще 1000 рублями, одному изъ береговыхъ укрѣпленій, при рѣчкѣ Псезупе, повелѣно именоваться „фортомъ Лазарева". Въ 1842 году Лазаревъ получилъ алмазные знаки къ ордену св. Александра Невскаго, съ повелѣніемъ носить кундиръ 12-го флотскаго экипажа, особенно отличившагося при Наваринѣ; 10-го октября 1843 года произведенъ въ адмиралы; въ 1845 году, при посѣщеніи Государемъ Николаева и Севастополя, пожалованъ орденомъ св. Владиміра 1-го класса, а въ 1850 году, по засвидѣтельствованіи Государя Наслѣдника объ отличномъ состояніи Черноморскаго флота и портовъ, - орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Но въ январѣ 1851 года съ особенною силою возобновилась болѣзнь, которою Лазаревъ страдалъ еще съ 1843 года, вслѣдствіе чего Государь Императоръ, рескриптомъ отъ 15 февраля, пригласилъ Лазарева воспользоваться, по совѣту медиковъ, заграничнымъ леченіемъ - и Лазаревъ, поѣхавъ искать пособія знаменитѣйшихъ врачей, умеръ 11-го апрѣля 1851 года, въ Вѣнѣ, отъ рака въ желудкѣ. Тѣло его, привезенное въ Россію, погребено въ Севастополѣ, на мѣстѣ, гдѣ потомъ воздвигнутъ храмъ св. Равноапостольнаго князя Владиміра. Кромѣ военныхъ чиновъ и званій, адмиралъ Лазаревъ состоялъ почетнымъ членомъ морского ученаго комитета и имѣлъ дипломы: почетнаго члена казанскаго университета, члена Императорскаго русскаго географическаго общества и одесскаго общества исторіи и древностей. Память адмирала Лазарева въ Новороссійскомъ краѣ увѣковѣчена многими капитальными сооруженіями, напр. Лазаревскимъ адмиралтействомъ въ Новороссійскѣ, а русскій флотъ обязанъ адмиралу Лазареву образованіемъ многихъ опытныхъ морскихъ офицеровъ,

заохоченныхъ Лазаревымъ къ морскому дѣлу, „котораго самъ онъ, по выраженію статьи военнаго энциклопедическаго лексикона, былъ въ полномъ смыслѣ м а с т е р о м ъ ".

А. МИНСТЕРЪ

(Потретная Галлерея Русскихъ Дѣятелей, С.П.Б. 1863.)

ФЕЛЬДЪЕГЕРСКІЙ КОРПУСЪ

(изъ старыхъ былей николаевскаго времени)

До самой революціи 1917-го года въ Россіи существовалъ такъ называемый „фельдъегерскій корпусъ", подчиненный министерству императорскаго двора. Его послѣднимъ начальникомъ былъ полковникъ А.Д. Носовъ.

При своемъ основаніи императоромъ Павломъ I-мъ, назначеніе чиновъ корпуса было служить императорскими курьерами особой важности, развозившими императорскіе указы и повелѣнія во всѣ концы Россіи. Съ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти и изобрѣтеніемъ телеграфа служба фельдъегерей свелась постепенно къ придворной традиціи, вродѣ существованія при дворѣ такъ называемыхъ „скороходовъ". Но въ началѣ XIX-го вѣка, и, въ особенности, въ царствованіе императора Николая Павловича чины фельдъегерскаго корпуса несли чрезвычайно отвѣтственную и тяжелую службу.

Такъ какъ всѣ сообщенія внутри страны сводились въ ту эпоху къ почтовой гоньбѣ, то фельдъегерямъ приходилось и днемъ и ночью покрывать сотни верстъ при всякой погодѣ и часто по совершенному бездорожію. По закону смотрители всѣхъ почтовыхъ станцій Россіи обязаны были держать наготовѣ спеціальныя тройки лучшихъ лошадей, именовавшіяся „фельдъегерскими". Тройки эти давались только по ихъ прямому назначенію. Въ любую минуту могъ прибыть съ сосѣдней станціи фельдъегерь, чтобы на свѣжей тройкѣ нестись далѣе сломя голову, не взирая ни на какую погоду, ни на дурное состояніе пути. Гоньба эта была такова, что лошади не всегда ее выдерживали, и проѣздъ фельдъегеря по тому или иному тракту означалъ нѣсколько загнанныхъ и павшихъ на пути коней. Всѣ служащіе почтовыхъ станцій какъ огня боялись фельдъегерей, которые по обычаю для поощренія смотрителей и ямщиковъ прибѣгали къ жестокой кулачной расправѣ, на которую жаловаться и искать управы было некому и негдѣ, такъ какъ чины фельдъегерскаго корпуса принимали особую присягу выполнять Высочайшія порученія „по мѣрѣ силъ и способностей", что въ николаевскія времена понималось очень широко.

„Подорожныя", т.е. документы на право проѣзда по почтовымъ трактамъ, тогда раздѣлялись на четыре категоріи, а именно: на подорожную простую, выдаваемую обыкновеннымъ проѣзжающимъ; на подорожную съ „перышкомъ", - указывающую на проѣздъ по казенной надобности; съ „двумя перышками" - для курьера и, наконецъ, съ „тремя перышками" - или фельдъегерскую.

Само собою разумѣется, что люди вербовались въ фельдъегерскій корпусъ по особому и очень строгому выбору, испытанной вѣрности, богатырскаго сложенія и большой физической выносли-

вости. Это были обыкновенно выслужившіеся въ офицеры арміи вахмистра и унтеръ-офицеры кирасирской гвардейской дивизіи. Въ царствованіе императора Николая Павловича, любившаго пользоваться фельдъегерями, въ ихъ числѣ были люди, дѣйствительно, творившіе въ своей служебной дѣятельности настоящія чудеса выносливости и выполнявшіе царскія порученія съ волшебной для того бездорожнаго времени быстротой. О томъ, что стоила самимъ фельдъегерямъ и почтовымъ трактамъ эта быстрота, говорить не приходится.

Примѣромъ того, что представлялъ собой фельдъегерь николаевскаго времени, можетъ служить историческій фактъ, упоминающійся въ запискахъ принца Альберта Прусскаго, на сестрѣ котораго былъ женатъ императоръ Николай Павловичъ. Описывая свое пребываніе въ Россіи принцъ говоритъ: „Въ одну изъ зимъ, когда я гостилъ у императора Николая въ С.-Петербургѣ и когда я уже потерялъ счетъ баламъ, на которыхъ танцевалъ, срокъ моего отпуска кончился и мнѣ необходимо было вернуться въ Берлинъ, такъ какъ мой отецъ былъ крайне строгъ въ этомъ отношеніи, а между тѣмъ на другой день предстоялъ въ Питерѣ блестящій балъ. Чтобы помочь моему горю, императоръ Николай сказалъ: „Я тебѣ помогу, только согласись на мое предложеніе. Вмѣсто почтовыхъ, я отправлю тебя съ фельдъегеремъ тотчасъ послѣ бала и онъ доставитъ тебя до границы во время". Я конечно съ радостью согласился и послѣ бала очутился на фельдъегерской тройкѣ, на которой мы понеслись какъ бѣшенные. Мнѣ теперь 55 лѣтъ и я до сихъ поръ не могу забыть этой поѣздки. Три дня и три ночи мы неслись какъ угорѣлые и по совѣту фельдъегеря я подтягивалъ себя ремнемъ все туже и туже. По пріѣздѣ на мнѣ не было живого мѣста, и я трое сутокъ пролежалъ въ кровати совершенно разбитый. На слѣдующій годъ императоръ спросилъ меня о поѣздкѣ и очень хохоталъ, слушая ея подробности. „А знаешь ли, - сказалъ онъ мнѣ, - что вѣдь я далъ тебѣ самого слабаго фельдъегеря: мнѣ было тебя жалко, а вотъ попробовалъ бы ты прокатиться съ Сѣрковымъ, онъ въ 30 часовъ поспѣваетъ изъ Петербурга въ Москву. Хочешь туда прокатиться съ нимъ ?" Меня это ужасно раззадорило и я согласился. Сѣрковъ былъ позванъ и передъ нами предсталъ огромный мужчина съ длинными усами. „Можешь ли, - спросилъ его государь, - доставить принца въ 30 часовъ въ Москву ?"

„За тѣло отвѣчаю, Ваше Величество, а за душу не могу"...

Отвѣтъ этотъ вызвалъ общій хохотъ и отбилъ у меня охоту дѣлать пробу."

А.Л. МАРКОВЪ.

ДОКУМЕНТЫ

I. ПИСЬМО А.П. ЕРМОЛОВА КН. П.М.ВОЛКОНСКОМУ

Почтеннѣйшій князь, Петръ Михайловичъ.

Изъ рапорта моего вы увидите, что я выступилъ въ Дагестанъ. Не безпокойтесь, прошу васъ, я не зайду, куда ненадобно и уже довольно познакомился съ народами здѣшними, чтобы они обмануть могли. Не подумайте, чтобы со стороны моей не у мѣста

употреблена была дерзость, хотя, впрочемъ, таковы теперь силы мои, что въ зимнее время ни что бы удержать меня не могло. Я ничего здѣсь не дѣлаю безъ вѣрнаго разсчета, ибо здѣсь не встрѣчаются обстоятельства, могущія понудить дѣлать то, чего не хочешь, особливо, когда ведешь войну наступательную. Здѣсь средства въ рукахъ располагающаго таковою. Или быстро наступишь, не дашь соединиться, или, ежели собрались въ большихъ очень силахъ и нельзя не имѣть чувствительной потери, надобно остановиться шесть или семь дней; въ толпахъ различныхъ народовъ, непокорствующихъ одной власти, родятся разсужденія и за ними вслѣдъ несогласія, тогда или половина противится, или, если и всѣ, то уже такой отъ раздора дѣлаютъ вздоръ, что всѣ успѣхи пріобрѣтаешь почти даромъ.

Мнѣ гораздо опаснѣе слухи домашніе, которые всегда разбиваютъ начальствуемое мною войско и меня непремѣнно убиваютъ, такъ что нѣтъ года, чтобы я не былъ въ необходимости воскреснуть. Нѣтъ сумнѣнія, что и теперь не болѣе благопріятныя на счетъ мой будутъ разглашенія, но прошу васъ, почтеннѣйшій князь, Петръ Михайловичъ, не безпокоить себя ими. Не мнѣ здѣсь губить войско моего государя и не мнѣ гибнуть отъ глупыхъ здѣшнихъ народовъ, а хвастовство ихъ больше bulletins французскихъ. Многіе изъ нашихъ имъ вѣрили и здѣшніе успѣли внушить къ себѣ излишнее уваженіе.

Прощайте. Продолжите мнѣ лестное ваше расположеніе и вѣрьте душевному почтенію моему, покорнѣйшій слуга

Алексѣй Ермоловъ.

II-го ноября 1819.
Переправа черезъ Койсу.

II. ПИСЬМО ГРАФА А.Х.БЕНКЕНДОРФА КНЯЗЮ П.М.ВОЛКОНСКОМУ [1]

Послѣ писемъ, которыя я имѣлъ честь писать вамъ, князь, считаю долгомъ сообщить вамъ о печальномъ и несчастномъ случаѣ, происшедшемъ третьяго дня.

Это, какъ будто бы, опровергаетъ все то, что я вамъ говорилъ о хорошемъ настроеніи, воодушевляющемъ весь гвардейскій корпусъ; соблаговолите спокойно объ этомъ разсудить и даже это происшествіе докажетъ вамъ правильность моего мнѣнія.

Семеновскій полкъ, привыкшій въ теченіе многихъ лѣтъ къ честному командованію, дорожилъ своими славными преданіями и честью носить имя Императора.

Назначеніе полковника Шварца командующимъ этого полка (какъ вы это знаете) вызвало общее неудовольствіе во всей гвардіи.

Офицеры, возмущенные именемъ, манерами, репутаціей человѣка, совершенно чуждаго полку, поднялись противъ назначенія, которое казалось имъ обидой. Быть можетъ, свободныя рѣчи, произнесенныя въ присутствіи солдатъ, возникшія въ силу этого мнѣнія и давшія ему новую силу, сразу же поставили полкъ во враждебное отношеніе къ полковнику.

---

1) Письмо написано по французски. Мы даемъ нашъ, русскій переводъ этого письма и оригинальный французскій текстъ, опубликованный въ "Сборникѣ Снимковъ съ Автографовъ Русскихъ Дѣятелей, 1801 - 1825, Изд. Редакціи „Русской Старины" и Ф.К.Опочинина. САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1873".

Это предубѣжденіе противъ полковника Шварца,къ несчастію, слишкомъ скоро превратилось въ увѣренность.

Не будучи въ состояніи пріобрѣсти уваженіе, онъ захотѣлъ заставить себя бояться, и ради этого сталъ примѣнять наказанія скорѣе позорныя, чѣмъ строгія; подробности ихъ отвратительны, и по этому поводу генералъ Васильчиковъ неоднократно ему выговаривалъ.

Пусть сопоставятъ то сознаніе своего достоинства, которое присуще полку болѣе сотни лѣтъ, съ тѣмъ обращеніемъ, коему онъ подвергся въ теченіи этого года, и тогда легко будетъ понять, что подобное положеніе должно было вызвать критическій переломъ.

Онъ случился, онъ прошелъ.

Теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы разсмотрѣть, какое вліяніе онъ оказалъ на духъ другихъ гвардейскихъ полковъ.

Столь единодушное возмущеніе и столь опасная твердость должны были произвести сильное впечатлѣніе.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что если бы катастрофа этихъ дней потребовала вмѣшательства вооруженной силы, сія послѣдняя отказалась бы участвовать въ этомъ вмѣшательствѣ открыто.

Столь необыкновенный фактъ не долженъ, однако, казаться ужаснымъ;онъ не связанъ съ недостаткомъ дисциплины въ гвардейскомъ корпусѣ,но съ частными обстоятельствами этого возмущенія.

Назначеніе полковника Шварца удивило и вызвало неудовольствіе большинства офицеровъ гвардіи. Разговоры, ведшіеся въ то время, уже произвели неблагопріятное впечатлѣніе на солдатъ всѣхъ полковъ, остривщихъ безъ конца по этому поводу (его,между прочимъ, называли евреемъ). Когда же, вскорѣ, полковникъ Шварцъ утонченностью своего позорнаго поведенія до крайности раздражилъ противъ себя нѣсколько тысячъ человѣкъ,естественно, они начали выражать свои жалобы и гнѣвъ родителямъ и знакомымъ; такимъ образомъ большая часть полковъ уже давно раздѣляла неблагопріятное мнѣніе семеновцевъ о полковникѣ Шварцѣ.

Этимъ объясняется сочувствіе, вызванное въ солдатахъ другихъ полковъ несчастіемъ, постигшимъ Семеновскій полкъ.

Возстаніе было направлено только противъ его виновника.

Проявляя ненависть къ своему полковому командиру,виновные гренадеры Семеновскаго полка въ то же время уважали авторитетъ любого офицера. Они съ уваженіемъ отзывались о прочихъ своихъ начальникахъ и выражали восторгъ и любовь къ Монарху. Нѣсколько разъ можно было слышать такія знаменательныя слова: „О,если бы Государь зналъ это !"

Въ итогѣ, движеніе вовсе не было направлено противъ начальства вообще; оно имѣло въ виду только одного человѣка; солдаты Семеновскаго полка сознавали,равно какъ и солдаты всѣхъ другихъ полковъ, что это выступленіе было преступно.

Движеніе это, чуждое по своей природѣ интересамъ офицеровъ, убѣдило наиболѣе просвѣщенныхъ изъ нихъ въ повелительной необходимости обращаться съ солдатами съ справедливою строгостью, но въ особенности съ человѣколюбіемъ и разборчивостью. Офицеры вообще сознаютъ, что неблагоразумно умалять значеніе высшихъ начальниковъ передъ солдатами, бунтъ которыхъ можетъ повлечь за собою общую гибель.

Какъ бы сильно ни было въ настоящую минуту впечатлѣніе,

произведенное на умы этимъ несчастнымъ дѣломъ, не нужно тревожиться; пусть только начальство приметъ справедливыя мѣры и особенно такого рода, чтобы не смущать счастливое и полное довѣріе, питаемое войскомъ къ мудрости и великодушію Государя, къ которому оно только что испытывало настоящую любовь.

А. Бенкендорфъ.

20-го октября 1820 года.

(Текстъ подлинника)

Après les lettres que j'ai eu l'honneur de Vous adresser, Mon Prince, je crois devoir Vous écrire sur le triste et malheureux évènement d'avant hier.

Il a l'air de refuter tout ce que je Vous avais dit sur le bon esprit qui anime le corps de la garde ; veuillez bien y réfléchir avec tranquillité et cet évènement même Vous prouvra la justesse de mon opinion.

Le régiment de Sémenofski, accoutumé pendant des années, à un commandement honnête, tenait à ses beaux souvenirs, et à l'honneur de porter le nom de l'Empereur.

Quand le colonel Schwarz vint au commandement de ce régiment, cette nomination excita (comme Vous le savez), un mécontentement général dans toute la garde.

Les officiers choqués par le nom, les manières, la réputation d'un homme entièrement étranger au régiment, s'élevèrent contre une nomination qui leur parût une offense. Des propos libres peut-être, tenus en présence des soldats, prirent leur source dans cette opinion et lui donnant une nouvelle force mirent, dès le commencement, le régiment dans une position hostile envers son colonel.

Ce préjugé contre le colonel Schwarz ne se convertit malheureusement que trop tôt en certitude.

Ne pouvant se faire estimer, il voulût se faire craindre et il employa à cet effet des chatiments, plus ignominieux encore que sévères, les détails en sont dégoutants, et là-dessus le général Wassiltschikoff l'avait sermonné plus d'une fois.

Que l'on compare le sentiment, que le régiment devait avoir de sa dignité pendant plus d'un siècle, au traitement qu'on lui fit éprouver cette année et l'on conçoit facilement, que cet état devait produire une crise.

Elle a eu lieu, elle a passée.

Il s'agit maintenant d'examiner l'influence qu'elle a exercée sur l'esprit des autres régiments de la garde.

Un soulèvement aussi unanime et une fermeté aussi alarmante devait produire une forte impression.

Il est même plus que probable que si la catastrophe de ces jours avait exigé l'intervention de la force armée, celle-ci aurait probablement refusé d'y participer ouvertement.

Un fait aussi extraordinaire ne doit cependant pas paraître effrayant ; il ne tient pas au manque de dissipline des corps de la garde, mais aux circonstances particulières de ce soulèvement.

La nomination du colonel Schwarz étonna et indisposa la majorité des officiers de la Garde. Les propos qu'on tint alors, firent déjà une impression défavorable sur les soldats de tous les régiments, qui ne tarissaient pas en plaisanterie à ce sujet (on l'appelait entre autre еврей) Quand bientôt après le colonel Schwarz exaspéra contre lui par le rafinement d'une conduite ignominieuse quelques millier de soldats, il est naturel, que ceux-ci allèrent porter leur plaintes et leur colère à leurs parents et connaissances; de sorte que la plupart des régiments partagèrent depuis longtemps, l'opinion défavorable qu'avait le régiment de Sémenofski du colonel Schwarz.

Ceci explique la compassion qu'inspira le malheur de ce régiment sur les soldats des autres régiments.

Les effets de ce soulèvement ne peuvent pas avoir d'autres caractères que lui même.

Tout en faisant éclater leur haine contre leur chef, les grenadiers coupables de Sémenofski respectaient l'autorité du moindre officier. Ils parlaient avec respect de leurs autres chefs, et témoignaient de l'enthousiasme et de l'amour pour le Souverain. L'on entendit à plusieurs reprises ces paroles mémorables: ah, si l'Empereur le savait,

En résumé le mouvement n'était nullement dirigé contre l'autorité en général; il n'en voulait qu'à un seul homme; les soldats de Sémenofski sentaient ainsi, que les soldats de tous les autres régiments, que cette démarche était criminelle.

Etranger par sa nature aux intérêts des officiers, ce mouvement confirma la partie éclairée de ceux-ci, dans l'impérieuse nécessité de traiter le soldat avec une juste sévérité, mais surtout avec humanité et discernement. Les officiers reconnaissent en général, qu'il est imprudent de déconsidérer les chefs supérieurs devant les soldats, dont l'émeute peut entraîner la perte de tous.

Quelque forte qu'ait donc été pour le moment, l'impression que produisit sur les esprits cette malheureuse affaire, on ne doit pas en concevoir d'alarmes, si l'autorité prend des mesures justes, et surtout de nature à ne pas compromettre l'heureuse et entière confiance, que la troupe met dans la sagesse et la bonté de l'Empereur, pour lequel elle vient d'éprouver un amour réel.

A. Benckendorf.

ce 21 octobre 1820.

Примѣчаніе. Въ октябрѣ 1820-го года генералъ-адъютантъ, графъ А.Х. Бенкендорфъ состоялъ въ должности начальника штаба гвардейскаго корпуса. Генералъ-адъютантъ, князь П.М.Волконскій, былъ въ это время за границей съ Государемъ и занималъ отвѣтственный постъ Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Напомнимъ, что Главный Штабъ Е.И.Величества былъ учрежденъ послѣ заграничнаго похода 1813 . 1814 гг. по проэкту князя П.М.Волконскаго и соединилъ въ себѣ все военное управленіе Россіи. Князь возглавлялъ этотъ штабъ до 1823 года послѣ чего былъ назначенъ министромъ Двора.

ОТЪ ХАНСКАГО ПОСТА ДО ЗИВИНА, СЪ ОТРЯДОМЪ ПОЛКОВНИКА ДОВГИРДА

Декабрь-Январь 1914-15 гг.

18-ый Туркестанскій Стрѣлковый полкъ и 2-ая батарея 5-го Туркестанскаго стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона подъ командой командира полка полковника Стефана Стефановича Довгирда получилъ приказъ сняться съ Сонамерскихъ позицій и въ срочномъ порядкѣ двинуться въ Караурганъ. Приказъ былъ полученъ около 10 часовъ вечера. Сняли сторожевое охраненіе, подняли спавшихъ въ землянкахъ стрелковъ и черезъ полчаса полковая колонна съ батареей была въ движеніи.

Стояла тихая, морозная, декабрьская ночь Закавказья. Была полная луна и ея холодный свѣтъ заставлялъ играть серебромъ дѣвственный снѣжный покровъ. Черной змѣей проползала колонна историческій Зивинъ. Развалины старой турецкой крѣпости рѣзко выступали на фонѣ луннаго неба и таинственно плескалась быстрая Зивинъ-су; переходя ее въ бродъ мы видѣли волнистое отраженіе луны (которой все было наполнено въ эту ночь) и наши ломающіяся тѣни.

Прошли турецкій Кетэкъ и втянулись въ Караурганъ: здѣсь было мрачно - луна заслонялась какимъ-то хребтомъ и только блики ея отраженнаго свѣта чуть-чуть освѣщали впитавшую насъ улицу молчащаго селенія. Слышно было звяканіе сбруи, фырканіе многихъ коней, глухіе окрики. Вдоль улицы, головой къ Саракамышу стояли парныя повозки корпусного обоза. Колонна остановилась и сейчасъ же поползли слухи, что турки большими силами насъ обошли, глубоко отрѣзавъ отъ всего и всѣхъ; одновременно передавалось, что здѣсь находится новый командиръ корпуса ген. Юденичъ. Это былъ тотъ моментъ, когда ген. Юденичъ, вступая въ командованіе 2-мъ Туркестанскимъ корпусомъ, бросалъ свое штабное перо и бралъ въ руки мечъ. Въ этотъ моментъ онъ, какъ оказалось, выходилъ на большую военную арену, сдѣлавшуюся міровой.

Въ царящей тишинѣ чувствовалось, что совершается что-то большое, неизбѣжное. Привыкшіе къ темнотѣ глаза начали различать недалеко отъ домика военно-экономическаго общества небольшую, отдѣльную группу и передъ ней верхомъ, наклонившись къ шее коня, могучую фигуру полковника Довгирда. Сонъ межилъ очи.

- "Полковнику Кобенину посадить три роты 2-го батальона и четыре пулемета на подводы и въ Саракамышъ! Съ Богомъ, братцы!" - рѣзко прорѣзалъ сухой, морозный воздухъ приказъ полковника Довгирда. Черезъ нѣсколько минутъ стукъ колесъ, удалявшихся на рысяхъ по мерзлому шосе подводъ, подтвердилъ исполненіе приказа. Оставшіеся два батальона съ батареей отъ с. Зяка свернули на Ханскія высоты, гдѣ накапливались обходившія насъ турецкія силы.

Я временно былъ оставленъ въ с. Сырбасанѣ для наблюденія за огнестрѣльными припасами, ввиду откомандированія завѣдующаго оружіемъ во вновь формируемый 23-ій Туркестанскій Стрѣлковый полкъ.

Уже къ 9 часамъ утра съ Ханскихъ высотъ начали доноситься раскаты орудій нашей батареи и поступили свѣдѣнія, что полкъ вступилъ въ бой съ наступающими турецкими войсками.

Черезъ три дня я получилъ приказъ выѣхать на Ханскій пограничный постъ. Розыскалъ адъютанта полка, поручика Борисенко;

пока я съ нимъ бесѣдовалъ, на крыльцѣ поста появилась мощная фигура полковника Довгирда; на глазахъ его были черныя очки и подойдя онъ какъ то неувѣренно остановился. Борисенко быстро подошелъ,взялъ его подъ руку и доложилъ о моемъ прибытіи. Довгирдъ протянулъ руку, глядя поверхъ меня. Я понялъ, что не все ладно, представился и пожалъ протянутую руку.

"Сведите меня внизъ и подведите къ коню". Мы свели своего командира съ крыльца, подвели къ лошади и пока онъ садился, Борисенко мнѣ объяснилъ, что у Довгирда отъ ослѣпительной бѣлизны снѣговъ настолько раздражена сѣтчатка глазъ, что онъ нѣсколько дней почти ничего не видитъ. Его текинца (I) взялъ на буксиръ ординарецъ и этотъ неукротимой энергіи человѣкъ поѣхалъ принимать доклады и отдавать приказанія чинамъ ввѣреннаго ему ген. Юденичемъ отряда.

Оставшись одинъ я увидѣлъ недалеко отъ себя маленькаго, чистенькаго, симпатичнаго улыбающагося капитана генеральнаго штаба, - это былъ капитанъ Клэрже, вновь назначенный начальникъ штаба отряда полковника Довгирда.

Ханскій пограничный постъ былъ единственное убѣжище съ крышей, гдѣ размѣстился перевязочный пунктъ отряда, штабъ,центральъ полевого телефона и одновременно съ тѣмъ это была полевая гостинница для передвигающихся по всѣмъ направленіямъ чиновъ. Тутъ можно было встрѣтить всѣхъ ранговъ пластуновъ,дербентцевъ, туркестанскихъ стрѣлковъ, артиллеристовъ; здѣсь же умирали смертельно раненые на Ханскихъ высотахъ и священникъ I7-го Туркестанскаго стрѣлков. полка читалъ отходную. Здѣсь былъ ликъ войны. Все это было въ полушубкахъ, папахахъ, обмотано башлыками, съ ледяными сосульками на усахъ. Было 20 градусовъ ниже нуля при вѣтрѣ. Бой шелъ безъ перерыва. Недалеко отъ поста два полевыхъ орудія непрерывно гвоздили черезъ головы своихъ по атакующимъ туркамъ. Слѣва дрался отрядъ полковника Термэнъ; — справа, у с. Бардуса, бѣлые домики и колокольня котораго ясно рисовалась съ Ханскихъ высотъ, вели бой пограничники и подходившіе пластуны полковника Букретова. Жестокое сраженіе разгоралось за обладаніе горой Геля, гдѣ яркій снѣжный покровъ прорѣзывали темныя нити, идущихъ въ затылокъ по одному, въ разныхъ направленіяхъ колоннъ: это были временно освободившіяся роты и полуроты резерва, которыя шли драться на сосѣдніе участки, гдѣ турки еще не были отбиты.

Часамъ къ четыремъ я получилъ приказъ полковника Довгирда принять 4 роту нашего полка. Отправляюсь и "опросомъ мѣстныхъ жителей", достигаю пункта назначенія. Прибывъ въ роту узнаю, что очередное наступленіе отбито часъ тому назадъ,офицеровъ въ ротѣ нѣтъ,а что касается всего иного прочаго то нужно убѣдиться самому. Вводилъ меня въ курсъ дѣла фельдфебель роты подпрапорщикъ Довгань;во время доклада онъ нѣсколько разъ подозрительно косился на мои сапоги.

"Помѣщеніе"командира роты было таково: жилплощадь полтора на два метра, опущенная ниже уровня снѣгового покрова на полметра; стѣны изъ плотно убитаго снѣга высотой въ полметра; по-

(I) Лошадь текинской породы (Закаспійской области).

крыто было это убѣжище полотнищемъ турецкой палатки, вмерзшей въ стѣны и заваленной снѣгомъ; дверь - другое вмерзшее полотнище. Внутри легкій турецкій палась, сигнальный рожокъ и прочая мелочь боевой жизни.

Съ надвѣтренной стороны этого "помѣщенія" стояли два нашихъ милыхъ маленькихъ закаспійскихъ ослика; обросли "бедалашки" длинной шерстью, оба покрыты однимъ полотнищемъ; рядомъ съ ними - "военная добыча" - турецкій катеръ (мулъ).

"Дома", т.е. въ Асхабадѣ - ослики носили намъ воду во время стрѣльбы и маневровъ, а теперь съ вьюковъ сняли маленькіе боченки и приторочили цинковыя коробки съ патронами.

Затѣмъ Довгань ввелъ меня въ курсъ хозяйственныхъ дѣлъ: обозъ 2 разряда полка былъ гдѣ-то подъ Саганлугомъ закупоренъ обошедшими насъ турками. Довольствіе роты производилось такъ: къ неопредѣленному часу прибывали изъ тыла два коня, - стрѣлки оповѣщали это событіе криками: "Удовольствіе прибыло"! На одномъ изъ коней были навьючены два мѣшка съ хлѣбомъ, на другомъ мѣшокъ съ хлѣбомъ и съ мясными порціями; т.к. все это въ мѣшки накладывалось въ горячемъ видѣ гдѣ-то далеко, то при раздачѣ было такъ: хлѣбъ рѣзали турецкими штыками-ножами до середины, а затѣмъ били прикладами по этимъ ножамъ, чтобы прорубить замерзшую сердцевину: отъ порцій, застывшихъ и промерзшихъ при 20 градусахъ мороза попахивало покойничкомъ. Вода химическимъ путемъ добывалась изъ снѣга, имѣвшагося въ большомъ изобиліи; чай и сахаръ добывались Богъ знаетъ какъ. Сверхъ "удовольствія" положеннаго по штату, каждый стрѣлокъ имѣлъ запасъ пшеницы, которую ѣли либо поджаренной, либо сырьемъ, ибо дровяное довольствіе было "а ля мерси" случая, а костры изъ непріятельскихъ винтовокъ были не въ обычаѣ Кавказской Арміи. Довольствіе разнообразилось, когда брали партіи плѣнныхъ, мѣновой торгъ былъ поставленъ опредѣленно разъ навсегда: нашъ хлѣбъ, ихъ табакъ и чрезвычайно соленый сыръ; послѣ угона партіи на Ханскій постъ у насъ запахъ родной махорки замѣнялся ароматомъ трапезондскихъ и самсунскихъ табаковъ.

Обойдя снѣжные окопы, гдѣ копошились наши доблестные туркестанцы и ознакомившись съ позиціей противника, я спустился къ своему "помѣщенію". Ротный горнистъ перегонялъ въ котелкѣ снѣгъ на воду, а подпрапорщикъ Довгань освѣдомился какъ я чувствую себя въ сапогахъ? Я отвѣтилъ, что холодновато. - Онъ двинулъ своимъ сивымъ усомъ и откуда то изъ угла досталъ черный бурковый бушлатъ. Черезъ минуту рукава бушлата были отдѣлены, а мнѣ было коротко предложено:

- "Разуйтесь, Ваше Благородіе"; я съ усиліемъ стянулъ сапоги съ толстыхъ носковъ, но сейчасъ же получилъ распоряженіе снять и носки. Памятуя, что старый фельдфебель на всякомъ дѣлѣ собаку съѣлъ и щенкомъ закусилъ, я повиновался и черезъ нѣсколько минутъ мои босыя ноги были втиснуты каждая въ отдѣльный рукавъ бушлата, концы были загнуты на подъемъ, затѣмъ все это было завернуто въ турецкую палатку и завязано телефоннымъ проводомъ. Метаморфоза почувствовалась незамедлительно: босая нога отъ тренія о шерсть бушлата немедленно согрѣлась - отчего сразу подогрѣлось и настроеніе. Довгань замѣтилъ, что при такой обувки, въ походѣ "нога смѣется"; въ правдивости его словъ

пришлось очень скоро убѣдиться. На роту имѣлось только 32 пары валенокъ, всѣ остальные стрѣлки ихъ неимѣющіе были переобуты самотекомъ въ кувалды вышеописаннаго образца. Ночью бои были рѣдки и удавалось до разсвѣта поспать; покончивъ всѣ дѣла я, Довгань и горнистъ отправились въ "помѣщеніе", гдѣ одна половина паласа растилалась на всю жилплощадь, я ложился посерединѣ, Довгань справа, горнистъ слѣва - вторая верхняя половина накатывалась, покрывая насъ съ головами,и три тѣла, облеченные въ кувалды, въ шинели съ револьверами на поясахъ, въ папахахъ по самыя уши, погружались въ тяжелый, тревожный сонъ. Воздухъ внутри паласа завертывался спиралью, и можно себѣ представить, каково было легкимъ переходить послѣ такой ночной работы на дневную, на горномъ, морозномъ, чистомъ воздухѣ.

Бои продолжались.Расположеніе отряда на лѣвомъ флангѣ наступающаго XI турецкаго корпуса и на путяхъ подвоза боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ, прорвавшихся къ Саракамышу IX и X турецкихъ корпусовъ - заставляло турокъ,со свойственнымъ имъ упорствомъ и мужествомъ, бросать все что можно, чтобы прорвать наше расположеніе.

Были тяжелыя минуты. Моральное состояніе всѣхъ было напряжено до крайнихъ предѣловъ; - обойдены со всѣхъ сторонъ; въ Саракамышѣ горсть защитниковъ, ядро которыхъ въ началѣ составляли наши три роты съ пулеметами - вписывали каждый день по страницѣ въ книгу славы Россійской Императорской Арміи...

"Командиръ батальона подполковникъ Николай Николаевичъ Кобенинъ убитъ, всѣ командиры ротъ и младшіе офицеры переранены" доносилъ батальонный врачъ Штейнъ изъ Саракамыша. Во время полученія этихъ свѣдѣній подходитъ стрѣлокъ, просится на перевязочный пунктъ - "что-то нога саднитъ", - разувается, снимаетъ портянку и вмѣстѣ съ ней отваливаются куски почернѣвшаго мяса: гангренозное воспаленіе отъ отмороженія.

Справа, нашъ сосѣдъ I7 Туркестанскій стрѣлковый полкъ отправился перерѣзать дорогу туркамъ у Саганлуга, затѣмъ одинъ его батальонъ перебрасывается обратно, чтобы отбить насѣвшихъ турокъ 32-й дивизіи и ночью мы принимаемъ ихъ за наступающую намъ во флангъ 32-ю турецкую дивизію,а они увѣрены,что напоролись на скопы той-же турецкой дивизіи - начинается перестрѣлка, есть раненые; наконецъ со стороны I8-го полка ясно слышно на морозномъ воздухѣ,какъ кто-то кого-то поливаетъ пѣхотно-армейскими словами - "турки" переставъ стрѣлять и все, слава Богу, выясняется.

Въ бурный день 23 декабря,когда отъ бушевавшей вьюги даже прекратили винтовочную стрѣльбу, - пріѣзжаетъ полковникъ Довгирдъ и объявляетъ, что приказано обойти Зивинъ, зайдя непріятелю въ тылъ. Наше боевое наступленіе началось.

Въ обстановкѣ кавказскаго фронта отрядъ наступалъ въ слѣдующемъ порядкѣ: полковникъ Довгирдъ верхомъ, за нимъ верхами адъютантъ, конные ординарцы и казаки конвоя, за ними въ затылокъ по одному - I7 ротъ и четыре горныхъ орудія. О длинѣ колонны судите сами. Скорость движенія зависѣла отъ проходимости пути; нормально это было 2-3 километра въ сутки.

Въ одномъ мѣстѣ передъ нами былъ довольно крутой,длинный,

метровъ 100 спускъ, поверхность котораго обледенѣла и нормально сходить съ него было невозможно. Стрѣлки первыхъ спускавшихся ротъ садились на корточки и сказавши "Господи благослови" катились внизъ. Поверхность ската такимъ образомъ скоро отполировалась и мы начали спускать по ней коней и осликовъ: животныя сначала шли, затѣмъ ихъ переднія ноги начинали скользить, инстинктивно они осѣдали на заднія и въ такомъ видѣ начинали сползать, всадникъ или вожатый хватали ихъ за хвосты и все это ѣхало внизъ въ сугробы снѣга. Дошла очередь и до меня: я сѣлъ на собственныя салазки и покатилъ внизъ, держа въ рукахъ для равновѣсія добрую хворостину; впереди "ѣхалъ" стрѣлокъ. Я все время съ опаской поглядывалъ на четырехгранный штыкъ его винтовки, чтобы не напороться на него; сзади-сбоку "ѣхала" съ нами свирѣпая артиллерійская лошадь, и вцѣпившійся въ нее артиллеристъ призывалъ Матерь Божію помочь ему съ "чортовымъ конемъ" благополучно добраться до "мѣста". Было жутко и въ тоже время смѣшно; вспоминалась извѣстная картина "Переходъ Суворова черезъ Альпы". Благополучно спустившись, я быстро былъ поднятъ стрѣлками и отброшенъ въ сторону, чтобы освободить мѣсто "ѣхавшему", какъ оказалось, совсѣмъ сзади меня отсталъвшему мулу. Затѣмъ начался спускъ горныхъ орудій, ихъ передковъ, зарядныхъ ящиковъ и пр. Дѣлалось это такъ: къ пушкѣ или зарядному ящику привязывался канатъ, въ него вцѣплялись артиллеристы и стрѣлки, и такой поѣздъ въ тридцать, примѣрно, душъ, катился внизъ. Орудіе или зарядный ящикъ, благодаря вцѣпившимся въ него людямъ не переворачивался и все это благополучно прибывало къ мѣсту.

На спускъ отряда здѣсь понадобилось часа четыре.

Послѣ спуска, поднимаясь на очередный перевалъ, мы натыкнулись на снѣжные завалы выше человѣческаго роста. Конца имъ видно не было. Препятствіе это казалось непреодолимымъ, а взять его было надо; и вотъ полковникъ Довгиръ, на своемъ конѣ первый врѣзался въ громадный снѣжный пластъ и бился въ немъ до исхода конскихъ силъ. Лошадь его вошла, примѣрно, на длинну своего корпуса. Въ этотъ образованный имъ коридоръ ввели слѣдующую лошадь, которая тоже выбившись изъ силъ, удлинила его еще на лошадиный корпусъ, и такимъ образомъ всѣ кони, имѣвшіеся подъ рукой прокладывали дорогу безмолвно стоявшему отряду, пораженному всемогуществомъ природы. Когда наконецъ мы двинулись въ этотъ коридоръ, то оказались сдавленными снѣжными стѣнами выше человѣческаго роста вмѣстѣ съ папахой. Для того, чтобы пройти это мѣсто завалѣвъ, длинной приблизительно съ километръ, намъ потребовалось 17 - 18 часовъ. Нормальная же глубина снѣга въ другихъ мѣстахъ была чуть выше пояса.

Во время этого "чортова перехода" подвезли намъ "удовольствіе" и овесъ для нашихъ "длинноухихъ" друзей, честно раздѣлявшихъ съ нами этотъ тяжелый путь. Наконецъ вышли въ какое-то подобіе долины, гдѣ приказано было стать на ночлегъ. Шелъ снѣгъ. Огня разводить было нельзя. Довгань съ горнистомъ развернули паласъ и мы улеглись въ немъ въ установленномъ порядкѣ. Когда я проснулся и вылѣзъ наружу, то снѣгъ пересталъ. Луна ярко освѣщала долину, а отроги окружающихъ ее горъ бросали рѣзкія тѣни. Мѣсто гдѣ мы спали было покрыто четвертиметровымъ снѣ-

гомъ. И какъ тепло было въ нашемъ логовѣ по сравненію съ жестокимъ морозомъ меня охватившимъ ! Развернулась красивая, но жуткая картина: весь бивуакъ былъ въ движеніи. Ясно были видны темныя фигуры стрѣлковъ, заполнявшихъ долину, всѣ они скакали и прыгали, выдѣлывая всевозможные курбеты, махали руками - это былъ какой то "дансъ макабръ" въ феерической обстановкѣ суровой закавказской зимы.

На разсвѣтѣ мы двинулись дальше. Перевалили очередный кряжъ, и спустились, чтобы снова подняться на выросшій передъ нами другой, спустились, чтобы подняться на третій и т.д. Объ этой мѣстности стрѣлки непочтительно выражались, что навѣрное сюда черти "до вѣтру летаютъ", иначе ни на что этакая земля не надобна.

Эта монотонная картина разнообразилась завываніемъ вьюги, холоднымъ вѣтромъ, отъ котораго черезъ полчаса подвѣтренная сторона, идущихъ въ затылокъ людей и животныхъ покрывалась ледяной корой и легкія жегъ врывавшійся въ нихъ воздухъ. Иногда на сосѣднихъ высотахъ появлялись какія-то фигуры, воздухъ прорѣзывалъ свистъ пуль и опять все замолкало.

Во время движенія колонны самое сильное впечатленіе производило то,что люди спали на ходу. Темпъ хода былъ таковъ: нѣсколько шаговъ впередъ и стопъ, опять нѣсколько шаговъ и снова стой. Нужно было видѣть эти заросшія щетиной лица,обращенныя папахами съ отвернутыми назатыльниками, обвязанныя платками, тряпками и турецкими башлыками; шинели съ поднятыми воротниками, промерзшіе полушубки, вещевые мѣшки, набитые патронами и щепками, казенные котелки, консервныя банки, кружки, подсумки и патронташи, набитые патронами, винтовки и на штыкахъ - баранья шкура, никому ненужная тряпка, ведро, рядомъ съ винтовкой либо кусокъ доски, либо орясина на дрова; на поясахъ турецкіе штыки, фляги, шанцевый инструментъ; ноги кувалды, уже описанныя раньше, и для полноты впечатленія - поверхъ всего турецкое полотнище на манеръ плаща испанскаго гранда.

Въ концѣ войны въ музеѣ Императора Александра III-го можно было видѣть картину такой колонны "Движеніе отряда на Бардускіе высоты". Въ такомъ видѣ и такимъ темпомъ двигался нашъ отрядъ и день и ночь.

Сонъ овладѣвалъ стрѣлкомъ въ моментъ остановки и не оставлялъ его во время движенія. Впереди идущій отрывался и двигался впередъ, сзади идущій инстинктивно, какъ лунатикъ слѣдовалъ за нимъ, и что было всего удивительнѣй, это то,что задній никогда не наталкивался на переднего. Въ частыя минутныя остановки ясно можно было слышать храпъ спящихъ на ходу, настолько истомленные стрѣлки были обуреваемы сномъ.

Картина движенія и остановокъ колонны была похожа на движеніе товарнаго поѣзда, когда онъ, щелкая буферами, постепенно отъ начала къ концу останавливается и, броскомъ подтягивая вагоны,движется впередъ. Можно было наблюдать,какъ идущій сзади, приближаясь къ уже остановившемуся впереди и чуть прикоснувшись выставленнымъ впередъ прикладомъ или обледенѣлой полой шинели, - моментально останавливался въ свою очередь и слегка покачнувшись впередъ и назадъ врасталъ въ снѣгъ.

Такъ отрядъ полковника Довгирда, дѣлая 2 - 3 километра въ сутки, питаясь "удовольствіемъ", пять сутокъ обходилъ тылъ Зивинской позиціи турокъ.

Къ вечеру на пятые сутки, 2-го января 1915 г. остатки XI турецкаго корпуса постепенно стягивались подъ сѣнь эрзерумскихъ укрѣпленій; мы ихъ преслѣдовали до 5-го января, когда, давъ бой у села Хошабъ, отрядъ наконецъ былъ остановленъ, имѣя въ ротахъ по 60-70 стрѣлковъ, вмѣсто 200 состоявшихъ къ началу сраженія.

Задача, поставленная полковнику Довгирду генераломъ Юденичемъ, была выполнена и отрядъ пересталъ существовать.

Это было давно - четверть вѣка назадъ. Многое стерлось въ памяти, но какъ живыя стоятъ нѣкоторыя лица и событія, - что помнилъ о нихъ, то и записалъ

Б.Ф. ПЕТРОВЪ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА
НИКОЛАЯ ДАНИЛОВИЧА ХАНЕНКИ
ЗА 1722-И ГОДЪ

Мы печатаемъ отрывки изъ дневника Николая Ханенки по рѣдкому изданію 1858 г., найденному у одного парижскаго букиниста нашимъ маститымъ сотрудникомъ, неутомимымъ собирателемъ, хранителемъ и изслѣдователемъ русской военной старины, В.Г.Ковалевскимъ. Полный титулъ этого изданія слѣдующій:

„ДІАРІУШЪ ИЛИ ЖУРНАЛЪ, / ТО ЕСТЬ / ПОВСЕДНЕВНАЯ ЗАПИСКА / СЛУЧАЙШИХСЯ ПРИ ДВОРѢ / ЯСНОВЕЛЬМОЖНАГО, ЕГО МИЛОСТИ, ПАНА ІОАННА СКОРОПАДСКАГО, ВОЙСКЪ, / ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ЗАПОРОЖСКИХЪ / ОБОИХЪ СТОРОНЪ ДНѢПРА ГЕТМАНА, / ОККАЗІЙ И ЦЕРЕМОНІЙ, / ТАКО ЖЪ / И ВЪ КАНЦЕЛЯРІИ ВОЙСКОВОЙ ОТПРАВУЕМЫХЪ ДѢЛЪ, / НАЧЕНШІЙСЯ / 1722 ГОДУ, / И ОКОНЧЕННЫЙ ВЪ ТОМЪ ЖЕ ГОДУ, / ПО ПРЕСТАВЛЕНІИ И ПОГРЕБЕНІИ ПОМЯНУТОГО ЪЪ ГЕТМАНА ЯСНОВЕЛЬМОЖНАГО / ІОАННА СКОРОПАДСКАГО, ВЪ МѢСЯЦѢ ІЮЛѢ, / ВОЙСКОВОЙ КАНЦЕЛЯРІИ СТАРШИМЪ КАНЦЕЛЯРИСТОМЪ, / НИКОЛАЕМЪ ХАНЕНКОМЪ, / МОСКВА. / ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ, / 1858.

„Сочинитель предлагаемаго „ДІАРІУША, ТО ЕСТЬ, ПОВСЕДНЕВНОЙ ЗАПИСКИ" случившемуся во время пребыванія Малороссійскаго гетьмана, Ивана Ильича Скоропадскаго, въ Москвѣ, при Дворѣ, со дня прибытія его въ генварѣ по день смерти въ іюлѣ, генеральный хорунжій, Николай Даниловичъ Ханенко, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ мужамъ Малороссіи первой половины прошедшаго (XVIII-го, А.С.) столѣтія, какъ по мѣсту, имъ занимаемому, которое считается, въ нисходящемъ порядкѣ, 6-мъ послѣ гетьманскаго, такъ равно и по образованію и участію, какое принималъ онъ въ происходившемъ въ то время на его родинѣ. Сверхъ того онъ принадлежалъ и къ роду, памятному многимъ по многому. Именно, родоначальникомъ его, по свѣдѣніямъ, сохранившимся въ

потомкахъ этого рода, считается Стефанъ Ханенко, Запорожецъ, который жилъ въ началѣ XVII столѣтія. (О.БОДЯНСКІЙ).

РОКЪ 1722. МѢСЯЦЪ ІАНУАРІЙ.

24. По службѣ Божой въ церквѣ,на квартирѣ Панской отправленной, обѣдъ кукушалъ Ясневельможный въ своей станціи,и никуда изъ квартиры не ѣздилъ, поневажъ еще вчора на ногу подагричною захоровалъ болѣзнію.

Сего жъ числа, по полудню, отправоватися началъ погребъ преставившомуся прошлого 21 текущого мѣсяца Князю Петру Михайловичу Голицыну, Енералу Лейтенанту и отъ Лейбъ-Гвардіи Семеновского Подполковнику полку, съ таковою церемоніею. Когда прибылъ Всепресвѣтлѣйшій Императоръ, и Ея Величество Императрица, до дому преставльшогося Князя,зобравшимся тамъ же всѣмъ Сенаторомъ и прочіимъ многимъ Господамъ, такъ Великороссійскимъ, яко Малороссійскицъ и шляхтѣ Смоленской, даваны были съ чорной тонкой крепи фліоресы для обовязыванія шляпъ Нѣмецкихъ и Русскихъ,и таковые жъ фліоресы роздаваны всѣмъ цѣлого Семеновскогс полку Штабъ, Оберъ и Ундеръ-Офѣцерамъ, якій полкъ отмѣненного Княжого дому воспріялъ маршъ такимъ порядкомъ:первѣе ѣхали два Адъютанта полковые на коняхъ,за ними Маіоръ, тако жъ на конѣ, барзо позорномъ, за Маіоромъ шли пѣхотою валторнесты,гобоисты и штартысты, всѣ въ зеленомъ мундиру, золотыми и галіонами шемерованномъ, тилко валторнесты у сребреныхъ суто и галіонахъ и съ сребряными валторнами, на якихъ инструментахъ разомъ всѣ жалостне играли. По музыкантахъ шли Офѣцеры, а за ними шеренками по осмь человѣка въ едномъ жолнѣры рядовые и Ундеръ-Офѣцеры по бокахъ, которыхъ когда пройшла якъ бы цѣлая рота, несено першого баталіону чотыри корогвы, а за корогвами знову пошли жолнѣре, и якъ ихъ пройшло нѣби съ полторы роти, теды слѣдовали за ними другіи музыканты, первымъ подобніи, тилко не въ такомъ уборѣ.По капелѣ шли Офѣцеры и жолнѣре ровнымъ порядкомъ,якъ и первіи, потомъ знову чтыри знамена несено, и за знаменами паки жолнѣре баталіону второго; за которыми третая наступила капелія,другимъ музыкантамъ въ уборѣ подобная, и такъ же играла жалостне. Сей послѣдствовали жолнѣре и Офѣцеры, и знатмена несено чтырихъ, а за ними паки ишли жолнѣре таковымъ способомъ,якъ перваго и второго баталіону. У каждаго Штапъ, Оберъ и Ундеръ-Офѣцера на капелюшахъ и на алабардахъ были чорніе креповіе фліоры. По перейшовшомъ полку Семеновскомъ ѣхали два трембачи, въ зеленомъ мундиру, суто срѣбными и галіонами оздовланніе, и на долгихъ сребныхъ трембахъ трубила жалостне; за ними, а праѣ якъ бы вкупѣ, ѣхалъ лѣтаврщикъ, подъ которымъ коній ведено, а онъ былъ въ лѣтавры. Слѣдовалъ за ними, на оказаломъ бѣломъ конѣ,въ богатомъ сѣдлѣ, гробовый кавалеръ ввесь въ желѣзные лати,золотомъ и серебромъ набиваніи, убранный, отъ головы до ногъ палрамептомъ препоясанны. По нем наступили два трембачи комонно и лѣтаврщикъ въ сѣтрцѣ (2) жалобу кировую убранный, и такъ тромбы фліорами чорными пообязованный были, яко и лѣтаври накрыты долгими, по

самую землю зъ кожѣ висячими, покровцами кировыми, чрезъ которые лѣтаврщикъ билъ въ лѣтавры, а трембачи чрезъ муштуки трубыли. Провожденъ потомъ конь невеликій смершаго Князя, весь въ кирѣ обшитый, а за нимъ ишли шесть ліокайовъ въ жалобѣ,зъ лѣсками повысокими. За сими несена бѣлая короговъ,на которой подъ умбрами намаліованъ былъ преставшагося контерфектъ,послѣдовали корогвѣ той Каваліеровъ зъ 12 въ плащахъ и въ прочемъ мундиру чорныхъ; далѣе несена корогва малая чорная зъ намаліованною на ней калваріею, то есть трупіою головою; потомъ несено лѣску и шпагу голую на подушцѣ, переломленіи; на другой подушцѣ уборъ ручный жолнѣрскій желѣзный; на третой капелюшъ, и иные,воиновѣ приличные,знаки; несено и образъ круглый,надъ руку высоко поднятый, на якомъ много лицъ было намаліованныхъ; а всего того носители были въ мундѣру и въ плащахъ чорныхъ. За тимъ всимъ ишли Діаконы, Священници мирскіи и Законники въ своихъ одѣяніяхъ церковныхъ, по нихъ слѣдовал- Архимандриты чтыри и Архіереи три, именно два Архіепископы, Новгородскій и Псковскій, да Епископъ Дашковъ. За духовенствомъ провожено тѣло помянутого Князя Петра Михайловича Голицына на саняхъ,якіе везены были шестма конями, въ киръ чорный зовсѣмъ обшитыми.Надъ тѣломъ несено балдахіумъ чорное аксамитное зъ золотыми френзлями, несли зась оное Высокіе Господа Сенаторы и Министры Государственныи, между которыми ишолъ нашъ и самъ Всепресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Государь, Петръ Великій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій; за Его же Величествомъ многіе Господа и иноземцы, едни въ жалобныхъ сукняхъ, другіе въ свѣтлыхъ,толко шляпы фліорами чорными поперевязовавши, ассистовали, а многолюдная посполства лѣчба слѣдовала; послѣ того ишло Кавалеровъ зъ 12 въ чорныхъ плащахъ, за ними Маршалокъ зъ лѣскою,чорными фліорсами обвитою, въ жалобномъ мундиру, а за Маршалкомъ и сама Ея Величество, Всероссійская Императрица и Великая Княгиня, Екатерина Алексѣевна, тако жъ Государиня Царица,Параскевія Ѳеодоровна, зъ премногими ассистующими себѣ обоего полу особами, слѣдовали пѣшо жъ; за ними же ишла рота Бомбардирская чили Гранадирская того жъ прежде прошедшого Семеновского полку въ шляпахъ кожаныхъ зъ струсѣми перами, якіе у Оффцеровъ бѣлые, а урядовыхъ червоніе; грано зась на свѣстолкахъ разомъ, якъ и въ барабаны бито при той же ротѣ.

А вся вышъ описанная помпа ишла зъ двора преставившагося Князя, отс Тверской улицы чрезъ ворота Курятные и чрезъ браму Тріумфальную, мимо Коллегіумъ Греколатинское до Монастыря Богоявленского, въ который такъ весь помянутый Лейбъ - Гвардіи полкъ, яко Всепресвѣтлѣйшій Императоръ и Ея Величество Государиня Императрица, зъ высокой своей полаты служителми, Правительствующимъ Синклитомъ и прочіими знатными и мѣрними всякой кондиціи персонами пришли. И когда тѣло понесено въ церковь, теды хто могль, туда жъ тиснулся,гдѣ, по отправленомъ погребенія обыкновенного надъ тѣломъ пѣніи имѣлъ проповѣдь, то есть, казаня, честный отецъ Іеромонахъ Маркеллъ Радзишевскій, а по казаню когда вынесено тѣло зъ церквы до гроба,по лѣвой сторонѣ, противъ олтаря выкопанного, теды заразъ весь полкъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскій далъ огню разомъ, далъ повторе и потрете также.

Потомъ Его Императорское Величество съ высокою своею фамиліею, тако жъ и всѣ Господа, изволили розъѣжджаться съ мененного Богоявленскаого монастыря, а послѣде и полкъ весь Семеновскій розійшовся. Вся зась сія церемонія, наченшися яко бы о второй годинѣ съ полудня, заледво вночь о три годинѣ окончилась; а при разъѣздѣ бывшихъ на томъ погребѣ самыхъ высокихъ лицъ, кареты такъ были многочисленные по всѣхъ улицахъ,же поки порозъѣздились, не возможно было и пѣшимъ въ свой, куда кому было надобно, путь пойти, чего ради нищіе и до полночи тамъ при Богоявленскомъ монастырѣ, за вышеписанною трудностію, бавитися мусѣли.

СУВОРОВЪ И БОНАПАРТЪ

(матеріалы для сравнительной характеристики)

Когда, 24-го ноября 1730-го года, у супруги молодого подпоручика лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка,Василія Ивановича Суворова, родился сынъ, то любящій отецъ, взглянувъ на слабое и жилое тѣльце младенца, рѣшилъ, что изъ мальчика никакъ не выйдетъ браваго военнаго человѣка. Отецъ ошибся: сынъ его Александръ сталъ военнымъ и въ этомъ своемъ высокомъ званіи прославилъ и свою родину и свое имя. Но нашъ великій полководецъ, родившись хилымъ ребенкомъ, дѣйствительно, всю жизнь отличался весьма „субтильной комплекціей", былъ малъ ростомъ, узкоплечъ, худъ и слабъ здоровьемъ. Эти недостатки преодолѣвались отчасти упорной тренировкой на физическую выносливость и воздержаніемъ отъ всякихъ излишествъ.Съ молодыхъ лѣтъ Суворовъ страдалъ желудочно-кишечными недомоганіями, а съ 1773-го года послѣдствіями болотной лихорадки, полученной имъ въ Молдавіи въ Первую Турецкую войну. Но великій духъ побѣждалъ немощное тѣло.

Когда Суворовъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы, кто-то изъ злоязычныхъ, но не совсѣмъ ухъ недоброжелательныхъ современниковъ обмолвился: „чинъ его по дѣламъ,но не по персонѣ". Однако, если великій русскій полководецъ не отличался высокимъ ростомъ, стройностью тѣлосложенія и величественной осанкой, то черты его лица - высокій лобъ, небольшой прямой носъ, добрый и проницательный взглядъ голубыхъ глазъ,правильно очерченный волевой ротъ, обнаруживали подлинное благородство его души и ума. Характерной особенностью лица Суворова была рано появившаяся сѣть тонкихъ морщинъ. Если опираться на показанія нѣкоторыхъ современниковъ, то можно заключить, что во внѣшности Суворова какъ-то сказывалась его необыкновенная сущность.

Иногда этотъ оригинальный человѣкъ кривлялся, гримасничалъ, ходилъ въ припрыжку и говорилъ эзоповскимъ языкомъ, озадачивая этимъ своихъ собесѣдниковъ. Это дѣлалось умышленно, съ разсчетомъ. Но въ иныхъ случаяхъ онъ умѣлъ гордо и высоко держать голову и проявлять чувство собственнаго достоинства и превосходства.

Суворовъ не любилъ роскоши и комфорта. По природѣ своей

не былъ сибаритомъ. А кромѣ того, съ юныхъ лѣтъ подражалъ тѣмъ изъ великихъ полководцевъ, которые могли спать и на голой землѣ, прикрывшись солдатскими плащами, ѣли солдатскую пищу, одѣвались какъ солдаты и не предавались излишествамъ. Онъ спалъ на сѣнѣ, покрывшись плащемъ, вставалъ въ 4 часа утра, не носилъ теплой одежды, ѣлъ солдатскія щи и кашу. Онъ любилъ порядокъ во всемъ, былъ опрятенъ и чистоплотенъ. Какъ большинство людей того времени, нюхалъ табакъ, но не курилъ. За обѣдомъ обыкновенно выпивалъ рюмку анисовой водки, иногда стаканъ вина.

Съ дѣтскихъ лѣтъ Суворовъ пристрастился къ чтенію, и эта почтенная страсть осталась у него на всю жизнь. Онъ любилъ книги и всюду возилъ съ собою маленькую походную библіотеку. Былъ онъ разносторонне образованнымъ человѣкомъ, интересовался искусствами, художественной литературой, исторіей, философіей, соціологіей и зналъ нѣсколько языковъ: нѣмецкій, французскій, польскій, итальянскій, турецкій, арабскій, персидскій и финскій. Въ военныхъ наукахъ его эрудиція, положительно, не знала предѣловъ. Любознательность развивалась въ немъ по мѣрѣ накопленія знаній. И онъ сказалъ о самомъ себѣ: „Истинно не могу потушить пожара въ душѣ моей !"

Суворовъ не любилъ политики, которую называлъ „тухлымъ яйцомъ", и, тѣмъ не менѣе, онъ разбирался въ ней съ исключительнымъ искусствомъ. Его интуиція въ этомъ отношеніи граничила съ ясновидѣніемъ. Многіе современники считали его тонкимъ и дальновиднымъ политикомъ и поражались его умѣнію разгадывать самыя сложныя политическія интриги. Однако, самъ Суворовъ нѣ считалъ себя выдающимся дипломатомъ и неоднократно говорилъ: „Помилуй Богъ, я не политикъ, я солдатъ." Но это, конечно, не изъ скромности онъ отрицалъ въ себѣ качества дипломата, а изъ желанія отмежеваться отъ столь ненавистнаго ему „тухлаго яйца".

Суворовъ былъ военнымъ человѣкомъ, по преимуществу, и, какъ таковой, обладалъ многими особенностями и свойствами, которыя, въ общей сложности, создали изъ него почти легендарный образъ великаго полководца. Личная храбрость, столь необходимая рядовому солдату, сочеталась въ Суворовѣ съ несокрушимымъ мужествомъ высшаго начальника. Эти качества солдата и полководца были признаны въ немъ всѣми его современниками и, въ первую очередь, вождями тѣхъ вражескихъ армій, съ которыми ему приходилось сражаться.

Я уже писалъ какъ-то о значеніи Суворова для Россіи. Повторю еще разъ. Отъ Елизаветы до Павла Россія утверждала свое великодержавное бытіе въ Европѣ, начатое Петромъ Великимъ. Въ Суворовѣ она нашла того „рыцаря безъ страха и упрека", который претворилъ политику россійской великодержавности въ дѣйствительный историческій фактъ. Совершенію этого факта способствовалъ не только чисто военный, полководческій геній Суворова, но и вся его самобытная личность, духовно переросшая свою эпоху. Суворовъ совмѣстилъ въ себѣ почти несовмѣстимое: онъ былъ военнымъ геніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величайшимъ гуманистомъ своей эпохи. Побѣды Суворова дали Россіи, можетъ быть, въ первый разъ за всю ея исторію, абсолютное сознаніе своего превосходства надъ Западной Европой. И эти побѣды были, несомнѣнно,

самыми патетическими моментами нашей военной исторіи. Безъ нихъ не могло бы произойти и всего послѣдующаго.

Докторъ Тоорисъ въ своемъ отлично документированномъ трудѣ „Морфологія Великихъ Людей" (эта книга давно уже стала библіографической рѣдкостью) сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія о Бонапартѣ. Оказывается, что съ дѣтскихъ лѣтъ Наполеонъ отличался физическими ненормальностями. У него была слишкомъ большая голова на худенькомъ тѣлѣ. Онъ очень легко приходилъ въ нервное, возбужденное состояніе. Летиція Бонапартъ называла сына „маленькимъ уродомъ". Мальчикъ часто жаловался на простуду и постоянно кашлялъ. Онъ принималъ солодковый корень и какія то успокоительныя пастилки. Его мучила астма, а слѣды легочного туберкулеза были обнаружены во время вскрытія тѣла, произведеннаго англійскими медиками на островѣ Св. Елены.

Бонапартъ не обращалъ вниманія на свое здоровіе, хотя оно всегда оставляло желать много лучшаго. Онъ плохо переваривалъ пищу, что въ значительной мѣрѣ объяснялось неправильностями пищевого режима. Поглощенный своей кипучей дѣятельностью, Бонапартъ не ѣлъ иногда цѣлый день, а вечеромъ набрасывался на ѣду и, плохо жуя ее, проглатывалъ въ нѣсколько минутъ. Онъ самъ назначалъ себѣ разныя діеты: то питался хлѣбомъ и молокомъ, то исключительно мясомъ. Послѣ Египетской экспедиціи онъ почему то не пилъ другихъ винъ, кромѣ Шамбертена и поглощалъ огромное количество крѣпкаго кофе, - вредная привычка, усвоенная на востокѣ. Съ возрастомъ Бонапартъ сталъ страдать гастрическими болями, нарушавшими его ночной сонъ. Нерѣдко онъ вставалъ ночью и принимался за работу, чтобы заглушить физическую боль мозговой дѣятельностью.

Бонапартъ совершенно не занимался своимъ физическимъ развитіемъ. Его неловкость обращала на себя вниманіе. Онъ былъ плохимъ кавалеристомъ и часто падалъ съ лошади. И тѣмъ не менѣе, его физическая выносливость всѣхъ поражала. Онъ иногда оставался въ сѣдлѣ цѣлыя сутки.

Врачи указывали Бонапарту на плохое состояніе его здоровія. Онъ отмахивался отъ ихъ предупрежденій. Не слушался и Жозефины, просившей его беречь себя. Часто больной и переутомленный, онъ заглушалъ физическія недомоганія и страданія неестественнымъ нервнымъ возбужденіемъ и усиленной мозговой работой. До поры, до времени это ему удавалось. Но безконечно и безнаказанно злоупотреблять расходованіемъ нервной силы невозможно. Рано или поздно наступаетъ реакція. И, какъ мы знаемъ, эта реакція, - врагъ неожиданный и злѣйшій, атаковала Бонапарта въ Москвѣ...

Бонапартъ былъ небольшого роста, въ юности и въ молодости отличался чрезмѣрной худобой, съ возрастомъ сталъ быстро полнѣть, что дѣлалось особенно замѣтно въ лицѣ и въ таліи. У него былъ довольно большой съ горбинкой носъ, тонкія губы, волевой подбородокъ, прямой высокій лобъ и сѣрые глаза, глядѣвшіе властно, рѣшительно и холодно. Матовая, какъ бы мраморная, блѣд-

ность лица ему очень шла. Онъ держался просто и мало жестикулировалъ. Въ сущности, онъ не былъ красивъ, но въ его лицѣ, въ его осанкѣ было нѣчто, что обращало на себя вниманіе, обнаруживало въ немъ человѣка необыкновеннаго, отмѣченнаго судьбою. Будучи корсиканцемъ, Бонапартъ говорилъ по французски съ сильнымъ итальянскимъ акцентомъ, но обладалъ прирожденнымъ краснорѣчіемъ, въ которомъ сказывался его острый и наблюдательный умъ.

Изъ наполеоновскихъ портретовъ можно составить большую портретную галлерею, этихъ портретовъ - десятки. Ихъ легко распредѣлить по типамъ и эпохамъ, и тѣ изъ нихъ, которые написаны при жизни великаго полководца, отражаютъ, надо думать, его подлинно - живой обликъ. Наиболѣе схожимъ портретомъ Наполеона считается тотъ, поздній его портретъ, который былъ набросанъ въ трехъ смежныхъ варіантахъ художникомъ Жиродэ 13-го апрѣля 1812-го года на парадномъ вечерѣ въ театрѣ Saint-Cloud. Этотъ портретъ находится въ коллекціи графа Гунольштейна.

Въ военномъ искусствѣ Суворова и Бонапарта много общаго. Это и понятно: вѣдь учителями того и другого были все тѣ же Александръ Македонскій, Ганнибалъ, Юлій Цезарь, Фридрихъ II-й, король прусскій, кое-кто еще изъ менѣе прославленныхъ. Кромѣ того, военное искусство обоихъ великихъ полководцевъ и не могло особенно разниться другъ отъ друга, такъ какъ въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ общихъ соціальныхъ, экономическихъ, политическихъ и, въ особенности, военно-техническихъ условій эпохи, которыя они, какъ геніи, воспринимали одинаково полно. Но вотъ, что должно быть отмѣчено прежде всего и что нерѣдко упускается изъ вида, это то, что военная доктрина и военное искусство Суворова достигли высшей точки своего развитія тогда, когда Бонапартъ только началъ свою военную карьеру. Слѣдовательно, пальма первенства остается всегда за Суворовымъ, поскольку онъ явился предшественникомъ Бонапарта въ созданіи новой стратегіи и тактики конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ военномъ искусствѣ Суворова было гораздо больше специфически національно-русскаго, чѣмъ въ военномъ искусствѣ Бонапарта - специфически національно-французскаго. Военный геній Бонапарта оказался космополитичнѣе военнаго генія Суворова. На національно-патріотическомъ чувствѣ своихъ солдатъ играли, конечно, оба полководца, но въ то время, какъ для Суворова эта игра была вполнѣ естественнымъ жестомъ, вдохновленнымъ всѣми особенностями его русской души, у Бонапарта она всегда являлась мастерскимъ психологическимъ пріемомъ, исходившимъ изъ соображеній тонкаго и холоднаго разсчета.

Несмотря на несомнѣнное сходство основъ военнаго искусства Суворова и Бонапарта, идеологическій взглядъ на долгъ солдата-гражданина сильно разнится у того и у другого. Для Суворова совершенный воинъ есть „воинъ Христовъ, слуга царю и отечеству"!

А вотъ, что говоритъ Бонапартъ, уже императоръ своему старшему брату, королю Испаніи, Жозефу: "N'oubliez pas que vos premiers devoirs sont envers moi, vos seconds envers la France, vos troisièmes envers l'Espagne".

„Бѣдная Испанія!" - хочется сказать невольно. Но какъ это характерно для Бонапарта.

Въ 1815-мъ году, послѣ своего отреченія, онъ произнесетъ съ горечью и, конечно, вполнѣ искренне: "Je croyais que Davout m'aimait, il n'aimait que la France".

Суворовъ не переставалъ поучать русскаго солдата: „не забывай, что русскій", „мы русскіе, съ нами Богъ ! ", „Господь нашъ генералъ !", „вой за Вѣру Православную, за Домъ Богородицы !".

Однажды сказалъ: „горжусь, что я россіянинъ !"

Бонапартъ провозгласилъ: „въ ранцѣ каждаго солдата находится маршальскій жезлъ". И еще: „дай солдату пуговицу (награду, А.С.) - онъ отдастъ тебѣ жизнь".

Бонапартъ хорошо зналъ слабыя стороны человѣческой души и съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ кто-либо другой могъ сказать: „Пружина чести нашъ кумиръ. И вотъ на чемъ вертится міръ !"

Суворовъ говорилъ: „Матеріалы, касающіеся моей военной дѣятельности, такъ тѣсно связаны съ исторіей моей жизни вообще, что оригинальный человѣкъ и оригинальный воинъ не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга, если образъ того и другого долженъ сохранить своей дѣйствительный оттѣнокъ".

Въ письмѣ къ Гримму отъ 7-го марта 1800-го года, т.е. за два мѣсяца до своей кончины, Суворовъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣлилъ сущность своего военнаго искусства: „Вотъ моя тактика: храбрость, мужество, проницательность, предусмотрительность, порядокъ, мѣра, правило, главомѣръ, быстрота, натискъ, гуманность, умиротвореніе..."

Суворовъ говорилъ: „Всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ".

Бонапартъ вторитъ Суворову: „Лучше исполняется то, что понимается".

А вотъ еще нѣсколько максимъ Бонапарта, опредѣлявшихъ его военное искусство:

"Souvenez-vous toujours de ces trois choses : Réunion des forces ; Activité ; Ferme résolution de périr avec gloire".

"Point de repos, poursuivez l'ennemi l'épée dans les reins et coupez-lui toutes les communications".

"Activité, activité, vitesse".

Сравнивая теорію и практику военнаго искусства у Суворова и у Бонапарта, мы скорѣе чувствуемъ, чѣмъ видимъ, какую-то едва уловимую разницу. Хочется сказать: „то, да не то; похоже, но не совсѣмъ". Не потому ли это такъ, что за внѣшнимъ сходствомъ угадывается внутреннее несходство творческихъ началъ, темпераментовъ, идеологій? Въ искусствѣ, напримѣръ, - Рафаэль и Микель Анджело. Оба велики, но что же между ними общаго ?

Не даромъ же Бонапартъ сказалъ про Суворова: „у него душа великаго полководца, но не умъ". Въ устахъ геніальнаго корсиканца замѣчаніе ничуть не оскорбительное для чести великаго русскаго полководца. Отсутствіе исторической перспективы мѣшало Бонапарту взглянуть на Суворова съ большей объективностью,

но онъ вѣрно угадывалъ, что духовное, интуитивное начало настолько преобладало въ личности Суворова надъ началомъ интеллектуальнымъ, разсудочнымъ, что, казалось, поглощало это послѣднее, дѣлало его почти незамѣтнымъ, какъ самостоятельный элементъ цѣльной творческой личности. Не слѣдуетъ также забывать, что высказывая свое сужденіе о Суворовѣ, Бонапартъ отнюдь не имѣлъ въ виду сравнивать его съ самимъ собою. Большое и обоснованное самомнѣніе сочеталось въ немъ съ осторожностью и тактомъ.

Суворовъ и Бонапартъ отличались необыкновенной трудоспособностью. Оба обладали тѣмъ особымъ качествомъ, которое Бонапартъ опредѣлилъ, какъ „la présence d'esprit d'après minuit". Они могли работать днемъ и ночью и спать не болѣе трехъ или четырехъ часовъ въ сутки. Ни бодрость, ни присутствіе духа, ни ясность мысли не покидали ихъ въ то время, когда другіе приходили въ отчаяніе, переставали что-либо соображать и буквально падали отъ переутомленія. Но и въ этомъ общемъ - существенное несходство между ними. Суворовъ совершалъ свой бѣвой путь, - блистательный, конечно,но какой же многотрудний! - въ возрастѣ отъ сорока до семидесяти лѣтъ. Двужильный былъ человѣкъ! Это и теперь насъ поражаетъ, а въ то время должно было казаться просто невѣроятнымъ. Вѣдь въ Екатерининское царствованіе иные въ сорокъ лѣтъ уже обростали жиромъ и уходили на покой.

А вотъ что говоритъ Бонапартъ въ 1803-мъ году, когда ему исполнилось только 34 года:„On n'a qu'un temps pour la guerre, j'y serai bon encore six ans (jusqu'à quarante ans) après quoi moi-même je devrai m'arrêter". (Положенъ опредѣленный срокъ для войны, я буду къ ней годенъ еще шесть лѣтъ (до сорока), послѣ чего самъ я вынужденъ буду остановиться). Онъ не ошибся. Къ сорока годамъ началъ сдавать. Его мышленіе потеряло свою обычную ясность, воля стала слабѣть. Въ немъ не было уже прежней рѣшительности.Онъ началъ тяготиться неудобствами походной жизни и сталъ требовательнѣе въ своихъ привычкахъ. Возможно, что здоровье Бонапарта уже подтачивала болѣзнь, которая черезъ 12 лѣтъ свела его въ преждевременную могилу. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что онъ надорвалъ свои силы чрезмѣрной работой. Сказалось отсутствіе той самой тренировки-закалки, которая помогала старику Суворову переносить съ неизмѣнной спартанской стойкостью самыя тяжелыя лишенія. Достаточно вспомнить Швейцарскій походъ.

Бонапарту приходилось работать и несравненно больше и гораздо напряженнѣе, чѣмъ Суворову. Работалъ онъ въ буквальномъ смыслѣ слова за двоихъ, потому что былъ не только полководцемъ, но и государемъ: держалъ въ своей головѣ не только организацію и администрацію огромнѣйшей въ мірѣ арміи, но также устройство и управленіе Франціи, которую облагодѣтельствовалъ совершеннѣйшимъ по тому времени законодательнымъ кодексомъ.

Суворовъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за побѣдами молодого Бонапарта. Поддавшись временному раздраженію, онъ сначала

отнесся къ нимъ скептически: „далеко шагаетъ мальчикъ, пора унять !"

Но время шло, а „мальчикъ" (ему и впрямь было тогда только 28 лѣтъ) продолжалъ шагать, и никто не могъ его остановить. Суворовъ задумался. Былъ онъ тогда уже по стариковски мудръ, независтливъ и безпристрастенъ и на вопросъ Ростопчина: кого же онъ считаетъ великими полководцами, отвѣтилъ послѣ недолгаго размышленія - „Цезаря, Ганнибала и Бонапарта".

И тутъ же сказалъ: „я почитаю Божескимъ наказаніемъ, что до сей поры мнѣ ни разу не довелось встрѣтиться съ Бонапартомъ".

Этой желанной для Суворова встрѣчи такъ никогда и не произошло. Помѣшала экспедиція Бонапарта въ Египетъ. Въ то время, какъ Суворовъ срывалъ себѣ новые побѣдные лавры въ Италіи, сражаясь съ французами, Бонапартъ подъ палящими лучами солнца бороздилъ со своими войсками пески Египта, Палестины и Сиріи и билъ англо-турокъ. Странный это былъ годъ, I 7 9 9-ый ! Суворовъ въ Италіи, Бонапартъ въ Египтѣ. Нарочно или случайно разошлись ихъ пути ? Военно-политическая исторія этого года полна неясностей, которыя еще ждутъ объясненій.

Экспедиція Бонапарта въ Египетъ никогда не перестанетъ интересовать военныхъ историковъ, во-первыхъ, потому что это одна изъ самыхъ красочныхъ и героическихъ военныхъ эпопей, какія мы знаемъ, во-вторыхъ, потому что ей предшествовало событіе, рѣшительно повліявшее на вступленіе Россіи въ антифранцузскую коалицію I799-го года. Этимъ событіемъ было занятіе Бонапартомъ острова Мальты. Доискиваться истинной причины самой экспедиціи въ Египетъ нѣтъ надобности: она извѣстна. Интересно другое: зачѣмъ понадобилось Бонапарту безпокоить мальтійскихъ рыцарей ?

Въ своихъ мемуарахъ, написанныхъ въ заточеніи, на островѣ Святой Елены, Бонапартъ опредѣленно говоритъ, что онъ задумалъ Египетскую экспедицію, стремясь къ диктаторской власти. Дѣло въ томъ, что покидая ради Египта Францію, гдѣ его все возрастающая популярность грозила навлечь на него подозрѣнія и неудовольствіе правящей клики, Бонапартъ разсчитывалъ, что за время его отсутствія Директорія потерпитъ рядъ крупныхъ военныхъ неудачъ, и тогда онъ, Бонапартъ, увѣнчанный къ тому времени новыми лаврами своего героическаго похода въ страну фараоновъ, сможетъ вернуться, чтобы выступить въ благодарной роли защитника и спасителя Франціи. Въ этомъ заключался лично для Бонапарта весь смыслъ Египетской экспедиціи. Поводъ для нея былъ найденъ, дѣйствительно, превосходный: нанести ударъ Англіи. Бонапарту тѣмъ легче удалось доказать Директоріи необходимость нанесенія этого удара Англіи, что и самой Директоріи очень улыбалась мысль убрать изъ Парижа слишкомъ популярнаго и честолюбиваго генерала: авось погибнетъ въ далекомъ Египтѣ !

Бонапарта ссудили необходимыми для подготовки экспедиціи средствами и назначили командующимъ экспедиціоннымъ корпусомъ. Теперь въ интересахъ Бонапарта было создать во внѣшней политикѣ такія условія, при которыхъ военныя неудачи Директоріи за время его отсутствія оказались бы совершенно неизбѣжными. И онъ эти условія создалъ. I2-го іюня I798-го года, Бонапартъ по

пути въ Египетъ занялъ послѣ непродолжительной осады островъ Мальту, принадлежавшій съ 1530-го года духовно-рыцарскому ордену Святого Іоанна Іерусалимскаго. Принято думать, что занятіе Мальты Бонапартомъ было не болѣе чѣмъ стратегической необходимостью, связанной съ экспедиціей въ Египетъ. Это не точно. Въ дѣйствительности, актъ этотъ имѣлъ для даннаго момента гораздо большее политическое чѣмъ стратегическое значеніе. Бонапартъ сознательно и разсчетливо провоцировалъ на войну съ Франціей императора Павла, лично покровительствовавшаго Мальтійскому ордену.

Оккупировавъ Мальту, Бонапартъ заявилъ: „Надѣюсь, что гроссмейстеръ будетъ доволенъ нашимъ великодушнымъ съ нимъ обращеніемъ, хотя онъ того и не заслуживаетъ, поддавшись обольщенію обманчивыхъ обѣщаній Россіи, искавшей завладѣть Мальтой во вредъ Франціи".

На данныя генералу Бонапарту объясненія объ истинныхъ отношеніяхъ Россіи къ Ордену, онъ отвѣтилъ: „Мы все это въ Парижѣ знаемъ; Директорія очень хорошо поняла, что въ замѣнъ выгодъ, представленныхъ ордену, орденъ немного отступился въ отношеніи къ Россіи, отъ строгости своей древней дисциплины, соглашаясь безъ всякаго угрызенія совѣсти, принять въ свою среду большое количество схизматическихъ рыцарей, для коихъ Павелъ предложилъ учредить 72 командорства. Вы понимаете, что такая щедрость со стороны честолюбивой державы, должна была возбудить вниманіе Директоріи и побудить ее завладѣть Мальтой, чтобы она не сдѣлалась когда-либо добычей Россіи, съ коей гроссмейстеръ былъ за одно".

Бонапарту въ полной мѣрѣ удалась его „мальтійская провокація". Императоръ Павелъ пришелъ въ негодованіе, узнавъ оскорбительную для него вѣсть. Выходка революціоннаго французскаго генерала была понята какъ вызовъ Россіи. Императоръ Павелъ Петровичъ никогда не скрывалъ особаго своего благоволенія къ Мальтійскому ордену, благоволенія, начавшагося еще въ молодые годы подъ вліяніемъ изученія „Исторіи Мальтійскаго Ордена" аббата Верто (1726 г.). Эту исторію, какъ говорятъ, подарила наслѣднику престола сама императрица, желавшая развить въ своемъ сынѣ рыцарскія чувства.

Императоръ Павелъ принялъ вызовъ генерала Бонапарта. Но, если занятіемъ Мальты Бонапартъ вызывалъ на выступленіе противъ Франціи русскаго императора, то оккупація Египта въ ещё большей, пожалуй, мѣрѣ должна была оскорбить турецкаго султана, не безъ основанія считавшаго вассальный Египетъ лучшей жемчужиной своей короны. Традиціонная франко-турецкая дружба переходила отнынѣ въ открытую вражду, и Турція, воевавшая почти непрерывно цѣлое столѣтіе съ Россіей, неожиданно оказалась ея союзницей.

„Императоръ Всероссійскій поднялъ оружіе противъ Французовъ въ іюнѣ 1798-го года". Мощная коалиція изъ пяти монархическихъ державъ - Россіи, Англіи, Австріи, Неаполитанскаго королевства и Турціи - готовилась нанести рѣшительный ударъ Французской республикѣ. Все складывалось именно такъ, какъ того хотѣлъ генералъ Бонапартъ. И даже экспедиція въ Египетъ, кон-

чившаяся, въ сущности, катастрофой, вплела новые неувядаемые лавры въ вѣнокъ великаго полководца.

Чтобы не уклоняться отъ основной темы этого очерка, скажу о Египетской экспедиціи Бонапарта лишь нѣсколько словъ. Въ томъ,какъ она была задумана,организована и проведена, блеснулъ со всею несомнѣнностью не только военный, но и государственный геній Бонапарта. Отнюдь не случайно экспедиція въ Египетъ оказалась не только военной кампаніей, но и подлинной цивилизаторской миссіей. Бонапартъ взялъ съ собою ученыхъ, которые сдѣлали въ Египтѣ цѣннѣйшія археологическія открытія, положившія начало Египтологіи. Научнымъ изысканіямъ въ Египтѣ Бонапартъ придавалъ очень большое значеніе,и сопровождавшіе войска ученые неизмѣнно пользовались исключительными заботами и вниманіемъ генерала. Въ этомъ отношеніи характеренъ слѣдующій эпизодъ. Въ началѣ одного сраженія, положительный исходъ котораго казался очень сомнительнымъ, Бонапартъ отдалъ приказъ: „ослы и ученые въ середину"! И это отнюдь не было грубой солдатской шуткой. Ослы и ученые, дѣйствительно, представлялись двадцатидевятилѣтнему генералу той неоспоримой цѣнностью, которую слѣдовало въ первую очередь оградить отъ превратностей военной судьбы...

Старость Суворова совпадала съ десятилѣтіемъ Великой Французской Революціи (1789-1799 гг.). Нельзя не признать того огромнаго, хотя далеко и не одинаковаго, вліянія, которое это событіе оказало на всѣхъ мыслящихъ современниковъ. Суворовъ сразу же оказался въ лагерѣ контръ-революціи. Его друзья — принцъ Конде и генералъ Шареттъ, глава вандейскихъ шуановъ. Слишкомъ высокопарный пафосъ революціонной идеологіи,совершенно не вязавшійся съ грубой, а, порою, даже и жестокой революціонной практикой, не могъ встрѣтить сочувственнаго отклика ни въ умѣ, ни въ сердцѣ Суворова. Не увлекли его и пылкія рѣчи доморощенныхъ вольнодумцевъ - Новикова и Радищева. Однако, воспитанный въ уваженіи къ существующей монархической власти, Суворовъ по всему своему духовному складу былъ подлиннымъ демократомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Но рано узнавъ жизнь и людей, онъ не вѣрилъ въ возможность осуществленія такихъ идей, какъ свобода, равенство и братство, путемъ установленія какихъ то законодательныхъ нормъ. Эти идеи, только какъ чисто отвлеченныя понятія добра, могли еще волновать и увлекать его въ давніе годы, когда молодымъ человѣкомъ онъ вступилъ въ ложу вольныхъ каменьщиковъ, но съ годами эти прекрасныя мечтанія все болѣе и болѣе казались ему суетнымъ и даже предосудительнымъ праздномысліемъ. Не революціонные догматы исповѣдывалъ Суворовъ, а религіозные: не свободы, равенства и братства искалъ, а любви и милосердія, не въ законѣ человѣческомъ видѣлъ жизненный идеалъ, а въ законѣ Божескомъ. Французскую революцію понялъ и оцѣнилъ правильно,какъ торжество матеріи надъ духомъ. Претило ему въ ней ея пренебреженіе къ религіи, ея полнѣйшая религіозная безпочвенность. Поэтому и называлъ революцію „безбожной", а революціонеровъ - „безбожниками". Послалъ ободряющее

письмо роялисту Шаретту; искренне сочувствовалъ эмигрантамъ, хотя и зналъ ихъ пороки; съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, когда его призовутъ стать во главѣ русскихъ войскъ, чтобы идти во Францію усмирять революціонеровъ. Этого счастливаго дня дождался въ 1799-мъ году, подъ конецъ своей боевой и жизненной дороги. Но и тутъ тайныя силы, руководившія европейской политикой, спутали всѣ его планы, сорвали возможность похода на Парижъ. И за славнѣйшими побѣдами пришла безславная смерть въ царской немилости.

Французская революція 1789 года застала Бонапарта двадцатилѣтнимъ юношей. Даже несмотря на свой геній онъ едва ли разбирался въ ней лучше, чѣмъ всѣ другіе ея современники. Но онъ увидѣлъ и учелъ тѣ неограниченныя возможности, которыя эта революція открывала для его честолюбивыхъ замысловъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что Бонапартъ ни въ молодые, ни въ зрѣлые годы никакихъ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій не исповѣдывалъ. Онъ не былъ ни роялистомъ-легитимистомъ, ни монархистомъ-консерваторомъ, вообще, ни революціонеромъ-республиканцемъ. Не занималъ онъ и никакихъ компромиссныхъ промежуточныхъ политическихъ позицій. Текучесть его взглядовъ въ этомъ отношеніи могла бы сдѣлать его общимъ другомъ, если бы отъ начала и до конца своей политической карьеры онъ не проявилъ себя типичнымъ диктаторомъ. Бонапартъ былъ прирожденнымъ властелиномъ, диктаторомъ съ очень деспотическими замашками. Его непревзойденный эгоцентризмъ съ особенной силой сказывался именно во взглядахъ на принципъ государственной власти. Съ оговоркой, что допускается извѣстный анахронизмъ и нѣсколько видоизмѣняется смыслъ термина, Бонапарта слѣдовало бы назвать первымъ бонапартистомъ. Въ 1797-мъ году, послѣ мира въ Кампо-Форміо, Бонапартъ заявилъ: „Вы думаете, что я тріумфировалъ въ Италіи ради величія адвокатовъ изъ Директоріи, этихъ Карно и Баррасовъ ? Вы думаете, что это ради созданія республики ? Что за идея! Республика въ тридцать милліоновъ людей ! Съ нашими нравами, съ нашими пороками ! Гдѣ эта возможность ? Это химера, которой французы чрезмѣрно восторгаются. Я хочу покинуть Италію лишь для того, чтобы играть во Франціи роль, подобную той, которую я играю здѣсь, но моментъ еще не наступилъ: груша не созрѣла"...

Бонапартъ одинаково презиралъ и вожаковъ революціи и революціонную чернь. 20-го іюня 1792 года при видѣ толпы, наводнившей залы Тюильерійскаго дворца, онъ гнѣвно воскликнулъ: „какъ могли впустить эту сволочь? Слѣдовало бы смести отсюда пушками четыреста или пятьсотъ человѣкъ, а остальные разбѣжались бы". Но 13-го вандеміера 1795-го года онъ разстрѣливалъ на улицахъ Парижа возставшихъ роялистовъ, за что и получилъ отъ нихъ кличку „разстрѣливателя". Однако, и въ этотъ кровавый день, видя съ какой отвагой защищались избиваемые имъ роялисты, онъ сказалъ своему другу Жюно (тогда у него еще были личныя друзья): „Ахъ ! если бы эти вотъ молодцы поставили меня во главѣ себя, какъ бы я расправился съ народными представителями" !

Его одинаково ненавидѣли и роялисты, и революціонеры-республиканцы, и анархисты. Всѣ они не разъ покушались на его жизнь, и онъ, конечно, преслѣдовалъ ихъ, побуждаемый болѣе чув-

ствомъ самосохраненія, чѣмъ ненавистью. Онъ бывалъ съ ними то безпощаденъ и жестокъ, то милостивъ, но всегда оставался къ нимъ равнодушенъ. Ихъ политическимъ взглядамъ, какъ таковымъ, онъ не придавалъ никакого значенія. Какъ и сами люди, такъ и ихъ убѣжденія были для него не болѣе чѣмъ шахматными фигурами, разставленными на шахматной доскѣ. Разница заключалась лишь въ томъ, что ставкой въ той крупной и рискованной игрѣ, которую онъ велъ, была его собственная жизнь и судьба Франціи...

Суворова и Бонапарта только въ очень ограниченномъ смыслѣ можно назвать современниками. Дѣйствительно, Суворовъ родился въ 1730-мъ году, Бонапартъ - въ 1769-мъ; слѣдовательно, Суворовъ былъ старше Бонапарта на 39 лѣтъ - срокъ не малый въ человѣческой жизни, а въ жизни военнаго человѣка и подавно. Суворовъ умеръ 18-го мая 1800-го года; за три дня до его кончины Бонапартъ (прошло восемь мѣсяцевъ, какъ онъ вернулся изъ Египта) началъ свою вторую Итальянскую кампанію, имѣя въ виду свести къ нулю всѣ итоги побѣдъ русскаго полководца. Геній Бонапарта восходилъ, но еще не проявилъ себя во всемъ своемъ величіи: 14 лѣтъ непревзойденной славы были впереди.

Итакъ, боевые и жизненные пути Суворова и Бонапарта не скрещивались, не сближались. Но въ перспективѣ исторіи оба полководца, какъ великіе историческій явленія, надвременны и надпространственны. Поэтому мы въ правѣ сближать ихъ величавые образы, ихъ трагическія судьбы и находить въ этомъ сближеніи мудрое историческое поученіе.

При сравненіи военной карьеры (именно - карьеры, а не дѣятельности) Суворова и Бонапарта, насъ поражаетъ цѣлый рядъ непонятныхъ на первый взглядъ фактовъ. Такъ, напримѣръ: Суворовъ производится въ первый офицерскій чинъ въ 24 года, Бонапартъ - въ 16 лѣтъ, что составляетъ 8 лѣтъ разницы! Дальше, какъ будто, еще непонятнѣе. Суворовъ - генералъ-маіоръ въ 40 лѣтъ, Бонапартъ получаетъ бригаднаго генерала въ 24 года: 16 лѣтъ разницы! Чтобы не удивляться этимъ непонятнымъ на первый взглядъ фактамъ, необходимо помнить, въ какихъ различныхъ условіяхъ развивались карьеры Суворова и Бонапарта. Въ первомъ случаѣ передъ нами прочно отстоявшіяся бытъ Екатерининскаго царствованія, почти исключавшій возможность молніеносной военной карьеры внѣ карьеры специфически придворной. Даже при наличіи большого военнаго дарованія и выдающихся военныхъ подвиговъ, обогнать въ чинѣ своихъ сверстниковъ рядовому офицеру или генералу было не легко, если онъ не пользовался сильной протекціей при дворѣ или благоволеніемъ самой императрицы. Карьера Суворова, нѣсколько разъ прерываемая при самыхъ драматическихъ обстоятельствахъ, и представляется намъ типичнымъ примѣромъ карьеры трудной и медленной. Въ этомъ отношеніи, совершенно опредѣленно, Суворовъ былъ неудачникомъ. Въ иныхъ условіяхъ и при его геніи онъ могъ бы совершить гораздо больше того, что онъ совершилъ.

Другое дѣло - Бонапартъ. Передъ нами хаосъ французской революціи, крушеніе стараго режима, появленіе на политической сценѣ новыхъ людей, совершенно новыя бытовыя и соціальныя условія и въ итогѣ всего этого почти неограниченный просторъ для

выполненія самыхъ честолюбивыхъ замысловъ. Въ этихъ условіяхъ смѣлый и предпріимчивый офицеръ легко можетъ стать генераломъ. Геніальный Бонапартъ сталъ императоромъ.

Въ карьерѣ Суворова и Бонапарта есть любопытная общая черта. Въ 1792-мъ году, когда началась война съ Польшей, Суворовъ, недовольный тѣмъ, что ему не даютъ никакого боевого командного поста, задумалъ идти въ иностранную военную службу, но на этотъ разъ замыселъ свой не довелъ до оффиціальнаго прошенія по начальству. Однако, неудовлетворенность условіями, въ которыхъ ему приходилось служить и работать, все болѣе наростала и лѣтомъ 1792-го года прорвалась, наконецъ, наружу: онъ просилъ уволить его въ отставку и разрѣшить отправиться волонтеромъ въ одну изъ союзныхъ армій, сражавшихся тогда противъ французской республики. Его очень увлекала эта мысль. Ему хотѣлось помѣриться силами съ французскими генералами, водившими республиканскіе войска отъ одной побѣды къ другой. Разрѣшенія ѣхать волонтеромъ въ союзныя арміи онъ не получилъ, но не переставалъ желать „честной смертью свой стыдъ закрыть". Повидимому, у него возникла даже мысль о возможности самовольной отлучки, такъ какъ въ концѣ 1793-го года въ письмѣ къ Хвостову онъ признается: „Подвижность моя за границу та же, и коли препона, то одна Наташа". Не будь этой любви къ дочери, очень возможно, что Суворовъ уѣхалъ бы воевать за границу. Историческія событія пошли бы тогда, несомнѣнно, совершенно другимъ путемъ. Въ 1794-мъ году, по прежнему горя желаніемъ проявить себя на боевомъ поприщѣ, Суворовъ подалъ второе прошеніе. „Всеподданнѣйше прошу всемилостивѣйше уволить меня волонтеромъ къ союзнымъ войскамъ. - писалъ онъ: - какъ я много лѣтъ безъ практики по моему званію".

Въ Польшѣ дѣла шли плохо, и императрица поняла наконецъ, что безъ Суворова тамъ не обойтись. Онъ былъ посланъ въ Польшу. Въ итогѣ — быстрыя и рѣшительныя военныя дѣйствія, штурмъ Варшавы и третій раздѣлъ Польши. За Варшаву Суворовъ получилъ фельдмаршальскій жезлъ. Мысли о волонтерствѣ въ союзныхъ арміяхъ были, конечно, оставлены.

Въ это же самое время на другомъ концѣ Европы, въ Парижѣ, двадцатишестилѣтній французскій генералъ Бонапартъ, уволенный со службы за свою близость къ молодому Робеспьеру (брату „неподкупнаго"), собирался покинуть предѣлы отечества, чтобы вступить въ русскую военную службу. Велись переговоры. Бонапартъ поставилъ условіе: производство въ слѣдующій чинъ. Русскіе не соглашались произвести слишкомъ молодого бригаднаго генерала, къ тому же еще съ репутаціей якобинца, въ генералъ-лейтенанты. Бонапартъ не уступалъ. Переговоры были прерваны. Вѣроятно, если бы русскіе знали, что произойдетъ черезъ семь лѣтъ, они оказались бы сговорчивѣе...

Трагедія Суворова, какъ полководца, - это его вынужденная постоянная подчиненность высшимъ начальникамъ, если и не всегда бездарнымъ, то, во всякомъ случаѣ, гораздо менѣе его одарѣннымъ. Вѣдь даже Румянцевъ и Потемкинъ не смогли понять и оцѣнить, а, слѣдовательно, и использовать въ полной мѣрѣ геній Суворова. Только императрица чувствовала своей чисто женской интуиціей, что Суворовъ, какъ полководецъ, безконечно выше

всѣхъ другихъ ея генераловъ. Но военный авторитетъ Румянцева и Потемкина подавлялъ ее, и назначенія на высшіе командные посты не дѣлались безъ ихъ совѣта.

Въ разговорѣ съ художникомъ Миллеромъ, выразившимъ желаніе написать портретъ великаго русскаго полководца, самъ Суворовъ въ слѣдующихъ словахъ изобразилъ основныя черты своего духовнаго облика: „Ваша кисть, - сказалъ онъ, - изобразитъ черты лица моего: онѣ видимы,но внутренній человѣкъ во мнѣ сокрытъ. Я долженъ сказать вамъ, что я лилъ кровь ручьями. Трепещу, но люблю моего ближняго; въ жизнь мою никого не сдѣлалъ я несчастнымъ, не подписалъ ни одного смертнаго приговора, не раздавилъ моею рукою ни одного насѣкомаго, бывалъ малъ, бывалъ великъ".

А Бонапартъ скажетъ: „отъ великаго до смѣшного - одинъ шагъ"!

Какъ разно переживаютъ они и сознаніе своего величія и трагедію своего ничтожества !

Суворовъ былъ отъ природы добрымъ,отзывчивымъ человѣкомъ. Таково мнѣніе о немъ людей, знавшихъ его близко; но они не говорятъ, что онъ былъ деспотиченъ, раздражителенъ, придирчивъ и пристрастенъ. Многія отрицательныя черты характера Суворова и, можетъ быть,даже не столько черты характера, сколько особенности его обращенія съ людьми, обострялись въ связи съ тѣми невыносимыми служебными условіями, въ которыхъ ему приходилось работать, но съ которыми великій нашъ полководецъ не могъ и не желалъ мириться. Говорятъ, что Суворовъ былъ скупъ. Это не вѣрно. Онъ былъ разсчетливъ, бережливъ, но отнюдь не скупъ. Извѣстно, что въ селѣ Кончанскомъ онъ содержалъ на свои средства десятка три военныхъ инвалидовъ. Фуксъ утверждаетъ, что Суворовъ посылалъ ежегодно въ одну тюрьму на улучшеніе быта заключенныхъ до 10.000 рублей. Онъ охотно помогалъ нищимъ, но на себя тратить не любилъ. Въ 1793-мъ году Суворовъ перерасходовалъ на постройку южныхъ крѣпостей 100.000 рублей. Узнавъ,что императрица недовольна, онъ распорядился продать свои имѣнія, чтобы хоть часть долга уплатить изъ личныхъ средствъ. Императрица, оцѣнивъ благородный жестъ Суворова, приказала заплатить все изъ казны.

Суворовъ говорилъ: „Трудолюбивая душа должна всегда заниматься своимъ ремесломъ".

„Заранѣе учись прощать ошибки другихъ и не прощай своихъ собственныхъ."

„Доброе имя должно быть у каждаго честнаго человѣка: лично я видѣлъ это имя въ славѣ своего отечества; мои успѣхи имѣли исключительной цѣлью его благоденствіе".

Онъ положилъ за правило въ своей дѣятельности: „всякое дѣло начинать съ благословеніемъ Божіимъ; до издыханія быть вѣрнымъ Государю и Отечеству; убѣгать роскоши, праздности, корыстолюбія и искать славы чрезъ истину и добродѣтель..."

Суворовъ не былъ заносчивымъ гордецомъ, чѣмъ и отличался отъ многихъ своихъ знаменитыхъ современниковъ. Ставъ фельдмар-

шаломъ, онъ написалъ де Рибасу: „Пусть мое новое званіе васъ не смущаетъ. Я не перемѣнюсь до Стикса !"

Но онъ отбрасывалъ ненужную скромность, когда, защищая свою репутацію полководца, говорилъ: „Я лучше короля прусскаго Фридриха. Я Божіею милостію баталій не проигрывалъ ! "

Суворовъ часто прикидывался простачкомъ, и Румянцевъ какъ то сказалъ по этому поводу: „Вотъ человѣкъ, который хочетъ всѣхъ увѣрить, что онъ глупъ, и никто ему не вѣритъ !"

Однако, эта личина простачка многихъ обезоруживала, сбивала съ толку, а Суворову позволяла говорить откровенно многое такое,чего онъ не могъ бы сказать, не прикрывшись маской шута.

„Я бывалъ при дворѣ, но не придворнымъ, а Эзопомъ, Лафонтеномъ; шутками и звѣринымъ языкомъ говорилъ правду, - признался онъ. - Подобно шуту Балакиреву, который благодѣтельствовалъ Россіи, кривлялся я и корчился. Я пѣлъ пѣтухомъ, пробуждалъ сонливыхъ; я хотѣлъ бы имѣть благородную гордость Цезаря, но чуждался бы его пороковъ".

Эта само-характеристика замѣчательна неожиданностью своихъ сближеній: тутъ и Эзопъ съ Лафонтеномъ, и шутъ Балакиревъ, и Цезарь. Было бы ошибочно думать, что Суворовъ когда-либо помышлялъ стать Цезаремъ, онъ хотѣлъ только имѣть его „благородную гордость" и, конечно, онъ ее имѣлъ. Пороки Цезаря - диктатора, властолюбца были ему чужды.

Бестужевъ-Рюминъ писалъ о Суворовѣ, что „Русскій чудо-богатырь юродствовалъ, чтобы имѣть болѣе независимости". Такого же взгляда на чудачества великаго русскаго полководца придерживались и нѣкоторые его современники,близко къ нему стоявшіе, напримѣръ - Ивашевъ, Столыпинъ, Фуксъ.

Одна изъ первыхъ,если не первая, разгадала загадку „шута" и „юродиваго" Суворова сама императрица. Извѣстно, что когда ей пожаловались на него за учиненную имъ во главѣ Суздальскаго полка примѣрную атаку какого-то монастыря, она рѣшительно заявила: „Не троньте его ! Я его знаю".

Это было началомъ ихъ не совсѣмъ обыкновенной, совершенно платонической дружбы, въ которой Суворовъ, въ отличіе отъ многихъ другихъ отнюдь не платоническихъ друзей императрицы, держалъ себя подлиннымъ джентельменомъ, ни разу не оскорбивъ ни ея, ни своего достоинства. Но онъ держалъ себя съ нею гораздо независимѣе,откровеннѣе и честнѣе, чѣмъ кто-либо изъ попавшихъ въ „случай". Изъ всѣхъ сподвижниковъ императрицы намъ труднѣе всего, и даже просто невозможно, вообразить Суворова въ роли ея „фаворита". Онъ, конечно, никогда имъ и не былъ, а главное, - не стремился быть.

Суворовъ не чуждался женщинъ,но и не искалъ ихъ общества. Его супружеская жизнь явно не удалась, причемъ трудно сказать, кто былъ въ этомъ больше виноватъ, - онъ или его жена. Вѣроятно, оба были виноваты.Ему нужна была такая же примѣрная супруга-другъ,какой былъ для Петра Великаго его „Катеринушка, другъ сердешный". Но княжна Варвара Ивановна Прозоровская,жена Суворова, оказалась слишкомъ обыкновенной русской женщиной и не желала прощать причуды своего необыкновеннаго супруга.Она была избалована московскими перинами и спать на сѣнѣ ей не хотѣлось. Онъ вставалъ въ 4 часа утра, а она просыпалась въ 10. Она боя-

лась даже теплой воды, а онъ каждое утро обливался съ ногъ до головы ледяной.Недоразумѣнія изъ-за несходства привычекъ начались съ первыхъ же дней супружеской жизни.Суворовъ очень скоро покинулъ свою молодую жену, но не ради другой женщины, а ради любимаго дѣла: онъ уѣхалъ въ армію, оставивъ Варвару Ивановну на попеченіи своего отца. Въ концѣ концовъ, она стала измѣнять постоянно отсутствовавшему супругу, и они разошлись.

Нельзя сказать, что разставшись съ женою Суворовъ жилъ анахоретомъ. Онъ отдавалъ необходимую дань природѣ, но каждый разъ дѣлалъ это не безъ внутренняго нравственнаго сопротивле — нія, испытывая нѣчто похожее на угрызеніе совѣсти.

Говорятъ, что Суворову принадлежитъ неучтивый афоризмъ: „Волосъ дологъ, да умъ коротокъ". Если даже у него и сложился такой взглядъ на женщину,то въ значительной мѣрѣ онъ оправдывался господствовавшими въ ту эпоху предразсудками.Но вопреки имъ, Суворовъ, какъ никто другой, уважалъ въ женщинѣ человѣка, стараясь не замѣчать нѣкоторыхъ свойственныхъ ея полу недостатковъ. Его отношенія къ императрицѣ нельзя назвать иначе какъ культомъ,а,между тѣмъ, онъ прекрасно зналъ о ея чисто женскихъ слабостяхъ.

Итакъ, отношенія Суворова къ женщинамъ исчерпывались съ одной стороны, его искреннимъ, очень восторженнымъ, но чисто платоническимъ обожаніемъ императрицы Екатерины, съ другой стороны, откровеннымъ физическимъ отвращеніемъ къ собственной супругѣ и,наконецъ, нѣсколькими совершенно мимолетными анонимными связями,болѣе ради уступки естественнымъ законамъ природы, нежели изъ пристрастія къ „прекрасному" полу. На этой скудной канвѣ не вышьешь богатаго романическаго узора...

Бонапартъ нѣсколько разъ пытался охарактеризовать самого себя, какъ человѣка. Однажды онъ сказалъ: „Moi, je n'ai pas d'ambition, ou, si j'en ai, elle m'est si naturelle,elle m'est tellement innée, elle est si attachée à mon existence qu'elle est comme le sang qui coule dans mes veines, comme l'air que je respire... Elle ne me fait point aller plus vite ni autrement que les mobiles naturels qui sont en mois". (Я, я совершенно не имѣю честолюбія, или, если я его имѣю, то оно мнѣ такъ естественно, оно мнѣ такъ врождено, оно такъ связано съ моимъ существованіемъ, что оно, какъ кровь, которая течетъ въ моихъ венахъ, какъ воздухъ, которымъ я дышу... Оно не заставляетъ меня идти ни быстрѣе, ни иначе, чѣмъ заставляютъ это дѣлать находящіеся во мнѣ естественные двигатели).

Онъ говорилъ также: „Ne croyez pas que je n'aie pas le coeur sensible comme les autres hommes. Je suis même assez bonhomme. Mais dès ma plus grande jeunesse,je me suis appliqué à rendre muette cette corde qui chez moi ne rend plus aucun son. Sans ce travail sur moi-même, croyez-vous que j'aurais fait tout ce que j'ai fait?" (Не думайте, что у меня нѣтъ чуткаго сердца, какъ у другихъ людей. Я даже скорѣе добрякъ. Но съ ранней молодости я старался заглушить эту струну, которая во мнѣ больше не звучитъ... Думаете ли вы, что безъ этой работы надъ самимъ собою, я сдѣлалъ бы все то, что я сдѣлалъ ?)

Бонапартъ отличался замѣчательнымъ самообладаніемъ. Вспышки гнѣва были у него почти всегда разсчитанными, рѣдко искренними. Онъ „разыгрывалъ" ихъ, какъ искусный артистъ, учитывая тѣ эффекты, которые должна была произвести эта игра. Онъ любилъ и умѣлъ властвовать и приказывать и самъ опредѣлилъ эту черту своего генія слѣдующими словами: „C'est le don particulier que j'ai reçu en naissant; c'est mon existence, c'est mon habitude. Partout où j'ai été, j'ai commandé. J'ai commandé à vingt-trois ans au siège de Toulon. J'ai commandé à Paris en vendémière; j'ai enlevé les soldats en Italie dès que je m'y suis présenté. J'étais né pour celà.. Je double la force de mes troupes quand je les commande". (Это особенный даръ, который я получилъ отъ рожденія; это мое существованіе, это моя привычка. Гдѣ бы я ни былъ, вездѣ я командовалъ. Я командовалъ въ 23 года при осадѣ Тулона. Я командовалъ въ Парижѣ въ вандеміерѣ; я увлекъ солдатъ въ Италію, едва только я тамъ появился. Я для этого рожденъ... Я удваиваю силы моихъ войскъ, когда я ими командую).

Разгадать Бонапарта, а за одно и изобразить его внутренній обликъ пыталась умнѣйшая женщина того времени - госпожа де Сталь. Но она, какъ отверженная поклонница, могла быть и не вполнѣ безпристрастной. Вотъ что писала Сталь о Бонапартѣ: „Я знавала людей чрезвычайно достойныхъ, знавала и людей низкихъ. Впечатлѣніе, которое производилъ на меня Бонапартъ (это впечатлѣніе относится къ 1797-му году, А. С.), ничѣмъ не напоминало мнѣ ни тѣхъ, ни другихъ. Мнѣ скоро стало ясно, что характеръ его нельзя опредѣлить нашими обычными словами: онъ не былъ ни добръ, ни золъ, ни мягокъ, ни жестокъ... Онъ никого не любилъ и его не любилъ никто. Онъ былъ больше чѣмъ человѣкъ, или меньше чѣмъ человѣкъ... Я смутно чувствовала, что ничто не волнуетъ его сердце. Онъ смотритъ на людей, какъ на факты или, какъ на вещи, но не какъ на подобныя ему существа. Онъ никого и не ненавидитъ. Существуетъ только онъ, всѣ остальные это цифры. Сила его воли въ безошибочномъ эгоистическомъ разсчетѣ. Это искусный шахматный игрокъ, играющій партію противъ человѣческаго рода и собирающійся дать ему матъ.. Ничто не могло побѣдить непреодолимаго оттолкновенія (? ! А.С.), которое я испытывала къ тому, что въ немъ было. Въ умѣ его я чувствовала глубокую насмѣшку, не щадившую ничего великаго, даже собственной славы".

Въ этомъ опредѣленіи госпожи де Сталь многое вѣрно, но многое преувеличено и многаго не хватаетъ. Портретъ недорисованъ, эскизенъ и явно пристрастенъ. Бонапартъ былъ геніемъ, и нѣкоторыя черты его характера, свойственныя въ какой то мѣрѣ всѣмъ людямъ, проявлялись въ немъ въ превосходной степени. Его эгоцентризмъ, дѣйствительно, бросался въ глаза, да онъ его и не скрывалъ, наоборотъ - подчеркивалъ. Уѣзжая въ 1795-мъ году въ Италію, чтобы стать во главѣ находившейся тамъ французской арміи, онъ сказалъ знакомому журналисту: „Songez dans les récits de nos victoires à ne parler que de moi, toujours de moi, entendez-vous ?" (Возьмите за правило, въ сообщеніяхъ о нашихъ побѣдахъ говорить только объ мнѣ, всегда обо мнѣ, слышите ли вы ?).

Солдаты боготворили Бонапарта. Это опять сближаетъ его съ

Суворовымъ.Первыя же побѣды въ Италіи создали Бонапарту необычайную популярность въ арміи. Всѣ необходимыя данныя для такой популярности налицо: заражающая своимъ примѣромъ беззавѣтная личная храбрость, геній вождя „Божіею милостью", слишкомъ яркій, слишкомъ несомнѣнный, чтобы не импонировать солдатской массѣ, отеческая забота о солдатскомъ пайкѣ и дырявомъ сапогѣ, а, главное, - побѣды,побѣды и побѣды! И старый гренадеръ, чуть что не хлопая юнаго генерала по плечу, заявилъ: „Tu veux de la gloire? Eh bien,nous t'en donnerons!" (Ты хочешь славы? Хорошо, мы тебѣ ее дадимъ!). И это обѣщаніе стараго гренадера было выполнено. Бонапарту изъявляли сокрытые монархи, министры,маршалы, генералы, женщины, но не солдаты. „Ils grognaient, et le suivaient toujours".

Объ отношеніи Бонапарта къ женщинамъ написано уже много книгъ серьезныхъ, полусерьезныхъ и даже совсѣмъ не серьезныхъ. Напишутъ еще столько же. Тема слишкомъ благодарная, а историческаго матеріала - хоть отбавляй. Но несмотря на обиліе историческаго матеріала,характеристика Бонапарта-Донъ-Жуана никому не удается. И даже въ писаніяхъ самыхъ серьезныхъ и талантливыхъ изслѣдователей образъ получается блѣдный, лишенный плоти. Объясняется это, можетъ быть, тѣмъ, что отношенія Бонапарта къ женщинамъ были и сложны и противорѣчивы. Одно можно сказать съ несомнѣнностью: когда онъ того желалъ,онъ умѣлъ любить и умѣлъ покорять женскія сердца, такъ же какъ и сердца своихъ солдатъ. Двѣ собственныхъ жены и нѣсколько чужихъ составляютъ очень внушительный „донжуанскій" списокъ Бонапарта. Но онъ отнюдь не былъ грубымъ сластолюбцемъ,какихъ не мало встрѣчается въ исторіи среди людей и большихъ и ничтожныхъ.

Вѣроятно уБонапарта былъ опредѣленный взглядъ на женщину, мать, жену, любовницу. Но то, что онъ самъ иногда высказывалъ по этому поводу не всегда соотвѣтствовало подлинному образу его мыслей и чувствъ. Онъ слишкомъ часто говорилъ нарочно, съ опредѣленнымъ разсчетомъ произвести то или иное впечатлѣніе, игралъ роль, притворялся.

Когда госпожа де Сталь спросила Бонапарта: „Какую женщину въ исторіи онъ больше всего уважаетъ ?". Онъ отвѣтилъ: „Ту, у которой было наибольшее количество дѣтей". Можетъ быть, отвѣчая такъ, Бонапартъ былъ вполнѣ искренень, имѣя въ виду свою мать, Летицію Бонапартъ, которую очень любилъ и уважалъ, и у которой, дѣйствительно, было много дѣтей. А можетъ быть, и это вѣрнѣе всего, онъ просто хотѣлъ „осадить" бездѣтную госпожу де Сталь,которая, будучи не равнодушна къ нему, явно претендовала на взаимность. Такихъ женщинъ Бонапартъ съ его властолюбіемъ и независимымъ характеромъ не терпѣлъ. Онъ самъ выбиралъ себѣ и женъ и любовницъ и ради прихоти госпожи де Сталь не собирался нарушать этого правила.

Однажды онъ сказалъ: „La nature a fait des femmes nos esclaves; ce n'est que par nos travers d'esprit qu'elles osent prétendre à être nos souveraines". (Природа сдѣлала женщинъ нашими рабынями; это только благодаря нашимъ неправильнымъ представленіямъ онѣ смѣютъ претендовать быть нашими госпожами).

Бонапартъ никогда и ни въ чемъ не поддавался вліянію женщинъ. Въ его государственныхъ и политическихъ дѣлахъ и разсчетахъ онѣ не играли абсолютно никакой роли, но онъ умѣлъ пользоваться ихъ услугами, чтобы вліять на другихъ людей.

Онъ былъ пылкимъ и нѣжнымъ любовникомъ, добрымъ, но не всегда вѣрнымъ, супругомъ. Онъ уважалъ и цѣнилъ въ женщинѣ цѣломудріе и не выносилъ безстыдства. Высшій комплиментъ,какой онъ сдѣлалъ женщинѣ, былъ обращенъ имъ къ его собственной матери: онъ сказалъ про нее, что „у нея голова мужчины на женскомъ тѣлѣ". Вѣроятно ему импонировалъ такой необыкновенный сфинксъ.

Бонапартъ несомнѣнно любилъ Жозефину и, какъ сорокалѣтній мужчина, увлекся девятнадцатилѣтней австрійской эрцгерцогиней, Маріей-Луизой, своей второй женой. Но и Жозефина и Марія-Луиза были для Бонапарта только женщинами, и онъ, конечно, прекрасно сознавалъ, какая пропасть отдѣляетъ его, генія, отъ этихъ, можетъ быть и очень милыхъ,но, въ сущности, ничтожныхъ созданій.

Супружеское исемейное счастіе не дается въ удѣлъ великимъ людямъ. Исключенія рѣдки. Однако,и Суворовъ и Бонапартъ познали счастіе отцовства и оказались любящими, нѣжными и заботливыми родителями.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ привести нѣкоторыя письма Бонапарта,характеризующія его,какъ супруга и отца; могу только сказать, сославшись на эти письма,что та душевная струна, которую Бонапартъ старался заглушить въ себѣ съ дней своей самой ранней молодости, звучала еще въ немъ и въ зрѣлые его годы очень тепло и нѣжно.

А какъ трогательны письма Суворова къ дочери, Наташѣ, къ „Суворочкѣ" !

Вотъ еще одно предопредѣленіе судьбы, сближающее Суворова и Бонапарта: одиночество. Не на кого взглянуть съ полнымъ довѣріемъ, не съ кѣмъ быть вполнѣ искреннимъ, - ни подруги, ни истиннаго друга.Кругомъ враги-завистники. Суворовъ и Бонапартъ черпали нравственныя силы въ сознаніи своего абсолютнаго превосходства надъ окружавшей ихъ толпой, да еще въ беззавѣтной преданности солдатъ и младшихъ начальниковъ. Но Суворова боялись и ненавидѣли всѣ его сверстники, совершенно такъ же, какъ ненавидѣли и боялись Бонапарта почти всѣ его маршалы. Съ ними постоянно надо было быть на чеку. Каменскій и Рѣпнинъ только и ждутъ случая, чтобы свалить Суворова; они всячески порочатъ его, какъ полководца. У Бонапарта еще хуже: Моро и Бернадотъ - просто измѣнники.

Суворовъ и Бонапартъ, оба терпѣли отъ человѣческой злобы и зависти больше, чѣмъ кто либо. Это тоже удѣлъ геніевъ. И въ самые трагическіе дни своей жизни оба доходятъ до психоза затравленныхъ звѣрей. Даже желѣзные нервы этихъ волевыхъ людей слабѣютъ, не выдерживаютъ. Суворовъ не хочетъ мириться съ несправедливостью, ропщетъ, приходитъ въ отчаяніе. Бонапартъ, затравленный врагами, брошенный всѣми, кого онъ вывелъ изъ ничтожества, возвысилъ, облагодѣтельствовалъ, пытается кончить жизнь самоубійствомъ. Но ему суждено прожить еще шесть лѣтъ въ заточеніи, испытывая глубочайшее презрѣніе къ людямъ и ненависть къ своимъ тюремщикамъ...

Суворовъ и Бонапартъ прославили свои отечества, и благодарное потомство (оно, дѣйствительно, оказалось на этотъ разъ благодарнымъ) наградило ихъ культомъ народныхъ героевъ.

Нѣтъ надобности доказывать существованіе культа Суворова въ Россіи. Фактъ общеизвѣстенъ. Но русскій военный историкъ долженъ подчеркнуть значеніе Суворова, преимущественно, какъ творца русской военной доктрины, какъ несравненнаго мастера русскаго военнаго искусства. Въ этомъ отношеніи Суворовъ занимаетъ въ нашей отечественной военной исторіи только второе мѣсто; первое безспорно принадлежитъ императору Петру Великому, какъ одному изъ величайшихъ и геніальнѣйшихъ стратеговъ и тактиковъ всѣхъ временъ и народовъ. Предшественники Суворова, фельдмаршалы Минихъ и Румянцевъ, полководцы талантливые и достойные нашего восхищенія, были лишь хранителями петровскихъ традицій. Суворовъ же оказался прямымъ продолжателемъ военнаго творчества Петра. Онъ появился чрезвычайно своевременно, появился для того, чтобы упрочить и расширить національныя основы русскаго военнаго искусства, заложенныя великимъ царемъ. Прошло всего какихъ нибудь 60 лѣтъ между смертью Петра и расцвѣтомъ военной дѣятельности Суворова, но за этотъ, ничтожный, въ сущности, срокъ петровскія традиціи успѣли уже въ достаточной мѣрѣ засориться иностранными вліяніями. Даже несмотря на то, что и Минихъ и Румянцевъ были ревностными послѣдователями и хранителями петровскихъ традицій, шедшія къ намъ съ запада, преимущественно прусскія теоріи военнаго искусства встрѣчали у насъ самый радушный пріемъ, оставаясь, по существу, совершенно чуждыми русской душѣ. Суворовъ, ненавидѣвшій прусскачину, рѣшительно покончилъ съ этими увлеченіями и вернулъ русское военное искусство на его національный путь, предуказанный Петромъ Великимъ. Это - во-первыхъ. Во-вторыхъ, Суворовъ далъ русскому военному искусству новые стимулы, новые импульсы: онъ вложилъ въ него принципы высокой нравственности и патріотическаго долга; мало того, онъ поставилъ передъ нимъ, какъ конечную цѣль, идеалы религіознаго служенія. Вспомнимъ, что говорилъ Суворовъ: „Жителей не обижай, просящаго пощади - милуй. Сражайся за царя, за отечество, за вѣру христіанскую, за домъ Пресвятыя Богородицы". Слышали ли мы въ ту эпоху нѣчто подобное на Западѣ ?

Великій христіанинъ, великій русскій полководецъ оказался однимъ изъ послѣднихъ рыцарей крестоносцевъ въ самомъ подлинномъ и возвышенномъ значеніи этого слова.

Въ-третьихъ, наконецъ, Суворовъ былъ не только замѣчательнымъ творцомъ и мастеромъ русскаго военнаго искусства, но и великимъ учителемъ, создавшимъ свою школу полководцевъ, изъ которой вышли такіе блестящіе ученики, какъ Багратіонъ, Милорадовичъ, Кутузовъ. Этимъ то блестящимъ ученикамъ Суворова и суждено было встрѣтиться въ неравномъ бою съ тѣмъ, съ кѣмъ такъ тщетно желалъ встрѣтиться самъ Суворовъ - съ Бонапартомъ.

Когда генералиссимусъ россійскихъ войскъ, князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій умеръ, приказа о его исключеніи изъ списковъ чиновъ русской арміи не послѣдовало. Эту штабную, канцелярскую оплошность такъ никогда и не исправили. Въ народѣ создалась красивая въ своей наивной эпической простотѣ легенда

о безсмертіи великаго русскаго полководца. Суворовъ живъ. Въ дремучемъ лѣсу Новгородской земли, въ глубокой каменной пещерѣ спитъ старый полководецъ, склонивъ сѣдую голову на мшистый камень. Мѣсто это заколдованное: никто къ нему дорогiи не знаетъ и найти не можетъ. Долго еще будетъ спать въ пещерѣ Суворовъ, проснется, когда въ жестокой бѣдѣ, въ тяжелой бранѣ покроется Русская земля кровью боевому коню по щиколотку. Тогда выйдетъ изъ темной пещеры на свѣтъ Божiй великiй русскiй полководецъ и спасетъ родину отъ гибели.

Незадолго до своей смерти Бонапартъ сказалъ: „Lorsque je serai mort, il y aura partout, même en Angleterre, réaction en ma faveur". Какая удивительная прозорливость ! Но Бонапартъ не отдавалъ себѣ отчета въ истинныхъ размѣрахъ этой реакцiи. Онъ не предвидѣлъ,что послѣ своей смерти, какъ нѣкое божество станетъ объектомъ подлиннаго культа, героемъ прекрасной легенды, которая облетитъ весь мiръ и найдетъ повсюду самый живой и пламенный откликъ. Эту красивую Наполеоновскую легенду создали вдохновенные художники и поэты. Историки возстанавливаютъ и толкуютъ жизнь Бонапарта съ большей объективностью, но и эта историческая объективность полна художественнаго содержанiя и поэтическаго воодушевленiя.

Раздумывая надъ своимъ прошлымъ,чувствуя близость смерти, Бонапартъ сказалъ однажды: „Quel roman que ma vie". И дѣйствительно, какой же романистъ могъ создать, выдумать, лучшiй сюжетъ для романа, чѣмъ созданный изъ жизни Бонапарта самой исторiей ?

Бонапартъ едва-ли не самый героическiй герой изъ героевъ мiровой исторiи. Вся жизнь этого замѣчательнаго человѣка - неисчерпаемый матерiалъ для художественнаго творчества. Культъ Бонапарта зародился еще при его жизни въ душахъ его „гронъяровъ" старыхъ солдатъ, продѣлавшихъ съ нимъ Египетскiй походъ. Смерть великаго полководца, послѣдовавшая черезъ шесть лѣтъ послѣ его заточенiя,вызвала во всемъ мiрѣ странное недоумѣнiе, какъ будто въ этой смерти было нѣчто необыкновенное, противоестественное.

- Неужели онъ умеръ ? Не можетъ быть ! -

- Lui, mort ! Allons donc ! On voit qu'ils ne le connaissent pas ! - недовѣрчиво ворчали старые гренадеры.

Но онъ дѣйствительно умеръ, и всѣ въ Европѣ вдругъ поняли, что ушелъ великiй человѣкъ, съ именемъ котораго неразрывно связана цѣлая историческая эпоха. Съ этого момента и началось „безсмертiе" Бонапарта. Оно получило окончательное признанiе въ 1840-мъ году въ дни перенесенiя праха императора съ острова Св. Елены въ Парижъ. Самое имя этого человѣка становится какъ бы нарицательнымъ,отождествляется съ понятiями величiя, силы, власти, генiя. Гете сказалъ, что „Наполеонъ выростетъ по мѣрѣ того, какъ его лучше познаютъ". Въ засѣданiи Французской Академiи 3-го iюня 1841-го года Викторъ Гюго заявилъ: „Il était prince par le génie, par la destiné et les actions.... Une révolution l'avait enfanté, un peuple l'avait choisi, un pape

l'avait couronné... Chaque année il reculait les frontières de son Empire au delà même des limites majestueuses et nécessaires que Dieu même a données à la France... Tout, dans cet homme, était démesuré et splendide... "

Если, съ одной стороны, литературный романтизмъ, преувеличивавшій значеніе сильной личности въ исторіи, слишкомъ опоэтизировалъ образъ Бонапарта, то, съ другой стороны, псевдонаучный объективизмъ, основываясь на однихъ только архивныхъ матеріалахъ, лишилъ этотъ образъ всякой поэзіи. Но, самъ по себѣ, архивныя данныя, не подвергнутыя воздѣйствію творческаго воображенія и критическаго анализа историка, ровно ничего не объясняютъ въ историческихъ событіяхъ. Историческое прошлое возсоздается не только изъ „фактовъ" архивнаго сырья, но и изъ народныхъ и семейныхъ преданій, часто болѣе правдивыхъ, чѣмъ протокольныя записи какихъ-нибудь послужныхъ списковъ, военныхъ реляцій, судебныхъ слѣдствій или нотаріальныхъ актовъ. Древніе эллины и понимали историческую литературу, какъ искусство. Историкъ и поэтъ у нихъ - синонимы.

Въ русской художественной литературѣ, къ стыду нашему, образъ Суворова запечатлѣнъ несравненно блѣднѣе, нежели образъ Бонапарта. Это можетъ показаться даже неправдоподобнымъ. На явленіе Суворова не откликнулись наши самые любимые, самые чуткіе, самые большіе русскіе поэты - Пушкинъ и Лермонтовъ. Можно думать, что великія и славныя событія Отечественной войны и похода въ Европу затмили собою для современниковъ и ближайшихъ поколѣній всѣ подвиги Суворова и его чудо-богатырей. Только у одного Державина и только героическая эпопея Швейцарскаго похода нашла довольно слабый откликъ въ „Одѣ на переходъ Суворова черезъ Альпы". Живѣе отозвался тотъ же Державинъ на смерть великаго русскаго полководца въ стихотвореніи „Снѣгирь". Но это и все, о чемъ стоитъ говорить.

Между тѣмъ, Пушкинъ посвятилъ Бонапарту два большихъ стихотворенія: въ 1815-мъ году прекрасное по формѣ, но по содержанію еще юношески незрѣлое „Наполеонъ на Эльбѣ" и въ 1821-мъ году во всѣхъ отношеніяхъ совершеннѣйшее - „Наполеонъ". Это стихотвореніе, написанное подъ впечатлѣніемъ смерти великаго французскаго полководца, заканчивается слѣдующими прекрасными строками:

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,
Гдѣ устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ, иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,

Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.
Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь !
Хвала ! Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Въ 1836-мъ году Жуковскій перевелъ на русскій языкъ, посвященное Бонапарту, стихотвореніе австрійскаго поэта Цедлица, „Ночной Смотръ". Этотъ мастерской переводъ былъ въ 1837-мъ году положенъ на музыку Михаиломъ Ивановичемъ Глинкой и съ тѣхъ поръ сталъ одной изъ популярнѣйшихъ русскихъ пѣсенъ XIX-го и начала XX-го вѣка.

Въ 1840-мъ году Лермонтовъ перевелъ посвященное Бонапарту другое стихотвореніе того же Цедлица - „Воздушный Корабль". Переводъ оказался настолько совершеннымъ, скажемъ даже, настолько вдохновеннымъ, что его можно считать вполнѣ самобытнымъ произведеніемъ нашего поэта. Въ музыкальномъ переложеніи Мясоѣдова и это стихотвореніе вошло въ антологію русской пѣсни XIX-го вѣка.

Лермонтову въ особенности былъ по душѣ трагическій образъ Бонапарта, ибо весь строй лермонтовской поэзіи проникнутъ грозовымъ воздухомъ поздняго романтизма („а онъ, мятежный, проситъ бури"). Но прекраснѣйшая жемчужина русской „бонапартіаны" это, конечно, лермонтовское же „Послѣднее Новоселье". Оно написано въ началѣ 1841-го года подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ перенесенія праха Бонапарта съ острова Святой Елены въ Парижъ въ концѣ 1840-го года. Нашъ поэтъ воспользовался случаемъ, чтобы высказать свой взглядъ на отношеніе французскаго народа къ старымъ бытовымъ традиціямъ, къ революціи и къ Бонапарту. Судьба этого великаго человѣка въ особенности трогала Лермонтова и свое стихотвореніе онъ заканчиваетъ слѣдующими изумительными по своему поэтическому совершенству строками:

Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ,
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ,
Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Возмолвнов и гордою тоской,
И какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой...
Но годы протекли, - и вѣтреное племя
Кричитъ: „Подайте намъ священный этотъ прахъ !
Онъ нашъ ! Его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ !"
И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ,
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Останки тлѣнные кладутъ.

Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ !
И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ !
И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ спокойствія и сна !
И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ !
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ !

Весь образъ Бонапарта у нашихъ великихъ поэтовъ проникнутъ вліяніями романтизма. Историческая правда отъ этого не пострадала. Поэтическая интуиція въ иныхъ случаяхъ стоитъ архивнаго гробокопательства. Бонапартъ и былъ подлиннымъ романтическимъ героемъ, человѣкомъ „отмѣченнымъ Божественнымъ перстомъ".

Для Пушкина Бонапартъ - герой-дерзновенецъ. Отнюдь не случайно поэтъ надѣлилъ своего Германа поразительнымъ сходствомъ съ французскимъ императоромъ. Сходство это не только внѣшнее. Германъ похожъ на Бонапарта не только чертами лица и „наполеоновской" манерой складывать руки на груди, но и чертами характера и даже общей судьбой: оба дерзаютъ, оба переступаютъ какой то предѣлъ дозволеннаго и оба трагически погибаютъ. Осудивъ своего Германа, Пушкинъ осуждаетъ, конечно, и Бонапарта за дерзаніе, за самовластіе, за презрѣніе къ человѣчеству, но онъ, въ то же время, жалѣетъ и прощаетъ его, какъ страдальца, искупившаго страданіемъ всѣ свои „стяжанія".

Лермонтовъ ни въ чемъ не обвиняетъ Бонапарта; для поэта Бонапартъ - „отецъ сѣдыхъ дружинъ" „любимый сынъ молвы" герой, гордо погибающій въ пучину, въ нравственномъ одиночествѣ, жертва, замученная безплоднымъ мщеніемъ. Пушкинъ и Лермонтовъ противъ этого безплоднаго мщенія. Развѣ можно мстить герою, пусть онъ даже и былъ врагомъ ? „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ!" Русскому человѣку не свойственно чувство мести. Можетъ быть, именно поэтому въ русскомъ народномъ сознаніи Бонапартъ остался нѣ врагомъ, а героемъ, даже символомъ національнаго величія - „Хвала ! Онъ Русскому народу Высокій жребій указалъ..." И народная поэзія подвела нѣкій философскій итогъ. Напомню, что популярнѣйшая наша пѣснь, „Пушѣлъ, горѣлъ пожаръ московскій", кончается словами, ставшими чуть ли не поговоркой:

Судьба играетъ человѣкомъ,
Она измѣнчива всегда:
То вознесетъ его высоко,
То броситъ въ бездну безъ слѣда.

Вслушиваясь въ русскія народныя пѣсни и преданія, читая Пушкина и Лермонтова, знакомясь съ героической эпопеей Наполео-

новскихъ войнъ и, въ особенности, съ ея трагическимъ эпилогомъ - Отечественной войной, тысячи милыхъ русскихъ юношей, всегда столь чуткихъ къ неувядаемой красотѣ воинскаго подвига, признали въ Бонапартѣ властителя своихъ сокровенныхъ думъ. И врагъ пересталъ быть врагомъ...

Настоящая статья не представляетъ собою исчерпывающаго изслѣдованія. Собранные въ ней матеріалы далеко не полны и дѣлать на основаніи ихъ слишкомъ опредѣленные выводы намъ не приходится. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ изъ чувства ложнаго національнаго самолюбія пытаться развѣнчать геній Наполеона. Бонапартъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, несравненно великъ и какъ полководецъ, и какъ государь, но блескъ его непревзойденнаго величія нисколько не умаляетъ ни славы Суворова, ни жертвеннаго подвига сожженія Москвы, ни доблести героевъ 1812-го года. И наша національная гордость будетъ вполнѣ удовлетворена сознаніемъ, что Наполеонъ - великій полководецъ встрѣтилъ въ этихъ герояхъ достойныхъ себѣ противниковъ.

1812-й годъ - плоть отъ плоти и кровь отъ крови славы Суворова и его чудо-богатырей, ибо, принимая во вниманіе двадцатипятилѣтній срокъ службы русскаго солдата и почти безсрочную службу русскаго офицера, можно не сомнѣваться въ томъ, что русская армія, сражавшаяся на Бородинскомъ полѣ, хорошо помнила стараго генералиссимуса и его боевые завѣты. Съ 1799-го года по 1812-й прошло всего 13 лѣтъ; такимъ образомъ, участники Итальянской кампаніи и Швейцарскаго похода дрались въ Отечественную войну противъ Великой Арміи Наполеона. Подъ Москвой Бонапарта остановила „правая рука" Суворова - Кутузовъ. „Онъ шелъ на моемъ лѣвомъ флангѣ, но былъ моей правой рукой" - писалъ Суворовъ о Кутузовѣ послѣ штурма Измаила (1790 г.).

Уже въ заточеніи, отдавшись тягостнымъ воспоминаніямъ, Бонапартъ говорилъ Ласъ Казу („Меморіалъ"): „Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное -то, которое я далъ подъ Москвой. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми".

Суворовъ могъ бы дожить до Отечественной войны. Ему было бы 82 года. И намъ не такъ уже трудно представить себѣ славнаго генералиссимуса еще бодрымъ старцемъ, возглавляющимъ русскую армію на Бородинскомъ полѣ. Правая рука его - Кутузовъ, лѣвая — Барклай. Всѣ другіе начальники на своихъ постахъ, какъ и было на самомъ дѣлѣ: Милорадовичъ, Багратіонъ, Багговутъ, Остерманъ-Толстой, Дохтуровъ, Раевскій, Бороздинъ, Невѣровскій, Коновницынъ, Ермоловъ...

Суворовъ могъ бы сказать словами своей „Науки Побѣждать": „Господа офицеры, какой восторгъ!... Побѣда!... Слава, слава, слава !"

А.К. САВИЦКІЙ

МАЛОЛѢТНІЙ КОРПУСЪ [1]

- воспоминанія -

Утромъ, когда одѣвшись мы выстраивались между кроватями посреди спальныхъ комнатъ, къ намъ выходила классная дама: мы расшаркивались и произносили хоромъ: „Madame, nous avons l'honneur de vous souhaiter le bonjour !" сильно растягивая но послѣднемъ словѣ; вслѣдъ за тѣмъ одинъ за другимъ, по рангиру подходили цѣловать у дамы руку, а она осматривали - исправно ли мы одѣты.

Однимъ изъ сержантовъ читалась молитва „Отче нашъ", послѣ чего сержанты же поправляли воротнички. Наша форма состояла изъ черной курточки, застегивавшейся на одну верхнюю пуговицу, и расходившейся съ другими восемью металлическими пуговицами по синему жилету, пристегнутому къ синимъ же штанишкамъ - всѣ съ красной выпушкой. Изъ подъ жилета выпускался воротникъ, довольно большой, съ фалбалами, которыя поправлялись на пальцахъ сержантами.

Новопоступавшіе, новички, имѣли только по одной пуговицѣ и лишь послѣ успѣховъ въ фронтѣ, по поступленіи въ батальонъ, имъ давался полный рядъ ихъ. Такъ какъ пуговицы были обыкновенныя, гвардейскія, то у нѣкоторыхъ маленькихъ кадетъ они были пришиты совсѣмъ вплотную, одна къ другой.

У насъ было по два сержанта въ отдѣленіи: старшій и младшій; кровати ихъ были по краямъ спальной комнаты и имена надъ изъ кроватями написаны не какъ у насъ, - бѣлой краской по зеленому полю, а серебромъ - у младшаго сержанта и золотомъ - у старшаго, и все по красному полю. Это казалось мнѣ большой честью и иногда я думалъ: „неужели же мое имя будетъ когда нибудь также красоваться, - нѣтъ, не можетъ быть !". Послѣ же, когда я сдѣлался старшимъ сержантовъ, то и вниманія не обращалъ на красивую красную дощечку съ золотыми буквами. - Tout pass, tout casse, tout lasse ! Старшимъ сержантомъ при моемъ поступленіи въ корпусъ былъ Старицкій, младшимъ - Костычовъ. Первый занимаетъ теперь (воспоминанія пишутся авторомъ въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. А.С.) выдающееся и почетное мѣсто въ ученно-морскомъ обществѣ; второй куда-то улетучился... Старицкій былъ записанъ на красной доскѣ въ классѣ и, кромѣ того, на красной доскѣ въ большомъ рекреаціонномъ залѣ - честь, которой въ то время были удостоены только двое изъ всего корпуса: онъ и кадетъ I роты Игнаціусъ...

Стоя въ строю, репетируя уроки, преимущественно французскаго языка, въ которомъ дамы были болѣе или менѣе компетентны, мы дожидались обхода „начальницы" Голубцовой и говорили ей то же привѣтствіе съ измѣненіемъ титула madame, на madame la supérieure.

I) По неопубликованной рукописи. Воспоминанія относятся къ 1850-му году. См. также № 4-5-й „РУССКАГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА"

Въ большіе праздники классная дама заставляла насъ репетировать по многу разъ это привѣтствіе начальницѣ и, несмотря на настоянія ея, чтобы слова выговаривались нами съ чувствомъ, съ толкомъ и съ разстановкою, мы, какъ-то увлекаясь своими голосами, всегда немножко „рубили капусту", звонко отчеканивая: „Madame la supérieure, nous avons l'honneur devous souhaiter le bonjour et de vous féliciter à l'occasion de la fête de l'Esprit" (въ духовъ день, напримѣръ).

По воскресеніямъ и по праздникамъ дама раздавала всѣмъ тѣмъ, кому родители оставили немного денегъ, сдобные кренделя изъ частной булочной, превкусные, - по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, что вкуснѣе этихъ кренделей ничего не можетъ быть; ихъ называли „стриксами".

Мы вставали по барабану, бьющему два раза. Ударитъ первый, - проснешься и думаешь прежде всего: „батюшки, уже и вставать надобно". А подъ утро такъ сладко спится, и потомъ утѣшишься хоть тѣмъ, что еще четверть часа осталось, можно еще курнуть сднимъ глазкомъ. Но вотъ и второй барабанъ, - тутъ уже никакихъ сдѣлокъ, надобно вскакивать, а то сержантъ сдернетъ одѣяло: „вставать, вставать Верещагинъ, что вы не встаете !"

Наскоро перебираешь въ головѣ, какой сегодня день, что предстоитъ впереди: коли будни, да еще не выучены уроки, вставать и сдѣваться особенно непріятно; если не сегодня или хоть завтра праздникъ, съ перспективою кренделя и возможностью заняться чѣмъ нибудь интереснымъ, клейкой дворца, рисованіемъ, и т.п. или если вспомнишь, что уроки предстоятъ не страшные, выучены - веселѣе на душѣ, быстрѣе, бодрѣе поворачиваешься.

Няньки мыли намъ всѣмъ поочереди руки и физіономіи мыломъ; потомъ по барабану мы отправлялись въ залъ, гдѣ ожидали директора и по обходѣ имъ всѣхъ рота, отправлялись по командѣ въ столовую; тамъ хоромъ пѣли молитву и пили паточный, невкусный чай съ булкой. Затѣмъ возвращались въ залъ не надолго: кто игралъ, кто приготовлялся къ уроку, и къ 8-ми часамъ мы были въ классахъ; по утрамъ, зимою въ нихъ было очень неуютно при лампахъ и холодно, такъ какъ казеннымъ дровамъ находилось вѣроятно болѣе полезное употребленіе.

Утромъ было 2 урока по I I/2 часа, такъ что въ 11-ть часовъ эта первая напасть кончалась и въ половинѣ двѣнадцатаго начиналась другая - гимнастика или ученье - до половины перваго. Въ часъ - обѣдъ, почти всегда невкусный, состоявшій изъ жидкаго, сильно приправленнаго мукой и крупами супа, потомъ вываренной, но, для обмана глазъ, приправленной липкимъ, мутнымъ соусомъ говядины и еще какого нибудь пирога. Послѣ я убѣдился, что и въ Морскомъ и, какъ слышно было, въ другихъ корпусахъ кормили дурно, - должно быть, и безъ того небольшіе пайки наши прилипали къ рукамъ корпусныхъ экономовъ и Ко.

Такъ какъ классы начинались только въ 3 часа, то послѣ обѣда зимою мы гуляли по мосткамъ, внутри корпусного двора, а лѣтомъ выпускались рѣзвиться на лужокъ, коли не было сыро, или на площадку. Нечего говорить, что и тутъ и тамъ конца не было разнымъ выдумкамъ и играмъ: пускались змѣи, собирались червяки, изъ которыхъ самыми цѣнными были зеленые „кораблики" и „кораб-

ликн съ хвостиками", цѣнившіеся въ 5, 6 булокъ,а то и дороже ! Впрочемъ, стоимость очень большого „кораблика съ хвостикомъ" нельзя было опредѣлить заранѣе: какъ алмазу, цѣна такому сокровищу возрастала не въ арифметической, а въ геометрической прогрессіи.

Въ каждой ротѣ,каждомъ отдѣленіи было по нѣскольку кадетъ особенно уважаемыхъ или по ученію и поведенію, или по силѣ и нахальству, называвшихся „старикашками"; очевидно, одного хорошаго ученья не было достаточно, оно должно было быть все таки поддержано силою. Противъ старикашекъ,какъ противъ ротнаго „трудно было прати" не только новичкамъ, но всѣмъ другимъ; они требовали почтенія, вниманія, а часто и дѣлежа, такъ что, напримѣръ, мои крендели я не всегда съѣдалъ одинъ - приходилось отдѣлять „другу" и это было видимымъ знакомъ невидимаго сочувствія или подневолья.

Говорить,бесѣдовать или играть со „старикашкой" считалось честью. Когда такая „особа" желала играть, она объявляла объ этомъ черезъ своихъ подручныхъ. Напримѣръ, когда я уже былъ уважаемымъ кадетомъ, старшимъ сержантомъ, то нѣкоторые часто приставали ко мнѣ съ предложеніемъ играть въ ту или другую игру; по изъявленіи моего согласія, начинали выкрикивать: „кто хочетъ играть съ Верещагинымъ ! Кто хочетъ играть съ Верещагинымъ!" Коли „особа" была популярна, то желающихъ играть подбиралось множество, такъ что нѣкоторыхъ „она" безъ церемоніи исключала,безъ всякаго другого объясненія кромѣ словъ: „ступай прочь, я тебя не принимаю !" Одобренные къ игрѣ становились въ кругъ, и „самъ" опредѣлялъ, кому начинать, вычитываніемъ какой нибудь присказки: на комъ она кончалась, тому было и начинать, напримѣръ, - „чикирики, чикирики, баранда баранда, по кусту погосту, калинкину посту, шмакъ башмакъ въ ... спину кулакъ!" Или: „Яблочекъ катился вокругъ огорода, кто его поднялъ, тотъ воевода, воеводскій сынъ - шишелъ, вышелъ, вонъ пошелъ!" Или: „А дуду, дуду, дуду; сидѣлъ воронъ на дубу..."

Нѣкоторыя изъ этихъ присказокъ,какъ послѣдняя, были очень неприличны, и новички изъ хорошихъ семействъ, почти не понимая ихъ смысла, смутно чуяли, что тутъ этими мальчуганами выговаривались самыя грубыя слова,какія только создала русская рѣчь, и выговаривались съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и апломбомъ.

Я долженъ сознаться, что меня, котораго мамаша старательно оберегала отъ всего мало-мальски неприличнаго, что можно было бы услышать отъ крестьянъ или дворовыхъ людей, меня долго коробило отъ грубости кадетскихъ нравовъ. Кое что изъ подробностей ужасныхъ пороковъ, оскверняющихъ юное общество такихъ закрытыхъ военно-учебныхъ заведеній, я видѣлъ здѣсь впервые мелькомъ и,не понявши хорошо, какъ-то инстинктивно отшатнулся; только уже въ Морскомъ корпусѣ,гдѣ вся молодежь была буквально охвачена тайными порокаши, и я отъ ежедневнаго примѣра частію поддавался, частію боролся, снова поддавался, пока, наконецъ, выходъ изъ корпуса не развязалъ меня съ этой ужасной, заразительной атмосферой...

Въ противоположность многимъ, вѣроятно большинству моихъ сверстниковъ, я не любилъ товарищества, его гнета, насилія,

каюсь (теперь это можно), что я только молчалъ, притворялся, только показывалъ видъ, что доволенъ имъ, такъ какъ иначе меня защипали бы. Какъ изъ заразной болѣзни вырвался бы отъ всѣхъ этихъ „неумытыхъ рукъ" безцеремонно залѣзавшихъ въ мою голову, сердце и совѣсть, ушелъ бы отъ всѣхъ „чужихъ" къ „своимъ" т.е. отъ тѣхъ, кто меня только терпѣлъ, муштровалъ и дрессировалъ, - къ тѣмъ, кто меня любилъ, жалѣлъ и училъ.

Смѣшно сказать, но я теперь еще завидую молодежи, живущей у родителей и родныхъ и ходящихъ въ школу лишь на время классныхъ занятій.

Говорю обдуманно, что принудительное казарменное товарищество, дѣйствительно, закаляя духъ въ извѣстномъ направленіи, не формируетъ характеровъ, а, скорѣе, сравниваетъ, нивелируетъ ихъ, что оно уничтожаетъ такія драгоцѣнныя качества, какъ наивность, самобытность и въ значительной мѣрѣ совѣстливость, ибо сколько чудовищно-безнравственнаго по отношенію къ каждому отдѣльному лицу, каждой отдѣльной совѣсти въ товариществѣ уважалось, какъ высоко-нравственное, какъ молодечество и доблесть.

В.В. ВЕРЕЩАГИНЪ.

ИЗЪ ВОЕННОЙ ПОЭЗІИ XIX-го ВѢКА

I

СВИДАНІЕ ЧЕРЕЗЪ ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ

Звенитъ звонокъ, и тройка мчится.
Несется пыль по столбовой;
На крыльяхъ радости стремится
Въ домъ кровныхъ воинъ молодой.
Онъ съ ними юношей разстался,
Пятнадцать лѣтъ въ разлукѣ жилъ;
Въ чужихъ земляхъ съ врагами дрался,
Царю, отечеству служилъ.
И вотъ въ глазахъ село родное.
На храмѣ Божьемъ крестъ горитъ !
Забилось сильно ретивое,
Слеза невольная блеститъ.
„Звени, звени, звонокъ, громчѣе !
Лихая тройка, вихремъ мчись,
Ямщикъ, пой пѣсни веселѣе !
Вотъ отчій домъ !.. Остановись !"
Звонокъ замолкъ, и паръ клубится
Съ коней ретивыхъ удалыхъ;
Нежданный гость подъ кровъ стучится,
Внезапно входитъ въ кругъ родныхъ.
Его родные не узнали,
Перемѣнились въ немъ черты;
И всѣ невольно вопрошали:
„Скажи, служивый, кто же ты ?"

„Я вамъ принесъ письмо отъ сына,
Здоровъ онъ, шлетъ со мной поклонъ;
Такого жъ вида, роста, чина,
И я точь-въ-точь двѣ капли онъ !..."
„Нашъ сынъ ! нашъ братъ !" - тогда вскричали
Родные, кровные его;
Въ слезахъ, въ восторгѣ обнимали
Родного гостя своего.

Г. МАЛЫШЕВЪ (1848 г.)

Ужъ ты, зимушка, зима,
Холодна зима была !
Всѣ дорожки замела.
Всѣ дорожки и пути,
Нельзя къ миленькой пройти.
Нельзя къ миленькой пройти,
Съ нею ночку провести.

Какъ и съ вечеру изъ штаба
Приказаньице пришло,
Чтобы сабли, тесаки
Были вычищены,
А походныя рубашки
Были выкатаны.

Ужъ ты, зимушка, зима,
Холодна зима была !
Холодна зима проходитъ,
Лѣто красно настаетъ,
Лѣто красно настаетъ,
У солдата сердце мретъ.
У солдата сердце мретъ,
Лѣто дома не живетъ.
Лѣто въ лагеряхъ стоять,
Поутру рано вставать.

Поутру рано вставать,
Лицо бѣло умывать.
Лицо было умывать,
Мундиръ черный надѣвать.
Мундиръ черный надѣвать,
На ученье выѣзжать.
Намъ ученье не мученье, -
Между прочимъ, тяжело.
Между прочимъ, тяжело,
Что не знаемъ ничего.

(Распространенныя солдатскія пѣсни
середины XIX-го вѣка).

ВОЕННЫЯ НАГРАДЫ ВЪ ДОПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

- историческая справка -

„Въ лѣто 6508 (т.е. въ 1000 году отъ Р.Х., А.С.) приѣде Володарь съ Половцы къ Кіеву и изыде нощію во срѣтеніе имъ Александръ Поповичъ и уби Володаря и брата его иныхъ множество половецъ изби... И се слышавъ Володимеръ и возрадовася зѣло и возложи нань гривну злату." (Лѣтопись).

Эта „гривна злата" кіевскаго князя Владиміра Святославовича и была первой, извѣстной намъ въ исторіи, наградой за воинскій подвигъ. „Гривна" представляла собою золотой обручъ, возлагавшійся вокругъ шеи; отсюда его болѣе полное названіе „шейной гривны".

Русскіе нумизматы полагаютъ, что всѣ наши „златы деньги", чеканившіяся на Руси до Петра Великаго, были наградными медалями, а не деньгами въ современномъ намъ смыслѣ этого слова. До 15-го вѣка эти золотыя деньги-медали пришивались къ шапкамъ или къ рукавамъ; съ 15-го вѣка ихъ стали носить на цѣпяхъ.

Въ своемъ очеркѣ „Служебные, должностные и сословные знаки отличій въ Россіи" Е.П. Карновичъ почему то относитъ первое историческое извѣстіе о пожалованіи у насъ знаковъ отличія за военные подвиги къ 1460-му году. „Въ этомъ году, - пишетъ авторъ упомянутаго очерка, - во время похода московской великокняжеской рати противъ Казани, устюжане, подъ предводительствомъ князя Даніила Ярославскаго и князя Василія Ухтомскаго, встрѣтили татарскія силы на берегахъ Волги и, послѣ упорной и кровопролитной сѣчи, пробились сквозь толпы непріятеля. Въ награду за это великій князь Иванъ III прислалъ „двѣ золотыя деньги" и нѣсколько шубъ и однорядокъ „лунскихъ", т.е. лондонскихъ." Карновичъ не увѣренъ, что золотыя деньги понимались въ то время какъ знаки отличія, потому что устюжане отдали ихъ священнику за то, что онъ отслужилъ молебенъ за государя и православное воинство. Карновичъ пишетъ далѣе: „Что же касается шубъ и однорядокъ, то онѣ могли служить не только пригодною одеждою, но и почетнымъ отличіемъ, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи пожалованіе шубами сдѣлалось у насъ однимъ изъ весьма употребительныхъ знаковъ отличій.

Далѣе, подъ годомъ 1514-мъ упоминается, что великій князь Василій II Ивановичъ, по взятіи Смоленска, пожаловалъ ратныхъ людей соболями, каѳтами и „золотыми деньгами". Золотыми и серебряными деньгами, - а по Карамзину, медалями, - были пожалованы въ 1553 году ратные люди, состоявшіе подъ предводительствомъ бывшаго казанскаго царя Шигъ-Алея, а также находившіеся подъ его начальствомъ мурзы и сотники за успѣшный походъ противъ Казани. Къ этимъ наградамъ была прибавлена раздача шубъ, тканей, доспѣховъ, коней и денегъ. Золотая деньга для ношенія на груди и богатая шуба въ 1552 году пожалована царемъ Иваномъ IУ возвратившемуся изъ тридцатилѣтняго плѣна изъ Польши князю Булгакову-Голицѣ.

Въ 1557 году, дѣйствовавшіе успѣшно при усмиреніи мятежей, поднятыхъ татарами и черемисами въ казанскихъ предѣлахъ, ратные люди получили отъ царя „золотыя деньги", - „лестную для того времени награду, - объясняетъ Карамзинъ, - они украшали витязи свою грудь, вмѣсто нынѣшнихъ крестовъ орденскихъ".

Карновичъ сомнѣвается въ правильности объясненій Карамзина, ссылаясь на то, что „пожалованныя золотыя и серебряныя деньги русскіе служилые люди носили не на груди, а на шапкахъ или на правомъ рукавѣ, выше локтя". Однако, Карновичъ самъ только-что упомянулъ о золотой деньгѣ для ношенія на груди, пожалованной Грознымъ князю Булгакову-Голицѣ.

„Въ 1558-мъ году золотыя деньги были посланы отъ государя воеводамъ князю Ѳеодору Троекурову и Данилѣ Адашеву за взятіе, во время войны съ Ливонскимъ орденомъ, Нейшлоса и Нейгаузена. Тотъ же Адашовъ и нѣкоторые изъ его сотоварищей - воеводъ получили золотыя деньги и въ 1559 году за отраженіе шедшаго на Москву крымскаго хана Девлетъ-Гирея. Розданы были также „золотыя" и въ 1564-мъ, и въ 1566 годахъ тѣмъ воеводамъ, которые одержали побѣды въ Ливоніи.

Подъ годомъ 1577 упоминается о пожалованіи Богдану Бѣльскому „золотаго португальскаго на цепь золоту"; Черемисову -

„золотаго угорскаго", а дворянамъ по „золотой ноугородкѣ", инымъ по „московкѣ золотой", а инымъ по „золоченой".

Около этого времени раздаваемые воеводамъ „золотые" нѣкоторые изъ награждаемыхъ стали носить на золотыхъ цѣпяхъ, или цѣпочкахъ, смотря по величинѣ „золотыхъ", которые были чаще всего золотыя монеты иностраннаго чекана, почему онѣ и назывались въ старину то „деньгами", то просто „золотыми". Иногда такія деньги съ пояснымъ на нихъ изображеніемъ государя были биты нарочно въ Москвѣ и назывались „Московками". Нѣсколько ихъ образцовъ разнаго размѣра сохранилось въ извѣстномъ нѣкогда собраніи древностей, принадлежавшемъ графу А.И.Мусину-Пушкину, но они исчезли во время взятія Москвы французами.

При преемникѣ Ивана Грознаго, царѣ Феодорѣ Ивановичѣ, награда „деньгами" была также въ употребленіи. Такъ, въ 1591 году, царь отправилъ стольника Романова-Юрьева спросить высылаемое противъ крымцевъ войско „о здоровьи" и приказалъ „подать" Мстиславскому и Годунову „золотые португальскіе", а инымъ „корабельники" и „червонцы венгерскіе". Въ то же время на Бориса Годунова онъ надѣлъ со своего плеча „шубу русскую" съ золотыми пуговицами въ тысячу тогдашнихъ рублей, а также золотую цѣпь, которую онъ снялъ съ себя. Такъ какъ царь носилъ цѣпь съ крестомъ,то, вѣроятно, и Годуновъ получилъ въ награду уже не деньгу, а крестъ.

По разсказу одного иностранца, въ Московскомъ государствѣ за славнѣйшій подвигъ давалась только маленькая золотая монета съ изображеніемъ св. Георгія.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій отправилъ въ 1609 году золотыя деньги воеводамъ, дѣйствовавшимъ противъ приверженцевъ второго Самозванца, но, прежде чѣмъ успѣли дойти эти знаки по ихъ назначенію, воеводы разбѣжались изъ-подъ царскихъ знаменъ, и сановникъ, везшій награды, не могъ никому раздать ихъ.

Награды „деньгами" записывались въ „Разрядѣ". Награды шубами и одеждою постепенно учащались и замѣнили награду деньгами.

Шубы были пожалованы: возвратившемуся изъ Литовскаго плѣна князю Булгакову-Голицѣ; въ 1552 году царь пожаловалъ князя Владиміра Андреевича нѣсколькими шубами, а бояръ, воеводъ дворянъ и дѣтей боярскихъ наградилъ одеждою со своего плеча, бархатами и соболями. Жалованы были шубы за Ливонскую войну въ 1558 году. Въ 1563 году, Иванъ IУ, по взятіи Полоцка, жаловалъ иноземцамъ, состоявшимъ въ королевской службѣ и взятымъ въ плѣнъ, нарядныя шубы; ихъ оказалось болѣе 500 человѣкъ, шубы были „соболью подъ златомъ".

Свѣдѣній о пожалованіи „деньгами" золотыми и серебряными въ послѣдующее затѣмъ время не встрѣчается, но въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны знаменитый въ ту пору князь Василій Васильевичъ Голицынъ былъ награжденъ золотой медалью за Крымскій походъ, хотя и неудачный. Пожалованіе шубами и одеждами прекратилось со временъ Петра I".

Петръ установилъ, что „Вѣрные и истинные слуги отечества имѣютъ надѣяться на особливое Монаршее благоволеніе и милость, и во всѣхъ случаяхъ, по испытанной вѣрности и искусству, ожидать соразмѣрной заслугамъ награды." (1720, февр. 28).

Х.Х.Х.

VITIA — SERVICE SOCIAL

Русскій Военно-Историческій Вѣстникъ

№ 9

РЕДАКТОРЫ:

А. К. Савицкій и Ю. А. Топорковъ

ИЗДАНІЕ
КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ
ПАРИЖЪ—1951

РУССКІЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

№ 9

Редакторы:
А.К. САВИЦКІЙ - Ю.А. ТОПОРКОВЪ

Парижъ
1951

Содержаніе

		Стр.
Ю.А. ТОПОРКОВЪ.	Къ Трехсотлѣтію Учрежденія Слободскихъ Казачьихъ Полковъ 1651-1951	2
А.А. МАРКОВЪ.	Россія и мамелюки Египта	24
Vicomte GROUVEL.	Le Corps de Condé en Russie	29
А.К. САВИЦКІЙ.	Изъ прошлаго русской внѣшней политики и стратегіи: Воспоминанія Американскаго Дипломата о Россіи (1854-1855)	38
А. СТАХОВИЧЪ.	Подвигъ Мл.Ун.Офицера Кузнецова	46

Редакція желаетъ пріобрѣсти нѣкоторое количество распроданныхъ №№ 1, 2 и 3 „РУССКАГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА", на каковые поступили запросы отъ нѣсколькихъ университетскихъ и государственныхъ библіотекъ.

Адресъ редакціи: Mr. A. Savitzky, 3 rue Désiré-Bertrand, EAUBONNE (S.& O.). FRANCE.

„РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"
издается на правахъ рукописи. Всѣ права сохранены.
Въ этомъ номерѣ 50 страницъ.

КЪ ТРЕХСОТЛѢТІЮ УЧРЕЖДЕНІЯ СЛОБОДСКИХЪ КАЗАЧЬИХЪ ПОЛКОВЪ 1651 - 1951

Въ этомъ году старѣйшіе полки русской регулярной конницы - Харьковскій уланскій, Сумскій, Изюмскій и Ахтырскій гусарскіе - празднуютъ 300-лѣтній юбилей своего существованія.

Въ отличіе отъ обычныхъ полковыхъ юбилеевъ - этотъ юбилей знаменателенъ тѣмъ, что онъ не является сухой памятной датой рожденія полка, когда волею Государственной верховной власти создавалась новая воинская часть. Юбилей этотъ носитъ характеръ сугубо историческій, ибо съ возникновеніемъ слободскихъ черкасскихъ казачьихъ полковъ связано начало новаго историческаго пути Русскаго государства на его южныхъ рубежахъ.

По офиціальной версіи начало этихъ полковъ таково:

27-го іюня 1651 года сформированы изъ „Черкасъ", составлявшихъ населеніе Слободско-Украинской области и происходившихъ изъ Малороссійскихъ выходцевъ, бѣжавшихъ отъ польскихъ притѣсненій — слободскіе черкасскіе полки : Сумскій, Изюмскій и Ахтырскій. Въ отличіе отъ даты старшинства этихъ полковъ, старшинство Харьковскаго полка - не 27 іюня, а 5 сентября 1651 г.

Почему офиціальная дата старшинства трехъ полковъ установлена 27 іюня 1651 года и Харьковскаго полка - 5 сентября 1651 года - мы касаться не будемъ. Оставимъ въ сторонѣ не только этотъ вопросъ, но и вопросъ о томъ, является ли офиціальная дата - 1651-й годъ - исторически обоснованной датой учрежденія слободскихъ черкасскихъ казачьихъ полковъ.

Эти вопросы являются особой темой, требующъ спеціальнаго изслѣдованія и касаться его теперь, въ настоящей статьѣ, мы не будемъ.

Ограничимся лишь замѣчаніемъ, что среди опубликованныхъ до настоящаго времени государственныхъ документовъ XVII столѣтія нѣтъ такого царскаго указа или грамоты, которые съ неоспоримой ясностью говорили бы объ учрежденіи слободскихъ казачьихъ полковъ.

Офиціальная справка говоритъ, что полки эти сформированы изъ „Чекрассъ", составлявшихъ населеніе Слободско-Украинской области и происходившихъ изъ Малороссійскихъ выходцевъ, бѣжавшихъ отъ польскихъ притѣсненій.

Въ этихъ немногихъ словахъ скрыто историческое событіе первостепанной важности, сыгравшее впослѣдствіи рѣшительную роль въ судьбѣ южно-русскаго края. Чтобы понять яснѣе смыслъ краткихъ словъ офиціальной справки, обратимся къ тому политическому положенію, которое создалось къ половинѣ XVII вѣка на юго-западной Руси, откуда пришли эти Малороссійскіе выходцы — „Черкассы" на службу Московскому Царю.

Какъ извѣстно, первое вліяніе Польши на ходъ историческихъ событій юго-западной Руси проявилось со времени политической уніи 1596 года, когда къ Польшѣ были присоединены воеводства Кіевское, Брацлавское, Подольское и Волынское. Съ этого времени

началась усиленная колонизація степей, но колонизація не польскаго народа, а русскаго населенія, бѣжавшаго изъ внутреннихъ населенныхъ мѣстъ отъ тяжелаго ига крѣпостного права и навязыванія уніи съ римской церковью.

Эта національная колонизація не принесла однако желаемаго результата, потому что Польское правительство роздало новыя, заселенныя русскимъ народомъ, земли мѣстнымъ своимъ магнатамъ и русскимъ прозелитамъ.

Слѣдствіемъ всего этого явился рядъ возстаній казаковъ. Эти попытки возстаній оказались безрезультатными, и малороссійскимъ казакамъ пришлось спасаться за Днѣпръ, внутрь степей Московскаго государства. Съ этого момента Москва рѣшительно выступаетъ въ роли колонизатора и начинаетъ заселять южно-русскія степи переселенцами изъ Украины.

Что же изъ себя представляла та южная окраина Московскаго государства, куда потекли новые поселенцы ? Земли, что впослѣдствіи приняли названіе Слободской Украины (позже - Харьковская губернія и смежные уѣзды губерній Курской и Воронежской), въ серединѣ XVII-го вѣка, покрытыя лѣсами, болотами, а кое-гдѣ непроходимою степною травою и лугами - были пустыни и дики. „Дикое поле" - по тогдашнему выраженію. Только въ такъ называемой Бѣлгородской чертѣ - Московской южной оборонительной линіи - построенной при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1636 - 1640 годахъ, отъ рѣки Ворсклы къ Дону, на 300 слишкомъ верстъ въ длину и защищаемой 12 крѣпостями (Вольное, Хотьмышскъ, Карповъ на Ворсклѣ, Бѣлгородъ на Донцѣ, Нежегольскъ, Короча, Яблоновъ, Новый Осколъ, Верхнесосенскъ, Угердъ, Ольшанскъ, Коротоякъ), - только по этой „чертѣ" жили вокругъ крѣпостей по обѣ стороны вала небольшими селеніями прежнихъ службъ русскіе служилые люди.

Были кромѣ того старыя крѣпости - Салтовъ, Чугуевъ, Зміевъ, Царево-Борисово, а въ краю смежномъ съ Гетманской Украиной - рѣдкіе хутора казачьихъ полковъ Полтавскаго, Миргородскаго и Гадячскаго. Но далѣе на востокъ отъ Печа и Ворсклы и на западъ отъ Оскола, по обѣ стороны Донца, тянулись глухіе пустыри, степи. Сквозь эти степи шла большая, такъ называемая Мурафская дорога (Мурафскій шляхъ), излюбленный путь ногайскихъ и крымскихъ татаръ при ихъ набѣгахъ на русскія земли.

Вотъ въ эти, почти безлюдныя тогда и глухія мѣста двинулись переселенцы изъ Гетманской Украины, откуда уходили они, какъ было сказано выше, по причинамъ политическаго, религіознаго и экономическаго характера.

По преданію первыя переселенія относятся еще къ 20 годамъ XVII-го вѣка, а самыя раннія свѣдѣнія свидѣтельствуютъ, что еще въ 1639 году на территоріи Московскаго государства переселился, послѣ неудачнаго возстанія противъ поляковъ, гетманъ Яковъ Остряница съ отрядомъ казаковъ. Они основали городъ Чугуевъ. Но въ 1641 г. Остряница былъ убитъ своими же казаками, которые вскорѣ возвратились въ польское подданство.

Въ Московскую землю постоянно бѣжали или небольшія группы или отдѣльныя лица, и Москва не выдавала бѣглыхъ.

Есть свѣдѣнія, что еще въ 1643 году на службѣ у Московскаго государства были выходцы изъ Гетманской Украины. Въ этомъ

году жителямъ Новаго Острожскаго Острога былъ произведенъ смотръ и тамъ оказалось, что въ немъ было „черкассъ" на конѣ съ ружьемъ 447, безъ ружья - 451, пѣшихъ съ ружьемъ - 10, безъ ружья - 41 и т.д.

Къ 1651-му году относятся разсказы почти всѣхъ малороссійскихъ лѣтописей о выходѣ уже значительнаго количества малороссіянъ изъ правобережной Малороссіи въ степную окраину Московскаго государства.

Тотчасъ послѣ берестечскаго пораженія (18-20 іюня 1651 г.) тысяча казаковъ подъ начальствомъ Ивана Зеньковскаго, боясь польскихъ репрессій, ушла и просила Московскаго царя позволить имъ поселиться на Московской землѣ.

Царь Алексѣй Михайловичъ внялъ ихъ просьбѣ и приказалъ имъ построить городъ на берегу Тихой Сосны, названный Острогожскомъ.

Это былъ первый слободскій казачій полкъ, Острогожскій или Рыбинскій, т.к. прежде, да и до послѣдняго времени, въ простонародіи г. Острогожскъ назывался Рыбинымъ.

Новыхъ переселенцевъ русскіе люди называли „черкасами".[1] Это названіе они передали и всѣмъ послѣдующимъ переселенцамъ. такъ что почти до начала XIX вѣка всѣ коренные жители Слободской Украины были извѣстны подъ общимъ именемъ „черкасъ-слобожанъ".

Новымъ переселенцамъ ставилась задача - оборонять край отъ татарскихъ набѣговъ, заселять безлюдныя земли и строить города.

Вслѣдъ за этими переселенцами, сперва нѣсколько недовѣрчиво, а потомъ благосклонно принятыми Москвой, двинулись изъ Гетманской Украины новыя партіи „черкасъ". Движеніе это продолжалось до 1658 года.

Отъ Путивля до Острогожска появились новыя многія „слободы", изъ которыхъ вскорѣ нѣкоторыя сдѣлались городами: Сумы (1653 г.), Ахтырка, Харьковъ и Изюмъ. Эти города - дотолѣ селенія - были небольшія крѣпости, окруженныя рвомъ и валомъ. Имѣли они деревянныя башни. Верхъ вала былъ покрытъ частоколомъ.

Пришедшіе „черкасы" перенесли съ собой то устройство, которое изъ-за исключительныхъ условій жизни сложилось у казаковъ въ Гетманской Украинѣ. Такимъ образомъ весь укладъ жизни въ Слободской Украинѣ носилъ черты характера военнаго. Вся территорія, предоставленная „черкасамъ", была раздѣлена, по примѣру Гетманской Украины на полки: Острогожскій или Рыбинскій, Сумскій, Ахтырскій, Харьковскій и Изюмскій. Одно время существовалъ еще полкъ Балаклійскій, но впослѣдствіи (не ранѣе 1668 г. онъ поступилъ въ Изюмскій полкъ.

Земли Сумского занимали тѣ земли, которыя впослѣдствіи стали Сумскимъ и Лебединскимъ уѣздами Харьковской губерніи, а также пограничными уѣздами Полтавской и Курской губерній.

---

1) Съ половины XVI-го вѣка украинскіе казаки стали разселяться на сѣверъ по Днѣпру, дойдя до Канева и Трехтемирова, занявъ Черкасскій островъ, образуемый Тесминомъ и Изденью, впадающей въ Днѣпръ. Поэтому переселенцевъ, пришедшихъ изъ-за Днѣпра черезъ Черкасскій островъ, по мнѣнію историка И.Срезневскаго русскіе прозвали "черкасами".

Земли Харьковскаго полка - впослѣдствіи уѣзды Харьковскій и Валкскій, а также отчасти Зміевскій и Волчанскій.

Къ сѣверу и къ западу отъ земли Харьковскаго полка были земли Ахтырскаго полка, которыя занимали кромѣ того будущіе уѣзды Ахтырскій и Богодуховскій.

Земли Изюмскаго полка шли на югъ отъ земель Харьковскаго полка, занимая будущіе уѣзды Изюмскій и Купянскій, а также часть уѣздовъ Волчанскаго и Зміевскаго.

Такимъ образомъ, Слободская Украина, бывшая прежде безлюдною и дикою пустынею, быстро населялась и ко времени присоединенія Поднѣпровской Украины къ Московскому царству всѣхъ жителей мужскаго пола насчитывалось уже отъ 80-ти до 100 тысячъ человѣкъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ, какъ мы указали выше, не только не препятствовалъ переселенію, но даже обнадеживалъ „черкасъ", говоря, что они всегда будутъ „жалованы Царскою милостью", и новая область, куда пришли переселенцы, была причислена къ Бѣлгородскому разряду.

Устройство этихъ „полковъ" похожее на полковое устройство Гетманской Украины, было таково: каждый полкъ имѣлъ около 600 или 800 выборныхъ казаковъ, несшихъ настоящую службу. Выборные казаки должны были имѣть коней и вооруженіе: ружье, сабля, пара пистолетовъ и пика.

Выборные казаки въ свою очередь дѣлились на три разряда: казаки сотенные, казаки хорунжевые и казаки - пушкари. Только сотенные казаки составляли полкъ, какъ воинскую единицу. Хорунжевые казаки были своего рода гвардіей полковника. Казаки — пушкари находились при пушкахъ въ крѣпостяхъ.

Прочіе казаки, не обязанные постоянною военною службою, дѣлились на два разряда: семейства военно-служилыхъ казаковъ и ихъ родственниковъ; изъ этихъ семействъ выбирались "выборные" казаки; во второмъ разрядѣ считались семейства казаковъ "компанійцевъ" или "помощниковъ". Они должны были помогать "выборнымъ" казакамъ и во время походовъ доставлять имъ продовольствіе.

Каждый полкъ имѣлъ свое знамя, на которомъ былъ изображенъ ликъ Святого - покровителя полка.

Полкъ раздѣлялся на сотни, которыя имѣли "сотенные" значки съ изображеніемъ креста и номеровъ сотни. Число сотенъ въ каждомъ слободскомъ полку было не одинаковое и къ концу XVII столѣтія въ Острогожскомъ, Сумскомъ и Ахтырскомъ полкахъ было по девять сотенъ, а въ Харьковскомъ и Изюмскомъ по восемь сотенъ. Однако подъ словомъ „сотня" не надо понимать число 100 выборныхъ казаковъ. Подъ сотнею понималось, какъ бы уѣздъ, управляемый сотникомъ.

Въ нѣкоторыхъ сотняхъ считалось, напримѣръ, болѣе 2000 выборныхъ казаковъ. Каждый полкъ находился подъ управленіемъ Полковника и членовъ полковой старшины, которые избирались по большинству голосовъ всѣмъ полкомъ и на всю жизнь.

Власть полковника была очень велика. Онъ вѣдалъ не только устройствомъ своего полка, но и имѣлъ право приговора къ наказанію виновныхъ. Онъ могъ также раздавать въ потомственное

владѣніе не занятые участки земли тѣмъ изъ своихъ подчиненныхъ, кого онъ считалъ достойнымъ. Могъ и самъ занимать такія свободныя земли въ свое собственное потомственное владѣніе. Всѣ свои распоряженія полковникъ подтверждалъ особымъ письменнымъ приказомъ - „универсаломъ", за собственноручной подписью съ приложеніемъ своей гербовой печати, которая употреблялась,какъ полковая. Полковникъ имѣлъ въ полку знакъ своей власти - „перначъ" или „шестоперъ" изъ металла, украшенный камнями. Перначъ былъ въ родѣ гетманскаго бунчука - это былъ длинный тонкій шестъ, оканчивавшійся въ верхнемъ концѣ шишкою, изъ которой развѣвались перья. Подобный перначъ хранился, между прочимъ, до послѣдняго времени въ полковомъ музеѣ Сумского гусарскаго полка въ Москвѣ. Этотъ перначъ, какъ и сабля, пистоль, пороховница принадлежали первому по времени полковнику Сумского слободскаго полка, Герасиму Кондратьеву.

Полковую старшину составляли шесть членовъ: полковой обозный, полковой судья, полковой эсаулъ, полковой хорунжій и два полковыхъ писаря.

Полковой обозный, старшій послѣ полковника,былъ начальникомъ пушкарей и всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Во время отсутствія полковника онъ занималъ эту должность, но не имѣлъ власти давать „универсалы". Полковой судья завѣдывалъ гражданскими дѣлами. Полковой эсаулъ былъ помощникомъ полковника по военной части. Полковой хорунжій начальствовалъ хорунжевыми казаками, т.е. „гвардіей" и хранилъ полковое знамя и полковую хоругвь. На хоругви было изображеніе Св.Богородицы или другого святого, почитавшагося покровителемъ полка. На украшеніе хоругви собирались деньги со всего полка и полкъ гордился богатствомъ украшенія своей хоругви.

Полковые писаря были секретарями въ полку: одинъ по военной части, другой по гражданской.

Полковникъ и пять членовъ полковой старшины составляли постоянную полковую раду, то-есть совѣтъ. Каждый на радѣ имѣлъ равный голосъ,кромѣ полковника, который имѣлъ два голоса. Распорядителемъ въ радѣ былъ полковой обозный.Не всегда совѣщанія въ радѣ происходили гладко - не рѣдко дѣло доходило до драки и оканчивалось настоящими битвами между дворянскими семьями, которыя вооружали своихъ людей и не оставляли безъ дѣла свои домашнія пушки.

Сотни управлялись сотниками, которые выбирались полковою старшиною. Кромѣ сотника въ сотнѣ были: вмѣсто судьи, сотенный атаманъ, эсаулъ, писарь и хорунжій. Выборъ ихъ зависѣлъ отъ сотника, который могъ отрѣшить отъ должности, обращая отрѣшенныхъ въ рядовые казаки. Атаманъ и писарь засѣдали въ сотенной ратушѣ, а эсаулъ и хорунжій распоряжались по военной части.

Таково было въ общихъ чертахъ устройство Слободскихъ казачьихъ полковъ, основанное на старыхъ обычаяхъ Поднѣпровья, носившее на себѣ во всемъ отпечатокъ вольнаго казачества.

Эти обычаи имѣли корни не въ письменныхъ законахъ государственной власти, а въ уваженіи старины и въ волѣ частныхъ лицъ. Проявленіе этой воли принадлежало главнымъ образомъ полковникамъ, власть которыхъ, какъ сказано выше, была велика.

Поэтому будетъ не лишнимъ упомянуть здѣсь имена этихъ лицъ, игравшихъ столь значительную роль въ судьбѣ управляемаго ими края.

Ив.Зеньковскій, Мих.Гонтъ, Ив.Сасовъ, Фед.Ив. Куколь, Ив. Тевяшевъ - были полковниками Острогожскаго полка.

Въ Ахтырскомъ полку - Ден.Зиновьевичъ, Никол.Матвѣевичъ, Фед.Сагунъ, Ив.Ив.Перекрестовъ, Фед.Осиповъ и его сынъ Михаилъ, Алексѣй Леонт.Лесевицкій, Иванъ Лесевицкій и два его сына: Константинъ и Юрій. Послѣднимъ Ахтырскимъ полковникомъ былъ Иванъ Боярскій. Въ Сумскомъ полку полковниками были Кондратьевы Герасимъ и его сынъ Андрей, затѣмъ Перекрестовъ-Осиповъ, Дмитрій Кондратьевъ, Мих.Мих.Донецъ-Захаржевскій. Послѣднимъ Сумскимъ полковникомъ былъ Ром.Ром.Романовъ.

Въ Харьковскомъ и Изюмскомъ полкахъ, первоначальныя исторіи которыхъ тѣсно связаны между собою (Изюмскія поселенія временно - до начала 80-хъ годовъ XVII ст. - вошли въ составъ Харьковскаго полка) въ должности полковниковъ выдающуюся роль играла фамилія Донецъ-Захаржевскихъ Донцій (Захаржевски): Григорій Ерофеевичъ и его сыновья: Константинъ, Полк. Изюмскаго полка (убитъ татарами въ 1692 г.) и Федоръ, Полк.Харьковскаго полка. Полковниками были и Шидловскіе - Федоръ Владиміровичъ и его племянникъ Лаврентій Ивановичъ.

Первымъ Харьковскимъ полковникомъ былъ Федоръ Репка, а послѣ Шидловскихъ полковниками были: Прокопій Вас.Куликовскій, Григ.Сем.Квитка, Степ.Ив.Тевяшевъ, послѣднимъ былъ Матв.Прокоп. Куликовскій. Послѣднимъ Изюмскимъ полковникомъ былъ Фед.Роман. Краснокутскій, передъ которымъ былъ Ив.Григ.Квитка, сынъ Харьковскаго полковника. Наказными Изюмскими полковниками были: С. О.Богуславскій, Д.Быстрицкій, Г.К.Горяиновъ, Е.Д.Данилевскій.

Послѣ смерти Богдана Хмѣльницкаго (1657 г.), при которомъ было совершено воссоединеніе Гетманской Украины съ Московскимъ царствомъ, избранный новый гетманъ Иванъ Выговскій сталъ подготовлять разрывъ съ Москвой, договорившись съ поляками объ обратномъ вхожденіи Гетманской Украины въ Польшу. Онъ обнародовалъ „универсалъ", въ которомъ ложно объявлялъ, будто бы русскій царь намѣренъ измѣнить старые казачьи порядки, даже убавить число казаковъ и обратить ихъ въ драгуновъ. Выговскій въ своемъ „универсалѣ" упомянулъ и о слободскихъ полкахъ - Сумскомъ, Харьковскомъ и Ахтырскомъ.

Когда этотъ „универсалъ" дошелъ до Сумскаго полковника Герасима Кондратьева, то этотъ послѣдній въ присутствіи всей полковой старшины, разорвалъ „универсалъ", а посланцу объявилъ, что Выговскій или отъ природы глупъ или одурѣлъ послѣ смерти Хмѣльницкаго. Кондратьевъ велѣлъ сказать Выговскому, что слобожане не гетманцы и считаютъ за безчестье равняться съ ними, если они измѣнятъ Русскому царю и присягѣ, что слободскіе казачьи полки вѣрой и правдой служатъ царю и всегда на томъ останутся.

Это было первое доказательство вѣрноподданства Слободскихъ казачьихъ полковъ, которое въ будущемъ они свято хранили.

Въ 1668 г. царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ быть всѣмъ Слободскимъ полкамъ въ вѣдѣніи Посольскаго приказа, который

былъ въ то время какъ бы министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Этимъ повелѣніемъ Царь хотѣлъ поставить Слободскую Украину на степень отдѣльной провинціи. Желая доказать еще болѣе свою милость къ „слобожанамъ", онъ внялъ просьбамъ ихъ полковниковъ о льготахъ въ вопросѣ податей на промыслы. Просьба была уважена и царь не только освободилъ ихъ отъ платежа, но даже повелѣлъ возвратить имъ тѣ деньги, которыя были заплачены ими прежде.

По этому поводу, а также за новую вѣрность царю во время волненія, поднятаго Брюховецкимъ, Сумскій, Харьковскій и Ахтырскіе полки въ маѣ 1669 года получили грамоты. Въ 1670 году подобную грамоту получилъ Острогожскій полкъ, а 17 февраля 1682 года льготную грамоту получилъ Полковникъ Харьковскаго полка Григорій Ерофѣ. Донецъ отъ царя Федора Алексѣевича, въ которой опредѣлялись льготы поселенцамъ вновь заселенныхъ земель Изюмскаго слободского полка.

Выше было сказано, что первыя значительныя переселенія „черкасъ" изъ Правобережной Украины въ земли Московскаго царства произошли въ періодѣ 1651-1658 г.г. Но на этомъ движеніе переселенцевъ не прекратилось. Напротивъ, благодаря мудрой политикѣ Московскаго царства оно усилилось. Движеніе „черкасъ" возобновилось въ началѣ 60-хъ годовъ XVII ст. при гетманѣ Юріи Хмѣльницкомъ и достигло наибольшихъ размѣровъ въ эпоху „руины", т.е. въ гетманства Брюховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича (1668-1687 г.г.). Новые эмигранты вливались въ одинъ изъ пяти полковъ, къ этому времени уже являвшимися и въ военномъ и въ гражданскомъ отношеніи организмами крѣпко спаянными крѣпкой казачьей спайкой. Москва въ роли колонизатора медленно и вѣрно продвигалась на югъ въ искони русскія земли.

Но не надо забывать, что продвиженіе это не происходило въ условіяхъ мирныхъ. Слободскимъ казакамъ съ самаго ранняго совего прибытія на новыя мѣста пришлось вести упорную и долгую борьбу со своими неспокойными сосѣдями - татарами Крымскими и Азовскими, съ ногайцами, а иногда и съ запорожскими казаками.

Въ 1668 году Азовскіе татары напали на казачьи поселенія. Гр. Еф. Захаржевскій, сотникъ Харьковскаго полка, разбилъ Азовскаго мурзу съ ордою подъ Зміевымъ.

Когда впослѣдствіи Захаржевскій былъ выбранъ полковникомъ Харьковскаго полка, то въ этой должности онъ обнаружилъ не только свои природныя военныя способности, но и умѣніе быть умнымъ администраторомъ и военнымъ инженеромъ. По его почину, на протяженіи почти 200 верстъ, по берегу Донца въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ были построены укрѣпленія. Имъ же былъ построенъ въ 1675 году на протяженіи почти 100 верстъ валъ у Перекопа, до того шедшій только на 7 верстъ. Онъ же укрѣпилъ, сильной по тогдашнему времени крѣпостью, городъ Изюмъ, лежавшій на дорогѣ Крымскихъ татаръ во время ихъ набѣговъ на русскія поселенія.

Въ 1672 году, когда турки брали Каменецъ, слободскіе полки все лѣто простояли въ тревогѣ подъ Калантаевымъ, и, когда показалась турецкая орда, разбили ее подъ Марефою, взявъ въ плѣнъ мурзу. Всю слѣдующую зиму въ тревогѣ былъ Ахтырскій полкъ, ожидая нападенія татаръ.

Въ 1680 году татары перешли Донецъ, но были отбиты каза-

ками. Татары повернули на Золочевъ, „города, села пожгли и людей въ полонъ побрали и животинныя всякія стада отогнали". Подъ Золочевымъ же татары были разбиты слободскими казаками. Татары вновь напали на поселенія на этотъ разъ Ахтырскаго полка, но вновь были отбиты.

Если до сихъ поръ слободскіе полки ведутъ оборонительную войну противъ татаръ, защищая свои домашніе очаги, то въ 1687 г. они выступаютъ уже въ походъ въ рядахъ Московскаго войска подъ начальствомъ кн. Голицына въ Крымъ.

Однако въ этотъ походъ они выступаютъ не всѣ, но лишь часть ихъ, такъ какъ надо было оставить вооруженную силу на границахъ своихъ полковыхъ поселеній на случай нападенія татаръ. По отходѣ кн. Голицына отъ Перекопа, Крымскіе татары въ союзѣ съ Азовскою ордою жгли и грабили поселенія Харьковскаго и Изюмскаго полковъ, но подъ Андреевкой были разбиты казаками.

Во второй Крымскій походъ (1689 г.) слободскіе полки стояли у Царь-Борисова и у Водолагъ и были подчинены боярину Б. П. Шереметеву, который предписывалъ имъ: въ стѣны за крѣпости посылать не велѣно, а стоять въ указанныхъ мѣстахъ „съ великою осторожностью и опасеніемъ" и слѣдить, „чтобы непріятели Муравскимъ шляхомъ и иными мѣстами не пришли и разоренія надъ городами и въ людѣхъ въ полкахъ не учинили". Азовскіе татары и ногайцы тщетно дѣлали нападенія, во время которыхъ особенно пострадали селенія Изюмскаго полка.

Въ 1693 г. Нураддинъ-Султанъ съ 15.000 татаръ и отрядомъ янычаръ опустошилъ области Харьковскаго полка. Полковникъ этого полка Фед. Григ. Донецъ-Захаржевскій наскоро собралъ своихъ слободскихъ, разбилъ Нураддина, захватилъ 14 „важныхъ ногайцевъ". Цари Іоаннъ и Петръ прислали ему похвальную грамоту, а полку пожаловали двѣ пушки.

Въ 1694 г. слободскіе полки вновь поступили въ армію Б.П. Шереметева, которая должна была отвлекать вниманіе татаръ отъ Азова, осажденнаго воеводой Шеиннымъ. На походѣ у р. Міуса было получено извѣстіе, что татары напали на поселенія Ахтырскаго, Харьковскаго и Изюмскаго полковъ. Отряды слободскихъ полковъ быстро двинулись домой, отогнали татаръ и отбили у нихъ все награбленное.

Въ слѣдующемъ году слободскіе казаки участвуютъ въ покореніи Кизи-Керменя, а въ 1697 г. - новое нападеніе татаръ и снова казаки отражаютъ орду.

Въ 1698 году сражаются у Перекопа.

Въ 1700 году царь Петръ дѣлаетъ первыя преобразованія въ слободскихъ казачьихъ полкахъ, имѣя цѣлью ввести въ нихъ „регулярство". Грамотою отъ 28 февраля, „Для лучшего порядка въ войскѣ" было установлено число рядовыхъ казаковъ (800 ч. конныхъ) въ каждомъ полку, „достальнымъ" же казакамъ вмѣнено было „править подмоги съ тѣмъ чтобы выборные казаки ихъ подмогой были конны, вооруженны и въ походахъ запасами удовольствованы и скудности имъ никакой не было". Полковники и полковая старшина были утверждены въ чинахъ.

Вскорѣ послѣ этого слободскіе полки вошли въ составъ „Украинской дивизіи" и осенью 1700 года выступили въ походъ къ Нарвѣ. На границѣ Лифляндіи вели они партизанскую войну и уча..

ствовали въ нападеніи и взятіи шведскихъ кантониръ-квартиръ у Ряпиной мызы на р.Выбовкѣ;за отличіе получили денежную награду. Затѣмъ отличились слобожане въ сраженіи при Эрестферѣ, у Гумилевой мызы и у Гутельсгофа.

У Шидловскихъ, потомковъ одного изъ полковниковъ, сражавшихся подъ Дерптомъ и Эмбахомъ, хранился мѣдный вызолоченный цилиндръ, составлявшій вѣроятно украшеніе или набалдашникъ для трости. По всему цилиндру была вырѣзана надпись смѣсью почерковъ славянскаго и русскаго: „1702. Сей знакъ данъ визирскій полкъ столнику и полковнику Изюмскому Феодору Володимеровичу Шидловскому за знатную над - шведскимъ генераломъ Шлихим-бахомъ побѣду".

Въ концѣ 1702 года слободскіе полки вернулись домой, а въ слѣдующемъ году было повелѣно прибавить въ составъ полковъ по 500 чел. служащихъ казаковъ. Въ 1706 г. были отмѣнены русскіе воеводы, находившіеся до тѣхъ поръ въ полковыхъ городахъ Слободской Украины. Въ 1708 году слободскіе полки, оставаясь вѣрными Россіи, отправились въ Астраханскій походъ усмирять бунтъ Ивана Булавина. Часть этихъ полковъ оставалась въ арміи и приняла участіе въ сраженіи со шведами при Лѣсной.

Въ ноябрѣ того же года царь Петръ посѣтилъ нѣкоторые полковые города, а въ декабрѣ прислалъ грамоту съ увѣщаніемъ дѣйствовать „твердо и усердно" противъ враговъ Россіи - шведовъ и не слушать обольстительныхъ словъ Мазепы.Шведы были на Украинѣ. По приказанію царя Петра слобожане поспѣшно заготовляютъ лѣсъ для укрѣпленія своихъ полковыхъ городовъ, собираютъ провіантъ и фуражъ. Полкамъ вслѣдъ за тѣмъ было велѣно,какъ можно скорѣе выступить въ походъ, такъ какъ выяснилось намѣреніе Карла XII овладѣть Мурафскимъ шляхомъ, и Слободскіе полки участвуютъ въ сраженіяхъ подъ Веприкомъ и Спотнею.

2-го іюня 1709 г. царь Петръ на пути изъ Азова къ Полтавѣ остановился въ Харьковѣ и осматривалъ укрѣпленія.

Въ сраженіи подъ Полтавою участвовали и слобожане.

Послѣ смерти Мазепы, Орликъ, избранный гетманомъ, продолжалъ дѣло Мазепы, стараясь повліять на слободскихъ казаковъ, чтобы тѣ отдѣлились отъ русскаго царя. Онъ разсылалъ своихъ агентовъ съ „письмами лестными", побуждая слобожанъ къ бунту и измѣнѣ.

Въ то же самое время Орликъ вступилъ съ Крымскимъ ханомъ въ договоръ, по которому было рѣшено: „если обыватели Московскихъ слободъ,переведенныхъ изъ Украины,откажутся отъ союза съ нами и станутъ упорствовать - тогда надобно поступить съ ними, какъ съ врагами...", а если встрѣтится препятствіе къ занятію Московскихъ слободъ и къ соединенію ихъ съ Украиною „тогда надобно принудить ихъ силою къ тому, чтобы вышли изъ слободъ и поселились на правомъ берегу Днѣпра".

Но слободскіе казаки,несмотря ни на увѣщанія,ни на угрозы, остались и на этотъ разъ вѣрными царю. Тогда Орликъ вызвалъ хана и запорожцевъ.Въ 1710 г.50-тысячная татарская орда опустошила поселенія Ахтырскаго,Харьковскаго и Изюмскаго полковъ. Въ теченіе и двухъ послѣдующихъ лѣтъ крымцы и запорожцы разоряли слободскія полковыя поселенія, брали въ плѣнъ жителей, грабили все, что могли.

Въ 1725 году Императрица Екатерина I указала собрать изъ малороссійскихъ казаковъ 2 тысячи рядовыхъ съ ихъ старшинами и тысячу изъ слободскихъ полковъ и отправить ихъ въ корпусъ, стоявшій на границѣ Персіи.

Слободскими казаками начальствовалъ Харьковскій полковникъ Г.С.Квитка. Они приняли участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Дагестанскихъ татаръ и разрушили гор. Тарки. Въ этомъ походѣ, продолжавшемся болѣе двухъ лѣтъ, казаки понесли большія потери, и домой полковникъ Квитка „вернулся съ немногими".

Въ 1726 г. слободскіе казачьи полки перешли въ вѣдомство Государственной военной коллегіи, послѣ чего въ этихъ полкахъ были образованы регулярныя роты.

При Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ былъ впервые установленъ на полковыхъ знаменахъ и печатяхъ слободскихъ полковъ Россійскій государственный гербъ и велѣно имѣть свою полковую артилерію.

Польскій походъ 1733-1735 г.г. не былъ такъ изнурителенъ, какъ походъ въ Персію, и дѣятельность слободскихъ казаковъ ограничилась лишь развѣдывательной службою. Едва казаки вернулись домой, какъ открылись новыя военныя дѣйствія - войны съ Турціей.

Въ апрѣлѣ 1736 г. выступили части слободскихъ полковъ къ Перекопу. Часть же ихъ оставалась на полковыхъ территоріяхъ на случай нападеній татаръ. 14 мая былъ взятъ штурмомъ Перекопъ, гдѣ особенно отличились слободскіе казаки, когда штурмуя укрѣпленія, они взбирались на валы ихъ съ помощью своихъ пикъ.

Въ іюнѣ 1737 г. слободскіе казаки приняли участіе въ осадѣ и взятіи Очакова, въ которомъ потомъ были оставлены въ гарнизонѣ этой крѣпости.

Годы 1736-37 были особенно тревожными для поселеній Изюмскаго полка, когда этимъ поселеніямъ, наиболѣе близкимъ къ татарской границѣ, были нанесены страшныя опустошенія. Въ 1738 году часть слободскихъ казаковъ участвуетъ въ рядѣ боевыхъ дѣлъ съ Турками, однимъ изъ которыхъ было, между прочимъ, лихое дѣло Ахтырцевъ съ отборными всадниками Исламъ Гирея.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Семилѣтнюю войну, слободскіе казачьи полки, вслѣдствіе указа военной коллегіи, вошли въ составъ дѣйствующей арміи и прибыли въ Ковно за нѣсколько дней до выступленія арміи въ походъ. Командовалъ всѣми слободскими полками въ это время бригадиръ Вас.Петровичъ Капнистъ.I)

19-го августа въ сраженіи при Егерсдорфѣ Слободскіе полки вмѣстѣ съ Донскими казаками стояли на нашемъ лѣвомъ флангѣ, когда прусская кавалерія атаковала ихъ. Бригадиръ Капнистъ кинулся со слобожанами навстрѣчу ей. Но несмотря на всю стремительность атаки, не имѣвшіе понятія о регулярномъ строѣ, слобожане были смяты прусскими кирасирами и обращены въ бѣгство.

Слободскіе полки защищались храбро. Ихъ командиръ Капнистъ, окруженный нѣсколькими десятками преданныхъ ему казаковъ, рубился съ ожесточеніемъ, пока ударъ по головѣ прусскаго палаша не повергъ его мертвымъ на землю. Однако, когда, увлекшаяся своимъ успѣхомъ, прусская кавалерія попала подъ нашъ жестокій

I) Онъ началъ службу въ Изюмскомъ слободскомъ полку. Отецъ извѣстнаго писателя Вас. Вас. Капниста.

огонь и повернула назадъ, слобожане бросились ее преслѣдовать и,отрѣзавъ одинъ эскадронъ,изрубили его до послѣдняго человѣка. По окончаніи сраженія слободскіе полковники и старшины нашли среди убитыхъ своего начальника бриг. Капниста. Они похоронили его, снявъ съ него саблю, часы,а съ убитаго коня чепракъ. Всѣ эти вещи хранились впослѣдствіи у потомковъ Капниста.

По возвращеніи арміи въ Россію, слободскіе полки были отпущены домой,куда и прибыли къ концу года.Но вернулись домой они „едва не всѣ пѣшіе", большая половина лошадей „пропала безплодно" отъ недостатка корма, „другія брошены отъ устали". Много самыхъ лучшихъ лошадей было взято въ армію, съ платомъ по полтора рубля за лошадь.

Слободскимъ полкамъ было повелѣно готовиться къ новому походу въ Пруссію.Было предписано немедленно полки снабдить лошадьми и всѣмъ нужнымъ для похода.Едва слобожане экипировались, какъ послѣдовалъ приказъ отдать часть лошадей въ распоряженіе Арміи для формированія новыхъ конныхъ регулярныхъ частей и въ дальнѣйшихъ походахъ въ Пруссію слобожане уже не участвовали.

Еще въ 1763 году послѣдовалъ указъ объ образованіи изъ территоріи слободскихъ казачьихъ полковъ Слободско-Украинской губерніи. Въ полковые города изъ Петербурга прибыла особая военная комиссія, которая на мѣстѣ изслѣдовала всѣ вопросы, касавшіеся этой реформы.3 марта 1765 г.докладъ этой комиссіи, съ проэктомъ реформы былъ утвержденъ Императрицей Екатериной II-й и было рѣшено изъ пяти слободскихъ казачьихъ полковъ сформировать пять полевыхъ гусарскихъ. Были составлены особые штаты о комплектованіи и содержаніи этихъ полковъ.

3 мая того же года премьеръ-маіоромъ Л.Гв. Измайловскаго полка Щербининымъ, который былъ предназначенъ на должность губернатора новой Слободско-Украинской губерніи, слободскіе полки были переформированы въ гусарскіе.

Полевые гусарскіе полки состояли изъ 16-ти ротъ или 8-ми эскадроновъ, кромѣ двухъ запасныхъ. Гусары были вооружены саблей, карабиномъ и паромъ пистолетовъ. Цвѣта доломановъ для слободскихъ казачьихъ полковъ: Харьковскій - желтый, Сумскій - свѣтло синій, Ахтырскій - зеленый, Изюмскій - красный и Острогожскій - красно-оранжевый.

А изъ помѣщичьихъ крестьянъ,жившихъ на территоріи бывшихъ слободскихъ полковъ, былъ сформированъ Украинскій гусарскій полкъ,имѣвшій доломаны малиноваго цвѣта. Служба въ этихъ шести полкахъ длилась 15 лѣтъ.

Въ полковыхъ городахъ вводилось русское гражданское управленіе. Что же касалось до полковыхъ слободскихъ мѣстечекъ, „которыя донынѣ назывались казачьими, а жители казаками", то, „въ разсужденіи того,что уже казачья служба переформирована на другое регулярное основаніе, почему и казачьяго названія быть не приличнo"... было повелѣно „именовать тѣ селенія государственными войсковыми слободами".

28 іюля 1765-го года послѣдовалъ Высочайшій манифестъ объ окончательномъ учрежденіи въ слободскихъ полкахъ „приличнаго гражданскаго устройства". Въ этомъ манифестѣ было, между прочимъ, сказано:

„Промышляя во всѣхъ случаяхъ о пользѣ Государства... не могли Мы, между прочимъ, оставить безъ примѣчанія и Слободскіе полки. Съ великимъ сожалѣніемъ усмотрѣли Мы ..... о вкоренившихся тамъ многихъ неустройствъ смѣшаннаго правленія воинскаго съ гражданскимъ, о тягостномъ содержаніи и безполезности тамошней казачьей службы..." „Мы заннужно разсудили прежнюю оныхъ Слободскихъ полковъ напрочную службу превратить, на основаніи прочихъ благоустроенныхъ войскъ нашихъ - въ лучшую и Государству полезнѣйшую; въ правленіи же гражданскомъ на равномъ другихъ губерній положеніи, но безъ нарушенія указами неотличныхъ привилегій, учредить надлежащіе порядки".

Одновременно съ этимъ манифестомъ было указано сдѣлать Харьковъ губернскимъ городомъ, а уѣздными Ахтырку, Сумы, Острогожскъ и Изюмъ. Такимъ образомъ Слободская Украина стала губерніей по примѣру прочихъ Россійскихъ губерній.

При переформированіи слободскихъ полковъ въ гусарскіе, эти послѣдніе были укомплектованы изъ существовавшихъ въ то время гусарскихъ полковъ, личный составъ которыхъ состоялъ по преимуществу изъ выходцевъ южно-славянскихъ странъ и другихъ „инородцевъ". Просматривая списки штабъ-офицеровъ на 1768 годъ мы находимъ въ спискахъ бывшихъ слобдскихъ казачьихъ полковъ уже рядъ южно-славянскихъ фамилій: Пищевичъ, Витковичъ (въ Ахтырскомъ полку), Хорватъ, Данулъ, Волевичъ (въ Харьковскомъ), Депрѣ-радовичъ (въ Изюмскомъ).

Первымъ командиромъ Ахтырскаго гусарскаго полка былъ бригадиръ Ив.Мих.Подгоричани (1), Изюмскаго полка Макс. Федоров. Зоричъ, Харьковскаго - Никол. Чорба, Острогожскаго - Іосифъ Сатинъ и Сумского - Петръ Ломовъ, котораго вскорѣ смѣнилъ Абрамъ Лопухинъ.

Всѣ эти полки вошли въ Украинскую армію графа Румянцева. Въ февралѣ 1767 г. Ахтырскій полкъ выступилъ въ юго-западный край, гдѣ открылись военныя дѣйствія противъ польскихъ конфедератовъ. Здѣсь Ахтырскіе гусары разбили при Липитинѣ 4-хъ тысячный отрядъ конфедератовъ и взяли 4 пушки. Въ маѣ того же года участвовали въ разбитіи отряда Пулавскаго и захватили 8 орудій.

Въ іюнѣ 1770 года гусарскіе полки Острогожскій, Сумскій, Харьковскій, Ахтырскій и Изюмскій въ составѣ дѣйствующей арміи перешли Бугъ и вступили въ непріятельскую землю.

Въ эту, такъ называемую 1-ую Турецкую войну имъ пришлось принять участіе въ рядѣ дѣлъ. 17 іюня у Рябой Могилы (Острогожскій и Ахтырскій), 7 іюля - у Ларги (Харьковскій полкъ), а 21 іюля въ корпусѣ Боура - при Кагулѣ (Острогожскій, Харьковскій и 2 эскадрона Ахтырскаго).

Въ 1771-мъ году Ахтырцы имѣли славное дѣло подъ Журжею и у укрѣпленнаго Аржиского монастыря, который самостоятельно атаковали и захватили. Въ декабрѣ Ахтырцы разстались со своимъ командиромъ Подгоричани, котораго смѣнилъ храбрый Семенъ Пищевичъ (2).

---

(1) Бывшій лишь „по нуждѣ грамотный"

(2) Авторъ интереснѣйшихъ записокъ „Извѣстіе о похожденіи Симеона Степанова сина Пищевича".

Въ іюнѣ 1773 года - Острогожскій и Харьковскій полки въ составѣ арміи переправились черезъ Дунай и приняли участіе въ занятіи турецкаго укрѣпленнаго лагеря у Гуробалъ. Въ жестокомъ бою у с. Кайнарджи, въ іюлѣ 1773 года, когда былъ убитъ храбрый ген. Вейсманъ, приняли участіе Харьковскіе гусары. Затѣмъ они находились въ дѣлахъ подъ Варной, а въ 1774 году у Силистріи и тревожили турокъ на ихъ путяхъ изъ Шумлы на Константинополь.

Что же касается до Изюмскаго полка, то этотъ полкъ былъ взятъ изъ арміи, дѣйствующей противъ турокъ, и двинутъ на Волгу, въ войска противъ Пугачева. Здѣсь Изюмцы, подъ начальствомъ своего командира Григ. Ив. Хорвата, участвовали при взятіи Оренбурга и крѣпости Татищевой.

Сумскій полкъ въ концѣ этой войны находился въ такъ называемомъ охранительномъ отрядѣ гр. Румянцева съ которымъ онъ прибылъ въ іюлѣ 1774 г. въ сел. Кайнарджи, гдѣ былъ подписанъ миръ объ окончаніи войны. А въ 1775 г. Сумскій полкъ былъ за отличіе назначенъ въ Москву на торжества.

Въ маѣ того же года „погусаренные" слобожане принимаютъ участіе въ уничтоженіи Запорожской Сѣчи.

Въ 1777 году во время волненій среди татаръ въ Крыму (при ханѣ Шагинъ-Гиреѣ), въ жестокомъ бою у Салгира, 17-го октября, палъ смертельно раненный командиръ Харьковскихъ гусаръ полковникъ Любимовъ, тогда же былъ раненъ и командиръ Сумскихъ гусаръ полк. Дунинъ.

Въ 1778 году - Острогожцы, Сумцы, Харьковцы, Изюмцы и Ахтырцы несли кордонную службу по Днѣпровской линіи у Шагинъ-Гирейскаго ретраншамента, а въ маѣ того же года поступили въ корпусъ ген. л. Текели, расположенный на правомъ берегу Днѣпра, кромѣ 3-хъ эскадроновъ Ахтырскаго полка, которые были введены Суворовымъ въ Крымъ (у Сарабуза на р. Салгирѣ). Въ 1783 году эти полки были приведены въ 6-ти эскадронный составъ и наименованы гусарскими полками Украинской конницы, а 26 февраля 1784 г., въ связи съ реформами Потемкина, они были обращены въ легко-конные. Для пріохоченія солдатъ къ службѣ въ конницѣ былъ сокращенъ срокъ ея въ сравненіи съ пѣхотой, 10-ю годами. Но впослѣдствіи срокъ службы и въ кавалеріи былъ продленъ до 15 лѣтъ. Прослужившіе же лишнее время давали въ награду медали: за 3 года серебряныя, а за 5 лѣтъ золотыя.

По спискамъ штабъ-офицеровъ на 1784 годъ командиромъ Харьковскаго легко-коннаго полка показанъ полк. Ив. Неплюевъ, Ахтырскаго - кн. Степ. Куракинъ, Острогожскаго - полк. Петръ Жеребцовъ. Въ Изюмскомъ полку старшимъ штабъ-офицеромъ показанъ - бригадиръ кн. Николай Ратіевъ, а въ Сумскомъ полку - подполковникъ Василій Ланской.

Во 2-й Турецкой войнѣ (1787-1791 г.г.) легко-конные полки состояли главнымъ образомъ въ, такъ называемой, Екатеринославской арміи, которая въ маѣ 1788 года собралась у Ольвіополя, и пять бывшихъ слободскихъ полковъ участвуютъ въ осадѣ, а затѣмъ и взятіи Очакова.

Въ 1789 году начальство надъ арміями (соединенныя арміи на югѣ) приняль кн. Потемкинъ; полки Сумскій, Харьковскій и Изюмскій состояли въ 1-й дивизіи этой арміи (главная квартира въ Елиза-

ветградѣ), Ахтырскій и Острогожскій полки - въ дивизіи Гудовича (главная квартира въ Кинбурнѣ). Въ концѣ іюля Сумскій полкъ былъ направленъ въ авангарды главныхъ силъ къ Пруту, туда же осенью подошли Острогожскій, Харьковскій и Ахтырскій полки, которые приняли участіе въ осадѣ кр. Килія. Изюмскій же полкъ состоялъ въ корпусѣ, осаждавшемъ Бендеры.

Въ томъ же - 1789-мъ - году Харьковскій легко-конный полкъ былъ переформированъ въ конно-егерскій. Къ Харьковскому полку было повелѣно присоединить и Ахтырскій легко-конный полкъ, такъ что временно Ахтырскій полкъ утратилъ свое историческое имя, но въ дѣйствительности онъ не слился съ Харьковскимъ полкомъ, такъ какъ находился въ то время въ отдѣлѣ.

Въ январѣ 1792 года Харьковскій конно-егерскій полкъ сталъ снова легко-конным и было возстановлено самостоятельное существованіе Ахтырскаго легко-коннаго полка.

Сумскій легко-конный полкъ тоже былъ одно время присоединенъ къ Переяславскому конно-егерскому полку, но потомъ отдѣленъ отъ послѣдняго и вновь принялъ имя Сумского полка.

При взятіи Измаила (II декабря 1790 года) приняли участіе Изюмцы.

По окончаніи войны съ Турціей полки, бывшіе слободскіе казаки, отправляются въ новый походъ - въ Польшу, гдѣ открылись военныя дѣйствія. Здѣсь они участвуютъ въ рядѣ дѣлъ: подъ Дубенкою, подъ Скальмержанами, Щекоцинымъ (Ахтырцы).

Во время возстанія въ Варшавѣ въ апрѣлѣ 1794 года, когда поляками былъ почти на половину истребленъ русскій гарнизонъ, расположенный въ разныхъ мѣстахъ города, въ составѣ этого гарнизона находился и Харьковскій легко-конный полкъ. Онъ понесъ большія потери убитыми и ранеными, но все же пробился и присоединился къ прусскому отряду у Ловича. Среди другихъ былъ раненъ и скончался отъ ранъ премьеръ-маіоръ этого полка Булацель. 29-го сентября того же года, въ сраженіи подъ Маціевицами, корнетъ Харьковскаго легко-коннаго полка Лысенко захватилъ въ плѣнъ Косцюшку; съ Лысенко были корнетъ Ахтырскаго полка Пономаревъ, Елизаветградскаго легко-коннаго полка корнетъ Сиоротцкій и два казака изъ конвоя ген. поручика Ферзена Ефимъ Лосевъ и Федоръ Тапилинъ.

Корнетъ Лысенко долженъ былъ сопровождать плѣннаго Косцюшку въ Петербургъ, но когда до Императрицы Екатерины дошло извѣстіе, что со сдавшимся въ плѣнъ Косцюшко Лысенко поступилъ нѣсколько грубо, то послѣдній былъ отданъ подъ судъ, и корнету Лысенко грозило разжалованіе въ рядовые.

Впослѣдствіи онъ былъ прощенъ и продолжалъ службу въ Харьковскомъ полку (I).

Въ эту же войну Харьковскаго полка поручикъ Пастуховскій взялъ въ плѣнъ польскаго генерала Сѣраковскаго.

Въ Польскую кампанію Изюмскій полкъ участвовалъ въ дѣлахъ у Мира и Свислочи. Интересно отмѣтить, что въ Изюмскомъ полку въ этотъ періодъ служилъ въ чинѣ секундъ-маіора будущій фельдмар-

(I) Въ музеѣ 4-го уланскаго Харьковскаго полка находился портретъ корнета Лысенко, подлинный указъ объ отставкѣ въ чинѣ ротмистра, а также образъ-складень, бывшій на груди Лысенко при взятіи имъ въ плѣнъ Косцюшки.

палъ князь Барклай-де-Толли, а командовалъ Изюмцами (съ 1785 по 1794) будущій герой Отечественной войны гр. Беннигсенъ.

Легко-конные полки участвуютъ затѣмъ (преимущественно въ пѣшемъ строю) во взятіи Суворовымъ Варшавы. Въ память этого событія Харьковскій уланскій и Ахтырскій гусарскій полки имѣютъ полковой нагрудный знакъ, имѣющій форму золотого знака отличія за взятіе Праги.

При Императорѣ Павлѣ I-мъ легко-конные полки были переформированы. Харьковскій полкъ сталъ кирасирскимъ (колетъ палевый, а потомъ бѣлый, воротникъ, обшлага, погоны - черные; приборъ серебряный) и принялъ имя по своему шефу (кирасирскій ген. м-ра Заплатина, затѣмъ ген.-м-ра кн. Романовскаго - Лодыженскаго и наконецъ - ген. м-ра Козенса). Сумскій - переформированъ въ гусарскій (ген.-м-ра Лыкошина, Ген.-м-ра Головина, ген.л-та Кологривова, полк. Глѣбова, ген.л-та Зубова и наконецъ въ 1801 году ген.-м-ра гр.Палена 3-го). Въ 1797 г. эскадроны Сумцевъ стояли въ Тулѣ, Богородскѣ, Вѣневѣ, Алексинѣ и Крапивнѣ.

Изюмскій полкъ также сталъ гусарскимъ полкомъ (гусарскій ген. л-та Зорича, ген.-м-ра Анненкова, ген.-м-ра Трегубова, ген. м-ра Ключаревскаго, ген.-м-ра Бобыря, ген.м-ра гр.Палена 2-го). Гусарскимъ сталъ и Ахтырскій полкъ (шефы - бригадиръ Линхернъ, а затѣмъ полк. Борчуговъ).

Цвѣта слободскихъ казачьихъ полковъ въ новой формѣ обмундированія сохранили Сумцы и Изюмцы, „лентіи" которыя были у первыхъ голубыя, а у вторыхъ красныя. Въ Ахтырскомъ же полку вмѣсто слободского зеленаго цвѣта - „лентія" была установлена коричневая.

Ахтырцы въ это время имѣли квартиры въ Калугѣ, Боровскѣ, Перешиплѣ, Козельскѣ, Мединѣ и Таруссѣ.

Самый же старый изъ слободскихъ казачьихъ полковъ Острогожскій былъ расформированъ и присоединенъ къ Павлоградскому гусарскому полку.

Въ 1799 г. Сумскій гусарскій полкъ отправился въ походъ въ Швейцарію, въ армію Римскаго-Корсакова и участвовалъ въ сраженіи у Цюриха.

Въ началѣ царствованія Императора Александра I-го названіе полковъ по фамиліямъ шефовъ было отмѣнено и полки вновь приняли свои историческія имена. Харьковскій полкъ въ 1801-мъ году изъ кирасирскаго былъ переименованъ въ драгунскій (цвѣтъ воротниковъ, обшлаговъ, погоновъ и вальтраповъ - оранжевый).

Наступаетъ періодъ войнъ съ Наполеономъ. Въ первую войну - 1805 года - Харьковскій драгунскій участвуетъ въ Аустерлицкой битвѣ, дѣйствуя у Працена въ корпусѣ ген.ад. Уварова; Изюмскій гусарскій полкъ въ эту войну находился въ корпусѣ гр. Толстого, который былъ направленъ моремъ изъ Кронштадта въ Шведскую Померанію, для совмѣстныхъ дѣйствій съ англичанами и шведами.

Во время второй войны съ Наполеономъ (1806 - 1807 г.г.) Ахтырскій и Харьковскій полки состояли въ корпусѣ ген. Эссена и большого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ имъ принять не пришлось. Что же касается до полковъ Сумского и Изюмскаго, то эти полки, состоя въ корпусѣ Беннигсена, участвуютъ почти во всѣхъ значительныхъ дѣлахъ этой кампаніи.

11-го декабря 1806-го года у Сохочина отличается Изюмскаго полка поручикъ Глусковъ, атаковавшій своимъ эскадрономъ французовъ. Въ тотъ же день поручикъ Глусковъ, находясь впереди своего эскадрона, увидѣлъ французскаго полковника, бывшаго также впереди своей конницы. Глусковъ стрѣлою понесся на него и изрубилъ его. О его подвигѣ упомянуто даже въ Наполеоновскомъ бюллетенѣ, только тамъ ошибочно сказано, что не офицеръ, а „русскій уланъ" изрубилъ полковника.

Въ бою у Чарнова два эскадрона Изюмцевъ вновь врубаются въ ряды французовъ.

При нашемъ отходѣ къ Пултуску, Сумскій полкъ былъ отрѣзанъ вмѣстѣ съ другой конницей отъ арміи и ему пришлось долго блуждать разными дорогами, чтобы соединиться съ арміей. Съ успѣхомъ они участвуютъ въ дѣлѣ у Голимина. У Цѣханова французы напали на нашъ аріергардъ. Три эскадрона Сумцевъ, подъ начальствомъ маіора Потапова (впослѣдствіи генералъ-отъ-кавалеріи), который въ этомъ дѣлѣ получилъ три сабельныхъ удара въ лицо и одинъ въ плечо, съ успѣхомъ отражали атаки.

13-го января 1807-го г. шесть эскадроновъ Сумскихъ гусаръ, подъ командою гр. Палена, ворвались въ Морунгенъ, гдѣ захватили весь корпусный обозъ Бернадота, взявъ въ плѣнъ 10 офицеровъ и 350 рядовыхъ. Продвинувшись затѣмъ впередъ, гр. Паленъ съ Сумцами наткнулся на авангардъ корпуса Бернадота, возвращавшійся въ Морунгенъ. Отославъ плѣнныхъ въ тылъ, Паленъ отошелъ назадъ, оставивъ лейбъ эскадронъ Сумцевъ для наблюденія. Ночью этотъ эскадронъ зашелъ слишкомъ далеко и былъ окруженъ французами, но прорубился и присоединился къ русскому отряду. Но лейбъ-эскадронъ лишился своего командира барона Крейца (впослѣдствіи графъ и генералъ-отъ-кавалеріи). Послѣ геройской защиты, изрубленный онъ остался въ рукахъ французовъ.

14-го декабря у Пултуска Дороховъ - шефъ Изюмскаго полка - со своими гусарами участвуетъ въ нашей атакѣ корпуса Ланна, а затѣмъ въ январѣ 1807-го - у Янкова и у Гофа. При Гофѣ храбрый Дороховъ былъ сильно контуженъ ядромъ. Покидая Изюмскій полкъ, онъ приказалъ старшему штабъ-офицеру помнить его всегдашнее наставленіе: „до сраженія беречь полкъ, какъ невѣсту, а когда загорится бой - не щадить ни людей, ни лошадей".

При Гофѣ же, когда французскіе кирасиры прорвали ряды Костромского пѣхотнаго полка и пытались захватить знамя этого полка, скакавшій вблизи Изюмскаго гусарскаго полка юнкеръ Томиловскій выхватилъ знамя у подпрапорщика и спасъ знамя.

26 января, наканунѣ сраженія у Прейсишъ-Эйлау, въ жаркомъ дѣлѣ былъ раненъ въ правую руку съ переломомъ кости Барклай-де-Толли. Изъ жестокаго огня его вывезъ на своемъ конѣ унтеръ-офицеръ Изюмскаго полка Сергѣй Дудниковъ.

Въ самый день сраженія у Прейсишъ-Эйлау Изюмцы вновь принимаютъ самое дѣятельное участіе и совершаютъ новые блестящіе подвиги.

Эта война дала Изюмцамъ 17 георгіевскихъ трубъ съ надписью: „Изюмскому полку за оказанную храбрость въ 1807 году противъ французовъ". Въ память этой войны полковой нагрудный знакъ Изюмскаго полка имѣетъ форму золотого знака отличія за Прейсишъ-Эйлау.

Передъ отечественной войной командирами полковъ были (въ 1810 году): Харьковскаго - полк. Юзефовичъ, Сумского - полковн. Конгіеловъ, Изюмскаго - гр.Толстой и Ахтырскаго - кн. Жеваховъ, котораго потомъ смѣнилъ кн. Васильчиковъ.

Участіе Харьковцевъ, Сумцевъ, Изюмцевъ и Ахтырцевъ въ Отечественной войнѣ и въ походахъ 1813 - 1814 г.г. по обилію боевыхъ дѣлъ и по числу боевыхъ наградъ составляетъ блестящія страницы ихъ полковыхъ исторій, и въ краткой статьѣ невозможно перечислить всѣ тѣ подвиги, какіе совершили они въ ту достопамятную эпоху.

Въ началѣ войны 1812 года Харьковскій полкъ состоялъ во 2-й арміи Багратіона. 2 августа, въ сраженіи при Красномъ, Харьковскіе драгуны, приданные къ доблестной 27-й пѣхотной дивизіи Невѣровскаго, цѣлый день отбиваютъ атаки французовъ. Здѣсь были убиты поручикъ Тансуровскій и прапорщикъ Филевскій, а также раненъ штабсъ-капитанъ Галаганъ 1-й.

Сумскій, Изюмскій и Ахтырскій полки,при отступленіи нашихъ арміи, состояли въ корпусѣ Платова и безпрерывно принимаютъ участіе въ аріергардныхъ бояхъ: при Островнѣ (гдѣ особенно отличаются Сумцы), Какувачинѣ, Витебскѣ и Молевомъ болотѣ.

Ахтырцы дѣйствуютъ при Романовѣ, а затѣмъ въ корпусѣ Раевскаго, при Салтановкѣ и Фатовой.

7-го августа Сумцы и Изюмцы участвуютъ въ сраженіи при Валутиной горѣ (у Лубина), а 24-го августа въ жестокомъ бою при Колоцкомъ монастырѣ, гдѣ Изюмцы изрубливаютъ три французскихъ эскадрона.

При Колоцкомъ монастырѣ дѣйствуютъ доблестно и Харьковцы и подъ Шевардиномъ изрубливаютъ 111-й пѣхотный французскій полкъ, но несутъ большія потери: подполковникъ баронъ Остенъ-Сакенъ, капитаны Нестелей и фонъ Нагель были убиты, а ранены: поручики Порлиновъ, Смирницкій и Становскій и прапорщики Глуховской и Малиновскій.

Подъ Бородиномъ вновь рубятся Харьковцы, Сумцы, Изюмцы и Ахтырцы. Всѣ они нѣсколько разъ бросались съ успѣхомъ въ атаки и объ участіи въ этой битвѣ лучше свидѣтельствуютъ потери,какія они понесли - въ Изюмскомъ полку 120 убитыхъ и 100 раненыхъ, а потери въ Ахтырскомъ полку только въ офицерскомъ составѣ: маіоръ кн. Голицынъ и ротмистръ Челищевъ убиты, а ранены маіоръ Дувановъ, Ротмистры Александровичъ, Бедряга и Бочковъ, штабсъ-ротмистръ Плотниковичъ, поручики Казаковичъ, Качановъ,Нелидовъ,Окуневъ и Франкъ 2-й,корнеты Канбаровъ,Копыловъ,Семичевъ,Трофимовъ и Франкъ 3-й.

Харьковцы подъ Бородиномъ изрубили 9-й уланскій польскій полкъ, захвативъ въ плѣнъ командира этого полка и двухъ офицеровъ.

Еще болѣе возрастаетъ слава этихъ полковъ, когда, по мысли подполковника Дениса Васильевича Давыдова, была организована партизанская война въ тылу непріятеля. Д.В.Давыдовъ, Ив.Семен. Дороховъ, Александръ Никитичъ Сеславинъ (будущій командиръ Сумцевъ) - эти имена стали народными, они настолько извѣстны, что здѣсь излишне говорить о ихъ вѣчной славѣ - они стали вѣчными шефами своихъ полковъ.

За отличіе въ войну 1812 г. Сумскому полку были пожалованы (13-го апрѣля 1813 года) 18 Георгіевскихъ трубъ (въ командованіе полкомъ полковниками Конгіеловымъ и Сеславинымъ),Изюмскому полку Георгіевскій штандартъ (въ командованіе полкомъ полковгр. Долона), а Ахтырскому 19 серебряныхъ трубъ.

Въ первую половину кампаніи 1813 года - Харьковскій полкъ участвуетъ въ блокадѣ крѣпостей Модлинъ и Глогау, въ конныхъ атакахъ при Нассенау, Виттофсвердѣ, у д. Зебренъ. Овладѣваютъ дер. Шпитцель, подъ Рейхенбахомъ,уничтожаютъ гвардейскій уланскій французскій полкъ.

Сумскій полкъ въ тотъ же періодъ входилъ въ авангардъ Винценгероде, а одинъ эскадронъ дѣйствовалъ въ партизанскомъ отрядѣ Фигнера. Затѣмъ Сумцы, въ корпусѣ Клейста, были двинуты въ Богемію. Далѣе, принимаютъ участіе въ сраженіяхъ при Люценѣ и Бауценѣ и въ дѣлахъ при Рейхенбахѣ, Маркерсдорфѣ, Кетлицѣ, р. Лебау и Шепсѣ.

Изюмцы въ февралѣ 1813 г. были подъ Берлиномъ, куда ворвались, когда городъ былъ еще занятъ французами. Затѣмъ блестящая атака у Люнебурга и, 18-го мая, подъ Гальберштадтомъ, когда эскадронъ Изюмцевъ беретъ непріятельскую батарею.

Ахтырцы принимаютъ участіе въ блокадѣ Глогау, въ сраженіи при Бауценѣ.

Послѣ перемирія военныя дѣйствія продолжаются. 14-го августа, въ сраженіи у Кацбаха, Харьковскіе драгуны, подъ командою генерала Юзефовича, сперва прикрываютъ нашъ отходъ, а затѣмъ, на слѣдующій день, стремительной атакой уничтожаютъ французскій аріергардъ у Пильгримсдорфа,захвативъ 6 орудій. Здѣсь палъ доблестный штабсъ-капитанъ Пасенко, а полкъ понесъ большія потери.

Преслѣдуя противника, Харьковцы участвуютъ въ плѣненіи дивизіи Пюто и въ атакѣ у Ниперъ-Пукау. Далѣе - дѣло у Торнау и захватъ 7 орудій у Мекерна, взятіе г. Эйленбурга. Въ награду за совершенные подвиги, особенно у Кацбаха, Харьковскіе драгуны награждаются (15 сентября 1813 года) георгіевскимъ штандартомъ съ надписью: „За отличіе противу непріятеля въ сраженіи у Кацбаха 14-го августа 1813 года".

Въ томъ же сраженіи у Кацбаха отличаются и Ахтырцы въ числѣ другихъ полковъ 2-й гусарской дивизіи,когда, атаковавъ французскую пѣхоту, гусары ее сбросили въ р. Кацбахъ. За этотъ подвигъ Ахтырскому полку были пожалованы знаки на кивера съ надписью: „За отличіе 14 августа 1813 г."

Въ сраженіи подъ Дрезденомъ и при Кривицѣ участвуютъ Сумскіе гусары. Здѣсь несутъ они большія потери: убитъ поручикъ Дятьковъ и ранены подполковникъ Обловъ,поручикъ князь Ухтомскій и корнеты Блиновъ, Гегерштетъ, Ильченко и Шисмаревъ.

Въ дѣлѣ у Петерсвальде, атакованный Сумцами, 33-й линейный полкъ положилъ орудіе,а 3 сентября у Геллендорфа Сумскіе гусары вмѣстѣ съ Чугуевскими уланами взяли 400 плѣнныхъ.

Изюмскіе гусары участвуютъ въ сраженіи при Денневицѣ, а въ сентябрѣ, въ составѣ отряда Чернышева, принимаютъ участіе въ партизанскомъ набѣгѣ на Кассель и берутъ 6 орудій.

Въ „битвѣ народовъ", подъ Лейпцигомъ участвуютъ Харьковцы, Сумцы, Изюмцы и Ахтырцы.

Въ концѣ 1813 года Харьковскіе драгуны находятся въ войскахъ, блокирующихъ крѣпость Метцъ, гдѣ и остаются до конца кампаніи 1814-го года, а Сумцы, Изюмцы и Ахтырцы совершаютъ походъ во Францію. Въ этомъ походѣ Сумцы участвуютъ въ сраженіяхъ при Брієннѣ, у Мормана, при Баръ-сюръ-Объ, при Феръ-Шампенуазѣ, гдѣ особенно отличается ген. маіоръ А.Н. Сеславинъ и, наконецъ, при взятіи Парижа.

За подвиги, совершенные въ 1812 - 1814 г.г. Сумскому полку жалуется Георгіевскій штандартъ (3 августа 1814 года и знаки на кивера съ надписью „за отличіе" (3 мая 1814 года).

Изюмскіе гусары участвуютъ въ сраженіяхъ при Краонѣ (ранены маіоръ Куцовскій, поручикъ Квѣтки и корнетъ Помоновъ), при Лаонѣ и въ славной атакѣ при Сенъ-Дидье, гдѣ командиръ полка, полковникъ графъ Долонъ съ двумя эскадронами и подполковникъ Лошкаревъ съ другими двумя эскадронами атакуютъ гвардейскихъ конно - егерей Наполеона. Изрубленный Лошкаревъ былъ подобранъ французами и, когда о его геройской атакѣ стало извѣстно Наполеону, онъ послалъ своего генерала справиться о здоровьи Лошкарева. За сраженіе у Сенъ-Дидье Изюмскій полкъ былъ награжденъ знаками на кивера съ надписью „за отличіе" (19 ноября 1814 г.).

Ахтырскій полкъ, который при началѣ похода во Францію, принялъ въ командованіе отъ князя Васильчикова Д.В. Давыдовъ, участвуетъ въ сраженіи при Брієннѣ, Баротьерѣ, Монмиралѣ, Шато-Тьери, Мери, Жстерне, Лаонѣ, Феръ-Шампенуазѣ.

„Въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ благополучно конченную кампанію 1814 года"Ахтырскому полку былъ пожалованъ (3 мая 1814 года) Георгіевскій Штандартъ.

Вотъ краткій и неполный перечень боевыхъ дѣлъ четырехъ полковъ въ періодъ войнъ съ Наполеономъ. Въ краткой статьѣ невозможно упомянуть всѣ тѣ боевые и славные подвиги, которые они совершили.

Лучшимъ доказательствомъ ихъ доблести является то, что всѣ четыре полка вернулись на родину, награжденные георгіевскими штандартами.

Въ 1826 году Изюмскій полкъ принялъ имя своего шефа и сталъ носить названіе - Гусарскій Эрцгердога Фердинанда полкъ, а 6-го октября 1827 года Харьковскій драгунскій полкъ былъ обращенъ въ уланскій.

Черезъ четырнадцать лѣтъ мирной жизни эти полки вновь выступаютъ въ 1828 году въ походъ, на этотъ разъ противъ турокъ.

Въ этой войнѣ Харьковскіе уланы отличаются подъ крѣпостью Силистріей, когда во главѣ со своимъ командиромъ полковникомъ графомъ Анрепъ-Эльмптомъ, они атаковали и взяли три линіи турецкихъ окоповъ, причемъ графъ Анрепъ-Эльмптомъ былъ раненъ въ грудь навылетъ турецкой пулей. За эту кампанію Харьковскіе уланы были награждены (6-го апрѣля 1830 года) знаками на шапки съ надписью: „За отличіе".

Въ ту же кампанію 1826 - 1829 г.г. Ахтырскій гусарскій полкъ участвуетъ въ занятіи Бабадага, Кюстенджи, Козлуджи, въ дѣлахъ при Шумлѣ и при д. Эски - Стамбулъ, когда Ахтырцы вмѣстѣ съ Александрійцами взяли редуты, защищенные артиллеріей и занятые турецкой пѣхотой. За эту кампанію Ахтырскій полкъ получилъ

(6-то апрѣля 1830 года),въ командованіе полкомъ полковника А.Я. Нечволодова, георгіевскую трубу.

Сумскій полкъ въ ту же войну находился въ корпусѣ гр. П.П. Палена (долголѣтній шефъ Сумскихъ гусаръ). Корпусъ гр. Палена былъ резервнымъ корпусомъ нашей арміи при переходѣ ея черезъ Балканы.

Изюмскій полкъ имѣлъ дѣла при Силистріи; затѣмъ Шумла, Балканы. Когда Изюмскій полкъ возвратился изъ этого похода, то, проходя Московскую губернію, офицеры и старые гусары посѣтили въ гор. Вереѣ могилу своего бывшаго боевого шефа генерала И.С. Дорохова, скончавшагося отъ ранъ еще въ 1815 году.

Въ войну съ поляками въ 1830 - 31 г.г. Харьковскимъ уланамъ, Сумскимъ, Изюмскимъ и Ахтырскимъ гусарамъ участвовать въ большихъ дѣлахъ не пришлось. По большей части находились они въ постоянныхъ переходахъ дѣятельность ихъ ограничивалась преслѣдованіемъ и уничтоженіемъ небольшихъ отрядовъ польскихъ повстанцевъ.

Въ Венгерскій походъ 1849-го года Харьковскимъ уланамъ въ значительныхъ дѣлахъ тоже не пришлось принять участія и полкъ понесъ большія потери отъ болѣзней и переутомленія.

Изюмскій полкъ, кромѣ мелкихъ дѣлъ, участвуетъ въ сраженіи у Дебречина.

Ахтырскій же полкъ въ эту кампанію находился въ Дунайскихъ княжествахъ на границѣ Трансильваніи.

Еще 1-го января 1840-го года шефомъ Ахтырскаго полка былъ назначенъ его боевой командиръ въ кампаніи 1812-1814 г.г., князь Ил.Вас. Васильчиковъ и полкъ принялъ названіе - Гусарскій Генералъ-Адъютанта князя Васильчикова полкъ, а 15-го мая 1850 года полкъ принялъ имя новаго шефа и сталъ называться - Гусарскій Е.Кор. Высоч. Принца Фридриха Карла Прусскаго полкъ.

15-го мая 1851-го года Харьковскій полкъ принялъ названіе: Уланскій Е. Кор. Выс. Принца Фридриха полкъ, а 25-го мая того же года Изюмскій полкъ сталъ называться - Гусарскій Е. Кор. Высоч. Принца Фридриха Вильгельма полкъ.

Сумскій полкъ съ 19-го апрѣля 1853 года сталъ называться - Гусарскій Генералъ-Лейтенанта графа фонъ-деръ-Палена полкъ.

27-го іюня 1851-го года по Военному Вѣдомству былъ отданъ слѣдующій приказъ:

„Въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія за вѣрныхъ и преданныхъ Престолу и Отечеству нижепоименованныхъ войскъ, коимъ нынѣ исполнилось двѣсти лѣтъ со времени ихъ учрежденія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше жалуетъ оными, въ замѣнъ имѣющихся у нихъ, новые штандарты, съ надписью подъ орломъ: „1651 - 1851", изображающею годъ основанія и годъ совершенія двухсотъ лѣтъ со времени ихъ учрежденія. При семъ сохраняются и прежнія надписи на штандартахъ тѣхъ полковъ и дивизіоновъ, которые таковыя имѣютъ".

По этому приказу были пожалованы Георгіевскіе штандарты съ надписью: „1651 - 1851".: Л.Гв. Конно-Гренадерскому, Л.Гв. Уланскому Ея Величества, Л.Гв. Уланскому Его Величества, Харьковскому уланскому, Сумскому, Изюмскому, Ахтырскому и Клястицкому гусарскимъ полкамъ.

Л.Гв.Конно-Гренадерскій, Л.Гв. Уланскій Ея Величества, Л.Гв. Уланскій Его Величества и Клястицкій гусарскій полки получили эту надпись на штандарты потому, что бывшіе слободскіе казачьи полки послужили главнымъ ядромъ, изъ котораго были сформированы вышеупомянутые полки.

Участіе въ Восточной войнѣ 1853-1856 г.г. было безъ большихъ боевыхъ дѣлъ для Харьковскаго, Изюмскаго и Ахтырскаго полковъ. Дѣйствія ихъ ограничились участіемъ въ дѣлахъ бывшихъ на Дунаѣ и въ Придунайскихъ княжествахъ.

Въ Турецкую войну 1877 - 1878 г.г. Харьковскіе уланы совершаютъ двойной переходъ черезъ Балканы, освобождаютъ рядъ болгарскихъ городовъ, въ частности Кюстендиль, а также ведутъ наблюдательную и развѣдывательную службу подъ Плевной. Въ эту войну Харьковскій уланскій полкъ былъ пожалованъ наградой: 17 георгіевскихъ трубъ (17 апрѣля 1878 г. въ командованіе полковъ полковника В.И. Эртеля).

Сумскій гусарскій полкъ за ту же войну получаетъ въ награду за отличіе гусарскіе шнуры гвардейскаго образца (въ командованіе полковника маркиза Л.А. де Краверсе).

Ту же награду получаютъ Изюмцы (въ командованіе полкомъ полковника Н.Н. Тевяшева).

18-го августа 1882-го года уланскіе и гусарскіе полки были обращены въ драгунскіе. Харьковскій сталъ называться 11-й драгунскій Харьковскій Ея Имп.Выс.Велик.Княгини Александры Петровны полкъ. Сумскій - 3-ій драгунскій Его Кор.Выс.Насл.Принца Датскаго полкъ, Изюмскій - 38-ій драгунскій Его Имп.Кор.Высочества Насл. Принца Германскаго полкъ, а Ахтырскій - 36-й драгунскій Его Кор. Выс. Принца Фридриха Карла Прусскаго полкъ.

27-го іюля 1901 года шефомъ Ахтырскаго полка стала Великая Княжна Ольга Александровна.

6 декабря 1907 года драгунскіе полки, которые раньше были уланскими или гусарскими, вновь были обращены въ таковые же.

А 26-го августа 1912 года - въ столѣтнюю годовщину Бородинской битвы Сумскому, Изюмскому и Ахтырскому гусарскимъ полкамъ было повелѣно на вѣчныя времена носить со своимъ историческимъ именемъ, имена своихъ шефовъ - Сумскому - ген. маіора Сеславина, Изюмскому - ген.маіора Дорохова и Ахтырскому генерала Дениса Давыдова.

Въ войну 1914 - 1917 г.г. Харьковскіе уланы въ началѣ были у Вѣлы, а затѣмъ на Сѣверо- Западномъ фронтѣ. Послѣднимъ ихъ боевымъ командиромъ былъ нынѣ здравствующій ген. маіоръ Стефанъ Леонидовичъ Николаевъ.

Сумскій полкъ въ 1914 году былъ въ Восточной Пруссіи (набѣгъ на Алленштейнъ), отходя отъ Мазурскихъ озеръ; въ 1915 году въ Литвѣ и въ 1916 - 17 г.г. на Двинскомъ фронтѣ. Въ 1915 году Сумскій полкъ былъ пожалованъ особой наградой: иконой - складнемъ, которую было повелѣно носить на груди штандартному унтер-офицеру въ строю. Сумскимъ полкомъ въ эту войну командовали: флигель ад. полковникъ П.П. Гротенъ, полк. Леонтьевъ, полк. Жуковъ, полк. Неоловъ.

Изюмскій полкъ находился на юго-западномъ фронтѣ въ 1914 году въ Галиціи, на подступахъ къ Карпатамъ, въ 1915-16 г.г. на

Волыни: Стырь, Горынь, въ Брусиловскомъ наступленіи подъ Ковелемъ. Командирами Изюмскихъ гусаръ за это время были: полковники Н.Н.Мирбахъ, Эд.Н.фонъ Шведеръ, кн.А.С.Эристовъ, С.М.Баликовъ.

Ахтырскій полкъ у Демнін (атака эскадрона Б.Панаева), Рудни, Ворятинъ, Галиція, Волынь, Румынія. Командиры полка въ періодъ 1914 - 17 г.г. были полковники: Грингамъ, Кульжинскій, Ельчаниновъ, принцъ Майсуръ-Коджаръ.

Въ гражданскую войну возрождаются и „слободскіе полки".

Харьковскіе уланы первоначально группировались въ 3-мъ Чеченскомъ конномъ полку, а также въ 1-мъ конномъ офицерскомъ. Въ Крымскій періодъ былъ уже сформированъ дивизіонъ Харьковскихъ уланъ, который вмѣстѣ съ дивизіономъ Крымскаго коннаго полка составляли Сводный Конный полкъ. Командовалъ дивизіономъ Харьковцевъ подполковникъ А.С. Невзоровъ.

Эскадронъ Сумского гусарскаго полка былъ сформированъ въ январѣ 1918 года въ Одессѣ (до этого былъ сформированъ Сумскій полкъ у Гетмана Скоропадскаго полковникомъ Махно, старшимъ штабъ офицеромъ Сумского гусарскаго полка), полковникомъ Шведъ, который потомъ передалъ командованіе полковнику Алферову. Эскадронъ этотъ вошелъ въ 3-ій Конный полкъ. Въ 1919 году былъ еще сформированъ второй эскадронъ, который тоже вошелъ въ тотъ же полкъ.

Изюмскіе гусары начали формироваться 5 сентября 1918 года при 1-мъ Конномъ Генерала Алексѣева полку. Въ началѣ 1919 года былъ сформированъ сводно-гусарскій полкъ въ составѣ 4-хъ эскадроновъ Изюмцевъ, 2-хъ Черниговскихъ и 1-го Гродненскихъ гусаръ. Полкомъ этимъ командовалъ полковникъ 18 уланскаго Владимірскаго полка полковникъ Гаевскій, послѣ смерти котораго полкъ принялъ полковникъ Зеленковъ.

Ахтырцы въ началѣ группировались во 2-мъ Конномъ полку. Затѣмъ они выдѣлились въ полкъ 12-й кавалерійской дивизіи, командиромъ котораго былъ Ахтырецъ же Полковникъ Псіолъ. Онъ былъ убитъ въ Тавріи и полкъ принялъ въ командованіе полковникъ Байдакъ (Бѣлгородскаго уланскаго полка).

Затѣмъ, эвакуація, Галлиполи, эмиграція...

Представители этихъ славныхъ и старѣйшихъ полковъ русской регулярной конницы (краткій очеркъ исторіи которыхъ здѣсь нами набросанъ) празднуютъ въ этомъ году 300 - лѣтній юбилей ихъ основанія.

Ю.А. ТОПОРКОВЪ

Редакція „Русскаго Военно-Историческаго Вѣстника" проситъ нынѣ здравствующихъ представителей славныхъ полковъ, празднующихъ свой трехсотлѣтній юбилей, принять ея поздравленія и сердечныя пожеланія.

Для составленія этого очерка авторъ пользовался слѣдующими печатными источниками:

Альбовскій Е. Исторія Харьковскаго слободскаго казачьяго полка. Харьковъ, 1895. Багалѣй Д. Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства. М.1887. Онъ-же Очерки изъ русской исторіи. Харьковъ 1913. Богдановичъ, М. Походы Румянцова, Потемкина и Суворова въ Турціи. СПБ. 1852. Онъ-же

Исторія войны 1813 г. и 1814 г. М. 1863. 1865. Габаевъ,Г. Обозрѣніе предметовъ военной старины. Музей войсковыхъ частей. СПБ. 1913. Гербель,Н. Изюмскій слободскій казачій полкъ. СПБ. 1852. Головинскій,М. Слободскіе казачьи полки. СПБ. 1864. Долгорукій кн. Хроника Россійской Императорской арміи. СПБ. 1799. Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ. Т.8-й и 11-й. СПБ. 1900. Ковалевскій, П. Родъ Ковалевскихъ за триста лѣтъ. Парижъ, 1951. Костомаровъ, Н. Историческія монографіи и изслѣдованія. СПБ. 1884. Миклашевскій,И. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. М. 1894. Михайловскій-Даниловскій, А. Описаніе войнъ съ Наполеономъ. СПБ. 1849. Мостовскій М. Исторія Храма Христа Спасителя въ Москвѣ. М. 1891. Потто, В. и Одинцовъ, С. Исторія Ахтырскаго полка. СПБ. 1902. Полное собраніе Законовъ Россійской Имперіи. Суворовскій сборникъ. Варшава, 1900. Срезневскій, И. Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины. „СПБ. Вѣдомости", 1840. Филаретъ, преосв. Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи. Харьковъ, 1858. Шенкъ, В. Справочная книжка Императорской Главной квартиры. Кавалерія. СПБ. 1914. Энциклопедическій словарь Брокгаузъ и Ефронъ. Т. 15-й и 22-й. СПБ. 1897. Харьковскіе драгуны въ Отечественной и за освобожденіе Европы войнахъ 1812-14. Памятка, изданная въ 1938 г. въ Парижѣ. Періодическія изданія за разные годы: „Русскій Архивъ", „Русская Бесѣда", „Русская Старина", „Русскій Инвалидъ", „Историческій Вѣстникъ", „Маякъ", „С. Петербургскія Вѣдомости". За разные годы: Списки Военному Департаменту. Списки штабъ-офицеровъ по старшинству. Памятныя книжки.

Ю.Т.

РОССІЯ И МАМЕЛЮКИ ЕГИПТА.

Слово „мамелюки" на арабскомъ языкѣ значитъ - рабы. Этимъ именемъ въ Египтѣ называлось придворное войско, возникшее въ XII-мъ вѣкѣ на подобіе янычаръ старой Турціи. Войску мамелюковъ положили начало султаны династіи Аюбитовъ, путемъ покупки юношей-рабовъ, которыхъ они, воспитавъ въ мусульманской вѣрѣ, обучали военному ремеслу, дабы сдѣлать изъ нихъ профессіональныхъ солдатъ. Крѣпкихъ и красивыхъ мальчиковъ для этого покупали въ Кипчакѣ, на Кавказѣ и по берегамъ Каспійскаго и Чернаго моря. Въ 1296-мъ году ряды мамелюковъ пополнились цѣлымъ монгольскимъ племенемъ въ 10.000 кибитокъ, которое, послѣ какихъ то междоусобицъ въ Азіи, явилось въ Каиръ черезъ Багдадъ и Сирію. Въ XVI-мъ вѣкѣ мамелюки стали пополняться греками, курдами и туркменами, путемъ все той же покупки невольниковъ. Немудрено поэтому, что работорговцы играли большую роль въ Египтѣ этого времени, а многіе изъ нихъ являлись „поставщиками двора". Къ сожалѣнію, далеко не всѣ представители этой профессіи были мусульманами, многіе христіанскіе работорговцы также принимали участіе въ поставкѣ невольниковъ. Извѣстно, напримѣръ, что еще Карлъ Великій принималъ мѣры противъ этихъ господъ, нестѣснявшихся продавать своихъ единовѣрцевъ невѣрнымъ.

Наиболѣе отличались на этомъ позорномъ поприщѣ венеціанцы и генуэзцы, пріобрѣтавшіе для своихъ египетскихъ кліентовъ невольниковъ въ Крыму и въ Царьградѣ. Европейскій импортъ рабовъ въ Египтѣ достигалъ до 2 милліоновъ человѣкъ ежегодно и приносилъ торговцамъ огромные доходы. Изъ доставляемыхъ невольниковъ египетскіе султаны формировали свою гвардію, довѣренныхъ офицеровъ и военачальниковъ. Отличившихся, или оказавшихъ услуги государямъ мамелюковъ освобождали отъ неволи и они съ этого момента отпускали бороды, которыхъ не имѣли право носить невольники. Мамелюки обыкновенно начинали свою службу пажами султанской гвардіи, затѣмъ становились тѣлохранителями, а впослѣдствіи, получивъ свободу, гербъ и щитъ, производились въ офицеры, дѣлались эмирами и получали ренты съ земель короны.

Въ концѣ XVI-го вѣка въ ряды мамелюковъ вошло большое число венгерцевъ, сицилійцевъ, арагонцевъ и каталонцевъ; все это были военноплѣнные въ результатѣ войны турокъ противъ Европы. Позднѣе нѣмцы стали продавать плѣнныхъ славянъ мусульманамъ Испаніи, откуда они попадали затѣмъ въ Египетъ.

Въ XIII-мъ вѣкѣ мамелюки, свергнувъ прежнихъ правителей, захватили всю власть въ Египтѣ и основали свои собственныя династіи. Это продолжалось до начала XVI-го вѣка, когда султанъ Селимъ I-й, завоевавъ Египетъ, превратилъ его въ пашалыкъ Оттоманской имперіи. Съ этого времени въ Каирѣ отъ имени Порты назначался намѣстникъ-паша, правившій отъ имени султана. Вся администрація Египта, однако, по прежнему оставалась въ рукахъ мамелюковъ, беи которыхъ въ числѣ 24 человѣкъ управляли страной. Въ сущности, вся зависимость Египта отъ Стамбула выражалась лишь въ томъ, что туркамъ ежегодно выплачивалась опредѣленная сумма, а въ случаѣ войны Египетъ обязанъ былъ выставлять на помощь оттоманскому войску свое ополченіе. Мамелюки такимъ образомъ фактически правили страной около пяти вѣковъ, вплоть до основанія Магометомъ Али нынѣ царствующей династіи.

Въ послѣдній періодъ своей власти войско мамелюковъ состояло изъ всякаго международнаго сброда, куда поступали всѣ тѣ, кому по тѣмъ или инымъ причинамъ было тѣсно въ Европѣ и нельзя было оставаться на родинѣ, то-есть зачастую всевозможные преступники и искатели приключеній. Среди мамелюковъ благодаря этому были люди всѣхъ расъ и національностей. Одинъ изъ султановъ-мамелюковъ, нѣкій Ладжинъ, былъ нѣмцемъ, уроженцемъ Балтики и въ молодости служилъ подъ знаменами тевтонскихъ рыцарей меченосцевъ. Онъ принималъ участіе въ завоеваніи Литвы, попалъ затѣмъ съ крестоносцами въ Сирію и, наконецъ, принявъ Исламъ, очутился въ Египтѣ. Другой султанъ мамелюковъ, Балабанъ, былъ итальянцемъ и носилъ въ молодости имя Доменика Доріи; его фамилія принадлежала въ Генуѣ къ верхамъ тамошней аристократіи. Перо-Тафурь, одинъ изъ беевъ, былъ по происхожденію севильскимъ евреемъ. Фаберъ говоритъ, что во время своего путешествія по Египту узналъ въ одномъ изъ мамелюковъ нѣмца изъ Базеля, котораго зналъ раньше очень хорошо. Пятнадцать лѣтъ спустя паломникъ Арнольдъ де Харфи по дорогѣ въ Святую Землю познакомился въ Каирѣ съ двумя мамелюками, изъ которыхъ одинъ былъ изъ Базеля, а другой изъ Данцига. Были и русскіе мамелюки, какъ

напримѣръ извѣстный Кассимъ-Бей-Московитъ, владѣвшій въ Каирѣ, незадолго до египетскаго похода Бонапарта, великолѣпнымъ дворцомъ, о которомъ оставилъ восторженное описаніе извѣстный путешественникъ Вольней.

Можно себѣ только представить всѣ тѣ счеты, интриги, зависть, царившіе въ этомъ нестроемъ международномъ войскѣ, нравы котораго были болѣе чѣмъ свободными. Жизнь этихъ людей всегда находилась въ опасности, всегда подъ угрозой и была очень недолга, почему всякій изъ нихъ старался взять отъ судьбы возможно больше, предавалсь всякимъ наслажденіямъ и порокамъ ему доступнымъ съ нескрываемымъ цинизмомъ. Вся жизнь мамелюковъ была наполнена убійствами, заговорами и кровопролитіями ради достиженія власти и богатства. Каждый изъ офицеръ, уже не говоря объ эмирахъ и беяхъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи банду головорѣзовъ, которые служили ему и для охраны его собственной особы, и для нападенія. Жалованія своимъ солдатамъ такой предводитель не платилъ и содержанія не давалъ, существовали же они на счетъ болѣе или менѣе открытаго грабежа и насилія. Мамелюки разсматривали Египетъ, вообще, и его столицу, въ частности, съ точки зрѣнія средневѣковыхъ завоевателей, со всѣми вытекавшими изъ этого послѣдствіями. Война, возстанія, мятежи и грабежи были непрерывнымъ состояніемъ стараго Каира. Къ этому надо добавить, что восточная уличная толпа, всегда готовая къ безпорядку, немедленно присоединялась къ грабителямъ, кто бы они ни были. Схватки и рѣзня мамелюковъ съ непріятелемъ или другъ съ другомъ отличались такой свирѣпостью и ожесточеніемъ, что современники поражались, какъ эти совершенно дикіе и кровожадные люди прославили Египетъ великолѣпными историческими памятниками, чудесными зданіями и собрали драгоцѣнные предметы искусства. Между главарями мамелюковъ были распространены самые ужасные пороки и извращенія, которые они даже и не старались скрывать. Чудовищный развратъ и цинизмъ уживались въ нихъ рядомъ съ мистикой и вѣрой въ будущую жизнь. Угрызенія совѣсти часто побуждали ихъ прибѣгать къ Богу и благотворительности, однако, большинство изъ нихъ придерживалось напускного, офиціальнаго благочестія, необходимаго въ ихъ время и въ ихъ положеніи. При всемъ этомъ мамелюки отличались необыкновенной преданностью своимъ вождямъ и были неподражаемые воины, относившіеся съ великолѣпнымъ презрѣніемъ къ смерти и опасности въ сраженіяхъ. Какъ правило, они не оставляли послѣ себя прочнаго потомства, оно вымирало въ первомъ, рѣдко во второмъ поколѣніи. При всѣхъ своихъ отрицательныхъ чертахъ мамелюки, эти бывшіе рабы, которыхъ не останавливали никакія традиціи, никакіе предразсудки и соображенія морали, не только сумѣли создать идею грандіознаго мусульманскаго имперіализма, но и провели ее въ жизнь. Недаромъ же Египетъ среднихъ и послѣдующихъ вѣковъ гордо именовалъ себя „Имперіей Ислама".

Въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкѣ эта великая мусульманская имперія, обнимавшая всю сѣверную Африку, Сирію, Палестину и Аравійскій полуостровъ привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе. Мамелюки принявъ къ себѣ династію Халифовъ, взявъ покровительство надъ Меккой и Мединой, изгнавъ крестоносцевъ и остановивъ побѣдоносное

шествіе монголовъ на Западъ, въ итогѣ всего этого стали во главѣ всей мусульманской цивилизаціи и пользовались въ эту эпоху ореоломъ непобѣдимости и необыкновеннымъ престижемъ.

Первыя сношенія между имперіей мамелюковъ и Россіей относятся ко времени одно изъ самыхъ замѣчательныхъ ихъ вождей — Али-Бей-Кебира, то-есть „великаго", управлявшаго Египтомъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка. Али-бей родился христіаниномъ и былъ по происхожденію абхазцемъ изъ нынѣшняго Сухума. Какъ большинство мамелюковъ онъ былъ купленъ въ рабство евреями работорговцами, Исааком и Іосифомъ, жителями Александріи, и проданъ египетскому султану Ибрагиму-бею. Юношей онъ высказалъ необыкновенныя способности къ военному дѣлу и быстро выдвинулся. За спасеніе отъ нападеній бедуиновъ посланнаго въ Мекку каравана паломниковъ, онъ былъ освобожденъ отъ рабства и получилъ право отпустить бороду. Въ 1757 г., воспользовавшись очередной междоусобицей въ Каирѣ, Али во главѣ 300 мамелюковъ захватилъ цитадель, господствующую надъ городомъ и принудилъ турецкаго намѣстника-пашу явочнымъ порядкомъ признать его губернаторомъ столицы, что являлось вторымъ по значенію постомъ въ государствѣ. Въ своей книгѣ „Чудесныя біографіи" арабскій историкъ, шейхъ Абдэль-Рахманъ Джабарти, даетъ такую характеристику Али-бея: „Онъ былъ человѣкъ большого мужества и безпредѣльной храбрости. По своему честолюбію онъ считалъ для себя недостойнымъ какое бы то ни было положеніе, кромѣ положенія Государя. Вдумчивый и серьезный, умѣющій импонировать людямъ, онъ презиралъ развлеченія и забавы. Съ дѣтства онъ предназначилъ себя на первыя роли и умѣлъ этого достигнуть". Сдѣлавшись губернаторомъ Каира, Али-бей, не стѣсняясь ничѣмъ, постепенно освободился отъ всѣхъ возможныхъ конкурентовъ и сталъ во главѣ страны. Не довольствуясь властью надъ Египтомъ, онъ сумѣлъ подчинить себѣ Сирію, Палестину и Аравію. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVIII-го вѣка онъ фактически освободилъ Египетъ отъ турецкой зависимости. Турецкій намѣстникъ покинулъ Каиръ и Али-бей, признавая въ султанѣ лишь халифа Ислама, но не своего господина, сталъ чеканить монету, на которой имя султана было рядомъ съ его именемъ. Къ этому времени и относится его союзъ съ Россіей. Въ моментъ когда Турція находилась въ войнѣ съ Россіей, Али-бей не только отказался послать на помощь Портѣ египетское войско, но и рѣшилъ воспользоваться ея затрудненіями, чтобы добиться для Египта окончательной независимости. Съ этой цѣлью онъ приказалъ своимъ совѣтникамъ Карлу Розети и Абдалѣ отправить отъ его имени письмо графу Алексѣю Орлову, находившемуся съ русской эскадрой въ Средиземномъ морѣ. Въ этомъ письмѣ онъ предлагалъ военный союзъ Россіи съ Египтомъ противъ султана Мустафы III-го. Въ замѣнъ онъ просилъ военной помощи Россіи и признанія за Египтомъ независимости. Графъ Орловъ, учитывая всѣ тѣ возможности, которыя откроются передъ Россіей въ случаѣ отдѣленія Египта отъ Оттоманской Имперіи, въ отвѣтъ на письмо Али-бея немедленно отправилъ къ нему четырехъ офицеровъ-инструкторовъ и батарею пушекъ новой системы. Одновременно съ этимъ онъ написалъ о предложеніи Али-бея императрицѣ, и въ Петербургѣ былъ выработанъ планъ военной помощи Египту въ цѣляхъ

его независимости подъ покровительствомъ Россіи. Однако, пока шли всѣ эти переговоры, счастье, сопутствовавшее Ал ,ему измѣнило. Противъ него возсталъ его собственный зять и начальникъ войска, Абу Дахабъ. Въ бою съ мятежниками весной 1773 года при Салахіи Али-бей потерпѣлъ пораженіе, былъ раненъ и попалъ въ плѣнъ. Побѣдитель отнесся къ нему по родственному, перевезъ раненаго въ Каиръ въ его дворецъ и окружилъ заботами. Черезъ нѣсколько дней послѣ пораженія Али-бей скончался отъ послѣдствій своихъ ранъ и отъ огорченій. Посланная ему на помощь по распоряженію императрицы Екатерины дивизія русскихъ войскъ, прибывшая въ іюнѣ 1773 г. въ Даміетту опоздала и не высаживаясь на берегъ вернулась обратно въ Россію. Однако, мысль объ отдѣленіи Египта отъ Турціи подъ покровительствомъ Россіи не была оставлена. При преемникахъ Али-бея, Мурадѣ и Ибрагимѣ, въ восьмидесятыхъ годахъ того же столѣтія въ Египетъ прибылъ русскій консулъ баронъ Тонусъ, получившій отъ русской императрицы порученіе „внушить египетскимъ беямъ мысль отдѣлиться отъ Порты и стать подъ покровительство Россіи". Это было время, когда французскіе представители и, въ частности, агентъ Франціи Магалонъ, ставшій впослѣдствіи генеральнымъ французскимъ консуломъ въ Египтѣ, уже подготовляли вмѣшательство Франціи въ египетскія дѣла.

Въ лицѣ русскаго представителя Магалонъ сразу узналъ своего конкурента и повелъ противъ него искусную интригу. Принимая во вниманіе, что отношенія между Турціей и Египтомъ въ ту эпоху оставляли желать лучшаго, Магалонъ писалъ своему министру въ Парижъ: „Необходимо дать понять султану и его правительству, что обострять отношенія между Портой и мамелюками нежелательно и опасно, такъ какъ бей, чтобы избѣжать притѣсненій со стороны Порты, готовы искать помощи и протекціи гдѣ угодно, и я сильно опасаюсь, что этимъ покровителемъ станетъ Россія, агентъ которой, человѣкъ очень опасный, уже находится въ Каирѣ".

Между тѣмъ, баронъ Тонусъ, выполняя инструкціи Петербурга, предложилъ обоимъ беямъ покровительство Россіи въ случаѣ ихъ разрыва съ Турціей. Старшій изъ беевъ, Ибрагимъ, былъ склоненъ принять это предложеніе, но Мурадъ отнесся къ нему отрицательно, ему, какъ правовѣрному мусульманину, претилъ союзъ съ невѣрными противъ главы Ислама. Дальнѣйшимъ переговорамъ барона Тонуса съ мамелюками помѣшало прибытіе въ Александрію турецкаго флота въ 1786 году, что принудило обоихъ беевъ бѣжать въ Верхній Египетъ. Пришлось покинуть Каиръ и Тонусу, роль котораго для турокъ не была загадкой.

Пользуясь, однако, склонностью Ибрагима къ союзу съ Россіей, баронъ Тонусъ сумѣлъ ввести въ рядъ его дворцовой охраны нѣкоторое число русскихъ мамелюковъ, тайныхъ агентовъ русскаго консульства.

Вернувшись въ 1787 г. изъ Петербурга въ Каиръ, баронъ Тонусъ засталъ въ Египтѣ положеніе измѣнившимся. Вмѣсто бѣжавшихъ беевъ въ Каирѣ сидѣлъ во главѣ мамелюковъ вновь назначенный турками губернаторъ столицы Измаилъ-Бей. Между тѣмъ Тонусъ привезъ въ Египетъ не только инструкціи привлечь къ союзу съ Россіей во что бы то ни стало главарей мамелюковъ, но также и личное письмо Императрицы.

Выполняя порученіе Петербурга баронъ Тонусъ въ секретѣ отъ турецкаго намѣстника испросилъ себѣ у Измаила-Бея тайную аудіенцію, благодаря которой попалъ въ устроенную ему, съ участіемъ Магалона, засаду.

Измаилъ-бей, будучи ставленникомъ турокъ, отнюдь не собирался измѣнить Портѣ и потому, желая доказать лишній разъ свою преданность султану, рѣшилъ поймать русскаго представителя въ подготовкѣ заговора противъ турокъ. Въ отвѣтъ на просьбу объ аудіенціи, Измаилъ назначилъ барону Тонусу свиданіе ночью въ его бюро на Булакѣ. Во время свиданія Тонусъ предъявилъ Бею личное письмо Императрицы, написанное по русски, вмѣстѣ съ переводомъ текста на турецкій языкъ. Адресованное „начальникамъ правительства въ Каирѣ", письмо это было очень компрометирующимъ, такъ какъ содержало предложеніе свергнуть власть султана и заключить союзъ съ Россіей, которая со своей стороны обязывалась за это прислать Египту деньги, войска, флотъ и оружіе.

Подъ предлогомъ отвѣта, Измаилъ-бей взялъ письмо и его переводъ, послѣ чего по его знаку Тонусъ былъ окруженъ отрядомъ янычаръ и заключенъ въ каирскую цитадель.

Когда объ этомъ дѣлѣ намѣстникъ донесъ въ Стамбулъ, Порта потребовала присылки арестованнаго для слѣдствія и суда. Этому однако помѣшалъ Измаилъ-бей, которому было стыдно выдать туркамъ человѣка, довѣрившагося его слову, почему онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ отдать приказъ задушить русскаго консула въ его тюрьмѣ. На другой день послѣ этого убійства было опубликовано въ Каирѣ официальное сообщеніе о томъ, что русскій консулъ Баронъ Тонусъ скоропостижно скончался.

Въ оставленныхъ послѣ него запискахъ французскій агентъ Магалонъ, роль котораго во всемъ этомъ дѣлѣ весьма темна, говоритъ, что отъ людей, обмывавшихъ трупъ Тонуса передъ погребеніемъ, онъ слышалъ, что тѣло покойнаго было покрыто гнойными кровоподтеками и ранъ, такъ какъ баронъ Тонусъ долго боролся со своими палачами, пока они съ нимъ наконецъ покончили. Эта драма въ подземельяхъ каирской крѣпости имѣла мѣсто осенью 1789 года.

По тѣмъ источникамъ, на основаніи которыхъ написана эта забытая страница русской исторіи, автору не удалось установить, какъ реагировала Императрица Екатерина на убійство въ Каирѣ своего представителя. Можно сказать только, что со смертью барона Тонуса проэктъ отдѣленія Египта отъ Турецкой Имперіи былъ въ Петербургѣ оставленъ. Война съ Турціей закончилась черезъ нѣсколько лѣтъ, 13 декабря 1798 года, и русскій посолъ въ Стамбулѣ подписалъ съ Султаномъ мирный договоръ.

А.А. МАРКОВЪ.

LE CORPS DE CONDE EN RUSSIE

Après la paix de Campo-Formio, le corps de Condé, entretenu à la solde anglaise et servant sous le commandement autrichien, est cantonné sur les bords du lac de Constance. Menacé de licenciement, il est pris à la solde de Russie, Paul Ier

ayant conservé une estime particulière au chevaleresque prince de Condé, défenseur de la Légitimité.

Nous croyons intéressant de donner ici des extraits du journal inédit du comte de Signier, ancien officier dans Condé-Infanterie, chasseur noble dans la compagnie N° 5, concernant son passage en Russie avec le corps de Condé.

"Samedi 22 juillet 1797 (près Ueberlingen) - J'apprends que le prince (de Condé) vient d'annoncer par une lettre les propositions que nous fait l'Empereur de Russie et qui a été lue à l'ordre ... malgré la magnificence de ces belles promesses et la générosité grande d'offres aussi avantageuses, je suis encore loin de me laisser éblouir..."

"Mardi 1er août -Bien loin de m'estimer trop heureux, comme tant d'autres, de voir pour l'avenir, un refuge assuré à notre persécution, cette fatale lettre me fait voir combien étaient vaines les chimères dont nous nous sommes bercés jusqu'à présent; et combien nous sommes à plaindre d'être réduits à aller solliciter un petit coin de terre à 600 lieues de notre Patrie..."

"Vendredi 18 août - Il me tarde bien de voir l'opinion de ma mère sur notre prétendu commerce en Russie. Je crains bien que beaucoup de monde ne s'y trouve irrésistiblement entrainé, toujours avec le projet de n'y jamais mettre les pieds."

"Lundi 11 septembre - M. le baron de La Rochefoucauld est arrivé avant-hier au soir de la Russie. Il a fait, à ce qu'il paraît, la plus grande diligence puisque l'on compte 500 lieues d'ici à Petersbourg. Rien encore n'a transpiré du résultat de son voyage, mais nous ne devons pas tarder à être instruits de tous les détails par un prince russe envoyé au Roi pour lui notifier de la part de Paul ses dernières intentions à notre égard. Le prince est, dit-on, déjà arrivé à Villingen où est le quartier général de l'Archiduc (Charles) et le prince de Condé, le duc de Berry et le duc d'Enghien doivent y partir aujourd'hui.."

"Vendredi 15 - Le prince russe (Gortchakov) annoncé et attendu est arrivé avant-hier. La curiosité m'a fait aller hier à l'ordre pour l'y voir.. le prince est un jeune homme de 28 à 30 ans, sa taille n'est pas avantageuse, sa physionomie affable sans cependant être bien. Il m'a paru n'avoir pas infiniment d'aisance dans ses manières. Un habit vert boutonné jusqu'en haut, des bottes à l'écuyère, un grand chapeau bordé en or, un ruban noir liseré de jaune à la boutonnière, voilà à peu près tel que je l'ai vu ainsi que celui qui l'accompagnait, à cette différence que l'autre n'avait rien moins l'air que militaire. L'on ne débite encore rien sur les détails de la mission de cet illustre étranger; mais je m'attends au premier jour à voir paraître une belle lettre du Roi avec de grands éloges de la bienfaisance et de la générosité de S.A.I.R. Paul.."

"Samedi 23 - Quel bouleversement, quelle dislocation générale! les uns restent, sans autre projet que de ne pas partir, d'autres s'abandonnent à corps perdu et vont courir la nouvelle et fatale destinée de cette armée. Les amis se quittent, tout se dissout, tous maudissent cette cruelle alternative. Je me vois obligé de suivre la destinée de mon père (invalide attaché

au corps) et je prévois bien qu'arrivé dans cette terre maudite, je vais languir et maudire le sort qui m'est destiné. Enfin, il est jeté, il faut le suivre..."

"Mercredi 26 - Quelle peinture affreuse j'ai entendu faire hier de ce maudit pays. Son aspect sauvage, aride et dénué de tout, se présente à moi et me fait anticiper sur le sentiment douloureux qui s'emparera de moi au moment où mes yeux vont découvrir cette funeste horreur..."

"Samedi 7 octobre - Voilà donc la pauvre armée finie! Hier les étendards ont été rendus, etc... Chacun maintenant tire de son côté, c'est une confusion dans ce quartier général!... Nous partons, nous abandonnons ces pays-ci pour aller trouver les déserts de la Wolhynie, c'est là notre terre promise !"

Signier quitte à cette époque les bords du lac de Constance, et, traversant la Bohême et la Silésie, arrive en Pologne russe.

"Lundi 1er janvier 1798 - Voilà 3 jours que nous errons au milieu des champs de la Wolhynie et nous arrivons aujourd'hui au village de Borntdaf."

"Mardi 2 - Gridowiska - Le même coup d'oeuil se présente partout, une blancheur uniforme confond et réunit tous les objets..."

"Mercredi 3 - Porrik (ou Porryk)..."

"Lundi 8 - Cette pauvre ville de Wlodzimier ne mérite pas en vérité, que son nom fut porté aussi loin. Rien de plus triste et de plus mesquin (c'est le quartier général des Chasseurs nobles)..."

"Mardi 16 - Nous voici enfin définitivement établis et notre compagnie occupe 3 mauvais villages aussi pauvres les uns que les autres. Hors quelques maisons qui ont des cheminées, les autres sont ce qui s'appelle enfumées tellement que l'on ne peut y respirer que par artifice... le quartier général de notre régiment est à Wlodzimier, celui de l'armée à Lutzko..."

"Jeudi 18 - Tout ce que nous voyons tous les jours prouve que ce pays-ci nous avait été présenté sous un coûp d'oeil bien différent que la réalité me le fait voir aujourd'hui et M. le prince Gortchakov, sans pénétrer quelles peuvent être ses raisons, a agi avec nous comme un recruteur qui cherche à emmener avec lui le plus de monde possible... D'après les nouvelles de Petersbourg, M. le prince de Condé y est toujours traité avec magnificence de la part de l'Empereur..."

"Mercredi 5 mars - Dubno - Le quartier général, à ce qu'il me paraît, n'a jamais été établi aussi bien que dans cette ville ; les logements y sont en général très beaux. Les princes y ont chacun leur palais, sans y compter ceux employés par des officiers généraux... l'on ne voit ici que des capitaines et majors... tout est militaire en Russie, aussi la maison du prince vient-elle d'être brevetée. Il y a ici un régiment russe en garnison qui vient d'arriver du fond de la Perse..."

Signier s'établit au château de Jachnowce chez le comte Czarnecki; il visite les seigneurs des environs, s'entend assez bien avec eux et revient à son cantonnement le 20 avril 1798.

"Vendredi 20, Porryk - Mon séjour à Dubno a été de 3 jours. Tout ce que j'y ai appris de notre nouvelle organisation m'a navré le coeur. J'y ai vu Mgr. le prince de Condé avec son nouvel uniforme et décoré de tous ses ordres.. L'on était fort occupé à Lutzko de la nouvelle formation des Dragons d'Enghien ... L'on n'entend plus maintenant que des murmures de tous côtés. A Lutzko, la cavalerie noble éclate en murmures. Enfin j'ai apporté ici quelques articles de notre formation. L'on a encore de la peine à se persuader que cette métamorphose nous dénature à ce point ; mais cela n'est que trop vrai..."

"Mercredi 25 - Chaque ordre maintenant que nous recevons, porte avec lui l'empreinte de notre nouvel esclavage. Aujourd'hui, il parait un ordre qui annonce que Monseigneur ne peut plus donner ni permission ni congé, que l'on ne peut et ne doit pas s'adresser au Gouverneur de la Province pour des réclamations, que les lettres ne seraient point décachetées, qu'il n'est point en la puissance de Mgr. d'empêcher l'exécution des ordonnances russes qui seront suivies en toute rigueur, etc.

"Samedi 28 - Notre formation tant attendue est faite au déplaisir de tous ; rien de plus monstrueux, de plus pénible et de plus affreux pour nous. Si cette ordonnance est à toute rigueur, comme on le dit, je ne vois point de galère préférable celle où nous voilà ... Cependant, si l'on en croit les lettres d'Allemagne, l'on arrive ici de tous les côtés, chacun envisage ce point commun une ressource..."

"Mardi 1er mai - Je ne puis me persuader que notre corps se soutienne dans ce pays et que la discipline sévère que l'on y veut introduire parmi nous ne fasse à beaucoup prendre un autre parti tel qu'il soit..."

"Vendredi 4 - La formation qui vient de se faire à l'armée lui fait faire un mouvement sur elle-même: la plupart des compagnies ont changé de cantonnements. Pour mon compte, j'ai quitté Porryck et je suis venu à Zavrof..."

"Mercredi 16 - Toutes les compagnies se sont rendues dans une plaine qui avoisine Wlodzimier; un autel y était dressé et la cérémonie de la bénédiction de nos drapeaux s'y est faite avec toute la pompe que nous avons pu y mettre; le Te Deum a été chanté, après lequel chaque compagnie a été en possession de son drapeau. La revue s'est faite par M. le prince de Condé, accompagné de M. de Kot..., de M. de la Roche et de Bouthillier, après laquelle on a défilé..."

"Dimanche 10 juin - J'arrive de Wlodzimier où j'ai passé près de 3 semaines que j'ai employées à apprendre l'exercice russe, pour venir ensuite communiquer mon instruction à ceux qui voudront profiter de cet exercice.tartaro-kalmouk..."

"Mardi 16 juillet - Les nouveaux arrivants ont attendu vainement aux frontières, ils n'entreront pas et ont reçu l'ordre de s'en retourner... Tout entier à ce qui se passe maintenant au milieu de nous et aux changements qui s'y opèrent tout-à-coup, il me paraît maintenant que les nouvelles métamorphoses que nous allons subir tendent à nous faire oublier ce que nous avons été. Je conçois maintenant, par ce que j'ai sous les yeux, les effets du terrorisme..."

"Mardi 11 septembre - Torczyn - Depuis quelques jours, on fait courir des bruits de départ.... les lettres du quartier général parlent de préparatifs..."

"Mardi 1er octobre - Les bruits de départ se soutiennent toujours, mais d'une manière à ne pas y faire croire..."

"Dimanche 7 - Le prince, revenant de passer l'armée en revue, est venu aujourd'hui passer celle de l'hôpital; il a vu et est entré dans toutes les chambres..... Il est parti pour Lutzko où la cavalerie l'attendait..."

Signier passe l'hiver dans le froid, à attendre les résultats de la politique de la seconde coalition.

"Mardi 22 janvier 1799 - Ce Wlodzimier me paraît toujours plus triste que la dernière fois que je l'ai vu. Les instructeurs y sont rassemblés et travaillent 4 heures par jour à apprendre les manoeuvres et le salut de l'esponton et de la hallebarde qu'ils viennent ensuite rapporter aussitôt..."

"Mardi 29 - Me voici depuis plusieurs jours au quartier général ou tout ce que je vois forme un bien grand contraste avec la vie de nos cantonnements. Il faut en vérité passer quelques jours ici pour avoir une idée du train que l'on y mène, de la beauté et de la magnificence de tous les logements et de la bonne chère que l'on y fait, surtout dans plusieurs maisons... Le grand nombre des Français qui sont ici offre beaucoup plus de ressources pour la société; et selon ce que je puis en juger depuis que je suis ici, la plus grande partie du temps se passe en visites. Il y a des jours d'assemblée, comme chez Monseigneur, chez la princesse de Monaco, etc..."

"Le régiment de Bourbon est en partie en garnison ici et fait le service. La parade s'observe et se fait régulièrement ici tous les jours. Tel temps qu'il fasse, elle dure au moins une demi-heure. Le prince y assiste tous les jours et, par conséquent, tout le monde doit s'y trouver. Je ne suis pas encore fait à ce nouvel uniforme russe et surtout à celui des soldats et à leur bonnet. Il me semble que ce costume les dénationalise. Enfin chacun aura son tour et le nôtre va bientôt arriver. Dans toutes les sociétés ou je vais ici, l'on ne s'occupe plus qu'à politiquer sur la grande nouvelle; le prince de Condé vient de recevoir les ordres de l'Empereur de faire ses préparatifs et de tenir son armée prête pour une „marche militaire". Cette nouvelle paraît faire en général assez de plaisir... Cependant rien encore d'authentique sur les projets de l'Empereur; croyons au reste que sa grandeur et sa générosité s'y montreront d'une manière aussi prononcée que nous en avons et que nous en faisons l'épreuve tous les jours !

"Jeudi 31 - Dubno - Il me semble que l'on commence à se calmer un peu sur la grande nouvelle et à ne plus voir notre départ aussi prochain qu'on l'avait cru d'abord... l'on ne s'entretient ici que de plaisirs; l'on parle d'un grande redoute qui va avoir lieu dimanche, plus belle que la dernière où j'ai été et où j'ai vu d'assez jolies mascarades...

".. Il faut suivre sa destinée.. quoiqu'il en soit, je crois que je quitterai ce pays volontiers pour en voir un qui

sera au moins plus animé... Ce matin, cette évocation se présentait à moi en passant à côté de cette église grecque qui est ici près : un froid excessif, une neige à ne pas y voir devant soi, un chant barbare accompagné de celui des cloches, dans le fond du temple des lumières tremblantes, un mauvais édifice de forme grecque à 3 dômes..."

"Samedi 9 février - Zavrof - .. le plaisir que je devrais éprouver de notre départ est bien tempéré par la rigueur avec laquelle il paraît que l'on veut faire exécuter la nouvelle discipline russe, surtout pour l'accoutrement dont nous allons être affublés pendant la route; beaucoup de monde en est tellement effrayé qu'on prend le parti de rester. Le dernier ordre surtout qui vient de nous être donné augmente beaucoup la liste des restants..."

"Mardi 12 - Je reviens de Wlodzimier où j'ai été chercher ce fameux habit et tout notre moderne accoutrement..... Cette Wolhynie n'est point du tout à mes yeux ce que je l'avais vue dans mon château de Spechzart : c'est un bon pays, un beau pays que la nature a embellie de tous ses dons, où la végétation est beaucoup plus active que dans tout autre pays. Mais si la nature y a tout fait, l'art ne l'a nullement secondé. Les villages et les villes y sont misérables: ceux qui les habitent y sont la plupart esclaves et le caractère général du pays, à commencer par les seigneurs, les économes et jusqu'aux "clops", tous ont, ce me semble, une empreinte de servilité et de dépendance qui se dépeint on ne peut mieux que par leur "upadam do nog".

"Vendredi 15 - Nous sommes avertis de nous tenir prêts à partir au premier moment et dans le plus court délai. Un courrier adjudant général de l'Empereur vient d'en apporter l'ordre en 9 jours de temps... nous voici maintenant tous en alerte... Nous nous dirigeons d'abord sur Bresce du côté de la Lithuanie où doit se rassembler la colonne du prince de Galitzin..."

"Vendredi 22 - Notre départ paraît maintenant fixé vers le 8 de mars... le nouvel accoutrement et la nouvelle discipline militaire russe à laquelle nous allons être assujettis, vont faire de nous des soldats, tout enfin peut nous faire croire que l'on cherchera à nous faire rivaliser avec le reste des soldats russes, sans même en excepter le kalmouk..."

" Mercredi 6 mars - J'arrive hier soir de Wlodzimier. L'on n'y reconnait plus son monde et ces nouveaux uniformes vous changent au point d'être obligé de se nommer aux personnes mêmes avec qui l'on vit habituellement. Il m'a paru que le service se ferait avec on ne peut plus de rigidité, aussi redoutai-je bien que notre tour n'arrive bientôt de figurer dans quelques unes de ces garnisons... Wlodzimier n'est plus habitée par des gentilshommes français, ce sont les soldats russes; ils en ont déjà la tenue et marchent d'un grand pas à en avoir la discipline. La progression est d'abord insensible et l'on ne s'en aperçoit que lorsqu'on est au résultat..."

"Jeudi 7 - l'escadron (de cavalerie noble) qui est à Loka-

tzé vient de recevoir une partie des chevaux qu'il attendait. Ces chevaux arrivent des bords du Don, ils ont été amenés ici comme un troupeau par des Cosaques. L'autre jour revenant de Wlodzimier et passant par Lokatzé, j'ai vu ces chevaux parqués comme des moutons; quand on voulait en enlever quelques uns, il fallait les prendre à la ligne par le moyen d'une corde suspendue à un grand bâton. C'est une espèce de pêche assez singulière à voir : le cheval qui passe où est tendu ce filet se trouve pris et enlevé par l'adresse du Cosaque préposé pour cette opération. Il parait, jusqu'à présent, que ces chevaux ne sont pas aussi méchants qu'on les avait annoncés, ils sont d'ailleurs assez beaux..."

"Mercredi 28 - Je viens de faire un petit voyage à Wlodzimier où je suis arrivé le lendemain du passage du régiment des Hussards de Bawr qui y ont eu un repas de corps. Le régiment va en Galicie. Le régiment est de toute beauté tant pour celle des hommes que pour celle des chevaux; l'uniforme est très riche. La plupart des officiers parle français; la plupart, m'a t-on dit, est polonais ou italiens; beaucoup de russes ont quitté pendant l'été. Les officiers sont tous dans une grande aisance, si l'on en juge par leur train; il est vrai qu'ils sont encore dans leur pays. Outre le nombre considérable de voitures attachées au corps, il y en a de formes particulières pour le transport des malades, les lits y sont suspendus sur des ressorts. En vérité, tout ce que je vois tous les jours me prouve que j'avais des idées bien fausses sur les moyens généraux et particuliers du puissant gouvernement qui nous a recueillis..."

"Mardi 9 avril - Notre départ parait être fixé au 18 de ce mois. Nous entrons tout de suite en Galicie et marchons sur Krems en suivant la même route que quand nous sommes arrivés dans ce pays. La cavalerie n'ayant pas encore tous ses chevaux diffère son départ; elle est remplacée à l'armée par le régiment de Bawr-houssards. Je ne suis point du tout content du morcellement et nous voici presque comme une légion dont la moitié est étrangère..."

"Samedi 13 - Notre départ de ce pays est un peu hâté à cause d'une lettre de l'Empereur d'Allemagne à celui de Russie où il lui mande la nécessité et le bon effet dont sera la présence de notre armée, tant pour le bon exemple que pour l'opinion qu'elle peut répandre. Extrêmement flatteuse pour le prince, la part que nous en avons est si petite que nous pouvons la compter pour zéro !"

"Mardi 16 - Après demain est le jour fixé pour notre départ et nous partons pour commencer une nouvelle carrière belliqueuse. Je ne puis me défendre d'un certain regret en quittant ce pays..."

"Jeudi 18 - Au moment de notre départ est arrivé de Wlodzimier un ordre pour différer notre départ. Ce contre-ordre est occasionné par le débordement du Bug... le régiment des Houzards de Bawr qui fait notre avant-garde reste cantonné sur la rive droite du fleuve pour le passer aussitôt qu'il sera possible..."

"Samedi 20 - Nous avons depuis quelques jours, dans notre village, des troupes russes qui arrivent de la Mer Noire ; le major qui les commande est du Danemark, il parle assez bien le Français et paraît connaître notre révolution. Les soldats me paraissent assez beaux hommes mais je ne leur trouve ni la tenue ni la tournure militaire des Autrichiens. Les officiers, en général et à proportion, ne me paraissent pas avoir meilleure mine, sans même en excepter les officiers supérieurs..."

"Mercredi 1er mai, de Szielec - Contre mon attente et celle de beaucoup d'autres, nous voilà encore en Wolhynie au 1er de mai et nous sommes encore obligés, dit-on, d'y rester au moins 3 semaine, pour donner le temps à plusieurs colonnes russes de traverser la Galicie. Cela vient, dit-on, de la manière dont les Commissaires ont donné leurs marches-routes pour la marche de plusieurs colonnes, ce qui fait qu'elles s'entraversaient dans leurs marches si toutes voulaient suivre leur première marche-route. D'un autre côté, on nous dit qu'il passe du côté de Lemberg ou Léopol une colonne de 15.000 h. qui part en poste pour l'Italie et pour qui il faut 6 ou 7.000 voitures tous les 3 milles ou 6 lieues. Enfin, d'après tout ce que je vois notre passage du Bug, qui ne tenait plus qu'à 2 jours, s'est trouvé tout d'un coup empêché par la colonne du Général Gwdowic qui s'est trouvée là comme par enchantement et qui accourait de Lithuanie pour passer ce fleuve absolument sur le même point que notre petit corps..."

Signier retrouve dans son nouveau cantonnement ses amis et amies polonais, en particulier la Comtesse de Schaska, chez qui l'on joue la comédie, "le Barbier de Séville" en particulier. Le retard apporté au mouvement de l'armée semble bien être dû au dégel.

"Mercredi 14 - Nous partirons quand toutes les colonnes russes auront filé, ce qui peut encore nous mener à une quinzaine, dit-on. J'ai été hier à Wlodzimier, le quartier général y est toujours établi et attend impatiemment son départ. Les Nobles à pied font le service avec toute la rigueur possible, grande et petite parade, 2 sentinelles vis-à-vis de la porte, sentinelle vis-à-vis le corps de garde faisant pendant avec la "compagnie française", l'exercice soir et matin..."

"Dimanche 18 - J'ai été hier au quartier général où j'ai dîné chez le prince. On y a lu un bulletin contenant l'ouverture de la campagne des Autrichiens en Italie sous le commandement du général Souvarov, qui a été des plus brillantes."

"Vendredi 23 - ... l'exercice va toujours son train, et nous y travaillons avec une ardeur et une opiniâtreté qui pourraient faire croire que la contre-revolution tient à nos progrès dans ce grand art..."

"Jeudi 6 juin - Le prince est venu nous passer en revue cette semaine et nous a félicités sur la manière dont nous avons fait devant lui les manoeuvres russes. Ces éloges ont été répétés par nombre d'échos et hier, à Wlodzimier, toutes les personnes qui entourent le prince m'en ont fait compliment comme d'une chose de la plus grande importance et qui dut me faire

grand plaisir. Cependant je m'en voudrais bien d'attacher à cela tout autre mérite que cela ne vaut. Nous voilà réduits à rivaliser avec le talent des soldats russes, cosaques, samogènes, etc., L'on vient de donner un ordre relatif à ceux qui restent au Dépôt, qui leur donne la facilité de manger leurs appointements où ils voudront..."

"Mercredi 12 - Le prince de Broglie vient enfin d'arriver de Vienne avec des dépêches concernant l'armée, dont le résultat est que nous partons sous dix jours et qu'à 40 milles d'ici nous recevrons. Voilà donc toutes les difficultés levées et nous voyons déjà le Bug derrière nous. Il ne s'agit que de découvrir le but que l'on veut nous faire atteindre, ce qui n'est pas la plus petite affaire pour nous..."

"Vendredi 14 - J'ai été à Wlodzimier.... j'ai trouvé tout le quartier général fort occupé des nouvelles du jour et plus encore de donner des ordres pour faire tomber les culottes jaunes et arborer les blanches !.."

"Dimanche 16 - L'on parlait hier sourdement d'une bataille gagnée par l'Archiduc du côté de Zürich, mais cette nouvelle me parait demander confirmation. Les succès rapides du général Suvarow me paraissent fort étonnants, mais en y réfléchissant, j'y vois plus de brillant que de solide. Car dans toutes les conquêtes que j'ai entendu nommer, il me paraît que les citadelles n'y sont point comprises et c'est, ce me semble, un point assez essentiel pour suspendre encore notre jugement sur l'opinion à laquelle nous devons nous arrêter sur un si beau début .... Nous attendons encore le retour d'un autre courrier envoyé à Cracovie pour avoir la marche-route des commissaires autrichiens..."

"Jeudi 30 - Hier... nous avons eu ample matière à politiquer sur les dernières victoires que vient de remporter l'Archiduc près de Zürich... du côté de l'Italie. Le général Suvarow remporte des avantages peut-être encore plus brillants. Il vient encore de battre complètement le général Moreau qui était venu l'attaquer avec toute son armée qui a été mise en déroute et lui a abandonné canons, tentes, munitions, etc. aux environs de Valence. En vérité, tout cela me paraît avoir quelque chose de surnaturel..."

"Dimanche 30 - Enfin notre départ est irrévocablement décidé à demain; et je vois, par tout le mouvement et les préparatifs de Wlodzimier, que l'on ne prévoit plus aucun obstacle à notre sortie de la Wolhynie. Quant à moi, j'en pars vraiment avec quelques regrets et je ne vois pas encore dans l'avenir un puissant motif de Consolation. Puissè-je être dissuadé avant peu !"

C'est en effet le 5 juillet que Signier et ses camarades passent le Bug et se rendent à l'armée de Korsakov où ils combattront vaillamment à Constance. Si, par la suite, de nouvelles pages du journal peuvent être imprimées dans cette revue, elles pourront montrer à nos lecteurs l'état d'esprit, en campagne, de notre jeune gentilhomme français.

Vicomte GROUVEL

ИЗЪ ПРОШЛАГО РУССКОЙ ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКИ И СТРАТЕГІИ

ВОСПОМИНАНІЯ АМЕРИКАНСКАГО ДИПЛОМАТА О РОССІИ (1854-1855 г.г.)

(библіографическая замѣтка)

Помѣщаемый на страницахъ „Русскаго Военно-Историческаго Вѣстника" матеріалъ представляетъ собою зачастую, но отнюдь не всегда, или перепечатки изъ старыхъ изданій прошлыхъ вѣковъ и начала настоящаго, или носитъ отчасти компилятивный характеръ. Въ условіяхъ эмиграціи, да и только ли одной эмиграціи, перепечатка изъ старыхъ изданій, давно уже ставшихъ для большинства недоступной библіографической рѣдкостью, представляется не только желательной, но и необходимой, и это тѣмъ болѣе, что въ свѣтѣ современныхъ событій добросовѣстно позабытое прошлое пріобрѣтаетъ нерѣдко новый смыслъ и особое провиденціальное значеніе.

Должно привѣтствовать и такіе труды по исторіи, въ которыхъ историческій матеріалъ, хотя бы даже уже отчасти опубликованный, служитъ автору лишь поводомъ для высказыванія вполнѣ самостоятельныхъ, еще никѣмъ не высказанныхъ, оригинальныхъ мыслей, выводовъ и сопоставленій. Наконецъ, талантливыя компиляціи по общимъ вопросамъ русской военной исторіи (даже если это, дѣйствительно, только компиляціи, а не самостоятельныя изслѣдованія, много интереснѣе для широкаго круга читателей, чѣмъ сухой археографическій матеріалъ по узко-спеціальнымъ вопросамъ.

„Новый Журналъ Литературы, Искусства и Науки" въ своей январской книжкѣ за 1905-й годъ напечаталъ въ русскомъ переводѣ воспоминанія американскаго дипломата Эндрю Уайта. Воспоминанія эти, касающіяся Россіи въ эпоху Крымской войны, не потеряли до сихъ поръ своего интереса и, въ извѣстномъ смыслѣ, настолько актуальны, что, пользуясь упомянутымъ источникомъ, я позволяю себѣ изложить и процитировать кое-что изъ нихъ на страницахъ нашего журнала.

Эндрю Уайтъ пишетъ, что когда онъ былъ студентомъ, его занятія исторіей и международнымъ правомъ пробудили въ немъ одновременно интересъ и къ дипломатическимъ отношеніямъ современныхъ государствъ. Съ этого и началась, въ сущности, его дипломатическая карьера.

Возвратившись, по окончаніи курса, въ Нью-Гавенъ съ цѣлью заняться изученіемъ новыхъ языковъ, Уайтъ увидѣлъ однажды изъ окна своей комнаты въ Сѣверномъ Колледжѣ своего друга Гильмана, куда-то стремительно бѣжавшаго. Уайтъ остановилъ Гильмана и тотчасъ же узналъ, что тотъ приглашенъ Коннектикутскимъ губернаторомъ Сейнуромъ (вновь назначеннымъ въ Россію посланникомъ) ѣхать съ нимъ въ качествѣ атташе, и, что, по его, Гильмана, совѣту, подобное же приглашеніе будетъ сдѣлано и Уайту.

„Колеблясь, принять ли это приглашеніе, - пишетъ Уайтъ, - я собрался поѣхать въ Нью-Іоркъ, чтобы посовѣтоваться съ отцомъ. Входя въ вагонъ, я, по счастливой случайности, нашелъ въ немъ одно свободное мѣсто - рядомъ съ губернаторомъ. Я видѣлъ его всего только одинъ разъ въ день полученія имъ ученой степени, три мѣсяца тому назадъ; но, когда я представился ему, онъ благосклонно заговорилъ о моей темѣ въ тотъ день, которая, я думалъ, пришлась ему не по душѣ, такъ какъ онъ былъ „за рабство", а я „противъ рабства", затѣмъ онъ любезно бесѣдовалъ о разныхъ предметахъ, и, когда мы разстались въ Нью-Іоркѣ, такъ сердечно пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ Россію, что я тогда же рѣшилъ согласиться и, увидѣвшись съ отцомъ, заявилъ ему о своемъ рѣшеніи."

Въ декабрѣ 1853-го года Уайтъ и Гильманъ отплыли въ Англію. Въ Лондонѣ имъ пришлось долго ждать губернатора Сеймура, въ послѣднюю минуту рѣшившаго не покидать Вашингтона, пока сенатъ не утвердитъ его назначеніе. Эта задержка оказалась для Уайта очень удачной, такъ какъ дала ему возможность познакомиться въ Лондонѣ съ нѣсколькими интересными людьми, въ особенности же съ Букананомъ, бывшимъ раньше посланникомъ въ Россіи, впослѣдствіи президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, а въ то время посланникомъ при Сентъ-Джемскомъ дворѣ.

„Онъ былъ однимъ изъ двухъ или трехъ лучшихъ собесѣдниковъ, какихъ я когда либо зналъ, - пишетъ Уайтъ о Букананѣ. — Впервые я познакомился съ его качествами въ этомъ отношеніи на большомъ обѣдѣ, даннымъ въ честь банкира Джорджа Пибоди. Дня за два передъ тѣмъ наши посланники въ Испаніи Сулэ и его сынъ дрались каждый на дуэли, - одинъ съ французскимъ посланникомъ, маркизомъ де Тюрго, а другой съ герцогомъ Альба изъ-за предполагаемаго нелюбезнаго отношенія къ женѣ Сулэ. Это происшествіе дало направленіе разговору, и воспоминанія Буканана о дуэляхъ, о которыхъ онъ зналъ въ теченіе своей долгой общественной жизни, я всегда буду считать самыми интересными изъ всего, что я когда либо слышалъ на эту, да и на другія темы".

Изъ Англіи Эндрю Уайтъ отправился въ Парижъ, гдѣ поселился въ семьѣ французскаго профессора, чтобы усовершенствоваться въ знаніи французскаго языка, столь необходимаго на дипломатической службѣ. Пробывъ во Франціи годъ, Уайтъ получилъ отъ Сеймура настойчивое требованіе пріѣхать въ Петербургъ до начала зимы. Въ серединѣ октября 1854-го года молодой американскій дипломатъ покинулъ гостепріимный Парижъ. До восточной границы Пруссіи Уайтъ доѣхалъ по желѣзной дорогѣ, дальше; въ предѣлахъ Россійской имперіи, ему пришлось путешествовать въ почтовой каретѣ семь сутокъ безъ остановки. Морское сообщеніе съ Россіей было прервано, такъ какъ англійскій флотъ блокировалъ русскіе порты Балтики.

„Когда я прибылъ въ послѣдній день октября 1854 года въ русскую столицу, - пишетъ Уайтъ, - то былъ крайне сердечно принятъ посланникомъ, который настаивалъ на томъ, чтобы я воспользовался всѣми преимуществами жизни вмѣстѣ съ нимъ. Когда я теперь оглядываюсь назадъ, то нахожу, что моя жизнь съ нимъ въ теченіе цѣлаго года была одной изъ самыхъ цѣнныхъ привилегій. Должность атташе въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ тѣ

дни, была во многихъ отношеніяхъ очень полезной для дѣла; но впослѣдствіи она была уничтожена конгрессомъ на томъ основаніи, что нѣкоторыя лица злоупотребляли ея привилегіями. Я не одинъ держусь того мнѣнія, что ее снова можно сдѣлать очень полезной для своей страны: одинъ изъ лучшихъ государственныхъ секретарей Соединенныхъ Штатовъ - Гамильтонъ Фишъ, однажды выразилъ мнѣ свое глубокое сожалѣніе, что эта должность уничтожена.

При существовавшей тогда системѣ, молодые люди съ достаточными средствами, кончившіе университетъ, призывались на помощь посланнику и ничего не стоили правительству; такъ какъ единственной ихъ вознагражденіемъ являлась возможность увидѣть жизнь и изучить страну, въ которой былъ аккредитованъ посланникъ.

Обязанности атташе состояли въ томъ, чтобы помогать посланнику получать свѣдѣнія, вести корреспонденцію и вообще управлять миссіей; атташе въ дѣйствительности былъ добавочнымъ секретаремъ миссіи, а моей еще обязанностью было служить переводчикомъ. Въ силу этой обязанности, я всегда сопровождалъ посланника при его совѣщаніяхъ со своими коллегами и съ русскими министрами, а также всегда присутствовалъ при дворѣ и на церемоніальныхъ аудіенціяхъ: это было, конечно, очень интересно для меня. Въ свободное отъ моихъ разнообразныхъ занятій время, я отдавался изученію такихъ трудовъ о Россіи и спеціально по русской исторіи, какіе были доступны, а новѣйшая исторія была тѣмъ интереснѣе, что нѣкоторые изъ людей, игравшихъ руководящую роль въ ней, еще не покинули арены. Особенно припоминаю одинъ случай, когда на какомъ то официальномъ собраніи я очутился возлѣ стараго генерала, которому разрѣшено было сидѣть, когда всѣ остальные стояли и узналъ, что онъ былъ одинъ изъ немногихъ оставшихся еще въ живыхъ, которые играли руководящую роль въ дѣйствіяхъ противъ Наполеона въ 1812 г. подъ Москвою".

Уайтъ говоритъ далѣе, что во время Крымской войны при американской миссіи создавалась прекрасная возможность наблюдать не только русское общество въ его цѣломъ, но и слѣдить за войной.

„Главными обязанностями американскаго представителя было подробно освѣдомлять свое правительство, охранять интересы своихъ соотечественниковъ и не только поддерживать, но и развивать дружескія отношенія, существовавшія много лѣтъ между Россіей и Соединенными Штатами. Послѣдовательная смѣна способныхъ американскихъ посланниковъ содѣйствовала установленію этихъ отношеній: изъ нихъ двое были впослѣдствіи избраны въ президенты Соединенныхъ Штатовъ, а именно - Джонъ Кинси Адамсъ и Джемсъ Букананъ; третій - Джорджъ Миффлинъ Дасласъ впослѣдствіи сталъ вице-президентомъ, четвертый - Джонъ Рандольфъ Раанокъ и нѣсколько другихъ были не менѣе, пожалуй, значительны въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Къ счастью, обѣ націи были естественно склонны къ мирнымъ отношеніямъ; ни одна изъ нихъ не имѣла интересовъ враждебныхъ интересамъ другой, а при такихъ обстоятельствахъ образъ дѣйствій посланника былъ ясенъ: онъ состоялъ въ томъ, чтобы избавить свое правительства отъ всякихъ осложненій и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣснѣе сблизить обѣ державы. Нашъ посланникъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи съ большимъ успѣхомъ. Его отношенія къ руководящимъ въ Россіи лицамъ, начиная съ им-

ператора, были такія, какихъ только можно было желать, и труду такихъ людей, какъ онъ, обязаны мы тѣмъ, что впослѣдствіи, во время Междоусобной войны, Россія выказала намъ расположеніе, которое навѣрно оказало вліяніе на то, что державы Западной Европы воздержались отъ признанія Южной Конференціи."

Уайтъ полагаетъ, что дружественныя отношенія между обѣими державами послужили, до нѣкоторой степени, причиной передачи Россіей Аляски Соединеннымъ Штатамъ. Нѣсколько любопытныхъ строкъ посвящаетъ авторъ воспоминаній особѣ императора Николая Павловича.

„Царь того времени, - императоръ Николай Павловичъ, - пишетъ Уайтъ, - былъ крайне внушительною личностью и его вообще считали во всей Европѣ самымъ совершеннымъ въ физическомъ отношеніи образцомъ мужчины. При дворѣ, въ обширныхъ залахъ, наполненныхъ представителями со всѣхъ концовъ міра, и на военныхъ смотрахъ онъ величественно возвышался надъ всѣми и, между прочими зрѣлищами, производившими впечатлѣніе на меня, я припоминаю наружность царя, когда онъ незадолго до своей кончины, ѣхалъ въ саняхъ и отдавалъ честь.

Онъ неменѣе величественъ былъ и въ смерти. Зимою 1855-го года онъ внезапно заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, которое имѣло роковой исходъ несомнѣнно вслѣдствіе угнетеннаго состоянія, въ какое его повергла неудачная война. Дня черезъ два я,по своимъ обязанностямъ, присутствовалъ вмѣстѣ съ нашимъ посланникомъ, въ Зимнемъ дворцѣ, на первомъ представленіи дипломатическаго корпуса новому императору, - Александру II. Зрѣлище было трогательное.Когда иностранные послы были разставлены полукругомъ, съ ихъ секретарями и аташе позади, большія двери распахнулись и молодой императоръ, въ сопровожденіи своего министра иностранныхъ дѣлъ, - графа Нессельроде, вышелъ въ залъ. Слезы текли по его щекамъ и рѣчь его была преисполнена глубокаго чувства. Онъ заявилъ, что Священный Союзъ, заключенный въ 1815 году, былъ нарушенъ не по винѣ Россіи; что хотя онъ жаждетъ мира, но, если на Парижской конференціи западныя державы будутъ настаивать на условіяхъ, не совмѣстимыхъ съ честью Россіи, то онъ станетъ во главѣ своей вѣрной страны, - отступитъ въ Сибирь, - умретъ, но не уступитъ.

Затѣмъ случился особенно поразительный инцидентъ. Отъ Австріи, спасенной всего семь лѣтъ тому назадъ Россіею отъ уничтоженія во время Австро-Венгерской революціи, Россія могла ожидать, какъ простой благодарности,хотя бы сохраненія нейтралитета.Но стало очевидно,что благодарность не помѣшала Австріи тайно присоединиться къ враждебнымъ націямъ. Поэтому во время своей рѣчи императоръ, повернувшись къ австрійскому представителю,- графу Эстергази,обратилъ на него очень суровый взглядъ, намекнулъ на неблагодарность его правительства и настаивалъ на томъ, что Россія имѣла право ожидать иной отплаты. Въ продолженіи всей этой своей рѣчи Императоръ не спускалъ глазъ съ австрійскаго посланника и говорилъ со строгостью,съ какой учитель обращается къ школьнику, пойманному въ дурномъ поступкѣ. По окончаніи этой рѣчи я былъ свидѣтелемъ самаго образцоваго поведенія, когда либо виданнаго: австрійскій посолъ, смотрѣвшій отъ начала до конца царю прямо въ глаза, не выражая ни

малѣйшаго слѣда какого либо чувства, поклонился торжественно, почтительно и затѣмъ стоялъ совершенно равнодушный, точно не были произнесены слова, которымъ суждено было измѣнить традиціонныя отношенія между двумя великими сосѣдними державами и породить озлобленіе, которое существовало въ продолженіе всей послѣдней половины девятнадцатаго вѣка и обѣщаетъ длиться и въ двадцатомъ.

Понимая важное значеніе этой рѣчи, какъ указаніе нашему правительству на то, какой образъ дѣйствій приметъ вѣроятно императоръ, я рѣшилъ твердо ее запомнить и вернувшись въ свое посольство, дословно записалъ ее. Въ этой формѣ она была переслана въ наше министерство, гдѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, просматривая различныя бумаги, я нашелъ ее."

Уайтъ разсказываетъ далѣе, что послѣ этого торжественнаго пріема, дипломатическій корпусъ былъ приглашенъ въ залъ, гдѣ на высокомъ ложѣ покоилось тѣло усопшаго императора. Вокругъ гроба были разложены на бархатныхъ и шелковыхъ подушкахъ осыпанные драгоцѣнными камнями кресты и ордена, присланные императору различными монархами міра. Тутъ же находились всѣ скипетры и короны государствъ, входившихъ въ составъ Россійской имперіи. У подножія гроба два монаха читали по усопшему. Лицо Николая Павловича было по прежнему благородно и величественно. Похороны царя сохранились въ памяти молодого американскаго дипломата, какъ самое внушительное зрѣлище, когда либо имъ видѣнное. Тѣло императора везли изъ дворца въ церковь крѣпости между двумя рядами войскъ, стоявшихъ локоть къ локтю по обѣимъ сторонамъ улицъ. Впереди тѣла несли меньшія короны и знаки отличія, а за нимъ большую императорскую корону, державу и скипетръ. Драгоцѣнные камни, украшавшіе царскіе регаліи и, въ особенности большой орловскій брилліантъ на вершинѣ скипетра, ослѣпительно сверкали въ лучахъ солнца. За тѣломъ шелъ императоръ Александръ и члены императорскаго дома.

Позже было совершено погребеніе въ Петропавловскомъ соборѣ. Оно было также чрезвычайно торжественно и красиво. Неизгладимое впечатлѣніе произвело на Уайта пѣніе хора, составленнаго изъ лучшихъ пѣвчихъ четырехъ большихъ соборовъ. „Послѣ отпѣванія, императоръ и его братья, вынувъ тѣло отца изъ гроба, обернули его покровомъ изъ золотой парчи и понесли къ гробницѣ рядомъ гробницею Петра Великаго, на право отъ главнаго алтаря; когда оно было опущено и раздалось чудное пѣніе, началась пальба изъ крѣпостныхъ пушекъ со всѣхъ сторонъ церкви, такъ что казалось все зданіе было потрясено до основанія...

Среди лицъ, съ которыми мнѣ, по моимъ обязанностямъ, приходилось имѣть дѣло отъ имени нашего представителя, былъ первый русскій министръ, - министръ иностранныхъ дѣлъ, - графъ Нессельроде. Въ то время онъ былъ самымъ выдающимся въ мірѣ дипломатомъ, потому что онъ засѣдалъ вмѣстѣ съ Талейраномъ и Метернихомъ и ихъ коллегами на Вѣнскомъ конгрессѣ, и теперь былъ послѣднимъ изъ дипломатовъ Наполеоновскаго времени. Онъ принялъ меня крайне ласково и сказалъ: „Итакъ вы начинаете дипломатическую карьеру ?" Я отвѣтилъ, что не могъ бы лучше начать ее, какъ съ знакомства съ Несторомъ дипломатіи, или что-то въ этомъ родѣ, и мои слова, повидимому, понравились ему.

Когда бы онъ ни встрѣчалъ меня послѣ того, его обращеніе со мною было всегда сердечное и онъ, казалось, всегда былъ готовъ сдѣлать все,что было въ его силахъ, для поддержанія наилучшихъ отношеній между обѣими державами."

Очень любопытныя данныя сообщаетъ Эндрю Уайтъ о своихъ соотечественникахъ, проживавшихъ въ то время въ Россіи.

„Изъ болѣе интересныхъ былъ полковникъ Самуэль Кольтъ изъ Гартфорда, изобрѣтатель револьвера, носящаго его имя, и его компаньонъ Дикерсонъ, - выдающійся экспертъ въ механикѣ и авторитетъ въ законахъ и патентахъ. Они пріѣхали въ Россію съ надеждою заключить контрактъ на поставку русскимъ усовершенствованнаго оружія, - такого, какимъ союзныя войска начали пользоваться противъ нихъ въ Крыму; но о тяжелый консерватизмъ русскихъ чиновниковъ сломались всѣ попытки. На всѣ доказательства важнаго значенія усовершенствованнаго оружія получался одинъ отвѣтъ: „Наши солдаты слишкомъ невѣжественны, чтобы обращаться съ чѣмъ-нибудь лучшимъ стараго кремневаго ружья"! Въ результатѣ русскіе солдаты были тысячами принесены въ жертву;низшее качество ихъ вооруженія было причиной того, что они были разбиты.

Что можно было ожидать чего-нибудь лучшаго, стало для насъ очевиднымъ однажды, когда я повелъ этихъ американцевъ въ Эрмитажъ, Императорскій музей,примыкающій ко дворцу. Осмотрѣвъ коллекцію произведеній искусства, мы перешли въ залъ, въ которомъ хранились реликвіи Петра Великаго и, въ особенности, различнаго рода машины, сдѣланныя для него механиками, вызванными имъ себѣ на помощь изъ Голландіи и другихъ западныхъ странъ. Эти машины не были тогда закупорены въ ящикахъ, какъ теперь, а были разставлены въ залѣ, и доступъ къ нимъ былъ возможенъ. Вдругъ Дикерсонъ громко крикнулъ: „Боже мой, Самъ, иди сюда ! Взгляни-ка на это!" Когда мы подошли къ нему, онъ указалъ намъ на токарный станокъ для вытачиванія неправильныхъ формъ и другой для снимки рельефовъ, съ образцами работы, сохранившимися еще въ нихъ. „Посмотри на это, - повторилъ онъ, - вѣдь это токарный станокъ Бланшара, который очень недавно вновь изобрѣтенъ, который наше правительство употребляетъ для вытачиванія ружейныхъ прикладовъ и который стоитъ цѣлаго богатства.Посмотри на рельефы въ другой машинѣ;это тотъ самый токарный станокъ для снимки копій съ скульптурныхъ работъ, который только что вновь изобрѣтенъ и нынѣ привлекаетъ такое усиленное вниманіе въ Парижѣ".

Эти машины стояли тутъ въ галереѣ, открытыя для всѣхъ сто лѣтъ со дня смерти Петра, и ни одно человѣческое существо никогда, повидимому, не потрудилось оцѣнить ихъ достоинство".

Уайтъ разсказываетъ, что среди американцевъ, понаѣхавшихъ въ Россію, оказалось не мало подозрительныхъ дѣльцовъ и безотвѣтственныхъ политикановъ,доставлявшихъ не мало хлопотъ американскому посланнику, опасавшемуся, чтобы эти господа не поссорили Соединенные Штаты съ западными державами.

„Очень значительная партія въ Соединенныхъ Штатахъ склонялась на сторону Россіи и желала помочь ей, если не открыто, то хоть тайно, - пишетъ Уайтъ. - Чувство это сильнѣе всего сказывалось въ Южныхъ Штатахъ и между людьми симпатизировавшими невольничеству въ Сѣверныхъ Штатахъ, и главнымъ агентомъ этой

партіи въ Россіи былъ нѣкто докторъ Котманъ изъ Новаго Орлеана, и главною причиною ея возникновенія была старая нелюбовь къ Великобританіи и предположеніе у фанатиковъ невольничества, что существуетъ связь между ихъ частью Америки и Россіею, связь, основанная на томъ, что какъ Америка пользуется благами невольничества, такъ Россійская Имперія пользуется преимуществами крѣпостного права. Это чувство могло бы стать совершенно инымъ, если бы люди, симпатизировавшіе Россіи, знали, что въ тотъ самый моментъ Александръ II задумалъ уничтожить крѣпостное право во всей имперіи, но при данныхъ обстоятельствахъ, восхищеніе ихъ Россіею не знало границъ и они даже убѣдили вліятельныхъ русскихъ, что не трудно было бы заставить Америку принять сторону Россіи, даже помочь ей оружіемъ, людьми и каперскими судами.

Благодаря этому, положеніе американскаго посланника бывало подъ часъ весьма щекотливо такъ какъ, выказывая дружеское расположеніе къ Россіи, онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, препятствовать стараніямъ ея слишкомъ рьяныхъ американскихъ адвокатовъ...

Война выдвинула много американскихъ искателей приключеній, нѣкоторые изъ нихъ, - истинные курьезы цивилизаціи, - особенно среди тѣхъ, которые составили планы обезпечить Россіи побѣду надъ западными державами. Всякаго рода шарлатаны привозили всевозможныя секретныя средства и подъ часъ тяжко приходилось посланнику и его подчиненнымъ при ихъ стараніяхъ удержать этихъ господъ въ границахъ приличія въ ихъ отношеніяхъ между собою и съ русскими властями. Однажды были собраны съ большимъ трудомъ главныя начальствующія лица русской арміи для присутствія при испытаніи какого-то новаго изобрѣтенія въ артиллеріи; оказалось, что соперникъ изобрѣтателя укралъ какую-то существенную часть пушки и все испытаніе потерпѣло фіаско.

Одинъ господинъ, пріѣхавшій съ великолѣпными планами, привезъ съ собою патентъ губернатора одного изъ западныхъ штатовъ на чинъ полковника милиціи и полный мундиръ генералъ-маіора. Сначала онъ не рѣшался облачиться въ свой парадный костюмъ и прошелъ цѣлую эволюцію, начавъ съ части этого облаченія и добавляя другія его части по мѣрѣ того какъ росла его храбрость. Во время этого эволюціоннаго процесса онъ сдѣлался посмѣшищемъ всего Петербурга; но позднѣе, когда онъ выступилъ въ полномъ и окончательномъ великолѣпіи, онъ сталъ дѣйствительно замѣтною личностью и настолько, что возникли серьезныя недоразумѣнія. По всему городу разсѣяны гауптвахты и часовой передъ каждой изъ нихъ беретъ только на караулъ передъ офицеромъ низшихъ чиновъ, когда же онъ видитъ генерала, то долженъ вызвать весь караулъ для отданія чести генералу съ барабаннымъ боемъ. Тутъ нашъ американецъ оказался источникомъ большихъ затрудненій, потому что когда часовой видѣлъ издали его роскошные эполеты, онъ моментально вызывалъ солдатъ, американцу брали на караулъ и били въ барабаны, къ великому его восторгу, но еще болѣе къ отвращенію русскихъ генераловъ и войска, которое такимъ образомъ отдавало нелѣпыя почести и оказывалось участвующимъ въ чемъ-то вродѣ оперетки".

Подобныя экстравагантныя выходки требовали, конечно, самаго энергичнаго вмѣшательства американскаго посланника. Русское правительство относилось ко всякаго рода американскимъ эксцентрикамъ съ большою терпимостью и снисходительностью.

Уайтъ посѣщалъ въ Петербургѣ дома нѣкоторыхъ англичанъ. Въ особенности, интересовалъ его домъ Бэрда, владѣльца желѣзныхъ заводовъ, носившихъ его имя. Заводы Бэрда считались тогда „чудомъ Россіи".

„Бэрдъ былъ очень интересною личностью, - пишетъ Уайтъ. — Я замѣтилъ посреди двухъ красивыхъ вазъ, украшавшихъ его столовую, третью, сдѣланную изъ трехъ большихъ орловъ оксидированнаго серебра съ золотыми коронами, и мнѣ разсказали ея исторію. Когда великій князь Александръ (впослѣдствіи императоръ Александръ II-й) заявилъ о своемъ намѣреніи поступить въ Петербургскій яхтъ-клубъ, то тотчасъ же былъ составленъ планъ соорудить великолѣпные трофеи и дать ему выиграть ихъ. На этотъ планъ дали свое согласіе всѣ члены клуба, за исключеніемъ Бэрда. Онъ сразу же сказалъ: „Нѣтъ, если яхта великаго князя можетъ взять этотъ призъ, пусть беретъ; если же нѣтъ, то пусть его получитъ лучшая яхта. Если я смогу его взять, то и возьму". Надѣялись, что онъ одумается, но когда наступилъ день гонокъ и остальныя яхты постепенно отстали, Бэрдъ продолжалъ гонку съ великимъ княземъ и одержалъ верхъ. Въ результатѣ онъ былъ нѣсколько лѣтъ въ немилости у высокопоставленныхъ лицъ, окружавшихъ императора, - немилость, стоившая ему, несомнѣнно, большихъ суммъ; но онъ всегда заявлялъ о своемъ удовольствіи, что онъ настоялъ на своемъ правѣ.

Однажды я былъ свидѣтелемъ печальнаго faux pas за обѣдомъ у него. Это было въ началѣ Крымской войны; одинъ сидѣвшій за столомъ американецъ имѣлъ неосторожность упомянуть о проклама-ціи королевы Викторіи противъ всѣхъ, помогавшихъ непріятелю, прокламаціи, ясно относившейся къ Бэрду и его желѣзнымъ заводамъ. Произошла сцена. Съ дамами чуть не сдѣлалась истерика. Но самъ Бэрдъ оказался вполнѣ на высотѣ положенія: онъ сказалъ, что конечно сожалѣетъ о томъ, что отечество считаетъ его измѣнникомъ, но что во время союза противъ перваго Наполеона его отецъ былъ приглашенъ русскимъ правительствомъ построить свои заводы и это не только съ согласія, но съ полнаго одобренія британскаго правительства. Вслѣдствіе этого его заводы заключили съ русскимъ правительствомъ контракты, которые теперь должны быть выполнены. Насколько дѣло касается его, то совѣсть у него совершенно чиста; долгъ его ясенъ и онъ его исполнитъ".

Не подлежитъ сомнѣнію, что воспоминанія Эндрю Уайта представляютъ собою во многихъ отношеніяхъ цѣнный историческій матеріалъ. Напомнимъ, что Уайтъ закончилъ свою дипломатическую карьеру на отвѣтственномъ посту американскаго посланника въ Германіи. Для насъ очень важно, что именно американскій дипломатъ отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ благотворную политическую роль императорской Россіи въ историческихъ судьбахъ Соединенныхъ Штатовъ Америки.

А.К. САВИЦКІЙ

ПОДВИГЪ КЛ. УН. ОФИЦЕРА КУЗНЕЦОВА

Мнѣ всегда казалось,что мой долгъ описать и передать будущимъ поколѣніямъ исключительный,по мнѣнію моему,подвигъ русскаго солдата, свидѣтелемъ котораго мнѣ пришлось быть.

„Русскій Военно-Историческій Вѣстникъ" впервые въ этомъ году предоставилъ свои страницы участникамъ I-ой міровой войны для описанія лично ими пережитого. Пользуясь этимъ, чтобы описать подвигъ кл. ун. оф. Л.Гв. Преображенскаго полка Кузнецова, совершенный 35 лѣтъ тому назадъ, глухой осенью 1916 года,на позиціяхъ на такъ называвшемся тогда„Владиміро-Волынскомъ направленіи" въ 40 верстахъ къ западу отъ Луцка, у многихъ памятныхъ, снесенныхъ съ лица земли, деревень Корытница и Свинюхи.

Схоронивъ 3-го сентября жену,я отбылъ 18-го изъ Петрограда во главѣ эшелона пополненія, съ 4 ротами преображенцевъ и лейбъ егерей. Послѣ долгихъ мытарствъ и трехдневной стоянки въ Минскѣ мы выгрузились въ Луцкѣ и 30-го я привелъ свои роты въ расположеніе обоза 2-го разряда,гдѣ отъ Начальника Хозяйственной части, полковника Штакельберга (позже командира Л.Гв. Егерскаго полка) я узналъ всѣ подробности сентябрьскихъ боевъ полка. Передъ отбытіемъ изъ Петрограда мы знали о блестящихъ атакахъ полка 3-го и 7-го сентября у лѣса „Сапогъ" и о занятіи командиромъ 2-го батальона, полковникомъ Кутеповымъ, Свинюхинскаго лѣса и плѣненіи 2000 нѣмцевъ; называли имена погибшихъ при этомъ офицеровъ, но ни о 3-ей атакѣ, 19-го, ни объ общихъ потеряхъ полка, мы ничего не знали. А потери эти были ужасающія: за сентябрь мѣсяцъ выбыло изъ строя 2.274 человѣка (офицеровъ убито 7, ранено 17; нижнихъ чиновъ убито 650, ранено 1.600). Цифры эти превышали потери не только Люблинской кампаніи 1914 г., но и Холмской и Виленской 1915 г. и операціи на Стоходѣ, всего лишь за 2 мѣсяца до того, въ іюлѣ 1916 г. Жутко становилось на душѣ; вкрадывалось въ насъ сомнѣніе: сможетъ ли, послѣ такихъ потерь, послѣ такихъ ужасающихъ повторныхъ кровопусканій, возстать вновь изъ небытія наша гвардія; не лебединая ли это ея пѣснь ?

На слѣдующій день Командиръ полка, Свиты Его Величества Ген.-майоръ Дрентельнъ, въ сопровожденіи полкового адъютанта, штабсъ-капитана Малевскаго-Малевича и капитана Молчера,смотрѣли прибывшее пополненіе, лихо прошедшее церемоніальнымъ маршемъ. Командиръ полка благодарилъ роты и обрадовалъ меня обѣщаніемъ назначить въ родной мнѣ 4-й батальонъ. При первой смѣнѣ полка съ позиціи я принялъ 15-ую роту.

Въ ротѣ было 52 штыка; за 2 сентябрьскія атаки,3 и 19-го,въ которыхъ оба раза рота шла въ первой линіи, потери ея были: два убитыхъ ротныхъ командира: подпоручики Ратьковъ-Рожновъ и Мартыновъ; фельдфебель Сѣчинъ, 3 взводныхъ унт. офицера и 245 солдатъ ранеными и убитыми. Иными словами, почти 100 % состава. (послѣ атаки 3 сентября въ роту поступило 80 человѣкъ пополненія).

Прибывшее со мною пополненіе довело составъ роты до 150-ти штыковъ. Мнѣ дали прекраснаго младшаго офицера подпоручика Джержикрай-Моравскаго – послѣдняго оставшагося въ рядахъ полка славной когорты добровольцевъ изъ лучшихъ польскихъ семей,

поступившихъ въ полкъ въ Варшавѣ, тотчасъ по объявленіи войны подъ вліяніемъ братскихъ славянскихъ чувствъ, возбужденныхъ манифестомъ Великаго Князя Главнокомандующаго, обѣщавшаго полякамъ автономію подъ сѣнью Россійскаго Державнаго орла.

Весь командный составъ роты, сверху и до низу, былъ новымъ. Положеніе было трудное. Я сталъ знакомиться съ унтеръ-офицерскимъ составомъ и очень скоро обратилъ вниманіе на совсѣмъ маленькаго и очень не казистаго собой, нисколько не „гвардейскаго типа" но очень исполнительнаго, подвижного съ двумя „Георгіями" мл.унтеръ-офицера Кузнецова, не занимавшаго никакой командной должности (онъ былъ едва грамотенъ и слишкомъ малъ ростомъ), но состоящаго въ „связи" ротнаго командира. Я не помню ни имени его, ни губерніи, изъ которой онъ былъ родомъ. Помню лишь, что на мой недоумѣнный вопросъ, какъ этотъ двухвершковый человѣчекъ могъ попасть въ Преображенскій полкъ, мнѣ напомнили о странномъ пополненіи, поступившемъ въ полкъ тотчасъ послѣ тяжелыхъ потерь Люблинской кампаніи 1914 г., когда, при полной въ первыя недѣли войны еще дезорганизаціи дѣла пополненія гвардейскихъ полковъ, Кульневъ привелъ къ намъ подъ Кржешовъ не только „армейскій" матерьялъ, но даже полсотни финновъ-добровольцевъ, не знавшихъ ни слова по русски. Наши фельдфебеля сдѣлали все отъ нихъ зависящее (а всѣ мы знаемъ, какъ много можетъ „г. фельдфебель" и въ мирной и въ походной обстановкѣ...), чтобы на законнѣйшихъ основаніяхъ отдѣлаться отъ этого не красившаго роты элемента и очень скоро добились своего. Были, однако, исключенія: были большіе молодцы среди этихъ маленькихъ людей, всячески сопротивлявшіеся откомандированіямъ (по большей части на тыловыя должности), сжившіеся, сроднившіеся со своими ротами, а часто высказанною доблестью завоевавшіе въ нихъ и всеобщее уваженіе. Вотъ такимъ то молодцомъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова и былъ мл. унтеръ-офицеръ Кузнецовъ. Его расторопность и добрая о немъ слава сразу обратили на него мое вниманіе, первая же недѣля окопнаго „сиженія" связала меня съ нимъ накрѣпко.

„Заступили" мы 31-го октября. „Ваше Высокоблагородіе, да вѣдь это наши окопы! А вотъ блиндажъ покойнаго ротнаго командира, ихъ Высокоблагородіе поручика Мартыновъ вотъ у этого кустика и легли; а вотъ и наши убитые !" Простымъ глазомъ, при каждой часто пускаемой нѣмцами „свѣчѣ", шагахъ въ 150, у самой неразбитой германской проволоки, на снѣгу, на совершенно ровной, безъ всякихъ складокъ, мѣстности, явственно была видна залегшая цѣпь, и трудно было представить себѣ, что она лежитъ въ этомъ положеніи уже 6 недѣль, съ 19 сентября, и никогда не подымется..

15-ая рота заняла, по случайности, тотъ самый отрѣзокъ позиціи, тѣ самые окопы, изъ которыхъ она 19 сентября самоотверженно бросилась въ безнадежную атаку на неразбитую германскую проволоку, и въ которые возвратились цѣлыми лишь жалкіе ея остатки. Люди бѣжали ровною цѣпью на почти вѣрную смерть и такъ навѣки и легли у вражеской проволоки, не разбитой за отсутствіемъ артиллеріи, для этого необходимой.

Фельдфебель принесъ мнѣ официальный списокъ потерь 19-го сентября. „Ваше В-іе", докладываетъ онъ, „мл. ун. оф. Кузнецовъ хочетъ ихъ ночью вытаскивать". Я даже въ первую секунду не

сообразилъ, кто это - „ихъ". - „Да нашихъ упокойниковъ". Да что онъ, съ ума что-ли сошелъ ? Да какъ же до нихъ дополэти ? на снѣгу всякое пятно „ему" видно; а отъ нѣмецкихъ бенгальскихъ свѣчей,которыя они почти безпрерывно пускаютъ,и ночью то свѣтло почти какъ днемъ ! Да къ тому же „они" крѣпко примерзли, ихъ не отодрать; да и разложились конечно за полтора мѣсяца.

Мнѣ казалось дикимъ рисковать жизнью живыхъ людей - и какихъ молодцовъ ! - чтобы имѣть нравственное удовлетвореніе съ честью предать землѣ бренные останки. Явился Кузнецовъ. Мои доводы и попытки его отговорить не имѣли на него ни малѣйшаго воздѣйствія.Я съ невольнымъ уваженіемъ смотрѣлъ на этого маленькаго солдата.Какая сила духа! Какая поразительная духовная мощь въ этомъ человѣчкѣ. Добровольно, никѣмъ, никакимъ приказомъ не побуждаемый,онъ хотѣлъ рисковать въ теченіе часовъ своею жизнью; безъ подбодряющаго присутствія „у локтя" товарищей (на міру вѣдь и смерть красна !), исключительно изъ религіозныхъ побужденій. Предложеніе Кузнецова казалось мнѣ какимъ то сверхъ-геройствомъ. Вспоминался легендарный „матросъ Кошка" Севастопольской эпопеи. „Да какъ же ты, маленькій и слабенькій такой, потащишь ихъ ? Да къ тому же они вѣроятно крѣпко примерзли къ землѣ;отрывать придется". Кузнецовъ задумался. „Не иначе, какъ вдвоемъ, придется, В. В-іе". Онъ былъ увѣренъ, что всегда найдетъ товарища. И онъ не ошибся. Смѣльчаки - помощники нашлись. Было рѣшено, что съ наступленіемъ темноты Кузнецовъ начнетъ свое почти безумное „предпріятіе".

Много прошло мыслей въ головѣ за остатокъ этого дня (странное совпаденіе: это былъ день моего рожденія !). Вспомнилъ я похороны первыхъ убитыхъ 4-го батальона, подъ вечеръ, послѣ затихшаго боя,въ Кщеновскомъ лѣсу, 22 августа 1914 г ;похоронили мы ихъ безъ священника; выкопали братскую могилу; пропѣли, какъ сумѣли „Со святыми упокой", „Отче нашъ". Батальонный Командиръ полковникъ гр. Литке, прочиталъ молитву „Боже духовъ и всякія плоти" (по этому поводу потомъ были разговоры въ полку: эту „отпускную" молитву можетъ читать лишь священникъ) и подъ „Вѣчную память" закопали дорогихъ товарищей. Вспомнились мнѣ другіе аналогичные похороны и, главное, припомнилась ночь въ полковомъ резервѣ, въ дер.Поремба Гурна, подъ Краковомъ, во 2-ой половинѣ ноября 1914 г., когда, полумертвый отъ усталости, я засыпалъ на соломѣ въ польской халупѣ, а бѣднаго Бенуа, смѣнившагося съ позиціи на нѣсколько часовъ позже насъ, жестоко пробиралъ нашъ несравненный Литке за неисполненіе приказа о выносѣ при смѣнѣ возможно большаго количества убитыхъ 3-ей роты (онъ былъ со взводомъ въ оторванномъ окопчикѣ впереди, въ полутора десятковъ шаговъ отъ непріятеля, окруженный трупами жестоко пострадавшей здѣсь 8-го ноября 3-ей роты; всякое сообщеніе съ Бенуа днемъ, кромѣ какъ черезъ пріученныхъ собакъ,было невозможно, т.к.телефонный проводъ перебивался почти немедленно;чинить же его абсолютно было невозможно; въ этомъ положеніи взводъ пробылъ цѣлую недѣлю). „Г. Полковникъ", оправдывался Бенуа, „чтобы вынести трупы, я долженъ былъ рисковать жизнью живыхъ". - „Прапорщикъ, ваше дѣло было исполнить приказаніе; честь полка требовала,чтобы всѣ наши покойники были съ молитвой преданы землѣ! И въ тече-

ніе почти всего перваго года войны удавалось проводить въ жизнь новую, узаконенную на поляхъ чести, традицію: всѣ преображенцы выносились съ поля брани и съ честью и молитвою хоронились своими однополчанами. И проводникомъ этой, вновь ожившей гордой гвардейской традиціи, 31 октября 1916 г., на 3-мъ году войны, былъ пл.ун.оф.15-ой роты, маленькій „армеецъ", мой безподобный герой Кузнецовъ.

Темный осенній вечеръ приближался. Планъ Кузнецова былъ простъ до чрезвычайности. Ползти по снѣгу, какъ былъ (предложеніе бѣлыхъ балахоновъ было отвергнуто), по кошачьи, не обращая вниманія на стрѣльбу „оттуда" и, при освѣщеніи мѣстности бенгальскими свѣчами или прожекторомъ противника, немедленно „залегать", изображая изъ себя такіе же трупы, какихъ было много повсюду кругомъ. Безпокоило насъ - наблюдателей подвига - непрекращающаяся рѣдкая стрѣльба противника, по временамъ учащающаяся, а иногда переходящая, при первомъ подозрительномъ шорохѣ, въ сплошную „трескотню" съ пулеметными „очередями". А какъ избѣжать этого шороха, въ особенности въ непосредственной близости отъ непріятеля, можетъ быть въ 10 шагахъ отъ его наблюдателей, подъ самой его проволокой, при отрываніи крѣпко примерзшихъ къ землѣ грузныхъ гвардейцевъ ? И вѣдь нашъ безумецъ не думалъ ограничиться однимъ; онъ опредѣленно говорилъ: „всѣхъ до смѣны перетащу", и я понималъ, что это не пусто хвастовство, и что мой герой исполнитъ задуманное и будетъ продолжать свои вылазки пока его самого не ухлопаютъ.

Не берусь описывать, въ особенности черезъ 35 лѣтъ, волненіе всѣхъ насъ (нужно ли говорить, что никто въ ротѣ не спалъ въ поздніе часы вечера 31 октября), когда Кузнецовъ, въ сопровожденіи другого снѣльчака, поползъ къ непріятельской позиціи. Долго тянулись для насъ минуты; отъ время до времени стрѣльба учащалась; раза 2 или 3 затрещалъ пулеметъ; можетъ быть въ дѣйствительности или только вслѣдствіе нервнаго возбужденія представлялось намъ, что учащались пускаемыя вверхъ противникомъ свѣчи. Казалось, что наши снѣльчаки раскрыты, можетъ быть погибли... Утѣшались мыслью: какому нѣмцу можетъ прійти въ голову, что русскіе станутъ добровольно рисковать своей жизнью, чтобы завладѣть бренными останками своихъ мертвецовъ ? Въ какой, дѣйствительно, кромѣ отчаянной русской, башкѣ можетъ зародиться Кузнецовскій планъ ? Надѣялись на удачу, на родное всѣмъ намъ „авось" ; а пуще всего на Господа Бога, и многіе изъ насъ мысленно возносились къ Нему и творили истовое крестное знаменіе.

Прошло немного болѣе часа времени. Кто-то, что-то тихо сказалъ; я не разслышалъ. „Ваше В-ie, кажись ползутъ", шепчетъ наблюдатель. Черезъ минуту: „какъ есть, они"... А черезъ другую минуту черезъ окопъ перетащили что-то грузное; понесло тяжелымъ, столь, увы, знакомымъ запахомъ. Я бросился обнимать моего героя. Разспросы, заглушенныя восклицанія... Скорѣе, опредѣлять фамилію мертвеца. Добились съ трудомъ - лишь по надписи на поясѣ. Ищу по списку: 2-ое отдѣленіе 1-го взвода; именно то отдѣленіе, изъ котораго никто не вернулся. Разспрашиваю Кузнецова и выношу полную увѣренность, что предположеніе наше правильно: передъ нами цѣпь славнаго 1-го взвода; лежатъ по ранжиру, какъ на Красносельскихъ маневрахъ ! Звоню командующему батальономъ капитану Леонову,

тотъ съ волненіемъ докладываетъ командиру полка. Телефонистъ передаетъ мнѣ, что сообщено о. Николаю и сдѣлано распоряженіе о присылкѣ гроба.

Въ ротѣ волненіе; выясняется, что Кузнецовъ хочетъ немедленно вновь ползти за вторымъ; но его сообщникъ сдаетъ нервами, отказывается; находится другой. Я пытался уговорить Кузнецова бросить или, хотя бы, передохнуть, поспать, отложить до слѣдующей ночи. „Никакъ нѣтъ; на ту ночь труднѣе будетъ; „они" безпремѣнно замѣтятъ, что упокойниковъ передъ проволокой меньше будетъ; догадается; пуще стрѣлять будетъ"... Опять поползли. И опять мы стали считать минуты... и черезъ часъ вновь жуткое и радостное возвращеніе.

Это длилось 3 ночи подрядъ. Кузнецовъ вытащилъ 7 труповъ, оказавшихся первыми шестью и восьмымъ номерами по ранжиру и по списку упомянутаго мною 2-го отдѣленія I-го взвода 15 роты. Кузнецовъ продолжалъ свои вылазки, съ каждой ночью дѣлавшіяся болѣе и болѣе трудными (нѣмцы дѣйствительно замѣтили систематическое исчезновеніе труповъ, насторожились и усилили и освѣщеніе и стрѣльбу), до тѣхъ поръ пока ему не прострѣлили лѣвой ноги. Слава Богу, что это случилось на обратномъ пути и въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ нашихъ окоповъ. Сопровождавшій помогъ ему доползти; доволочили и 7-ой трупъ.

Небезинтересная подробность: только одинъ изъ помощниковъ Кузнецова пополз за нимъ второй разъ; всѣ остальные болѣе одного раза не выдерживали. Всѣхъ ихъ Командиръ полка приказалъ представить къ „кресту". Кузнецовъ по распоряженію высшаго начальства былъ представленъ одновременно ко 2-й и къ I-й степ. „Георгія".

Болѣе чѣмъ заслуженная награда и связанное съ ней по статуту производство въ подпрапорщики пришли изъ Штаба Арміи лишь въ мартѣ. Рана Кузнецова по счастью оказалась не серьезной; онъ давно уже оправился. Сіяющій, съ 4-мя Георгіями и въ подпрапорщичьихъ погонахъ явился онъ ко мнѣ, увы, проститься, т.к. къ общему огорченію, согласно недавно опубликованному приказу въ виду страшной убыли въ офицерскомъ составѣ пѣхоты боевые подпрапорщики подлежали откомандированію въ школы прапорщиковъ для подготовки къ производству въ I-й офицерскій чинъ. Помню смущеніе въ батальонѣ толки о томъ, что хоть онъ и рѣдкій герой, но какъ командировать изъ Преображенскаго полка для ускореннаго производства въ офицеры едва грамотнаго молодца, никогда не занимавшаго даже унтеръ-офицерской командной должности ? Это „затрудненіе" было все же разрѣшено согласно страстному желанію нашего удальца, и черезъ нѣсколько дней онъ уже отбылъ въ Петроградъ.

Наступили самые морально-тяжелые, страдные мѣсяцы 1917 года. Очень скоро мнѣ, какъ и многимъ, пришлось навѣки покинуть родной полкъ. Въ концѣ лѣта я какъ-то сидѣлъ у себя дома, на Фурштадтской. Звонокъ. Деньщикъ съ радостной физіономіей докладываетъ: "г. Капитанъ, подпрапорщикъ Кузнецовъ проситъ разрѣшеніе войти!" Горячо обнялъ я своего сіяющаго героя; онъ ожидалъ производства со дня на день.

Больше мы съ нимъ не встрѣчались, и я ничего не знаю о его дальнѣйшей судьбѣ.

А. СТАХОВИЧЪ

В. И. Дмитрев прошу передать как дар в библиотеку
1954 г. [illegible]

РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

БИБЛІОТЕКА
МОРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ ВЪ ПАРИЖѢ
№ _____
_____ 19__ г

№ 10

РЕДАКТОРЫ:

А. К. Савицкій и Ю. А. Топорковъ

ИЗДАНІЕ
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ
ПАРИЖЪ — 1952

РУССКІЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

№ IO

Редакторы:
А.К.САВИЦКІЙ - Ю.А.ТОПОРКОВЪ

ПАРИЖЪ
1952

СОДЕРЖАНІЕ

стр.

Проф. П.Е.КОВАЛЕВСКІЙ - Царь Алексѣй Михаловичъ, какъ военачальникъ..... 2

А.МЮНСТЕРЪ - Атаманъ М.И.Платовъ..... 7

А.Л.МАРКОВЪ - Бытовыя черты старой русской арміи:

I. Дѣти полка..... IO

2. Поединки въ русской арміи..... I7

П.Б.СУШИЛЬНИКОВЪ - Капитанъ - генералъ /изъ воспоминаній Астраханскаго гренадера/..... 26

Князь В.И.ШАХОВСКОЙ - Отрывки военнаго прошлаго..... 32

А.К.САВИЦКІЙ - Пушкинъ военный..... 35

"РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"
издается на правахъ рукописи. Всѣ права сохранены.

Въ этомъ номерѣ 49 страницъ.

Не принятыя рукописи не возвращаются и ни въ какія объясненія ни съ кѣмъ редакція по этому поводу не вступаетъ.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАКЪ ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Въ оцѣнкѣ дѣятельности Царя Алексѣя остаются часто въ тѣни его заслуги въ дѣлѣ устроенія регулярнаго войска, такъ какъ слава его геніальнаго сына, создателя Русскаго Флота и преобразователя Русской Арміи настолько неоспорима, что многимъ представляется ненужнымъ искать истоковъ Петровскихъ военныхъ реформъ и этимъ какъ бы умалять значеніе Великаго Петра.

Между тѣмъ исторія приходитъ все болѣе и болѣе къ выводу, что Петровскія реформы, кромѣ тѣхъ которыя явно рвали съ Московской традиціей, какъ церковная, тѣсно связаны съ эпохой Царя Алексѣя и что не будь въ эту эпоху положено основаніе развитію отдѣльныхъ областей государственной жизни Россіи, Великому Преобразователю не удалось бы провести свои измѣненія.

Приходится всегда обращаться къ знаменитой оцѣнкѣ дѣла Петра княземъ Яковымъ Долгорукимъ, который на вопросъ Царя о томъ, кто больше сдѣлалъ для Россіи онъ или его отецъ съ обычной для него откровенностью такъ охарактеризовалъ реформы Петра / 1717 /:

" Главныя дѣла Государей, въ которыхъ они отличаются : I/ внутренняя расправа и правосудіе. Въ этомъ Алексій Михайловичъ сдѣлалъ больше. Онъ далъ уложеніе, по которому и теперь всѣ судятся. 2/ Въ дѣлахъ военныхъ Царь Алексій Михайловичъ тоже многихъ похвалъ заслужилъ, пользу великую государству принесъ и сыну устроеніемъ регулярныхъ полковъ путь указалъ, но несмысленные люди его учрежденія разворили. Петръ теперь все въ лучшее состояніе привелъ, но конецъ войны покажетъ, сохранится ли армія; 3/ Въ дѣлѣ же сношенія съ другими государствами и устройствѣ флота Петръ сдѣлалъ несомнѣнно больше своего отца".

Въ тему нашего очерка не входитъ выясненіе вопроса о созданіи регулярныхъ полковъ, для этого необходимо спеціальное изслѣдованіе всѣхъ указовъ и распоряженій Царя Алексѣя и подробный анализъ изданнаго по его распоряженію въ 1649 году въ Москвѣ " Ученія и Хитрости Ратнаго Строенія ".

Отмѣтимъ только, что и въ дѣлѣ устройства регулярныхъ войскъ на территоріи Московскаго царства и въ организаціи слободскихъ Казачьихъ полковъ Царь Алексѣй Михайловичъ самъ входилъ во всѣ детали жизни арміи и вникалъ во всѣ ея нужды. Всюду чувствуется не только его любовь къ ратному дѣлу, но и его начитанность и глубокое знаніе современнаго ему военнаго быта.

Необходимо также подчеркнуть, что Царь Алексѣй впервые ввелъ въ войскахъ санитарную службу. Если по иниціативѣ боярина Фед. Мих. Ртищева въ Россіи была устроена помощь больнымъ и раненымъ, то дѣло полевой санитарной службы и полевой хирургіи возникло цѣликомъ по иниціативѣ Царя, который послѣ учрежденія Аптекарскаго приказа и Аптекъ на Москвѣ выписывалъ докторовъ для арміи и заботился о подготовкѣ военныхъ врачей изъ русскихъ.

Работы проф. Тарновскаго и Новембергскаго показали, что полевая хирургія въ эпоху Царя Алексѣя была на большой высотѣ. Особенно интересенъ списокъ хирургическихъ инструментовъ, употреблявшихся при походныхъ госпиталяхъ, который свидѣтельствуетъ, что Царь принималъ всѣ мѣры къ сбереженію жизни своихъ воиновъ.

Мѣры эти вытекали естественно изъ тѣхъ гуманныхъ задачъ, которыя ставилъ предъ собой Царь передъ отправленіемъ въ походы и которыя являются чрезвычайно характерными для его мягкаго и человѣколюбиваго характера.

Царя Алексѣя Михайловича, какъ военачальника нельзя понять, если не дать хотя бы краткой характеристики его личности. Царь былъ не только человѣкомъ мягкимъ "ласковымъ", какъ о немъ говорили, но онъ, по словамъ современниковъ, какъ иностранцевъ такъ и русскихъ, не возбуждалъ никогда страха, а всякаго ободрялъ и поддерживалъ. Лицо его дышало добродушіемъ, но было въ то же время серіозно и важно. Рейтенфельсъ, говоря о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ на него Царь говоритъ, что " это такой Государь, какого желаютъ имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ ".

Англичанинъ Коллинсъ ставитъ его наравнѣ съ " добрѣйшими и мудрѣйшими государями " въ исторіи человѣчества.

Отличительной чертой Царя Алексѣя, проявлявшейся постоянно въ его военной дѣятельности, была его глубокая религіозность не обрядовая, а основанная на убѣжденіи, что онъ творитъ Божье дѣло и обязанъ поэтому блюсти миръ и благочестіе, что на немъ лежитъ великій долгъ и что онъ только исполнитель Божіей воли.

Царь судилъ о всемъ съ религіозной точки зрѣнія и это нельзя выпускать изъ вида, когда оцѣниваешь его дѣятельность.

Изъ его религіозности вытекаетъ необыкновенное человѣколюбіе, его желаніе блага своему народу, "жалость о народѣ" его стремленіе, чтобы даже въ походное время воинъ меньше терпѣлъ невзгодъ. Онъ совсѣмъ не принадлежитъ къ тѣмъ полководцамъ, которые не считаются со своимъ войскомъ и губятъ людей ради достиженія военныхъ успѣховъ. Для Царя Алексѣя война въ первую очередь защита правды, и на нее надо итти съ благословенія Церкви и она оправдана только если вызывается необходимостью защиты вѣры и справедливости.

При всей своей мягкости, Царь Алексѣй, если надо, показывалъ себя необыкновенно твердымъ и рѣшительнымъ, особенно когда это вызывалось нарушеніемъ того христіанскаго идеала, который онъ себѣ поставилъ. Послѣ побѣдъ подъ Смоленскомъ онъ принимаетъ рѣшительныя мѣры противъ тѣхъ воиновъ, которые грабятъ или производятъ насилія въ завоеванной землѣ и приказываетъ казнить всѣхъ кто своими дѣйствіями роняетъ въ глазахъ иностранцевъ высокій идеалъ русскаго Христова воинства.

Отношеніе Царя къ войску, воеводамъ, побѣдамъ и пораженіямъ отмѣчено въ его обширной перепискѣ, особенно въ письмахъ къ сестрамъ изъ походовъ. Въ нихъ вырисовывается необыкновенно ярко обликъ этого замѣчательнаго воина христіанина, который всю жизнь борется за Правду.

Подробный обзоръ всѣхъ военныхъ дѣйствій, происшедшихъ въ царствованіи Царя Алексѣя выходитъ за рамки нашей задачи. Мы ограничимся разборомъ тѣхъ трехъ походовъ, когда онъ самъ велъ свои рати на врага и въ которыхъ съ особенной яркостью отразился его идеалъ полководца.

Первый походъ Царя былъ вызванъ необходимостью защиты Малороссійскаго населенія, искавшаго помощи у Москвы, у Православнаго Царя.

Еще лѣтомъ 1653 года, то есть до присоединенія Малороссіи, Царь рѣшилъ подготовить войско къ возможному выступленію и во время смотра на Дѣвичьемъ полѣ подъ Москвой приказалъ огласить приказъ въ которомъ говорилъ, что долгъ воинства охранять православную христіанскую вѣру въ мирѣ, тишинѣ и благоденствіи, ограждать Царское Величество отъ супротивныхъ враговъ и спасать народъ отъ всенаходящихъ бѣдъ. Далѣе Царь цитируетъ слова Евангелія о томъ, что нѣтъ большей любви, какъ когда кто положитъ жизнь свою за други своя. 23 октября Царь совѣщается въ Успенскомъ соборѣ съ патріархомъ, всѣмъ освященнымъ соборомъ, боярами и думными людьми о походѣ, а въ началѣ 1654 года выступаетъ самъ во главѣ своихъ войскъ.

Передъ выступленіемъ онъ присутствуетъ на молебнѣ, а послѣ него обращается къ военачальникамъ и боярамъ съ наставленіемъ, требуя отъ нихъ справедливости и христіанскаго отношенія къ подчиненнымъ.

Воинамъ же всѣмъ отъ простыхъ солдатъ до воеводъ приказываетъ передъ выступленіемъ въ походъ говѣть на первой недѣлѣ поста.

18 мая Царь раздѣлилъ все войско на три части: главныя силы подъ своимъ личнымъ командованіемъ отъ направилъ къ Смоленску, князю Трубецкому приказалъ итти въ Малороссію на соединеніе съ Хмельницкимъ, а боярину В.Б.Шереметеву двинуться на Бѣлгородъ и защищать границы отъ татаръ.

26-го слѣдуя за своимъ войскомъ, Царь пріѣхалъ въ Можайскъ и оттуда писалъ въ Москву своимъ сестрамъ, что спѣшитъ съ походомъ, такъ какъ по его свѣдѣніямъ подъ Смоленскомъ пока нѣтъ значительныхъ непріятельскихъ силъ.

Съ первыхъ же дней въ окруженіи Государя нашлись люди, которые стали отговаривать его отъ продолженія войны и старавшіеся внушить ему, что борьба будетъ трудной и затяжной. Но несмотря на свой мягкій характеръ Царь устоялъ противъ всѣхъ уговоровъ и продолжалъ походъ, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ вѣрилъ въ правоту своего дѣла и, рѣшившись на войну, считалъ невозможнымъ измѣнить своего рѣшенія.

Первыя добрыя вѣсти пришли, когда Царь находился у Царева Займища. Поляки оставили Дорогобужъ и отступили къ Смоленску. 26 іюня произошло первое сраженіе на рѣкѣ Колоднѣ.

28 іюня Царь сталъ передъ Смоленскомъ, сперва на Богдановой Околицѣ, а потомъ устроилъ свой станъ на Дѣвичьей горѣ въ 2 верстахъ отъ города.

Въ это время отдѣльными отрядами русскихъ войскъ были заняты Полоцкъ, Рославль и Мстиславль. Несмотря на пораженіе при

Орше положеніе Московскаго войска въ районѣ Смоленска вскорѣ укрѣпилось. Польскіе военачальники жаловались королю, что война идетъ по новому образцу "милостью" и что благодаря снисходительнымъ мѣрамъ принѣняемымъ къ плѣннымъ и населенію, всѣ переходятъ на сторону Царя.

" Мужики очень намъ враждебны, говорится въ донесеніи Королю, вездѣ на Царское имя сдаются и дѣлаютъ больше вреда чѣмъ сама Москва ".

9 августа В.Шереметевъ разбилъ поляковъ при Глубокомъ, а кн.А.Трубецкой нанесъ пораженіе гетману кн.Радзивиллу у Борисова. При этомъ было взято въ плѣнъ 12 полковниковъ, знамена и бунчукъ, Золотаренко со своей стороны занялъ послѣ сраженія Гомель.

Послѣ взятія Могилева Царь пожаловалъ городу Магдебургское Право и всякія льготы.

Въ августѣ успѣхи отдѣльныхъ отрядовъ развивались, были заняты Новый Быковъ и Пропойскъ, но осада Смоленска была безуспѣшной, несмотря на геройство московскихъ воиновъ и казаковъ, штурмовавшихъ стѣны и лѣзшихъ по лѣстницамъ наверхъ. Царь дважды звалъ воеводъ и начальниковъ казаковъ къ себѣ къ столу/25 іюля и 15 августа / и убѣждалъ ихъ, чтобы они людей жалѣли и зря не слали на стѣны ". Во всѣхъ его распоряженіяхъ подъ Смоленскомъ ярко выступаетъ его забота о рядовомъ воинѣ. Онъ ободряетъ его, хвалитъ его храбрость, но остерегаетъ отъ ненужной жертвы и чрезмѣрной удали. Самый кровопролитный штурмъ былъ 16 августа, но и онъ не удался. Русскихъ было убито до 7000, а ранено 15 тысячъ, но такъ какъ часть стѣнъ была разрушена и число защитниковъ уменьшилось, командовавшіе Польскимъ войскомъ и Нѣмцами воевода Филиппъ Казимиръ Обуховичъ и полковникъ Корфъ начали переговоры о сдачѣ.

10 сентября была подписана капитуляція, причемъ, отдавая честь храбрости защитниковъ и вѣрный своему идеалу войны милостивый и справедливый Царь согласился на очень мягкія условія. Обуховичъ и Корфъ были отпущены, а всѣмъ воинамъ было предложено или присягнуть Царю или итти на волю.

По торжественномъ въѣздѣ въ Смоленскъ и осмотрѣ города, Царь приказалъ устроить походную церковь Воскресенія, гдѣ и былъ отслуженъ благодарственный молебенъ.

Въ концѣ года былъ взятъ еще рядъ городовъ въ томъ числѣ Витебскъ. Царь не могъ вернуться въ Москву изъ за моровой язвы и остался зимовать при войскѣ въ Вязьмѣ, откуда продолжалъ управлять военными дѣйствіями, которыя осложнились недоразумѣніями между воеводами и казанами.

Второй Литовскій походъ Царя Алексѣя Михайловича начался 11 марта 1655 г.

Чтобы избѣжать грабежей и насилій, которые были произведены надъ мирнымъ населеніемъ занятыхъ областей нѣкоторыми воинскими частями, Царь издаетъ передъ выступленіемъ въ походъ строжайшій указъ съ назначеніемъ смертной казни всякому военному, который будетъ грабить населеніе.

Вскорѣ послѣ начала новой кампаніи русскія войска одержа-

ли рядъ блестящихъ побѣдъ: въ серединѣ іюня кн.Федоръ Юрьевичъ Хворостининъ взялъ Минскъ, а 29 іюля кн.Черкасскій, соединившись съ Золотаренко, напалъ на Гетмановъ Радзивилла и Гонсѣвскаго подъ Вильной и послѣ кровопролитнаго сраженія обратилъ ихъ въ бѣгство, послѣ чего Московскія войска и казаки вступили въ столицу Литовскаго Великаго Княжества.

Царь слѣдовалъ все время за войскомъ и давалъ приказанія воеводамъ относительно движенія полковъ.

9 августа было взято Ковно, а 29 Гродно. Въ то-же время Бутурлинъ и Гетманъ Хмельницкій разбили короннаго Гетмана Потоцкаго около Городна, вторглись въ Галицію и подступили къ Львову, но не взяли его изъ за недоразумѣній между воеводами и предводителями казаковъ.

Поздней осенью война продолжалась въ районѣ Бреста, гдѣ командовали кн.С.Урусовъ и кн.Ю.Барятинскій. Въ это время дѣло осложнилось вступленіемъ въ войну Швеціи, которая вторглась въ Польшу, а черезъ Имперскихъ пословъ начались переговоры о мирѣ съ Польшей.

Третій походъ, въ которомъ участвовалъ Царь Алексѣй Михайловичъ, былъ противъ Шведовъ, съ которыми началась война въ маѣ 1656 года. Царь послалъ сперва отрядъ подъ начальствомъ Петра Потемкина для занятія Финскихъ береговъ, а 5 іюля выступилъ самъ во главѣ главныхъ силъ на Полоцкъ. 15-го онъ перешелъ границу Ливоніи и 31 осадилъ Динабургъ, который былъ взятъ штурмомъ. Послѣ этого былъ завоеванъ древній городъ Кукенойсъ, а 23 августа русскія войска во главѣ съ Царемъ и подъ его личнымъ командованіемъ обложили Ригу, которая защищалась знаменитымъ Магнусомъ Делагарди. Осеннее время, вылазки осажденныхъ, наносившія большой уронъ русскимъ войскамъ и враждебность окрестнаго населенія вынудили Царя снять осаду и онъ вернулся въ Полоцкъ. Русскими войсками былъ взятъ всколъ Дерптъ, но дальнѣйшія дѣйствія были пріостановлены, такъ какъ Царь занялся переговорами о мирѣ съ Польшей.

Подводя итоги тремъ походамъ, въ которыхъ принималъ непосредственное участіе Царь Алексѣй Михайловичъ можно сказать, что, хотя во многихъ случаяхъ дѣйствовали воеводы, которымъ онъ предоставлялъ большую свободу дѣйствій, Царь все время изъ своего главнаго стана направлялъ общій ходъ военныхъ дѣйствій и заботился объ отдѣльныхъ отрядахъ. Несмотря на свой молодой возрастъ/ Царю было 25-26 лѣтъ /онъ всегда продумывалъ планъ кампаніи и старался предусмотрѣть всѣ трудности. Наиболѣе затрудненія ему причиняли распри между Малороссійскими военачальниками и его воеводами и тутъ онъ дѣйствовалъ своимъ царскимъ авторитетомъ.

Заслуги Царя Алексѣя Михайловича въ военномъ дѣлѣ велики. Онъ своими распоряженіями очень высоко поставилъ имя русскаго воина и хотя послѣ его указа все-же продолжались, главнымъ образомъ со стороны казаковъ, разгромы польскихъ и литовскихъ городовъ, Царь принималъ всѣ мѣры, чтобы ограждать по возможности мирное населеніе отъ разоренія и избіенія.

Онъ всегда подчеркивалъ, что ведетъ войну для защиты сла-

быхъ и поэтому когда бывали достигнуты тѣ результаты, къ которымъ онъ стремился, онъ кончалъ кровопролитіе и шелъ на мирные переговоры.

Для Царя Алексѣя воинъ, также какъ и военачальникъ, должны были сражаться не за неизвѣстную имъ цѣль, а наоборотъ вполнѣ сознательно участвовать въ защитѣ праваго дѣла. Поэтому до похода онъ разъяснялъ войску, почему онъ идетъ на войну. Онъ не требовалъ слѣпого подчиненія, а участія воиновъ въ водвореніи мира и справедливости, какъ того требовалъ его идеалъ Христіанскаго Государя.

Царь Алексѣй далъ-примѣръ гуманнаго отношенія къ рядовому воину, заботился о немъ, убѣждалъ военачальниковъ его беречь, требовалъ, чтобы раненыхъ и больныхъ окружали особымъ вниманіемъ. Для него сохраненіе человѣческихъ жизней было одной изъ важныхъ задачъ полководца.

Какъ въ своемъ отношеніи къ казачьему войску, такъ и въ отношеніи Слободскихъ полковъ, которые тогда только образовывались, онъ проводилъ тоже идеи справедливости и строгаго блюденія тѣхъ льготъ или обѣщаній, которыя онъ имъ давалъ. Часто, въ спорѣ ихъ съ московскими воеводами онъ становился на сторону казаковъ, такъ какъ считалъ, что его великороссійскія войска нарушали данныя имъ малороссіанамъ привилегіи.

Былъ-ли Царь Алексѣй Михайловичъ полководцемъ, ведущимъ за собою войска и вдохновляющимъ ихъ какъ его геніальный сынъ? Нѣтъ. Если Царь слѣдовалъ за войскомъ, если онъ руководилъ всей совокупностью военныхъ дѣйствій, онъ никогда не думалъ, что можетъ самъ итти въ аттаку на врага или штурмовать крѣпость, но своимъ присутствіемъ онъ не только вдохновлялъ людей на подвигъ, но дѣлалъ дѣйствительно изъ арміи одну большую семью, борющуюся за " Государево Правое Дѣло ". Поэтому завѣты Царя Алексѣя Михайловича такъ дороги многимъ русскимъ людямъ для которыхъ онъ является примѣромъ замѣчательнаго военачальника-христіанина.

Профессоръ П.Е.Ковалевскій.

Къ исполнившейся въ минувшемъ году двухсотой годовщинѣ

рожденія Атамана М.И.ПЛАТОВА.

АТАМАНЪ М.И.ПЛАТОВЪ.

Матвѣй Ивановичъ Платовъ, сынъ казацкаго полковника, возведеннаго, за услуги при усмиреніи пугачевскаго бунта, въ потомственные дворяне, съ чиномъ арміи премьеръ-маіора, родился на Дону 6-го августа 1751 года и, по тринадцатому году, вступилъ въ службу урядникомъ. Вскорѣ же произведенный въ офицеры, Платовъ съ 1770 года началъ свое боевое поприще подъ знаменами князя Долгорукаго-Крымскаго и былъ въ разныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ, за которые, 4 декабря, получилъ чинъ есаула, въ 1771 году находился при аттакѣ и занятіи Перекопской линіи, а

потомъ Кинбурна, за что, I января 1772 года, пожалованъ войсковымъ старшиною; въ 1774 году неоднократно сражался подъ г. Копыломъ на Кубани, а 3 апрѣля отличилъ себя славнымъ подвигомъ, отбивъ, при вершинѣ р. Калалы, въ нѣсколько десятковъ разъ превосходившія его силы крымско-татарскихъ конниковъ Девлетъ-Гирея и, въ томъ же году, переведенъ въ войска, дѣйствовавшія противъ Пугачева. Послѣ трехлѣтней службы въ губерніяхъ Казанской и Воронежской, для сыска и поимки скрывавшихся соумышленниковъ уже казненнаго Пугачева, Платовъ поступилъ въ войска Суворова, подъ начальствомъ котораго онъ, въ 1782 и 1783 годахъ, сражался на Кубани и въ Крыму, а въ 1784 году ходилъ противъ Лезгинъ и другихъ горскихъ народовъ, за что, 25 ноября, пожалованъ отъ арміи маіоромъ. Получивъ чины: 20 сентября 1786 года подполковника и 2 іюня 1787 года полковника, Платовъ, по случаю открывшейся тогда войны съ Турціею, явился къ р. Бугу, откуда, въ 1788 году, вступилъ, подъ начальствомъ князя-Потемкина, въ турецкіе предѣлы; 6 декабря отличился при осадѣ Очакова, а потомъ, переведенный въ Чугуевскій регулярный казачій полкъ, храбрыми подвигами подъ Бендерами, Каушанами и взятіемъ укрѣпленнаго замка Паланки, обратилъ на себя вниманіе " великолѣпнаго князя Тавриды ", по представленію котораго, 24 сентября 1789 года былъ пожалованъ въ бригадиры. Блистательные подвиги Платова на приступѣ къ Измаилу, 11 декабря 1790 года, доставили ему чинъ генералъ-маіора и 25 марта 1796 года орденъ св. Георгія 3-го класса; 3 сентября 1793 года онъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2-го класса, а за командованіе передовымъ отрядомъ въ персидскомъ походѣ 1796 года и участіе во взятіи Дербента графомъ Зубовымъ, получилъ золотую, украшенную алмазами, саблю.-По воцареніи Императора Павла I, Платовъ былъ удаленъ изъ службы и, вопреки показаніямъ нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ, не получалъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, какъ видно это, по крайней мѣрѣ, изъ печатныхъ списковъ орденскимъ кавалерамъ. - Вызванный снова на службу Императоромъ Александромъ I, Платовъ, 15 сентября 1801 года былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ назначеніемъ атаманомъ всего Донского войска, и 8 октября пожалованъ орденомъ св. Анны I-го класса. Въ званіи атамана, Платовъ занялся усовершенствованіемъ всѣхъ частей ввѣреннаго ему войска, далъ лучшее устройство сыскнымъ начальствамъ, старался опредѣлять къ должностямъ людей опытныхъ, исходатайствовалъ переводъ главнаго управленія Донцовъ въ Новочеркасскъ и завелъ на Дону артиллерію, которой тамъ до него не бывало. Въ кампанію 1805 года Платовъ выступалъ за границу, но не успѣлъ принять участіе въ битвахъ и, по возвращеніи на Донъ, пожалованъ, 18 ноября 1806 года, орденомъ св. Александра Невскаго, а затѣмъ получилъ назначеніе командовать всѣми казачьими полками при арміи, собиравшейся тогда въ Пруссіи. Прибывъ къ мѣсту своего назначенія 26 января 1807 года, Платовъ, на другой же день, успѣлъ отличить себя въ кровавомъ бою подъ Прейсишъ-Эйлау, потомъ неутомимо преслѣдовалъ французовъ отъ Ландсберга до Гейльсберга, наконецъ, мужественно прикрывалъ ретираду рус-

скихъ войскъ къ Тильзиту, за что награжденъ алмазными знаками къ ордену св. Александра Невскаго, драгоцѣнною табакеркою съ портретомъ Императора Александра I и, 22 ноября, орденомъ св. Георгія 2-го класса, а отъ прусскаго короля получилъ орденъ Краснаго и Чернаго Орловъ и тоже драгоцѣнную табакерку съ королевскимъ портретомъ.Въ 1809 году Платовъ находился въ числѣ особъ, сопровождавшихъ Императора Александра I на Финляндскій сеймъ въ г.Борго, послѣ чего онъ отправленъ къ молдавской арміи, 29 іюня былъ уже за Дунаемъ,въ авпустѣ занялъ г.Бабадагъ и принудилъ къ сдачѣ крѣпость Гирсово; I сентября получилъ орденъ св.Владиміра I-го класса;4 сентября содѣйствовалъ побѣдѣ князя Багратіона при Рассеватѣ и 23 сентября самъ разгромилъ,между Силистріею Рущукомъ, 5-ти тысячный турецкій корпусъ, за что произведенъ въ генералъ-отъ-кавалеріи. Съ началомъ отечественной войны 1812 года, Платовъ, командуя всѣми казачьими полками, прикрывалъ, со стороны Порѣчья и Рудни,отступленіе арміи;послѣ сраженія 4-6 августа у Смоленска составлялъ арріергардъ соединившихся армій; 26 августа, подъ Бородинымъ, начальствовалъ правой оконечностью русской позиціи, откуда пускалъ казаковъ въ знаменитую аттаку генералъ-адъютанта Уварова на лѣвый флангъ позиціи Наполеоновой,противъ вице-короля Италійскаго;при отступленіи отъ Москвы снова пошелъ въ арріергардѣ - при чемъ, у Можайска, выдержалъ сильный натискъ кавалеріи короля Неаполитанскаго; 13 октября, на р.Лужѣ,близъ Малоярославца, едва не захватилъ въ плѣнъ самого Наполеона;19 октября, подъ Колоцкимъ монастыремъ, опрокинулъ арріергардъ маршала Даву, потерявшій тутъ 27 орудій; 22 и 23 октября помогъ Милорадовичу разбить, подъ Вязьмою, соединенные корпуса Даву,Неа и вице-короля Италійскаго; 27 октября самъ поразилъ, на р. Вопи, вице-короля, у котораго отнялъ 23 орудія, за что, 29 октября, возведенъ въ графское россійской имперіи достоинство; 8 ноября добилъ остатки Неева корпуса на переправѣ за Днѣпръ, у Сыроконенья; II ноября занялъ Оршу; I5 - Борисовъ; 28 ноября истребилъ на Погулянкѣ, близъ Вильно,30-ти тысячный непріятельскій корпусъ; 2 декабря нанесъ окончательное пораженіе французамъ у Ковно и немедленно переправился за Нѣманъ, а I января 1813 года былъ уже за Вислою, гдѣ удостоился получилъ лестный рескриптъ Императора Александра I. Считаютъ,что, въ теченіе отечественной войны, войсками Платова взято: 546 орудій, болѣе 30 знаменъ и до 70 тысячъ плѣнныхъ. Начавъ кампанію 1813 года блокадою Данцига, графъ Платовъ,-по Высочайшему повелѣнію, сдалъ эту блокаду генералъ-лейтенанту Левизу и отправился въ главную квартиру,гдѣ оставался при Императорѣ Александрѣ до Пойшвицкаго перемирія, съ прекращеніемъ котораго получилъ въ свою команду разные легкіе отряды, назначенные дѣйствовать въ сообщеніяхъ непріятеля;I6 сентября,разбилъ у Альтенбурга французскій корпусъ Лефевра и преслѣдовалъ его до Цейца; 4,6 и 7 октября участвовалъ въ "битвѣ народовъ" подъ Лейпцигомъ, гдѣ получилъ орденъ св.Андрея Первозваннаго: I0 октября снова поразилъ Лефевра подъ Веймаромъ; съ I6 по I9 октября помогалъ баварскому корпусу генерала Вреде удерживать

французовъ у Ганау, за что награжденъ богатымъ брилліантовымъ перомъ съ вензелемъ Императора Александра I и лаврами,для ношенія на шапкѣ. Въ 1814 году,по вступленіи союзныхъ войскъ въ предѣлы Франціи, графъ Платовъ, предводительствуя по прежнему легкими отрядами,ознаменовалъ себя новыми подвигами при Лаонѣ, Эпиналѣ, Шармъ,взялъ Немуръ,дрался при Арсисѣ, полонилъ у Сезана, отрядъ старой Наполеоновой гвардіи, занялъ Фонтенбло и явился въ Парижъ,откуда сопровождалъ Императора Александра въ Лондонъ, гдѣ англичане, восхищенные подвигами Донского атамана, поднесли графу Платову богатую почетную саблю и назвали именемъ его корабль, тогда же спущенный на воду, между тѣмъ какъ члены Оксфордскаго университета поднесли атаману докторскій дипломъ. Въ кампанію 1815 года графъ Платовъ хотя и былъ вторично во Франціи, но не имѣлъ случая участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, а съ водвореніемъ общаго мира - проживалъ на Дону, пользуясь постояннымъ вниманіемъ всѣхъ соотечественниковъ, которые, съ голоса " пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ ", не переставали повторять:

Ура! нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный аркань-
Гроза для сопостатовъ.

Славные дни графа Платова пресѣклись смертію 3 января 1818 года, на Дону, въ слободѣ Еланчицкой, а тѣло его погребено въ Новочеркасскѣ,гдѣ,на Александровской площади,въ честь знаменитаго атамана воздвигнутъ памятникъ,открытый 9 мая 185.. года и состоящій изъ бронзоваго изваянія графа /работы барона Клодта / на гранитномъ пьедесталѣ, съ надписью: "атаману графу Платову, за военные подвиги съ 1770 по 1816 годъ, признательные Донцы."-Графъ Платовъ имѣлъ наружность воина,не ослабляемаго ни престарѣлыми лѣтами, ни долговременною службою. " Въ образѣ домашней жизни своей - говоритъ о Платовѣ статья Военно-Энциклопедическаго Лексикона - онъ умѣлъ сохранить средину между простотою предковъ и пышностію вельможи. Домъ его былъ открытъ для каждаго:гостепріимство и хлѣбосольство всегдашнее украшеніе его; въ военное же время, оказывая способности и опытность полководца, онъ ознаменовался также величайшею личною неустрашимостью и раздѣлялъ наряду съ простыми воинами всѣ опасности, труды и лишенія". Графа Матвей Ивановичъ Платовъ, отъ брака съ Маріею Дмитріевною Кирсановой /+ 1812/, оставилъ двухъ замужнихъ дочерей и двоихъ сыновей; потомство его существуетъ донынѣ.

А. Монстеръ.

/Портретная Галерея Русскихъ Дѣятелей, С.П.Б.,1865/.

БЫТОВЫЯ ЧЕРТЫ СТАРОЙ РУССКОЙ АРМІИ.

I
ДѢТИ ПОЛКА.

Въ Русской Императорской Арміи была прекрасная, старая

традиція: усыновленія воинскими частями дѣтей-сиротъ, оставшихся изъ за войны безъ родныхъ и крова. Такъ какъ эти дѣти всѣ безъ исключенія принадлежали къ народамъ, съ которыми Россія вела войны въ разныя эпохи нашей исторіи, то этотъ чисто христіанскій обычай любви къ своимъ врагамъ, являлся особенной, характерной чертой Русской Арміи, по праву именовавшейся христолюбивымъ россійскимъ воинствомъ.

Изъ многочисленныхъ случаевъ усыновленія частями сиротъ, особенно характерны и памятны три послѣднихъ въ исторіи Русской Арміи.

Хронологически, первый изъ нихъ имѣлъ мѣсто во время покоренія Кавказа, а именно 25 августа 1859 года, при штурмѣ аула Гунибъ, въ Дагестанѣ, послѣ котораго вскорѣ послѣдовала сдача кн. Барятинскому имама Шамиля и конецъ войны на Кавказѣ.

Въ этотъ день, во время боя на улицахъ Гуниба, солдатъ Ширванскаго полка нашелъ въ горящей саклѣ ребенка-дѣвочку всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ рожденія, родители которой погибли во время штурма. Солдатъ принесъ свою находку командиру полка, полковнику Кононовичу, который съ согласія офицеровъ принялъ дитя, какъ " дочь полка ". Взявъ въ свою семью ребенка Кононовичъ воспиталъ ее и далъ впослѣдствіи образованіе. Относился онъ къ дѣвочкѣ, какъ къ своей родной дочери, и она въ свою очередь любила и чтила его, какъ родного отца. Достигши 18 лѣтъ и превратившись въ красивую и стройную дѣвушку-невѣсту, Марію Ширванскую, она вышла замужъ за одного изъ офицеровъ полка.

Въ 1934 г. въ день 75-лѣтія покоренія Кавказа и взятія Гуниба, дочь Ширванскаго полка, которая жила въ Польшѣ, будучи уже вдовой русскаго генерала Л. прислала поздравительную телеграмму кадру родного полка, являясь въ это время, вѣроятно, единственнымъ, оставшимся въ живыхъ свидѣтелемъ, этого историческаго событія.

7 августа 1860 г. во время боя въ урочищѣ Афипса, поручикъ Нижегородскаго Драгунскаго полка Махатадзе нашелъ дѣвочку пяти лѣтъ, дочь убитаго въ этомъ бою черкесскаго узденя Дегухи, мать которой послѣ смерти мужа покончила съ собой. Дѣвочка была удочерена офицерами полка и ее взялъ на свое-попеченіе старшій офицеръ князь Амилахвари. Забота о ней въ походѣ была поручена драгуну Апаскевичу и фельдшеру Плутагову, которые замѣнили ей няньку. По достиженіи 7 лѣтъ " дочь полка " была окрещена въ станицѣ Николаевской, 20 мая 1861 г. при чемъ ея крестными родителями были: командиръ Нижегородскаго Драгунскаго полка Н. П. Граббе и жена казачьяго есаула - г-жа Шотъ. Дѣвочка получила имя Маріи, отчество по крестному отцу - Николаевны и, фамилію Дегухи - Нижегородской. Въ тотъ же день на полковомъ собраніи состоялось постановленіе, которому должны были подчиниться и поступающіе въ полкъ офицеры, о взносѣ офицерами полка ежемѣсячныхъ суммъ на воспитаніе ребенка, подписанное всѣми офицерами полка.

Во время смотра Кавказскихъ войскъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, съ вызовомъ на линію, на правомъ флангѣ Нижегородцевъ сталъ начальникъ дивизіи генералъ Тихоцкій, ко-

мандиръ полка и кн.Амилахвари, сзади котораго незамѣтно устроилась Маша. Видъ ребенка, выглядывавшаго изъ за строя усатыхъ драгунъ удивилъ Государя и онъ улыбнувшись спросилъ Тихоцкаго и растерявшихся офицеровъ:"Что за ребенокъ у васъ въ строю"... Когда Государю было объяснено,кто такая была Маша, онъ ее поцѣловалъ и взявъ за руку провелъ вдоль линіи полка.

Въ 1862 г. князь Н.Амилахвари помѣстилъ Марію Николаевну, съ согласія офицерскаго общества въ лучшее женское учебное заведеніе Тифлиса - Св.Нины. Всѣ офицеры Нижегородцы, посѣщавшіе въ это время Тифлисъ, считали съ этого дня своимъ священнымъ долгомъ навѣщать Машу и привозить ей игрушки и лакомства. Привыкнувъ къ горному чистому воздуху, ребенокъ, однако, не перенесъ душной атмосферы большого города и у него открылся туберкулезный процессъ. По совѣту врачей Машу тогда отправили въ родовое имѣніе кн. Амилахвари въ селеніе Чалы, Горійскаго уѣзда, гдѣ она начала быстро поправляться въ деревенской обстановкѣ. Въ 1865 г. врачи сочли, что дѣвочка совершенно поправилась и ея легкія зарубцовались, почему кн. Амилахвари опять отвезъ ее въ заведеніе Св. Нины, для продолженія образованія. Здѣсь она вскорѣ послѣ этого заболѣла скарлатиной. Вызванный телеграммой кн. Амилахвари поспѣшилъ въ Тифлисъ, но было уже поздно, Маша скончалась на его рукахъ 15 лѣтъ отъ рожденія.

Весь Нижегородскій драгунскій полкъ, во главѣ съ командиромъ и всѣми офицерами въ строю, провожалъ свою покойную дочь черезъ Тифлисъ подъ звуки похороннаго марша, на вокзалъ, откуда ея тѣло было отправлено въ Царскіе Колодцы на мѣсто стоянки полка.

Здѣсь надъ ея могилой была воздвигнута часовня и красивый памятникъ, изображающій розу со сломаннымъ стеблемъ и образомъ Св. Маріи Египетской. Надпись на немъ гласила: " Здѣсь покоится прахъ дочери Нижегородскаго Драгунскаго полка Маріи. Взята въ плѣнъ ребенкомъ 7 августа 1860 г. скончалась въ 1868 г.. Цвѣла 15 лѣтъ ".

Память о дочери полка Машѣ Нижегородской осталась въ полку до послѣднихъ дней его существованія. Деньги,собранныя офицерами на ея образованіе, были обращены послѣ ея кончины въ - " фондъ дочери полка ",для выдачи ссудъ нуждающимся офицерамъ.

- - - - - - -

Въ 1910 г. извѣстнымъ композиторомъ и капельмейстеромъ Главачемъ была написана "Историческая,музыкальная картина 200-лѣтія Л.-Гв. Кексгольмскаго Императора Австрійскаго полка". Въ этой картинѣ попури изъ разныхъ пѣсенъ, арій, гимновъ и маршей, имѣющихъ отношеніе къ исторіи полка, 168-ой годъ его существованія отмѣченъ... колыбельной пѣсней. Слушателю, незнакомому съ исторіей этого славнаго полка было непонятно, что должна была означать эта пѣсня, сплетающаяся съ лихой солдатской пѣсней " По горамъ твоимъ Балканскимъ " и съ болгарскимъ гимномъ " Шуми Марица "; для посвященныхъ же она напоминала о томъ,что 12 января 1878 г. за Балканами,въ долинѣ Марицы, Богъ послалъ дочку 168-лѣтнему Л.-Гв.Кексгольмскому полку.

5-го января 1878 г.послѣ взятія Филиппополя, полкъ вышелъ на андріанопольское шоссе, бывшее путемъ побѣдоноснаго марша Русской Арміи, дорогой отступленія турокъ и крестнымъ путемъ обезумѣвшихъ бѣженцевъ. Войскамъ приходилось въ буквальномъ смыслѣ пробивать себѣ дорогу среди бивуковъ и обозовъ бѣженцевъ, погибавшихъ отъ голода и холода. Подъ вечеръ 12 января, миновавъ сгорѣвшую деревню Курчешма, полкъ шелъ по шоссе.У дороги около потухшаго костра сидѣла умершая и закоченѣвшая женщина, прижимая къ груди ребенка, что-то лепетавшаго при видѣ солдатъ. Рядовой Михаилъ Саенко вышелъ изъ строя, взялъ ребенка изъ мертвыхъ рукъ матери, завернулъ его въ полу шинели и снова, съ младенцемъ въ рукахъ, вернулся въ ряды. Съ этого момента дѣвочка-турчанка вступила въ ряды полка, замѣнившаго ей родную семью на всю жизнь.

" Кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, тотъ Меня приметъ ". Рота приняла дитя во имя Его и несла Христа, передавая съ рукъ на руки святую и радостную ношу. Со всѣхъ сторонъ глядѣли на дѣвочку любовные, отчіе взоры:- солдаты просвѣтлѣли, ободрились и отъ конца до конца походной колонны Кексгольмцевъ понеслась радостная вѣсть: " Богъ благословилъ дочкой "... То въ строю на рукахъ солдатъ, то въ обозѣ въ аптечной двуколкѣ, превращенной въ походную кроватку Аишэ, маленькая турецкая сиротка раздѣлила съ полкомъ и Русской Гвардіей побѣдоносный маршъ отъ Андріанополя до стѣнъ Царьграда.

Весну и лѣто 1878 г.Кексгольмцы провели на берегу Мраморнаго моря, въ 25 верстахъ отъ Царьграда у м. Беюкъ-Чекмедже. На тѣхъ самыхъ Принцевыхъ островахъ, которые-въ 1920 -21 гг., стали жалкимъ пріютомъ русскихъ бѣженцевъ, 9-го іюля 1878 г., былъ данъ надолго оставшійся въ памяти своимъ богатствомъ и блескомъ " балъ-шантэтръ " Третьей Гвардейской пѣхотной дивизіи въ честь генерала Скобелева и главнаго командованія. Тамъ на бивуакѣ подъ стѣнами Царьграда, среди палатокъ, гуляла общая любимица полка маленькая Аишэ, лучшій живой трофей, который можно было только добыть на войнѣ. Въ томъ-же лагерѣ, тогда-же состоялось общее собраніе г.г. офицеровъ полка, принявшее единогласное рѣшеніе: признать Аишэ дочерью полка, взять ее съ собой въ Россію и принять на себя всѣ заботы о ея воспитаніи и благосостояніи ко времени совершеннолѣтія.

Въ августѣ того же года полкъ отправился на-родину, на свою варшавскую стоянку.

Весной 1879 г. въ офицерскомъ собраніи полка имѣло мѣсто необыкновенное торжество. Въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, полковой священникъ о.Мещерскій крестилъ въ купели, утопавшей въ сирени 5 - лѣтнюю Аишэ - дочь Кексгольмскаго полка и нарекъ ей имя Маріи, въ честь Государыни Императрицы Маріи Александровны.Крестнымъ отцомъ былъ поручикъ Константинъ Николаевичъ Коноваловъ, избранный изъ молодыхъ офицеровъ, чтобы подольше не разставаться съ крестной дочкой...Крестной матерію стала Софія Алексѣевна Панютина - жена командира полка ген. В.Ф. Панютина, старшимъ опекуномъ былъ избранъ капитанъ А.К.Рейхенбахъ.

Въ августѣ того же года Государь Александръ Второй посѣ-

тилъ полкъ, проѣздомъ черезъ Варшаву. Въ голубой гостинной собранія Государь увидѣлъ портретъ Маши, снятой ребенкомъ.

Государь позвалъ опекуновъ и крестнаго и задалъ имъ вопросъ о будущемъ дѣвочки. Ему отвѣтили, что полкъ хочетъ просить Государыню зачислить его дочь въ Варшавскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ. На это Государь отвѣтилъ " Я самъ это устрою ".

Скоро 6-тилѣтняя Маша была зачислена въ Институтъ пенсіонеркой Ея Величества, съ дарованіемъ ей дворянства и пожалованіемъ фамиліи Кексгольмской въ честь удочерившаго ее полка.

До 10-лѣтняго возраста Маша Кексгольмская жила въ семьѣ Панютиныхъ, ставшей для нея родной семьей. Въ 1883 г. ее отвезли въ Институтъ.

" Отецъ " внимательно слѣдилъ за успѣхами дочки: по субботамъ въ Офицерскомъ собраніи вывѣшивались Машины баллы, по воскресеньямъ опекуны и крестный ѣздили въ Институтъ и дарили ей конфекты и цвѣты. Въ гостинной собранія съ каждымъ годомъ появлялись все новые портреты подрастающей дочери. Маша училась прилежно, была всегда неизмѣнно тиха и послушна и цѣнила свою связь съ полкомъ и свое имя. Говорятъ, что подруги отъ нея слышали не разъ въ отвѣтъ на приглашеніе къ шалостямъ: " вамъ все равно, а за меня будетъ краснѣть весь мой полкъ"..

7-го іюня 1890 г. полкъ праздновалъ окончаніе Машей курса. На институтскомъ выпускномъ актѣ присутствовали въ парадной формѣ всѣ офицеры кексгольмцы; въ лагерѣ послѣ этого служили молебенъ передъ строемъ полка, а вечеромъ въ полковомъ собраніи состоялся балъ, на который былъ приглашенъ весь персоналъ института и весь " выпускъ Маріи Кексгольмской ". Послѣ выпуска изъ Института Маша жила въ семьѣ В.Ф.Панютина, командовавшаго въ это время уже дивизіей въ Луцкѣ.

Осенью того-же 1890 г. на Волыни происходили большіе маневры, въ присутствіи Государя Александра III-го и Царицы Маріи Феодоровны. На этихъ маневрахъ Маша была представлена Государынѣ и присутствовала рядомъ съ ней при проходѣ полка церемоніальнымъ маршемъ.

Въ зимніе сезоны 90 и 91 года на Святки и на маслянницу Маша пріѣзжала въ полкъ и останавливалась въ семьѣ своего крестнаго. Тогда начинались балы, спектакли и вечеринки въ офицерскихъ семьяхъ и въ собраніи и царицей этихъ празднествъ всегда и неизмѣнно была Маша.

Старые офицеры, участники турецкой войны называли ее "Машей " и говорили ей "ты", молодыхъ офицеровъ, выходившихъ изъ училищъ въ полкъ ей представляли и они называли ее "вы" и "Марія Константиновна". Ни подчеркивать, ни напоминать ей, что она дочь полка не было принято, но Маша прекрасно воспитанная, скромная и на рѣдкость тактичная сама умѣла во время сказать, что полкъ ея отецъ и всѣмъ своимъ поведеніемъ давала чуствовать, что она связана съ полкомъ не формой и долгомъ, не честолюбіемъ и тщеславіемъ, а дѣйствительно, сердечной преданностью.

Трудно представить себѣ естественность такихъ необычныхъ и условныхъ отношеній дѣвушки и цѣлаго общества офицеровъ, но

эта естественность была и сложилась общей и офицеровъ и Маши любовью къ полку.

Маша связывала офицеровъ, въ вопросахъ о ней всегда обсуждавшихся въ собраніи голоса были всегда единодушны и офицеры преклонялись передъ ней,какъ передъ самой дорогой и живой традиціей родного полка. Среди молодыхъ офицеровъ существовало какое-то этическое чувство,которое совершенно исключало всякій намекъ на ухаживаніе, противное сознанію ея родства съ полкомъ. Если для старшихъ она была дочерью, то для молодыхъ - любимой сестрой.Несмотря на то,что Маша была красива, съ прекраснымъ характеромъ,дѣвушка изъ за этихъ чистородственныхъ чувствъ,никто изъ офицеровъ полка не счелъ возможнымъ сдѣлать ей предложеніе,что конечно было бы вполнѣ законно и естественно.

Лѣтомъ 1892 г. старшій полковникъ объявилъ собранію офицеровъ,спеціально для этого созванному,что Машѣ сдѣлалъ предложеніе Изюмскаго Гусарскаго полка корнетъ Александръ Іосифовичъ Шлеммеръ.Въ Луцкъ, гдѣ стоялъ Изюмскій полкъ немедленно были делегированы опекуны Маши,чтобы познакомиться съ претендентомъ на руку дочери полка.Послѣ ихъ возвращенія произошло новое собраніе офицеровъ, на которомъ имѣло мѣсто, вѣроятно, единственное въ военной исторіи голосованіе:принять ли предложеніе корнета Шлеммеръ,или нѣтъ.Предложеніе большинствомъ голосовъ было постановлено принять и тутъ-же были намѣчены всѣ обстоятельства предстоящей свадьбы.

Выдали Машу по старымъ обычаямъ,не сироткой и безприданницей, а со всей красотой и пышностью, какую только могъ дать старый гвардейскій полкъ прежняго времени,а это значило очень много.Былъ мальчишникъ - холостой пиръ,былъ и дѣвишникъ -блестящій балъ, пріемы и встрѣчи почетныхъ гостей. Вѣнчали Машу 4-го ноября въ полковой церкви: ея шаферами были офицеры полка, шаферами жениха Изюмцы. Командиръ Кексгольмцевъ генералъ Д.М.Резвой былъ по праву посаженнымъ отцомъ,посаженной матерью была Н.С. Павлова изъ рода Панютиныхъ, въ семьѣ которыхъ Маша провела свое дѣтство. Почетными гостями были: фельдмаршалъ Гурко, герой Турецкой войны и представитель шефа полка Австрійскаго Императора Франца-Іозефа генералъ-адъютантъ австрійской службы Клепшъ.

Во время свадебнаго пира въ офицерскомъ собраніи былъ поданъ по старому обычаю отъ солдатъ полка каравай чернаго хлѣба и солонка съ солью и,одновременно съ тѣмъ Машѣ были вручены подарки Императора и Императрицы, а также свадебный подарокъ полка: серебряный сервизъ съ полковыми гербами, которые одновременно съ тѣмъ являлись и гербами Маши.

Было много поздравительныхъ телеграммъ отъ полковъ и привѣтовъ, но трогательнѣе всего была телеграмма: "Покорнѣйше прошу передать мое сердечное поздравленіе новобрачнымъ.Желаю имъ счастья и благополучія. Общество офицеровъ дорогого полка благодарю за приглашеніе и поздравляю съ семейнымъ праздникомъ. Запасный рядовой Кексгольмскаго полка Михаилъ Димитріевичъ Сасько ".

Послѣ замужества связь Маши съ полкомъ никогда не прерывалась.На ея визитныхъ карточкахъ всегда значилось:"Марія Константиновна Шлеммеръ. Дочь Л.-Гв.Кексгольмскаго полка".

Она носила брошку- гербъ полка и гербовой печатью полка, принадлежавшей ей по ея дѣвичьей фамиліи запечатывала свои письма.Не было случая въ жизни полка на который не отозвалась бы Маша,она присылала вклады на украшеніе полковой церкви,участвовала во всѣхъ подпискахъ и складчинахъ офицерскаго собранія,дѣлала подарки собранію и часто пріѣзжала гостить въ полкъ на всѣ праздники и балы. Въ собраніи имѣлась, принадлежавшая ей гостинная, называвшаяся "комнатой дочери полка ", тамъ были собраны всѣ ея портреты и карточки съ дѣтства.Не было случая также,чтобы полкъ не отозвался на ея семейную радость или горе. Все оставалось какъ и прежде, какъ водится въ хорошихъ семьяхъ, между отцомъ и дочерью. Внуками полка скоро стали ея сыновья Павликъ и Жоржикъ.

Знаменательнѣй всего, однако,были отношенія къ Машѣ солдатъ полка. Для нихъ " дочь полка " не была ни офицерской затѣей, ни господскимъ дѣломъ. они прекрасно знали, что это ихъ дитя,что Маша-Айша пригрѣтая рядовымъ Саенко въ зимній холодный день на андріанопольской дорогѣ,ихъ солдатское дитя и что гг.офицеры лишь оформили ея положеніе въ полку. Интересъ солдатъ къ Машѣ былъ необычайный,они страстно любили слушать разсказы о ней и читать книжечку о дочери полка,написанную Гродненскаго Гусарскаго полка ротмистромъ Ю. Л. Елецъ. Когда Маша бывала въ полку солдаты сбѣгались вокругъ нея тысячами и ихъ "ура"при видѣ ея было чисто стихійнымъ.Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію тотъ фактъ, что одной изъ основъ совершенно исключительной близости между солдатами и офицерами Л.-Гв.Кексгольмскаго полка была она дочь полка. Солдаты по праву- считали ее своей "солдатской дочерью"и были благодарны офицерамъ зъ ихъ заботы о ней. Сама она въ отношеніи солдатъ была необыкновенно нѣжна и заботлива и всю свою жизнь обращалась съ ними какъ родная.

Война, а затѣмъ не доброй памяти революція,положили конецъ этой красивой страницѣ прошлаго Императорской Русской Арміи. Едва полкъ выступилъ на войну въ августѣ 1914 г.какъ Машат оставивъ семью, вступила въ лазаретъ Третьей Гвардейской Дивизіи, гдѣ сестрами были жены и дочери кексгольмцевъ. Тамъ она провела всю войну.

Революція застала Машу въ лазаретѣ дивизіи во Владикавказѣ. Маша была уже больна, надорвавъ здоровье тяжелой работой, у нея открылся туберкулезъ. Въ 1919 г.она находилась въ санаторіи для туберкулезныхъ сестеръ въ Сочи, а 7 августа 1920 г. скончалась въ Ялтѣ, куда она пріѣхала къ мужу. За ея гробомъ шелъ мужъ, четыре старыхъ офицера полка и сестра одного изъ нихъ. Спустя немного времени погибъ и мужъ Маши, разстрѣлянный большевиками въ Севастополѣ. Сыновья Маріи Кексгольмской, какъ и ихъ мать выполнили свой долгъ до конца. Старшій Павелъ погибъ въ іюнѣ 1918 г. на фронтѣ Добровольческой Арміи въ рядахъ родного полка, младшій Георгій, переживъ войну и револю-

цію, попалъ съ полкомъ въ эмиграцію и нынѣ благополучно здравствуетъ въ рядахъ полкового объединенія.

Такъ кончилась прекрасная быль изъ жизни старой Русской Арміи. Конецъ ея трагиченъ, какъ все, что случилось съ марта 1917 г. онъ былъ надругательствомъ надъ всѣмъ нашимъ прошлымъ, не разбирая и не щадя того, что было и должно было остаться навсегда свѣтлымъ и прекраснымъ.

Библіографія: " Историческій Вѣстникъ " журналъ за 1894 г.
Ротмистръ Ю.Л.Елецъ " Дочь Л.-Гв.Кексгольмскаго полка",
" Исторія Ширванскаго полка ".
" Исторія Нижегородскаго Драгунскаго полка ".
" Дочь полка "; газета " Новое Время ".

II

ПОЕДИНКИ ВЪ РУССКОЙ АРМІИ.

Начиная съ библейскихъ временъ и на протяженіи долгихъ вѣковъ человѣческой исторіи поединки между представителями двухъ враждующихъ ратей передъ общимъ сраженіемъ являлись повсемѣстнымъ обычаемъ. Рыцарская Европа среднихъ вѣковъ перенесла обычай поединка, или, какъ его стали называть, " турнира ", и въ свой мирный обиходъ, не только, какъ военное упражненіе и народное развлеченіе, но и какъ форму судопроизводства, когда поединокъ между двумя тяжущими сторонами переносился изъ залы суда въ поле, гдѣ " судъ Божій " долженъ былъ разрѣшить споръ, неразрѣшимый другими способами.

Впослѣдствіи этотъ обычай средневѣковой Европы былъ перенесенъ на Московскую Русь, гдѣ такого рода "суды Божіи" происходили иногда даже въ присутствіи самого Государя, какъ объ этомъ имѣются упоминанія въ русской исторической литературѣ.

Европейское рыцарство передало обычай поединка, какъ разрѣшеніе оружіемъ спора между двумя противниками, своему преемнику - дворянству, которое въ свою очередь, какъ сословіе военное, ввело его въ армію.

Вмѣстѣ съ иностраннымъ воинскимъ строемъ, введеннымъ въ Россіи Петромъ Великимъ, въ числѣ другихъ традицій былъ введенъ и обычай поединка, или " сатисфанціи " между офицерами.

Петръ, однако, къ этому нововведенію отнесся отрицательно и со свойственной ему крутостью въ разрѣшеніи вопросовъ, издалъ " патентъ о поединкахъ ", въ которомъ предписывалъ: " вѣшать убившаго на дуэли за шею, а убитаго за ноги ". Въ послѣдующія послѣ Петра царствованія, дуэль, хотя и запрещалась закономъ, однако, считаясь съ духомъ времени, на нее смотрѣли уже болѣе или менѣе снисходительно и общественное мнѣніе, дравшихся на поединкахъ, отнюдь не осуждало.

Въ царствованіи Императрицы Екатерины Великой дуэль стала довольно обычнымъ явленіемъ среди офицеровъ, но особенное распространеніе она получила позднѣе, въ царствованіи Императоровъ

Павла и Александра I-го.

Какъ извѣстно, Императоръ Павелъ, будучи Великимъ Магистромъ Мальтійскаго ордена, одобрялъ всѣ рыцарскіе обычаи и самъ, какъ коронованный рыцарь, мечталъ даже разрѣшать международныя столкновенія путемъ поединка между заинтересованными государями.

Съ этого времени и вплоть до революціи 1917 г.обычай дуэли,какъ способъ возстановленія чести,твердо держался въ русской военно-дворянской средѣ."Обычай дуэли является среди цивилизаціи символомъ того,что человѣкъ можетъ и долженъ въ извѣстныхъ случаяхъ жертвовать самымъ дорогимъ для него благомъ-жизнью, за вѣру,родину и честь" сказалъ одинъ изъ знаменитыхъ адвокатовъ Россіи Спасовичъ, защищая на судѣ человѣка,убившаго на поединкѣ своего противника.

Ужъ не говоря о военной средѣ,въ которой понятія о чести были особенно развиты,дуэль почиталась необходимымъ зломъ даже въ кругахъ принципіально ее отрицающихъ.Лучшимъ примѣромъ этого является въ 1910 г. дуэль извѣстнаго юриста Набокова В.Д., который за двѣ недѣли передъ тѣмъ выступалъ въ СПБ. юридическомъ обществѣ съ докладомъ, въ которомъ осуждалъ поединки, и требовалъ приравненія ихъ къ простому убійству.

Въ военной средѣ стараго времени дуэли происходили на основаніи французскаго обычая, на огнестрѣльномъ оружіи,преимущественно на гладко-ствольныхъ, спеціально для дуэлей назначенныхъ, пистолетахъ Кухенрейтера безъ мушки, при соблюденіи извѣстныхъ условій,главнымъ образомъ въ присутствіи свидѣтелей -секундантовъ.Эти послѣдніе приглашались для себя каждымъ изъ противниковъ,.по своему выбору, изъ близкихъ друзей, или лицъ равныхъ имъ по своему чину или соціальному происхожденію.Быть секундантомъ считалось честью и отказываться отъ этого было неприлично. Секунданты обѣихъ сторонъ, собравшись вмѣстѣ, вырабатывали всѣ условія поединка и назначали часъ встрѣчи,согласно указаніямъ и желаніямъ противниковъ.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, классическихъ условій дуэли, въ прежнее время происходили частыя отступленія отъ правилъ. Помимо пистолетовъ, поединки имѣли мѣсто на револьверахъ, саблякъ и шпагахъ. Разстояніе обмѣна выстрѣлами также варьировалось въ зависимости отъ желанія участвовавшихъ сторонъ,степени оскорбленія и т.д.. Люди стрѣлялись и въ 10 шагахъ и въ 40, бывали даже дуэли " черезъ платокъ "т.е. противники стрѣляли по командѣ другъ въ друга въ упоръ одновременно, въ то время, какъ ихъ секунданты держали между ними платокъ, закрывающій цѣль.

Бывало, что противники обмѣнивались лишь однимъ выстрѣломъ и дуэль прекращалась, независимо отъ результатовъ: бывали случаи, что поединокъ длился независимо отъ числа выстрѣловъ до смерти, или выхода изъ строя одного изъ противниковъ. На шпагахъ и саблякъ обыкновенно дрались " до первой крови ", или до выхода изъ строя одного изъ противниковъ. Наконецъ,существовала т.н. " американская дуэль " всегда имѣвшая трагическій конецъ, такъ какъ противники бросали жребій и затѣмъ

тотъ, кто его вынималъ долженъ былъ подъ честнымъ словомъ покончить съ собой въ извѣстный срокъ. Такія дуэли происходили обыкновенно тогда, когда общественное положеніе противниковъ не позволяло обыкновенной дуэли и дѣло не должно было получить огласки.

Постепенно, обычай поединка въ Россіи былъ перенесенъ изъ чисто военной среды, въ близкую ей среду дворянства, а, въ самое послѣднее царствованіе по французскому образцу, и въ парламентскіе круги.

Дуэли въ Россіи, какъ и вездѣ, происходили по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Въ центрѣ обычно стояла женщина, изъ за которой съ временъ глубокой древности скрещивались дубины, ножи, мечи и шпаги и гремѣли выстрѣлы. Были столкновенія на почвѣ служебной, личной, спортивной и въ послѣднее время на политической. Въ основѣ ихъ лежали мотивы иногда пустяковые, иногда весьма серьезнаго свойства.

Въ царствованіе Императора Александра Благословеннаго, обычай дуэли былъ весьма распространенъ, будучи на ряду съ идеями энциклопедистовъ и лозунгами французской революціи привитъ въ русскомъ обществѣ. За поединки въ это царствованіе преслѣдовали слабо и на служебной карьерѣ военныхъ они не отражались. Доказательствомъ можетъ служить примѣръ генерала П.Д.Киселева, который въ 1823 г. убилъ на дуэли командира бригады ген.-майора Мордвинова 3-го, что ему не помѣшало годъ спустя занять должность начальника штаба 2-ой Арміи.

Въ 1809 г. Александръ Ивановичъ Нарышкинъ, офицеръ Егерскаго полка, былъ убитъ на дуэли графомъ Федоромъ Ивановичемъ Толстымъ, извѣстнымъ въ обществѣ подъ прозвищемъ "американца". Играли въ карты у гр. Толстого въ Большомъ Парголовѣ. Въ избѣ было жарко и многіе сняли мундиры, по примѣру хозяина. Покупая карту, Нарышкинъ сказалъ Толстому:

" Дай туза! "

Толстой всталъ, засучилъ рукава и, выставя кулаки, возразилъ съ улыбкой: " Извольте." Это была шутка, но она не понравилась Нарышкину, онъ обидѣлся, бросилъ карты, сказавъ: "Постой же, я дамъ тебѣ туза "!, и вышелъ изъ комнаты. Гости Толстого успокаивали Нарышкина, говоря, что Толстой даже намѣренъ извиниться. Но Нарышкинъ хотѣлъ во что-бы то ни стало драться на дуэли, говоря, что если бы другой сказалъ это, то онъ первый принялъ бы эти слова за шутку, но отъ извѣстнаго дуэлиста, который привыкъ властвовать надъ другими страхомъ, онъ не стерпитъ никакого неприличнаго слова.

Толстого посадили въ крѣпость, но потомъ онъ былъ прощенъ.

Императоръ Николай Павловичъ строго запретилъ дуэли и безжалостно каралъ всѣхъ участниковъ, тѣмъ не менѣе ни въ какую эпоху не было столько поединковъ, какъ въ николаевскія времена. Нельзя не упомянуть о смерти въ эту эпоху поэтовъ А. С. Пушкина и М.Ю.Лермонтова, убитыхъ офицерами Кавалергардскаго полка Дантесомъ и Мартыновымъ. Эти дуэли слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы о нихъ писать. Болѣе счастливо окончилась дуэль третьяго столпа русской литературы А.С.Грибоѣдова, имѣвшая мѣ-

сто при гораздо менѣе извѣстныхъ обстоятельствахъ.

На сценѣ Императорскаго балета этого времени имѣла большой успѣхъ танцовщица Авдотья Истомина, которой Пушкинъ посвятилъ прекрасные стихи и счастливымъ покровителемъ которой былъ молодой кавалергардъ В. В. Шереметевъ. Одновременно съ тѣмъ за Истоминой ухаживали А. С. Грибоѣдовъ и молодой графъ Завадовскій, жившіе на одной квартирѣ. Однажды, Истомина посѣтила ихъ, что стало извѣстно пріятелю Шереметева, гвардейскому улану А. И. Якубовичу, впослѣдствіи, въ декабрьскомъ возстаніи 1825 г. сыгравшемъ сомнительную роль. Якубовичъ подбилъ Шереметева вызвать на дуэль Грибоѣдова, обѣщавъ со своей стороны поставить къ барьеру Завадовскаго. Грибоѣдовъ, знавшій о ролѣ въ этомъ дѣлѣ Якубовича, предложилъ помѣняться противниками. Первая изъ этихъ дуэлей имѣла мѣсто на Волковомъ полѣ при чемъ секундантами въ ней были докторъ Іонъ и извѣстный кутила-гусаръ П. П. Каверинъ, также воспѣтый Пушкинымъ. У Завадовскаго оказалась прострѣлянной пола сюртука, Шереметевъ же былъ убитъ на мѣстѣ. Слѣдственная комиссія, производившая разслѣдованіе по этому дѣлу установила для участниковъ довольно легкое по тому времени наказаніе, а именно: графъ Завадовскій былъ высланъ заграницу, Якубовичъ былъ переведенъ изъ гвардіи въ Нижегородскій драгунскій полкъ на Кавказъ, участіе же Грибоѣдова было замято его родственникомъ графомъ Паскевичемъ.

Впослѣдствіи, въ Тифлисѣ Грибоѣдовъ стрѣлялся съ Якубовичемъ и былъ раненъ въ кисть руки. По изуродованному пальцу его трупъ былъ опознанъ впослѣдствіи въ Персіи, когда персидская чернь перебила весь составъ нашей миссіи въ Тегеранѣ.

Въ тѣ - же николаевскія времена имѣла мѣсто дуэль между офицерами Александрійскаго гусарскаго полка корнетомъ Мелле - ромъ и поручикомъ Эраси изъ за оскорбленія словами перваго второго. Во время дуэли, происходившей во дворѣ квартиры его эскадроннаго командира, Меллеръ былъ убитъ. Императоръ Николай Павловичъ конфирмировалъ это дѣло такъ. " Поручика Эраси, вынужденнаго защищать свою честь, подвергнуть церковному покаянію, секунданта поручика Никитина заключить въ крѣпость на четыре мѣсяца, а штабсъ-ротмистра Амондта, принимавшаго участіе въ дуэли, тогда какъ онъ, какъ прямой начальникъ обязанъ былъ ей воспрепятствовать и, дозволившаго взять для дуэли казенные пистолеты, разжаловать въ рядовые, съ назначеніемъ въ одинъ изъ Сибирскихъ полковъ.

Нѣсколько позднѣе произошла дуэль между двумя молодыми гусарами, поручикомъ Зиновьевымъ и корнетомъ Кошкинымъ, очень дружившими между собой. Ихъ дружбу погубилъ, прибывшій въ полкъ корнетъ Али-Гассанъ, который поссорилъ пріятелей. Кончилось это тѣмъ, что оба бывшихъ друга вышли на поединокъ, вызванный сплетнями кавказца, выступившаго въ качествѣ секунданта на дуэли и сдѣлавшаго все отъ него зависящее, чтобы воспрепятствовать примиренію. Во время дуэли Кошкинъ былъ убитъ наповалъ. Убившій своего друга Зиновьевъ, понявъ, что сдѣлался орудіемъ въ рукахъ своего секунданта, вызвавшаго это несчатье, потре - бовалъ этого послѣдняго немедленно къ барьеру. Струсившій Али

сталъ просить прощенія и отъ дуэли отказался.

Императоръ Николай I-ый чрезвычайно мудро конфирмировалъ докладъ по этому дѣлу. " Секунданта поручика Н. " гласила его резолюція " посадить на мѣсяцъ въ крѣпость, поручика Зиновьева никакому наказанію не подвергать, а корнета Али Гассана по лишеніи всѣхъ правъ состоянія сослать на двадцать лѣтъ въ каторжную работу въ сибирскіе рудники ".

Въ то же царствованіе, въ Бѣлорусскомъ гусарскомъ полку состоялась дуэль поручика Ляхова съ квартировавшимъ совмѣстно съ нимъ корнетомъ Болотовымъ. Причиной послужило то, что Ляховъ, продавая свою верховую лошадь одному изъ товарищей, сослался на Болотова, который будто-бы можетъ засвидѣтельствовать ея достоинства. На это Болотовъ, весьма основательно, отвѣтилъ, что не только за чужую, но и за свою собственную лошадь, онъ ручаться не можетъ. Изъ за этого загорѣлся весь сыръ-боръ и бывшіе пріятели стали врагами у барьера. Болотовъ выстрѣлилъ на ходу и перебилъ пулей ногу Ляхову. Послѣдній, упавъ на одно колѣно, пригласилъ противника подойти къ барьеру и прострѣлилъ ему грудь. По счастливой случайности, пуля не задѣла важныхъ органовъ и онъ остался живъ, хотя долго болѣлъ.

Тотъ-же поручикъ Ляховъ, являвшійся модным въ то время типомъ " бреттера ", т.е. спеціалиста по дуэлямъ, державшагося вызывающе по отношенію къ окружающимъ, въ 1849 г. имѣлъ другую дуэль съ корнетомъ Протасьевымъ. Ссора вышла изъ за неодобрительнаго отзыва Ляхова объ офицерахъ полка, куда Протасьевъ только что вышелъ изъ училища. Дѣло кончилось поединкомъ въ Сокольникахъ близъ Ширяева поля. Протасьевъ, не моргнувъ глазомъ, выдержалъ выстрѣлъ противника, пуля котораго сорвала у него съ головы клокъ волосъ, въ тотъ моментъ когда они оба подходили къ барьеру. Затѣмъ корнетъ Протасьевъ не пожелалъ стрѣлять въ Ляхова и около барьера призналъ, что погорячился и проситъ извиненія.

Послѣднее обстоятельство рисуетъ военную молодежь николаевскаго времени: гордость, доходящая до заносчивости не уничтожала благородства и чувства великодушія въ этихъ юношахъ, понятія которыхъ являлись взглядами ихъ среды, времени и воспитанія.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, имѣя весьма вспыльчивый характеръ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ самыхъ рыцарскихъ правилъ и раздѣлялъ взгляды своего времени. Однажды, произведя разводъ Третьему Линейному полку въ Варшавѣ, Цесаревичъ за какую-то ошибку разсердился на прапорщика Шуцкого и сгоряча приказалъ ему взять солдатское ружье и стать въ ряды.

Офицеры полка очень оскорбились этимъ и вечеромъ въ гарнизонномъ собраніи, въ присутствіи своего начальника дивизіи, Шуцкой заявилъ о своемъ намѣреніи вызвать Цесаревича на дуэль. Начальникъ дивизіи счелъ подобныя слова за дерзость и засадилъ не въ мѣру горонороваго фендрика на гауптвахту.

Наслѣдникъ, однако, узнавъ о происшествіи взглянулъ на дѣло иначе. Онъ явился лично на гауптвахту, гдѣ сидѣлъ Шуцкой, въ сопровожденіи своего начальника штаба генерала Куруты и, за-

явилъ Пущному, что явился къ нему, чтобы принять вызовъ...

" Смотрите на меня не какъ на брата вашего Монарха и не какъ на генерала, но какъ на товарища, который очень сожалѣетъ, что оскорбилъ Васъ, такого хорошаго офицера. Всѣ мои дѣла въ порядкѣ" прибавилъ Цесаревичъ "и генералъ Курута получилъ всѣ указанія на случай моей смерти "...

Пущной отвѣтилъ, что онъ вполнѣ удовлетворенъ словами Цесаревича и отказывается отъ поединка.

" Если Вы удовлетворены, то обнимите меня " сказалъ Великій Князь. Пущного немедленно выпустили изъ подъ ареста и Константинъ Павловичъ на другое утро вызвалъ его передъ фронтомъ полка и извинился передъ нимъ публично. Случай этотъ великолѣпно характеризуетъ рыцарскія понятія, которыми руководились на службѣ офицеры николаевскаго времени, начиная отъ прапорщика и кончая Наслѣдникомъ престола.

Другой случай произошелъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ въ царствованіе Императора Александра I-го, въ Кавалергардскомъ полку. Офицеры его сочли себя оскорбленными какимъ-то замѣчаніемъ Великаго Князя во время ученія. Узнавъ объ этомъ Императоръ приказалъ брату извиниться передъ полкомъ. На другой день, подъѣхавъ къ строю кавалергардовъ, находившихся въ конномъ строю, Константинъ Павловичъ громко сказалъ: " Я слышалъ, что гг. офицеры оскорблены моими словами, приношу за нихъ извиненіе, но если кто-либо этимъ не удовлетворенъ, я къ его услугамъ "!..

Послѣ словъ Великаго Князя изъ строя выѣхалъ ротмистръ Лунинъ, будущій декабристъ, и отдавъ честь палашемъ, сказалъ : " Слишкомъ много чести. Ваше Высочество, чтобы отказаться "! Общество офицеровъ, однако, потребовало отъ Лунина прекратить дѣло, зная о его революціонныхъ взглядахъ.

Гвардейскій офицеръ, Князь Вяземскій, часто посѣщалъ въ Москвѣ семейство г-жи Б., состоявшее изъ нея, ея дочери и двухъ сыновей офицеровъ, служившихъ на Кавказѣ. Г-жа Б. во что бы то ни стало рѣшила выдать замужъ дочь за князя, почему подъ разными предлогами зазывала его къ себѣ, оставляя наединѣ свою дочь съ гостемъ и, наконецъ, объявила Вяземскому, что онъ скомпрометировалъ ея дочь и обязанъ на ней жениться. Поняв князь г-жи Б. князь, не чувствовавшій за собой никакой вины, наотрѣзъ отказался жениться, тогда взбѣшенная дама заявила ему, что братья молодой дѣвушки заступятся за честь сестры и принудятъ его жениться.

Вызванные съ Кавказа, оба молодые человѣка явились къ князю Вяземскому и предложили ему жениться на ихъ сестрѣ, или дать имъ удовлетвореніе. Вяземскій принялъ вызовъ, хотя условія его были для него очень тяжелы, а именно онъ долженъ былъ драться со старшимъ Б. пока одинъ изъ противниковъ не ляжетъ мертвымъ. Въ случаѣ, если старшій Б. будетъ убитъ, его замѣнитъ младшій на тѣхъ-же условіяхъ. Во избѣжаніе судебныхъ преслѣдованій, каждый изъ противниковъ долженъ былъ имѣть во время поединка на себѣ записку со словами: "прошу никого не винить въ моей смерти: я убилъ себя самъ ". Мертвое тѣло, по обоюдному согласію

должно было остаться на мѣстѣ поединка. Дуэль состоялась въ Петровско - Разумовскомъ въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ его огромнаго парка. Старшій братъ Б. былъ убитъ на мѣстѣ, а князю Вяземскому пуля пробила фуражку у виска. Младшій братъ послѣ этого отказался отъ продолженія поединка и всѣ его участники, оставивъ тѣло убитаго на мѣстѣ, удалились. Когда черезъ три дня трупъ былъ обнаруженъ полиціей, убитый оказался обокраденнымъ и записка исчезла. Слѣдствіе, тянувшееся больше года, доставило Вяземскому много хлопотъ и испортило массу крови, пока все это происшествіе, за неразысканіемъ виновниковъ, было предано на волю Божію.

Въ послухномъ спискѣ Александра Александровича Нарышкина, орловскаго помѣщика, тайнаго совѣтника, члена Государственнаго Совѣта по выборамъ и уважаемаго всѣми человѣка, находился слѣдующій абзацъ: " былъ подъ судомъ и слѣдствіемъ за поединокъ, кончившійся нанесеніемъ имъ раны противнику- дворянину Кандаурову, за что приговоромъ Орловскаго Окружного Суда отъ 18 февраля 1874 г. подвергнутъ заключенію въ крѣпость на 4 недѣли." Только черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣдовало постановленіе комитета министровъ не считать Нарышкину означенную подсудность препятствіемъ къ службѣ. Это рѣшеніе показываетъ, что въ царствованіе Императора Александра Второго поединки карались русскимъ законодательствомъ, хотя и менѣе сурово чѣмъ при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

Еще либеральнѣе стали смотрѣть на поединки въ царствованіе Александра III-го въ эпоху котораго было нѣсколько громкихъ дуэлей. Такъ въ свое время надѣлалъ много шума поединокъ между двумя кавалергардскими офицерами княземъ Арсеніемъ Карагеоргіевичемъ, братомъ Короля Сербіи Петра и графомъ Мантейфелемъ. Князь Арсеній, женатый на красавицѣ Аврорѣ Демидовой, потребовалъ удовлетворенія за оскорбленіе своей семейной чести. Прекрасный стрѣлокъ, онъ тяжело ранилъ въ животъ своего противника, послѣ чего потребовалъ развода.

Въ царствованіе Императора Николая-Второго поединокъ былъ признанъ военнымъ законодательствомъ и сталъ обязательнымъ для офицеровъ при извѣстныхъ условіяхъ. Дуэль между офицерами стала считаться единственнымъ средствомъ смыть нанесенное оскорбленіе и возстановить честь мундира. Участники ея совершенно освобождались отъ наказанія, если при поединкѣ были соблюдены предписанныя закономъ правила.

Среди офицерства Императорской арміи столкновенія между собой вносились на разсмотрѣніе суда чести, имѣвшагося въ каждой воинской части и послѣдній выносилъ свои безапеляціонныя рѣшенія. Подчиненіе рѣшенію суда чести было обязательнымъ, въ противномъ случаѣ, отказавшійся отъ дуэли офицеръ исключался изъ рядовъ арміи.

Дуэль согласно правиламъ принятымъ въ арміи происходила на огнестрѣльномъ оружіи, въ соотвѣтствіи съ правилами, детально разработанными на этотъ счетъ въ спеціальномъ кодексѣ Дурасова.

Благодаря новому положенію вещей дуэли въ послѣднее цар-

ствованіе имѣли офиціальный характеръ и не скрывались отъ властей, почему о нихъ было широко извѣстно обществу.

Такъ въ концѣ прошл. вѣка произошла дуэль между офицерами Лейбъ-Гв. Павловскаго полка княземъ Н.П.Вадбольскимъ и поручикомъ Ломоносовымъ. Ссора произошла за карточнымъ столомъ, при чемъ проигравшійся Ломоносовъ безъ всякаго повода оскорбилъ князя. Всѣ попытки къ примиренію не привели ни къ чему и на состоявшейся дуэли Вадбольскій убилъ своего противника. Присужденный къ тремъ годамъ крѣпости, такъ какъ поединокъ имѣлъ мѣсто еще до выхода новаго законодательства о поединкахъ, князь вскорѣ былъ помилованъ и впослѣдствіи, окончивъ Академію, былъ генераломъ и командиромъ корпуса.

На почвѣ служебныхъ недоразумѣній произошелъ поединокъ между двумя лейбъ гусарами Безобразовымъ и Лихачевымъ, во время котораго послѣдній былъ тяжело раненъ. Безобразовъ, какъ извѣстно, сталъ затѣмъ генераломъ и популярнымъ командиромъ гвардейскаго корпуса.

Изъ за балерины Павловой имѣла мѣсто дуэль между конно-гвардейцемъ Дерюжинскимъ и лейбъ-гусаромъ Маркозовымъ. Дуэль эта не имѣла трагическаго конца.

Изъ за спортивныхъ счетовъ произошла дуэль между ахтырскимъ гусаромъ ротмистромъ Лисаневичемъ и адъютантомъ команд ующаго одесскимъ военнымъ округомъ поручикомъ Папа-Лазаревымъ. Пуля, скользнувшая по эксельбанту, спасла жизнь Папа-Лазареву.

Также изъ за спортивныхъ недоразумѣній стрѣлялись ротмистръ Нарвскаго гусарскаго полка баронъ Рэнэ и штабсъ-ротмистръ Петриченко, раненный въ ногу. Гораздо болѣе трагически закончилась дуэль между офицеромъ Императорскаго Конвоя св. кня земъ Александромъ Сайнъ - Витгенштейномъ и подполковникомъ Максимовымъ, только что возвратившимся съ англо-бурской войны. Князь былъ убитъ наповалъ.

Изъ за варшавской артистки дрались два офицера Л.-Гв. Гусарскаго Гродненскаго полка Половцевъ и Ильенко. Послѣдній былъ раненъ въ щеку, въ то время какъ пуля, скользнувъ въ шнурахъ венгерки, сбила съ ногъ Половцева.

Много шума надѣлала въ СПБ въ свое время дуэль между офицеромъ Л.Гв. Коннаго полка графомъ Мантейфелемъ и графомъ Николаемъ Феликсовичемъ Сумароковымъ-Эльстонъ, старшимъ братомъ убійцы Распутина. Дуэль, имѣвшая мѣсто изъ за оскорбленія семейной чести, окончилась смертью Эльстона.

За нѣсколько лѣтъ до войны 1914 г. произошла дуэль между офицерами Конной Гвардіи Золотницкимъ и Бискупскимъ изъ за женитьбы послѣдняго на пѣвицѣ А.Д.Вяльцовой. По традиціи стараго времени, бракъ офицера съ артисткой, кто бы она ни была обязывалъ его покинуть полкъ, какъ это случилось съ офицеромъ Л.-Гв. Уланскаго полка Корибутъ-Дашкевичемъ, женившимся на артисткѣ Императорскихъ театровъ Мравиной. Золотницкій напомнилъ Бискупскому именно этотъ случай, что послужило причиной дуэли. Золотницкій былъ раненъ въ ногу, послѣ чего оба покинули полкъ.

Поединки въ военной средѣ имѣли мѣсто въ Россіи далеко

не только между молодежью съ горячими головами и кровью. Хроника арміи знаетъ немало случаевъ генеральскихъ дуэлей,-когда къ барьеру становились заслуженные люди въ чинахъ и съ сѣдой головой. Такъ въ царствованіи Императора Александра Перваго произошла оригинальная американская дуэль между княземъ М. П. Долгорукимъ,генералъ-адъютантомъ Императора,и ген.-лейтенан -томъ Н.А.Тучковымъ I-мъ, впослѣдствіи, павшимъ героемъ на Бородинскомъ полѣ.

Въ сраженіи подъ Иденсальми,въ Финляндіи,I5 октября I808 года прибывшій по порученію Императора кн. Долгорукій предъявилъ ген.Тучкову притязаніе на командованіе его войсками.Тучковъ возразилъ, что онъ назначенъ на свой постъ Главнокомандующимъ и не уступитъ начальствованіе надъ своими войсками другому лицу, да еще младшему въ чинѣ, безъ особаго приказа. Горячій Долгорукій,въ запальчивости,вызвалъ Тучкова на дуэль. Этотъ послѣдній,однако, возразилъ,что въ виду непріятеля, наканунѣ атаки, двумъ генераламъ на войнѣ стрѣляться немыслимо, и,вмѣсто этого предложилъ князю выйти вмѣстѣ съ нимъ на передовую линію и предоставить рѣшеніе спора судьбѣ,т.е. пулѣ или ядру непріятеля. Долгорукій согласился и шведское ядро убило его наповалъ.Любопытно при этомъ отмѣтить,что въ тотъ-же день, къ вечеру,въ Иденсальми прискакалъ фельдегерь отъ Императора, привезшій производство Долгорукаго въ генералъ-лейтенанты,орденъ Св.Александра Невскаго и согласіе Императора и вдовствующей Императрицы Маріи Федоровны на бракъ кн.Долгорукаго съ Великой Княжной Екатериной Павловной.

Въ царствованіе Императора Александра Второго произошла другая американская дуэль и также между двумя высшими генералами, а именно: въ I86I г. между Намѣстникомъ царства Польскаго генералъ-адъютантомъ графомъ Карломъ Карловичемъ Ламбертъ и генералъ-губернаторомъ Варшавы генералъ-адъютантомъ Алексѣемъ Даниловичемъ Герштенцвейгомъ произошло столкновеніе на служебной почвѣ, окончившееся вызовомъ на поединокъ. Такъ какъ оба генерала занимали высшіе посты въ царствѣ Польскомъ, то было рѣшено прибѣгнуть къ американской дуэли. Жребій вытянулъ ген. Герштенцвейгъ,который и застрѣлился на слѣдующій день.Дѣло не получило официальной огласки, но графъ Ламбертъ, явившись въ СПБ. долохилъ правду Государю Александру II-му и,подавъ въ отставку,уѣхалъ навсегда заграницу, гдѣ и умеръ на о. Мадейрѣ.

Въ томъ же царствованіи Императора Александра-II-го произошла дуэль, заграницей,между фельдмаршаломъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Барятинскимъ, намѣстникомъ Кавказа и его адъютантомъ полковникомъ В.П.Давыдовымъ изъ за жены послѣдняго. Дуэль окончилась благополучно, послѣ чего кн. Барятинскій вышелъ въ отставку и женился на г-жѣ Давыдовой. -

Въ царствованіи Императора Александра III-го имѣлъ мѣсто поединокъ между генераломъ барономъ Бистромъ и ген.Баумгартеномъ, носившими одну и ту же форму Уланскаго Его Величества полка.Дуэль была слѣдствіемъ столкновенія на служебной почвѣ. Пуля пробила сюртукъ ген. Баумгартена, но онъ остался невредимъ.

Въ царствованіе Императора Николая II-го генеральская дуэль на саблях произошла въ 1905 г. въ СПБ. между защитниками Портъ-Артура генералами Фонъ и Смирновымъ, командантомъ сдавшейся японцамъ крѣпости, изъ за показаній на судѣ, разбиравшемъ это дѣло. Генералъ Смирновъ былъ раненъ. Одна изъ послѣднихъ дуэлей въ Россіи произошла между жандармскимъ полковникомъ Мясоѣдовымъ и журналистомъ Борисомъ Суворинымъ, изъ за статьи этого послѣдняго въ газетѣ " Новое Время ", задѣвавшей репутацію Мясоѣдова. За нѣсколько лѣтъ до этого тотъ-же Мясоѣдовъ дрался на дуэли съ депутатомъ Государственной Думы А.И. Гучковымъ, впослѣдствіи министромъ Временнаго Правительства.-

А.Л.Марковъ.

К А П И Т А Н Ъ - Г Е Н Е Р А Л Ъ.

/ Изъ воспоминаній Астраханскаго гренадера /.

Служба въ шефскомъ полку гренадеръ, да еще квартирующаго въ Москвѣ, - особая служба. Полкъ на виду, начальства много. Всегда надо быть готовымъ и къ царскому пріѣзду, и къ какому-нибудь экстреннему вызову. А служба въ ротѣ ЕГО ВЕЛИЧЕ - СТВА совершенно отмѣнная. Рота на чеку. Придетъ телеграмма изъ Штаба Округа и завтра рота выставляетъ почетный караулъ на одномъ изъ вокзаловъ для встрѣчи иностранной Коронованной Особы или экзотическаго принца.

Рота командируется представительницей полка на юбилейныя торжества въ Полтаву и парадируетъ на поляхъ славной викторіи, осѣненная тѣмъ знаменемъ, что склонялось передъ Петромъ Великимъ. Надо, чтобы въ ротѣ было не хуже другихъ - вѣдь ее будутъ сравнивать и съ тѣми полками, что въ числѣ шести положили основу Русской Арміи. Надо поддержать славу полка, занимающаго не послѣднее мѣсто по старшинству среди этихъ шести. И хотя гласитъ мудрая поговорка адмирала Макарова: " Отличное - врагъ хорошаго", но не было случая, чтобы Государева рота Астраханскихъ гренадеръ оказалась ниже оцѣнки " отлично ".

Всѣ заботы направлены были на особое укомплектованіе роты. Традиція требовала, чтобы гренадеры Царской роты помимо гигантскаго роста были къ тому же брюнеты и съ бородой.

При службѣ длительнаго срока бороды успѣвали-выростать въ полку и тогда командиръ роты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА просто отбиралъ бородачей изъ другихъ ротъ. Ѣздилъ самъ на время набора, и, войдя въ добрыя отношенія съ Воинскимъ Начальникомъ, отбиралъ огромныхъ красавцевъ Полтавскихъ хохловъ, подающихъ надежду на густую растительность.

Полкъ выставлялъ почетный взводъ, несшій стражу у гроба своего Шефа Императора АЛЕКСАНДРА III при слѣдованіи останковъ изъ Ливадіи. Главнокомандующій Гвардіей и войсками Петербургскаго военнаго округа Великій Князь ВЛАДИМІРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ пришелъ въ ярость, увидя такихъ стильныхъ красавцевъ-бородачей около Царской усыпальницы Петропавловской крѣпости.

" Такое укомплектованіе - въ ущербъ Гвардіи,- я не допущу этого. Чтобы больше не повторялось! "

Если командиръ Шефской роты былъ на мѣстѣ, отвѣчалъ своему назначенію, то и командиръ полка могъ быть спокоенъ за весь полкъ. Въ тѣ времена много было показного и важно было имѣть " казовый кусокъ ".

Осталась вакантной ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА рота. Командиръ ея, А. Ф.Григорьевъ произведенъ въ штабъ - офицеры въ нашъ же полкъ. Какъ на его замѣстителя, выборъ палъ на командира 2-ой роты капитана Н. Я. Полунина. Плотный, средняго роста, энергичный, уравновѣшенный, не мелочный "трынчинъ", а дока и скоровистый, фельдфебель Алексѣевскаго военнаго училища, онъ оказался образцовымъ командиромъ Государевой роты. Только старинная традиція подрывалась въ лицѣ самого ея командира: онъ обладалъ бородой не большой и клиномъ, но не черной, а рыжеватой. Но въ необходимые моменты и Полунинъ и его фельдфебель Бѣлоусовъ съ роскошной русой бородой и остальные бородачи превращались въ брюнетовъ стараніями мобилизуемыхъ для этого случая парикмахеровъ Лефортова, гдѣ стоялъ полкъ.

Въ 1914 году полкъ былъ вызванъ изъ Москвы на лагерный сборъ въ Красное Село и для представленія своему Шефу - Государю Императору. Этимъ лѣтомъ состоялось свиданіе Президента Французской Республики Пуанкаре съ Царемъ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА рота выставляла почетный караулъ Президенту.

Великій Князь Николай Николаевичъ осмотрѣлъ караулъ, отмѣрилъ своими большими шагами отъ праваго фланга къ серединѣ фронта 20 шаговъ и, обратившись къ Полунину, сказалъ: "Передайте капельмейстеру, что до сихъ поръ " Марсельеза ", а дальше сразу "Боже Царя храни", чтобы ни одного лишняго шага, ни одного такта." - Караулъ представился блестяще.

Государь улыбнулся, когда рапортовалъ ординарецъ штабсъ-капитанъ Линко. Онъ примѣтилъ его еще на предыдущихъ почетныхъ караулахъ, Линко наряжали ординарцемъ изъ за разительнаго сходства съ Государемъ, ростомъ, фигурой, бородкой и такими же русыми большими усами.

За этотъ караулъ командиръ полка, Полунинъ и Линко были награждены Почетнымъ Легіономъ.

Царскимъ смотромъ въ Красномъ Селѣ окончился мирный періодъ жизни полка. Въ ночь послѣ смотра командиръ полка получилъ, переданное фельдегеремъ, приказаніе военнаго министра слѣдовать въ Москву. Подвижной составъ былъ уже поданъ. Первый эшелонъ погрузился въ ту же ночь. Съ наступленіемъ дня и весь полкъ катилъ по рельсамъ Николаевской желѣзной дороги, спѣша въ Первопрестольную, гдѣ и получилъ приказъ о мобилизаціи.

Измѣнился видъ и составъ полка. Выдѣленія на сформированіе второочередной дивизіи и запаснаго полка вырвало изъ рядовъ полка больше половины офицеровъ. - Роты пошли на войну, имѣя только по одному младшему офицеру при составѣ въ 250 гренадеръ. Полунинъ повелъ на войну 3-ій батальонъ.

------- , -------

14 августа, въ бою подъ Замостьемъ, онъ былъ раненъ. Санитары вынесли его на рукахъ изъ цѣпи, но движенія причиняли чрезмѣрныя страданія. Онъ приказалъ остановиться. Знбрали складку мѣстности въ мертвомъ пространствѣ и положили его на шинель.

Нашъ молодой, жизнерадостный старшій врачъ В.Ф.фонъ Штейнъ находился непосредственно за цѣпью и подъ огнемъ-перевязывалъ раненыхъ. У Полунина разрывной пулей была разбита колѣнная чашка и сильно развороченъ суставъ. Какъ можно было сдѣлать въ полѣ, - Штейнъ со всей тщательностью наложилъ повязку. Санитары устроили ему прикрытіе въ рытвинѣ, обложивъ края камнями и комьями земли, воткнули у головы Полунина его шашку. Одного изъ санитаровъ Штейнъ услалъ привести для Полунина лазаретную линейку, такъ какъ условія мѣстности позволяли подъѣхать ей непосредственно къ раненому, конечно мѣстами полнымъ алюромъ. Полунинъ отпустилъ остальныхъ санитаровъ, такъ какъ они были болѣе полезны въ цѣпяхъ, чѣмъ около него, уже обслуженнаго и ожидающаго эвакуаціи.

Въ полузабытьѣ онъ слушалъ гулъ боя. Но вдругъ что - то произошло. Ружейный огонь сталъ слабѣть и почти прекратился. Рѣже бухали пушки.

" Помоги Господи! - Вѣрно наши сейчасъ перейдутъ въ атаку, " осѣнилъ себя крестнымъ знаменемъ Полунинъ.

Но, странное дѣло, до его слуха дошелъ топотъ сотенъ ногъ, проходившихъ мимо его укрытія. И когда онъ съ чрезвычайными усиліями перегнулся черезъ бортъ укрытія, то увидѣлъ котловину, полную отходящими частями. Общій отходъ. Отступленіе.

Бой утихалъ; только очень близко австрійская батарея вела бѣшенный огонь. Какъ будто съ нашей стороны затрещали пулеметы. Потомъ все стихло.

Брошенъ. Забытъ. Вспомнилась картина Верещагина въ Третьяковской галлереѣ, привлекшая въ свое время вниманіе Императора Александра II, для котораго изъ полотенъ этого непревзойденнаго баталиста спеціально была устроена выставка въ Зимнемъ Дворцѣ. Картина носила названіе " Забытый ". На сжатомъ кукурузномъ полѣ лежитъ одинокій, тяжело раненый солдатъ, на заднемъ планѣ группа удаляющихся санитаровъ.

" Развѣ это можетъ быть на самомъ дѣлѣ? " спросилъ Императоръ. " Никакъ нѣтъ, Ваше Величество, это невозможно. Это фантазія художника, " раздался голосъ изъ свиты. " Вотъ эта фантазія, преобразившаяся въ дѣйствительность ", - подумалъ Полунинъ.

Но вотъ слышны голоса. Незнакомая рѣчь. Ближе. Уже можно различить отдѣльныя нѣмецкія слова. Возгласы удивленія. "Офицеръ. " Два санитара наклонились надъ раненымъ. Начали совѣщаться и знаками показываютъ, что хотятъ унести. Два другихъ подошли съ носилками. Умѣлыми руками подхватили подъ мышки и, осторожно придерживая раненую ногу, переложили его на носилки. На дорогѣ у м.Конты носилки остановилъ австрійскій генералъ. Санитаръ передалъ ему шашку Полунина. Генералъ вызвалъ переводчика, " русскій генералъ, командующій двумя полками:

полкомъ Императора Николая II и полкомъ Императора Александра III, такъ какъ у него на погонахъ два вензеля." Капитанскіе погоны Полунина были, дѣйствительно, украшены-двойнымъ вензелемъ: "А" и сверхъ него накладнымъ "Н", какъ это полагается имѣть командиру и всѣмъ чинамъ роты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.И хотя Полунинъ былъ уже въ роли батальоннаго командира,но ожидая производства въ штабъ-офицеры, - накладного вензеля не снималъ.

Полунинъ не протестовалъ противъ такого повышенія въ чинахъ. Къ ихъ группѣ подъѣхалъ генералъ со свитой.

-При его приближеніи всѣ вытянулись въ струнку.Первый генералъ доложилъ второму, указывая на Полунина, что взятъ въ плѣнъ русскій генералъ и передалъ ему шашку Полунина. Долго они ее разсматривали. Позвали переводчика. Тотъ не могъ имъ объяснить значеніе краснаго анненскаго темляка,но прочелъ надпись на эфесѣ " За храбрость " и перевелъ ее. Оба генерала и вся свита за ними вытянулись, отдавая честь -доблестному русскому " генералу ".

Старшій генералъ, - корпусный командиръ,- предложилъ Полунину перейти въ нарядную карету, ѣхавшую слѣдомъ.

Полунинъ, указывая на свою окровавленную ногу, просилъ переводчика передать генералу, что онъ благодаритъ за вниманіе, но не хотѣлъ бы перепачкать кровью атласную обивку кареты.

Любезнымъ жестомъ генералъ подтвердилъ свое предложеніе. Съ Полунинымъ,бережно уложеннымъ въ карету,помѣстился австрійскій врачъ.

Русскій лазаретъ въ казармахъ 65-го пѣх.Московскаго полка въ Замостьѣ не былъ эвакуированъ и попалъ-въ руки австрійцевъ. Полунина помѣстили въ палату, въ которой находилось нѣсколько нашихъ раненыхъ офицеровъ.

Дня черезъ два въ его палату вошелъ австрійскій генералъ, котораго Полунинъ замѣтилъ еще въ свитѣ корпусного командира. Войдя, онъ взялъ изъ рукъ сопровождавшаго адъютанта обнаженную шашку и, держа ее положенной на обѣ вытянутыя руки,торжественнымъ маршемъ, отбивая тактъ,подошелъ къ кровати Полунина и началъ рѣчь, каждую фразу которой адъютантъ переводилъ.

" Экселансъ.Его Высочество Эрцгерцогъ Іосифъ Фердинандъ, ознакомившись по докладу корпусного командира,что среди плѣнныхъ находится тяжело раненый русскій генералъ,командиръ двухъ гренадерскихъ полковъ имени Императоровъ Николая II-го и Александра III-го и что подъ командой этого генерала эти полки оказали сопротивленіе, достойное общаго восхищенія, - возвращаетъ вамъ ваше почетное оружіе, на которомъ, по волѣ вашего Императора, начертаны слова,вполнѣ отвѣчающія вашему доблестному образу дѣйствій на полѣ брани.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Высочество,свидѣтельствуя свое уваженіе, шлетъ вамъ, экселансъ, пожеланія скорѣйшаго выздоровленія. "

Изумленный такимъ красивымъ жестомъ непріятеля, Полунинъ отвѣтилъ: " Я очень взволнованъ и тронутъ до глубины души повелѣніемъ Его Высочества и никакъ не ожидалъ такого отношенія

но мнѣ, какъ къ противнику. Принимая съ сердечнымъ волненіемъ свое оружіе, прошу Ваше Превосходительство довести до свѣдѣнія Его Высочества выраженіе моего чувства величайшаго уваженія и мою глубокую благодарность за высказанныя Его Высочествомъ пожеланія. "

Со слезами на глазахъ принялъ Полунинъ изъ рукъ генерала свое боевое оружіе, заслуженное въ японскую войну, поцѣловалъ клинокъ и поставилъ у кровати въ головахъ.

Каждый день дежурный по госпиталю офицеръ, при смѣнѣ входилъ въ палату и сдавалъ новому дежурному русскаго генерала по примѣтѣ: у кровати шашка съ краснымъ темлякомъ.

------- . -------

Рядомъ съ Полунинымъ лежалъ командиръ батальона Сибирскихъ гренадеръ. Раненъ онъ былъ жестоко и въ грудь и въ животъ, но былъ еще въ сознаніи и помимо ранъ страдалъ и нравственно.

" Боже мой. Боже мой. Какой позоръ. И это гренадеры. Гдѣ ваша вѣковая Петровская доблесть. Не могли нашихъ то австрійцевъ выбить изъ лѣса. Три раза водилъ я ихъ въ штыки. Неужели не могли еще разъ атаковать. Вѣдь еще одинъ натискъ и побѣда была бы въ нашихъ рукахъ. Но тутъ я былъ раненъ и, видя какъ мои гренадеры начали отходить, уже не имѣлъ силъ ихъ остановить и жалѣлъ, что меня не убили. Теперь скорѣе бы конецъ. Я не могу перехить этотъ позоръ. "

Къ вечеру онъ сталъ бредить"

" Впередъ гренадеры! Въ штыки! Смотрите, съ нами Великій Петръ. Самъ Свѣтлѣйшій Суворовъ ведетъ насъ. Ура! "

Потомъ пришелъ въ себя.

" Боже, возьми меня къ Себѣ. Я не могу больше жить. " и сталъ срывать съ себя кровавыя повязки. Когда бросились къ нему съ помощью, онъ уже агонировалъ.

И умеръ этотъ полковникъ, не подозрѣвая, что со своими гренадерами совершилъ геройскій, жертвенный подвигъ.

Его ли вина, что посланъ онъ былъ брать этотъ лѣсъ безъ развѣдки, безъ артиллерійской подготовки и, идя съ батальономъ впереди всего полка, нарвался на цѣлую дивизію, уже устроившуюся въ такой удобной для обороны мѣстности, какъ огромный лѣсъ.

Почти поголовная гибель полка Сибирскихъ гренадеръ 13 августа 1914 г. лежитъ на совѣсти того высшаго начальства, которое, посылая на войну нашъ 25 армейскій корпусъ, сформированный только въ 1913 г., не озаботилось снабдить его корпусной кавалеріей.

Какъ могли справиться съ задачей развѣдки на широчайшемъ фронтѣ корпуса тѣ два эскадрона Нѣжинскихъ гусаръ, которыхъ съ величайшимъ трудомъ выпросилъ командиръ корпуса.

Въ тѣ времена, при зачаточномъ состояніи нашей авіаціи, кавалерія была " глаза и уши " армейскаго командованія.

Въ такомъ характерномъ полевомъ, встрѣчномъ бою, какъ подъ Замостьемъ, когда нестѣсненныя окопами войска свободно маневрировали, было бы чрезвычайно полезнымъ присутствіе хотя бы

одной кавалерійской дивизіи изъ той многочисленной кавалеріи, которая почему то держалась въ тылу и частично была притянута къ полю сраженія только 16-го августа, причемъ вся ея задача свелась къ образованію завѣсы, за которой разрозненныя части корпуса могли перегруппироваться.

------- . -------

Шла постепенная эвакуація госпиталя въ глубь Австріи. Уже увезли нѣсколькихъ Астраханцевъ. Очередь была за Полунинымъ.

По мѣрѣ того, какъ разгорался огонь на фронтѣ и канонада приближалась къ Замостью, тѣмъ болѣе нервничалъ австрійскій персоналъ госпиталя. Шла укладка имущества. Врачи почти не заглядывали къ раненымъ.

Отъ хлопанья дверями шашка Полунина упала и завалилась за кровать.

На другой день, порывисто открывши дверь, на порогѣ палаты появился взволнованный дежурный по госпиталю офицеръ со спискомъ въ рукахъ. Обвелъ палату взглядомъ, что-то отыскивая, пробормоталъ: "Русскій генералъ " и скрылся. Не найдя глазами примѣту " русскаго генерала " - шашку, думая, что онъ въ другой палатѣ, фендрикъ побѣжалъ его искать дальше. Изъ сосѣднихъ палатъ выносили и выводили раненыхъ и распредѣляли по мобилизованнымъ экипажамъ и повознымъ.

Но вотъ суматоха улеглась и снова настала обычная тишина госпиталя.

Утромъ уже донеслась ружейная трескотня. Со звономъ посыпались осколки стеколъ. Еще и еще. Кто былъ на ногахъ въ палатѣ, - сталъ " примѣняться къ мѣстности ", ставя свою кровать къ простѣнкамъ или выѣзжая во внутренній корридоръ. Лежащимъ, какъ Полунину, пришли на помощь болѣе здоровые.

Но стрѣльба слабѣла и прекратилась вовсе.-

- " Ты кто такой. Откуда взялся." изумился Полунинъ, увидя заглядывавшаго въ окно солдата въ боевой амуниціи.

" Такъ что, Ваше Высоноблагородіе, я къ себѣ домой пришелъ. Это помѣщеніе нашей роты. Я Московскаго полку. Мы значитъ Замостью обратно отобрали. Ранетый я маленько. Мнѣ бы перевязаться. "

Велика была радость гренадеръ, когда ихъ посѣтилъ самъ Командиръ 19-го корпуса генералъ Горбатовскій.

Обнимая, генералъ поздравлялъ ихъ съ освобожденіемъ изъ плѣна, а они его, - бывшаго своего начальника дивизіи, - поздравляли съ крупнымъ боевымъ успѣхомъ.

Весь этотъ плѣнъ продолжался 10 дней.

П.Б.Сушильниковъ.

ОТРЫВКИ ВОЕННАГО ПРОШЛАГО

/ Изъ матеріаловъ кн. В.И.Шаховскаго /.

28 іюня 1762 года, при походѣ Гвардейскихъ полковъ на Ораніенбаумъ, Императрица Екатерина II-я была въ мундирѣ Л.- Гв. Семеновскаго полка.

Александръ Ѳеодоровичъ Талызинъ, которому принадлежалъ этотъ, ставшій историческимъ мундиръ, началъ свою службу въ полку солдатомъ въ 1749 году, въ 1762 году онъ произведенъ былъ въ поручики и въ томъ же году пожалованъ камеръ-юнкеромъ съ оставленіемъ въ своемъ полку, въ которомъ и былъ 19 апрѣля 1765 года произведенъ въ капитанъ-поручики, а 22 сентября 1769 года въ капитаны. По возвращеніи изъ первой турецкой войны, въ которой онъ участвовалъ волонтеромъ, онъ былъ пожалованъ 30 октября 1770 года въ камергеры, съ оставленіемъ "сверхъ-комплекта" въ спискахъ Л.Гв.Семеновскаго полка. А. Ѳ. Талызинъ скончался въ 1787 году въ чинѣ Тайнаго совѣтника и въ званіи сенатора.

Княгиня Е.Р.Дашкова говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что Императрица Екатерина II одѣла мундиръ А.Ѳ.Талызина, какъ офицера наиболѣе подходящаго по своей фигурѣ. Однако, мундиръ не совсѣмъ пришелся впору Императрицѣ, его нельзя было на груди застегнуть на всѣ пуговицы и пришлось сдѣлать къ верхнимъ петлямъ завязки. Къ подпоручичьему мундиру, Императрица сама приколола Андреевскую звѣзду и возложила голубую ленту. Екатерина II впослѣдствіи возвратила мундиръ Талызину " на-память ". Мундиръ изъ простого, довольно грубаго сукна, хранился съ возложенными на него регаліями въ теченіи почти 150-ти лѣтъ, сначала у Апраксина въ селѣ Ольговѣ, Московской губ., / А.Ѳ. Талызинъ былъ женатъ на дочери Ген.-Фельд., Маріи Степановнѣ Апраксиной /, а потомъ въ Денежниковѣ у послѣднихъ представительницъ рода Талызиныхъ, сестеръ Л. и В.А.Талызиныхъ, которыми 7 февраля 1902 г., историческій мундиръ переданъ былъ въ музей Л.-Гв.Семеновскаго полка.

Академикъ П. П. Пекарскій, видѣвшій мундиръ Талызина въ 1862 году, у графа В.В.Апраксина, предводителя Дворянства Орловской губерніи, писалъ, что на мундирѣ нашита бумажка, на которой " страннымъ почеркомъ " была сдѣлана надпись, что онъ принадлежалъ Талызину и надѣванъ Екатериной когда она " ѣхала на правительство ". Къ сожалѣнію время не сохранило ни Андреевской ленты, ни этой исторической записки.

69-й пѣхотный Рязанскій Ген.Фельд.Князя Александра Голицына полкъ, стоявшій до 1914 г. въ Люблинѣ, названъ былъ такъ по ошибкѣ и шефство свое носилъ по административному недора-

зумѣнію. Въ объяснительной запискѣ приложенной къ Высочайшему приказу отъ 25 марта 1891 года, мотивъ подобнаго наименованія полка объясняется такъ: " 29 августа 1769 г., подъ Хотиномъ, Рязанскій полкъ /въ арміи Кн.Голицына/ оказалъ выдающееся отличіе, атаковавъ многочисленнаго непріятеля уже торжествовавшаго побѣду и обратилъ турокъ въ бѣгство.

Произошла крупная ошибка,такъ какъ 69 пѣх.Рязанскій полкъ въ войнѣ съ Турціей 1769 г. не участвовалъ и въ то время, находясь въ Финляндіи, выдѣлилъ отъ себя лишь дессантный отрядъ въ эскадру Эльфангстена.Въ Хотинскомъ же сраженіи участвовалъ Рязанскій драгунскій полкъ, который былъ сформированъ въ 1705 г. и прекратилъ свое существованіе въ 1800 г.. Когда въ свое время, полковой историкъ, тогда еще въ чинѣ поручика, возбудилъ объ этомъ вопросъ, переписка по этому дѣлу дошла лишь до штаба дивизіи, откуда была возвращена со строгимъ внушеніемъ начальника дивизіи, генерала Шкуровскаго,что не дѣло поручика заниматься такими серьезными вопросами и критиковать начальство.

-Спустя нѣсколько лѣтъ, этотъ вопросъ былъ вновь возбужденъ и переписка дошла уже до Главнаго Штаба,но оттуда послѣдовалъ отвѣтъ,что хотя Рязанскій пѣхотный полкъ и не участвовалъ при Хотинѣ,но все же имя Ген.-Фельд.Князя Александра Голицына ему не чуждо, такъ какъ въ сраженіи при Цорндорфѣ, Рязанскій полкъ былъ въ составѣ праваго фланга русской арміи, а правымъ флангомъ, за убылью старшихъ начальниковъ, командовалъ князь Александръ Голицынъ.

Такимъ образомъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ.

14-й гусарскій Митавскій полкъ названъ былъ 23 мая 1865 г. по имени новаго Шефа,14-мъ Гусарскимъ Митавскимъ Его Королевскаго Высочества Принца Альберта Прусскаго полкомъ.

Грубая ошибка какого-то писаря Главнаго Штаба осталась неисправленной,ибо дѣйствительнымъ Шефомъ полка являлся принцъ Альбрехтъ Прусскій, имя котораго этотъ писарь въ офиціальномъ приказѣ передѣлалъ на несуществовавшаго принца Альберта, Шефство котораго полкъ носилъ вплоть до 30 октября 1906 г., т.е. до дня кончины принца Альбрехта.

3-й Гренадерскій Перновскій Короля Фридриха - Вильгельма IУ-го полкъ послужилъ предметомъ слѣдующему историческому анекдоту.

Въ 1817 г.,Императоръ Александръ I назначенъ былъ Шефомъ 6-го Королевскаго Прусскаго Кирасирскаго полка, стоявшаго въ Брандебургѣ, а послѣ его кончины, Шефомъ полка назначенъ былъ Императоръ Николай I-й.Въ царствованіи послѣдняго,этотъ полкъ праздновалъ 25-ти лѣтній юбилей шефства русскаго императора, который въ ознаменованіе юбилея пожаловалъ всѣмъ чинамъ полка с е р е б р я н н ы я медали для ношенія на Андреевской лентѣ. На этой медали вензель Императора Николая I-го подъ Императорской короной, а подъ нимъ надпись въ двѣ строчки:" Zum Andenken", на оборотѣ - сплошной лавровый вѣнокъ съ датой вну -

три " 1817 " вокругъ внѣшней стороны вѣнка круговая надпись: " Koen. Preuss. 6-t Kürassier Regiment ".

Въ отвѣтъ же на назначеніе русскаго Императора Шефомъ Прусскаго полка, Прусскій король, который въ 1818 г.былъ назначенъ Шефомъ Перновскаго гренадерскаго полка, при-наступленіи въ 1843 г., 25-ти лѣтняго юбилея своего Шефства, пожаловалъ русскимъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ бронзовыя медали, вѣрнѣе даже простые жетоны съ надписью " Царское Село ", какъ мѣсто гдѣ отданъ былъ въ 1818 г.приказъ о назначеніи Короля Фридриха-Вильгельма Шефомъ, и " Берлинъ ", какъ мѣсто празднованія этого юбилея.

Самое же характерное въ этомъ то, что прусскій полкъ получилъ серебрянныя медали для ношенія, а русскій, въ аналогичномъ же случаѣ, получилъ только лишь бронзовые жетоны.

13-й Лейбъ-Гренадерскій Эриванскій Его Величества полкъ, старѣйшій въ русской арміи со старшинствомъ 1642 г. и со вторымъ Шефствомъ Царя Михаила Ѳеодоровича, имѣлъ въ своей исторіи слѣдующій боевой эпизодъ. Въ персидскую войну, 8 іюля 1805 г., полкъ подошелъ къ каной-то промоинѣ въ горахъ. Люди и лошади могли легко перейти черезъ эту канаву, но орудія перевести было невозможно. Въ Шефномъ баталіонѣ былъ общій любимецъ, шутникъ и запѣвало - Гаврило Сидоровъ, посовѣтовавшій перевести орудіи по рукьямъ, положеннымъ на плечи солдатъ.

" Кто молодецъ, сюда ко мнѣ ", крикнулъ онъ, спрыгнувъ въ канаву и призывая другихъ послѣдовать его примѣру, но одна изъ пушекъ съ размаху ударила Сидорова по головѣ и онъ былъ на мѣстѣ убитъ.

Въ послѣдней стоянкѣ старѣйшаго русскаго полка, Манглисѣ, возведенъ былъ памятникъ Гаврилѣ Сидорову, а описаніе этого подвига взято изъ книги полковой исторіи Бобровскаго и увѣковѣчена также спеціально заказанной картиной.

Полковникъ Д.А.Пѣшковъ, 1-го Амурскаго казачьяго Ген.-Адъютанта графа Муравьева-Амурскаго полка, на 13-ти лѣтней лошади покинулъ Благовѣщенскъ 7 ноября 1889 г. и прибылъ въ С.Петербургъ 19 мая 1890 г., покрывъ разстояніе въ 8.282 версты. Получивъ Высочайшую благодарность, Д.А.Пѣшковъ зачисленъ былъ смѣннымъ офицеромъ въ Сотню Николаевскаго Кавалерійскаго Училища.

Корнетъ 15-го Уланскаго Татарскаго полка, В.І.Микулинъ, прибылъ верхомъ изъ Плоцка въ С.Петербургъ въ 1914 г., на конѣ "Демонѣ" завода Богинскаго. Разстояніе въ 1.200 верстъ онъ сдѣлалъ въ 12 дней безъ дневокъ.

Князь В.И.Шаховской.

ПУШКИНЪ ВОЕННЫЙ.

Пушкинъ былъ и останется навсегда великимъ русскимъ поэтомъ, несравненнымъ мастеромъ благозвучнаго и богатаго русскаго языка, подлиннымъ выразителемъ русской народной души, вдохновеннымъ пророкомъ и учителемъ жизни. Его творческій геній проявилъ себя не только въ поэзіи: онъ широко коснулся всей русской духовной культуры и возвеличилъ въ ней ту славяно-русскую душу, которая такъ очаровываетъ и влечетъ къ себѣ западный міръ. Пушкинъ самый русскій изъ русскихъ геніевъ и поэтому его геніальность недоступна пониманію людей не русской культуры, а его художественное слово теряетъ все свое сокровенно-русское содержаніе при переводѣ на иностранные языки. Только мы, русскіе люди, знаемъ, какъ много далъ намъ Пушкинъ и чѣмъ мы ему обязаны. Этотъ замѣчательный русскій человѣкъ олицетворилъ собою разъ и навсегда все величіе подлинно-національной Россіи.

Казалось бы, что на тему о всеобъемлющемъ значеніи Пушкина въ русской жизни сказано такъ много, что ничего больше сказать уже нельзя. Однако, никогда еще ни въ общихъ трудахъ, ни въ спеціальныхъ монографіяхъ о Пушкинѣ ничего не говорилось о непонятной и необъяснимой, какъ будто бы по первому разсужденію, но совершенно несомнѣнной близости поэта къ нашему военному обществу, о его очень ясно выраженныхъ симпатіяхъ къ военному вообще и, наконецъ, о необычайномъ обиліи и разнообразіи военныхъ темъ въ его творчествѣ. Достойно удивленія, что столь существенно-важная сторона жизни и творчества Пушкина еще ни разу не послужила объектомъ спеціальнаго изслѣдованія. Настоящій очеркъ и является первой и совершенно самостоятельной попыткой освѣтить именно эту, военную сторону жизни и творчества великаго русскаго поэта.

Какъ извѣстно, Пушкинъ не былъ военнымъ въ общепринятомъ значеніи этого слова: онъ не получилъ никакого военнаго образованія и никогда не служилъ на военной службѣ. Не принадлежалъ онъ и къ тѣмъ немногочисленнымъ въ исторіи дѣятелямъ, которые, не будучи профессіональными военными, проявили, однако же, подобно Кромвелю, Вашингтону и нѣкоторымъ другимъ, недюжинныя военныя дарованія и вписали въ исторію нѣсколько, хотя и случайныхъ, но блестящихъ военныхъ страницъ.

Итакъ, Пушкинъ не былъ ни профессіональнымъ военнымъ, ни военнымъ диллетантомъ-самородкомъ; но въ его жизни и творчествѣ мы находимъ очень много прямыхъ и несомнѣнныхъ указаній на то, что военное поприще въ томъ видѣ, какъ оно представлялось каждому русскому человѣку въ блистательную эпоху начала XIX-го вѣка, оказалось для нашего великаго поэта той profession manquée, о которой онъ мечталъ въ годы юности и влеченіе къ которой сохранилось у него на всю жизнь. Можно даже утверждать, что военная служба не только не помѣшала бы проявленію поэтическаго генія Пушкина, но, напротивъ, во многомъ способствовала бы этому проявленію, такъ какъ по духу своему вполнѣ отвѣчала рыцарски-благородному характеру поэта.

Одинъ изъ старшихъ кишиневскихъ друзей Пушкина, подполковникъ Иванъ Петровичъ Липранди/1790-1880/, въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ даетъ слѣдующую характеристику Пушкина:

" Онъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ разсказы о военных эпизодахъ;лицо его краснѣло и изображало жадность узнать какой-либо особенный случай самоотверженія; глаза его блистали, и вдругъ часто онъ задумывался. Не могу судить о степени его славы въ поэзіи, но могу утвердительно сказать, что онъ созданъ былъ для поприща военнаго и на немъ, конечно,онъ былъ бы лицомъ замѣчательнымъ ".

Эту очень вѣрную характеристику необходимо запомнить,такъ какъ она понадобится намъ въ будущемъ.Среди своихъ друзей,людей преимущественно военныхъ и "видавшихъ виды",Пушкинъ слылъ храбрецомъ. Такая репутація создалась не случайно.Будучи чеголовѣкомъ щепетильнымъ въ вопросахъ чести,самолюбивымъ до крайности и весьма вспыльчивымъ, Пушкинъ вызывалъ къ барьеру по самымъ ничтожнымъ поводамъ и подъ дуломъ пистолета проявлялъ совершенное хладнокровіе. Владиславъ Ходасевичъ насчитываетъ до двадцати пушкинскихъ дуэлей. Эти поединки Пушкина - какая то психологическая загадка. Трудно разобраться въ истинныхъ мотивахъ такого бреттерства.Все могло имѣть тутъ значеніе:неудовлетворенный воинственный инстинктъ, желаніе сильныхъ ощущеній, слишкомъ ужъ обостренное самолюбіе.

Подполковникъ Липранди пишетъ: " Я зналъ Александра Сергѣевича вспыльчивымъ, иногда до самозабвенія; но въ минуты опасности, словомъ, когда онъ становился лицомъ къ лицу со смертью, когда человѣкъ обнаруживаетъ себя вполнѣ, Пушкинъ обладалъ въ высшей степени невозмутимостью при полномъ сознаніи своей запальчивости, виновности: но не выражалъ ее. Когда дѣло доходило до барьера, къ нему онъ являлся холоднымъ, какъ ледъ. На моемъ вѣку, въ бурное время до 1820 года, мнѣ случалось-не только что видѣть множество такихъ встрѣчъ,но не разъ и самому находиться въ такомъ же положеніи,а подобной натуры, какъ у Пушкина въ такихъ случаяхъ,я встрѣчалъ очень не много. Эти двѣ крайности въ той степени,какъ онѣ соединялись у Александра Сергѣевича,должны быть чрезвычайно рѣдки.Къ сему должно еще присоединить, что первый взрывъ его горячности не былъ недоступенъ его разсудку ".

Пушкинъ родился 6-го іюня /26-го мая ст.ст./ 1799-го года; его дѣтство, отрочество и ранняя юность совпали,слѣдовательно,съ военными и политическими событіями огромной исторической важности, наложившими на современниковъ глубокую и неизгладимую печать.Россія оказалась не только дѣятельной участницей этихъ событій,но и вершительницей судебъ западной Европы. Успѣхи русскаго оружія вызвали вполнѣ понятную гордость всѣхъ русскихъ людей.

Въ 1814-мъ году пятнадцатилѣтній Пушкинъ откликнулся на эти славнѣйшія событія нашей военной исторіи патріотической поэмой " Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ ". Это первое большое стихотвореніе юнаго поэта, прочитанное имъ въ 1815-мъ году на лицейскомъ экзаменѣ передъ самимъ Державинымъ, поразило всѣхъ своимъ художественнымъ совершенствомъ. Но насъ оно интересуетъ теперь не какъ художественное произведеніе, а какъ трогательно - искреннее выраженіе военно-патріотическихъ пережива-

ній юноши." Воспоминанія " нельзя назвать иначе, какъ восторженнымъ славословіемъ, или гимномъ въ честь русской аріми и ея великихъ вождей. Какъ бы въ продолженіе " Воспоминаніямъ " Пушкинъ создалъ, также очень высоко оцѣненное современниками, стихотвореніе " На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году".Эпическая строгость перваго стихотворенія смягчается во второмъ лиризмомъ, очень характернымъ для переживаній пылкаго юноши.Пушкину было теперь 16 лѣтъ,онъ выросъ,возмужалъ и ему казалось, уже оскорбительнымъ слушать разсказы о томъ,какъ сражались и умирали его старшіе друзья;онъ самъ хотѣлъ теперь сражаться и даже умереть.

Увы, мнѣ не судилъ таинственный предѣлъ
Сражаться за Тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ!
Сыны Бородина, о Кульмскіе Герои,
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи,
Душой восторженной за братьями спѣшилъ.
Почто хъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ Тобою
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ....

Лицейскій товарищъ и "первый" другъ Пушкина,Иванъ Ивановичъ Пущинъ /1798-1859/, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

"Жизнь наша лицейская сливается съ политическою эпохою народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года. Эти событія сильно отразились на нашемъ дѣтствѣ.Началось съ того, что мы провожали всѣ гвардейскіе полки, потому что они проходили мимо самого Лицея;мы всегда были тутъ,при ихъ появленіи, выходили даже во время классовъ,напутствовали воиновъ сердечной молитвой, обнимались съ родными и знакомыми; усатые гренадеры изъ рядовъ благословляли насъ крестомъ. Не одна слеза тутъ пролита!... Когда начались военныя дѣйствія, всякое воскресеніе кто-нибудь изъ родныхъ привозилъ реляціи; Кошанскій читалъ ихъ намъ громогласно въ залѣ. Газетная комната никогда не была пуста въ часы, свободные отъ классовъ; читали наперерывъ русскіе и иностранные журналы, при неумолкаемыхъ толкахъ и преніяхъ; всему живо сочувствовалось у насъ;опасенія смѣнялись восторгами при малѣйшемъ проблескѣ къ лучшему. Профессора приходили къ намъ и научали насъ слѣдить за ходомъ дѣлъ и событій, объясняя иное, намъ недоступное".

Такова была обстановка, въ которой Пушкинъ создалъ свои "Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ" и "На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа ".

Впечатлѣнія юношескихъ лѣтъ самыя сильныя, самыя острыя, они образуютъ характеръ, привычки, вкусы. Такъ было и у Пушкина.Онъ помнилъ всю жизнь эти первыя военныя впечатлѣнія своей юности, и мы увидимъ далѣе, что,пополненныя новыми переживаніями,они останутся навсегда мощными возбудителями его творчества. "Русская Беллона",склонясь надъ юнымъ поэтомъ, нашептала ему свои воинственныя пѣсни.

Пушкинъ вполнѣ серьезно подумывалъ о возможности поступленія на военную службу по окончаніи Лицея. Такая возможность

не только представлялась для лицеистовъ,но даже поощрялась самимъ государемъ. Вопросъ о военной службѣ молодыхъ людей, кончающихъ Лицей, очень хорошо освѣщенъ въ воспоминаніяхъ Ив. Ив. Пущина, который пишетъ по этому поводу слѣдующее: " Съ лишкомъ за годъ до выпуска государь спросилъ Энгельгардта:есть ли между нами желающіе въ военную службу. Онъ отвѣтилъ, что чуть ли не болѣе десяти человѣкъ этого желаютъ / и Пушкинъ тогда колебался, но родные его были противъ, опасаясь за его здоровье /. Государь на это сказалъ: "Въ такомъ случаѣ надо бы познакомить ихъ съ фронтомъ ". Энгельгардтъ испугался и напрямикъ просилъ Императора оставить Лицей, если въ немъ будетъ ружье. Къ этой просьбѣ присовокупилъ, что никогда не носилъ никакого оружія, кромѣ того, которое у него всегда въ карманѣ, и показалъ садовый ножикъ. Долго они торговались; наконецъ государь кончилъ тѣмъ, что его не переспоришь. Велѣлъ спросить всѣхъ и для желающихъ быть военными учредить классъ военныхъ наукъ. Вслѣдствіе этого приказанія поступилъ къ намъ инженерный полковникъ Эльснеръ, бывшій адъютантъ Костюшки, преподаватель артиллеріи, фортификаціи и тактики ".

Итакъ Пущинъ совершенно опредѣленно говоритъ о намѣреніи Пушкина идти на военную службу. Уже въ 1815-мъ году,то есть за два года до окончанія Лицея,въ стихотвореніи, посвященномъ Галичу, юный поэтъ писалъ про себя:

О, Г/аличъ/! Время невозвратно,
И близокъ, близокъ грозный часъ,
Когда, послыша славы гласъ,
Покину нѣжи кровъ пріятной,
Татарской сброшу свой халатъ.
Простите, дѣвственныя Музы, -
Прости, пріютъ младыхъ отрадъ.
Надѣну узкія ремизы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я - питомецъ важныхъ Музъ,-
Въ числѣ воющихъ корнетовъ....

Причины, почему Пушкинъ, вопреки своему желанію,не сталъ военнымъ, слѣдуетъ искать въ біографіи его отца, Сергѣя Львовича. Въ молодости своей Сергѣй Львовичъ служилъ сначала въ Измайловскомъ полку,потомъ въ Егорскомъ.Не поладивъ съ начальствомъ и потерявъ вкусъ къ военной службѣ, онъ вышелъ въ отставку въ скромномъ чинѣ гвардіи поручика. Личное нерасположеніе Сергѣя Львовича къ военной службѣ, съ одной стороны, а съ другой - невозможность по недостатку средствъ содержать сына въ гвардіи, рѣшили судьбу юнаго Пушкина. По окончаніи Лицея онъ былъ зачисленъ,согласно волѣ отца,чиновникомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ чиномъ коллежскаго ассесора.

Уже въ послѣдніе лицейскіе годы, не по возрасту развитой юноша стремился въ общество военной молодежи, гдѣ у него были друзья и знакомые. Младшій братъ поэта, Левъ Сергѣевичъ,сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ,что " Пушкинъ забѣгалъ въ кружокъ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ и возвращался къ лицейскимъ

друзьямъ съ запасомъ новыхъ впечатлѣній.

Лицеистъ С.Д.Комовскій /1798-1880/ пишетъ о Пушкинѣ: "Внѣ Лицея онъ знакомъ былъ только съ семействомъ знаменитаго исторіографа нашего Карамзина, къ коему во всю жизнь питалъ особенное уваженіе, и съ нѣкоторыми гусарами, жившими въ то время въ Царскомъ Селѣ /какъ то Каверинъ, Молостовъ, Соломірскій, Сабуровъ и др./. Вмѣстѣ съ сими послѣдними Пушкинъ любилъ подчасъ, тайно отъ начальства, приносить нѣкоторыя жертвы Бахусу и Венерѣ, волочась за хорошенькими актрисами графа В.Толстого и за субретками пріѣзжавшихъ туда на лѣто семействъ ".

Другой лицеистъ, М.А.Корфъ / 1800-1876/, пишетъ: "Кружокъ, въ которомъ Пушкинъ проводилъ свои досуги, состоялъ изъ офицеровъ лейбъ-гусарскаго полка. Вечеромъ, послѣ классныхъ часовъ, когда прочіе были или у директора, или въ другихъ семейныхъ домахъ, Пушкинъ, ненавидившій всякое стѣсненіе, пировалъ съ этими господами нараспашку. Любимымъ его собесѣдникомъ былъ гусаръ Каверинъ, одинъ изъ самыхъ лихихъ повѣсъ въ полку".

Лицеисты Комовскій и Корфъ принадлежали къ числу тѣхъ очень благонравныхъ и примѣрныхъ молодыхъ людей, которые осуждали поведеніе своего вольнолюбиваго товарища. И въ приведенныхъ нами только что воспоминаніяхъ этихъ бывшихъ " пай-мальчиковъ ", ставшихъ сановными мужами, мы все еще слышимъ сдержанную, но явно-недружелюбную критику: "тайно отъ начальства", "съ этими господами". А одинъ изъ " этихъ господъ" былъ Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ/1794-1856/, оказавшій такое большое и благотворное вліяніе на умственное развитіе молодого Пушкина. У Чаадаева и Каверина гусарская лихость и мелочныя заботы о своей щегольской внѣшности прекрасно уживались съ самыми глубокими умственными и духовными запросами вѣка, и Пушкинъ находилъ въ обществѣ "этихъ господъ" какъ разъ то, что ему не могъ дать Лицей. Однако, не слѣдуетъ преувеличивать. Пушкинъ былъ, конечно, очень умнымъ и развитымъ юношей и его исключительная одаренность бросалась въ глаза, но въ то же самое время его молодость и его "африканскій" темпераментъ предъявляли свои права, и мы хорошо знаемъ, что не одни только умственные и духовные запросы занимали этого геніальнаго мальчика. Прежде всего ему ужасно хотѣлось вырваться на свободу, чтобы на свободѣ пожить широко, безпутно, по гусарски. Въ мартѣ 1816-го года Пушкинъ писалъ князю Петру Андреевичу Вяземскому: "Никогда лицей /или ликей, но только ради Бога, не лицея/ не казался мнѣ такъ несноснымъ, какъ въ нынѣшнее время...Правда, время нашего выпуска приближается; остался годъ еще. Но цѣлый годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго! Цѣлый годъ еще думать передъ каѳедрой.... Это ужасно ".

Въ сознаніи юноши противопоставлялись два совершенно различныхъ міра: съ одной стороны - опостылѣвшій Лицей, скучныя науки, Энгельгардтъ со своими скучнѣйшими вечерами для благонравныхъ мальчиковъ, а съ другой - свобода, пріятели гусары, " красотки молодыя ", вино, карты, дуэли и свободное творчество. Пушкинъ нѣсколько разъ брался за перо, чтобы остро и зло отвѣтить тѣмъ своимъ критикамъ изъ лицейской товарищеской сре-

ды,которые предпочитали директорскую гостинную и семейные дома холостымъ квартирамъ гусарскихъ офицеровъ.

Признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣй
Младыхъ повѣсъ счастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мыслях воленъ я,
Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣй
И гдѣ мы всѣ - прекраснаго друзья,
Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены...

Поэтъ откровенно смѣялся надъ благонравными посѣтителями директорскихъ вечеровъ:

Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ:
Смѣшенъ и вѣтреный старикъ,
Смѣшенъ и юноша степенной.
Пока живется намъ, живи,
Гуляй въ мое воспоминанье,
Усердствуй Ванху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Кифарой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ боналомъ,
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

/Къ Каверину. 1817/.

Но степенные юноши были недовольны:какъ же можно.-"тайно отъ начальства", да еще " съ этими господами ".

Не ставъ военнымъ, Пушкинъ продолжалъ, однако, бывать въ обществѣ той передовой и блестящей военной молодежи, съ которой такъ сблизился еще въ послѣдніе лицейскіе годы. Чаадаевъ и Каверинъ по прежнему оставались его лучшими друзьями, и въ вынужденной разлукѣ съ ними онъ думалъ о нихъ съ неизмѣнной теплотой и искренней благодарностью.

Біографы Пушкина удѣляютъ слишкомъ много вниманія его, такъ называемому" донжуанскому " списку и совершенно обходятъ молчаніемъ гораздо болѣе важный и до сихъ поръ еще біографически не полно разработанный списокъ военныхъ друзей поэта.Между тѣмъ, этотъ второй списокъ блещетъ именами П.Я.Чаадаева,П.П.Каверина, трехъ Раевскихъ, Д.В.Давыдова, П.А.Катенина, А.А. Бестужева, И.И.Пизова, А.П.Ермолова, М.Ф.Орлова, И.П.Липранди и многихъ другихъ еще.

Устремленность Пушкина ко всему военному, - къ самому явленію войны,къ обществу военныхъ людей,къ поэтической и исторической разработкѣ военныхъ темъ, - совершенно несомнѣнна.Мы уже отмѣтили, что въ самой натурѣ поэта было нѣчто специфически военное,нѣчто такое,что дало поводъ подполковнику Липранди охарактеризовать своего молодого друга, какъ человѣка, который на военномъ поприщѣ " былъ бы лицомъ замѣчательнымъ" . Не слѣдуетъ также забывать,что русское военное общество представляло собою въ эту блестящую эпоху едва ли не лучшій цвѣтъ національной культуры и, слѣдовательно, именно въ этомъ обще-

ствѣ Пушкинъ находилъ жизненно-необходимый ему умственный и духовный климатъ. Наконецъ, русское военное прошлое служило для поэта богатѣйшимъ источникомъ темъ и матеріаловъ для художественнаго и научно-историческаго творчества.

Декабристъ И.Д.Якушкинъ/1793-1857/ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Пушкинъ, котораго онъ видѣлъ въ концѣ 1820-го и въ началѣ 1821-го года въ "Каменкѣ", имѣніи А.Л.Давыдова, "корчилъ изъ себя лихача, вѣроятно, вспоминая Каверина и другихъ своихъ пріятелей гусаровъ въ Царскомъ Селѣ". Якушкинъ ошибается. Молодой Пушкинъ вовсе не "корчилъ изъ себя лихача", а въ дѣйствительности былъ лихачемъ, но отнюдь не въ отрицательно-обидномъ значеніи этого слова, а въ его положительно-похвальномъ смыслѣ. Постоянно общаясь съ военными людьми, Пушкинъ невольно усвоилъ ихъ манеры, привычки и вкусы, что и было принято Якушкинымъ за наигранное гусарское лихачество подъ Каверина.

Какъ извѣстно, Пушкинъ былъ отличнымъ кавалеристомъ, не хуже заправскаго гусара рубилъ саблей, искусно владѣлъ рапирой, мѣтко стрѣлялъ изъ пистолета. Этимъ послѣднимъ спортомъ, вообще очень распространеннымъ въ то богатое дуэлями время, поэтъ увлекался всю жизнь. Ящикъ съ пистолетами всегда слѣдовалъ за нимъ въ его скитаніяхъ. А.Ф.Вельтманъ / 1800-1870 / въ своихъ "Воспоминаніяхъ о Бессарабіи" разсказываетъ про Пушкина, что "пробуждаясь отъ сна онъ сидѣлъ голый въ постели и стрѣлялъ изъ пистолета въ стѣну".

Пушкинъ, вѣроятно, вспоминалъ свое утреннее времяпрепровожденіе въ Кишиневѣ, когда, десятью годами позже, создалъ героя повѣсти "Выстрѣлъ" - романтически-таинственнаго отставного гусара Сильвіо. "Главное упражненіе его состояло въ стрѣльбѣ изъ пистолета. Стѣны его комнаты были всѣ источены пулями, всѣ въ скважинахъ, какъ соты пчелиные".

Тему для "Выстрѣла" далъ Пушкину Липранди. Возможно, что именно Липранди послужилъ прототипомъ Сильвіо.

В.П.Горчаковъ /1800-1867/, квартирмейстеръ при Штабѣ 16-й пѣхотной дивизіи / этой дивизіей командовалъ М.Ф.Орловъ /, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что "Пушкинъ охотно принималъ приглашенія на всѣ праздники и вечера, и всѣ его звали. На этихъ балахъ онъ участвовалъ въ неразлучныхъ съ ними занятіяхъ - любилъ карты и танцы. Игру Пушкинъ любилъ, какъ удальство, заключая въ ней что-то особенно привлекательное и тѣмъ какъ бы оправдывая полноту свойства русскаго, для котораго удальство вообще есть лучшій элементъ существованія".

Липранди, Якушкинъ, Вельтманъ, Горчаковъ говорятъ, каждый по своему, но, въ сущности, объ одномъ и томъ же: о лихости и удальствѣ Пушкина. Тогда казался страннымъ этотъ молодой ссыльный чиновникъ, этотъ статскій съ замашками гусарскаго корнета. Было чему дивиться. Но мало кто угадывалъ за всѣми этими странностями настоящую душевную драму...

Событія 1812-1815 г.г., такъ возвысившія нашу армію и военную службу во мнѣніи русскаго общества, повліяли рѣшающимъ образомъ на живое воображеніе молодого Пушкина. Именно въ этихъ

событіяхъ, наполнившихъ гордостью русскія сердца, слѣдуетъ видѣть причину первыхъ серьезныхъ военныхъ увлеченій поэта. Но военныя замашки, привычки и вкусы Пушкина, т. е. все то, что современники называли " лихостью ", " удальствомъ ", "молодечествомъ", было лишь признакомъ внѣшней близости поэта къ военной средѣ. Не это составляло сущность военнаго Пушкина. Пушкинъ военный открывается намъ въ послѣдовательныхъ поступкахъ своей жизни, въ своей изумительной по совершенству батальной поэзіи, въ своихъ военно-историческихъ трудахъ.

-----.-----

Кончивъ Лицей и очутившись на свободѣ / впрочемъ, свободу сильно стѣсняло постоянное безденежье /, Пушкинъ съ увлеченіемъ отдался чувственнымъ наслажденіямъ. Эта его эротическая вакханалія длилась три года /іюнь 1817 - май 1820/ съ перерывами на неизбѣжныя болѣзни: коварный Купидонъ пускалъ свои отравленныя стрѣлы не только въ сердце. Не слѣдуетъ однако забывать, что въ эти три года Пушкинъ написалъ " Руслана и Людмилу", вещь, правда, не первоклассную, но, во всякомъ случаѣ, принесшую автору всероссійскую славу и званіе перваго русскаго стихотворца.x/ Жуковскій, какъ извѣстно, подарилъ Пушкину свой портретъ со слѣдующей надписью: " побѣдителю - ученику отъ побѣжденнаго - учителя въ тотъ высокоторжественный день въ который онъ окончилъ свою поэму Русланъ и Людмилла 1820 . марта 26 Великая пятница " / цитирую съ сохраненіемъ орфографіи подлинника /.

Заговоривъ о " Русланѣ ", отмѣтимъ кстати, что обиліе въ этой поэмѣ батальныхъ сценъ въ былинно-сказочномъ духѣ чрезвычайно показательно для военныхъ настроеній Пушкина. Онъ съ увлеченіемъ и, пожалуй, даже слишкомъ ужъ звонко бряцалъ мечемъ.

Но свои завѣтныя военныя мечтанія и думы Пушкинъ высказалъ не въ эпическомъ " Русланѣ ", а въ лирическомъ отрывкѣ, написанномъ въ 1817-мъ году и посвященномъ, повидимому, дядѣ, Василію Львовичу.

Что восхитительнѣй, живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
И что завидней краткихъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ, и нѣгъ, и граній,

---

x/ Въ декабрѣ 1818-го года А.И.Тургеневъ писалъ кн.П.А.Вяземскому: " Сверчокъ / прозвище Пушкина по "Арзамасу"/ прыгаетъ по бульвару и по... Стихи свои едва писать успѣваетъ. Но при всемъ безпутномъ образѣ жизни его, онъ кончаетъ четвертую пѣснь поэмы /Русланъ и Людмила/. Если бы еще два или три..... такъ и дѣло въ шляпѣ. Первая болѣзнь была и первою кормилицей его поэмы ". А въ письмѣ отъ февраля 1819 г. читаемъ: " Венера пригвоздила Пушкина къ постели и къ поэмѣ ".

Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что скука, страхъ,
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру,
О комъ за пѣсни, за дѣла
Гремитъ правдивая хвала,
Кто славилъ Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла....

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ крутилъ свой гусарскій усъ и ласково улыбался, читая эти стихи.

Въ дни смутныхъ мечтаній и бурныхъ наслажденій Пушкинъ впервые увидѣлъ свою дѣвственную Музу въ одеждѣ воина. Видѣніе настолько провиденціальное, что надъ нимъ слѣдуетъ задуматься. Отнынѣ " нѣжная дѣва " часто будетъ являться поэту въ ратномъ обликѣ.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?
Или невѣрное то было сновидѣнье,
Мечтанье смутное и пламенный недугъ
Обманомъ волновалъ мое воображенье?
Въ минуты мрачныя болѣзни роковой
Ты ль, дѣва нѣжная, стояла надо мной
Въ одеждѣ воина съ невинностью пріятной?
Такъ, видѣлъ я тебя; мой тусклый взоръ узналъ
Знакомыя черты подъ сей одеждой ратной;
И слабымъ шопотомъ подругу я назвалъ...
Но вновь въ умѣ моемъ стѣснились мрачны грезы:
Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...
И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...
Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
Желанья, жизни огнь по сердцу пробѣжалъ.
Я закипѣлъ, затрепеталъ,
И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ...
Жестокій другъ, меня томишь ты упоеньемъ:
Приди, меня мертвитъ любовь.
Въ молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница: пускай увижу вновь
Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,
И плащъ, и поясъ боевой,
И бранной обувью украшенныя ноги...
Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой;
Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой
Мнѣ снова ниспослали боги,
А съ нимъ и сладкія тревоги
Любви таинственной и шалости младой.
/"Выздоровленіе", 1817/.

Къ началу 1820-го года политическая " неблагонадежность"

Пушкина стала для всѣхъ совершенно очевидна. Власти были тѣмъ болѣе обезпокоены,что " революціонныя " стихотворенія и дерзкія эпиграммы поэта быстро распространились въ обществѣ въ рукописныхъ экземплярахъ и дошли, наконецъ, до самого государя. Разгнѣванный императоръ, забывшій уже " ошибки " собственной молодости, рѣшилъ строго наказать "дерзкаго вольнодумца".Пушкину грозила ссылка въ Сибирь или въ Соловки,и только заступничество вліятельныхъ старшихъ друзей, главнымъ образомъ, Каподистріи, Карамзина, Жуковскаго, Вяземскаго и Чаадаева, спасло его отъ этой суровой кары. Подъ видомъ новаго служебнаго назначенія поэтъ былъ сосланъ на югъ Россіи,въ Екатеринославль, въ распоряженіе генерала Ивана Никитича Инзова, возглавлявшаго"Комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ Южнаго Края Россіи"..

Отечески-ласково принятый добрѣйшимъ и честнѣйшимъ Инзовымъ,Пушкинъ пробылъ въ Екатеринославлѣ всего десять дней.Заболѣвъ"горячкой",онъ съ разрѣшенія своего новаго начальника , уѣхалъ вмѣстѣ съ семьей Раевскихъ на Кавказскія воды лѣчиться. Въ сентябрѣ Пушкинъ вернулся на службу, но уже не въ Екатеринославль, а въ Кишиневъ, гдѣ находилась теперь штабъ-квартира генерала Инзова, назначеннаго намѣстникомъ Бессарабіи.

Дѣлясь еще свѣжими путевыми впечатлѣніями съ пятнадцатилѣтнимъ братомъ Львомъ, Пушкинъ въ своемъ письмѣ къ нему отъ 24-го сентября 1820-го года писалъ, между прочимъ, слѣдующее: Кавказскій край, знойная граница Азіи - любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ.Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы;древняя дерзость ихъ исчезаетъ.Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои - излишними. Должно надѣяться,что эта завоеванная страна, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ - и можетъ быть сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы - любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ,вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности. Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ.Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ,за нами тащилась заряженная пушка съ зажженымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынѣче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большого выкупа они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала. И тамъ,гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ,тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію.Когда нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія о черноморскихъ и донскихъ казакахъ- теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова ".

Къ сожалѣнію, " замѣчанія о черноморскихъ и донскихъ казакахъ "до насъ не дошли;возможно, что поэтъ сжегъ ихъ въ тревожные декабрьскіе дни 1825-го года вмѣстѣ со своими автобіографическими матеріалами.

Двадцатые и тридцатые годы XIX-го столѣтія не были для

Россіи годами крупныхъ военныхъ событій. Но и въ эту эпоху"малыхъ " войнъ,Пушкину не сидѣлось на мѣстѣ. Его тянуло въ бой, хотѣлось извѣдать новыхъ ощущеній, какъ игрока манилъ рискъ.

Возстаніе Греческой гетеріи, вспыхнувшее въ мартѣ 1821 - го года и едва не втянувшее Россію въ войну съ Турціей / воевать все равно пришлось черезъ семь лѣтъ /, застало Пушкина въ Кишиневѣ.Здѣсь видѣлъ онъ князя Александра Ипсиланти, главу гетеріи, и двухъ другихъ видныхъ вождей гетеріи, князей Александра Матвѣевича и Георгія Матвѣевича Кантакузиныхъ, а съ полковникомъ гетеристовъ Пендадекой близко познакомился , часто встрѣчая его у своего друга подполковника И.П.Липранди.

Весною 1821-го года, ожидая съ нетерпѣніемъ объявленія войны и пылая воинственнымъ восторгомъ, Пушкинъ написалъ стихотвореніе " Война ", которое не оставляетъ въ насъ ни малѣйшихъ сомнѣній въ истинныхъ намѣреніяхъ поэта.

Война.... Подъяты наконецъ,
Пумятъ знамена бранной части.
Увижу кровь, увижу праздникъ мести,
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ.
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей.
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній.
Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье,
Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ!
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
Кончину ль темную сулилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь!... Ужель ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы,
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла...
Что жъ медлитъ ужасъ боевой.
Что жъ битва первая еще не закипѣла?...
/"Война", 1821 г./

Но война такъ и не была объявлена и воинственный пылъ Пушкина временно остылъ. Прошло семь лѣтъ. Много пережилъ поэтъ за эти годы,многое измѣнилось въ его жизни.Изъ южной ссыл-

ки / Кишиневъ, Одесса / онъ попалъ въ сѣверную / с. Михайловское /, перехилъ ужасъ 14-го декабря и гибель своихъ друзей ; обдумывалъ планъ бѣгства за границу;былъ возвращенъ изъ ссылки и " помилованъ " царемъ; просился на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижъ,но вмѣсто Парижа попалъ подъ негласный надзоръ полиціи по дѣлу о стихотвореніи " Андрей Шеньо ";въ концѣ 1828-го года встрѣтилъ Наталію Николаевну Гончарову и, конечно, увлекся ею. Эти семь лѣтъ были для поэта годами большого творческаго подъема и духовнаго роста.

Въ 1828-мъ году началась Русско-турецкая война, и воинственный пылъ вновь охватилъ Пушкина; поэтъ сталъ подумывать о поступленіи въ дѣйствующую армію. Его тянуло на Кавказъ, въ армію Паскевича, гдѣ служили его друзья декабристы и братъ Левъ. Но одного желанія было, конечно, не достаточно. На зачисленіе въ дѣйствующую армію требовалось соизволеніе самого Государя. Одновременно съ кн.Вяземскимъ Пушкинъ подалъ на высочайшее имя соотвѣтствующее прошеніе и получилъ отказъ. Чиновникъ 3-го отдѣленія, нѣкто Ивановскій, по приказанію Бенкендорфа посѣтившій Пушкина, заявилъ: "Вы просили объ опредѣленіи васъ въ турецкую армію,замѣтьте,- въ армію.Чѣмъ же можно опредѣлить васъ? Не иначе,какъ юнкеромъ. Нарушить коренное и полохительное правило, т. е. переименовать васъ въ офицеры, согласитесь,это дѣло невозможное. Здѣсь кстати привести весьма примѣчательныя слова покойнаго императора: " если государь будетъ нарушать законы,кто же послѣ сего будетъ уважать и исполнять ихъ?" Но тутъ еще не все. Если бы и удовлетворили ваше желаніе,къ чему бы повело оно:Строевая и адъютантская служба - не ваше назначеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что при докладѣ государю о вашей просьбѣ Его Величество видѣлъ дѣло яснѣе и вѣрнѣе, чѣмъ мы, теперь его разлагающіе. Притомъ, можно ли сомнѣваться,что нашъ великій монархъ не зналъ цѣны вашему генію, если только можно въ глаза говорить по убѣжденію; можно ли сомнѣваться,что сердцу государя не было пріятнѣе сберечь васъ, какъ царя скуднаго царства родной литературы и поэзіи, для пользы и славы этого царства, чѣмъ бросить васъ въ дремучій лѣсъ русской рати и предать на произволъ случайностей войны, не знающихъ различія между исполинами и пигмеями ".

Прошеніе Пушкина о разрѣшеніи отправиться въ дѣйствующую армію, на Кавказъ, нашло весьма своеобразный откликъ въ двухъ письмахъ великаго князя Константина Павловича къ генералу Бенкендорфу. Великій князь писалъ:"Вы говорите,что писатель Пушкинъ и князь Вяземскій просятъ о дозволеніи слѣдовать за главной императорской квартирой. Повѣрьте мнѣ, любезный генералъ, что ввиду прежняго поведенія, какъ бы они ни старались высказать теперь свою преданность службѣ Его Величества,они не принадлежатъ къ числу тѣхъ, на кого можно было бы въ чемъ - либо положиться; точно также нельзя полагаться на людей, которые придерживались одинаковъ съ ними принциповъ, и число которыхъ перестало увеличиваться лишь благодаря бдительности правительства... Моя ненарушимая преданность къ нашему Августѣйшему Повелителю заставляетъ меня сказать вамъ, любезный Бенкендорфъ,

что вамъ представляется теперь случай доказать Ему и вашу преданность, стараясь всѣми вашими силами препятствовать сближенію нашей легкомысленной молодежи съ этими греческими каналья-ми /извините меня за выраженіе/, такъ какъ это сближеніе могло бы привести къ весьма пагубнымъ послѣдствіямъ. И неужели вы думаете, что Пушкинъ и князь Вяземскій дѣйствительно руководствовались желаніемъ служить Его Величеству какъ вѣрные подданные, когда они просили позволенія слѣдовать за главной императорской квартирой? Нѣтъ,не было ничего подобнаго: они уже такъ заявили себя и такъ нравственно испорчены, что не могли питать столь благороднаго чувства. Повѣрьте мнѣ, что въ своей просьбѣ они не имѣли другой цѣли,какъ найти новое поприще для распространенія съ большимъ успѣхомъ и большимъ удобствомъ своихъ безнравственныхъ принциповъ, которые доставили бы имъ въ скоромъ времени множество послѣдователей среди молодыхъ офицеровъ ".

Эти слова великаго князя Константина Павловича заставляютъ насъ сильно задуматься надъ вопросомъ:зачѣмъ же тогда само правительство ссылало на Кавказъ, въ армію, такихъ завѣдомо политически неблагонадежныхъ офицеровъ, какими были И. Г. Бурцовъ, В.Д.Вальховскій, М.И.Пущинъ, Н.Н.Семичевъ,графъ В.А. Мусинъ-Пушкинъ и другіе?....

Весьма любопытно отмѣтить, что современные совѣтскіе литературовѣды, обычно разсматривая Пушкина, какъ какого-то политическаго агитатора,такимъ образомъ полностью раздѣляютъ въ этомъ отношеніи точку зрѣнія великаго князя Константина Павловича. Но эта точка зрѣнія совершенно ошибочна. Пушкинъ собирался на Кавказъ отнюдь не въ агитаціонное " турне ", а именно на войну. Ему опять захотѣлось воевать, "понюхать пороху", услышать свистъ " губительнаго свинца ". Желанія эти были настолько сильны, что I-го мая 1829-г. поэтъ, рискуя новой царской немилостью, а, можетъ быть, и ссылкой, самовольно уѣхалъ на Кавказъ.

Свои впечатлѣнія отъ этого путешествія и пребыванія въ арміи Паскевича Пушкинъувѣковѣчилъ въ путевыхъ запискахъ,озаглавленныхъ " Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года".Этотъ трудъ является замѣчательнымъ образцомъ того литературнаго жанра, который теперь принято называть военной корреспонденціей. Военно-историческое значеніе " Путешествія въ Арзрумъ " первостепенно и, можетъ быть, еще недооцѣнено.

Пушкинъ наконецъ увидѣлъ войну.Она не отвратила его своей жестокой дѣйствительностью, скорѣе наоборотъ,- увлекла новизной и яркостью впечатлѣній и очень подняла его патріотическое настроеніе. Боевыя качества частей кавказскаго корпуса, доблесть офицеровъ и солдатъ не могли не вызвать въ немъ восторга и гордости.

" Лагерная жизнь очень мнѣ нравилась,-писалъ поэтъ.-Пушка подымала насъ на зарѣ.Сонъ въ палаткѣ удивительно здоровъ".

Авторъ по понятной скромности нигдѣ не выставляетъ напоказъ своей храбрости, но по описанію нѣсколькихъ боевыхъ эпизодовъ мы догадываемся, что онъ дѣйствительно слышалъ свистъ

" губительнаго свинца "и не былъ имъ напуганъ. Занятіе Арзрума нашими войсками произошло 27-го іюня 1829 года и Пушкинъ не преминулъ отмѣтить это событіе слѣдующей записью: " Полки наши пошли въ Арзрумъ,и 27 іюня, въ годовщину полтавскаго сраженія русское знамя развилось надъ арзрумской цитаделью ".

Къ сожалѣнію по недостатку мѣста въ журналѣ,я не могу закончить свой очеркъ и подѣлиться съ читателями тѣмъ интереснымъ матеріаломъ, который былъ мною уже подготовленъ для печати.

А.К.Савицкій.

По независящимъ отъ редакціи причинамъ весь приготовленный для печати матеріалъ не можетъ быть здѣсь помѣщенъ.

ОПЕЧАТКИ И ПРОПУСКИ,

замѣченные въ статьѣ " Къ Трехсотлѣтію Учрежденія Слободскихъ Казачьихъ Полковъ ", напечатанной въ № 9-мъ " Вѣстника ".

Стр:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
2	I4 снизу	"Чекрассъ"	"Черкассъ"
3	20 снизу	Печа	Псела
4	5 снизу	Балакліїнскій	Балаклейскій
7	I8 сверху	играла фамилія До - нецъ-Захаржевскихъ Донцій Захаржевски/: Григорій и т.д.	играла фамилія Донецъ-Захаржевскихъ: Григо - рій и т.д.
9	I8 сверху	въ стѣны за крѣпости	въ степи за крѣпости
I2	I9 снизу	Цвѣта доломановъ для слободскихъ казачьихъ полковъ : Харьковскій и т.д.	Цвѣта доломановъ для вновь сформированныхъ полковъ были положены по цвѣтамъ прежнихъ слободскихъ казачьихъ полковъ: Харьковскій и т.д.
I3	7 сверху	напрочную	непрочную
I3	24 сверху	Депре-радовичъ	Депрерадовичъ
I5	I5 снизу	Елизаветградскаго	Елисаветградскаго
I6	2I сверху	Линхернъ	Линдернъ
I8	3 сверху	Конгіеловъ	Кончіеловъ
I9	3 сверху	Конгіеловъ	Кончіеловъ
I9	7 снизу	орудіе	оружіе
20	I3 сверху	Сенъ-Дидье	Сенъ-Дизье
20	I9 сверху	Сенъ-Дадье	Сенъ-Дизье
20	24 сверху	Хстерне	эстерне
22	I9 сверху	де Краверсе	де Траверсе

Стр:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
22	20 сверху	Ту же награду получаютъ Изюмцы /въ командованіе полкомъ пол - ковника Н.Н.Тявешева/.	Ту же награду получаютъ Изюмцы /въ командованіе полкомъ пол - ковника С.И.Саннинова/ и Ахтырцы /въ командованіе полковника Н.Н. Тевяшева/.
23	3 сверху	С.М.Баликовъ	С.М.Баликовъ
23	22 снизу	Зеленковъ	Зененковъ
24	2 сверху	Музей	Музеи.

Ю.Т.

Къ свѣдѣнію подписчиковъ Р.В.И."Вѣстника".

Стоимость настоящаго № 10, включая пересылку, 200 фр.фр. / та же, что и за №№ 8 и 9 /.

Наиболѣе экономный способъ уплаты за очередной №-- переводъ денегъ на имя Казначея О.Л.Р.В.С.Mr. Alexandre STAKHOVITCH, C.C.Postal 8680.05.

Рукописи просятъ направлять по адресу редактора -Mr. A. SAVITZKY, 3, rue Désiré Bertrand, SAUBONNE (S.& O.), FRANCE.

РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

№ 11

Редакторъ **А. К. Савицкій**

ИЗДАНІЕ
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ
ПАРИЖЪ — 1952

РУССКІЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

№ II

Редакторъ А.К.САВИЦКІЙ.

ПАРИЖЪ

1952

СОДЕРЖАНІЕ

		Стр.
ОТЪ РЕДАКТОРА		2
П.В.ПАШКОВЪ. -	Екатерининскій Военный Орденъ	3
А.А.ЛЕВИЦКІЙ.-	Отрывки воспоминаній	5
А.К.САВИЦКІЙ.-	Пушкинъ военный	I2
А. К. С-КІЙ. -	Три памятныя годовщины	3I
А. С - ЧЪ. -	Замѣтки о русскихъ медаляхъ	40
ИСПРАВЛЕНІЯ И ДОБАВЛЕНІЯ ЧИТАТЕЛЕЙ КЪ НѢКОТОРЫМЪ СТАТЬЯМЪ, помѣщеннымъ въ № I0 " ВѢСТНИКА "		44
Х.Х.Х. -	Сколько же верстъ покрылъ сотникъ Пѣшновъ отъ Благовѣщенска до Петербурга на своемъ " Сѣрко "	47
А.К.С. -	Выставка историческихъ формъ русской арміи	47
В.Г.КОВАЛЕВСКІЙ.-	Знакъ Отличія Святой Равноапостольной Княгини Ольги	48
ИЗЪ ЛИЧНАГО АРХИВА ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I, В.К.Кнорринга		49
ВНИМАНІЮ НАШИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ. Лейбъ Эриванцы въ Великой войнѣ		50
ОБРАЩЕНІЕ		52

" РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ "
издается на правахъ рукописи. Всѣ права сохранены.

Въ этомъ номерѣ 52 страницы текста и одна иллюстрація на отдѣльномъ листѣ.

Не принятыя рукописи не возвращаются и ни въ какія объясненія ни съ кѣмъ редакторъ по этому вопросу не вступаетъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Во избѣжаніе недоразумѣній,могущихъ возникнуть по примѣру недавняго прошлаго, считаю долгомъ довести до общаго свѣдѣнія, что на основаніи договора, заключеннаго 13-го мая 1952 -го года въ Парижѣ между Правленіемъ Общества Любителей Русской Военной Старины и мною, я являюсь редакторомъ " Русскаго Военно-Историческаго Вѣстника", въ силу чего мнѣ предоставляется полная свобода въ выборѣ всего матеріала для составленія названнаго журнала, а также право принимать и редактировать или не принимать вовсе предлагаемый для напечатанія матеріалъ.

" Русскій Военно-Историческій Вѣстникъ " издается въ настоящее время на средства Общества Любителей Русской Военной Старины, какъ аполитичный военно-историческій журналъ. Заключенный между Правленіемъ Общества и мною договоръ можетъ быть расторгнутъ по желанію одной изъ сторонъ и въ этомъ случаѣ " Русскій Военно-Историческій Вѣстникъ " возвращается въ мое, какъ владѣльца издательской фирмы, полное дальнѣйшее распоряженіе.

Долженъ также увѣдомить, что по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ содержаніемъ и редактированіемъ журнала надлежитъ впредь обращаться только ко мнѣ,такъ какъ никому никакихъ полномочій для рѣшенія этихъ вопросовъ отъ моего имени я давать не буду.

Равнымъ образомъ покорнѣйше прошу господъ авторовъ посылать свои рукописи только по моему адресу, минуя третьихъ лицъ, или, когда это возможно, передавать мнѣ ихъ лично, ибо только при соблюденіи такого порядка я могу гарантировать,что самый фактъ непринятія мною той или иной рукописи не получитъ нежелательной, можетъ быть, для авторовъ огласки.

А.К.САВИЦКІЙ.

Адресъ редактора: Mr. A. SAVITZKY, 3, rue Désiré Bertrand, 3, SAUBONNE (S. & O.) FRANCE.

Подписку и требованія на журналъ,а равнымъ образомъ стоимость такового въ размѣрѣ 200.-франковъ, включая пересылку, слѣдуетъ направлять на имя казначея Общества Любителей Русской Военной Старины, А.А.Стаховича - Mr. A.STAVHOVITCH, 8, rue de Manterre, ASNIERES (Seine) FRANCE.Наиболѣе экономный способъ уплаты за очередной № - переводъ денегъ на почтовый счетъ казначея: C.C.POSTAL 8680.05.Paris.

ВОЕННЫЙ ЕКАТЕРИНИНСКІЙ ОРДЕНЪ.

Всѣмъ интересующимся отечественной военной исторіей будетъ любопытно узнать объ одномъ проэктѣ военнаго ордена, утвержденіе котораго въ свое время не состоялось, но если бы этотъ орденъ былъ тогда установленъ, мы не имѣли бы нашего славнаго ордена СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГІЯ ПОБѢДОНОСЦА.

Въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II-ой въ Россіи существовали всего три ордена, два изъ коихъ - Св. Андрея Первозваннаго и Св.Екатерины или Освобожденія - были учреждены императоромъ Петромъ Великимъ, а третій - Св.Александра Невскаго - установленъ императрицей Екатериной I-ой. Второй изъ нихъ жаловался исключительно особамъ женскаго пола, другіе два - только высшимъ сановникамъ,а именно: Андреевскій - лицамъ не ниже "генералъ-поручичьяго рангу" / генералъ-лейтенантамъ /, а Александровскій - "генералъ-маіорскаго рангу".

Такимъ образомъ, штабъ и оберъ-офицеры не имѣли возможности получить какой либо орденъ; однако, ихъ любовь къ престолу, ихъ многочисленныя заслуги и ревностная служба, побудили императрицу Екатерину II-ю повелѣть составить проэктъ статута военнаго ордена, дабы она смогла награждать этимъ орденомъ достойныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ.

Въ 1765-мъ году проэктъ новаго ордена былъ поданъ императрицѣ. Согласно статута,онъ назывался Военнымъ Екатерининскимъ Орденомъ и учреждался съ 21 апрѣля 1765-го года " изъ особливой Нашей Императорской милости къ служащимъ въ войскахъ Нашихъ, въ награжденіе за оказанную ихъ во многихъ случаяхъ Намъ и предкамъ Нашимъ вѣрность,храбрость и благоразумное поведеніе и для поощренія воинскаго званія ".

Награжденіе орденомъ представляется исключительно собранію кавалеровъ: " никто въ сей орденъ принятъ быть не можетъ, ни по знатности его фамиліи, ни за полученныя противу непріятеля раны, ни за какія представляемыя заслуги, ни изъ Нашей милости, но единственно токмо тѣ, которые Намъ отъ собранія того ордена кавалеровъ къ тому награжденію по изслѣдованіи ниже предписаннаго достойными представлены будутъ ".

Орденъ раздѣляется на два класса: большого и малаго креста. Число кавалеровъ неограничено; только для мирнаго времени кавалеровъ большого креста не должно было быть болѣе 20ти; въ военное же время - " сколько оного достойными случится." Кавалеровъ малаго креста - " толикое число, сколько къ тому достойныхъ найдется и чѣмъ больше число ихъ умножится, тѣмъ больше желаемые оттого плоды преуспѣютъ ".

Знакъ ордена состоитъ изъ бѣлаго финифтянаго, четырехно-

нечнаго о восьми лучахъ креста / типа мальтійскаго /. На лицевой сторонѣ, въ серединѣ, въ лазоревомъ кругу - государственный гербъ /двуглавый орелъ/. На оборотной сторонѣ креста, въ серединѣ же вензель императрицы, окруженный лавровымъ вѣнкомъ. Выше, на верхнемъ концѣ креста - золотая корона. Слѣва и справа - золотыя литеры "З" и "С", а внизу - "В", что и означаетъ девизъ ордена: " За Службу Военную ".

Орденская лента составлена изъ красной и зеленой полосъ съ золотой каймой по краямъ. Большой крестъ носится на шеѣ, на лентѣ шириною въ три пальца, а малый крестъ - въ петлицѣ кафтана на лентѣ въ два пальца шириною. Различіе классовъ крестовъ состоитъ въ величинѣ ихъ.

Орденъ имѣетъ двухъ канцлеровъ, которыми назначаются президенты военной и морской коллегій. Право на полученіе ордена имѣютъ " всѣ тѣ, кои въ гвардіи полкахъ, въ артиллеріи, инженерномъ корпусѣ, въ пѣхотныхъ, кавалерійскихъ и гусарскихъ полкахъ и морскомъ флотѣ добропорядочно и дѣйствительно штабъ и оберъ-офицерами были и службу свою исправляли, а генералитетъ въ военномъ штатѣ находились, и полевые 20 лѣтъ отъ оберъ-офицерства, а морскіе 18 кампаній, отъ оберъ-офицерства-къ прослужили, не взирая какого-бъ нто закону ни былъ. Такіе тѣ, кои противу непріятеля, что отмѣнною храбростью или военнымъ искусствомъ учинятъ ".

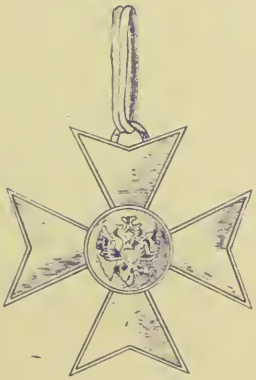
Такъ какъ право пожалованія ордена принадлежало общему собранію кавалеровъ, то для этого, ежегодно 15 октября должны были собираться всѣ находящіеся въ С.-Петербургѣ на лицо кавалеры, въ залѣ военной коллегіи. Всѣмъ удостоеннымъ къ полученію ордена лицамъ, какъ большого такъ и малаго креста, составляются списки, подписываемые предсѣдательствующимъ собранія, обоими канцлерами и шестью старѣйшими кавалерами. Списки эти старшій изъ канцлеровъ подноситъ на Высочайшее утвержденіе.

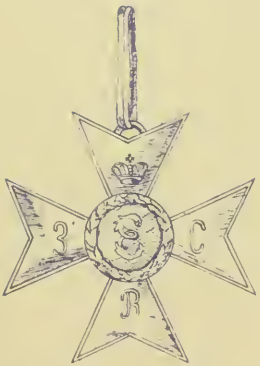
По Высочайшемъ утвержденіи списковъ, знаки ордена съ особой церемоніей возлагаются на пожалованныхъ, для чего ежегодно, 25 ноября, должно было въ той же залѣ военной коллегіи собираться общее "генеральное" собраніе кавалеровъ. Объявляя о Высочайшемъ соизволеніи на пожалованіе знакомъ ордена, предсѣдательствующій привязываетъ " оный орденъ на представляющагося, который становится на колѣни. Кавалеры всѣ, какъ тогда, такъ и когда читаютъ конфирмацію и весь докладъ, съ мѣста своего встаютъ и шляпы снимаютъ . Первенствующій одинъ, при надѣваніи креста, шляпы не снимаетъ ".

Знаки же большого креста, по представленію собранія, возлагаются на жалуемыхъ лицъ собственноручно императрицей, наканунѣ генеральнаго собранія, т.е. 24 ноября, въ день Св. Екатерины.

Статуты ордена "дабы всѣ и каждый вѣдали о семъ Всемилостивѣйшемъ Нашемъ учрежденіи ордена и данныя кавалерамъ онаго преимущества " -должны были быть напечатаны и обнародованы въ имперіи.

Однако, проэктъ Военнаго Екатерининскаго Ордена не полу-




3
C
B

чилъ Высочайшаго утвержденія, отчасти изъ-за нежеланія императрицы основывать орденъ въ собственную честь, тѣмъ болѣе, что орденъ съ такимъ названіемъ уже имѣлся, отчасти же потому, что статуты требовали нѣкоторыхъ измѣненій. Но мысль имѣть такой военный орденъ не оставила Екатерину II и черезъ четыре года, 26 ноября 1769 года, былъ основанъ ВОЕННЫЙ ОРДЕНЪ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОБѢДОНОСЦА ГЕОРГІЯ.

Неудивительно, что Георгіевскій статутъ во многомъ напоминаетъ статутъ Екатерининскаго Военнаго Ордена.

П.В.ПАШКОВЪ.

Источникъ: П. Фонъ-Винклеръ. Очерки исторіи орденовъ и знаковъ отличія въ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. С.-Петербургъ, 1899.

Примѣчаніе. Вышеприведенная статья принадлежитъ перу Павла Васильевича Пашкова - основателя и почетнаго члена Общества Любителей Русской Военной Старины. Авторъ -одинъ изъ немногихъ зарубежныхъ знатоковъ русскихъ орденовъ и наградныхъ для ношенія медалей и единственный, быть можетъ, знатокъ систематизировавшій свои знанія и возведшій ихъ до степени подлинной науки, которую я не обинуясь и съ полнымъ правомъ назову " русской орденологіей ". Даю только терминъ, самая же наука есть логическій выводъ изъ многолѣтнихъ и не легкихъ изслѣдовательскихъ трудовъ П. В. Пашнова надъ его собственной коллекціей орденовъ и медалей, а равнымъ образомъ надъ архивными и литературными / увы! столь рѣдкими / источниками по данному вопросу.

Надѣюсь, что настоящая статья уважаемаго автора не будетъ послѣдней на страницахъ " Русскаго Военно-Историческаго Вѣстника ".

РЕДАКТОРЪ.

ОТРЫВКИ ВОСПОМИНАНІЙ.

60 лѣтъ тому назадъ... Безпокоюсь съ ранняго утра посѣдланъ ли мой пони: нужно спѣшить на плацъ, гдѣ сегодня будетъ производиться дивизіонное ученіе 12-й кавалерійской дивизіи. Уже по улицѣ д. Ставницы вытянулся Стародубовскій полкъ во главѣ со своимъ командиромъ полковникомъ Значко - Яворскимъ. Скрылись послѣдніе рыжіе кони и мѣрно погромыхивая катятся пушки родной 19-й конной. Обычно на Требуховцахъ къ отцу, командиру 19-й батареи, подъѣзжаетъ его пріятель, командиръ Бѣлгородскаго полка полковникъ баронъ Корфъ. На плацу равняетъ Ахтырскій полкъ ихъ педантичный командиръ полковникъ Трегубовъ, а передъ Оренбуржцами красуется на чистопородномъ туркменѣ маленькій полковникъ Али-Шейхъ-Али.

Начальникъ дивизіи, представительный генералъ Лермонтовъ,

уже вышелъ изъ экипажа и садится на коня. Торжественно проходитъ церемонія встрѣчи подъ звуки полковыхъ маршей.

Сигналъ - " трубачи по мѣстамъ "; ординарцы отъ полковъ являются начальнику дивизіи... и я втискиваюсь въ свиту.

- Мой постоянный ординарецъ, - шутитъ ген.Лермонтовъ.

Линейное ученіе началось, команды подаются голосомъ. Любуюсь стройностью построеній. Слѣзли съ коней - "вольно оправиться "; генералъ Лермонтовъ любезно бесѣдуетъ со всѣми, его окружающими, и я не знаю, замѣтилъ ли генералъ или сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ: какъ только двинулась дивизія, начали отставать отдѣльные всадники, спрыгивать съ лошадей и спѣшно уводить ихъ куда-то въ сторону...

Теперь вторая половина ученія -ученіе съ тактической цѣлью. Начинается концертнымъ отдѣленіемъ. Короткій мелодичный сигналъ вызова артиллеріи на позицію и отголоскомъ на батареяхъ раздается отвѣтный сигналъ:"Впередъ друзья и на картечь.." Орудія проскакиваютъ въ интервалы между эскадронами и стремительно несутся на позицію, причемъ колеса очень легкихъ, стараго образца, орудій касаются земли только изъ вѣжливости. Вскорѣ грохотъ перваго выстрѣла, и густое облако дыма обволакиваетъ еще не успѣвшихъ отъѣхать коноводовъ.Это тотъ моментъ, о коемъ ген.М.И.Драгомировъ однажды обмолвился: "болѣе дивнопоэтическаго зрѣлища, какъ выѣздъ конной батареи на позицію - я не знаю ".

И Вѣеромъ расходятся эскадроны I-й линіи и по длительному на высокихъ нотахъ сигналу - " по переднему уступу", выстраивается фронтъ, ожидая рокочущихъ звуковъ сигнала атаки. Какая дивная картина!

Но все же меня интересуетъ не только то, что происходитъ на сценѣ. Хочется заглянуть и за кулисы. Я уже зналъ, что вечеромъ командиръ эскадрона и вахмистръ будутъ медленно обходить коновязи и командиръ эскадрона замѣтитъ вскользь, что "Сатрапъ" и "Сильфида" сдали въ тѣлѣ, - нужно поберечь. Заговоръ состоялся: на слѣдующемъ ученіи выведутъ " Сатрапа " и "Сильфиду" для пополненія требуемаго числа рядовъ, а затѣмъ, послѣ объѣзда начальства, при первомъ же удобномъ случаѣ,ловкіе драгуны уберутъ ихъ съ плаца. Центромъ вниманія былъ фуражный вопросъ, ибо аттестація командировъ полковъ, эскадроновъ и батерей находилась въ исключительной зависимости отъ состоянія "тѣлъ " лошадей. У нашего остроумнаго военнаго разсказчика Егора Егорова было такое выраженіе: " видъ лошадей на отчисленіе отъ должности". Такъ было и во времена Аракчеева . Какъ извѣстно, Аракчеевъ замѣтилъ однажды Ермолову во время смотра,что въ артиллеріи результаты смотра оцѣниваются въ зависимости отъ состоянія лошадей. Смотръ дѣлался на походѣ,войска устали, лошади прошли большой путь и замѣчаніе Аракчеева было явно неумѣстно. Ермоловъ отвѣтилъ: " Жаль, ваше сіятельство, что въ артиллеріи репутація офицеровъ зависитъ отъ скотовъ". Имя генерала Ермолова, доблестнаго конно-артиллериста, пользовалось въ конной артиллеріи особымъ почетомъ; 2-я батарея называлась 2-й конно-артиллерійской генерала Ермолова ба-

I/
тареей.

Кулисы для меня раздвигаются все шире и шире. Я зналъ уже, что въ 1882 - мъ году уланы и гусары были поверстаны въ драгунъ, что являлась уже еретическая мысль, будто бы подсказанная опытомъ Русско-турецкой войны 1877-1878 г.г., на Балканскомъ фронтѣ, о превращеніи конницы въ ѣздящую пѣхоту. Пики оставлены лишь у степныхъ казаковъ, уничтожена инспекція конницы и высшими руководителями ея являлись зачастую генералы, не имѣвшіе представленія объ особенностяхъ этого рода войскъ. На этой почвѣ происходило много анекдотическихъ случаевъ. То, что я здѣсь разскажу, произошло на моихъ глазахъ. Инженерный генералъ, командиръ корпуса, обходя расположеніе кавалерійскаго полка, высказалъ недоумѣніе, увидѣвъ манежную ѣзду: почему на молодыхъ лошадяхъ, которыхъ досѣзжали, не ѣздили молодые солдаты / новобранцы /, а на старыхъ - старослужащіе: молодое къ молодому, старое къ старому. Но когда командиръ корпуса посмотрѣлъ на безмолвно вытянувшагося передъ нимъ во фронтовой позѣ командира полка, онъ, какъ умный человѣкъ, признался: " кажется я сказалъ большую глупость ".

Да, въ то время, о которомъ я разсказываю, конница медленно, но вѣрно клонилась къ упадку.

Въ 1884-мъ году на смѣну коммерческаго права, когда командиры отдѣльныхъ частей были безконтрольными распорядителями отпускаемыхъ отъ казны денежныхъ суммъ, издано было "Положеніе о хозяйствѣ въ войсковыхъ частяхъ ". Оно произвело ошеломляющее впечатлѣніе. " Богъ мой! - патетически воскликнулъ одинъ командиръ конной батареи, - въ такое " святая святыхъ", какъ денежный ящикъ, имѣетъ теперь доступъ и кто - то другой, кромѣ командира батареи! "

Но всѣ быстро успокоились: для отчетности нужно найти опытнаго дѣлопроизводителя, а остальное пойдетъ, потихоньку-полегоньку, прежнимъ темпомъ.

- Ваше превосходительство, графа хозяйственная денежнаго журнала - это широкая рѣка, разбиваясь на ручейки, она поступаетъ въ отдѣлы журнала хозяйственныхъ оборотовъ... -

Хорошо, - прерываетъ генералъ этотъ поэтическій докладъ дѣлопроизводителя, - но чтобы эти ручейки не уходили подъ землю. -

Канцелярія стала святилищемъ, переписка - народнымъ бѣдствіемъ. Егоръ Егоровъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ проэктировалъ уничтоженіе писчебумажныхъ фабрикъ, но тутъ же выражалъ опасеніе, что будутъ писать на кожѣ и на древесной корѣ.

Желая заслужить репутацію рачительныхъ хозяевъ, командиры полковъ, помимо узаконенныхъ 3-хъ сроковъ обмундированія, накопляли въ цейхгаузѣ 4-й, почему домашняя одежда солдата была очень заношена. Тотъ же Егоръ Егоровъ писалъ о санитарныхъ мѣрахъ, направленныхъ на борьбу съ мухами, и тутъ же резонно

I/ При общей и совершенно справедливой антипатіи къ Аракчееву, какъ къ человѣку, не слѣдуетъ, однако, забывать, что онъ исключительно много сдѣлалъ для улучшенія строевой и матеріальной части нашей артиллеріи. Ред.

замѣчаетъ, что неизвѣстно, кто для кого вреднѣй - муха для солдата или солдатъ въ 5-ти срочномъ обмундированіи для мухи.

Вообще хозяйственные комбинаторы процвѣтали и могли быть спокойны за свою карьеру. Всѣ эти ухищренія пагубно отзывались на строевомъ обученіи. Если ретивый корнетъ пускалъ смѣну галопомъ, то тотчасъ же слышалъ протестующую команду командира эскадрона - " шагомъ ". Одно унынie!...

"А войску русскому, - говорилъ партизанъ Давыдовъ, - необходима распашка, веселость и строгій порядокъ, безъ цепетильной взыскательности, и если къ этому еще добрая пища и побѣда, тогда и конь топочетъ и солдатъ хохочетъ и нѣтъ для него недосягаемаго и неодолимаго ".

А тутъ старались, чтобы конь топоталъ поменьше, что важно - это выводка лошадей, на репетицію которой отрывалось много времени отъ строевыхъ занятій. Хозяйственныя комбинаціи въ нѣкоторыхъ частяхъ не были изжиты почти до самой войны 1914-го года, но на нихъ нужно уже было смотрѣть, какъ на уродливыя явленія.

Въ 1911-мъ году командиръ корпуса генералъ Брусиловъ смотрѣлъ выводку лошадей 13-й конной батареи и когда остановился полукровный арденъ / вахмистрская радость /, то командиръ дивизіона въ увлеченіи доложилъ, что командиръ батареи принужденъ давать этому могучему экземпляру по 14 фунтовъ овса. Доброжелательный всегда начальникъ дивизіи ген. Плѣшковъ, понявъ, что командиръ дивизіона хватилъ черезъ край, добродушно заявилъ: " пусть командиръ батареи кормитъ лошадей хоть газетами, лишь бы онѣ были въ такомъ видѣ". Генералъ Брусиловъ обернулся ко мнѣ и сказалъ: "газетами не совѣтую въ Н. дивизіонѣ былъ опытъ и не удался "... Что - то напоминающее давно прошедшее время, когда ген. Дрентельнъ порекомендовалъ командиру одного кавалерійскаго полка, докладывавшему, что онъ пробовалъ кормить лошадей и отрубями и соломенной рѣзкой, сдѣлать опытъ покормить ихъ овсомъ.

Конница того періода, а съ ней и конная артиллерія уснули. Гдѣ то, на Царскосельскомъ ипподромѣ гремѣли имена спортсменовъ: лейбъ-гусаръ Павлова и Булатовича, сѣверца Носовича, нижегородца Тучелова, нарвцевъ бар. Ренне, кн. Чавчавадзе, бар. Врангеля, рижца Лукашевича, конно-артиллеристовъ братьевъ Гилленшмидтъ и другихъ, но спортъ въ гущѣ конницы не привился.

Тихую заводь пытался расшевелить своими статьями генералъ Сухотинъ, поклонникъ рейдовъ американской конницы Стюарта. Рейдоманія генерала нашла себѣ выходъ въ опытѣ продѣланномъ имъ съ 1-й бригадой 12-й кавалерійской дивизіи ", опытѣ, описанномъ имъ въ брошюрѣ" " 800 верстъ съ 1-й бригадой 12-й кавалерійской дивизіи ". Генералъ Сухомлиновъ жестоко раскритиковалъ этотъ опытъ, назвавъ само названіе брошюры витіеватымъ и даже " жюльверноватымъ ". Подражаніе американской конницѣ у ген. Сухотина шло дальше: стрѣльба съ коня на манеръ ковбоевъ, замѣна мундштуковъ пелямомъ и т.д. Остапъ Бондаренко / подъ этимъ псевдонимомъ писалъ ген. Сухомлиновъ / красочнымъ языкомъ осмѣивалъ всѣ эти увлеченія генерала Сухотина. Я

долго помнилъ, передаю, быть можетъ,не совсѣмъ точно, по русской орфографіи на малороссійскомъ нарѣчіи, возмущеніе Остапа Бондаренко: " пелямъ така бисова штука, що колы коняка подниме голову, то тягни, ни тягни, а вона швидче скаче, ничего не баче ".

Въ томъ, что скрестили шпаги два генерала, былъ уже просвѣтъ, ни одинъ изъ нихъ не обрекалъ конницу на печальную участь конной пѣхоты. Наоборотъ, оба стремились поднять духъ конницы и тотъ же ген. Сухомлиновъ въ своей книгѣ указывалъ, какъ на примѣръ, достойный подражанія, на бой американской конницы у ст. Бренди.

Наконецъ въ кавалерійскіе ряды ворвался, какъ вихрь, начальникъ съ неугасимой энергіей,фанатикъ кавалерійскаго дѣла, великій князь Николай Николаевичъ. Онъ желѣзной метлой сметалъ весь соръ, занесенный во всѣ щели кавалерійской службы. Старые, отяжелѣвшіе командиры полковъ и эскадроновъ, а также вахмистры, рѣшили, что пришли послѣднія времена. Кое-кто примѣнился, а нѣкоторые ушли по принужденію или безъ него, спасаясь отъ грозовой тучи.

Конная артиллерія болѣла тѣми же болѣзнями, что и дореформенная конница, но и на ея небѣ появилось яркое солнце въ лицѣ великаго князя Сергѣя Михаиловича. Оба великихъ князя требовали живого дѣла, но очковтирательства еще не могли вырвать съ корнемъ. Въ частности, въ конницѣ, на ряду съ тѣми, кто любилъ кавалерійское дѣло и всей душой пошелъ за своимъ грознымъ инспекторомъ конницы, народился цехъ выдающихся ловчилъ; они надѣли маски лихихъ кавалеристовъ,но про себя вздыхали по доброму старому времени и ихъ разоблачили только первые боевые выстрѣлы. Достигнувъ командныхъ постовъ, они наносили тяжкій ущербъ русской конницѣ...

Деревня Бельцонценъ близъ г. Бялы въ Восточной Пруссіи. Тамъ 27-го іюля 1914-го года наша доблестная 4-я кавалерійская дивизія встрѣтилась съ врагомъ, тамъ нашли упокоеніе въ братской могилѣ напрасныя жертвы этого боя, тамъ оставлено въ рукахъ непріятеля 6 пушекъ, не успѣвшихъ даже принести врагу существеннаго вреда.

Опасно браться за разборъ военныхъ дѣйствій безъ документальныхъ данныхъ, поэтому я не собираюсь списывать этотъ бой, привожу лишь эпизоды, попавшіе въ поле моего зрѣнія или позаимствованные изъ разсказовъ участниковъ, тогда же, непосредственно послѣ боя.

Авангардъ подъ командой генерала Мартынова въ составѣ 4-5 эскадроновъ и сотенъ при 4-хъ орудіяхъ 8-й конной батареи, выходя изъ лѣсного дефиле,подвергся сильному ружейному обстрѣлу со стороны деревни Бельцонценъ;свернувъ вправо и постепенно очищая артиллерійскимъ огнемъ разбросанныя на широкомъ пространствѣ фермы, гдѣ въ каменныхъ зданіяхъ засѣли небольшіе отряды велосипедистовъ, авангардъ вышелъ въ обходъ лѣваго фланга противника. При продвиженіи впередъ обнаружена была 6-ти орудійная нѣмецкая батарея, стоявшая въ садахъ г.Бялы. Это

была та самая батарея, которая, какъ выяснилось впослѣдствіи, произвела опустошеніе въ рядахъ главныхъ силъ. Нѣсколько очередей 8-й конной батареи по этой нѣмецкой батареѣ заставили орудійную прислугу ея скрыться за зданіями и батарея эта на нѣкоторое время умолкла. Вотъ моментъ, когда такой энергичный и храбрый генералъ, какимъ былъ А.П.Мартыновъ, могъ бы развить успѣхъ, но одинъ за другимъ присканали къ ген. Мартынову два офицера-ординарца съ категорическимъ приказаніемъ спѣшно отходить: въ штабѣ главныхъ силъ произошло, повидимому, нѣчто, похожее на панику. Никакихъ подробностей сообщить не могу, но изъ всего, тогда слышаннаго, я вынесъ слѣдующее. Главныя силы, бригада конницы съ 8-ю орудіями и пулеметной командой, шли вслѣдъ за авангардомъ и головныя части ихъ были обстрѣляны такъ же, какъ и передовые эскадроны авангарда, показавшись на лѣсной просѣкѣ. Они спѣшились и вмѣстѣ съ пулеметной командой повели наступленіе на деревню Бельцонценъ въ лобъ. Начальникъ дивизіи вызвалъ командира 7-й конной батареи и, указавъ ему горку впереди лѣса, приказалъ немедленно занять на ней позицію. Подполковникъ Яблоновскій - Снадзскій конечно понималъ ошибочность и опрометчивость такого приказанія. Дѣло начальника дать задачу, а не выбирать артиллерійскую позицію: "артиллерія сначетъ, какъ сама хочетъ" - завѣтъ Суворова. Однако, получивъ столь опредѣленное приказаніе, подполковникъ Яблоновскій-Снадзскій только спросилъ: "а у непріятеля артиллеріи нѣтъ?" Начальникъ дивизіи нервно отрѣзалъ: "а вы боитесь?!" Тогда подполковникъ молча повернулъ коня и вывелъ полевымъ галопомъ всѣ 8 орудій на холмы, указанные начальникомъ дивизіи.

Не успѣли первыя запряжки показаться на вершинахъ холмовъ, какъ надъ батареей уже разорвалась серія шрапнелей; убито было и поранено нѣсколько солдатъ и лошадей. Командиръ 7-й батареи, не видя нѣмецкой батареи, стоявшей, конечно, на закрытой позиціи, лишенъ былъ возможности состязаться съ ней и открылъ огонь по наступающимъ изъ Бельцонцена цѣлямъ въ то время, какъ нѣмецкая батарея продолжала наносить безнаказанно громадный уронъ 7-й батареѣ и взводу 8-й. Послѣдній особенно пострадалъ: въ одномъ орудіи сорвано было прицѣльное приспособленіе и тѣмъ же снарядомъ убитъ командиръ взвода. Черезъ нѣсколько минутъ при орудіяхъ осталось 3-4 человѣка и то раненыхъ, и орудія 8-й батареи умолкли. Постепенно умолкали за недостаткомъ орудійныхъ номеровъ, уже пополненыхъ коноводами, а для подноса снарядовъ - гусарами изъ прикрытія, одно за другимъ орудія 7-й батареи; но до послѣдней минуты стрѣляло два орудія, пока не приказано было батареѣ сняться съ позиціи, что уже оказалось невозможно исполнить, такъ какъ нѣмецкая батарея не позволила подъѣхать переднамъ, нанося большія потери въ конскомъ составѣ. Не удалось также снатить всѣ орудія при помощи подбѣжавшихъ спѣшенныхъ гусаръ и только съ большимъ трудомъ было спасено два правофланговыхъ орудія, нѣсколько замаскированныхъ кустами. Шесть же орудій достались врагу, такъ какъ ихъ приказано было бросить и всѣмъ спѣшно отступать,

хотя въ резервѣ былъ нетронутый драгунскій полкъ / 5 эскадроновъ /. Такое же приказаніе объ отходѣ передано было ген.Мартынову вторично, не взирая на то, что ген. Мартыновъ послалъ офицера къ начальнику дивизіи доложить о благопріятно сложившейся обстановкѣ въ его частяхъ.

Расправившись съ нашей 7-й батареей,нѣмецкая батарея перенесла огонь по пулеметамъ и цѣпямъ,но вдругъ огонь ея оборвался, - это, повидимому, былъ тотъ моментъ, когда она сама попала подъ обстрѣлъ 8-й батареи. Эта пауза помогла цѣпямъ и пулеметной командѣ благополучно добраться до коноводовъ и на рысяхъ догонять главныя силы, оставшія ихъ на произволъ судьбы.

Каково же было состоніе силъ? Наши спѣшенные 18 эскадроновъ и сотенъ / Харьковскіе уланы были въ отдѣлѣ / по количеству стрѣлковъ не уступали дѣйствовавшему противъ насъ баталіону пѣхоты съ командой велосипедистовъ; пулеметовъ у насъ было больше, а въ артиллеріи - свыше, чѣмъ двойное превосходство передъ нѣмцами, если учесть, что нѣмецкія полевыя орудія качественно уступали русскимъ...

Разсказывали объ одномъ кавалерійскомъ генералѣ,что когда на маневрахъ ему подчинили артиллерію, то онъ заявилъ : " сколько разъ я просилъ не давать мнѣ ни артиллеріи, ни флота!" - Потуги на остроуміе, бравада своимъ невѣжествомъ.

Бельцонценъ былъ кровавой расплатой за неумѣлое руководство боемъ. Послѣ двухъ другихъ неудачъ въ этомъ же родѣ начальникъ дивизіи былъ отчисленъ отъ занимаемой должности.

А.А.ЛЕВИЦКІЙ.

Примѣчаніе. Авторъ вышеприведенной статьи - коренной офицеръ конной артиллеріи. Въ 1899-мъ году онъ былъ прикомандированъ къ 31-му драгунскому Рижскому полку, а въ Русско-Японскую войну 1904-1905 г.г. сражался, какъ добровольцъ, въ рядахъ 2-го Читинскаго полка Забайкальскаго Казачьяго Войска. Въ 1908-мъ году окончилъ курсъ Офицерской Кавалерійской Школы. Въ войну 1914-1917 г.г.въ рядахъ 4-й кавалерійской дивизіи командовалъ сначала 8-й конной батареей,а затѣмъ,съ марта 1916-го г.,4-мъ конно-артиллерійскимъ дивизіономъ.Столь длительная служба полковника Левицкаго въ конномъ строю въ мирное и въ военное время даетъ ему, конечно, неоспоримое право писать о конницѣ.

Уважаемый авторъ несомнѣнно хранитъ въ своей памяти много другихъ не менѣе интересныхъ воспоминаній; остается только пожелать, чтобы онъ и впредь дѣлился ими съ читателями "Вѣстника".

РЕДАКТОРЪ.

ПУШКИНЪ ВОЕННЫЙ x/.

О пятинедѣльномъ пребываніи Пушкина въ кавказской арміи сохранились воспоминанія нѣсколькихъ лицъ. Н.Б.Потокскій разсказываетъ, что въ началѣ лѣта 1829-го года онъ встрѣтилъ въ станицѣ на рѣчкѣ Малке Пушкина, ѣхавшаго на Кавказъ. Здѣсь пришлось задержаться на нѣсколько дней.

" Александръ Сергѣевичъ очень скучалъ и, прогуливаясь со мною по станицѣ, любовался прелестными видами горъ, убѣленныхъ снѣгомъ; но когда начали съѣзжаться сюда гвардейскіе офицеры, слѣдовавшіе въ армію, гражданскіе чиновники, купцы и прочіе путешественники, а также прибыло нѣсколько замѣчательныхъ личностей - все оживилось; затѣвались разныя развлеченія, и, конечно, душою многочисленнаго общества былъ А.С.Пушкинъ. Все потомъ начало принимать воинственный видъ, въ ожиданіи скораго отправленія. А.С.Пушкинъ изъ первыхъ одѣлся въ черкесскій костюмъ, вооружился шашкой, кинжаломъ, пистолетомъ; подражая ему, многіе изъ мирныхъ людей накупили у казаковъ кавказскихъ нарядовъ и оружія. Наконецъ, наступило раннее утро, и подъ звуки барабана, все зашевелилось, и колонна выступила длинною вереницей; а въ виду того, чтобы пѣхоту не утомлять, двигались очень медленно; но все-таки безъ приваловъ дѣло не обходилось. Палящее солнце днемъ, тихая ѣзда, все это очень намъ надоѣдало. Александръ Сергѣевичъ затѣвалъ скачки, другіе тоже, подражая ему, далеко удалялись за цѣпь, но всегда были возвращаемы обратно командовавшимъ транспортомъ офицеромъ, предупреждавшимъ объ опасности быть захваченными или подстрѣленными хищниками. Тогда Пушкинъ, подъѣзжая къ офицеру, бралъ подъ козырекъ и произносилъ: " Слушаемъ, отецъ-командиръ! "

Интереснѣе другихъ воспоминанія М. П. Пущина, написанныя около 1857-го года и впервые напечатанныя въ 1893-мъ году въ " Русскомъ Вѣстникѣ " / № 9 /. Пущинъ пишетъ: " Въ 1829 году, въ маѣ мѣсяцѣ, дождавшись главнокомандующаго на границѣ въ крѣпости Цалке, съ нимъ я отправился въ Карсъ, откуда сдѣлано было нами движеніе къ Ардагану, - гдѣ, отдѣливъ отъ себя Муравьева на подкрѣпленіе Бурцова подъ Ахалцихомъ, мы съ главнокомандующимъ возвратились въ Карсъ; Бурцовъ же, подкрѣпленный Муравьевымъ, не замедлилъ разбить турецкаго пашу, желавшаго отнять у насъ Ахалцыхъ, и прибылъ къ намъ въ Карсъ, подкрѣпивши Бебутова гарнизономъ въ Ахалцихѣ. По собраніи всего отряда въ Карсѣ мы присоединились къ Паскевичу, который выдвинутъ былъ на Арзерумскую дорогу. Тутъ, несмотря на всѣ убѣжденія двигаться впередъ, Паскевичъ откладывалъ движеніе со дня на

---

x/ Начало статьи см. № 10 " Вѣстника ".

день, боясь Гагни-паши, расположеннаго влѣво отъ насъ, въ урочищѣ Дели-муса-фурни, чтобы при движеніи впередъ не имѣть его въ тылу нашемъ.

Во время этого бездѣйствія я, который занимался развѣдываніемъ о непріятелѣ и составлялъ карты движенія къ Арзеруму, по обязанности своей долженъ былъ дѣлать рекогносцировки и каждую ночь ихъ удачно дѣлалъ съ партіей линейныхъ казаковъ, чаще всего съ гребенскими. Однажды, уже въ іюнѣ мѣсяцѣ, возвращаясь изъ разъѣзда, на этотъ разъ очень удачнаго, до самаго лагернаго расположенія турокъ на высотѣ Мелидюза, которое въ подробности имѣлъ возможность разсмотрѣть, - я сошелъ съ лошади прямо въ палатку Николая Раевскаго, чтобы перваго его порадовать скорою неминуемою встрѣчею съ непріятелемъ, встрѣчею, которой всѣ въ отрядѣ съ нетерпѣніемъ ожидали. Не могу описать моего удивленія и радости, когда тутъ А.С.Пушкинъ бросился меня цѣловать, и первый его вопросъ былъ:

- Ну, скажи, Пущинъ: гдѣ турки, и увижу ли я ихъ; я говорю о тѣхъ туркахъ, которые бросаются съ крикомъ и оружіемъ въ рукахъ. Дай, пожалуйста, мнѣ видѣть то, за чѣмъ сюда съ такими препятствіями пріѣхалъ. -

- Могу тебя порадовать: турки не замедлятъ представиться тебѣ на смотръ; полагаю даже, что они сегодня вызовутъ насъ изъ нашего бездѣйствія, если же они не атакуютъ насъ, то я съ Бурцовымъ завтра непремѣнно постараюсь заставить ихъ бросить свою позицію, съ фронта неприступную, движеніемъ обходнымъ, планъ котораго отсюда же понесу къ Паскевичу, когда онъ проснется. -

Живые разговоры съ Пушкинымъ, Раевскимъ и Саженомъ / начальникомъ штаба, вошедшимъ въ палатку, когда узналъ, что я возвратился / за стаканами чая приготовили насъ встрѣтить турокъ грудью. Пушкинъ радовался, какъ ребенокъ, тому ощущенію, которое его ожидаетъ. Я просилъ его не отдѣляться отъ меня при встрѣчѣ съ непріятелемъ, обѣщалъ ему быть тамъ, гдѣ болѣе опасности, между тѣмъ какъ не желалъ бы его видѣть ни раненымъ, ни убитымъ. Раевскій не хотѣлъ его отпускать отъ себя, а самъ на этотъ разъ, по своему высокому положенію, хотѣлъ держать себя какъ можно дальше отъ выстрѣла турецкаго, особенно же отъ ихъ сабли или курдинской пики; вошелъ Семичевъ / маіоръ Нижегородскаго драгунскаго полка, сосланный на Кавказъ изъ Ахтырскаго гусарскаго полка / и предложилъ Пушкину находиться при немъ, когда онъ выѣдетъ впередъ съ фланкерами полка. На чемъ Пушкинъ остановился -не знаю, потому что меня позвали къ главнокомандующему, который вслѣдствіе моихъ донесеній послалъ подкрѣпить аванпосты, приказавъ соблюдать величайшую бдительность; всему отряду приказано было готовиться къ дѣйствію.

По сказанному - какъ по писанному. Еще мы не кончили обѣда у Раевскаго съ Пушкинымъ, его братомъ Львомъ и Семичевымъ, какъ пришли сказать, что непріятель показался у аванпостовъ. Всѣ мы бросились къ лошадямъ, съ утра осѣданнымъ. Не успѣлъ я выѣхать, какъ уже попалъ въ схватку казаковъ съ наѣздниками турецкими, и тутъ же встрѣчаю Семичева, который спрашиваетъ

меня: не видѣлъ ли я Пушкина? Вмѣстѣ съ нимъ мы поскакали его искать и нашли отдѣлившагося отъ фланкирующихъ драгунъ и скачущаго съ саблею наголо, противъ турокъ, на него летящихъ. Приближеніе наше, а за нами уланъ Юзефовича, скакавшихъ насъ выручать, заставило турокъ въ этомъ пунктѣ удалиться, - и Пушкину не удалось попробовать своей сабли надъ турецкой башкой, и онъ, хотя съ неудовольствіемъ, но насъ болѣе не покидалъ, тѣмъ болѣе, что нападеніе турокъ со всѣхъ сторонъ было отражено, и кавалерія наша, преслѣдовавъ ихъ до самаго укрѣпленнаго ихъ лагеря, возвратилась на прежнюю позицію до наступленія ночи.

Быстрое отраженіе Гагки - наши съ незначительною потерею нѣсколькихъ казаковъ убитыхъ и раненыхъ вывело главнокомандующаго изъ бездѣйствія, всѣхъ сердившаго. Мы стали подвигаться впередъ, но съ большою осторожностью. Черезъ нѣсколько дней, въ ночномъ своемъ разъѣздѣ, я натинулся на все войско сераскира, выступившее изъ Гассанъ-Кале намъ навстрѣчу. По сообщеніи извѣстія объ этомъ Пушкину въ немъ разыгралась кровь, и онъ сталъ прыгать и бить въ ладоши, говоря, что на этотъ разъ онъ непремѣнно схватится съ турками; но схватиться опять ему не удалось, потому что онъ не могъ изъ вѣжливости оставить Паскевича, который не хотѣлъ его отпускать отъ себя не только во время сраженія, но и на привалахъ, въ лагерѣ и вообще всегда, на всѣхъ гераз и въ свободное отъ занятій время за нимъ посылалъ и порядочно - по словамъ Пушкина - ему надоѣлъ. Правду сказать, со всѣмъ желаніемъ Пушкина убить или побить турка, ему уже на то не было возможности, потому что непріятель уже болѣе насъ не атановалъ, а вездѣ, до самой сдачи Арзерума, безъ оглядки бѣжалъ, и всѣ сраженія, громкія въ реляціяхъ, были только преслѣдованіемъ непріятеля, который бросалъ на дорогѣ орудія, обозы, лагери и отсталыхъ своихъ людей. Всегда, когда мы сходились съ Пушкинымъ у меня или Раевскаго, онъ бѣсился на турокъ, которые не хотятъ принимать столь желаннаго имъ сраженія, - я же, напротивъ, радовался тому, что могу чаще ѣхать въ коляскѣ и отдыхать, потому что думалъ походъ 1829 года еще съ незалѣченною раной въ груди, полученною въ 1828 году на штурмѣ Ахалцыха, и всякая усиленная верховая ѣзда чрезвычайно мнѣ вредила ".

Въ "Исторіи Военныхъ Дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 -1829 годахъ ", составленной ген.-лейтенантомъ Н.И.Ушаковымъ, въ слѣдующихъ словахъ говорится объ участіи Пушкина въ бою въ долинѣ Инжа-су: " Перестрѣлка 14 іюня 1829 года замѣчательна потому, что въ ней участвовалъ славный поэтъ нашъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Онъ прибылъ къ нашему Корпусу въ день выступленія на Саганлугъ и былъ обласканъ Графомъ Эриванскимъ. Когда войска, совершивъ трудный переходъ, отдыхали въ долинѣ Инжа-су, непріятель внезапно аттановалъ передовую цѣпь нашу, находившуюся подъ начальствомъ Подполковника Басова. Поэтъ, въ первый разъ услышавъ около себя столь близкіе звуки войны, не могъ уступить чувству энтузіазма. Въ поэтическомъ порывѣ онъ тотчасъ выскочилъ изъ ставки, сѣлъ на лошадь и мгновенно очу-

тился на аванпостахъ. Опытный маіоръ Семичевъ, посланный Генераломъ Раевскимъ вслѣдъ за поэтомъ, едва настигнулъ его и вывелъ насильно изъ передовой цѣпи казаковъ, въ ту минуту, когда Пушкинъ, воодушевленный отвагою, столь свойственной новобранцу-воину, схвативъ пику послѣ одного изъ убитыхъ казаковъ, устремился противу непріятельскихъ всадниковъ. Можно повѣрить, что Донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидѣвъ передъ собою незнакомаго героя въ круглой шляпѣ и въ бурнѣ. Это былъ первый и послѣдній военный дебютъ любимца Музъ на Кавказѣ ".

Существуютъ двѣ версіи отъѣзда Пушкина изъ ставки Паскевича; по одной изъ этихъ версій главнокомандующій, получившій изъ Петербурга предписаніе выслать Пушкина изъ арміи, сказалъ ему: "Господинъ Пушкинъ. Мнѣ васъ жаль, жизнь ваша дорога для Россіи; вамъ здѣсь дѣлать нечего, а потому я совѣтую немедленно уѣхать изъ арміи обратно, и я уже велѣлъ приготовить для васъ благонадежный конвой ".

Вторая версія противорѣчитъ первой. Самъ Пушкинъ, всегда правдивый въ своихъ писаніяхъ, такъ разсказываетъ о своемъ отъѣздѣ: " 19 іюля, пришедъ проститься съ графомъ Паскевичемъ, я нашелъ его въ сильномъ огорченіи. Получено было извѣстіе, что генералъ Бурцовъ былъ убитъ подъ Байбуртомъ. Жаль было храбраго Бурцова, но это происшествіе могло быть печально и для всего нашего малочисленнаго войска, зашедшаго глубоко въ чужую землю и окруженнаго непріязненными народами, готовыми возстать при слухѣ о первой неудачѣ. Итакъ, война возобновилась. Графъ предлагалъ мнѣ быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ предпріятій; но я спѣшилъ въ Россію... Графъ подарилъ мнѣ на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятникомъ моего странствованія вослѣдъ блестящаго героя по завоеваннымъ пустынямъ Арменіи. Въ тотъ же день я оставилъ Арзрумъ ".

Въ этихъ словахъ только одна вполнѣ простительная для современника неточность. Пушкинъ пишетъ - " Итакъ, война возобновилась. "; въ дѣйствительности, какъ мы теперь знаемъ, она была почти закончена.

Вернувшись съ войны, несомнѣнно, подъ свѣжимъ ея впечатлѣніемъ Пушкинъ написалъ въ 1829 году два стихотворенія " Изъ Гафиза " и " Делибашъ ", а въ 1830 году, вошедшее въ текстъ " Путешествіе въ Арзрумъ ", - "Стамбулъ гяуры нынѣче славятъ".

Зрѣлище войны углубило патріотизмъ Пушкина. Поэтъ увидѣлъ на Кавказѣ величественную картину созданія Россійской Имперіи трудами ея арміи и это отчасти примирило его съ тѣми недостатками современной ему военной системы, которые онъ называлъ " капральствомъ ".

Едва кончилась война съ Турціей, какъ въ ноябрѣ 1830-го года вспыхнуло польское возстаніе. Международныя отношенія сразу же обострились. Франція и Англія заняли по отношенію къ Россіи крайне враждебныя позиціи и почти открыто поддерживали поляковъ. Возстаніе успѣшно развивалось. Дибичъ, назначенный главнокомандующимъ, дѣйствовалъ нерѣшительно и неудачно.

Пушкинъ, внимательно слѣдившій за европейской политикой,

считалъ войну Россіи съ Европой неизбѣжной. Хорошо понимая серіозность положенія, поэтъ писалъ друзьямъ тревожныя письма, при встрѣчахъ высказывалъ свое безпокойство.

" Да развѣ вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, какъ въ 1812 году... Того и гляди навяжется на насъ Европа ".

Въ письмѣ къ князю П.А.Вяземскому отъ 2-го января 1831го года Пушкинъ, жившій тогда въ Москвѣ, писалъ,между прочимъ, слѣдующее: " О Польшѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я видѣлъ письмо Чичерина къ отцу, гдѣ сказано: Il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre. Здѣсь нѣкто бился объ закладъ, бутылку V. C.P./ Veuve Cliquot Pontchartrain - марка шампанскаго,А.К.С./ противу тысячи руб.,что Варшаву возьмутъ безъ выстрѣла... Лиза /Елизавета Михайловна Хитрово, урожд.Кутузова, дочь фельдмаршала,А.К.С./ пишетъ мнѣ отчаянное политическое письмо. Кажется,послѣднія происшествія произвели на петербургское общество сильное дѣйствіе. Если-бъ я былъ холостъ, то съѣздилъ бы туда... "

Итакъ, Пушкинъ опять хотѣлъ "съѣздить" на войну, но осуществить подобное желаніе теперь оказалось еще труднѣе чѣмъ въ 1829-мъ году: онъ былъ помолвленъ и,что важнѣе всего,-связанъ царскими милостями. Онъ никуда не поѣхалъ.

" О смерти Дибича горевать,кажется,нечего, - писалъ Пушкинъ П.В.Нащокину 11-го іюня 1831-го года. - Онъ уронилъ Россію во мнѣніи Европы - и медленностію успѣховъ въ Турціи, и неудачами противъ польскихъ мятежниковъ ".

Въ письмѣ отъ 26-го іюня къ тому же Нащокину читаемъ:"Тѣло Цесаревича везутъ, также и Дибичево. Паскевичъ пріѣхалъ въ армію 13-го. О военныхъ движеніяхъ не имѣемъ еще никакого извѣстія ".

Почти черезъ мѣсяцъ, 21-го іюля, въ очередномъ письмѣ къ Нащокину Пушкинъ писалъ: " Братъ мой переведенъ въ польскую армію. Имъ были недовольны...; но это не будетъ имѣть слѣдствія никакого. - Ты знаешь, что Вислу мы перешли,не видя непріятеля. Съ часу на часъ ожидаемъ важныхъ извѣстій и изъ Польши, и изъ Парижа. Дѣло, кажется, обойдется безъ европейской войны. Дай-то Богъ! "

Какъ мы видимъ, событія въ Польшѣ и, въ особенности, угроза европейской войны не переставали тревожить поэта.

Интересна слѣдующая запись изъ записной книжки Пушкина, датированная 4-мъ сентября 1831-го года: " Суворовъ/ внукъ генералиссимуса,А.С./ привезъ сегодня извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичъ раненъ въ бокъ. Мартыновъ и Ефимовичъ убиты. Гейсмаръ раненъ. Нашихъ пало 6.000. Поляки защищались отчаянно. Приступъ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27-го. Раненый Паскевичъ сказалъ: Du moins j'ai fait mon devoir. Гвардія все время стояла подъ ядрами. Суворовъ былъ два раза на переговорахъ и въ опасности быть повѣшеннымъ. Государь пожаловалъ его полковникомъ въ Суворовскомъ полку. Паскевичъ сдѣланъ княземъ свѣтлѣйшимъ. Скржинецкій скрывается .

Лелевель при Ромарино. Суворовъ видѣлъ въ Варшавѣ Montebello, Высоцкаго, зачинщика революціи, гр.А.Потоцкаго и другихъ. Взятіе подъ стражу еще не началось. -Государь тому удивился; мы также ".

Въ этой же записной книжкѣ подъ тѣмъ же числомъ другая запись: " Мнѣніе Жомини о польской кампаніи. Главная ошибка Дибича состояла въ томъ, что онъ, предвидя скорую оттепель, поспѣшилъ начать свои дѣйствія, наперекоръ здравому смыслу. 15 дней - разницы не сдѣлало бы. Счастье во многомъ помогло Паскевичу: 1/ онъ не могъ перейти со всѣми силами Вислу, но на Палена Скржинецкій не напалъ; 2/ онъ долженъ былъ пойти на приступъ, а изъ Варшавы выступило 20.000 и ушли слишкомъ далеко. Ошибки Скржинецкаго состояли въ томъ, что онъ пожертвовалъ 8.000 избраннаго войска понапрасну подъ Остроленкой. Позиція его была чрезвычайно сильная и Паскевичъ опасался ея. Но Скржинецкаго смѣнили недовольные его дѣйствіями или без - дѣйствіемъ начальники мятежа и Польша погибла ".

Немало тревожилъ Пушкина вопросъ о томъ, кто возглавитъ русскую армію въ случаѣ войны съ Европой. Поэтъ зналъ, что ограниченный и непопулярный въ арміи Паскевичъ не способенъ сыграть исторической роли спасителя отечества.

Въ концѣ мая 1831-го года Пушкинъ зашелъ въ Казанскій соборъ; здѣсь, передъ гробницею Кутузова онъ долго стоялъ въ тревожномъ и глубокомъ раздумiи. Въ тишинѣ храма, въ мерцаніи неугасимой лампады созданы были эти прекрасные, почти молитвенной силы стихи:

Передъ гробницею святой
Стою съ понишею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мранѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый страхъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
"Иди, спасай! " Ты всталъ и спасъ.
Внемли хъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Встань и спасай царя и насъ,
О старецъ грозный, на мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись: вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой.
Явись и дланію своей

Намъ унахи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный...
Но храмъ въ молчанье погруженъ,
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ.

Въ самый разгаръ польскаго возстанія и рѣзкаго ухудненія нашихъ отношеній съ Франціей и Англіей, Пушкинъ написалъ два очень сильныхъ стихотворенія -" Клеветникамъ Россіи " и " Бородинская годовщина ", въ которыхъ высказалъ боевой патріотическій оптимизмъ,близкій къ правительственной точкѣ зрѣнія на событія, за что былъ несправедливо обвиненъ врагами и нѣкоторыми друзьями въ заискиваніи передъ царемъ. Пушкинъ искренне вѣрилъ въ окончательную побѣду Россіи и свою вѣру сумѣлъ внушить тѣмъ,кто былъ въ ней не твердъ. Въ этомъ заключалась его несомнѣнная заслуга передъ русскимъ обществомъ и, въ особенности, передъ русской арміей: поневолѣ оставаясь въ тылу, поэтъ воодушевлялъ ее своимъ вдохновеннымъ словомъ. " Клеветникамъ Россіи " и " Бородинская годовщина " стоили, по меньшей мѣрѣ, цѣлаго армейскаго корпуса. Болѣе воинственныхъ, болѣе взволнованно-патріотическихъ стихотвореній, чѣмъ эти два, нѣтъ во всей русской поэзіи,и искренность высказанныхъ въ нихъ чувствъ и мыслей не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Я позволю себѣ привести эти стихотворенія полностью и напомню, что они были направлены противъ нашихъ внѣшнихъ враговъ, угрожавшихъ самому существованію Россіи. При иныхъ обстоятельствахъ они продолжали-бы служить посмертнымъ патріотическимъ призывомъ великаго русскаго поэта къ своему народу.

О чемъ шумите вы, народные витіи.
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненіе Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшанный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ, иль вѣрный россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага -
И ненавидите вы насъ...
За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы

Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ дрожали вы.
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ.
Вы грозны на словахъ - попробуйте на дѣлѣ.
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?
Такъ высылайте къ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.
/"Клеветникамъ Россіи" 1831 г./

Эти стихи произвели огромное впечатлѣніе не только въ Россіи, но и за границей, гдѣ было извѣстно, что всѣ произведенія Пушкина, прежде чѣмъ появиться въ печати, проходили цензуру 3-го отдѣленія и прочитывались самимъ царемъ.

Варшава была взята 26-го августа, въ день Бородина. Въ Европѣ это событіе было отмѣчено новой вспышкой ненависти къ Россіи, заговорили о необходимости вооруженнаго вмѣшательства въ русско-польскія дѣла. Изъ Парижа шли самыя тревожныя вѣсти. Въ эти дни Пушкинъ задумалъ дать новую отповѣдь клеветникамъ и врагамъ Россіи. Такъ была создана его " Бородинская годовщина ", нашедшая самый живой откликъ во всемъ русскомъ обществѣ.

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: " Шли же племена,
Бѣдой Россіи угрожая;
Не вся ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела....
Но стали хъ мы пятою твердой,
И грудью приняли напоръ
Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
И равенъ былъ неравный споръ.
И что хъ. свой бѣдственный побѣгъ,
Кичась, они забыли нынѣ;
Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь -

Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь:
Но тяжко будетъ имъ похмѣлье,
Но дологъ будетъ сонъ гостей
На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
Подъ злаковъ сѣверныхъ полей!
Ступайте къ намъ: васъ Русь зоветъ.
Но знайте, прошенные гости.
Ужъ Польша васъ не поведетъ:
Черезъ ея шагнете кости....
Сбылось - и въ день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый -
И бунтъ раздавленный умолкъ.
Въ бореньѣ падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.
Но вы, мутители палатъ,
Легкоязычные витіи,
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы... Еще ли россъ
Больной, разслабленный колоссъ.
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ.
Куда отдвинемъ строй твердынь:
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана:
За нѣмъ останется Волынь.
За нѣмъ наслѣдіе Богдана:
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва.
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ.
Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили ль русскаго владыку;
Скажите, кто главой поникъ.
Кому вѣнецъ: мечу иль крику.
Сильна ли Русь? Война и моръ,
И бунтъ и внѣшнихъ бурь напоръ,

Ее, бѣснуясь, потрясали -
Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали -
И Польши участь рѣшена...
/"Бородинская годовщина", 1831 г./

Нѣкоторые русскіе друзья упрекали Пушкина за его "квасной" патріотизмъ. Пушкинъ не былъ квасным патріотомъ, онъ былъ патріотомъ подлиннымъ и въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова. Мицкевичъ лучше другихъ оцѣнилъ "ясность ума и правильность сужденій" Пушкина. Польскій поэтъ понялъ, что къ тридцатымъ годамъ талантъ Пушкина "глубже пустилъ корни въ родную почву". Мицкевичъ, конечно, не соглашался съ Пушкинымъ, но онъ никогда не приписывалъ патріотизмъ великаго русскаго поэта "честолюбивымъ разсчетамъ", ибо ни на минуту не сомнѣвался, что у этого благороднѣйшаго человѣка "нупить хотя бы только одну сочувственную газетную статью, ничтожную похвалу или вѣхливое слово нельзя за всю сумму денегъ, которую русскій кабинетъ тратитъ на покупку офиціальныхъ защитниковъ за-границей."

- - - - -

Пушкинъ не былъ поэтомъ баталистомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, однако, именно на военныя темы имъ создано столько первоклассныхъ произведеній, что они одни могли бы уже обезсмертить его имя. Къ любимымъ военнымъ сюжетамъ поэтъ возвращался постоянно, на что и указываетъ нижеслѣдующій хронологическій перечень его поэтическихъ и историческихъ произведеній, въ которыхъ, въ той или иной мѣрѣ, выявлены элементы батальнаго жанра /"Шишковъ, прости, не знаю, какъ перевести"./: "Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ" /1814 г./, "Городокъ" /1814 г/ "Къ Г/аличу/" /1815 г./, "Наполеонъ на Эльбѣ" /1815 г./, "На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году" /1815 г./, "Сраженный рыцарь" /1815 г./, "Наѣздникъ" /1816 г./, "Пушкину" /1817 г./, "Выздоровленіе" /1817 г./, "Русланъ и Людмила" /1817-1820 гг./, "Война" /1821 г./, "Наполеонъ" /1821/, "Кавказскій плѣнникъ" /1821 г./, "Два отрывка изъ журнала Греческаго возстанія" /1821 г./, "Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ" /1822 г./, "Бахчисарайскій фонтанъ" /1822 г./, "Борисъ Годуновъ" /1825 г./ "Полтава" /1828 г./, "Делибашъ" /1829 г./, "Изъ Гафиза" /1829/ "Олеговъ щитъ" /1829 г./, "Путешествіе въ Арзрумъ" /1829-1835 гг./, "Герой" /1830 г./, "Выстрѣлъ" /1830 г./, "Мятель" /1830/, "Клеветникамъ Россіи" /1831 г./, "Бородинская годовщина" /1831 г./, "Пѣсни Западныхъ Славянъ" /1832 г./, "Передъ гробницею святой" /1831 г./, "Гусаръ" /1833 г./, "Мѣдный Всадникъ" /1833 г./, "Исторія Пугачевскаго бунта" /1833 г./, "Полководецъ" /1835 г./, "Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою..." /1836 г./, "Записки бригадира Моро де Бразе" / переводъ съ французскаго /, "Матеріалы для первой главы Исторіи Петра Великаго", "Два отрывка изъ другихъ главъ", "О народномъ воспитаніи" /Записка, представленная императору Николаю Павловичу въ 1826 г./, "Мысли на дорогѣ" / 1834 г./. Приведенный перечень отнюдь не претендуетъ на исчерпывающую полноту, но въ немъ упомянуто основное и

главное.

Пушкинъ одинаково тонко чувствовалъ и чистую эстетику войны и высокую этику воинскаго долга, воинской самоотверженности патріота и христіанина. Правда, эстетическія и этическія восчувствованія поэта находились иногда во взаимной коллизіи, что было вполнѣ понятно, такъ какъ на войнѣ и въ военномъ быту внѣшне-прекрасное не всегда отвѣчало нравственному, но поэзія Пушкина отъ этихъ противорѣчій не страдала, а личность самого поэта обрисовывалась въ его творчествѣ даже еще живѣе и ярче.

Пушкина влекла къ военной жизни связанная съ нею чистая-эстетика - красота военныхъ одеждъ, порядокъ и симметрія военнаго строя, пышность и нарядность парада. Онъ такъ и сказалъ:

Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь простр'ѣленныхъ въ бою...

Но этой внѣшней " красивостью " не исчерпывалась для поэта эстетика войны. Война не имѣла ничего общаго съ военнымъ парадомъ, хотя и она могла быть, въ своемъ родѣ, красивымъ зрѣлищемъ. Истинный соблазнъ войны заключался въ тѣхъ острыхъ, сильныхъ и прекрасныхъ боевыхъ переживаніяхъ, которыя Пушкинъ назвалъ " упоеніемъ " /" есть упоеніе въ бою "/. Для него это былъ соблазнъ рискованной игры, гдѣ ставками служили слава, безсмертіе, " вѣнецъ героя ". Онъ любилъ беззавѣтную отвагу, какъ признакъ подлиннаго благородства и уважалъ холодную смѣлость, какъ проявленіе душевной силы...

Въ русской литературѣ Пушкинъ первый создалъ художественныя произведенія, дѣйствительно проникнутыя народно-историческимъ духомъ. "Исторія народа принадлежитъ поэту", - такъ писалъ Пушкинъ Н. И. Гнѣдичу въ письмѣ своемъ отъ 23-го февраля 1825-го года. Если историческія событія составляютъ главное содержаніе народнаго эпоса - былинъ, сказаній и пѣсенъ, то и подлинно-національный поэтъ, какъ выразитель народной души, не можетъ не быть поэтомъ народной исторіи. Эта очень классическая концепція исторіи и исторической поэзіи вдохновила Пушкина на созданіе " Бориса Годунова " / 1825 г./, " Полтавы " / 1828 г./, " Мѣднаго Всадника " /1833 г./ и " Капитанской дочки " / 1833-1836 г.г./.

Увлеченіе исторіей началось у Пушкина еще въ лицейскіе годы. Младшій братъ поэта, Левъ Сергѣевичъ, пишетъ, что Пушкинъ " любилъ навѣщать Н. М. Карамзина, проводившаго ежегодно лѣтнее время въ Царскомъ Селѣ. Карамзинъ читалъ ему рукописный трудъ свой и дѣлился съ нимъ досугомъ и сужденіями ".

Вдохновляясь, какъ художникъ, темами русской исторіи, Пушкинъ, однако, подобно своему Саліери, " повѣрялъ алгеброй гармонію ", " ремесло ставилъ подножіемъ искусству ". Онъ хорошо понималъ, что какъ бы сильна ни была его поэтическая ин-

тущіи, замѣнить во всемъ знанія она ему не могла. И Пушкинъ всю жизнь изучалъ русскую исторію и работалъ надъ ея архивнымъ матеріаломъ съ упорствомъ и добросовѣстностью настоящаго ученаго. Всегда и вездѣ онъ искалъ живыхъ свидѣтелей исторіи, въ надеждѣ узнать у нихъ хоть что-нибудь новое; съ проникновеннымъ вниманіемъ разсматривалъ онъ попадавшіеся ему въ руки предметы старины и археологическія рѣдкости, справедливо полагая, что это обостряетъ историческое чутье.

Надо углубиться въ древнія хартіи, чтобы увидѣть " дымъ столѣтій ". И девятнадцатилѣтній Пушкинъ пишетъ своему " учителю " Жуковскому:

Смотри, какъ пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свиткѣ генія склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ.
Онъ духомъ тамъ въ дыму столѣтій:
Предъ нимъ волнуются толпой
Злодѣйства, мрачной славы дѣти,
Съ сынами доблести прямой...

/ Къ Жуковскому по прочтеніи изданныхъ имъ книженъ " Для немногихъ ", 1818 г/

Поэтическое творчество шло у Пушкина рука объ руку съ историческими изслѣдованіями: онъ собиралъ матеріалы для задуманной имъ " Исторіи Петра Великаго " и написалъ " Полтаву " и " Мѣднаго всадника "; онъ иллюстрировалъ художественными образами " Капитанской дочки ," " Исторію Пугачевскаго бунта " ; " Борисъ Годуновъ " оказался геніальной исторической реминисценціей.

" Историческая страница, - писалъ Пушкинъ въ предисловіи къ " Исторіи Пугачевскаго бунта ", - на которой встрѣчаются имена: Екатерины, Румянцова, двухъ Паниныхъ, Суворова. Бибикова, Михельсона и Державина, не должна быть затеряна для потомства. "

Пушкинъ любилъ вѣкъ Екатерины, " громкій вѣкъ военныхъ споровъ ", а изъ " сподвижниковъ, друзей " великой императрицы его привлекалъ больше другихъ, конечно, Суворовъ. Исторію этого замѣчательнаго русскаго полководца поэтъ и задумалъ написать. Трудно сказать, когда именно возникъ этотъ замыселъ. Извѣстно только,что въ началѣ 1833-го года Пушкинъ обратился къ военному министру графу А. И. Чернышеву съ оффиціальной просьбой о разрѣшеніи ознакомиться съ приказами и донесеніями Суворова, хранившимися тогда въ архивахъ Главнаго Штаба . Получивъ разрѣшеніе, Пушкинъ немедленно отвѣтилъ Чернышеву слѣдующимъ письмомъ:

" Въ Петербургѣ. 7 февраля 1833. - Приношу вашему сіятельству искреннѣйшую благодарность за вниманіе, оказанное къ моей просьбѣ. Слѣдующіе документы, касающіеся исторіи графа Суворова, должны находиться въ архивахъ Главнаго Штаба: I/ Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ, 2/ Донесенія гр. Суворова во время кампаніи 1794 г., 3/ Донесенія его 1799 г., 4/ Приказы его по войскамъ. Буду ожидать отъ вашего сіятельства дозволенія поль-

зоваться сими драгоцѣнными матеріалами."

Получивъ въ теченіе февраля только часть необходимыхъ ему документовъ,Пушкинъ на этомъ не успокоился и написалъ Чернышеву второе письмо.

"Въ Петербургѣ. 8 марта 1833. - Доставленныя мнѣ,по приказанію вашего сіятельства, изъ Московскаго отдѣленія инспекторскаго архива книги получить имѣлъ я честь. Принося вашему сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить васъ еще одною просьбою: благосклонность и просвѣщенная снисходительность вашего сіятельства совсѣмъ избаловали меня.

Въ бумагахъ касательно Пугачева, полученныхъ мною предъ симъ, извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія генералъ-аншефа Бибикова, но донесеній сего генерала въ военную коллегію, также какъ и рапортовъ кн. Голицына, Михельсона и самого Суворова, тутъ не находится. Если угодно будетъ его сіятельству оныя донесенія и рапорты / съ января 1776 г. по конецъ того же года / приказать мнѣ доставить,то почту сіе за истинное мнѣ благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ,преданностью и благодарностью честь имѣю быть.... и пр. ".

Вотъ, въ сущности, все, что мы знаемъ. Это не много, но это уже позволяетъ намъ сдѣлать два очень важныхъ для насъ вывода: I/ установить наличіе замысла, достаточно характеризующаго широту и направленіе военно-историческихъ интересовъ Пушкина и 2/ признать, что Пушкинъ, имѣя на рукахъ часть необходимыхъ ему документовъ,приступилъ къ работѣ надъ ними,или, во всякомъ случаѣ, просмотрѣлъ ихъ.

Такимъ образомъ, творческая работа началась. Къ сожалѣнію, увлекшись " пугачевщиной ", поэтъ отвлекся отъ прямо поставленной себѣ цѣли - писать " Исторію Суворова ". Однако, очень возможно, что Пушкинъ смотрѣлъ на " Исторію Пугачевскаго бунта ", какъ на предварительный творческій опытъ, за которымъ должна была послѣдовать " Исторія Суворова ".

Своимъ военно - историческимъ трудамъ Пушкинъ придавалъ большое значеніе, относился къ нимъ очень серьезно и никогда не пропускалъ случая пополнить свои знанія. Подполковникъ И. П.Липранди разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ,что Пушкинъ, живя на югѣ,побывалъ въ Измаилѣ и на мѣстѣ ознакомился съ обстановкой знаменитаго штурма, исторію котораго зналъ въ мельчайшихъ подробностяхъ. Липранди пишетъ,что поэтъ "удивлялся , какимъ образомъ де-Рибасъ во время суворовскаго штурма могъ со стороны Дуная взобраться на эту каменную стѣну ". Онъ осмотрѣлъ также крѣпостную церковь, гдѣ были " надписи нѣкоторымъ изъ убитыхъ на штурмѣ". Тотъ же Липранди разсказываетъ , что Пушкинъ былъ очень раздосадованъ, когда однажды они по его Пушкина, вынѣ проѣхали Кагульское поле темной ночью, въ то время, какъ могли бы проѣхать днемъ и все увидѣть. " Тутъ я опять убѣдился, - пишетъ Липранди, - что онъ вычиталъ всѣ подробности этой битвы, проговорилъ какіе то стихи и потомъ замѣтилъ, что Ларга должна быть вправо и пр. ".

Липранди сообщаетъ еще, что въ I824-мъ году въ Бендерахъ

х/
отыскался нѣкій Никола Искра, глубокій старикъ, который хорошо помнилъ шведскаго короля Карла XII-го. По вычисленіямъ Липранди Искрѣ должно было быть въ 1824-мъ г. около 135-ти лѣтъ. Пушкинъ не преминулъ познакомиться съ этимъ живымъ свидѣтелемъ исторіи и долго допрашивалъ его, стараясь узнать, какъ можно больше. Любопытно, что Искра, помнившій Карла XII-го, ничего не могъ сообщить о Мазепѣ, самое имя котораго было ему неизвѣстно.

Жизнь Пушкина въ южной ссылкѣ нерѣдко изображаютъ, какъ какое-то пустое и даже легкомысленное времяпрепровожденіе. Такое изображеніе не точно. Конечно, молодой поэтъ не жилъ анахоретомъ: онъ не пропускалъ случая повеселиться, не гнушался хмѣльной дульчецы, волочился за хорошенькими молдаванками, игралъ въ карты, дрался на дуэли. Но здѣсь, на югѣ, онъ добросовѣстно изучалъ событія нашей военной исторіи и успѣлъ написать "Кавказскаго плѣнника", " Братьевъ разбойниковъ ", "Бахчисарайскій фонтанъ", "Цыганъ" и цѣлый рядъ превосходныхъ стихотвореній. Первое путешествіе на Кавказъ вдохновило Пушкина на нѣсколько батальныхъ страницъ "Кавказскаго плѣнника"/ " Межъ Горцевъ плѣнникъ наблюдалъ... " и далѣе, а также весь " Эпилогъ "/.

Сказавъ, что " исторія народа принадлежитъ поэту ", Пушкинъ далъ общую мысль, но не уточнилъ: что именно въ русской исторіи занимало его преимущественно. Основываясь на приведенныхъ уже въ настоящемъ очеркѣ матеріалахъ, можно попытаться отвѣтить гипотетически и на этотъ вопросъ. Конечно, не одни только военныя событія русской исторіи интересовали Пушкина поэта и Пушкина историка, но не подлежитъ сомнѣнію, что они интересовали его главнымъ образомъ.

Любимыми историческими героями великаго русскаго поэта были " сыны доблести прямой ", т.е. воины: вѣнценосные вожди и великіе полководцы, скромные офицеры и безвѣстные ратники - " Сыны Бородина и Кульмскіе Герои ".

Типы военныхъ людей въ произведеніяхъ Пушкина чрезвычайно разнообразны и жизненно правдивы. Здѣсь и загадочный герой повѣсти "Выстрѣлъ", отставной гусарь Сильвіо, гибнущій за чужое дѣло въ сраженіи подъ Скулянами, и рѣзкая противоположность ему - безхитростно-скромный юноша Петруша Гриневъ, и твердый исполнитель присяги и служебнаго долга - бравый капитанъ Мироновъ, и типичный гусаръ тѣхъ временъ - лихой вояка и бражникъ, ротмистръ Зуринъ. Я не буду, однако, перечислять всѣхъ военныхъ персонажей произведеній Пушкина, скажу только, что ихъ гораздо больше, чѣмъ принято думать, и они отнюдь не маненены, одѣтые въ военную форму, но мастерскіе историческіе портреты.

х/ Этотъ Никола Искра только однофамилецъ полтавскому полковнику Іоанну Искрѣ, другу и сподвижнику генеральнаго судьи Василія Леонтьевича Кочубея. Какъ извѣстно, полковникъ Іоаннъ Искра былъ казненъ вмѣстѣ съ Кочубеемъ 15-го іюля 1708-го года и, повидимому, не оставилъ послѣ себя потомства, иначе родъ Искры не былъ бы преданъ несправедливой безвѣстности.

Пушкинъ хорошо зналъ русскую военную среду, любилъ ее и изобразилъ съ изумительной исторической достовѣрностью и художественной живостью.

Помимо русской военной исторіи, Пушкина занимали также вопросы военной службы, комплектованія нашей арміи и воспитанія въ кадетскихъ корпусахъ. Онъ подошелъ къ этимъ вопросамъ съ исключительной серьезностью, справедливо полагая, что они имѣютъ первостепенное государственное значеніе.

Въ письмѣ изъ Кишинева отъ 21-го іюля 1822-го года Пушкинъ писалъ своему младшему брату Льву Сергѣевичу: "Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, ей Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери - если упустишь время, послѣ будешь тужить - въ русской службѣ должно непремѣнно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ-нибудь когда-нибудь; слѣдовательно разочти - тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. А я тебѣ говорю: служи - ученіе не пропадетъ". -

Въ другомъ письмѣ, датированномъ тѣмъ же 1822-мъ годомъ, также изъ Кишинева, поэтъ писалъ брату: " Ты въ тѣхъ лѣтахъ, когда должно думать о предстоящемъ поприщѣ; я объяснилъ тебѣ причины, по которымъ военное кажется мнѣ предпочтительнѣе прочихъ ".

Эти мысли заботливаго и любящаго старшаго брата превратились постепенно въ опредѣленный планъ дѣйствій, и въ августѣ того же года Пушкинъ далъ брату слѣдующій совѣтъ: "На прошедшей почтѣ / виноватъ: съ Долгорукимъ / я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ. Во-первыхъ, о службѣ. Если бы ты пошелъ въ военную - вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ гвардію тебѣ не зачѣмъ; служить четыре года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой нибудь полкъ корпуса Раевскаго - скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ гвардію - Раевскій или Киселевъ - оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да посчалуйста не слегка, дѣло идетъ о жизни ".

Левъ Сергѣевичъ, внявъ совѣтамъ брата, сталъ военнымъ, но что-то не ладилось у него со службой. Прошло три года; онъ подумывалъ уже объ отставкѣ. Но старшій братъ умолялъ не торопиться: " Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки.."/письмо изъ Тригорскаго отъ 12-го марта 1825-го года /.

Левъ Сергѣевичъ опять послушался и въ отставку не вышелъ.

Мысль Пушкина, практически правильная, находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ положеніемъ вещей, которое наблюдалось въ Россіи въ концѣ царствованія императора Александра I-го и, въ особенности, въ теченіе всей Николаевской эпохи, и въ силу котораго военное сословіе было правящимъ сословіемъ въ государствѣ. Любопытно сопоставить вышеприведенное сужденіе Пушкина съ мнѣніемъ австрійскаго посла при россійскомъ дворѣ Бомбеля, доносившаго въ Вѣну въ самомъ началѣ царствованія императора Николая Павловича, между прочимъ, и объ исключительномъ довѣріи молодого государя къ " людямъ шпаги ".

Въ 1834-мъ году Пушкинъ писалъ: " Самая необходимая и

тягчайшая изъ повинностей народныхъ есть рекрутскій наборъ. Образъ набора вездѣ различествуетъ и вездѣ влечетъ за собою великія неудобства. Англійскій прессъ подвергается ежедневно горькимъ выходкамъ оппозиціи и со всѣмъ тѣмъ существуетъ во всей силѣ. Прусское Landwehr - система сильная и искусная, но приноровленная къ государству, еще не оправданная опытомъ, возбуждаетъ уже ропотъ въ терпѣливыхъ прусскихъ. Наполеоновская конскрипція производилась при громкихъ рыданіяхъ и проклятіяхъ всей Франціи. - " Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей, считало годы ихъ кровавыми перстами, сыны въ дому отцовъ минутными гостями являлись.." и пр. / Изъ извѣстнаго стихотворенія Жуковскаго /.

Рекрутство наше тяжело, лицемѣрить нечего. Довольно упомянуть о законахъ противу крестьянъ, изыскивающихся во избѣжаніе.соддатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы пріучить народъ къ рекрутству. Но можетъ ли государство обойтиться безъ постояннаго войска. Полумѣры ни къ чему доброму не ведутъ. Конскрипція, по кратковременности службы, въ теченіе 15 лѣтъ дѣлаетъ изо всего народа однихъ солдатъ. Въ случаѣ народныхъ мятежей, мѣщане бьются какъ солдаты; солдаты плачутъ и толкуютъ какъ мѣщане, обнимаются и обращаются противъ правительства. Обѣ стороны одна съ другою тѣсно связаны. Русскій солдатъ, на 24 года отторженный изъ среды своихъ сограждан, дѣлается чуждъ всему, кромѣ своего долга. Онъ возвращается на родину уже въ старости. Самое его возвращеніе уже есть порука за его добрую нравственность; ибо отставка дается только за безпорочную службу. Онъ жаждетъ одного спокойствія. На родинѣ находитъ онъ только нѣсколькихъ знакомыхъ стариковъ. Новое поколѣніе его не знаетъ и съ нимъ не братается.

Власть помѣщиковъ въ томъ видѣ,какъ она теперь существуетъ,необходима для рекрутскаго набора. Безъ нея правительство въ губерніяхъ не могло бы собрать и десятой доли требуемаго числа рекрутъ. Вотъ одна изъ тысячи причинъ, повелѣвающихъ намъ присутствовать въ нашихъ помѣстьяхъ, а не разоряться въ столицахъ подъ предлогомъ усердія къ службѣ,но въ самомъ дѣлѣ изъ единой любви къ разсѣянности и чинамъ." / " Мысли на дорогѣ ", 1834 г. /.

Въ первыхъ числахъ сентября 1826 - го года кончилась для Пушкина тяжелая пора шестилѣтней политической ссылки. По повелѣнію императора Николая Павловича онъ былъ доставленъ съ фельдъегеремъ изъ села Михайловскаго въ Москву,гдѣ происходили коронаціонныя торжества. Царь долго и милостиво бесѣдовалъ съ поэтомъ и обѣщалъ ему полное проценіе. Но - "Милуетъ царь, да не жалуетъ псарь ". Для 3-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи Пушкинъ остался политическимъ оппозиціонеромъ,котораго слѣдовало держать подъ наблюденіемъ. Уже въ концѣ 1826-го года правительство пожелало провѣрить политическую благонадежность поэта: ему было предложено въ особой запискѣ высказать свои мысли о народномъ воспитаніи. На этой " провѣркѣ " Пушкинъ не могъ не "провалиться".

Прекрасно учитывая провокаціонный характеръ сдѣланнаго ему предложенія , поэтъ не хотѣлъ отъ него отказаться по принципіальнымъ соображеніямъ. Онъ могъ - бы скромно сослаться на свою некомпетентность въ столь важномъ вопросѣ,но это было бы принято за малодушіе съ его стороны, а онъ больше всего дорожилъ своей репутаціей мужественнаго человѣка. Кромѣ того, ему очень хотѣлось воспользоваться подходящимъ случаемъ и, сохраняя всю независимость и искренность своихъ сужденій, проявить въ то же время максимумъ политической умѣренности и отмежеваться отъ крайнихъ, явно преступныхъ теченій "декабризма". Стараясь быть сдержаннымъ, осторожнымъ, но и откровеннымъ, Пушкинъ высказалъ въ своей запискѣ " О народномъ воспитаніи " мысли, далеко не совпадавшія съ правительственной точкой зрѣнія. Онъ не выдержалъ экзамена. Бенкендорфъ, возражая поэту, писалъ между прочимъ: "... Принятое Вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее Васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое количество молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному".

Касаясь въ своей запискѣ вопроса воспитанія въ кадетскихъ корпусахъ, Пушкинъ писалъ слѣдующее: " Кадетскіе корпуса, разсадникъ офицеровъ русской арміи, требуютъ физическаго преобразованія, большаго присмотра за нравами, кои находятся въ самомъ гнусномъ запущеніи. Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію. Чрезъ сію полицію должны будутъ доходить до начальства и жалобы . Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную - исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ; наказывать юношу или взрослаго человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное и, къ несчастію, слишкомъ у насъ обыкновенное.

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо. Надлежитъ заранѣе внушать воспитанникамъ правила чести и человѣколюбія. Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ. Слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ ". / "О народномъ воспитаніи," записка, представленная императору Николаю Павловичу въ 1826 году /.

Пушкинъ закончилъ свою записку слѣдующими словами: " Самъ отъ себя я бы никогда не осмѣлился представить на разсмотрѣніе правительства столь недостаточныя замѣчанія о предметѣ столь важномъ, каково есть народное воспитаніе; одно желаніе усердіемъ и искренностію оправдать высочайшія милости, мною не заслуженныя, понудило меня исполнить ввѣренное мнѣ порученіе. Ободренный первымъ вниманіемъ государя императора, всеподданнѣйше прошу его величество дозволить мнѣ повергнуть предъ нимъ мысли касательно предметовъ болѣе мнѣ близкихъ и знако-

мыхъ.

Особое неудовольствіе императора Николая Павловича вызвала, конечно, суровая критика Пушкинымъ кадетскихъ корпусовъ. Царь счелъ ее преувеличенной. Онъ очень любилъ свои кадетскіе корпуса и искренно думалъ, что они находятся, если и не въ блестящемъ, то, во всякомъ случаѣ, - въ удовлетворительномъ состояніи. По своему высокому положенію государь не могъ вникнуть во всѣ мелочи кадетской жизни, а недобросовѣстные бюрократы увѣряли его, что все обстоитъ, какъ нельзя лучше. Теперь, когда передъ нами огромное количество историческаго матеріала по данному вопросу, мы видимъ, что Пушкинъ былъ значительно лучше освѣдомленъ объ истинномъ положеніи вещей, чѣмъ государь.

Наступили 30-е годы XIX-го столѣтія - послѣдніе годы жизни Пушкина. Это была новая пора его жизни: онъ женился, захилъ семьяниномъ, былъ избранъ академикомъ, получилъ придворное званіе / но не сталъ придворнымъ /, занялся новой для него журнально-издательской дѣятельностью. Послѣдніе трагическіе годы жизни великаго русскаго поэта хорошо изучены. Я не буду говорить о всѣмъ извѣстныхъ событіяхъ, отмѣчу только, что и въ эти послѣдніе шесть лѣтъ своей жизни Пушкинъ, какъ былъ, такъ и остался человѣкомъ вполнѣ " военной складки ", сохранившимъ тѣ же свои дружескія военныя связи, тѣ же военные интересы и пристрастія. Судьба зло посмѣялась надъ нимъ, заставивъ на тридцать пятомъ году жизни надѣть запоздалый камеръ - юнкерскій мундиръ. Онъ съ юности мечталъ о другомъ.

Утромъ, 30-го ноября 1833-го года Пушкинъ записалъ въ дневникъ: " Вчера балъ у Бутурлина. Жомини. Любопытный разговоръ съ Блайемъ. Зачѣмъ у васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ. - Для безопасности Петербурга. Но онъ защищенъ Кронштадтомъ. - Игрушка. - Долго ли вамъ распространяться. / Мы смотрѣли карту постепеннаго распространенія Россіи, составленную Бутурлинымъ /. Ваше мѣсто Азія: тамъ совершите вы достойный подвигъ цивилизаціи.....etc.

Нѣсколько офицеровъ подъ судомъ за неисправности въ дежурствѣ. Великій князь /в.к.Михаилъ Павловичъ, А.К.С./ засталъ ихъ за ужиномъ: кого въ шлафронѣ, кого безъ шарфа. Онъ пораженъ мыслію объ упадкѣ гвардіи. Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ ѣхалъ за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ лисьей шубѣ. Въ началѣ царствованія Александра офицеры былъ своевольны, заносчивы, неисправны, а гвардія была въ своемъ цвѣтущемъ состояніи ".

Есть въ дневникѣ другая запись, сдѣланная черезъ два мѣсяца, 26-го января 1834-го года, и для насъ она полна особаго и страшнаго смысла: " Баронъ д'Антесъ и маркизъ де-Пина, два шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ ".

Конечно, только военнаго человѣка могли интересовать всѣ эти " мелочи " военнаго быта. Но изъ этихъ бытовыхъ "мелочей" неохиданно проистекаютъ большія историческія событія. Шуанъ, иностранецъ, не знающій ни слова по русски и принятый прямо офицеромъ въ русскую гвардію, черезъ три года убьетъ Пушкина

на поединкѣ. Роковая историческая случайность, конечно, - не больше, но она положила предѣлъ цѣлой эпохѣ въ развитіи русской культуры...

Въ началѣ 1836-го года Пушкинъ сталъ издавать періодическій журналъ подъ названіемъ :Современникъ". Цѣли журнала были не достаточно ясно очерчены,но имя издателя и редактора говорило само за себя. Однако, "Современникъ" встрѣтилъ довольно суровую критику со стороны Бѣлинскаго, недовольнаго сборностью и слишкомъ "свѣтскимъ" направленіемъ журнала. Этотъ ярый ненавистникъ всякой "военщины" былъ въ особенности-раздраженъ второй книжкой "Современника", полностью посвященной Наполеону.

Литературнымъ "столпомъ" журнала былъ и Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, сотрудничество котораго Пушкинъ выговорилъ заранѣе.

Интересны слѣдующія два письма Пушкина къ Давыдову:

"Изъ Петербурга. Іюнь 1836. -Я сейчасъ изъ Москвы...Статью о Дрезденѣ не могу тебѣ прислать, прежде чѣмъ ее напечатаютъ, ибо она есть цензурный документъ. Успѣешь наглядѣться на ея благородныя раны. Понамѣстъ благодарю за позволеніе напечатать ее и въ настоящемъ ея видѣ.1/ / Чортъ побери генерала Винценгероде! /. А жаль, что не тиснули мы ее въ 2-мъ №, который у насъ весь полонъ Наполеономъ. Куда же кстати тутъ же было заколотъ у подножія Вандомской колонны генерала Винценгероде, какъ жертву примирительную! Я бы и рукава засучилъ! Вырвался проклятый. Богъ съ нимъ, чортъ его побери!... "

" Изъ Петербурга. 1836. Сентябрь. - Ты думалъ, что твоя статья о партизанской войнѣ пройдетъ сквозь цензуру цѣла и не вредима? Ты ошибся: она не избѣжала красныхъ чернилъ. Право, кажется, военные цензоры вымарываютъ для того,чтобы доказать, что они читаютъ. Цензура дѣло земское; изъ нея отдѣлили опричину, а опричники руководствуются не уставомъ, а своимъ крайнимъ разумѣніемъ."

Статья Дениса Давыдова о партизанской войнѣ, напечатанная въ № 3-мъ "Современника", была процензирована А.И. Михайловскимъ-Данилевскимъ, тѣмъ самымъ военнымъ историкомъ, про котораго Ермоловъ сказалъ, что "онъ второй послѣ Крылова баснописецъ ".

Въ 1836-мъ году Пушкинъ послалъ Давыдову книжку "Исторіи Пугачевскаго Бунта". Денисъ Васильевичъ любовно отвернулъ обложку и сразу же увидѣлъ знакомымъ почеркомъ написанныя строки. Это было посвященіе ему. Читалъ волнуясь,даже дыханіе захватило отъ волненія:

Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою.
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ въ огнѣ
Скакать на бѣшенномъ конѣ.
Наѣзднику смирнаго Пегаса,

1/ Статья "Воспоминанія объ осадѣ Дрездена" напечатана была въ № 4-мъ "Современника".

Носилъ я стараго Парнаса,
Изъ моды вышедшій мундиръ:
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наѣзднинъ чудный,
Ты мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ - при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ - плутъ, казанъ прямой!
Въ передовомъ твоемъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

Это было послѣднее "военное" стихотвореніе Пушкина. Поэтъ, точно предчувствуя близкую гибель, навсегда прощался со своими юношескими мечтами о военномъ поприщѣ.

А.К.САВИЦКІЙ.

ТРИ ПАМЯТНЫЯ ГОДОВЩИНЫ.

На 1952-й годъ пришлись три памятныя историческія годовщины, которыя нельзя не отмѣтить на страницахъ " Русскаго Военно-Историческаго Вѣстника ".

400 лѣтъ тому назадъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный осадилъ и добылъ приступомъ Казань, столицу ханства Казанскаго. 250 лѣтъ тому назадъ, 11-го октября, послѣднимъ отчаяннымъ приступомъ преображенцы и семеновцы взяли у истоковъ Невы шведскую крѣпость Нотебургъ / древній Новгородскій Орѣшекъ /, названную царемъ Петромъ аллегорическимъ именемъ - Шлюссельбургъ / Ключъ-городъ /. Наконецъ, 75 лѣтъ тому назадъ, съ іюня по конецъ декабря 1877-го года, произошли важныя и едва ли не рѣшающія событія русско-турецкой войны 1877-1878 г.г. - переправа русской арміи черезъ Дунай, три штурма, осада и взятіе Плевны и переходъ нашихъ войскъ въ пятнадцатиградусный морозъ и снѣжную бурю черезъ Балканскія горы - операція невыполнимая по мнѣнію такого авторитета, какъ Мольтке .

Въ виду того, что никакихъ новыхъ архивныхъ матеріаловъ, по новому освѣщающихъ эти событія, нами не обнаружено, мы ограничимся краткимъ повтореніемъ уже ранѣе сказаннаго нашими военными историками, позволивъ себѣ добавить лишь нѣсколько соображеній общаго характера.

- - - - - - -

Казанское ханство - обломокъ быстро распадавшейся въ 15-мъ столѣтіи Золотой Орды, занимало бассейнъ средняго теченія Волги и Камы съ ея притоками Вятной и Бѣлой. Исторія возникновенія Казанскаго ханства въ общихъ чертахъ такова: въ 1437-мъ году ханъ Золотой Орды, Улу-Магометъ, свергнутый съ престола послѣ кровавой междуусобицы, бѣжалъ со своимъ войскомъ/ордой / въ предѣлы Московіи и изъявилъ желаніе войти въ подданство и службу великаго князя Московскаго Василія II-го. Великій князь, побоявшись осложненій съ Золотой Ордой /страхъ передъ ней былъ еще силенъ /, отказался отъ услугъ Улу-Магомета.

Тогда этотъ послѣдній перешелъ Волгу, вторгся въ земли Камскихъ болгаръ и занялъ городъ Казань, расположенный на лѣвомъ берегу Волги. Изгнавъ мѣстнаго болгарскаго князька, Улу-Магометъ прочно обосновался въ Казани, а затѣмъ сталъ быстро расширять свои владѣнія. Это былъ дѣятельный и талантливый ханъ, создавшій благоустроенное государство съ сильной центральной властью, опиравшейся на мѣстныхъ князей феодаловъ-землевладѣльцевъ и хорошее войско.

Казанскіе татары постоянно нападали на пограничныя московскія земли, грабили и уводили въ плѣнъ русскихъ людей и продавали ихъ на невольничьихъ рынкахъ востока. Въ 1445-мъ году Улу-Магометъ вторгся въ предѣлы Московіи, дошелъ до Суздаля, разбилъ здѣсь московскія войска и взялъ въ плѣнъ самого великаго князя Василія II-го, который былъ вскорѣ освобожденъ цѣною большого выкупа, легшаго тяжкимъ бременемъ на народное благосостояніе. Достойно вниманія, что изъ плѣна князь Василій Васильевичъ вернулся съ цѣлой свитой татарскихъ слугъ и сильно " отатарившимся ", чѣмъ и вызвалъ открытое неудовольствіе своихъ подданныхъ, говорившихъ, что великій князь: "татаръ и рѣчь ихъ любитъ сверхъ мѣры, а христіанъ томитъ безъ милости".

Сильное и воинственное Казанское ханство преграждало русскимъ прямой путь на востокъ, но стихійно развивавшееся Московское государство рушило на своемъ пути всѣ окружавшія его преграды.

Начавшіеся вскорѣ послѣ смерти Улу-Магомета и продолжавшіеся почти цѣлое столѣтіе / до 1552-го года /внутреннія раздоры, значительно ослабили Казанское ханство. Въ Казани образовались изъ представителей феодальной знати и придворныхъ круговъ двѣ враждующія партіи - московская и крымская, каждая изъ которыхъ стремилась посадить на ханскій престолъ своего кандидата и провести свою внѣшнюю политику. Разумѣется, Москва и Крымъ дѣйствовали въ Казани, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, главнымъ образомъ, " подкупательно ".

Однако, дерзкіе набѣги казанцевъ на пограничныя московскія земли продолжались и наносили Московскому государству огромный ущербъ. Потребовалось появленіе на московскомъ престолѣ монарха съ непреклонной и жестокой волей, чтобы рѣшительно покончить съ безпокойной Казанью. Этимъ монархомъ былъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

Первыя двѣ попытки овладѣнія Казанью, предпринятыя царемъ Иваномъ IУ-мъ зимой 1547-го года и зимой 1549-го года, окончились неудачей, но оказались весьма поучительными.

Выяснилась необходимость созданія достаточно близкой къ театру войны продовольственной базы и улучшенія общей подготовки войскъ къ осаднымъ дѣйствіямъ. Такимъ образомъ, учитывая опытъ двухъ минувшихъ неудачныхъ кампаній, москвичи построили въ 1551-мъ году на правомъ берегу Волги, почти противъ Казани, городъ Свіяжскъ, гдѣ сосредоточены были огромные продовольственные и боевые запасы. Одновременно царь приступилъ къ реорганизаціи и перевооруженію своихъ войскъ. Къ августу 1552-го года всѣ приготовленія были закончены и новая армія

выступила въ походъ. 13-го августа царь Иванъ Васильевичъ прибылъ въ Свіяжскъ. Казанцамъ было послано предложеніе сдаться, на которое они отвѣтили отказомъ. 16-го августа царь приказалъ войскамъ начать переправляться на лѣвый берегъ Волги, на такъ называемые " Казанскіе луга ". 19-го переправа была закончена. Началась осада Казани. Она длилась полтора мѣсяца и сопровождалась самыми рѣшительными дѣйствіями съ обѣихъ сторонъ: казанцы предпринимали частыя вылазки, русскіе ихъ отражали и постепенно суживали кольцо обложенія, разрушая въ то же время стѣны крѣпости своей мощной артиллеріей; однако, неоднократныя попытки овладѣнія крѣпостью не удавались. Московское осадное войско достигало огромной по тому времени численности въ 150 тысячъ человѣкъ. Раздѣленіе родовъ войскъ было полное: пѣхота, конница, артиллерія, саперы дѣйствовали, конечно, согласованно, подчиняясь общимъ приказаніямъ верховнаго командованія, но имѣли самостоятельныхъ начальниковъ, свое устройство и свои частныя боевыя задачи. Въ артиллеріи насчитывалось до 150-ти орудій различнаго назначенія и калибра: " стѣнобитный нарядъ ", " большой нарядъ "или пушки " на разбитіе града " / " стѣнобитный бой "/ и " малый нарядъ ", т.е. легкая полевая артиллерія, а также " верхнія пушки огненныя"- гаубицы, дававшія навѣсной огонь и стрѣлявшія зажигательными снарядами. Иныя орудія достигали четырехъ метровъ длины. Сложныя осадныя работы велись подъ общимъ руководствомъ русскаго инженера, дьяка Ивана Выродкова, но не безъ участія иностранныхъ спеціалистовъ. Использованы были всѣ новшества саперной и осадной техники: апроши, параллели, фашины, заполненныя землей, " тарасы " и " норы " /блиндажи/, подвижныя башни -"туры ", " грады приступные" или " гуляй-города ", т.е. деревянныя передвижныя стѣны, за которыми"хоронились " стрѣльцы; на башни водружались легкія орудія. Подъ стѣны казанской крѣпости подводились то и дѣло подземныя подрывныя мины.

Казань защищалъ тридцатитысячный гарнизонъ, состоявшій изъ отлично вооруженныхъ и фанатично настроенныхъ воиновъ. За оружіе брались зачастую женщины и подростки. Въ концѣ августа русскимъ удалось отвести отъ Казани водяные источники, послѣ чего пользованіе быстро загнивавшей стоячей водой стало вызывать у осажденныхъ тяжелыя инфекціонныя заболѣванія.

Подробное изученіе военныхъ дѣйствій подъ Казанью позволяетъ утверждать, что во главѣ войскъ съ обѣихъ сторонъ находились рѣшительные и талантливые военачальники. Подъ стѣнами Казани военное дарованіе Грознаго обнаружилось впервые и во всемъ своемъ блескѣ. Предшественникъ Великаго Петра во внѣшней политикѣ, царь Иванъ Васильевичъ какъ бы предвосхищаетъ отчасти и его военный геній. Оба царя отличаются изумительной динамичностью и упорствомъ въ исполненіи принятыхъ рѣшеній. Подъ Казанью сражались такіе выдающіеся русскіе воеводы, какъ князь А.М.Курбскій, кн.М.И.Воротынскій, кн.А.И.Горбатый-Шуйскій, кн.Ю.И.Кашинъ, кн.И.Ф.Мстиславскій, кн. П.М.Ценятевъ, князья Семенъ и Димитрій Микулинскіе, кн.Пронскій, Д.М.Плещеевъ, И.П.Нелядинъ, П.И.Морозовъ, Федоръ Басмановъ, Конни-

цей касимовскихъ татаръ командовалъ Шахъ-Али. Неудивительно, что русскій планъ осады и штурма Казани былъ задуманъ и выполненъ блестяще. Но и казанцы проявили себя вѣрными носителями лучшихъ золотоордынскихъ военныхъ традицій. Татарскій планъ обороны былъ смѣлъ, оригиналенъ и указывалъ на высокое военное искусство казанскихъ военачальниковъ. Татары выдѣлили до начала осады особый тридцатитысячный преимущественно конный корпусъ, который, скрывшись въ примыкавшихъ къ Казани съ востока и съ сѣверо-запада лѣсахъ, успѣшно велъ партизанскую войну, нападая на русскіе тылы и сообщенія. Командовали этимъ корпусомъ князья Епанча и Евнушъ. О дѣйствіяхъ партизанъ Епанчи Курбскій пишетъ: " Хуже всего приходилось отъ этихъ наѣздовъ, какъ тѣмъ полкамъ, которые стояли на Арскомъ полѣ / восточный секторъ обложенія, А.К.С./, такъ и намъ, стоявшимъ на Галицкой дорогѣ / сѣв.-зап.секторъ А.К.С. /, откуда грозила луговая черемиса... Кто бы могъ разсказать, какую потерю въ людяхъ и въ лошадяхъ намъ дѣлали; никогда бы не написать, если бы сталъ я писать подрядъ, сколько людей нашихъ, ѣздившихъ за сѣномъ для нашихъ лошадей, побито и переранено, такъ какъ ротмистры, стоявшіе на сторонѣ со своими полками, не могли ихъ оборонять отъ злохитрства ихъ басурманскаго и внезапнаго препрытнаго ихъ наѣзжанія." Какъ сообщаетъ участникъ осады, партизаны нападали изъ лѣсовъ " зѣло грозно и быстро, правильнымъ строемъ ".

Русскимъ удалось, однако, выманить главныя силы Епанчи изъ лѣса въ поле, обойти и разбить ихъ въ открытомъ бою.

Постепенно приводились въ повиновеніе жившіе вокругъ Казани, враждебные русскимъ полуосѣдлые мари, удмурты, чуваши и черемисы. Весь сентябрь прошелъ въ непрерывной подготовкѣ къ рѣшительному штурму. Татары продолжали дѣлать вылазки, всегда очень смѣлыя и наносившія русскимъ большія потери. Насколько успѣшно дѣйствовали казанцы, можно судить хотя бы уже по тому, что въ бояхъ получили тяжелыя раненія старшіе начальники, воеводы кн. Воротынскій, кн. Кашинъ и Морозовъ. Наконецъ царь рѣшилъ, что наступило время штурмовать Казань всѣми силами. Главный ударъ намѣчался на восточныя Царевы ворота. День штурма еще не былъ назначенъ, но обстоятельства ускорили развязку событій. 30-го сентября русскимъ удалось взорвать тарасы противъ Царевыхъ воротъ и одновременно поставить туры передъ Арскими, Аталыковыми и Тюменскими воротами. Вездѣ завязались ожесточенныя рукопашныя схватки. Русская артиллерія подожгла ворота брандкугелями. Но такъ какъ главныя силы еще не были двинуты въ бой, пришлось прекратить столь удачно начатый приступъ. Царь приказалъ держаться на занятыхъ позиціяхъ до подхода свѣжихъ войскъ. 2-го сентября русскіе взорвали часть стѣны между Арскими и Царевыми воротами и бросились въ образовавшуюся брешь. Одновременно поведено было общее наступленіе. Штурмъ Казани начался. Князь А.М.Курбскій, командовавшій сѣверо-западнымъ секторомъ наступленія, пишетъ: " Да свидѣтельствуетъ каждый о себѣ, я же, что передъ глазами тогда имѣлъ и дѣлалъ, повѣмъ вкратцѣ. Разрядное войско въ 12.000 человѣкъ

потекло къ градскимъ стѣнамъ и къ той большой башнѣ, которая стояла передъ вратами на горѣ. Когда мы были еще далеко отъ стѣнъ, то ни изъ одной рушницы, ни одной стрѣлы въ насъ не стрѣляли; когда же мы подошли близко, тогда впервые огненный бой пущенъ былъ на насъ со стѣнъ и съ башни.Какъ частый дождь, падали на насъ стрѣлы. Такое безчисленное-множество камней падало, что нельзя было видѣть воздуха! Когда же мы съ великой нуждой и бѣдою добрались подъ стѣну, тогда варами кипящими начали на насъ лить и цѣлыми бревнами метали... Первый братъ мой на стѣну города взошелъ по лѣстницѣ, и другіе воины храбрые съ нимъ; а иные,продолжая сѣчься и колоться съ басурманами, влѣзли въ окна той великой башни,а изъ башни метались въ ворота великія городскія. Басурмане тылъ подали, стѣны градскія оставивъ, побѣхали на великую гору ко двору цареву.. Мы уже за ними пошли ко двору цареву, хотя и были утруждены доспѣхами, и многіе храбрые мужи имѣли уже на тѣлахъ своихъ раны, и очень насъ мало осталось, бьющихся съ нами. А войско наше, которое было внѣ города, какъ только увидѣло, что мы въ городѣ, а татары со стѣнъ бѣхали, всѣ въ городъ ринулись".

Паденіе Казани и послѣдовавшее затѣмъ въ ближайшіе годы окончательное присоединеніе территорій Казанскаго ханства къ Московіи, открыло русскимъ прямой путь на Востокъ. Успѣшность похода Ермака въ Сибирь /1581-1585 г.г./ въ значительной мѣрѣ обуславливается уничтоженіемъ Казанскаго барьера.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать слѣдующіе выводы.-Казанскій походъ былъ однимъ изъ этаповъ движенія Руси на Востокъ, движенія, связаннаго съ естественнымъ этническимъ развитіемъ русскаго народа. Первыя неудачи Казанскаго похода доказали необходимость имѣть правильную военную организацію и послужили поводомъ для переустройства и перевооруженія московскаго войска.

- - - - - - -

Рѣшительный приступъ и взятіе Нотебурга II - го октября 1702-го года есть славное дѣло двухъ петровскихъ гвардейскихъ полковъ, Преображенскаго и Семеновскаго. Вотъ какъ разсказывается объ этомъ приступѣ въ " Юрналѣ или поденной росписи, что въ минувшую осаду подъ крѣпостью Нотенбургомъ чинилось":

"Въ II-й день октября, въ воскресенье рано о двухъ часахъ учинился великій пожаръ въ крѣпости,и потомъ наши охотники къ приступу,которые своими судами съ милю на озерѣ стояли, указъ получили къ нападенію черезъ три выстрѣла изъ пяти мортировъ залномъ. И о получетверта часа рано, начало приступа со всѣхъ сторонъ ко крѣпости жестоко учинили, которой приступъ продолженъ былъ въ непрестанномъ огнѣ 13 часовъ, а имянно отъ получетверть часа съ утра до полупята часа послѣ полудня. И хотя нашъ штурмъ выручкою и свѣжими людьми довольно укрѣпленъ былъ, однакожъ не могли они проломовъ и крѣпости взять ради малаго мѣста земли, и сильнаго супротивленія непріятельскаго, и за кратностью нашихъ приступныхъ лѣстницъ, которыя въ иныхъ мѣ-

стахъ больше полуторы сажени коротки были: того ради восприняли они лутчее намѣреніе, видя что непріятели съ одной стороны строеніе, за которымъ наши было защитились, огненными ядрами зажгли, и непрестанно дробомъ по нихъ изъ пушекъ били такъ, что не могли въ суда садитца и отъѣхать, чего ради, отпустя достальныя суда порохнія, вновь съ жестокостью приступъ начали. И между тѣмъ непріятель отъ множества нашей мушкетной, такжe и пушечной стрѣльбы въ тѣ 13 часовъ толь утомленъ, и, видя послѣднюю отвагу, тотчасъ ударилъ шамадъ, и принужденъ былъ къ договору склонитися, которой ему способно соизволенъ, и на другой день, а именно 12 октября совершенъ, котораго числа къ вечеру наши на три учиненные проломы на караулъ впущены. Вышеупомянутый послѣдній приступъ учиненъ отъ господъ Преображенскаго полку маеора Карпова, и Семеновскаго полку подполковника Голицына, который оный и окончилъ, а маеоръ при начатіи онаго жестоко раненъ сквозь животъ и руку... "

Въ " Исторіи Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка ", составленной того же полка штабсъ-капитаномъ Кардовымъ сто лѣтъ тому назадъ, о взятіи Нотебурга говорится слѣдующее:

"11-го октября рѣшено штурмовать крѣпость. Наканунѣ этого дня изъ всѣхъ полковъ вызваны были охотники и посажены на суда, стоявшія на Ладожскомъ озерѣ, въ полной готовности двинуться къ крѣпости. Въ два часа ночи произведенъ съ Царской баттареи залпъ, служившій сигналомъ къ нападенію. Съ разныхъ сторонъ устремились лодки охотниковъ къ стѣнамъ; но гарнизонъ отбилъ ихъ. Тогда государь приказалъ возобновить нападеніе, и назначилъ для этого команды охотниковъ изъ гвардейскихъ полковъ. Начальство надъ ними поручено было подполковнику Семеновскаго полка, князю М.М.Голицыну.

Подъ градомъ картечи и ядеръ, Преображенцы и Семеновцы, вышедши изъ лодокъ, бросились къ стѣнамъ, приставили уже лѣстницы и тогда только замѣтили, что онѣ на полторы сажени были коротки. Шведы, отбивъ первый приступъ, обратили всѣ силы свои противъ Голицына. Начался бой отчаянный. Государь, видя, что гвардейцы гибнутъ, будучи стѣснены у проломовъ между стѣнами и рѣкою, послалъ приказаніе отступить. Голицынъ отвѣчалъ посланному: " скажи Государю, что теперь я принадлежу не Ему, а Богу "; и чтобы уничтожить въ солдатахъ всякую мысль объ отступленіи, приказалъ оттолкнуть лодки въ рѣку. Тринадцать часовъ сряду продолжался этотъ бой и кончился тѣмъ, что въ половинѣ шестого часа вечера, комендантъ опустилъ флагъ крѣпости... "

Достойно вниманія, что шведы были выпущены изъ крѣпости съ воинскими почестями и, по старой традиціи, въ воздаяніе проявленной ими доблести, съ пулями во рту.

Царь переименовалъ Нотебургъ въ Шлиссельбургъ / Ключъ-Городъ /, желая этимъ указать на важное стратегическое значеніе отнятой у шведовъ крѣпости.

- - - - - - -

До сихъ поръ не изжита еще прекрасная мысль, что причиной

Русско-турецкой войны 1877-1878 г.г. было высоко-гуманное желаніе Россіи освободить единовѣрные православные народы Балканскаго полуострова отъ тяготѣвшаго надъ ними турецкаго ига. Въ дѣйствительности же причины этой войны были сложнѣе, глубже и, конечно, много эгоистичнѣе, чѣмъ это принято думать, а религіозно - этическая идея освободительной войны, возбуждавшая русское общественное мнѣніе въ духѣ культивировавшагося у насъ въ то время панславизма/разумѣется подъ эгидой Россіи/, предназначалась, главнымъ образомъ, для внутренняго обращенія.

Превращаясь въ обширную имперію съ многомилліоннымъ и непрерывно растущимъ народонаселеніемъ, быстро развивая свои экономическія силы, Россія стремилась къ открытымъ морямъ для установленія прочной и независимой связи съ внѣшнимъ міромъ. Этой стихійной устремленностью Россіи къ морямъ обуславливалась въ значительной мѣрѣ ея внѣшняя политика со временъ Ивана IУ-го, политика, неизбѣжно приводившая насъ къ вооруженнымъ столкновеніямъ съ соперничающими морскими державами.

Въ теченіе XУIII-го и XIX-го вѣковъ Россія вела почти непрерывныя войны съ Оттоманской Имперіей не только за вліяніе на Ближнемъ востокѣ и на Балканскомъ полуостровѣ, но и за право свободнаго выхода изъ Чернаго моря въ Средиземное. Къ концу XIX-го вѣка, несмотря на то, что Босфоръ и Дарданеллы продолжали находиться въ турецкихъ рукахъ, для самой Турціи вопросъ о свободныхъ проливахъ не имѣлъ уже, въ сущности, первостепеннаго значенія. Однако, за спиной слабой Порты стояли куда болѣе заинтересованныя Англія, Франція и Австро-Венгрія и проблема проливовъ не могла быть, конечно, рѣшена въ положительномъ для Россіи смыслѣ однимъ двухстороннимъ соглашеніемъ / Россія-Турція / безъ участія упомянутыхъ великихъ державъ. Между тѣмъ, жизненные интересы Россіи на Ближнемъ востокѣ и на Балканскомъ полуостровѣ въ значительной мѣрѣ связывались съ вопросомъ о проливахъ. Какъ извѣстно, энергичныя выступленія великихъ державъ отъ имени Турціи, якобы защищавшихъ ея интересы, неоднократно сводили на нѣтъ всѣ наши усилія, направленныя къ благополучному для насъ и пріемлемому для турокъ рѣшенію Восточнаго вопроса вообще и, въ частности вопроса о проливахъ. Однимъ изъ этаповъ этой нашей двухвѣковой политики и была Русско-турецкая война 1877-1878 г.г..

Если вопросъ о проливахъ, самъ по себѣ, имѣлъ для Турціи второстепенное значеніе, то стремленіе Россіи занять преобладающее положеніе на Балканскомъ полуостровѣ и на Ближнемъ востокѣ непосредственно угрожало ея жизненнымъ интересамъ, какъ Балканской и Малоазіатской державы. На пуганіи турокъ русской угрозой и была построена политика нашихъ главныхъ въ то время антагонистовъ въ ближневосточномъ вопросѣ - Англіи и Австро - Венгріи, политика, выражавшаяся не только въ руссофобскомъ подстрекательствѣ Турціи, но и въ обѣщаніи ей реальной помощи въ случаѣ войны. Благодаря этому вопросъ о русско-турецкой войнѣ сталъ лишь вопросомъ времени.

Резюмируя ранѣе сказанное нашими авторитетными историками, бросимъ взглядъ на ведущія событія Русско-турецкой войны

1877-1878 г.г., равно какъ и на связанные съ нею дипломатическіе переговоры. Парижскій мирный договоръ 1856-го года не разрѣшилъ по существу Восточнаго вопроса. Россія не могла отказаться отъ своего давняго права покровительства и защиты православныхъ народностей, входившихъ въ составъ Оттоманской имперіи, тѣмъ болѣе, что другія великія державы, пріобрѣтя это право имъ не пользовались. Нежеланіе Турціи смягчить отношеніе къ своимъ православнымъ подданнымъ, вело за собою вмѣшательство русской дипломатіи. Это вмѣшательство раздражало туроқъ и вызывало ревнивое безпокойство Англіи, всегда боявшейся соперничества Россіи на Ближнемъ востокѣ и въ Средней Азіи. Такимъ образомъ въ Восточномъ вопросѣ Англія открыто становилась на сторону Турціи.

Положеніе на Балканскомъ полуостровѣ обострилось въ 1875-мъ году, когда боснійскіе и герцеговинскіе сербы, а затѣмъ и болгары подняли возстаніе противъ турокъ. Возстаніе было вызвано притѣсненіями при сборѣ налоговъ. Турки безуспѣшно пытались подавить его неимовѣрными жестокостями. Турецкія звѣрства возбудили негодованіе противъ туроқъ и горячее сочувствіе возставшимъ со стороны княжествъ Сербіи и Черногоріи. Попытки великихъ державъ внести умиротвореніе ни къ чему не привели и въ 1876-мъ году князь Миланъ Сербскій и князь Николай Черногорскій начали войну съ Турціей. Сербскими войсками командовалъ отставной русскій генералъ Черняевъ, нѣкогда успѣшно дѣйствовавшій въ Ташкентѣ. Войдя въ предѣлы Турціи, Черняевъ не смогъ, однако, развить перваго успѣха и вынужденъ былъ отойти къ границамъ Сербіи. На сильныхъ позиціяхъ у города Алексинца сербы геройски удерживали въ теченіе трехъ мѣсяцевъ натискъ превосходившей ихъ турецкой арміи и лишь осенью 1876-го года, потерпѣвъ пораженіе, должны были отступить. Вмѣшательство Россіи, потребовавшей отъ Турціи прекращенія военныхъ дѣйствій, спасло Сербію отъ полнаго разгрома.

Конференція дипломатическихъ представителей европейскихъ державъ, состоявшаяся по настоянію Россіи въ Константинополѣ въ началѣ 1877-го года, потребовала отъ Турціи прекращенія карательныхъ мѣръ и немедленныхъ реформъ для балканскихъ народовъ. Однако, Англія вела двойную игру и поддерживала туроқъ. Послѣ долгихъ переговоровъ Султанъ отказался исполнить требованія конференціи. 12-го апрѣля 1877-го года послѣдовалъ высочайшій манифестъ о войнѣ съ Турціей.

Война велась одновременно на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи. На балканскомъ фронтѣ русскими войсками командовалъ великій князь Николай Николаевичъ, на азіатскомъ - великій князь Михаилъ Николаевичъ. Къ началу лѣта балканская армія была уже на Дунаѣ и 15-го іюня совершила трудную переправу у Систова / ген. М.И.Драгомировъ /. Передовой русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Гурко быстро прошелъ всю сѣверную Болгарію отъ Дуная до Балканскихъ горъ. 25-го іюня была занята съ бою древняя столица Болгаріи - Тырново; 1-го іюля Гурко перешелъ черезъ Балканы и занялъ Хаинкіой. 3-го генералъ Криденеръ взялъ штурмомъ Никополь. 5-го были взяты съ

бою Ловча, Казанлыкъ и Шипка. На этомъ временно прекратились наши успѣхи. Противнику удалось остановить движеніе передового отряда. Одновременно на правомъ флангѣ нашей арміи создалась угроза укрѣпленной Плевны, такъ искусно и, увы, неожиданно для насъ занятой корпусомъ Османа-Нури-паши. Теперь русскимъ слѣдовало овладѣть Плевной, ибо безъ этого, по мнѣнію стратеговъ того времени, немыслимо было идти за Балканы. Генералъ Гурко получилъ приказаніе отойти назадъ. На Шипкинскомъ перевалѣ остался только отрядъ генерала Радецкаго, геройски отражавшій всѣ атаки турокъ. Съ востока русскія позиціи прикрывалъ отрядъ наслѣдника цесаревича Александра Александровича. Русское командованіе явно не дооцѣнило силы противника. Послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ овладѣнія Плевной съ бою/8-го и 18-го іюля и 30-го августа/, стоившихъ намъ большихъ потерь и нанесшихъ немалый ущербъ военному престижу Россіи, главныя силы русской арміи приступили къ правильной осадѣ искусно укрѣпленнаго англійскими инженерами плевненскаго плацдарма. Осада затянулась до конца ноября и совершенно нарушила весь планъ кампаніи.

На азіатскомъ фронтѣ русскія войска начали наступленіе на Батумъ и Карсъ весною 1877-го года, но были остановлены рѣшительнымъ сопротивленіемъ арміи Мухтара-паши. Временно инициатива ушла изъ рукъ русскаго командованія, - а кое-гдѣ намъ пришлось даже отступить подъ натискомъ турокъ. Только осенью, съ подходомъ подкрѣпленій, на азіатскомъ фронтѣ возобновились военныя дѣйствія. Инициатива опять перешла въ наши руки. Мы разбили турокъ подъ Аладжей-Авліаромъ 3-го октября, взявъ 10 тысячъ плѣнныхъ и богатую военную добычу. Въ своемъ трудѣ "Основы русскаго военнаго искусства" ген. Михневичъ справедливо говоритъ, что "распоряженіе высшаго командованія / ген. Обручевъ и ген. Лазаревъ. А.К.С./ и поведеніе войскъ подъ Авліаромъ вносятъ одну изъ славнѣйшихъ страницъ въ русскую военную исторію. Этотъ бой представляетъ одинъ изъ высочайшихъ образцовъ военнаго искусства какъ въ смыслѣ общей идеи, такъ и по мастерству употребленія различныхъ родовъ войскъ". Авліарская побѣда позволила приступить ко вторичной осадѣ Карса, который и былъ взятъ 16-го ноября 1877-го года. Взявъ Карсъ, русскія войска быстро дошли до Эрзерума и зимовали на Эрзерумскихъ позиціяхъ.

Въ то же самое время нами былъ достигнутъ рѣшительный успѣхъ на балканскомъ фронтѣ, гдѣ, съ прибытіемъ на театръ военныхъ дѣйствій русской гвардіи, мы блокировали Плевну. Геройская попытка Османа-паши пробиться 28-го ноября сквозь русское обложеніе не удалась. Обрушившись всѣми своими силами на нашу 3-ю дивизію Гренадерскаго корпуса ген. Ив. Степ. Ганецкаго, Османъ-паша имѣлъ временный успѣхъ, но въ дальнѣйшемъ, несмотря на геройское поведеніе своей 40-тысячной арміи, вынужденъ былъ сдаться. Раненый Османъ-паша хотѣлъ передать свою саблю ген. Ганецкому, но тотъ отказался ее принять, сказавъ, что не выполнитъ этой формальности изъ уваженія къ такому храброму противнику, какъ Османъ-паша.

Паденіе Плевны позволило русскимъ войскамъ возобновить наступленіе. Наше командованіе рѣшило немедленно идти черезъ Балканы въ Румелію, гдѣ были лучшія климатическія условія и продовольственныя возможности. Какъ говорятъ, фельдмаршалъ Мольтке, очень внимательно слѣдившій за военными операціями, заявилъ, что временно можно отложить въ сторону карту Балканскаго полуострова, такъ какъ до наступленія теплыхъ весеннихъ мѣсяцевъ 1878-го года русская армія не сможетъ перейти Балканы и возобновить наступленіе. Но русскіе солдаты еще одинъ лишній разъ опровергли теоретическія нѣмецкія разсужденія - они перешли Балканы въ концѣ декабря въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ особенно суровой зимы.

Паденіе Плевны, неожиданный для всѣхъ героическій переходъ русской арміи черезъ непроходимые зимой горные перевалы и вслѣдъ затѣмъ ея рѣшительное и быстрое наступленіе, все это совершенно деморализировало турокъ. Послѣднее серьезное сопротивленіе они оказали въ Шипко-Шейновскомъ сраженіи 28 - го декабря, когда двадцатидвухтысячный корпусъ Весселя-паши послѣ упорнаго боя положилъ оружіе, открывая русскимъ дальнѣйшій путь наступленія.

Такъ кончился для насъ жертвенно-кровавый, но героическославный 1877-ой годъ. Мы побѣдили, но побѣда досталась намъ слишкомъ дорогою цѣною.

Въ чисто военномъ отношеніи Русско-турецкая война обнаружила опять нашу общую техническую отсталость, выдвинула цѣлый рядъ замѣчательныхъ военачальниковъ и одинъ лишній разъ показала всему міру высокія боевыя качества русскаго офицера и солдата.

О событіяхъ 1878-го года я сейчасъ говорить не буду; отмѣчу только, что, съ одной стороны, они прошли подъ знакомъ нашей окончательной военной побѣды, приведшей русскія войска къ стѣнамъ Константинополя, а, съ другой стороны, - подъ знакомъ нашего полнаго дипломатическаго пораженія на Берлинскомъ конгрессѣ, состоявшемся въ іюнѣ.

Въ 1878-мъ году въ Берлинѣ, такъ же какъ въ 1856-мъ году въ Парижѣ, Россія оказалась изолированной, окруженной явными и тайными врагами, которые всячески старались умалить значеніе ея несомнѣнной военной побѣды. Но разбору этихъ важныхъ историческихъ событій слѣдуетъ посвятить особый очеркъ.

А.К.С-кій.

ЗАМѢТКИ О РУССКИХЪ МЕДАЛЯХЪ.

I. ДВѢ МЕДАЛИ ВЪ ПАМЯТЬ ВЗЯТІЯ НОТЕБУРГА.

Завладѣніе въ октябрѣ 1702 г. Нотебургомъ, ключемъ/Schlüssel Schlüsselburg/ къ устью Невы и Балтійскому морю, какъ образно выразился о немъ Петръ, было не только прологомъ къ основанію черезъ 1/2 года Петербурга и " знатной викторіей " въ

анналахъ отечественной военной исторіи, но и событіемъ очень замѣтнымъ въ жизни Россійской нумизматики, которое мы и считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить.

Какъ почти все въ нашей Имперіи, и серіозная постановка дѣла русской нумизматики, во всякомъ случаѣ чеканки русскихъ медалей, имѣетъ своимъ началомъ инціативу великаго царя-преобразователя.x/

Если о медали, посвященной первому важному событію военной исторіи царствованія Петра, взятію Азова въ 1696 г. / Ю. Иверсенъ, "Медали на дѣянія Императора Петра Великаго", табл. III, № I; СПБ. изд. 1872 г./, трудно съ увѣренностью сказать, кѣмъ, гдѣ и когда она была отчеканена, то медали посвященныя, какъ путешествію Петра за-границу въ 1697 г., такъ и заключенію мира съ Турками въ 1700 г., были отчеканены по заказу Петра заграницей - въ Нюрнбергѣ/ Г.Гаучемъ и Г.Ф.Нюрнбергеромъ/ и въ Готѣ - Х.Вермутомъ. Въ Нюрнбергѣ же работалъ и знаменитый Аугсбургскій медальеръ Филиппъ Генрихъ Мюллеръ, исполнившій нѣсколько позже по заказу Петра цѣлую серію настольныхъ памятныхъ медалей въ честь побѣдъ его въ періодъ между 1702 и 1714 годами.

Всѣ эти, чеканившіяся заграницей, медали имѣли исключительно латинскій текстъ.

Первыми же медалями безусловно отчеканенными въ Москвѣ - и съ русскимъ текстомъ - были двѣ медали на взятіе Петромъ штурмомъ Нотебурга въ октябрѣ 1702 года. Были онѣ изготовлены исключительно русскими мастерами и рабочими на такъ называвшемся Кадашевскомъ монетномъ дворѣ въ Замоскворѣчьи, основанномъ въ 1701 году въ помѣщеніяхъ прежняго Хамовного / ткацкаго / двора и находившемся больше 10 лѣтъ въ вѣдѣніи военно-морского вѣдомства.

Первая изъ этихъ медалей, діаметромъ 5,1m/m изображенная въ упомянутомъ выше сочиненіи Ю. Иверсена на табл. III, № 6, имѣетъ на лицевой сторонѣ обращенное вправо, юношеское, грудное изображеніе Царя, въ латахъ и лавровомъ вѣнкѣ; кругомъ надпись: ЦРЬ ПЕТРЬ АЛЕ[ІЕВІЧ - РОСІ ПОВЕЛИТЕЛЬ. На оборотной сторонѣ видъ бомбардированія крѣпости; кругомъ надпись: БЫ[Т] У НЕПРІЯТЕЛЯ 90 ЛѢТ. Въ обрѣзѣ: ВЗЯТЪ 1701 | окт. 21.

Вторая медаль, діаметромъ 7,1 m/m /Ю.Иверсенъ табл.III, № 4 /, имѣетъ почти тождественное съ первой, обращенное вправо, грудное изображеніе Царя, въ латахъ, но безъ лаврового вѣнка; круговая же надпись иная: Црь Петръ Самодержецъ Всероссисніи. На оборотной сторонѣ видъ бомбардированія крѣпости аналогичный вышеприведенному, но лишь съ нѣсколько инымъ расположеніемъ на медали текста.

Намъ извѣстно о нахожденіи экземпляровъ этихъ исключительно рѣдкихъ медалей - помимо русскихъ хранилищъ - лишь въ

---

x/ Скромныя попытки изготовленія въ Москвѣ медалей / главнымъ образомъ литыхъ/ въ 17-мъ вѣкѣ настолько незначительны и свѣдѣнія о нихъ такъ сбивчивы и не полны, что мы вынуждены ихъ игнорировать.

Британскомъ музеѣ и / 2-ой изъ нихъ / въ частномъ собраніи въ Парижѣ.

Любопытно, что на обѣихъ этихъ медаляхъ днемъ взятія Шлиссельбурга ошибочно указано 21 / вмѣсто 11-го /октября 1702 г. Подобныя ошибки, какъ это ни странно, встрѣчаются и на нѣсколькихъ другихъ, и не только отечественныхъ, историческихъ медаляхъ, какъ напримѣръ, на наградной Чесменской, на настольной въ память взятія Риги и др.

На описываемыхъ нами " Шлиссельбургскихъ " медаляхъ нѣтъ знаковъ, могущихъ служить указаніемъ на имя ихъ автора. Между прочимъ, трактовка на нихъ портретовъ Петра, какъ равно начертаніе буквъ надписей, вполнѣ соотвѣтствуютъ исполненію ихъ на первыхъ серебряныхъ рубляхъ / 1704 и 1705 г.г./. По мнѣнію нашему идентичность граверовъ этихъ медалей и рублей и русское ихъ происхожденіе совершенно очевидны, такъ какъ въ надписяхъ нѣтъ ошибокъ, большинство же первыхъ чеканенныхъ въ Москвѣ медалей съ новымъ русскимъ гражданскаго письма текстомъ[x], исполненныя приглашенными туда иностранными мастерами Гауптомъ и Гуномъ въ 1707-1710 г.г. изобиловали ошибками, изобличавшими слабое знаніе авторами русскаго письма; при этомъ всѣ эти медали неизмѣнно имѣли латинскую подпись своихъ авторовъ.

Естественная скромность первыхъ, намъ безвѣстныхъ, нашихъ земляковъ выдала ихъ, и намъ - любителямъ русской исторической медали чрезвычайно досадно, что мы не можемъ въ день появленія первой безусловно - русской медали помянуть ихъ " добрымъ ихъ именемъ ".

2. МЕДАЛЬ НА ПЛАВАНЬЕ ШЛЮПОВЪ " ВОСТОКЪ " И " МИРНЫЙ " ВЪ АНТАРКТИКУ ВЪ 1819-1821 годахъ.

Въ № II Информаціоннаго листка Общества Любителей Русской Военной Старины / § 9 / были изложены нѣкоторыя данныя и соображенія о рѣдкой и интересной медали, выбитой въ ознаменованіе плаванія въ Антарктическихъ водахъ шлюповъ " Востокъ " и "Мирный" подъ общей командой капитана 2-го ранга Ф.Ф.Беллинсгаузена, въ 1819-1821 г.г. Пройдено было при этомъ деревянными шлюпами, наибольшій изъ которыхъ имѣлъ всего 37 метровъ длины, 86.475 верстъ и открыто было экспедиціей 29 неизвѣстныхъ дотолѣ острововъ.

А.Ф.Долгополову въ далекомъ Лосъ Анджелосѣ, въ Калифорніи, удалось получить выписку изъ рѣдчайшей книги описаніе этого путешествія самого начальника экспедиціи, капитана Беллинсгаузена / СПБ. изд. 1831 г. /. На стр. 13 этой книги въ главѣ: "Подарки, назначенные для дикихъ " значится.

"Въ случаѣ обрѣтенія острововъ и другихъ еще неизвѣстныхъ

---

x/ Опыты приближенія церковно-славянскаго письма къ гражданскому, официально утвержденному Петромъ 29 января 1710 г., производились типографіями начиная съ 1699 г. Переходный періодъ съ 1699 по 1710 г. представляетъ изъ себя чрезвычайно много разнообразія въ смыслѣ транскрипціи отдѣльныхъ буквъ.

береговъ,также въ память пребыванія нашего въ разныхъ мѣстахъ, повелѣно было оставлять и раздавать медали -важнѣйшимъ людямъ серебряныя,а другимъ бронзовыя. Сіи медали нарочно были вычеканены на С.П.Б. Монетномъ дворѣ; на одной сторонѣ оныхъ изображеніе Государя Императора Александра I-го,а на другой надпись: " Шлюпы Востокъ и Мирный 1819 г." т.е.время, въ которое сіи шлюпы отправлены ".

Кромѣ этого, исчерпывающаго по своему значенію,показанія самого главы Экспедиціи въ настоящее время въ нашемъ распоряженіи имѣется еще рядъ другихъ цѣнныхъ матерьяловъ по интересующему насъ вопросу,какъ-то: I/ письмо командира шлюпа "Мирный" лейтенанта / впослѣдствіи знаменитаго адмирала / Лазарева другу его Алексѣю Антоновичу Шестакову,отъ октября 1821 г. съ описаніемъ плаванія; 2/записки участника экспедиціи мичмана П. М. Новосильскаго и, наконецъ, 3/ прелюбопытный дневникъ " матроза I-ой статьи Егора Киселева, находившагося въ дальнемъ вояжѣ на шлюпѣ " Востокъ " въ 1819-1820-1821 годахъ."

Въ P.S. къ указанному выше письму М.П.Лазарева значится: " Посылаю тебѣ медаль изъ числа вычеканеныхъ нарочно для нашего путешествія; положи ее въ свой музеумъ для рѣдкости,- мы обязаны были раздавать оные на дикихъ островахъ королямъ , князькамъ и пр."

Въ запискахъ мичмана Новосильскаго / стр.122 / значится: " 10 іюля.... мы дали островитянамъ нѣсколько топоровъ, серебряныхъ и бронзовыхъ медалей,на которыхъ съ одной стороны было изображеніе Государя, а съ другой названіе шлюповъ ". На стр. 129 мы читаемъ: " Помаре / король острова Отаити - А.С./ былъ срисованъ / живописцемъ Михайловымъ - А.С. /держащимъ въ рукахъ медаль, а королева, нимало, не стыдясь, кормила при всѣхъ сына грудью"...

Въ записи дневника матроса Егора Киселева за 30 марта 1820 г. значится: "... Пришли въ новую открытую Голландію, въ городъ Портъ Заксонъ[x]/. Обитатели въ городу англичане; по островамъ живутъ премножество дикихъ, въ лѣсу, какъ звѣри живутъ... И тутъ нашъ капитанъ пожаловалъ ему/предводителю дикихъ А.С. / гусарскій мундиръ и бронзовую металь ...

За 26 мая: " пришли въ новую открытую Зеландію; тутъ у Куна съѣли дикіе люди 10 человѣкъ тому назадъ 42 года... дикіе пріѣзжали раза три; стоянка самая худая; тутъ пожаловали одному / старшинѣ А.С. / бронзовую металь... "

Запись 19 іюля 1820 г.... " и тутъ / островъ Анны А.С./ пожаловалъ капитанъ дикимъ по гусарскому мундиру, по метали ; одному дали серебряную металь съ Его Величества портретомъ и такъ жаловали ихъ напитками и хлѣбомъ-солью"...

Мы полагаемъ, что документы эти совершенно исчерпывающе разрѣшаютъ - и въ совершенно новомъ аспектѣ - интересующій многихъ вопросъ о медали на Экспедицію Беллинсгаузена и теперь вполнѣ понятно нахожденіе одного ея экземпляра / въ серебрѣ и продырявленнаго / именно въ Сиднеѣ. Какъ мы видимъ,медаль эта

---

x/ Port Jackson - въ 7 миляхъ отъ современнаго Сиднея.

отчеканена была не по возвращеніи, а до отхода экспедиціи изъ Кронштадта / чѣмъ объясняется и обозначеніе на ней лишь года отплытія - 1819, а не 1819-1821 /; для ношенія она вовсе не предназначалась и, въ первую голову, служила для награжденія вождей туземнаго населенія, имѣющихъ быть открытыхъ новыхъ земель и острововъ.

Что предводителямъ " дикихъ " было лестно носить изображеніе нашего Государя - легендарнаго " бѣлаго Царя " на себѣ - это вполнѣ понятно. Примитивное пробуравленіе медали давало этому возможность.

Мы рады, что затронутый нами въ "Информаціонномъ листкѣ" вопросъ способствовалъ исчерпывающему выясненію судьбы злободневной и рѣдкой медали. Старая истина, что изъ " столкновенія мнѣній выявляется правда / du choc des opinions jaillit la vérité / вполнѣ оправдалась.

А. С-чъ.

Примѣчаніе. Хотя статья г. С - ча о медали съ надписью " Шлюпы " Востокъ " и " Мирный " 1819 " касается очень спеціальнаго вопроса русской медалистики, болѣе интереснаго, въ данномъ случаѣ, для любителей коллекціонеровъ, чѣмъ для широкихъ круговъ читателей, я, тѣмъ не менѣе, охотно даю ей мѣсто на страницахъ " Вѣстника ", такъ какъ она является со стороны автора добросовѣстной попыткой постепеннаго выясненія малоизвѣстныхъ деталей. Такія попытки возстановленія истины нужно всячески привѣтствовать и поощрять.

РЕДАКТОРЪ.

ИСПРАВЛЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ ЧИТАТЕЛЕЙ КЪ НѢКОТОРЫМЪ СТАТЬЯМЪ, ПОМѢЩЕННЫМЪ ВЪ НОМЕРѢ ДЕСЯТОМЪ " ВѢСТНИКА ".

Читатели прислали мнѣ приведенныя ниже исправленія и добавленія къ нѣкоторымъ статьямъ, напечатаннымъ въ № 10 " Вѣстника ". Я искренне благодарю за такое вниманіе, поскольку оно доказываетъ, что нашъ журналъ читается съ доброжелательнымъ интересомъ. Авторитетныя исправленія, добавленія и комментаріи читателей будутъ и впредь печататься на страницахъ нашего журнала.

Одно изъ назначеній "Русскаго Военно-Историческаго Вѣстника", и едва ли не самое главное, - служить исторической истинѣ. Поэтому я всегда особенно внимательно и строго относился къ матеріалу, поступавшему въ мой редакціонный портфель. Однако, ошибки, неточности и пропуски оказались неизбѣжны.

Въ защиту моихъ уважаемыхъ литературныхъ сотрудниковъ и самого себя я повторю старую истину: " не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ ". Напомню, кстати, что грубыя ошибки и неточности встрѣчаются въ такихъ авторитетныхъ историческихъ трудахъ, къ которымъ мы въ правѣ были бы предъявлять тре-

бованія безошибочности и точности: я имѣю въ виду столь извѣстные въ русскихъ военныхъ кругахъ труды Висковатова и Шенка по формамъ русской арміи, а также цѣннѣйшія историческія монографіи великаго князя Николая Михаиловича и Шильдера.

Его Императорскому Высочеству великому князю Гавріилу Константиновичу угодно было сообщить нижеслѣдующее:

" I. Въ статьѣ А.Л. Марнова " Поединки въ русской арміи" мнѣ бросились въ глаза три ошибки.

Князь А. И. Барятинскій никогда въ отставку не уходилъ, былъ Генералъ-фельдмаршаломъ и жилъ въ Скерневицахъ, окруженный почестями.

Дуэль ген. Баумгартена и ген. бар. Бистрома произошла въ царствованіе Имп. Николая II, а не Александра III.

Лейбъ-гусаръ Безобразовъ дрался на дуэли не съ Лихачевымъ, а съ Лихаревымъ.

2. Въ статьѣ кн. В. И. Шаховского я нашелъ ошибку.

Въ 1817 г. шефомъ Прусскаго Бранденбургскаго кирасирскаго полка былъ назначенъ не Императоръ Александръ I, а Великій Князь Николай Павловичъ / Императоръ Николай I /. Императоръ Александръ I былъ шефомъ пѣхотнаго полка, который на погонахъ носилъ вензеля Александра I, вплоть до революціи въ Германіи 1918 г.

Въ Зимнемъ Дворцѣ, рядомъ съ пріемнымъ кабинетомъ Императора Александра II висѣла картина извѣстнаго художника Крюгера, изображавшая парадъ Бранденбургскихъ кирасиръ по случаю назначенія Великаго Князя Николая Павловича ихъ шефомъ. Впослѣдствіи эту картину Государь Николая II вернулъ въ Германію и она висѣла въ Берлинѣ въ одномъ изъ музеевъ, гдѣ я самъ ее видѣлъ, какъ и другую картину того же художника, висѣвшую въ Зимнемъ Дворцѣ въ одной комнатѣ съ первой, и изображавшую Императора, т.е. Великаго Князя Николая Павловича, проводящимъ Бранденбургскихъ кирасиръ передъ Королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III."

Тождественныя исправленія и добавленія къ статьѣ кн.В.И. Шаховского были мнѣ присланы также художникомъ Н.В.Зарѣцкимъ. Н.В.Зарѣцкій пишетъ, кромѣ того:

" Въ книгѣ: "Rang und Quartier-Liste der Königlich Preussichen Armé für das Jahr 1829" значится на стр. 48 - " Kaiser Alexander Grenadier-Regt. Berlin". Chef: " Seine Majestät der Kaiser v. Russland ."

На стр. 105 - "Ctes Kürassier-Regt. (Brandenb.). Chef: "Grossfürst Nicolai Pawlowitch v. Russland Kaiserl. Hchrit."

Существуетъ картина работы Ф. Крюгера, изображающая моментъ: " König Friedrich Wilhelm III übergibt seinem Swiegersohn, dem späteren Zar Nicolaus I, im Potsdamer Luftgarten des G. Brandenburgischer Kürassierregiment, zu dessen Chef er ihn im Jahre 1817 ernannt hatte, 1849 (März 1817).

На второмъ планѣ изображенъ Бранденбургскій Кирасирскій полкъ въ развернутомъ фронтѣ. Къ нему на рысяхъ приближаются Король Фридрихъ Вильгельмъ и Великій Князь Николай Павловичъ въ сопровожденіи большой свиты. Король жестомъ правой руки

показываетъ Великому Князю на выстроенный полкъ. Великій Князь держитъ "подъ козырекъ". На встрѣчу къ нимъ скачетъ командиръ полка Oberst v. Zolticoffer (??) ".

Князь Н.С.Трубецкой сообщаетъ: "Прусскій полкъ обычно называемый " Kaiser Alexander-Regiment" официально назывался : "Kaiser Alexander Garde-Grenadier Regiment N I ", шефами были наши Императоры. Императоръ Николай Павловичъ былъ шефомъ Kürassier-Regiment Kaiser Nicolaus von Russalnd (Brandenburg) N 6 ".Полкъ носилъ это названіе до послѣдняго времени ".

По поводу статьи А.Л.Маркова "Дѣти полка" Кн.Н.С.Трубецкой пишетъ: " Вотъ маленькое исправленіе къ статьѣ о дочери Нижегородскаго полка Маріи Дегуки /стр. 12 " Р.В.-И.В." № 10/: Марія Дегуки скончалась вовсе не въ Тифлисѣ,а въ Царскихъ Колодцахъ, тогдашней штабъ-квартирѣ полка, куда къ тому времени перешли Нижегородцы. Скончалась она не отъ скарлатины,а отъ развившейся чахотки. Никуда кн.И.Г.Амилахвари не былъ вызванъ, ибо Марія Дегуки жила въ его семьѣ. Вотъ какъ сказано про это въ исторіи полка: " Въ сухомъ климатѣ Царскихъ Колодцевъ Маша стала чувствовать себя хуже и зимой 1868-69 г. она тихо угасла. Похороны были торжественныя, всѣ офицеры и солдаты сопровождали гробъ " своей Маши " подъ трогательно-величавые звуки погребальнаго марша.

Къ этой же статьѣ г. Маркова, А.А.Лампе добавляетъ въ порядкѣ замѣчаннаго имъ " пропуска ", что и въ л.гв.Семеновскомъ полку была " дочь полка ", получившая при крещеніи имя Маріи. Марія Семеновская вышла замужъ за капитана Реданскаго и въ замужествѣ носила двойную фамилію - Семеновская - Реданская . Болѣе подробныя свѣдѣнія о дочери одного изъ двухъ старѣйшихъ полковъ нашей гвардіи читатели найдутъ въ исторіи л. гв. Семеновскаго полка, составленной Дириным.

" Дѣти полка " были и въ другихъ полкахъ русской арміи. Въ частности, напримѣръ, Лубенскіе гусары имѣли " сына полка " / кажется мальчика болгарина /, получившаго въ Россіи военное образованіе и ставшаго затѣмъ офицеромъ нашей арміи.

Однако, какъ мнѣ представляется, А.Л. Марковъ, составляя свой чрезвычайно интересный очеркъ о " дѣтяхъ полка ", вовсе не имѣлъ въ виду дать исчерпывающій матеріалъ на затронутую имъ тему,а хотѣлъ лишь указать на самый фактъ существованія въ старой русской арміи красивой и трогательной традиціи. Поэтому ни авторъ статьи, ни редакторъ журнала не заслуживаютъ въ данномъ случаѣ особаго упрека въ " пропускѣ ".

Интересно было бы выяснить вопросъ, когда и какъ возникъ у насъ этотъ обычай. Имѣлъ ли онъ иностранные или свои русскіе корни. Вообще вопросъ о традиціяхъ и обычаяхъ нашей старой арміи чрезвычайно интересенъ и такой талантливый эрудитъ, какъ А.Л.Марковъ, могъ бы дать въ нашемъ журналѣ на эту тему цѣнный очеркъ. Мы были бы ему очень благодарны.

РЕДАКТОРЪ.

СКОЛЬКО ЖЕ ВЕРСТЪ ПОКРЫЛЪ СОТНИКЪ ПѢШКОВЪ ОТЪ БЛАГОВѢЩЕНСКА ДО С.ПЕТЕРБУРГА НА СВОЕМЪ " СѢРКО ".

Вопросъ этотъ остается, повидимому, открытымъ, несмотря на то, что три автора тыкались на него отвѣтить. Дѣйствительно, на этихъ страницахъ, въ своихъ интересныхъ " Отрывкахъ Военнаго Прошлаго " /см. № 10 "ВѢСТНИКА"/ кн.В.И.Шаховской сообщилъ намъ, что Пѣшковъ покрылъ разстояніе въ 8.282 версты. Но въ газетѣ " Русская Мысль " / № 463 отъ 3 іюля с.г./г. Нилостонскій приводитъ цифру въ 12.000 верстъ, ошибочно приравнивая при этомъ версту къ километру. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, верста равна 1.067 метровъ, и, слѣдовательно, 12.000 верстъ равны 12.804 километровъ. И, наконецъ, въ № 12 "ИНФОРМАЦІОННАГО ЛИСТКА " Общества Любителей Русской Военной Старины говорится о разстояніи въ 7.500 верстъ. Можно было бы думать, что три автора пишутъ о трехъ различныхъ кавалерійскихъ пробѣгахъ. Ничего подобнаго; рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же пробѣгѣ сотника Пѣшкова отъ Благовѣщенска до С.Петербурга, совершенномъ въ 1890-мъ году, въ пять зимнихъ мѣсяцевъ, на конѣ "Сѣрко". Было бы интересно выяснить, на основаніи какихъ данныхъ три различныхъ автора, говоря объ одномъ и томъ же фактѣ, приводятъ столь различныя цифровыя данныя: Вѣдь несомнѣнно, что кто-то ошибается. Въ чемъ же дѣло? Хорошо было бы, если бы, авторы сговорились и сообща доискались истины. А пока-что оставимъ этотъ вопросъ открытымъ...

Х.Х.Х.

ВЫСТАВКА ИСТОРИЧЕСКИХЪ ФОРМЪ РУССКОЙ АРМІИ.

Въ текущемъ сезонѣ по иниціативѣ Общества Любителей Русской Военной Старины намѣчено устройство выставки работъ русскихъ военныхъ художниковъ полковника Корвинъ-Віерзбицкаго и капитана Крыхицкаго. Работы эти представляютъ собою гуаши и акварели, художественно и исторически точно воспроизводящія формы старой русской арміи эпохи двухъ послѣднихъ царствованій. 600 миніатюрныхъ гуашей / всѣ одного размѣра/ полковника Корвинъ-Віерзбицкаго и болѣе ста пятидесяти /разнаго формата/ акварелей капитана Крыхицкаго прекрасно дополняютъ другъ друга. Талантливые художники съ большимъ знаніемъ дѣла оживили и увѣковѣчили ушедшій красочный и красивый міръ, съ которымъ у насъ связано столько дорогихъ историческихъ воспоминаній и

традицій.

Было бы весьма желательно показать также и другія работы капитана Крыхицкаго / до 100 вещей /, посвященныя эпохамъ отъ Петра Великаго до Александра II-го включительно; такимъ образомъ мы увидѣли бы любопытную эволюцію формъ старой русской арміи за все время ея блестящаго существованія.

Какъ извѣстно, работы капитана Крыхицкаго будутъ вскорѣ переданы въ библіотеку du Musée de l'Armée, гдѣ онѣ найдутъ достойный пріемъ и не подвергнуться горькой участи всѣхъ эмигрантскихъ коллекцій - оказаться, рано или поздно, распыленными.

Остается пожалѣть, что выставка продлится только нѣсколько дней и что едва ли всѣ желающіе смогутъ ее посѣтить. Во всякомъ случаѣ, о днѣ ея открытія будетъ заблаговременно и широко объявлено.

А.К.С.

ЗНАКЪ ОТЛИЧІЯ

СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ.

Въ виду возникшихъ нѣкоторыхъ сомнѣній по поводу учрежденія " Знака Отличія Святой Равноапостольной Княгини Ольги " В.Г.фонъ Рихтеръ любезно сообщилъ мнѣ слѣдующее.

II-го іюля 1915 г. Правительствующему Сенату дано было высочайшее повелѣніе объ утвержденіи въ ознаменованіе 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ Статута " Знака Отличія Святой Равноапостольной Княгини Ольги ". Знакъ сей жаловался исключительно женщинамъ за заслуги на разныхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія, а также матерямъ героевъ, оказавшихъ подвиги. Знакъ трехъ степеней носится на лѣвомъ плечѣ, на бѣлой лентѣ. Крестъ - типа запрестольнаго креста X-го вѣка; I-я степень - золотой, 2-я и 3-я степени - серебряный, разной величины.

Статутъ, содержащійся въ высочайшемъ манифестѣ, напечатанъ въ газетѣ "Новое Время" отъ 30-го апрѣля 1915 г., № 14138. Въ той же газетѣ отъ 6-го апрѣля 1916 г. № 14397 напечатанъ высочайшій рескриптъ на имя вдовы полковника Вѣры Николаевны Панаевой о пожалованіи ей, на основаніи статьи 8-й статута, " Знака Отличія Святой Равноапостольной Княгини Ольги " 2-й степени и пожизненной пенсіи въ размѣрѣ 6-ти тысячъ рублей въ годъ. Въ слѣдующемъ № той же газеты помѣщена статья въ честь матери и трехъ ея погибшихъ сыновей-героевъ.

Не выясненъ вопросъ: есть ли въ серединѣ креста изображеніе Св. Ольги?

В.Г.КОВАЛЕВСКІЙ.

ИЗЪ ЛИЧНАГО АРХИВА ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I, В.К. КНОРРИНГЪ.[x]

Копія.

A Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies.

Brun le 4 Frimaire.

Sire!

J'envoye mon Aide de Camp le Général Launay près de V.M. pour la complimenter sur Son Arrivée à Son Armée.
Je le charge de Lui exprimer tout mon estime pour Elle et mon désir de trouver des occasions qui Lui prouvent combien j'ambitionne Son amitié. Qu'Elle les reçoive avec cette bonté, qui La distingue et me tienne comme un des hommes le plus désireux de Lui être agréable.
Sur ça je prie Dieu qu'Il tienne V.M. Impériale en Sa sainte et digne garde.

Napoléon.

Копія.

Olmitz.

Au Chef de la Nation Française!

J'ai bien reçu avec bien de reconnaissance la lettre, dont le Général Launay a été le porteur et je m'empresse de Vous en exprimer mes remerciements. Je n'ai pas d'autre désirs, que de voir la Paix de l'Europe établie avec la loyauté et sur des bases équitables. Je souhaite en même temps avoir l'occasion de pouvoir Vous être agréable personnellement.
Veuillez en recevoir l'assurance de même que celle de ma plus haute Considération.

Alexandre.

---

x/ Печатается съ разрѣшенія владѣлицы архива, графини И.К. Хойосъ.

ВНИМАНІЮ НАШИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Командиръ кадра 13-го Лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго Царя Михаила Ѳеодоровича полка, предоставилъ въ наше распоряженіе рукописъ обширнаго труда, Полковой исторической комиссіи названнаго полка, подъ заглавіемъ:

ЛЕЙБЪ-ЭРИВАНЦЫ ВЪ ВЕЛИКОЙ ВОЙНѢ.

Матеріалы для Исторіи полка въ обработкѣ Полковой исторической комиссіи подъ редакціей: Полковника В.В.Шидельскаго и Шт. Кап. К.С.Попова, трудъ, надъ которымъ комиссія работала -24 года. Въ условіяхъ нашей эмигрантской жизни этотъ манускриптъ представляетъ исключительное явленіе и идя на встрѣчу пожеланіямъ г.г.офицеровъ старѣйшаго полка Россійской Императорской арміи " РУССКІЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ "считаетъ своимъ долгомъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы столь цѣнный трудъ былъ сохраненъ для будущей Россіи.

Для этой цѣли открывается предварительная подписка, для изданія указанной рукописи въ гектографированномъ видѣ по образцу Военно-Историческаго Вѣстника, съ такимъ расчетомъ,чтобы каждая тетрадь,вложенная въ журналъ, послѣ выхода всѣхъ, предположенныхъ къ выпуску, пяти тетрадей, могла быть сброшюрована въ цѣльную книгу. Для всѣхъ изъявившихъ желаніе подписаться на указанное изданіе до конца текущаго 1952-го года, устанавливается цѣна для каждой отдѣльной тетради -300 фр.фр. для живущихъ во Франціи и $ -1,50 для всѣхъ прочихъ странъ. Запросы и деньги надлежитъ направлять на имя - Казначея Общества Любителей Русской Военной Старины, по слѣдующему адресу: Mr.A.Stakhovitch/ А.А.Стаховичъ /, 8, rue de Nanterre, 8, Asnieres/Seine, France.

Въ настоящемъ номерѣ, " РУССКАГО ВОЕННО - ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА " печатается одинъ маленькій отрывокъ изъ предлагаемой вниманію читателей книги, цѣнность котораго,читатель оцѣнитъ самъ.

..... 28 мая 1915 года, на биванѣ въ лѣсу у с. Ставки произошелъ не совсѣмъ обыкновенный эпизодъ: деньщики 2-го батальона явились въ штабъ полка и доложили,что деньщикъ убитаго въ бою 19 мая Прапор.Понятовскаго,гренадеръ Хрулевскій обокралъ своего убитаго барина; присвоивъ себѣ бумажникъ съ деньгами и часы-браслетъ покойнаго, причемъ, послѣдніе, носитъ на рукѣ.

- " Намъ непріятно это видѣть и даже стыдно "...говорятъ. Командиръ полка немедленно отдалъ приказъ объ арестѣ Хрулевскаго и о преданіи его военно-полевому суду. Предсѣдателемъ суда назначенъ Капитанъ Тимченко, членами: Поручики Тихоновъ и Багель и Подпоручики Поповъ и Гаттенбергеръ. Всѣ - кадровые офицеры полка. Судъ собрался немедленно, здѣсь-же на биванѣ,въ нашей импровизированной полковой столовой.

Всѣ мы, члены суда, были крайне взволнованы этимъ неожиданнымъ событіемъ, вспоминаетъ участникъ суда Подпоручикъ Поповъ. Полевой судъ! Это не шутка. Или виноватъ или не виноватъ. Виноватъ - разстрѣлъ; не виноватъ - свободенъ. Ничего промежуточнаго. Все это мы знаемъ и насъ это волнуетъ, такъ какъ деньщики если донесли, то не зря, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Мы заняли мѣста какъ за обѣдомъ. Тимченко во главѣ стола. Сейчасъ - же приведенъ былъ подсудимый подъ конвоемъ двухъ гренадеръ. Вдали, на почтительномъ разстояніи, съ затаеннымъ вниманіемъ, въ полной тишинѣ, какъ бы замерли группы гренадеръ, ожидая приговора.

Судоговореніе было коротко: - " Подсудимый Хрулевскій, ты обвиняешься въ томъ-то и въ томъ-то. Признаешь ты себя въ этомъ виновнымъ? " строго спросилъ предсѣдатель.

- " Такъ точно, Ваше Высокоблагородіе, признаю "произнесъ невзрачный на видъ подсудимый. Все это было такъ быстро и неожиданно, что какъ то не вѣрилось, что черезъ какихъ нибудь нѣсколько минутъ, случится - неизбѣжное...

Во всѣхъ арміяхъ міра, за мародерство - разстрѣлъ и мы это, понятно, всѣ знаемъ.

-" Уведите подсудимаго въ сторону на 100 шаговъ, "сказалъ Тимченко, обращаясь къ конвою. Подсудимаго увели.

- " Разрѣшите мнѣ слово, господинъ Капитанъ, " тотчасъ-же сказалъ Поручикъ Багель.

-" Говорите ", послѣдовало разрѣшеніе. - " Господа, сказалъ Багель въ волненіи, что-же мы, этого дурака должны будемъ приговорить къ разстрѣлу? Какъ хотите, но я противъ этого; разъ законъ не предусматриваетъ другого наказанія кромѣ разстрѣла, я готовъ его оправдать. Вѣдь это-же балда, вѣдь вы же его всѣ только что видѣли, укралъ часы и ихъ-же одѣлъ на руку... и за это разстрѣлъ? Нѣтъ! Я не согласенъ "... и сѣлъ.

- " Кто изъ васъ младшій? " спросилъ Тимченко.

- " Я, " сказалъ Подпоручикъ Гаттенбергъ.

- " Вы какого мнѣнія? "

- " На разстрѣлъ я не согласенъ."

- " А вы? "

- " Я тоже считаю, что это слишкомъ строго ", сказалъ я.

- " А вы? "

- " Я согласенъ съ Поручикомъ Багелемъ, " сказалъ Тихоновъ, " но только какъ-же быть? Вѣдь онъ сознался."

- " Полевой судъ, " сказалъ Тимченко, "не имѣетъ дѣлопроизводства, кто что сказалъ, нигдѣ не протоколируется. Мы судимъ по совѣсти и наше постановленіе - окончательно."

- " Тогда оправдать! " сказали всѣ въ одинъ голосъ.

Вотъ подсудимый снова приведенъ для выслушанія приговора. Наступила торжественная минута.

- " Прошу васъ встать, господа, "... сказалъ Тимченко; и затѣмъ, обращаясь къ подсудимому сказалъ: - " Вотъ что, Хрулевскій, ты совершилъ подлый поступокъ и полагается тебѣ по закону смертная казнь..... Но мы рѣшили, дать тебѣ возможность кровью своею загладить твое преступленіе. Мы тебя оправдали.

Понялъ? "

Все здѣсь изложенное заняло такъ мало времени, такъ было неожиданно и ошеломляюще и для подсудимаго и для конвоя и насъ судей, въ томъ числѣ, что я помню только, какъ подсудимый бросился на колѣни и поклонился намъ до земли. Приговоръ былъ принятъ всѣмъ полкомъ съ видимымъ удовлетвореніемъ, хотя и деньщиковъ никто не упрекнулъ, а у насъ судей, какъ камень съ души сорвался.

..... А черезъ нѣсколько дней, мой деньщикъ Антонъ Ведлуга мнѣ говоритъ: " Ваше Благородіе, этого полячка, что вы оправдали, Богъ приговорилъ къ разстрѣлу, шрапнелью убило..."

- - - - - - -

Въ слѣдующемъ номерѣ " Вѣстника " будутъ впервые напечатаны воспоминанія генерала-отъ-кавалеріи Георгія Оттоновича Рауха. Воспоминанія эти озаглавлены " Мои пажескіе годы 1879-1882 ".

О Б Р А Щ Е Н І Е.

Редакторъ " РУССКАГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА " А.К. Савицкій, будетъ благодаренъ за сообщеніе любыхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи С.Петербурга, какъ спеціально, "военной столицы" Россійской Имперіи.

Особенно желательно было бы получить свѣдѣнія о типичныхъ бытовыхъ чертахъ военно-историческаго Петербурга; о выдающихся военныхъ петербуржцахъ, объ архитектурныхъ памятникахъ, связанныхъ съ нашимъ военно-историческимъ прошлымъ, /храмы, дворцы, казармы, памятники лицамъ и событіямъ и т,п, /; о мѣстонахожденіи старыхъ гвардейскихъ казармъ / Петербургъ и его окрестности /, военно-учебныхъ заведеній и административныхъ учрежденій; о военныхъ парадахъ и смотрахъ, въ особенности, когда они происходили въ Высочайшемъ присутствіи; обо всемъ ушедшемъ, военномъ петербургскомъ бытѣ дореволюціонной эпохи.

Старшія поколѣнія русскихъ военныхъ бережно хранятъ въ своей памяти много дорогихъ воспоминаній о старомъ военномъ Петербургѣ. Эти воспоминанія, несомнѣнно, заслуживаютъ быть и должны быть переданы потомству.

Съ 1703-го года Санктъ - Петербургъ неизмѣнно стоялъ на стражѣ нашей родины, Россіи. Въ 1953-мъ году, черезъ 250 лѣтъ его хочется помянуть добрымъ искреннимъ словомъ. И это не только наше общее желаніе, это - нашъ патріотическій долгъ, священный долгъ. Но выполнить его добросовѣстно и съ честью можно только общими усиліями.

- - - - - - -

Покорнѣйшая просьба направлять всѣ матеріалы на имя редактора журнала, Андрея Казиміровича Савицкаго - Mr. A.Savitzky, 3, rue Désiré Bertrand, 3, BEAUBONNE (S. et O.) France.